

Правительство Москвы
Комитет межрегиональных связей
и национальной политики

Учреждение Российской академии наук
Институт славяноведения РАН

Славянский фонд России

Государственная академия славянской культуры

Славянский мир в третьем тысячелетии

**Россия и славянские народы
во времени и пространстве**

Москва 2009

Правительство Москвы
Комитет межрегиональных связей
и национальной политики

Учреждение Российской академии наук
Институт славяноведения РАН

Славянский фонд России

Государственная академия славянской культуры

Славянский мир в третьем тысячелетии

Россия и славянские народы
во времени и пространстве

Москва 2009

Редакционная коллегия:

Боголюбова Г. В.
Лемперт П. И.
Никифоров К. В.
Коненкова А. К.
Страховская И. Г.
Узенева Е. С. (отв. редактор)
Карасев А. В.
Данченко С. И.
Чепелевская Т. И.

В мае 2009 г. Комитетом межрегиональных связей и национальной политики Правительства г. Москвы, Славянским фондом России, Институтом славяноведения РАН, Государственной академией славянской культуры проводится международная научная конференция на тему: «Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве».

В данный сборник включены доклады и сообщения участников научной конференции. В публикуемых докладах и сообщениях освещаются различные аспекты истории, истории культуры, лингвистики, литературоведения славянских народов, истории славистики. Особое внимание уделено рассмотрению исторических и культурных связей России и Болгарии. Ряд авторов сосредоточили свое внимание на современных проблемах развития славянских литератур и языков, культурного взаимодействия России и славянских народов.

ISBN 978-5-7576-0234-9

© Институт славяноведения РАН, 2009.
© ГАСК, 2009.

Приветствие Президента Славянского фонда России

Дни славянской письменности и культуры в России – это уникальный церковно-государственный праздник.

В рамках этого праздника проводится много различных культурных и научных мероприятий. В том числе стало уже традицией проведение Комитетом межрегиональных связей и национальной политики Правительства г. Москвы, Славянским фондом России, Институтом славяноведения РАН, Государственной академией славянской культуры международной научной конференции под общим названием: «Славянский мир в третьем тысячелетии». В центре внимания данной конференции находятся проблемы взаимоотношений славянского мира и России.

Россия – самая крупная славянская страна в мировом культурном пространстве, она пережила немало сложных и трагических периодов в своем историческом развитии, но несмотря ни на что ей удалось сохранить свою неповторимую духовную ментальность, впитавшую в себя своеобразие культур российских народов, неразрывно связанную с православием.

Многообразны и плодотворны исторические связи России и других славянских народов. Мы с благодарностью чтим память великих просветителей славянских Кирилла и Мефодия, которые внесли огромный вклад в распространение христианства у славян и в приобщение славянских народов к мировым культурным ценностям. Благодаря переводам Кирилла и Мефодия, а также их учеников, древняя Русь получила доступ к христианской книжности. Это было осуществлено главным образом при посредстве Первого Болгарского царства. И в дальнейшем, несмотря на все невзгоды и трудности, не прерывалась нить взаимного сотрудничества и взаимного обогащения культурными ценностями между Россией и славянами.

Огромна заслуга православной Церкви в становлении и развитии межславянских связей. Именно Церковь способствовала развитию и становлению государственности, именно Церковь сыграла огромную роль в приобщении славянских народов к мировой цивилизации, мировой культуре.

И в наше непростое время Россия и славянские народы постоянно ощущают потребность во взаимном общении, в развитии культурных, научных, экономических и политических контактов.

Выражаю уверенность в том, что нынешний симпозиум послужит делу сохранения и обновления духовных основ культуры славянских народов, явится мощным импульсом для новых научных исследований.

Поздравляю всех с праздником Славянской письменности и культуры!

Желаю всем добра, счастья, духовной гармонии и самосовершенствования!

*Президент Славянского фонда России
Г. В. Боголюбова*

I. Болгария и Россия: взаимоотношения в истории и культуре

И. Ф. Макарова

Структура самоидентификации православных болгар в XV – середине XVIII вв.

Для болгар вопросы, связанные с идентичностью особую остроту приобрели в эпоху османского владычества (1393–1878). Суть проблемы состояла в том, что в условиях созданного османами теократического общества этнический принцип стратификации населения полностью уступил место конфессиональному, а в качестве единственного легитимного органа, уполномоченного представлять перед султаном и Портой интересы иноверцев новые власти признавали исключительно институты церкви. Всех приверженцев основных исповедуемых в стране религий вплоть до XIX в. разделяла юрисдикция четырех официальных церковно-административных структур – мусульманского, греко-православного, армяно-григорианского и иудейского миллетов (общин)¹. Каждому из миллетов гарантировался автономный конфессионально-юридический и церковно-административный статус, его глава (у православных эта роль отводилась Константинопольскому патриарху) имел чиновничий ранг, равный везиру, а сами церковные иерархи приобретали по отношению к своей пастве расширенные и невиданные прежде полномочия.

В случае совпадения конфессиональных параметров с этническими (как это, например, имело место в случае с евреями и армянами) замкнутая система миллетов невольно начинала способствовать процессам этнической консолидации. И, наоборот, в этнически смешанных образованиях (мусульманском и православном миллетах) условия для нивелирования национальных особенностей и развития ассимиляционных процессов оказывались весьма благоприятными. Именно с этой угрозой, угрозой потери собственного этнокультурного лица, и столкнулись после ликвидации Тырновской патриархии (рубеж XIV–XV вв.) и вхождения в состав греко-православного

миллета болгары. Причем, по сравнению с греками и сербами положение этого народа изначально оказалось исключительно невыгодным. В системе новых реалий само наличие этнически ориентированных церковных структур, каковыми для греков и сербов фактически стали Константинопольская и Печская патриархии, создавало потенциальную возможность для возникновения центров национального притяжения. Болгары же вплоть до учреждения Портой в 1870 г. нового болгаро-православного миллета (экзархии) подобного центра оказались лишены полностью. В этом контексте особый интерес, на наш взгляд, вызывает попытка выявления и изучения тех скрытых механизмов, с помощью которых этот народ все же смог на протяжении пяти столетий противостоять естественному в создавшихся условиях ассимиляционному натиску.

В данной статье предполагается обратить внимание лишь на один из аспектов этой проблемы, связанный с изучением степени влияния общественного сознания на процесс формирования нации. Выбор хронологических рамок работы (XV в. – середина XVIII в.) соотносится с общепринятой периодизацией. Рассматриваемая эпоха предшествует началу так называемого «болгарского национального возрождения». К тому же, именно в данный период воздействие факторов системного характера прослеживается наиболее определенно.

Отчасти тематика, касающаяся особенностей общественного сознания болгар в XV–XVIII вв., в исторической науке уже разрабатывалась². Поэтому основное внимание в статье будет акцентировано на слабо изученных вопросах, связанных со структурными изменениями в системе самоидентификации. Работа строится на привлечении широкого круга источников (сочинения книжников, рукописные сборники, церковная документация, памятники фольклора, наблюдения иностранцев), однако необходимо сразу оговориться, что их крайняя фрагментарность позволяет выявить лишь общие контуры некой тенденции, причем, зачастую на гипотетическом уровне.

Тезис о сложной иерархической структуре национального самосознания, включающего в себя представления различных таксономических уровней, пользуется в современной науке большой популярностью³. По мнению исследователей, для Балкан доосманского периода наиболее типичным был комплекс, включающий в себя три уровня – представления о единстве рода, государственной принадлежности и вероисповедания⁴. Следствием этого явилась тенденция к распространению в среде болгар этнополитической формы самосознания⁵. Однако интеграция в состав Османской империи уничтожила объективные предпосылки для ее развития. В первую очередь изменения коснулись смыслового содержания болгарского этнонима, который в международной этнической номенклатуре ранее был тесно связан с обозначением категории подданства⁶. Проведенный И. Гылыбовым специ-

альный анализ огромного массива османской документации XV–XVI вв. показывает, что употребление этнонима в этом виде источников приобрело разовый характер⁷. Вслед за документами османской канцелярии он постепенно исчез и из международных актов. На смену ему пришел собирательный и в значительной степени условный термин «греки» или «ортодоксы»⁸.

Пятнадцатым веком можно, по всей видимости, датировать и начало усложнения внутренней структуры самоидентификации болгар. Османское завоевание предопределяло неизбежность принятия новых отношений государственной принадлежности. Процесс их осознания осложнялся, однако, тем, что система правовых реалий османского общества фактически подразумевала для христиан схему двойной юрисдикции – одновременно по отношению к султану и константинопольскому патриарху.

Как уже упоминалось, в рамках православного миллета правовой статус православной церкви и вселенского патриарха по сравнению с доосманским периодом оказался резко расширен⁹. По аналогии с собственными религиозными учреждениями османы наделили эту структуру реальным финансово-экономическим иммунитетом. Церковные власти были обязаны вносить в государственную казну определенные отчисления, сохранив во внутренних делах полную самостоятельность. Им были также делегированы не типичные для них прежде судебные и отчасти судебно-исполнительские функции. Особенно это касалось области семейно-брачных и наследственных отношений, где османское государственное право (основанное на шариате) не могло применяться к иноверцам. В новых условиях священники не только сохранили в полном объеме церковную власть над прихожанами, но и дополнили ее элементами судебно-административной: подобно кади они заверяли завещания, торговые сделки, договоры, т. е. брали на себя функцию низшей судебной инстанции. По мнению одного из наиболее авторитетных болгарских османистов Е. Гроздановой, благодаря их деятельности вмешательство османской администрации во внутренние дела и повседневную жизнь болгар оказывалось на практике не так уж велико. Вопросы в области семейного, наследственного и договорного права духовенство решало самостоятельно на основе положений канонического церковного и традиционно-обычного права. В османские судебные инстанции священники передавали дела лишь в исключительных случаях, выступая на них при этом в качестве свидетелей, поручителей и представителей своих односельчан¹⁰.

Фактически участие церковных иерархов в светской жизни православной паствы выросло настолько, что некоторые исследователи считают даже возможным ставить вопрос о правомочности сравнения константинопольского патриарха с преемником византийского императора, а митрополитов и епископов с его заместителями, правившими в своеобразном «государстве в государстве», учрежденном османами внутри собственной империи¹¹. Без-

условно, данная аналогия носит образный характер и не претендует на политическую корректность. Важной представляется иная сторона вопроса: возникшая правовая коллизия создавала для иноверцев возможность существовать (на субъективном уровне) параллельно как бы в двух реалиях. В качестве верноподданных султана они разделяли вместе с мусульманами весь ход социально-экономической и политической жизни, переживая ее взлеты и падения, годы благоденствия и кризисов. В качестве же членов греко-православного миллета христиане жили своей изолированной духовной и этнокультурной жизнью. Таким образом, возникала ситуация, которую общественное сознание вполне могло начать интерпретировать как некий аналог системы двойного подданства. И действительно, в некоторых южнославянских источниках XV–XVII вв., связанных своим происхождением с Фракией, Мизией и Македонией, т. е. ареалом расселения болгар, элементы такой трактовки прослеживаются.

Прежде всего бросается в глаза факт безусловного признания книжниками законного характера власти султана. Об этом свидетельствует, в частности, закрепление за ним в приписках к рукописным сборникам сакрального для славян титула «царь» и производного глагола «царствовать», которые в различных модификациях встречаются на всем протяжении XV–XVIII вв.. Например: «царь», «царь султан», «царь всей земли Романиской и Македонской и Българской и Сръбской» и т. д.¹² Одновременно в тех же источниках можно обнаружить трактовку статуса церковных иерархов в значении, приближенном к рангу правителей конкретных областей. Такой подход особенно типичен для первых двух веков османского господства. Например, в приписке к Номоканону (вторая половина XV в.), сообщающей о поездке охридского архиепископа Дорофея, прямо говорится, что он объезжал «весы и села и градовы по области државы своее црковнаа»¹³.

Большое распространение получила у летописцев и датировка событий одновременно по времени правления султана и православного владыки. В текстах обычно сообщается, что некое событие произошло при султани «Х» и при митрополите «У». Например, «при царе султан Сулименеа и при владыки софиском Диомидием»¹⁴. Однако необходимо сразу оговориться, эта формула имела еще доосманское происхождение. Подробное ее объяснение приводится в Эпанагоге – известном византийском сборнике правовых норм (IX в.). В ней православное государство сравнивалось с телом, церковь с душой общества, а степень благополучия граждан связывалась с уровнем гармонии между ними. Используемая некогда по отношению к христианскому государю и церковному иерарху древняя формула подразумевала их взаимную ответственность за судьбы подданных. Формальная замена имени православного царя на имя султана превращала ее, строго говоря, в бессмыслицу. Нельзя, однако, исключать, что в новых условиях

традиционное клише было переосмыслено книжниками заново, как исключительно точно отражающее современные реалии. Возможно, об этом же свидетельствуют и отдельные случаи упоминания в летописных записях имени лишь одного духовного владыки. Так, например, в приписке к Четвероевангелию, переписанному в 1573 г. в плевенском селе Горна Митрополия священником Димитром, сказано, что в это время «обладающе българскую землю благочестивому архиепископу Кир Арсению»¹⁵. При этом имя султана не упоминается вовсе.

Данное наблюдение свидетельствует и о тенденции к конфессионализации общественного сознания. Если в последние десятилетия существования Второго Болгарского царства религиозная принадлежность воспринималась, в значительной степени, как атрибут национальной этнополитической системы, занимая подчиненное положение по отношению к категориям подданства¹⁶, то к XVI в. собственно конфессиональный компонент сознания постепенно выдвигается на первый план. Активизации данного процесса способствовали и инициативы Константинопольской патриархии. Распространение ислама вынуждало ее решать труднейшую задачу консолидации разноплеменной паствы. Идея вселенского православия, не денационализации, а равенства всех православных народов перед Богом и патриаршим престолом начала постепенно доминировать в ее деятельности.

Одним из способов распространения в обществе общехристианских установок можно считать создание и популяризацию в XVI в. новых церковных культов, прославляющих новых мучеников, погибших от рук турок. Заказчиком этого корпуса мартирий выступила Константинопольская патриархия, она же внимательно заботилась об их тиражировании и распространении в регионах. Характерной особенностью этих мартирий стала откровенная космополитическая тональность и тщательное избегание каких-либо этнических привязок. В отличие от аналогичных произведений доосманской эпохи национальная принадлежность героев как бы вообще перестала существовать. Вне зависимости от места событий, будь это Константинополь, Янина или София, мученический венец за православную веру принимали не греки или болгары, а христиане без рода и племени. Подавляющее большинство произведений было посвящено греческим неомученикам, но среди них можно обнаружить и двух казненных в XVI в. болгар – Георгия Нового и Николая Софийского. В их житиях обращает на себя внимание полный отказ авторов (священника Пейю и Матвея Грамматик) от использования этнонимов. Вместо них употребляются религиозные клише – «христиане», «христианский род», «православных сословие» и т. п.¹⁷. Одновременно трактовка православия приобретает расширенный смысл, сопоставимый с родовым признаком («отеческое предание»)¹⁸.

О результативности политики Константинопольской патриархии можно судить по материалам болгарских рукописей. Вплоть до середины XVIII в.,

а точнее до появления «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского (1762), этноним употреблялся книжниками чрезвычайно редко. Вместо него использовался термин христиане. Например, в приписке от 1716 г. к одной их богослужебных книг говорится о «бунтах среди христиан»¹⁹. В Минее из Македонии 1725 г. упоминается об эпидемии среди «христиан и турок»²⁰. И даже к концу столетия эта традиция меняется весьма незначительно. Приписки к рукописям двух последних десятилетий XVIII в. (эпохи разгула кырджалийских банд), буквально переполненных жалобами по поводу несчастий, обрушившихся на головы местного населения, говорят о «христианах». Если этноним изредка и встречается, то в основном вместе с конфессионимом, как бы слегка конкретизируя его (например, «страдания бедных христиан... болгар») ²¹.

Анализируя последствия воздействия церковной пропаганды на самосознание болгарского народа, специалисты склонны оценивать их по отношению к XVIII в. как весьма результативные. Наблюдения показывают, что к середине столетия осознание приверженности к общехристианской религиозной общности занимало едва ли не главенствующее место в самосознании болгар²². Одним из наглядных проявлений данной тенденции явилось, в частности, широкое распространение в болгарских землях культов общеправославных святых в ущерб местным²³. А записи в афонских монастырях и скитах, регистрировавшие в XVIII в. своих дарителей, показывают, что болгары-паломники щедро одаривали в то время все обитатели, не выделяя особенно болгарские или славянские²⁴.

Однако абсолютизировать степень воздействия механизмов системного характера (в лице миллетов) и церковной пропаганды все же вряд ли стоит. Уникальным памятником, свидетельствующим о жизненности собственно этнического компонента самосознания, является Помянник дарителей болгарского монастыря Зограф на Афоне²⁵. Этот документ был начат монахами в 1527 г. для регистрации паломников-дарителей и регулярно заполнялся на протяжении всего XVI–XVII вв. Запись осуществлялась по схеме, в основе которой лежал этнотерриториальный принцип. В соответствии с местом жительства паломников регистрировали в разных рубриках – Болгарская земля, Сербская земля, Греческая земля, Молдовахия и т. д., что указывало на сохранение четких представлений об этнических категориях и границах официально несуществующих этнических территорий. Например, под рубрикой «Болгарская земля» в источнике чаще всего регистрировались населенные пункты в следующих пределах: на севере от Силистры до Видина, на западе до Чипровца и Пирота, на юго-западе до Скопье и Костура, а на юге до Неврокопа и Станимака. Поскольку на протяжении почти двух столетий документ заполнялся разными людьми, в Помяннике можно встретить путаницу при классификации ряда населенных пунктов. Прежде всего это

относится к районам, расположенным в этнически смешанных зонах. Наиболее ярким примером может служить Македония, города которой (Битоля, Прилеп, Велес, Скопье и др.) попеременно встречаются то в рубрике «Болгарская земля», то в рубрике «Сербская земля». Однако в целом путаница для Помянника не типична. Создается впечатление, что монахи достаточно хорошо ориентировались в этнической географии Балкан, особенно в регионе расселения болгар. Во всяком случае, основная часть болгарских этнических территорий, к которым отнесены все поселения центральной, северной и северо-западной части современной Болгарии (вся Загория, Ловеч, Габрово, Етрополе, Враца и т. д.; а также районы Пловдива и Разлога) в рубрике фиксируется стабильно. В качестве западной этнической границы Помянник указывает города Ниш и Лесковац, которые последовательно упоминаются под рубрикой «Сербская земля».

Материал Зографского помянника позволяет делать вывод о присутствии в обществе элементов не только этнического, но и общebolгарского сознания. Сохранение последней формы представляется особенно важным, поскольку, по наблюдениям исследователей, в XVI в. уже начал набирать динамику противоположный процесс – распространение узколокальной формы самосознания²⁶. В качестве одного из его конкретных проявлений обычно указывается чрезвычайно редкое использование книжниками такого понятия как «болгарская земля» (если не считать новых списков сочинений периода Первого и Второго Болгарского царства). В тех редких случаях, когда его удается обнаружить и когда контекст позволяет делать выводы о смысловой нагрузке, подчас оказывается, что под ним подразумеваются лишь границы Тырновской митрополии. Таковы, например, были взгляды сельского священника Димитра из-под Плевны. В своей приписке к Четвероевангелию (1573) он вполне определенно называет «болгарской землей» область, относящуюся к юрисдикции тырновского митрополита²⁷. Полностью исчезает из современных источников и термин «Болгария». Им, равно как и понятиями «Сербия», «Греция», в XVI–XVIII вв. продолжают пользоваться лишь иностранные путешественники.

Одновременно меняется и смысловая функция слова «отечество». По наблюдениям Д. Ангелова, употребление этого понятия в IX–XIV вв. имело тенденцию к постепенному приобретению широкого этнополитического значения в противовес изначально существовавшей традиции обозначения им конкретного места рождения²⁸. В условиях османского владычества этот процесс быстро пошел на спад. В агиографических произведениях болгарских книжников начала XV в. еще можно наблюдать двоякое употребление термина – в узколокальном и широком этнополитическом или этнотерриториальном значении. Например, Константин Костенечский в Житии Стефана Лазаревича говорит, что отечеством этого деспота была земля «от древле нарекса се...

сръбскаа»²⁹, но в других случаях указывает конкретные населенные пункты. Например, отечеством хана Тамерлана названо местечко «Отрарь»³⁰. В памятниках XVI–XVII вв. – мартириях и приписках к рукописным сборникам – не обнаруживается уже и намек на употребление этого слова в широком значении. Так для мученика Георгия Нового отечеством названо Кратово, для Георгия Новейшего – София, для Николая Софийского – Янина, для первопечатника Якова Крайкова – местечко Камена река в Македонии³¹.

Думается, распространение представлений, связанных с осознанием себя членом местной территориальной общности, явилось естественным следствием уничтожения османами всех внешних символов единства болгарского народа, а также общего процесса деградации его культуры. Вместе с тем, данный подход мог способствовать сохранению собственно этнической окраски самоидентификации. Развитие узколокальной формы сознания не мешало сохранению населением понятий, типичных для обыденного уровня сознания (важной составной частью которых является признак родовой принадлежности). Одновременно именно эта форма вполне могла препятствовать распространению категорий общего плана, к которым в османский период и относилось, прежде всего, осознание причастности к греко-православному миллету.

Что касается широких народных масс, то в этой среде самосознание продолжало, по всей видимости, сохранять вполне определенную этническую окраску на всем протяжении XV–XVIII вв. Об этом свидетельствуют многочисленные путевые заметки иностранцев, посещавших в этот период Балканы. Их дневники не только пестрят указаниями об этническом составе различных населенных пунктов, но и содержат сведения о границах расселения различных этносов. Однако эту информацию они могли получать лишь в случае достаточно четких ответов со стороны местных жителей (или переводчиков), а также на основе личных наблюдений, связанных с демонстрацией ими комплекса этноразграничительных признаков (язык, одежда, обычаи и т. д.), т. е. при условии сохранения собственно этнической формы самосознания.

В этой связи стоит обратить особое внимание на записи путешественников, прибывавших в Османскую империю по традиционному пути Вена–Белград–София–Адрианополь–Стамбул. Проезжая район между Белградом и Софией, многие из них на удивление дружно фиксировали формально несуществующую этническую границу между сербами и болгарами. По их мнению, совпадающему, кстати, с данными Зографского помянника, эта граница проходила по реке Нишаве, а пограничным сербским городом был Ниш³². На эту этнически пограничную зону чаще всего приходились и записи, содержащие красочные описания национальных костюмов, народных обычаев и традиций. В середине XVI в. особенно много места в своих днев-

никах уделил этнографическим зарисовкам участник немецкой дипломатической миссии Х. Дерншвам³³.

Связывая эти наблюдения с общей тенденцией конфессионализации сознания, необходимо отметить, что выявленное несоответствие в соотношении его основных компонентов у представителей разных социальных групп не в последнюю очередь связано, по всей вероятности, с проблемой влияния обыденного сознания и идеологии на процесс самоидентификации этнической общности. Благодаря воздействию идеологического фактора у образованных слоев сознание этнической принадлежности оказывалось в большей степени подчинено конфессиональному фактору, чем у народных масс. В народной же среде собственно этнический компонент самосознания продолжал играть, по всей видимости, более значительную роль на всем протяжении рассматриваемого периода.

Отмечая значение конфессиональной и этнической таксономии в структуре самоидентификации болгар, необходимо отметить присутствие в ней также некоторых специфических черт, связанных, по всей вероятности, с процессом народного мифотворчества и формированием того виртуального пространства, который в среде современных исследователей принято зачастую называть мифами общественного сознания. Что касается болгар, то создается впечатление, что присутствие элемента неоднозначности вокруг трактовки категории подданства породило в их среде всплеск фантазий именно на эту тему. В этой связи хотелось бы более подробно остановиться на той роли, которую могли играть в этом процессе воспоминания, связанные с идеей национальной государственности.

Решающая роль в сохранении в памяти обрывков воспоминаний о прежних категориях подданства принадлежала все той же православной церкви, точнее сохранению традиционной богослужебной практики, в ходе которой прихожане имели возможность приобщаться к крупным историческим знаниям. В этом отношении особой информативностью отличались синодики, в которых встречались упоминания о болгарских царях и наиболее важных событиях доосманского периода (например, Синодик царя Борила). Информацию о болгарских царях и наиболее важных событиях прошлого можно было почерпнуть также из помянников. Уникальным примером такого рода может служить список помянника Зографского монастыря 1502 г., в котором приводится список болгарских царей (в него внесен, кстати, и сын последнего тырновского царя Ивана Шишмана Фружин, так никогда и не вступивший на престол)³⁴.

Важнейшие историко-информативные функции выполняла агиография, часто используемая для чтения в массовой аудитории. Особенно это касалось житий местных святых или тех, чьи мощи хранились в болгарских землях. Например, в особо популярном у болгар Житии Ивана Рильского можно об-

наружить подробное повествование о встрече святого с болгарским царем Петром, в Похвальном слове Евфимию Тырновскому сведения об истории завоевания Болгарии османами и т. д. Особой исторической ценностью обладали прилагающиеся к житиям пояснения об обстоятельствах появления мошей в болгарских землях. Поскольку чаще всего реликвий попадали в Болгарию в качестве военных трофеев, повествование нередко превращалось в панегирик военной доблести древних болгарских царей. В качестве яркого примера такого рода можно привести Похвальное слово Иоанну Поливотскому, содержащее пространный рассказ об обстоятельствах пленения в 1205 г. болгарским царем Калояном латинского императора Балдуина.

Непосредственно в самой народной памяти также хранилась информация о былой государственности. Население использовало топонимы, напоминавшие о царском достоинстве своих прежних правителей: Царевец, Царева ливада, Царев дол, Царевы кладенцы и многие другие названия³⁵. Из поколения в поколение пелись песни, передавались сказания и легенды, главными героями которых выступали реальные правители последнего периода существования болгарского царства. Среди наиболее популярных персонажей, имевших реальные исторические прототипы, можно упомянуть феодального правителя из Македонии Марко Кралевича и последнего тырновского царя Ивана Шишмана. Иностранцам – австрийскому дипломату К. Шеперу, его соотечественнику В. фон Шайнаху, немецкому дипломату Х. Дерншваму, французу Ж. Форизьену и многим другим, посещавшим болгарские земли в XVI–XVIII вв., не раз доводилось слышать песни, в которых фигурировали эти персонажи³⁶.

Стоит особо отметить, что в народной памяти биографии правителей имели очень мало общего с действительностью. Например, турецкий вассал Марко превратился в центральную фигуру цикла с ярко выраженной антиосманской направленностью, а царь Шишман, бесславно закончивший свою жизнь в Пловдиве в качестве турецкого пленника в 1395 г.³⁷, в героя болгарского сопротивления. В сказаниях, сохранившихся в разных областях Балканского хребта и Фракии, рассказывается о бесчисленных ратных подвигах дружины Шишмана и его героической смерти в битве под Самоковым³⁸. В западной Болгарии предания связывают последнюю битву Шишмана с Софийским полем³⁹. О степени популярности легенд такого рода может свидетельствовать приписка к одному из рукописных сборников середины XV в., в которой книжник с полной определенностью сообщает, что «последний император великий болгарский» Иван Шишман был убит у града Самокова после тридцати лет борьбы с турками⁴⁰.

На усложнение структуры самоидентификации могло также влиять и присутствие в среде болгар элементов смутных представлений о наличии

некой таинственной связи между уничтожением собственной государственности, падением Константинополя и возвышением Руси.

Тема захвата Константинополя турецкими войсками (1453) у православных книжников обычно ассоциировалась в XV в. с предзнаменованием ожидавшегося в 1492 г. конца света. Об этом наглядно свидетельствует большое количество появившихся после 1453 г. новых славянских списков пророчеств эсхатологического толка. Что касается устной народной традиции, то у болгар в ней иногда прослеживаются контаминации с повествованием о конце собственного царства. В наиболее последовательной форме фантазии подобного рода можно обнаружить в болгарском варианте знаменитого греческого песенного цикла о смерти Константина IX Палеолога и его жены Елены. В одном из его вариантов византийский император представлен в качестве последнего болгарского царя, гибель которого знаменует собой и конец болгарской государственности⁴¹. Безусловно, контаминации подобного рода вполне могли быть случайностью, однако нельзя все же полностью исключать, что память болгар о принадлежности к некоей единой православной общности, центром и олицетворением которой для средневекового православного мышления действительно являлся Константинополь, могла влиять на восприятие событий.

В болгарском фольклоре обнаруживается и тема болгаро-русских династических контаминаций⁴². Скорее всего, их появление явилось отголоском циркулировавших на православном Востоке предсказаний о мессианском предназначении России. Сущность представлений подобного рода, зарождение которых датируется исследователями началом-серединой XVI в., сводилась к попытке трактовать Русь в качестве наследницы Византийской империи, чье призвание – освобождение православных народов от агарянского рабства⁴³. Одним из наиболее знаменитых пророчеств, оказавшихся у истоков легенд этой направленности, стало сказание о надписи на гробе Константина Великого, истолкованное в XV в. будущим патриархом Геннадием Схоларием в том смысле, что туркам удастся покорить Константинополь, но затем они будут уничтожены. С течением времени это довольно туманное высказывание приобрело более определенную прорусскую направленность. В наиболее популярной в XVII–XVIII вв. версии оно гласило, что в Константинополе турки будут властвовать долго, но затем «русский народ, соединясь со всеми языками, желающими мстить Измаилу, его победит вторично»⁴⁴.

В народной среде представления о мессианском предназначении Руси естественным образом фокусировались на более понятной для обыденного сознания персоне царя. При этом у болгар неожиданно всплывала тема династических контаминаций. Обнаруживаются они, в частности, в одном из вариантов двух исторических сказаний о судьбе последних (причем, в обоих случаях мифических) болгарских царей – Константина и Асеня⁴⁵. Первое

сказание относится к широко известному на Балканах и уже упоминавшемуся песенному циклу о смерти царя Константина. В данном варианте этот образ совместил в себе сразу трех исторических персонажей – Константина Великого, последнего византийского императора Константина Палеолога и последнего тырновского царя Ивана Шишмана. Речь в нем идет о гибели константинова царства и чудесном спасении царевичей на севере. Второе повествует о судьбе еще одного якобы последнего болгарского царя – Асеня. В тексте рассказывается о завоевании Болгарии турками, бегстве Асеня в Россию и женитьбе его сына на дочери русского царя. В наследство от отца юноша получает корону древних болгарских царей и важные документы, хранителем которых отныне становится русский правящий дом. Затем он отправляется на родину предков для поиска тщательно спрятанной и завещанной ему державной сокровищницы, находит ее в окрестностях Софии в селе Урвич и благополучно переносит в Россию. Так, согласно логике повествования, Россия превращается в страну проживания наследников болгарского престола, местом хранения их регалий власти и казны. Соответственно закладывается установка, что «истинный» царь болгар (в лице наследников) жив, скрывается в России и лишь дожидается часа своего возвращения.

Обращаясь к истокам зарождения подобных фантазий нельзя исключать, что их катализатором невольно могли оказаться некоторые вполне конкретные события XVI–XVII вв. К одним из них, возможно, следует отнести распоряжение константинопольского патриарха Иоасафа, предписавшего в 1561 г. всем епархиям своего диоцеза регулярно поминать в церковных службах имя московского государя. Это распоряжение сопровождало церемонию признания Константинопольской патриархией царского достоинства Ивана IV. Однако текст здравницы в восприятии неискушенной аудитории звучал несколько двусмысленно. Без каких-либо дополнительных пояснений прихожанам приходилось регулярно слышать во время службы здравницу русскому царю, в отношении которого употреблялось местоимение «наш» и имя которого ставилось в один ряд с царями древности. В тексте прямо провозглашалось: «Поддай Господи многолетнее здравие благоверному и благочестивому Царю нашему Ивану как и прежним древним царям»⁴⁶. Сохранились сведения, что и после смерти Ивана IV данная практика сохранялась⁴⁷.

Другим источником для активизации народного мифотворчества могли оказаться слухи о судьбе потомков болгарских династий Срацимировичей и Шишмановичей (скорее всего, мнимых). Известно, в частности, что после подавления Второго Тырновского восстания (1686) один из его непосредственных руководителей – Ростислав Срацимир (по слухам из династии Срацимировичей) нашел убежище в Московском государстве. Он получил от русского правительства имение в Смоленской губернии и стал родоначальником дворянского рода Ростиславичей-Дубровских. О судьбе некоего потомка ди-

насти Шишмановичей, провозглашенного участниками Первого Тырновского восстания (1598) новым болгарским царем под именем Шишмана III, историкам ничего достоверно неизвестно. Сохранились лишь свидетельства, что после разгрома восстания в народе долго ходили упорные слухи, что Шишманович не погиб, а бежал в Россию⁴⁸. Однако вне зависимости от степени достоверности этой информации, сам факт ее циркуляции мог послужить отправной точкой для активизации устного народного творчества.

Возвращаясь в заключение к общей оценке структуры самоидентификации болгар в XV – середине XVIII вв. следует, прежде всего, отметить усложнение восприятия категории подданства. На субъективном уровне она получила тенденцию к дублированию сразу на нескольких уровнях. Кроме системы современных политических реалий (подданство по отношению к султану) эта категория начала использоваться в церковно-правовой сфере (принадлежность к миллету во главе с патриархом), а также нашла свою нишу в системе исторической памяти (генетическая связь с утраченной национальной государственностью) и смутных народных представлений о существовании некоего далекого, но «своего» и истинно законного православного государя. Становление столь сложной конструкции не могло не способствовать усилению позиций конфессионального компонента в общей структуре самосознания болгар, поскольку принадлежность к православию оказывалась обязательным условием осмысления этносом своего единства в рамках трех из четырех перечисленных систем. Как следствие, общее усиление конфессиональной направленности самосознания явилось естественным, закономерным результатом данного процесса. На протяжении рассматриваемого периода его динамика была, безусловно, различной. По-разному он протекал и в разных социальных слоях. Однако, в целом, думается, именно эту тенденцию можно считать доминирующей.

Примечания

¹ Christians and Jews in the Ottoman Empire. The Functioning of a Plural Society. Ed. by B. Braude, B. Lewis. V. 1–2. N. Y., 1982; *Karpat K.* An Inquiry into the Social Foundations of Nationalism in the Ottoman State: from Social Estates to Classes, from Millet to Nations. Princeton, 1973.

² *Георгиева Ц.* Содержание и функции этнонима «болгары» в условиях османского владычества // *Bulgarian Historical Review*. 1983. № 2; *Иванова Е.* Эволюция на собственоетническите названия на българите (15 – началото на 18 в.) // *Българска етнография*. 1985. № 4; *Иванова Э. А.* Этническое самосознание болгар на этапе перехода от народности к нации // *Советская этнография*. 1987. № 2; *Радкова Р.* Националното самосъзнание на българите през XVIII и началото на XIX в. // *Българската нация през Възраждането*. София, 1980; *Литаврин Г. Г., Макарова И. Ф.* Этническое самосознание болгар в конце XIV – начале XVI в. // *Этническое самосознание славян в XV столетии*. М., 1995; *Макарова И. Ф.* Болгарский народ в XV–XVIII вв.: этнокультурное исследование. М., 2005.

- ³ Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография. 1974. № 2.
- ⁴ Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 317–349.
- ⁵ Ангелов Д. Образуване на българската народност. София, 1980. С. 338–339; Литаврин Г. Г. Особенности развития самосознания болгарской народности со второй четверти X до конца XIV в. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 36–69.
- ⁶ Ангелов Д. Образуване... С. 338–339.
- ⁷ Гълъбов Г. Народността ни име българи в старите османо-турски документи // Родина. 1938 / 1939. № 3.
- ⁸ Георгиева Ц. Содержание и функции этнонима... С. 42.
- ⁹ Radoszilow S. Les privilèges du Patriarcat Oecuménique (Communauté Grecque Orthodoxe) dans l'Empire Ottoman. Paris, 1924.
- ¹⁰ Грозданова Е. Българската селска община през XV–XVIII век. София, 1979. С. 86.
- ¹¹ Лебедев А. П. История греко-восточной церкви под властью турок. От падения Константинополя до настоящего времени. Т. 1. Сергиев Посад, 1896. С. 117; Jorga N. Byzance après Byzance: Continuation de l'histoire de la vie byzantine. Bucarest, 1971.
- ¹² Спространов Е. Опис на ръкописите в библиотеката при Рилския манастир. София, 1902. С. 103; Радониц Й. Епистоляр манастира Продром // Споменик. Т. 49. Београд, 1902. С. 63.
- ¹³ Ангелов Б. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1967. Т. 2. С. 265.
- ¹⁴ Спространов Е. Опис на ръкописите... С. 35.
- ¹⁵ Цонев Б. Опис на ръкописи и старопечатни книги на Народната библиотека в София. София, 1910. Т. 1. С. 52.
- ¹⁶ Литаврин Г. Г. Особенности развития самосознания... С. 62–68.
- ¹⁷ Новакович С. Т. Служба и живот светаго Гурга Кратовца // Гласник Српског ученог друштва. Београд, 1867. Т. 19. С. 105; Сырку П. А. Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV и XVII вв. Житие святого Николая Нового Софийского по единственной рукописи XVI в. СПб., 1901. С. 86.
- ¹⁸ Сырку П. А. Очерки из истории... С. 4.
- ¹⁹ Цонев Б. Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека. Т. 2. София, 1923. С. 529.
- ²⁰ Стоянов М., Кодов Х. Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека. Т. 3. София, 1964. С. 986.
- ²¹ Цонев Б. Опис на ръкописи... Т. 1. С. 379.
- ²² Радкова Р. Националното самосъзнание... С. 186–187.
- ²³ Георгиева Ц. Етноинтегрираща функция на култове на българските светци в периода на османското владичество // Българска етнография. 1984. № 1.
- ²⁴ Радкова Р. Националното самосъзнание... С. 186.
- ²⁵ Иванов Й. Български старини из Македония (от IX в. до Освобождението-1878). София, 1970. С. 490–521.
- ²⁶ Иванова Э. А. Этническое самосознание... С. 56.
- ²⁷ Цонев Б. Опис на ръкописи... Т. 1. С. 52–53.
- ²⁸ Ангелов Д. Съдържание и смисъл на думата «отечество» в средновековната българска книжнина // Старобългаристика. 1977. № 4. С. 5–13.
- ²⁹ Кувев К., Петков Г. Събрани съчинения на Константин Костенечки. Изследване и текст. София, 1986. С. 393.
- ³⁰ Там же. С. 387.
- ³¹ Новакович С. Т. Служба и живот... С. 133; Сырку П. А. Очерки из истории... С. 40, 31; Иванов Й. Български старини... С. 105.

- ³² Немски и австрийски пътеписи за Балканите. XV–XVI в. София, 1976. С. 163, 233, 235, 350, 374; Френски пътеписи за Балканите. XV–XVIII в. София, 1975. С. 56 и др.
- ³³ Немски и австрийски пътеписи... С. 231–236.
- ³⁴ Иванов Й. Български старини... С. 489.
- ³⁵ Гандев Хр. Загубил ли е българският народ възможността да създава свои институции през 15 и 16 век // България 1300. Институции и държавна традиция. Т. 2. София, 1982. С. 403.
- ³⁶ Немски и австрийски пътеписи... С. 188, 262, 425; Френски пътеписи... С. 171.
- ³⁷ Ников П. Турското завладяване на България и съдбата на последните Шишмановци // Известия на Българското Историческо Дружество. София, 1928. Т. 7 / 8. С. 80.
- ³⁸ Там же. С. 82–83
- ³⁹ Миладинови Д. и К. Български народни песни. Загреб, 1861. С. 78.
- ⁴⁰ Спространов Е. Опис на ръкописите... С. 114.
- ⁴¹ Халанский М. Г. Южнославянские песни о смерти Марка Кралевича. СПб., 1904. С. 16–19.
- ⁴² Макарова И. Ф. Русский царь в народных представлениях болгар // Славяноведение. 2003. № 5.
- ⁴³ Снегаров И. Културни и политически връзки между България и Русия през XVI–XVIII в. София, 1953. С. 10–14; Державин Н. С. Племенныи и культурныи связи болгарского и русского народов. М.–Л., 1944. С. 81–82.
- ⁴⁴ Мутафчиева В. «Предсказанията» за края на Османската империя (към въпроса за руско-балканските културни връзки през XIX в.) // Studia balkanica. Балкански културни и литературни връзки. София, 1974. Вып. 8. С. 13.
- ⁴⁵ Качановский В. Памятники болгарского народного творчества. Вып. 1: Сборник западноболгарских песен. СПб., 1882. С. 235–236; 216–217.
- ⁴⁶ Муравьев А. Н. Сношения России с Востоком по делам церкви. Т. 1. СПб., 1885. С. 111.
- ⁴⁷ Снегаров И. Културни и политически връзки... С. 14.
- ⁴⁸ Златарски В. Български въстания и опити за въстания до средата на XIX в. // България 1000 години. 927–1927. Т. 1. София, 1930. С. 711.

Болгарские переселения в Россию в политике российского государства в XVIII – первой трети XIX вв.

Массовые переселения балканских народов Европейской Турции в государства Европы в период иноземного господства, особенно в XVIII–XIX вв., не только наложили отпечаток на этническую структуру этих народов, но и оказали влияние на развитие национально-освободительных движений и на процесс формирования национальных государств. Наиболее ошутимо это отразилось на истории болгарского народа.

В историографии этой проблемы, особенно болгарской, существует мнение, что все болгарские переселения XVIII – первой трети XIX вв. организовывались российским правительством, так как оно было заинтересовано в привлечении рабочей силы для освоения целинных южнорусских земель и с этой целью не только побуждало болгар к переселению в Россию, но во время военных кампаний с Турцией проводило организованную эмиграцию болгарского населения¹.

По мнению Г. С. Раковского, правительство царской России было виновно в том, что оно, пользуясь бедственным положением болгарского народа, оставшегося после русско-турецких войн без защиты, оно организовывало его эмиграцию в Россию, где использовало труд болгар для освоения южнорусских земель. Отток огромного числа болгар из собственных земель, нанес страшный вред болгарскому народу, так как затормозил его историческое развитие².

Эта точка зрения с разной степенью заостренности стала основной в болгарской историографии. Болгарские историки не замечали изменений российской политики в решении проблемы болгарской эмиграции на разных этапах, которые были обусловлены как внешними, так и внутренними факторами в Османской империи и в России.

В этой статье мы попытаемся кратко проследить этапы болгарских переселений в пределы Российской империи, посмотреть, действительно ли они вызывались только корыстной политикой царского правительства, и всегда ли массовые переселения болгар соответствовали его устремлениям.

Эмиграция болгар на север от Дуная в соседние страны, в том числе и в русские земли, – непрерывный процесс, продолжавшийся на протяжении всего периода нахождения болгарского народа под османским игом. Это было одной из форм протеста против иноземного господства. В истории

заселения болгарами русских, в основном южнорусских, земель следует различать несколько периодов, связанных с событиями в истории Болгарии.

Начиная с XVI в. и особенно в XVIII в., шел постоянный процесс переселения вначале отдельных лиц, а затем и целых групп болгарских беженцев в Российскую империю. Они селились в основном в различных местах южных областей империи. Часть из них служила в войсках, но большинство оседало на предоставляемых им свободных землях и занималось земледелием, ремеслами и торговлей.

Во время освободительной борьбы украинского народа в 1648–1654 гг. под предводительством Богдана Хмельницкого в поименных списках запорожского войска встречается много болгарских имен и фамилий. Большая масса болгарских пришельцев на Украине служила в рядах казачества, другие же занимались земледелием, ремеслом и торговлей³.

О том, что на землях к западу от Днепра, по которым шли дороги из Киева в Стамбул, среди христиан, бежавших из Османской империи, жили болгары, упоминает и рукописный сборник русских трактатов конца XVII – начала XVIII вв.⁴

В 1680 г. Константинопольской патриархией было учреждено в г. Нежине, расположенном на дороге Киев–Москва, Нежинское торговое греческое братство. В XVIII в. оно было преобразовано в греческий магистрат, просуществовавший до 1873 г. Многие переселенцы-христиане, не бывшие греками, в том числе и болгары, записывались в члены этого братства. Сохранились документальные свидетельства этому.

Когда в 1711 г. по случаю войны с Турцией правительством был издан указ, согласно которому «грекам» в Нежине предлагалось покинуть Российскую империю, а тем, кто останется воспрещалось выезжать из «Малороссии» и переписываться с чужбиной, нежинцы послали Петру I письменную декларацию, в которой говорилось, что они желают остаться и не будут переписываться с заграницей. К этой декларации был приложен список из 135 человек православных иноземцев, среди которых были названы и болгары, причем имеющие срок пребывания в Нежине от 10 до 22 лет.⁵

По данным ведомостей от 5 (16) июля 1765 г. и 3 (14) апреля 1769 г., болгарские торговцы, жившие в Нежине, были в основном выходцами из Софии, Пловдива, Плевена, Русе, Ямбола, Костура, Тырнова, Охрида, Струмицы, Варны, Рушука (Русе). Некоторые болгары эллинизировались, хотя их имена ясно говорят о болгарском происхождении⁶.

В XVIII в. многие духовные лица прибывали в Россию за так наз. «милостыней». Но не только духовные, но и миряне обращались за «милостыней» к Москве. Кроме того, в Россию отправлялись сами или с духовными лицами-просителями торговцы, ремесленники, переводчики с греческого

языка и оставались здесь. В 1708 г. была проведена перепись всех «греков», живущих в Москве. Среди них имелись и переселенцы-болгары⁷.

В XVIII в. в Османской империи происходили процессы, которые к постоянно действующим причинам исхода христиан из болгарских земель: тяжелое политическое и духовное рабство, желание свободной жизни – добавили новые. Глубокие экономические и общественно-политические изменения, происходившие в Османской империи, привели в конце XVIII в. и начале XIX в. к массовым переселениям болгар.

Изменения в османском хозяйстве на практике привели к ослаблению султанских постановлений, стремившихся удержать крестьян в их родных местах. За исключением отдельных случаев насилия, крестьяне фактически не были прикреплены к ленному владению, как прежде.

Эти перемены в аграрном статусе османского хозяйства, хотя еще не регламентированные, давали возможность большому числу болгар искать средства к существованию в новосоздаваемых болгарских городах и на чужбине. Социальный состав переселенцев был неоднородным: обезземеленные крестьяне, состоятельные люди, располагающие значительными средствами для того, чтобы развернуть широкую деятельность на новом месте, а также люди, которым нечего было терять у себя на родине.

Со времен Петра I российское правительство предпринимало шаги по заселению южных окраин Российского государства людьми, могущими нести пограничную службу. Но не только. В основе популяционистской политики царского правительства со времен Петра I лежала необходимость путем колонизации пустить в народохозяйственный оборот огромные степные пространства на юге, чтобы одновременно укрепить южные границы и ослабить там мусульманский элемент.

Из пробиравшихся в Россию сербов, валахов, молдаван, болгар создавались легкие войска, которые поселялись на южной границе для сторожевой службы. Однако в этот период наиболее многочисленными были валашские и сербские переселенцы. О болгарях встречаются только отдельные упоминания⁸.

Политику Петра I по заселению южных окраин Российского государства христианами-выходцами из Османской империи продолжили его преемники. Русско-турецкая война 1735–1739 гг. имела отзвук среди порабощенных Портой народов. В эти годы по Балканскому полуострову прокатилась волна антитурецких выступлений. Они захватили и болгарские земли⁹. Эти восстания были потоплены в крови. Спасаясь от мести османов, сотни болгар, сербов и греков бежали в Молдову навстречу русской армии. Ее командующий Б. К. Миних сообщал о большом числе волонтеров, вступивших в гусарские полки и Молдавский корпус, среди которых были и болгары¹⁰.

В царствование Елизаветы Петровны вопросу охраны и заселения южных областей Российского государства представителями единоверных народов,

которые могли бы одновременно служить и их обороне, было уделено перво-степенное внимание. Официальное заселение чужеземцами южных областей началось с середины XVIII в., после издания известного манифеста от 24 декабря 1751 г., в котором российское правительство призывало иностранцев заселять эти территории и обещало им известные привилегии. Наряду с приглашениями, обещаниями льгот стала широко практиковаться система вывода иностранцев офицерами и полковыми чиновниками, которые для этой цели получали разрешение отправляться за границу¹¹. Кроме того, переселенцам из Австрийской и Османской империй разрешалось поселяться в определенных местах польско-русской границы. Договоренность была достигнута только с Австрией, но не с Турцией. Переселение из пределов последней совершалось тайно. Этому способствовал и указ Сената от 24 апреля 1752 г., который подтвердил и расширил данные переселенцам привилегии. С середины XVIII в. можно говорить о переселении болгар в Россию как о нарастающем процессе. Именно тогда, в 1752 г., в специальном указе российское правительство положило начало серии документов, направленных на регулирование нарастающей волны болгарской эмиграции¹².

Переселение болгар в Россию усилилось почти одновременно с созданием в 1751–1752 гг. сербских военных поселений. Согласно перечневой ведомости, составленной в октябре 1751 г., среди прибывших в Киев переселенцев значились и болгары, «новопривезенные из Венгерской области»¹³. О наличии болгар среди мигрантов того же года свидетельствуют и приложения к именному указу императрицы от 24 декабря 1751 г.¹⁴

В 1752–1754 гг. в Новой Сербии вместе с сербами поселились 620 семей болгар, память о которых сохранилась в топонимике – часть Новомиргородского уезда именовалась еще в середине XIX в. «Болгарией»¹⁵.

Во время Семилетней войны, в 1760 г., на границе «Малороссии», Новой Сербии и «Польской Украины» был сформирован Болгарский полк, куда стали вызываться иностранцы. Офицерами в полку были сербы¹⁶.

В годы правления Екатерины II переселение иностранцев, в том числе болгар, разрасталось. Этому, в частности, способствовал изданный государственной манифест от 4 (15) декабря 1762 г., которым иноземцы призывались на поселение в Россию: «Мы, ведая пространство земель нашей империи, усматриваем наивыгоднейшим к населению полезнейших мест празднующихся». Эту же мысль Екатерина II высказала и в именном указе от 8 (19) декабря 1765 г.: «Имея намерение в обширной нашей империи при недостатке в некоторых местах природных поселян пусто и бесплодно лежащие земли и дикие поля населять иностранными людьми»¹⁷. Для реализации этой цели рядом манифестов и указов (только 22 июля (2 августа) 1763 г. были изданы три указа по этому поводу) переселенцам давались следующие привилегии: свобода вероисповедания; освобождение от податей и

налогов на 10 лет (за исключением земельного налога в небольшом размере); каждой семье независимо от числа ее членов выделялось 60 десятин земли; разрешалось устройство мануфактур, участие в гильдиях, позволялось (в зависимости от размеров поселения) иметь свои рынки и даже ярмарки, покупать землю в собственность и т. п.

В 1763 г. было учреждено Опекунство иностранных поселенцев. Все эти меры российского правительства определенно показывали, что впредь оно не удовлетворится только военными поселениями, что настало время действовать в гораздо больших масштабах. Это время стало началом постоянного и довольно значительного переселения и обустройства иностранцев, в частности болгар, на территории Российской империи.

Болгары селились в основном около Киева и Чернигова. Например, в начале 60-х гг. XVIII в. на поселение прибыло добровольно 66 болгарских семей. Мужчины были зачислены в гусарские полки¹⁸. В 1763 г. на землях Киевско-Братского монастыря поселились 28 болгарские семьи. Они по договору арендовали монастырские земли, другие из прибывших перебрались в Черниговскую область¹⁹. В 1765 г. 36 семей из местечка Богданов Дол в Софийской округе бежали от притеснений турок и поселились в окрестностях Киева, где занимались садоводством, виноградарством, ремеслами²⁰.

Массовое переселение болгар в южные области России происходило во время русско-турецких войн 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг. Это было обусловлено как ситуацией, сложившейся в болгарских землях, так и политикой российского правительства. Южные области, освобожденные от татар и турок вследствие успешных для России войн этого периода, особенно нуждались в земледельческом населении, которое обрабатывало бы новые пустующие земли. Здесь создавались города, также нуждавшиеся в жителях. Немаловажную роль играло стремление российского правительства заселить эти области именно христианскими славянскими народами, чтобы ослабить мусульманский элемент. Вот почему, несмотря на то, что вызов иностранцев в Россию был прекращен с 1766 г., христиане-переселенцы из балканских мест привлекались для поселения в южных областях государства. «Вызыватели»-вербовщики становятся одной из характерных фигур во время русско-турецких войн второй половины XVIII – начала XIX вв.

В самом начале войны в 1768 г. турки сформировали для борьбы с русской армией особый полк из молдаван, валахов, сербов и болгар под командованием Скаржинского. Однако этот полк перешел на сторону России. Одна часть сдавшихся была тогда же отведена в тыл и поселена в Новороссийских степях. Другая была оставлена при армии и только после окончания войны разделила судьбу своих товарищей.

Из новых поселенцев был образован Молдавский гусарский полк, которому были отведены земли по рекам Черный Ташлык, Синюха и левому бе-

реку Буга. Заняв старый поселок Ольшанка, где прежде проживали молдаване и валахи, и старое запорожское поселение Соколы (впоследствии Вознесенск²¹), поселенцы положили начало большой болгарской колонии в Херсонской губернии. Болгары-ольшанцы вошли в состав образованного в 1769 г. Бугского казачьего войска²².

В 1773 г. около 400 жителей села Флатарь²³ под Силистрой, занятой русскими войсками, обратились к главнокомандующему русскими войсками графу П. А. Румянцеву-Задунайскому с просьбой содействовать их переселению в южнорусские земли. К этой группе присоединились беженцы из других мест: из-под Рушука, Видина, даже из Добруджи. Все они были также поселены в Ольшанке. Часть ольшанцев так и называлась «добруджанцами»²⁴.

После заключения Кючук-Кайнарджийского мира в 1774 г. много болгар убежало в Валахию и Россию. В Добриче тогда не осталось ни одной болгарской семьи²⁵.

Спасаясь от турецкого гнета, болгары, естественно, рассчитывали на лучшие условия жизни. Многие из них преодолевали длинный и трудный путь, чтобы добраться до России, поверив обещаниям царского правительства. Так, по окончании русско-турецкой войны 1768–1774 гг. П. А. Румянцев заверил болгар, воевавших в его армии, что им будут предоставлены выгодные для поселения земли, и объявил манифест, обещавший 30-летнюю льготу. Поэтому, оставив свои дома не только за Дунаем, но и в Дунайских княжествах, они переселились в пределы Российской империи.

Однако в действительности мигрантов ожидало горькое разочарование: голая степь, удаленность от городов – вот что зачастую было на самом деле. Да и обещанными льготами они пользовались только 8 лет. Местные власти чинили произвол, в селениях царил казарменный порядок. Поэтому многие из переселенцев, пользуясь близостью границы, пытались вернуться обратно. Немало болгар, поселившихся в Ольшанке, бежали через реку Буг в Голту, бывшее турецкое урочище, а другие – через реку Синюху в Польшу, а оттуда в Турцию. По распоряжению царского правительства беглецов перехватывали, и тогда пойманным отрезали косички (которые носили все болгары) и отдавали их в солдаты, в регулярные войска, а по выслуге уже всей службы возвращали опять на места нового жительства²⁶. Нередки были случаи, когда пойманных отправляли за сотни километров вглубь России, чтобы пресечь новые попытки возвращения на родину²⁷.

Вообще бегство было явлением довольно обычным в Новороссии. Многие из переселенцев-болгар бежали в Запорожскую Сечь, где рядовые казаки относились к беглецам сочувственно. Здесь они, как и местные запорожские казаки, занимались сельским хозяйством, различными ремеслами или торговлей и принимали участие в военных походах; что зафиксировано в списках казачьих команд, которые велись до 1775 г., т. е. до ликвидации Запорожской Сечи²⁸.

Как видим, «ласка» и льготы были средством, используемым российским правительством для привлечения болгар на свою сторону. Затем наступал момент принуждения. Но, несмотря на трудности, большинство переселенцев обустроивалось на новых местах и навсегда оставалось в России.

В 1783 г. ольшанцы, по приказу князя Потемкина, образовали специальные отряды и приняли охрану р. Буг. Как только в 1787 г. начались военные действия, ольшанские поселенцы вошли в организованный из «задунайских выходцев» полк и приняли участие в штурме крепостей Измаил и Очаков²⁹. Ольшанцы – самая большая группа болгар на территории бывшего Советского Союза, которые в своем быту, спустя более двух веков, сохранили традиции и родной язык³⁰.

В 1775 г., после окончания войны, в южные области России переселились солдаты и командиры добровольческих батальонов русского флота, действовавшего в Эгейском море. В их составе было много болгар. Переселение происходило исключительно добровольно, на выгодных для них условиях. Русское правительство позаботилось об образовании детей этих переселенцев. Указом Екатерины II от 17 апреля 1775 г. в Кронштадте был создан специальный кадетский корпус для иностранных юношей – детей солдат и командиров этих батальонов. В том же году в корпус было принято 100 молодых людей болгарского, греческого и сербского происхождения, а также выходцев из Далмации³¹.

Официальное разрешение свободно торговать в России, данное Портой своим подданным по условиям Кючук-Кайнарджийского мира, усилило болгарскую эмиграцию в Нежин, Москву и южнорусские города. Москва стала центром торговли с болгарскими землями. Здесь многие болгарские торговцы открыли свои конторы, имели собственные дома. Значительно выросло число болгарских торговцев и ремесленников в Нежине. По мнению некоторых исследователей к концу XVIII в. Оно достигло трети всего населения города³².

Следующая волна болгарского переселения была связана с русско-турецкой войной 1787–1791 гг. По признанию самого султанского правительства, в канун войны, когда большие группы покоренных народов были мобилизованы рыть окопы, укреплять старые крепости или перевозить строительные и другие материалы, из внутренних районов убежало 7–8 тысяч семей, в основном жители Македонии и Фракии. Фирман, из которого почерпнуты эти сведения, свидетельствует, что только небольшая группа из этого числа нашла пристанище в Молдове, остальные ушли в российские земли³³.

В эти годы на территориях, занятых русскими войсками, оседало много болгарских купцов, ремесленников и крестьян. Многие остались в Бессарабии и после ухода оттуда русской армии. Они селились в городах Рени, Измаил, Аккерман, Кишинев, Килия или на землях молдавских бояр. Но до заключе-

ния Бухарестского мирного договора 1812 г., когда Бессарабия отошла к России, их положение было сложным – они находились в Бессарабии как иностранные «бенажеры», т. е. выходцы, пользуясь непрочным покровительством господаря, занимались земледелием, виноградарством и садоводством³⁴.

По подсчетам А. А. Скальковского, только в Бессарабию с 1769 по 1791 гг. прибыло около двух тысяч болгар³⁵.

Большое число болгар было поселено в Херсонской губернии. Во время второй екатерининской русско-турецкой войны «из разных мест по р. Дунаю было приведено 831 семья болгар для поселения по левому берегу Днестра, во вновь приобретенной от Порты области». Однако разместить здесь всех не удалось: 58 семей убежали в Молдову, а 287 семей, «сомнительных и склонных к побегу», были поселены по левому берегу Буга. Последним, по докладу графа П. Зубова от 12 (23) октября 1794 г., было выдано 13282 руб. 50 коп. беспроцентной ссуды с обязательством погасить ее в течение трех лет по истечении десятилетней льготы³⁶.

В 1790 г. ряды Бугского войска пополнились членами пятисот болгарских семей. Им так же, как и другим чинам Бугского казачества, правительство даровало личные и поземельные права³⁷. Точных данных о количестве переселенцев-болгар этого периода нет. От этого времени на территории Молдавии, Украины и Южной России не известно ни одного села³⁸. Однако, суммируя данные, приводимые исследователями, можно говорить о значительной цифре.

После заключения Ясского мирного договора в 1792 г. началась новая волна переселения болгар. Одни из них переходили через Дунай и селились в новоустроенных городах: Тирасполь, Новые Дубоссары, Григориополь. Другие добирались морем до Крыма и Херсона, используя для этого любые возможности. Много болгар, главным образом купцов и ремесленников, осело в городах Новороссии.

В 1794 г. на месте турецкого укрепления Хаджи-бей была основана Одесса. В 1795 г. графом П. Зубовым были разработаны «Два положения об устройстве в г. Одессе и окрестностях его селений единоверных нам народов»³⁹. В том же году на краю Одессы была создана колония Арнаудовка. Начало ей положили 900 арнаудов, которые после войны 1787–1791 гг. ушли из Румелии по Черноморскому побережью⁴⁰. Во время османского владычества арнаудами называли жителей Западной Македонии. С этого времени всех болгар, переселявшихся из Османской империи в конце XVIII в., по повелению императрицы поселяли в степь вокруг Одессы⁴¹. В самой Одессе многие болгары стали купцами. Так создавалась болгарская колония в Одессе⁴². Таким образом, здесь, в практически безлюдной ранее татарской степи, создавались славянские поселения, что, в свою очередь, укрепляло русскую оборону во время войны.

Следует отметить, что переселение болгар в мирное время происходило нелегально. По условиям Кючук-Кайнарджийского и Ясского мирных договоров и до заключения Бухарестского мира 1812 г. право на свободное переселение в Россию получали только жители Дунайских княжеств: в течение одного года после первого и четырех месяцев после второго. Однако переселение продолжалось, но тайным путем⁴³. Переходы по собственному почину — нередкое явление в последние годы царствования Екатерины II⁴⁴. Переселение христиан из Османской империи в Россию не предусматривалось никакими договорами. Российские дипломаты в Османской империи получили самые серьезные распоряжения воздерживаться от вмешательства в вопросы переселения. Это особенно заметно во времена царствования Павла I⁴⁵.

С 1799 г. российское правительство ввиду договорных отношений с Портой не могло официально вывозить болгар, желавших переселиться в Россию. Но оно разрешило местным властям принимать всех, кому удастся добраться до российских пределов, поселять их на пустующих землях и помогать в обустройстве на новом месте.

Это было актуальной мерой, поскольку с конца XVIII в. случаи бегства из внутренних областей Румелии в земли на север от Дуная приняли характер массового выселения в силу того, что в этот период внутренние неурядицы, борьба аянов с центральной властью и кирджалийские бесчинства достигли масштаба национального бедствия и угрожали не только жизни мирного населения, но и самому существованию Османской империи.

Первые упоминания о массовом бегстве и переселении из Румелии в донесениях русских дипломатов относятся к марту 1793 г. Согласно донесению русского консула в Бухаресте Равича, люди бежали «во многом числе из разных мест Румелии как от голода, так и от несносных поборов от турецкого начальства»⁴⁶.

Как показывают источники, миграция христианского населения Османской империи увеличивалась по мере нарастания беспорядков в Румелии. В 1795 г. поток беженцев из Румелии в Константинополь превысил 10 тысяч человек. Чтобы удержать христиан от выезда из империи, Порта обязала православное духовенство «под опасением казни отвечать за всех жителей, и каждый священник в приходе своем должен наблюдать, чтобы никто на иностранных судах никуда не отлучался и в противном случае немедленно доносил»⁴⁷. Однако никакие чрезвычайные меры не смогли воспрепятствовать выезду христианского населения из пределов Османской империи.

Наиболее остро процессы, происходившие в болгарских землях на рубеже XVIII—XIX вв., проявились в 1800—1806 гг. Это был период массового переселения болгарского населения в Дунайские княжества и Россию⁴⁸.

В эти годы территория Балканского полуострова не была ареной войны Турции с каким-либо государством. Кроме того, агрессивные планы Напо-

леона в отношении Османской империи принуждали Петербург не только сохранять мирные отношения с Портой, но и заключить с ней в 1799 г. оборонительный союз, в результате чего Россия была вынуждена сдерживать преждевременный, по мнению российского правительства, подъем национально-освободительного движения на Балканах⁴⁹. Следовательно, основными причинами массовой эмиграции болгар в 1800–1806 гг. являлись внутренние процессы, происходившие в этот период в Османской империи.

Понять ситуацию, при которой единственным спасением было бегство в другие страны, позволяют документы того времени. В 1801 г., в период кирджалийских походов на столицу империи, на Адрианополь и другие районы Османской империи, из Месеврии (Несебр) в Галац приплыли два судна, на борту которых находилось 200 болгарских беженцев. В большинстве своем это были женщины и дети. Их неожиданное появление в Галаце и внешний вид были настолько впечатляющими, что даже выдавший виды переводчик русской дипломатической службы П. Ренский был потрясен увиденным. Делясь своими впечатлениями, он писал В. Ф. Малиновскому: «Представить не можно горестного сего несчастного народа состояние, когда вышли на берег, то придались тогда вольному стенанию: одни плачут, что потеряли жен и детей, а жены плачут о потере мужей их, а наиболее дети, которые остались вечно сиротами, потеряв своих родителей, а жизнь спасли, бежав с чужими. Они несчастные думали, что в здешних местах найдут себе спокойствие, и в том имели некоторую отраду, но скоро узнали, что ошиблись»: Турецкий чиновник (тофикчи-баша) в Галаце, сославшись на фирманы Порты о беженцах из Румелии, приказал загнать болгар на те же суда и немедленно отправить назад. «Неистовые исполнители приказа, – продолжает Ренский, – придя на берег, нашли несчастных болгар выгрузившимися из кораблей, то и начали, гоня их назад в корабли, немилосердно бить. Тогда они все закричали, что лучше потопятся в Дунае, а обратно в их места не возвратятся». По просьбе молдавского начальника и русских купцов турецкий чиновник за взятку отменил приказ, и беженцы остались в городе до получения особого распоряжения Порты⁵⁰.

Через несколько дней туда же, в Галац, прибыло еще 200 семей болгарских беженцев, из разговора с которыми П. Ренский узнал, что они из местечка Хили, недалеко от Константинополя. Оно было дотла сожжено кирджалиями, а его население частью было вырезано, частью укрылось в столице, а остальные через Месеврию бежали в Галац. Другие беженцы оказались жителями сел Адрианопольского района. Пересказывая собранные от них сведения, П. Ренский сообщал В. Ф. Малиновскому, что когда жители Адрианопольского пашалыка поняли, что им никак не спастись от кирджалиев, они распродали все свое имущество и оставили свои жилища. Затем они на лодках поплыли к Варне, чтобы там пересечь на корабли и бежать в Галац.

По пути на них вновь напали кирджалии, «выбрали одних взрослых девок, а прочих, старых и малых, вырезали». Отняв у оставшихся в живых вещи и деньги, кирджалии отпустили их⁵¹.

В августе 1801 г. кирджалийские набеги и междоусобия аянов распространились на Варну и Месеврию. В Варне началась паника, жители пытались спастись бегством. Но власти этих портовых городов издали приказ не выпускать с пристаней корабли с беженцами, «дабы оные, – сообщал П. Ренский, не отлучались из домов и стояли бы против усилия разбойников». Подобные распоряжения рассылались Портой по всей Румелии, но они были мало эффективны. В январе 1802 г. кирджалии, рабоничавшие в районах Пловдива, Систова и других местах, причинили «великие разорения жителям, на берегу Дуная живущим». Все окрестные села были «опустошены, жители коих принуждены искать убежище одни в городах, другие в горах». В феврале того же года войска враждующих аянов совершали набеги на территорию Валахии, вызвав массовое бегство валашского населения и переселившихся туда задунайских беженцев. Эти районы к лету 1802 г. подверглись такому опустошению, что «от Бухареста до самого Видина» не осталось ни одного полностью населенного села.⁵²

Это только несколько свидетельств, но они, на наш взгляд, отражают ужас положения, в котором оказались христиане Османской империи в тот период, спасение из которого население находило только в бегстве.

Спасаясь от жестокой эксплуатации и физического истребления, болгарские беженцы обращались за помощью к представителям российской дипломатической миссии в Константинополе и к русским консулам в Дунайских княжествах. Российские дипломаты в Османской империи получали строгие указания не обострять отношений с Портой и были вынуждены воздерживаться от вмешательства в вопросы переселения.

Павел I не решался вмешиваться, зная болезненную реакцию Порты. В этих условиях российский посланник В. С. Томара мог направлять в Одессу только небольшие группы болгар. Александр I, хотя и продолжал сохранять с Османской империей союзнические отношения, дал Томаре разрешение тайно от турецких властей отправлять болгарских беженцев в Россию. Финансирование перевоза было возложено на него и российских консулов в Дунайских княжествах⁵³. Задача заселения иностранными колонистами южнорусских земель оставалась для российского правительства весьма актуальной. Поэтому, несмотря на союзнические отношения с Портой, оно старалось привлечь беженцев из Османской империи выгодными условиями.

Эти условия излагались в специально изданной в 1800 г. прокламации. Приток беженцев из Османской империи, и особенно болгарских земель, в начале XIX в. был столь велик, что была отменена практика «вызывателей», а льгота в повинностях была сокращена до 10 лет. Вместе с тем, для того,

чтобы сократить расходы по устройству переселенцев на новых землях и заручиться гарантиями от притока представителей бедных слоев переселенцев, которые, не имея средств на обустройство крепким хозяйством, зачастую уезжали обратно, в том же году был введен имущественный ценз и Положение о переселенцах⁵⁴.

Представители российской миссии в Константинополе, а также российские консулы в Валахии и Молдавии тайно направляли болгарских беженцев двумя путями: на кораблях по Черному морю и сухим путем через территорию Дунайских княжеств. По второму пути в этот период переселение в Россию шло менее интенсивно, так как этому препятствовали турецкие власти, независимые от Порты аяны и господа Дунайских княжеств⁵⁵.

К этому времени относится появление десяти болгарских поселений в Крыму⁵⁵, после чего массовое переселение болгар в южные области России прекратилось на несколько десятилетий. Это объясняется тем, что политика переселения болгар была перенесена с юга Украины и Крыма на новые территории, которые надо было закрепить. Это была Бессарабия, присоединенная к России в 1812 г. Главным колонизаторским элементом здесь стали «задунайские выходцы», в первую очередь, болгары.

Начавшаяся в ноябре 1806 г. русско-турецкая война вызвала невиданное доселе по своим масштабам переселение болгар в Россию: Болгары активно участвовали в войне, не только помогая русским сбором сведений, продовольствием, но и принимая участие в военных действиях.

В районе Дуная была создана широкая разведывательная сеть – из болгарских торговцев, священников, учителей, ремесленников. Доставлявшиеся ими в русские штабы сведения использовались при составлении военно-тактических планов⁵⁶. В отличие от предшествующих русско-турецких войн болгары в этой войне проявили и политическую активность в сравнительно массовых выступлениях против османских властей, чем отвлекали на себя силы противника. Это понимало и командование русской армии. В июле 1810 г. главнокомандующий Н. М. Каменский обратился к восставшим в селе Арнауткой (современный Пырвенец) со специальным воззванием, призвав их к дальнейшей борьбе против османов. Хорошо осведомленный о внешнеполитических планах русского правительства, генерал не посмел обещать им ничего, кроме «бегства в пределы России», где их ждут плодородные земли и народ, «раскрывший братские объятия».

Освобождение Болгарии не входило тогда в планы России. Однако она всячески старалась извлечь для себя выгоду из надежды болгар на освобождение. Так, в инструкции, направленной адмиралу П. В. Чичагову в 1812 г., предписывалось использовать «любые средства», чтобы расположить христианское население, и в случае необходимости «обещать независимость и образование южнославянского королевства»⁵⁷.

Русское правительство по-прежнему было заинтересовано в переселении христиан из Османской империи в южные области Российского государства. В соответствии с предписанием М. И. Кутузову – «вывести как можно больше жителей в Россию для заселения Новороссийского края» – при Главном штабе Дунайской армии еще в начале войны была создана канцелярия по гражданским делам во главе со статским советником А. П. Коронели, призванная заниматься вопросами переселения. В связи с переселением были изданы специальные императорские указы, дополнявшиеся временными постановлениями и распоряжениями. Так постепенно вырабатывались правила организации подобных акций, использовавшихся до 1819 г.

1 сентября 1807 г. был обнародован указ о дополнительных льготах болгарским переселенцам в Россию, предусматривавший предоставление каждому семейству по 60 десятин земли в наследственное владение; освобождение от налогов на 10 лет (позднее этот срок был сокращен до 3 лет); материальная помощь особо нуждающимся; кроме того, давались гарантии, что они никогда не будут закрепощены⁵⁸. Гражданская канцелярия помогала переселенцам деньгами и оформляла документы, чтобы беженцы могли беспрепятственно добраться до намеченных областей.

Нельзя забывать, что эти весьма благоприятные для переселенцев условия пропагандировались в то время, когда болгарские земли были ареной набегов банд кирджалиев, борьбы аянов и стали театром военных действий. Поэтому болгары, стремясь сохранить жизнь и имущество, покидали родные земли, организовано и неорганизовано переходя через Дунай.

Еще в ходе войны, в 1809 г., 12700 христиан переселились сначала с правого берега Дуная на левый, чтобы затем из Валахии весной 1810 г. отправиться в Херсонскую губернию. Среди них было много ремесленников и купцов. Из записки министерства внутренних дел от 15 (27) ноября 1810 г. известно, что на устройство болгарских колонистов в Новороссийском крае правительством на год было ассигновано 2500000 руб., включая покупку для них земель и хозяйственного инвентаря. Для руководства делами переселенцев было создано особое попечительство, находившееся в ведении администрации Новороссийского края⁵⁹.

После заключения Бухарестского мирного договора в 1812 г. поток болгарских переселенцев увеличился. Целыми селами болгары уходили за Дунай. Среди них были и распущенные после заключения мира ратники Земского войска, сформированного из добровольцев–болгар во время войны. Они почти в полном составе вместе с семьями переселились в Бессарабию. По некоторым данным, число болгар и гагаузов, переселившихся в 1806–1812 гг. в Дунайские княжества и Россию, достигло почти 97 тысяч человек⁶⁰.

Переселение продолжалось и в последующие годы. Так, Д. Димитров приводит данные о том, что в 1819–1822 гг. в Бессарабию переселилось не-

сколько десятков тысяч человек. А к 1850 г. здесь имелось 83 болгарские колонии, насчитывавшиеся по 150–300 дворов каждая⁶¹. Несомненно, что устремившийся Бессарабию основной поток переселенческой массы должен был ослабить и даже на время совершенно прекратить переброску болгар в Южную Россию. С другой стороны, не случайно, что возобновление болгарского переселения в южнорусские земли совпадает с создавшимися затруднениями именно на «бессарабском фронте».

Самое массовое переселение болгар в Россию произошло после русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

Царское правительство в ходе этой войны не ставило перед собой задачи освобождения Болгарии даже в случае победного исхода войны. Хорошо информированное о тяжелом положении, настроениях и надеждах болгарского народа на свое освобождение, оно вело по отношению к нему двойственную политику, используя демагогические приемы для привлечения болгар на свою сторону. При создании болгарских частей в русской армии и болгарского Земского войска предусматривалось обязательное переселение их личного состава в Россию, чтобы тем самым избавиться участвовавших в них болгар от преследований и мести османов. Переселение христианского населения в пределы Российской империи в ходе и после войны отвечало и экономическим интересам правительства. По вопросу переселения в правительственных кругах были как его сторонники, так и противники. Наиболее яркими представителями этих кругов были губернатор Новороссийского края М. С. Воронцов как проводник идеи переселения и министр финансов Е. Ф. Канкрин, противник переселения из Болгарии вообще⁶².

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. не принесла освобождения болгарскому народу. Адрианопольский мирный договор, подписанный 14 сентября 1829 г., возвращал все болгарские территории под власть султана, что вызвало горькое разочарование болгар, не получивших желанной автономии. Участие же в военных действиях на стороне русских войск, активная помощь русской армии создавали для болгар с ее уходом реальную угрозу жестоких репрессий со стороны османов. Это было очевидно и для российской дипломатии, которая при подписании мирного договора включила в него не только статью об амнистии тем, кто выступал на стороне какой-либо из договаривающихся сторон, но и усилила ее рядом оговорок, которые разрешали всем желающим болгарам, не опасаясь никаких притеснений, на протяжении 18-ти месяцев после заключения мирного договора продажу имущества и беспрепятственное переселение со своими семьями в любую страну, избранную по их усмотрению.

Массовое переселение христианского населения из Османской империи во время и после русско-турецкой войны 1828–1829 гг. достигло, по некоторым данным, 130–140 тысяч человек⁶³. Однако следует различать несколько этапов

этого переселения, поскольку причины, вызвавшие этот исход, не всегда можно объяснить только заинтересованностью российского правительства.

Первый этап – переселение в ходе войны. Вопрос о нем встал перед болгарским населением уже в первые месяцы войны. Отступая, османы принуждали христианское население покидать свои жилища и угоняли их за Балканы. Стремясь оставить наступающим русским войскам одни безводные села, турки предавали огню болгарские села и города. Многие болгары, которых турки угоняли с собой, а русские войска освободили и вернули в покинутые ими города и села, уже в мае – июне 1828 г. обратились к русскому командованию с просьбой о переселении за Дунай. Им было дано разрешение переселиться в Валахию. Таким образом, переселение вызывалось и обстоятельствами войны. Самодержавие в начале войны не проявило желания направить беженцев в пределы России. Известны лишь единичные случаи, когда выходцы из Болгарии обращались к русскому консулу в Дунайских княжествах за получением паспортов и разрешением на поселение в Бессарабии. В 1828 г. в Южную Бессарабию прибыли 242 семьи⁶⁴.

Положение изменилось с весны 1829 г. в связи с успешным продвижением русских войск вглубь османской территории, когда под угрозой падения оказалась столица империи – Константинополь. В изменившейся обстановке часть населения Юго-Восточной Болгарии, пережившая ужасы войны, решила, не дожидаясь окончания войны, искать спасение в соседних государствах. Многие болгары, гагаузы, македонцы, греки и другие жители Восточной Болгарии уже сомневались в возможности окончательного избавления от многовекового ига. Угроза восстановления прежнего порядка заставляла их искать выход. Спасение для себя они видели в переселении в пределы России.

Решение этого вопроса зависело, однако, не только от желаний и намерений населения Болгарии, но и от русских властей, заинтересованных в заселении южных областей Российской империи. Проводнику переселенческой политики М. С. Воронцову казалось возможным, используя «настоящее время» как наиболее удобное, легко склонить население к переходу в Россию. Воронцов придавал первостепенное значение переселению матросов и судостроителей, которых намеревался поселить близ Одессы, Феодосии, Керчи, Евпатории, Таганрога, но не отказывался приглашать и другие категории населения. Так, например, еще в феврале 1829 г. он выражал надежду на создание в Новороссийском крае исключительно торговых поселений из жителей, вывезенных из Болгарии. Он считал выгоды от такого рода поселений чрезвычайно важными для торговли. В апреле того же года переселение начало практически осуществляться. Управляющий Главного штаба граф А. И. Чернышов сообщил М. С. Воронцову о состоявшемся решении вывозить в русские порты всех, нуждавшихся в этом, на частных морских судах, возвращавшихся в Одессу после доставки армии продовольствия. Устройство переселяемых возлагалось на Воронцова и И. Инзова.

Еще до получения этого решения Воронцовым были направлены эмиссары к адмиралу Грейгу с поручением склонять жителей Восточной Румелии к переселению в Россию. Для перевозки переселенцев Воронцов просил адмирала использовать не только зафрахтованные суда, но и военные корабли. Одновременно принимались меры по обеспечению переселяемых продовольствием на время нахождения в пути. Инзов обязывался заняться отводом земель под новые поселения.

Однако первая же партия прибывших из Болгарии беженцев, в которой не было ни одного моряка или судостроителя, поставила начальство в затруднительное положение, так как к устройству крестьян-переселенцев никто всерьез не готовился. Первая тысяча иммигрантов, прибывшая из Созополя, была поселена в Крыму. И. Инзов настаивал на переброске иммигрантов из Одессы на поселение в Бессарабию, в районы поселений болгар и гагаузов, считая это целесообразным в интересах хозяйственного освоения малолюдного Буджака⁶⁵.

Правительство беспокоило необходимость нести издержки по перевозке и содержанию переселенцев. В связи с этим 19 мая 1829 г. А. И. Чернышов советовал М. С. Воронцову предписать своим эмиссарам в Созополе ограничиться вывозом в Россию только людей «способных к мореходному делу». Он был против приглашения из Румелии других категорий населения, кроме матросов, которым обещали предоставить разные привилегии. Отдавая предпочтение переселению матросов, Чернышов, однако, не отказывался от признания необходимости оказывать защиту и покровительство угнетенному населению. Чтобы такой отказ не подорвал авторитет России среди христианского населения Османской империи, он рекомендовал использовать все средства к переселению лишь тех жителей Румелии, которые за помощь русским войскам могли подвергнуться гонению. Таким образом, помимо матросов и судостроителей, к переселению допускались не все желающие, а только те, кому угрожала явная опасность репрессий со стороны турок. Такое ограничение допуска болгар в Россию сохранилось в переселенческой политике царизма и впоследствии.

Многие переселенцы, прибывшие до заключения мирного договора, в 1828–1829 гг., были поселены вокруг Одессы, Екатеринослава, в Крыму. Часть из них поселилась в Южной Бессарабии⁶⁶. Число переселенцев в Дунайские княжества и Россию в ходе войны и до заключения Адрианопольского мира до сих пор остается неизвестным. Исследователи этого вопроса называют разные цифры, но она при разных подходах это число не превышает 1000 семей⁶⁷.

Массовое переселение болгарского населения за Дунай началось не сразу после подписания 2 (14) сентября 1829 г. мирного договора с Османской империей. Опираясь на положение статьи XIII, с 16 сентября 1829 г. по 13 марта 1830 г. в Россию отправилось около 280 семей⁶⁸. Основная масса болгар еще надеялась на улучшение положения дел на родине. По-

пулярной оставалась идея восстания до отхода русских войск. Такое выступление готовил Г. Мамарчев. Но обе попытки поднять восстание, принятые им, окончились неудачей⁶⁹.

Обстановка на родине была столь трагичной для болгарского населения, что «инога выхода, как переселение, оно не видело»⁷⁰. С жалобами на свое положение и просьбами помочь им переселиться в Россию болгары неоднократно обращались к русскому командованию и лично к главнокомандующему И. И. Дибичу. Они заявили о своем твердом намерении переселиться в Россию и представили список тех, кто хочет уехать вместе с русской армией (30–40 тысяч человек, в основном болгар), а также выразили желание иметь в этом районе русского консула, присутствие которого будет гарантией постоянного покровительства российского двора⁷¹.

Желание большого количества христиан переселиться в Россию и их стойчивость заставили Дибича обратиться за соответствующими инструкциями к своему правительству. В письме к А. И. Чернышову от 13 января 1830 г. он высказался против массовой эмиграции, считая «полезнейшим не ослаблять в краю том христианского населения»⁷². Такое отношение к переселению встретило одобрение Николая I, разделявшего мнение главнокомандующего по политическим и экономическим соображениям. Отток большой массы христианского населения из этого региона Балкан ослабил бы позиции царизма как покровителя христиан Османской империи и создал бы трудности для проведения его политики в дальнейшем. Учитывая, что свободных земель на юге России оставалось мало и в основном это были малопригодные для земледелия участки, царь считал необходимым ограничить эмиграцию болгарского населения. Он предписал Дибичу разрешать воспользоваться правом переселения «только тем жителям Болгарии и Румелии, которые непосредственно или косвенно принимали участие в военных действиях против турок». Помощь при переселении разрешалось оказывать только таким лицам. Прочим же было предписано ограничить выдачу паспортов, правда, с оговоркой – насколько это представится возможным без нарушения ст. XIII. Это повеление царя было направлено Дибичу 5 (17) февраля 1830 г. Таким образом, в условиях стихийно формировавшейся болгарской эмиграции царское правительство вынуждено было либо оказать помощь в решении болгар покинуть свою родину, либо утратить свой авторитет среди них. На последнее российское правительство пойти не могло, так как это означало бы изменить политике покровительства христианскому населению Османской империи и потерять влияние на Балканах. Однако, оказывая помощь болгарам в переселении, петербургский кабинет приложил максимум усилий, чтобы остановить массовую эмиграцию. И. И. Дибичу была также направлена инструкция, в которой от имени императора предписывалось принять все меры убеждения, чтобы «успокоить

волнение, охватившее христианское население Румелии, и остановить тенденцию, которую оно проявляет к эмиграции»⁷³. Сообразуясь с данными ему наставлениями, Дибич дал ответ болгарским депутатам, сообщив, что русское правительство, предоставляя возможность переселения в Россию, обязуется оказать им помощь в этом переселении. Но при этом главнокомандующий подчеркнул, что предоставляя болгарам право переселения на основании ст. XIII Адрианопольского мирного договора, оно «нисколько к тому их не приглашает»⁷⁴. Члены депутации передали слова Дибича жителям пославших их городов, где по вопросу, какой путь избрать, – остаться или переселиться – разгорелась ожесточенная борьба среди населения⁷⁵. Сливенцы стали организаторами переселенческого движения, во главе которого встал Иван Селиминский, врач и известный общественный деятель.

В начале апреля, после очередной неудачной попытки Г. Мамарчева поднять восстание, определился основной контингент желающих эмигрировать. Победила партия сторонников переселения, которое было назначено на середину апреля 1830 г., до окончательного ухода русских войск, начавшегося 25 апреля (7 мая). 13 (25) апреля на Айтоском поле, месте встречи всех готовых к переселению, собралось около 100 тысяч человек, главным образом из Сливена, Ямбола, Варны, Стара-Загоры и их окрестностей⁷⁶. Русские военные власти оказывали помощь в подготовке и отправлении тех, кто изъявил желание переселиться в Россию. Они занимались составлением списков для обеспечения каждой семьи паспортами и проездными билетами. Интендантство армии принимало меры к снабжению нуждавшихся продовольствием на все время пребывания в пути. Тем же, кто желал остаться на родине, оказывалась помощь семенами, необходимыми для сева⁷⁷.

Было удовлетворено и другое пожелание болгар. Для осуществления контроля за исполнением ст. XIII и для защиты интересов оставшихся жителей в Сливен как главный центр областей, население которых стремилось к переселению, был назначен российский консул Г. В. Ващенко. Направление консула в болгарские земли преследовало и другую цель. В инструкции ему И. И. Дибич подчеркивал, что основная цель его деятельности – остановить эмиграцию болгар, «которая весьма мало соответствует интересам России и будет губительна для Оттоманской империи». Поэтому во всех населенных пунктах, которые консул будет посещать, ему предписывалось «возобновить перед болгарскими заверения, что амнистия будет строго выполняться»⁷⁸.

Как видно из вышеизложенного, позиция российского правительства по вопросу болгарской эмиграции в этот период в корне отличалась от прежней. Предоставляя болгарам, принимавшим участие в военных действиях в 1828–1829 гг. на стороне русских, из опасения жестоких репрессий, право переселения в любую страну по их выбору, петербургский кабинет не ожидал столь массового исхода болгарского населения. Поставленное перед

дилеммой сохранить мир с Турцией и не потерять свой авторитет среди православного населения Османской империи, царское правительство, выполняя взятые на себя по Адрианопольскому мирному договору обязательства, оказало помощь болгарам в их стихийно формировавшемся переселении, но одновременно, исходя из своих экономических и политических интересов, предприняло все меры к его ограничению.

Деятельность российского консула, трудности, с которыми пришлось столкнуться беженцам в пути, а также в определенной степени меры османского правительства привели к тому, что с сентября 1830 г. эмиграция болгар в Дунайские княжества не только сократилась, но и почти прекратилась. Некоторые семьи стали возвращаться на родину⁷⁹. С этого времени начался спад переселенческого движения болгар в Дунайские княжества и Россию.

В заключение следует отметить, что эмиграцию болгарского населения из Османской империи в Россию не всегда следует связывать только с aspirationами российского правительства, как зачастую делают исследователи данной проблемы. Политика петербургского кабинета по вопросу болгарских переселений в разные периоды претерпевала изменения, связанные с ее политическими интересами и экономической ситуацией в стране.

Примечания

¹ Приведем из последних: *Дойнов Ст.* Преселнически движения от български по време на руски-турските войни през първата половина на XIX в.; *История на България.* Т. V. София, 1985; *Трайков В., Жечев Н.* Българската емиграция в Румъния XIV – 1878 година и участието и в стопанския, обществено-политически и културния живот на румънския народ. София, 1986; *Хаджиниколова Е.* Българските преселници в Южните области на Русия 1856–1878. София, 1987.

² *Раковски Г.* Съчинения / Ред. на проф. М. Арнаудов. София, 1922. С. 57–60.

³ *Дойнов Ст.* Русско-турецкие войны второй половины XVIII – первой трети XIX в. в политической судьбе болгарского народа // *Россия и освобождение Болгарии.* М., 1982. С. 28.

⁴ *Скальковский А. А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края 1731–1823. Одесса, 1836. Ч. 1. С. 10.

⁵ *Снегаров И.* Културни и политически връзки между България и Русия през XV–XVIII в. София, 1953. С. 55–56.

⁶ *Дойнов Ст.* Русско-турецкие войны... С. 29.

⁷ *Снегаров И.* Културни и политически връзки... С. 54.

⁸ *Шишмарев И. Ф.* Романские поселения на юге России. Л., 1975. С. 15–31.

⁹ *История на България.* Т. V. София, 1985. С. 91–92.

¹⁰ *Шульман Е.* Русско-молдавское сотрудничество (1735–1739). Кишинев, 1962. С. 47.

¹¹ *Шишмарев И. Ф.* Романские поселения... С. 37; *Скальковский А. А.* Хронологическое обозрение... С. 29.

¹² Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСРИ). Т. XVIII №№ 9919, 9921.

¹³ *Кабузан В. М.* Заселение Новороссии в XVIII – первой половине XIX в. М., 1976. С. 84.

¹⁴ ПСЗРИ. Т. XIII. № 9919.

¹⁵ *Скальковский А. А.* Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийской крае. Одесса, 1848. С. 3.

¹⁶ *Скальковский А. А.* Хронологическое обозрение... С. 55.

¹⁷ ПСЗРИ. Т. XVIII. № № 11880, 127519.

- ¹⁸ Семенова И. В. Участие болгар в русско-турецких войнах XVIII в. // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1970. Т. 2. С. 325.
- ¹⁹ Скальковский А. А. Болгарские колонии... С. 4.
- ²⁰ Сохань П. С. Очерки истории украинско-болгарских связей. Киев, 1976. С. 46.
- ²¹ Шишмарев И. Ф. Романские поселения... С. 52; Семенова И. В. Участие болгар... С. 342.
- ²² Державин Н. С. Болгарские колонии в России. Т. I. София, 1914. С. 9.
- ²³ Название этого болгарского села у разных авторов дается по-разному. Мы даем название по его первому печатному упоминанию: Скальковский А. А. Опыт статистического описания. Одесса, 1836. С. 5.
- ²⁴ Лобачевский В. Бугское казачество и военные поселения // Киевская старина. 1887. Т. XIX. С. 596; Скальковский А. А. Болгарские колонии... С. 5.
- ²⁵ Велики К. Браилските бунтове, 1841–1843. София, 1968. С. 19.
- ²⁶ Лобачевский В. Бугское казачество... С. 596–597.
- ²⁷ Материалы для оценки земли Херсонской губернии. Херсон, 1886. С. 294.
- ²⁸ Сохань П. С. Очерки истории... С. 49–50.
- ²⁹ Димитров Д. Болгарское переселение на Украину и Крым (к истории южнославянских передвижений XVIII–XIX вв.) // Сб. работ студентов и аспирантов Ленинградского историко-лингвистического института. Л., 1931. С. 10–12.
- ³⁰ Бернштейн С. Б. Основные этапы переселения болгар в Россию в XVIII–XIX вв. // Советское славяноведение. 1980. № 1. С. 47–48.
- ³¹ Боев Р. Военно-политическое сотрудничество между балканскими народами и Россией в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 г. // Etudes balkaniques. 1975. № 2. С. 127.
- ³² Гюзелев В. Болгарский народ и Россия в XV – первой половине XIX в. // Россия и освобождение Болгарии. М., 1982. С. 31–32; Дойнов Ст. Българска емиграция от втората половина на XVIII и първото десетилетие на XIX в. в земите на север от Дунава // В чест на академик Димитър Косев. София, 1974. С. 81–90.
- ³³ Дойнов Ст. Българска емиграция... С. 84.
- ³⁴ Скальковский А. А. Болгарские колонии... С. 12–13.
- ³⁵ Там же. С. 4.
- ³⁶ Писаревский Г. Из истории иностранной колонизации в России. М., 1909. С. 338–339.
- ³⁷ Скальковский А. А. Болгарские колонии... С. 6.
- ³⁸ Бернштейн С. Б. Основные этапы переселения болгар в Россию... С. 46.
- ³⁹ Писаревский Г. Из истории иностранной колонизации в России. С. 339.
- ⁴⁰ Хадживиколова Е. Българските преселници в южните области на Русия. 1856–1877. София, 1987. С. 24.
- ⁴¹ Скальковский А. А. Хронологическое обозрение... Ч. I. С. 243.
- ⁴² Скальковский А. А. Болгарские колонии... С. 6.
- ⁴³ Гросул Г. С. Дунайские княжества в политике России 1774–1806. Кишинев, 1975. С. 27–28.
- ⁴⁴ Шишмарев И. Ф. Романские поселения... С. 37.
- ⁴⁵ Грачев В. П. Към въпроса за преселването на българи в Русия в началото на XIX в. (1800–1806 гг.) // Българското възраждане и Русия. София, 1981. С. 277.
- ⁴⁶ Грачев В. П. Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. М., 1990. С. 88.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Мутафчиева В., Виану А. Феодални размирници в Северна България в края на XVIII в. и началото на XIX в. и тяхното отражение във Влахия // Българско-румънски връзки и отношения през векове. София, 1965. Т. I. С. 224–234.
- ⁴⁹ Достян И. С. Россия и балканский вопрос. М., 1972. С. 44–45.
- ⁵⁰ Грачев В. П. Балканские владения... С. 88–89.
- ⁵¹ Там же. С. 89.
- ⁵² Там же. С. 90.
- ⁵³ Грачев В. П. Към въпроса... С. 277–278; Гросул Г. С. Дунайские княжества... С. 27–28.

- ⁵⁴ Державин Н. С. Болгарские колонии в России. Т. I. С. 30.
- ⁵⁵ Грачев В. П. Към въпроса... С. 286.
- ⁵⁶ Мутафчиева В. Книга за Софроний. София, 1979. С. 202.
- ⁵⁷ Конобеев В. Д., Шатохина Е. М. Из истории политических связей с руководителями национально-освободительного движения Болгарии в 1806–1812 гг. // Известия на Института за история. Т. 20. София, 1960. С. 360–361; Дойнов Ст. Русско-турецкие войны... С. 37–38, 43.
- ⁵⁸ Дойнов Ст. Преселнически движения... С. 296–297.
- ⁵⁹ История переселения болгар в Россию в 1806–1812 гг. изложена в многочисленных работах; кроме указанных, см. также: Мещерюк И. И. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в Южной Бессарабии 1808–1856 гг. Кишинев, 1970.
- ⁶⁰ Дойнов Ст. Преселнически движения... С. 301.
- ⁶¹ Димитров Д. Болгарское переселение... С. 15.
- ⁶² Мещерюк И. Переселение болгар в Южную Бессарабию 1828–1829 гг. Кишинев, 1965. С. 65–78.
- ⁶³ Дойнов Ст. Преселнически движения... С. 311.
- ⁶⁴ Мещерюк И. Переселение болгар... С. 36–37, 66.
- ⁶⁵ Там же. С. 68–72.
- ⁶⁶ Там же. С. 74–75.
- ⁶⁷ Там же. С. 75–76; Дойнов Ст. Преселнически движения... С. 306.
- ⁶⁸ Мещерюк И. Переселение болгар... С. 87.
- ⁶⁹ Възвъзова-Каратеодорова К. Капитан Георги Мамарчев. 1786–1846. София, 1987. С. 64–74.
- ⁷⁰ Раковски Г. Горски пътник // Раковски Г. Съчинения. С. 106–107.
- ⁷¹ Подробнее см.: Мещерюк И. Переселение болгар... С. 80–91 и др.; Медведева О. В. Российская дипломатия и эмиграция болгарского населения в 1830-е годы (по неопубликованным документам Архива внешней политики России) // Советское славяноведение. 1988. № 4; Она же. Проблемът за българска емиграция в Русия през 1830 г. в дейността на руската дипломатия // Известия за държавните архиви. София, 1989. Кн. 57.
- ⁷² Медведева О. В. Когда говорят документы // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность – новые факторы консолидации. М., 2008. С. 214.
- ⁷³ Медведева О. В. Когда говорят... С. 225.
- ⁷⁴ Мещерюк И. Переселение болгар... С. 82.
- ⁷⁵ Табаков С. История на град Сливен. Т. II. София, 1911. С. 142–146.
- ⁷⁶ Там же. С. 145–147; Селимински И. Народното братство в гр. Сливен и голямото народно преселение в 1830 г. // Библиотека «Д-р Иван Селимински». Кн. IX. София, 1928. С. 71–76.
- ⁷⁷ Подробнее см.: Табаков С. История на град Сливен. Т. II. С. 140; Мещерюк И. Переселение болгар... С. 90 и др.; Медведева О. В. Российская дипломатия... С. 27–28.
- ⁷⁸ Медведева О. В. Российская дипломатия... С. 28.
- ⁷⁹ Подробнее см.: Мещерюк И. Переселение болгар... С. 95; Медведева О. В. Российская дипломатия... С. 31.

Болгария и болгары глазами русских в XIX столетии (в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и до нее)

Основной вехой в познании русскими Болгарии и болгар в XIX столетии стала русско-турецкая война 1877–1878 гг. Именно этот период – первые три четверти века, включая годы самой войны, и рассматривается в нашем обзоре. Причем здесь сразу же следует отметить, что представления о Болгарии и болгарях у русских, разумеется, имелись и в предыдущее время. О них прекрасно знали совершавшие походы на юго-запад в IX–X вв. русские князья Олег и Святослав, крестивший Русь в X в. князь Владимир, принимавший полувеком позднее болгарских миссионеров князь Ярослав Мудрый и живший после него знаменитый Нестор-летописец. В конце XIV–XV вв. на русской земле трудились знаменитые книжники, митрополиты Киприан и Григорий Цамблак, бывшие болгарями по происхождению. И так далее. В целом культурные контакты между Русью и Болгарией в средневековый и «переходный» периоды как явление хорошо в науке известно. Однако здесь следует сделать существенную оговорку: контакты эти были преимущественно книжными, и сведения о Болгарии и болгарях, которые русские могли почерпнуть из рукописных книг, как правило, не относились к тогдашней современной истории этого южнославянского народа. Чаще всего присутствовал хронологический разрыв в сто, двести или даже больше лет. Этот разрыв начал увеличиваться после падения Болгарии, а затем и Константинополя под ударами османов в 1396 и 1453 гг., соответственно. Болгария утратила независимость, превратилась в провинцию Османской империи и почти на пятьсот лет перестала быть субъектом политических отношений.

На Руси болгар постепенно перестали воспринимать как современный самостоятельный народ. Сведения, бытовавшие о нем в древних рукописных книгах, все более погребались под пылью столетий. Был народ и сплыл народ, стал своеобразной абстракцией – народом, историческое бытие которого на протяжении второй половины XV в., XVI, XVII и части XVIII в. исчерпывалось в русском сознании церковно-религиозной формулой «попал под агарянское иго грехов своих ради» и сведениями о нескольких болгарских мучениках, пострадавших от турок на Балканах за отказ сменить веру.

Интерес к болгарам несколько возрос только в эпоху Петра I в связи с обращением взоров царя на юг и попытками России проверить на прочность границы Османской империи. Военные инициативы Петра I, как известно, затем довольно быстро изменили направление, и царь принялся «прорубать окно» в Европу на западе. Однако Петр I продолжал держать в памяти стоявший под османами славянский юг, о чем свидетельствует его распоряжение о переводе и издании двух историографических сочинений, в которых содержались сведения о славянском мире. Это были вышедшие в 1719 г. в Москве и 1722 г. в Санкт-Петербурге знаменитые сочинения «Деяния церковная и гражданская...» римского кардинала Цезаря Барония и «Книга историография...» далматинского монаха Мавро Орбини¹. Из этих русских переводов впоследствии и почерпнул основные данные о славянах и болгарях родоначальник болгарского национального Возрождения Паисий Хилендарский, создавший в 1762 г. свою эпохальную «Историю славяноболгарскую».

Но по поводу Петра I и болгар обольщаться не следует – русского самодержца интересовал славянский мир в целом, а не какой-то конкретный славянский народ. Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что труды Цезаря Барония и Мавро Орбини были переведены на русский язык спустя почти 120 лет после их первоначальной публикации, а приводимые в них сведения о болгарях относились к еще более глубокой древности². Таким образом, перед нами – опять-таки случай значительного хронологического разрыва между прошлым и современностью, дающий возможность знакомства лишь с фактами седой старины, которые зачастую носят легендарно-фантастический характер. Можно с уверенностью сказать, что уменьшение этого разрыва и все большее приближение к текущей болгарской действительности начинается у нас только в XIX столетии. Этот прорыв был связан с активизацией военных действий России на Балканах, с русско-турецкими войнами 1806–1812, 1828–1829, 1853–1856 и 1877–1878 гг., когда русские войска находились в болгарских землях и вступали с населением в живой контакт. Но и тогда, в течение первых трех войн, русские войска занимали лишь небольшие части болгарских земель и находились в них сравнительно недолго. Поэтому сведения, которые русское общество почерпнуло о Болгарии и болгарях во время тогдашних военных действий, весьма отрывочны, нередко носят эмоционально-абстрактный характер или овеяны вуалью славянофильского романтизма.

В виду обилия разнообразных русских источников того времени о Болгарии и болгарях мы не сможем остановиться на подробной характеристике каждого них. Цель статьи состоит в попытке классификации этих источников и анализе тех представлений, которые складывались о Болгарии у русских людей, увидевших ее собственными глазами: *о стране и болгарском городе; о болгарском доме и народном быте; о болгарском национальном одеянии и народных обычаях, о нравах болгар и их физическом облике.*

Мы не случайно вынесли в заглавие нашей статьи слово «глазами», ибо это сразу же устанавливает границы охвата привлекаемых источников. Сведения о Болгарии и болгарях, как уже говорилось, обнаруживаются в русских источниках XIX в. самого различного рода, но все они с некоторой долей условности могут быть распределены на несколько групп: а) услышанное от других собственными ушами; б) узнанное посредством чужого печатного слова; в) непосредственно увиденное собственными глазами. Мы обращаемся именно к третьей группе источников, поскольку считаем ее наиболее надежной и, самое главное, полнокровной. Не впадая в перечислительность, приведем лишь несколько примеров, позволяющих осознать насколько зыбкими, неверными или даже сомнительными бывают порой источники первых двух групп.

Повесть А. С. Пушкина «Кирджали», например, многие литературоведы характеризуют как романтическое сочинение на болгарскую тему, воспевающее отважного витязя Кирджали, который храбро сражался против турок в повстанческой армии Александра Ипсиланти, а затем был выдан туркам русскими властями. Пушкин услышал историю об этом удалце, находясь в кишиневской ссылке: о нем рассказал ему генерал-майор И. П. Липранди (1790–1880), побывавший на территории Болгарии в период войны 1828–1829 гг. То есть перед нами – типичный, относящийся к первой группе, случай: «услышанное от других собственными ушами». Восторги некоторых литературоведов, наших и болгарских, по поводу этой повести («болгарская тема», «романтика»!)³ способны вызывать недоумение. Болгарская тема в ней, действительно, заявлена и звучит буквально с первой фразы повести: «Кирджали был родом булгар». Затем читатель узнает лишь то, что в болгарской деревушке недалеко от Килии у литературного героя остались жена и ребенок, но на этом всякая его связь с Болгарией обрывается. Да и сам Кирджали выглядит отнюдь не романтическим, поскольку в повести рассказывается, как он напал болгарское село, грабил и убивал его жителей: сам резал, а его сообщник арнаут Михайлаки собирал добычу. Фактически перед нами чистокровный разбойник – смелый и дерзкий, но разбойник. Ему чужды национально-освободительные идеалы – им движет желание разбогатеть посредством грабежа, и ради этого он готов примкнуть хоть к повстанцам, хоть к туркам, хоть к черту. А. С. Пушкин не строит по данному поводу ни малейших иллюзий, делая вывод, что борьба с турками в отряде Александра Ипсиланти представляла для Кирджали «случай обогатиться за счет турков, а может быть и молдаван...»⁴. Этот разбойник лишен каких-либо национальных черт – его место вполне мог занять молдаванин, румын, валах, серб или представитель другого народа. Недаром некоторые ученые деликатно замечают, что в Кирджали воплотился собирательный образ балканского гайдука.

Примеров такого рода можно привести немало. Исследователей привлекает лишь факт прикосновения гения (или таланта рангом пониже) к теме, безотносительно к тому, насколько она правильно поставлена и раскрыта. В знаменитом

романе И. С. Тургенева «Накануне», задуманном писателем после начала Крымской войны 1853–1856 гг. и опубликованном в 1859 г.⁵, в сущности, мелькает тень болгарина и болгарского характера. Хотя прототипом литературного героя Инсарова, действительно, являлся учившийся в России болгарин, студент Николай Катранов, Тургенев с ним лично не встречался и знал о нем только понаслышке. Фактически писатель сконструировал образ Инсарова, столь необходимый в тогдашней «безгеройной» эпохе, посредством художественного воображения, а затем, не представляя, что дальше делать со своим героем, быстро его похоронил. Инсаров не есть воплощение болгарского национального характера, а опозитизированной идеи «родины и ее свободы», и его образ овеян лишь сиянием данной идеи⁶. Это обобщенный образ цельного человека, готового без остатка посвятить свою жизнь достижению какой-либо великой, благородной цели.

Аналогичным образом в написанном в 1876 г. стихотворении «Болгарка» русский поэт Я. П. Полонский описывает тоску молодой болгарской женщины, томящейся в турецком гареме и мечтающей об отмщении туркам за разоренное ими родное село, сожженного заживо мужа и своего заколотого ребенка⁷. Оно явилось эмоциональным откликом на жесткое подавление восстания болгар в апреле 1876 г., когда турки зверски умертвили 30 тысяч мирных жителей, полностью сожгли 80 и ограбили около 200 болгарских деревень, бросили в тюрьмы 12 тысяч болгар, а их жен и сестер обесчестили и отправили в турецкие гаремы⁸. Но ничего конкретного об этом восстании в стихотворении, разумеется, нет – главное тоска, чувства и эмоции героини. Но ведь турки творили зверства и в других славянских землях, и в их гаремах томились не только болгарки, но и сербки, и черногорки. И они тосковали по родной сторонке и жаждали возмездия за гибель близких и поруганную честь ничуть не меньше болгарок⁹.

Что же касается источников второй группы («узнанное посредством чужого печатного слова»), то ярким ее образчиком служит знаменитый труд российского историка Ю. И. Венелина «Древние и нынешние болгары», опубликованной в Москве в 1829 г. Ученый создавал эту книгу, не имея болгарского визуального опыта: Болгарию он впервые увидел только после выхода своей книги, причем целью его поездки являлась не только она – перед ним стояли гораздо более широкие научные славистические задачи¹⁰. Здесь я не буду характеризовать огромное значение труда Ю. И. Венелина для дела болгарского национального Возрождения или останавливаться на критике отдельных псевдонаучных утверждений ученого. В данный момент для нас важно то, что он написал упомянутую книгу без какого-либо знакомства с жизнью болгар на их исторической родине. Поэтому, говоря об этом народе, Венелин, как правило, использует информацию, взятую из вторых рук. Так, например, в том месте труда, где ученый пытается дать болгарам характеристику как этносу, он признается, что позаимствовал данные сведения из греческого источника. На проверку же они оказываются весьма поверхностными

или неточными. Венелин, например, повторяет мнение греческого автора о том, что болгары обладают высоким ростом и атлетическим телосложением, трудолюбивы и более гостеприимны, чем турки¹¹. Из всех этих характеристик только утверждение о трудолюбии может быть признано верным. Что же касается рослости и атлетизма – крупных и крепких мальчиков турки забирали в янычары. Превосходство же болгарской гостеприимности над турецкой — констатация, не имеющая доказательной силы. И т. д. в том же духе.

Таким образом, источники, наподобие венелинского труда, не могли сформировать в русском обществе ясного представления об особенностях современной жизни болгар и о самом этом народе. Познать Болгарию и болгар можно было лишь единственным способом – побывать на их родине, увидеть их собственными глазами, вступить с ними в продолжительный человеческий контакт. Кратковременное же пребывание на болгарской земле не всегда оказывалась результативным. Так, например, произошло с русским ученым В. Г. Тепляковым, который в 1829 г. по поручению Одесского музея древностей совершил археологическую экспедицию в Восточную Болгарию и оставил нам свои «болгарские» письма, вышедшие отдельной книгой¹². По ним видно, что время для близкого знакомства с болгарами было тогда неподходящее, да и В. Г. Тепляков к нему не особенно стремился, поскольку основной его целью являлись поиски античных и византийских древностей. Поэтому приводимые им сведения о болгарях весьма лапидарны: он отмечает лишь, что они носят круглые барашковые шапки; во всем остальном их одяние не отличается от турецкого, как и у греков или армян¹³.

В книге отсутствуют какие-либо обобщения: так, например, описывая жилище, в котором он остановился, В. Г. Тепляков вскользь упоминает только о выбеленных стенах комнаты и о том, что все окна дома смотрят во двор, не развивая данное сообщение должным образом: то есть читатель гадает, характерно ли это для болгарских жилищ вообще? Впечатления ученого о болгарях представляют собой скорее обнаженные эмоции и выдают желание разделить горе братского славянского народа, страдающего от турок и войны, но без малейшего намерения зафиксировать что-то конкретное, историческое, фактическое. «Но люди, но мирные жители? Боже мой! – восклицает В. Г. Тепляков. — Я уже тысячу раз повторял вам, что их нет, что они исчезли, подобно листьям, развеянными осенними аквилонами. Кое-где только – согбенные нуждой, томимые голодом, бледные, подобно Ларвам древняго Тартара, блуждают толпы Болгар вокруг пепла разоренных лачуг своих, или вооруженные с ног до головы, служат правоверным, гяурам и очень часто самим себе... для удовлетворения крайних, животных потребностей человека»¹⁴. Случай с письмами В. Г. Теплякова говорит о том, что далеко не все источники, относящиеся к группе «увиденное собственными глазами», могут представлять интерес для раскрытия нашей темы. Главное,

– на что были направлены в Болгарии глаза очевидцев и насколько зоркими они были. Так, например, француз А. О. Дюгамель (1801–1880), служивший в русской армии в чине капитана, побывал в Болгарии в период войны 1828–1829 гг.¹⁵ и оставил превосходное описание болгарских северо-восточных и черноморских городков. Он собрал подробные данные о численности их населения, количестве имеющихся в них домов, этническом составе горожан, их промыслах и хозяйственных занятиях, об озерах, реках и климатических условиях тех районов страны, где он сумел побывать¹⁶. Но эта, законченная 31 марта 1830 г., работа относится все-таки к области физической и экономической географии и, несомненно, выполнялась с военными целями. Подобным же образом обстоит дело и с поездкой в болгарские земли в 40-х гг. XIX в. русского ученого В. И. Григоровича, оставившего нам целую книгу о своем путешествии¹⁷. Она, однако, представляет интерес скорее для исследователей, занимающихся славянскими рукописями, поскольку В. И. Григорович главное внимание уделял болгарским монастырям и церквям, в библиотеках которых хранились славянские рукописи.

Возможность близко познакомиться с Болгарией и болгарями настоящему представилась огромному числу русских людей только в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Русские войска, как уже отмечалось, бывали в болгарских землях в XIX в. и ранее, в период предыдущих военных кампаний, но находились они там сравнительно недолго. Интерес к Болгарии и болгарскому народу в русском обществе еще не был столь подогрет и не вылился в создание документальных очерков о национальном быте и характере болгар. Не случайно поэтому, что войдя в непосредственное соприкосновение с болгарскими на их родине в 1877–1878 гг., русские вынуждены были признать, что они отправились освобождать народ, которого совсем не знают: ни его обычаев, ни повседневного быта, ни особенностей национальной психологии. О незнании русскими болгар еще в 1861 г. свидетельствовал учившийся в России болгарский поэт, писатель и публицист Райко Жинзифов. В письме редактору славянофильской газеты «День» он, в частности, писал, что «русский народ не имеет ни малейшего представления о болгарях», принимая их то за греков, то за турок или даже за бухарцев¹⁸. Через полтора десятка лет, накануне и после начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в том же духе высказывался и известный ученый А. Н. Пыпин, тем самым констатируя, что ситуация к лучшему не изменилась. В своих очерках он отмечал, что внимание русского общества является «рассеянным» и что подавляющее его большинство знает многие народы, в том числе и болгар, лишь по названию, поэтому во время войны средний русский интеллигент познакомился с болгарскими фактически впервые¹⁹.

Нельзя не признать справедливость мнений Р. Жинзифова и А. Н. Пыпина и о незнании русскими болгар, и о той роли, которую сыграла для знакомства русско-турецкая война 1877–1878 гг. И в самом деле, впер-

вые в истории столь огромные массы русского народа так далеко углубились в болгарские земли и так долго в них находились. Напомним, что прежде русским войскам удалось перевалить Балканский хребет и ступить (но не занять) в южную Болгарию лишь однажды – в период военной кампании 1828–1829 гг.²⁰. Теперь же части русской армии дошли до самого Константинополя, пройдя через все заселенные на юге болгарскими землями. Никогда еще на болгарской земле не являлось разом свыше 200 тысяч русских людей²¹, то есть по одному русскому на трех-четыре болгар в той части Болгарии, где разворачивались важнейшие сражения с турками²². И никогда еще боевые действия русских войск на болгарской земле не продолжались целых двадцать месяцев. Все это давало нашим солдатам, офицерам, военачальникам, военным корреспондентам, журналистам, медсестрам и другим русским людям, захваченным вихрем войны, увидеть Болгарию и болгар своими глазами, приобрести непосредственное о них впечатление.

Многие из очевидцев событий оставили нам свои воспоминания, среди которых на первое место можно поставить репортажи и книги замечательных писателей В. И. Немировича-Данченко и В. В. Крестовского. Они двигались вместе с русской действующей армией и являлись непосредственными наблюдателями, а порой даже и прямыми участниками военных баталий²³. Особый вклад в открытие для нас болгар внес первый профессиональный военный корреспондент В. И. Немирович-Данченко – создатель трехтомной книги, в основу которой легли его личные впечатления. В небольшой заметке «От автора» – этом своеобразном предисловии к изданию, он особо предупреждал, что пишет не историю войны, а рассказ о том, что он «видел и испытал в благородном для нас русском походе»²⁴. Материалы из книг этих двух писателей будут часто использоваться в данной статье, но, разумеется, наш обзор этими источниками не ограничивается.

В этой связи следует заметить, что суждение Р. Жинзифова и А. Н. Пыпина о «незнании» касается лишь «среднего» русского человека или «среднего» русского интеллигента, которых в природе не существует. Кое-что о Болгарии, национальном быте, обычаях и нравах болгар и о том, как они выглядели, читатель тогда мог в России найти. И наша задача заключается в том, чтобы это «кое-что» отыскать и свести воедино, не соблюдая строго хронологию и последовательность появления «кусочков» знания – наше внимание сосредоточено на воссоздании цельности самих «картинок» из болгарской жизни. При этом мы стремимся сохранять живость подобных картинок и не разрушать их художественности для лучшего восприятия современным читателем. Вместе с тем в большинстве случаев этот прием не сводится к «раскавычиванию» чужого художественного текста, а представляет собой сжатый пересказ с передачей художественности изложения.

О стране и болгарском городе. Одним из первых в русской историографии XIX в. свои впечатления о стране оставил нам монах Парфений, прошед-

ший пешком через болгарские земли в 1839 г. на пути к Святой Афонской горе²⁵. По его словам, Болгария есть воистину Божий рай! Зимы здесь почти не бывает. Это чаша изобилия, льющегося через край. Болгарскую землю орошают воды Дуная и текущие сквозь леса и горы малые речки, богатые рыбой. В ней родится много хлеба и плодов, в ней есть много всяких фруктовых деревьев, садов, виноградников и лугов, всякого скота и множество пчел. Большинство деревьев в лесах дают плоды: груши, яблоки, вишню, черешню, различные орехи, кизил; растет здесь и дикий виноград. Но насколько хороша эта страна и насколько христиане здесь страннолюбивы, настолько же они бедны и разорены. Парфений пишет, что во время своего странствия ему мало случалось видеть подобную нищету. Тем не менее, далее он снова восклицает: «Воистину благая страна болгарская и блажен народ в ней живущий!»²⁶

Что же касается болгарских селений, то их вид сразу производил впечатление на русского человека своим отличием от европейских. Сотрудник журнала «Современник» Е. П. Южаков, совершивший поездку в болгарские земли в 1858–1859 гг. в качестве представителя московского Славянского комитета, писал, что города здесь являют собой копии турецких, то есть неряшливые, с грязными, криквыми и узкими улицами. Дома в них разбросаны, или точнее «посажены без всякого плана и порядка»²⁷. Схожие наблюдения высказал и писатель В. А. Соллогуб, прикомандированный к Главной ставке русского императора Александра II на протяжении пяти месяцев военного 1877 г. Он тоже любовался болгарской природой и оставил нам живописное описание болгарского села Бяла с окружающим его разнообразным ландшафтом. По его словам, сельские окрестности изобилуют густыми лесами, тучными пахотными землями и лугами, среди которых имеются и заливные, образуемые водами реки Янтры в половодье.

Вместе с тем В. А. Соллогуб обратил внимание и на некоторую «неправильность» архитектуры упомянутого селения, в котором лишь одна, примыкающая к базару и православной церкви, главная улица, является «правильной»; все же прочие переулки и закоулки переплетаются «в совершеннейшем беспорядке», создавая впечатление, что не дома соображаются с дорогами, а дороги с домами. В. А. Соллогуб также отметил, что в отличие от Европы здесь нет пыли, и повсюду имеется вода в цистернах. По его свидетельству, большинство домов в болгарских городах скрыты за каменными заборами, улицы до невозможности узкие и вместе с переулками и закоулками образуют лабиринты, в которых не то что люди, но и сам черт ногу сломит. Тем более, что мостовую имеет, в основном, лишь главная улица, а остальные покрыты грудями развороченного булыжника и плитняка, порождая одновременно любопытство и сочувствие своей первобытной наивностью и обыденностью уличного обихода²⁸.

О болгарском доме и народном быте. Более подробные сведения русский читатель мог получить о болгарском доме, и заслуга первого его краткого опи-

сания принадлежит все тому же Е. П. Южакову. Он сообщал, что обстановка в домах болгар очень скромная: обычно в нем имеются две комнаты — одна обиходная, служащая кухней, кладовой, рабочим помещением и спальней одновременно, а другая — гостевая, предназначенная исключительно для приема гостей. У богатых болгар вторая комната, как правило, устлана коврами, а подле стен располагаются диваны или широкие лавки с тюфяками, набитыми верблюжьей или овечьей шерстью, а где победнее, простой соломой. Чаще всего они покрыты белой или цветной материей. Иногда диваны отсутствуют — их заменяют длинные подушки подле стен. Гостям здесь обычно сначала подают кофе, а затем варенье, орехи и пряники. Подносят также кувшинчики с ракией и вином. После трапезы приносят кувшин с теплой водой и тазик с мылом для мытья рук и споласкивания рта после приема пищи. Е. П. Южаков, по-видимому, ошибочно решил, что мыло используется и для чистки зубов²⁹.

В первой же комнате только в одном из углов послана соломенная рогожка с несколькими подушками. Повсюду царит чистота, в комнаты входят в чулках, непременно снимая обувь; в них нет ни кадок, ни умывальника с лоханкой, никакой грязи и никакого мусора, как на Руси. На кухне имеются кастрюли, чашки, тарелки и кофейник, в углу — порожний мангал³⁰. В. А. Соллогуб добавлял, что дома горожан сооружены из дерева, выбелены снаружи и изнутри, а крыши их покрыты черепицей. Они имеют форму четырехугольников, один из углов которого остается открытым в виде террасы под навесом, служащим в теплую погоду приемной, столовой и спальней³¹.

Гораздо более обстоятельное описание жилища зажиточного болгарина привел В. В. Крестовский, останавливавшийся в Свиштове в доме местного чорбаджии (от болг. «чорба» / «похлебка» — *И. К.*), то есть состоятельного человека, Вылко Поварджиева. По свидетельству писателя, этот, стоявший во дворе за высокой стеной, дом был чрезвычайно красивым и удобным. Его каменный фундамент был глубоко врыт в землю и образовывал первый этаж без окон, в который вела одна только дверь с несколькими ступенями вниз. В жаркое время там постоянно поддерживается прохлада, в нем имеется также люк в подземный погреб, где хранятся вина, живность и разные припасы. Везде поддерживаются чистота и опрятность, то же самое наблюдается и во дворе с изящным садиком. Женщины проводят почти все время дома: занимаются рукоделием, вышивают чулки и платки, полотенца и бархатные курточки «арнаутки». В полдень, когда возвращается хозяин, семья с молитвой приступает к трапезе, все собираются в тесный кружок; поджав под себя ноги или на корточках, рассаживаясь вокруг небольшого столика, называемого «маса» или «низка софра». В обед подают куриный суп или чорбу, плов, жареную баранину или паприкаж — баранье рагу с луком и паприкой. Вечером семья переходит в верхнюю половину дома.

Во всех домах есть большая и светлая прихожая, где снимают башмаки и туфли. Ноги обязательно следует вытереть о половик — пропустить эту про-

цедуру считается неприличным. Из прихожей ведут двери в несколько комнат, которые не всегда имеют сообщение между собой. В боковых горницах помещаются отдельные члены семейства, но спальное помещение всегда одно для мужа и жены. Вход туда заказан не только посторонним, но и другим членам семьи. Одна или две комнаты предназначены для гостей. В них идеально чисто и туда никогда не входят в обуви, а только в чулках. В одной из таких комнат наружная стена представляет собой сплошной ряд стекольчатых рам, иногда имеется четырехугольный либо полукруглый балкон-фонарь, обставленный широкой оттоманкой или узкими диванчиками по периметру. Спинками им служат подушки. На обивку используют восточные ткани с великолепными узорами и разноцветное сукно, вышитое шелками в виде фантастических цветов и арабесок. Перед диванчиками находятся низенькие восточные столики изящной работы, инкрустированные перламутром, черепашей или слоновой костью, черным, ореховым или палисандровым деревом³².

Обилие таких домов в Болгарии вызывало настоящий шок у переправившихся через Дунай русских солдат. Они ожидали встретить в порабощенной турками стране людей нагих и босых, без крова и пищи, скудные поля и вытопанные нивы, цепи и эшафоты, а увидели вдруг тучные нивы, плодоносные виноградники, долины роз и зажиточных крестьян. Русские офицеры приходили в недоумении: как это они - нищие, с солдатами, набранными в голодных недоимочных деревнях, явились сюда «спасать от угнетения страну, где самый бедный мужик побогаче самого богатого нашего мироеда»³³. А жаждали ли болгары своего спасения? И земли у них много, и культура земледелия несравненно выше русской, и оно так разумно устроено, что знаменитый народник Глеб Успенский стал колоть глаза русскому нестроению болгарским благоустройством. Но разве стоило торопиться с выводом о том, что все болгарские «братушки»³⁴ процветают и являются настоящими богачами по сравнению с русскими крестьянами? У того же В. В. Крестовского имеется описание и другого, типичного для Придунавья, болгарского жилища.

«Трудно представить себе, — пишет В. В. Крестовский, — что-нибудь хуже, непригляднее и неудобнее здешних хат-землянок. Какая-нибудь литовская курная изба в сравнении с ними является верхом комфорта и даже изящества — это не преувеличение»³⁵. По его словам, чтобы попасть в такую «кешту»³⁶ надо было спуститься по грязным крутым ступенькам и отворить низкую дверь, которую в России найдешь лишь в каком-нибудь убогом свином хлеву. Внутренность землянки выглядит еще ужаснее: потемки, липкая грязь на земляном полу, вонь от находящихся здесь же волов или буйволов на навозной подстилке, скудная утварь на полках, состоящая из медного котла и пары-тройки глиняных кувшинов и стольких же мисок. Очаг расположен в углу справа от входа прямо на земле; дым выходит в широкую, прямую трубу, сверху ничем не прикрытую; у основания ее висит медный казан для варки «чорбы» — обычно бобовой по-

хлебки со стручковым перцем. Других печей, по его наблюдению, здесь нет. Более зажиточные болгары готовят на глиняной или железной жаровне, «мангале», в которой непрестанно поддерживается огонь и по несколько раз в день пекутся вместо хлеба кукурузные лепешки. Делается это самым первобытным способом – зарыванием сырого теста в золу.

Мясо болгары едят крайне редко, разве что на Рождество или на Пасху – в будни же довольствуются упомянутыми кукурузными лепешками и красным стручковым перцем. Последний в Болгарии является любимым лакомством всех от мала до велика. Вилки и ложки здесь не в ходу: болгары едят прямо руками, обмакивая в жижицу куски хлеба, заменяющие им ложки. Потолок в землянках отсутствует, кровлю образуют грубые стропила, покрытые кукурузными стеблями, присыпанными землей. Подобная кровля – излюбленное место обитания скорпионов, мышей, крыс, змей и мириадов насекомых, от которых спасения нет. Мебели нет никакой – ни стола, ни скамейки. Вся жизнь протекает на грязном, склизком полу, хотя самые зажиточные из придунайских болгар располагают большой камышовой подстилкой, которую на ночь придвигают к очагу и укладываются на ней спать всей семьей вповалку. Спят болгары не раздеваясь и, вообще, они раздеваются крайне редко и почти никогда не моются – разве что перед каким-нибудь большим праздником³⁷. В землянке обычно грязно и неопрятно. Вонь исходит главным образом смердящие бараньи и воловьши шкуры, развешенные для просушки. Она исходит также из кладовки – маленького смежного помещения, где хранятся разные кадушки, плетенки с запасами, лишняя одежда и высушенные шкуры. В вонь виноваты, разумеется, не припасы, а нечто иное: наружу из кладовки на уровне земли, как правило, пробита дыра – окон со стеклами здесь не знают, через которую внутрь летит пыль, сочится дождевая вода или жидкая грязь и проникают ужасные миазмы, ибо домохозяева справляют большую и малую нужду снаружи прямо перед этой дырой³⁸.

Комментарии здесь, как говорится, излишни. По существу, перед нами иной полюс болгарской жизни, увиденный русскими глазами. Описание землянки – типичного крестьянского жилища придунайских болгар и их бытового уклада резко контрастирует с тем представлением, которое мы только что приобрели, знакомясь с устройством дома Вылко Поварджиева. С одной стороны – красота, уют, комфорт, чистота, довольство жизнью, а с другой – убожество, грязь, беспросветная нищета, способная соперничать с нищетой и самых бедных русских крестьян того времени.

О болгарском национальном одеянии и народных обычаях. Смутное представление русских о болгарском национальном костюме было обязано во многом тому обстоятельству, что в повседневном быту болгары не носили нарядные национальные одежды, облачая их только по большим праздникам. Кроме того, испытывая постоянное угнетение со стороны турок, они старались ничем не привлекать взглядов насильников и выглядеть как можно не-

приметнее, подлаживаясь под чужой стиль жизни. Такое мнение сложилось у В. Г. Теплякова (см. выше), и позднее его разделил Е. П. Южаков, писавший, что болгары по одежде ничем не отличаются от турок: те же самые шаровары, куртки, чулки и башмаки, те же самые фески или даже чалма. По его выводу, болгар возможно отличить только по лицу, поскольку они бреют бороды, оставляя только усы – у турок же это делают лишь военные³⁹.

Мимолетное представление о национальной одежде болгар можно было получить во время посещения Всероссийской Этнографической выставки, организованной в 1867-г. в Москве⁴⁰. В ней имелось Славянское отделение, посвященное не только славянам восточным, но также славянам южным и западным. К сожалению, болгарская его часть оказалась крайне скромной и само болгарское представительство очень невыразительным. Среди 62-х делегатов из славянских стран был только один болгарин – врач и просветитель Иван Богоров. Для сравнения упомянем, что сербов на выставке присутствовало 28 человек. Небогатой была и болгарская экспозиция: всего несколько народных музыкальных инструментов (в числе которых на обозрение выставили «гайду» – балканскую волынку, «кавал» – большую длинную свирель и «тамбуру» – тамбурин), часть женской верхней одежды «касику», обычно надеваемый в холодную погоду, и две фигуры болгарина и болгарки, облаченные в национальные костюмы из Тырновской области⁴¹. Хотя фигуры были выполнены очень удачно, с сохранением этнических черт болгар, населяющих данный регион страны⁴², болгарская экспозиция значительно проигрывала по богатству экспозиции соседним разделам, черногорскому и, особенно, словенскому – в последнем была представлена многофигурная сцена словенской свадьбы.

На бедность болгарского раздела обратил внимание П. Лавровский, откликнувшийся на Этнографическую выставку публикацией статьи в издании «Современная летопись». Он с огорчением писал следующее: «Пожелали бы мы и большей представительности Болгар: два выставленные манекена придурнайских Болгарина и Болгарки крайне недостаточны для полной характеристики этого близкого нам по многому, трудолюбивого, кроткого поколения славянского»⁴³. Следует принимать во внимание и другое: несмотря на то, что названия всех компонентов облачения мужской и женской фигур этого раздела были добросовестно перечислены организаторами выставки и лица манекенов сохранили портретное сходство, поскольку выполнялись по фотографиям, они все-таки представляли собой только бледные блики полнокровной жизни славян. По мысли выступавшего на открытии Этнографической выставки протоиерея Н. А. Сергиевского, эти манекены и экспозиция есть всего лишь «немые образы» славянского мира, нуждающиеся в оживлении, осуществить которое возможно лишь через присутствие представителей самих славянских народов⁴⁴.

В период освободительной войны 1877–1878 гг. краткие словесные зарисовки мужских болгарских костюмов выполнил В. А. Соллогуб. По его на-

блюдению, они напоминают турецкие и малороссийские: болгары носят широкие, сужающиеся к туфлям шаровары, расшитые куртки с широкими кушаками, в которых прекрасно может помещаться различное оружие; вместе с тем, шелковые шапочки на их головах имеют уже не турецкий, а скорее малороссийский вид⁴⁵. Более точен, наблюдателен и профессионален в этом плане В. В. Крестовский, описавший встречу болгарами русских войск в Свиштове. По его словам, зажиточные болгарки в тот день облачились как на праздник. Волосы у них были заплетены в две косы, перевязаны цветной лентой на спине и скрывались под легким платком. У девушек, в отличие от замужних женщин и вдов, принято украшать волосы букетиками живых цветов. Они были облачены в короткие, отороченные дорогим мехом душегрейки, щегольски сшитые из желтого, пунцового, зеленого и лилового шелка. На шее они обычно носят мониста из старинных золотых и серебряных монет, а талии стягивают широкими, расшитыми поясами с двумя массивными, рельефными серебряными пряжками. Ворота и рукава их тонких белых сорочек украшены разноцветными вышивками, напоминающими малороссийские. Шерстяные юбки переходят в узорчатые чулки, а ноги обуты в узенькие туфли. Такой наряд придает болгарским девушкам особую миловидность, мгновенно исчезающую при облачении их в современное европейское платье⁴⁶.

Что же касается мужского наряда, то он состоит из высокой барашковой шапки, темно-коричневой или темно-лиловой куртки, прошитой спереди и украшенной на спине и по рукавам шнурами и тесьмой. Грудь и живот стянуты широким синим, зеленым или красным поясом, за который обычно заткнуты пара кремниевых пистолетов и кривой ятаган. Ноги покрыты широкими, одного цвета с курткой, суконными шароварами, которые постепенно сужаются, охватывая ниже коленей ноги в обтяжку; обувью же служат башмаки, слегка прикрытые шароварными раструбами. Пожилые состоятельные мужчины поверх такого облачения накидывают чем-то похожий на ясу, широкий, длинный суконный кафтан, отороченный лисьим мехом⁴⁷.

Большое впечатление на русских производили увиденные ими болгарские обряды, связанные с важнейшими событиями в жизни человека, такие, например, как обручение, свадьба и похороны. Описание этих обрядов встречаются в публикациях Е. П. Южакова и В. В. Крестовского. По свидетельству первого из них, во время обручения (или по-гречески «армасение») действие начинается со сбора парней в доме жениха, где они угощаются вином, пуская чашу по кругу. Затем отец жениха отправляется к будущему свату в сопровождении женатых мужчин – холостым участие категорически возбраняется. В случае открытия такого факта, холостяка ждет неминуемый позор и одевание на шею ослиного седла. При входе в комнату свата гости жениха располагаются в четыре ряда отдельно от гостей невесты и вместе с ними поют обрядовые обручальные песни. После этого, как сообщает Е. П. Южаков, появилась невеста, которой на вид

было не более тринадцати лет. Она была окружена подружками с полотенцами. Отвесив три медленных, низких церемониальных поклона, невеста поцеловала руку отцу жениха, накинула ему на плечо расшитое золотом и шелком полотенце и снова поцеловала его руку. После этого она стала обходить всех гостей, одаривая их подарками. Гости же начали поздравлять сватов – одного с сыном, другого с дочерью и друг друга с подарками. Невеста принялась угощать гостей вином, проделывая ту же самую процедуру целования рук. Причем при возвращении винной чаши гости вкладывали в руку невесты деньги – кто сколько смог. Вслед за этим состоялась трапеза, во время которой подаренные полотенца оставались у гостей на плечах. Они не снимали их и во время возвращения в дом жениха, которое сопровождалось теперь игрой музыкантов, песнями и плясками. Жених по обычаю не может находиться в одной комнате с невестой до самой свадьбы. В продолжение всей этой церемонии он не покидал дома, и позднее ему не разрешалось обмениваться с невестой ни одним словом. Отца и его сопровождающих встречали в родном доме шумным ликованием и криками «ура», будто посланцы сумели одержать победу и смогли завоевать некую ценную добычу. Это составляло резкий контраст по сравнению с тем, когда процессия направлялась в дом невесты: все шло молча, тихо и скромно, а назад возвращались с песнями и танцами⁴⁸.

Еще интереснее, по описанию Е. П. Южакова, выглядел болгарский свадебный обряд. Действо началось с появления невесты в сопровождении ведущих ее под руки подружек, потому что сама она ничего не видит из-за сплошь покрывающей ее белой чадры. Приблизившись к толпе, невеста отвесила ей три медленных, до самой земли, низких поклона. В правой руке она держала расшитое по краям полотенце, прикладываясь к виску при очередном поклоне. На голове у нее виднелось некое сооружение, напоминающее кивер около двух вершков высотой. Оно завершалось разветвленной на концах палочкой – единственно, что не было покрыто чадрой. На груди у невесты по восточному обычаю висело монисто со старинными монетами и большой серебряный круг. Множество косичек позади также были украшены мелкими монетами. Из-под невестиного платья выглядывали широкие шаровары и расшитые шелком и золотом красные туфли. Отвесив три поклона, невеста вошла в церковь, где ее уже ожидал жених. Молодые приблизились к низенькому столу с лежащим на красном шелковом платке Евангелием. По его сторонам стояли четыре священника – дьяконов здесь нет. Обряд венчания во всем походил на российский, но когда священники повели молодых вокруг стола, народ стал осыпать их зернами пшеницы и мелкими монетками «паричками», составляющими треть русской копейки серебром.

По окончании венчания близкие жениха и невесты подходили к напрестольному Евангелию и прикладывались к венцам молодых. Эти венцы обычно хранятся у паши и получить их для венчания возможно только после «бакши-

ша» паше и лишь при наличии записки от архиерея с разрешением на брак. По завершении венчания жених отправился домой в одиночестве, а невесту, лицо которой все еще оставалось закрытым чадрой, за руки вывел из храма свекор. Выйдя наружу, невеста снова троекратно низко поклонилась народу, а свекор усадил ее на лошадь с мужским седлом, которую повел под уздцы к дому. Людская толпа в это время продолжала осыпать ее деньгами. Болгары рассказывали, что в прежние времена девушка подходила к церковному колодцу и после церемониальных поклонов во все стороны, сыпала в него зерна пшеницы. Когда процессия приблизилась к дому, молодая, оставаясь на лошади, поздоровалась со свекром, свекровью, деверями и золовками. К ней подвели маленьких брата и сестру жениха, и она подняла детей по очереди к себе на колени, поцеловала их, потеряла своим нагрудным серебряным кругом и одарила под конец конфетами. Только потом свекор снял ее с лошади и завел в дом.

Жених все это время так и не показался, а невесту, окруженную женщинами, усадили в закрытый занавесом передний угол, который в течение всей процедуры здесь называют «божиком». Мужская половина гостей располагалась в другом углу. Жених, выйдя из своей комнаты, начал обходить гостей с чашей в правой руке, целуя им руки и поднося их после поцелуя к своему лбу. Целование совершалось дважды – до вручения женихом гостям чаши вина и после ее возвращения ими. Затем гости стали расходиться, так и не выпив за здоровье молодых. Что же касается молодой, то чадру с себя она снимает только на следующий день вечером, когда ее после обеда передают, наконец, мужу⁴⁹. А В. В. Крестовский к этому добавлял, что жених всегда выбирает себе невесту сам, но женится на ней только с согласия родителей. После помолвки он задаривает родственников невесты и лично заботится о подвенечном наряде для своей избранницы. Важным атрибутом свадьбы, по словам писателя, является приготовление в доме будущих молодых свадебных караваев. Муку для них просеивают сквозь три сита, причем в верхние кладутся обручальные кольца: у невесты кольцо жениха, а у того – невесты. В доме жениха во время действия играют музыканты; в доме невесты оно совершается молча. Самый большой из жениховых караваев намазывают медом, поэтому весь этот обряд называют «медевиком» или «меденицей». Каравай приносят в лучшую горницу дома, водружают на покрытый салфеткой стол, ставят поверх него чашу с вином, в которую погружают кольцо невесты. После чего приготавливавшие каравай девушки водят хороводы «коло», а затем девушка-«дружка» вынимает кольцо из чаши и выплескивает вино на четыре стороны. В доме невесты чаша с вином в обряде не используется.

Накануне свадьбы в доме жениха в присутствии мужчин, приглашаемых на свадьбу, совершается бритье бород у виновника будущего торжества, посаженного отца, шаферов и других почетных лиц. Затем посаженная мать в

сопровождении подружек невесты отправляется в дом последней на церемониальный прием. Это настоящее торжественное шествие, которое обычно возглавляют музыканты, за ними следуют шаферы с подвенчным нарядом и юнаки с подносами и корытцами, полными подарков для родственников невесты. При приближении народа к дому невесты мать и подружки выводят ее навстречу и приглашают гостей во двор, где расположен стол с угощением и рукоделия невесты, предназначенные в подарок суженому. Вокруг стола начинает кружиться «коло», составленное из юнаков и девушек, а шаферы в это время потчуют гостей вином. После чего процессия столь же торжественно возвращается с подарками в дом жениха. Сам он появляется в доме невесты утром в день свадьбы. Туда же молодцеватые парни и шаферы приводят посаженных отца и мать с приготовленными ими обрядовыми вещами. Это шелковые платки, кладущиеся под ноги молодых при венчании, и полотенце, которым жениху и невесте связывают руки. Посаженные родители собирают с родственников обеих сторон «бакшиш» молодым на разживание, а затем жених и невеста, взявшись за руки, направляются во главе толпы в храм.

Во время венчания, когда молодых обводят вокруг аналая, в них со всех сторон начинают бросать различные лакомства – орехи, пряники, конфеты и подсолнухи, подбираемые наперегонки с веселым шумом и гамом проворной ребятней. Выход молодых из церкви сопровождается музыкой и выстрелами из ружей и пистолетов, берушихся взаймы у турок с разрешения местного турецкого управника «каймакама». Разумеется, за известный «бакшиш», поскольку болгарам запрещено иметь огнестрельное оружие. При приближении процессии к дому молодые родственники жениха и невесты требуют с них символический «бакшиш» за вход. Затем новобрачных усаживают на парадное место и начинается угощение, в процессе которого им дают подержать у себя на руках двух младенцев: молодому – мальчика, а молодой – девочку. Любопытно и то, что по обычаю, родственники новобрачной в этот день не должны обедать в доме жениха – они удаляются домой для приготовления приданого. После обеда наступает время для танцев, в которых молодая участия не принимает – она лишь изредка выходит на балкон, чтобы окинуть танцующих благосклонным взглядом. Затем шафера и гости отправляются за приданым в дом новобрачной, где ее девушка-сестра в шутку начинает требовать выкуп за каждую вещь, называя ее цену. Открывается веселый торг с различными прибаутками, завершающийся приглашением «продавщицы» присоединиться к гостям и пойти в дом жениха.

Родственников новобрачной по традиции приглашают туда на обильный ужин, но без ее родителей. В продолжение трапезы старшая родственница невесты раздает подарки всем присутствующим – обычно это полотенца, шарфики, платки и прочее. Получившие подарки обязаны отдарить, кладя в ответ на поднос деньги. Молодые при этой процедуре, как правило, не при-

сутствуют. По окончании ужина гости и родственники расходятся по домам, а посаженные отец и мать вводят молодых в брачную спальню. Необычным является запрет для молодых ночевать в собственном доме в первую брачную субботу. По поверьям, она считается «мертвым днем», и поэтому чете новобрачных следует вечером перед наступлением субботы идти ночевать к близким родственникам. В случае нарушения запрета молодоженам грозит скорая смерть. Таким же образом поступают и родители в случае смерти перворожденного ребенка. В день его погребения они так же не должны ночевать дома во избежание преждевременной смерти своих последующих детей.

О непременно почти для всех болгарских праздников танце «коло» или «хоро» впервые рассказал Е. П. Южак. По его словам, на главной сельской площади «мегдане» во время гуляния девушки образовали свой круг с песнями и визгом, раздававшимся по завершении каждой песни. Такой же хоровод составили отдельно и юнаки, но они водили его намного быстрее. Между двумя хороводами передвигались музыканты с волынкой, которая представляла собой огромный мех из верблюжьей или буйволиной кожи с двумя деревянными трубками-отростками: один с отверстиями, в которые дул музыкант, а другой гудел октавою в один тон, «но преотвратительно». Поблизости от этих кругов юнаки устроили состязание скачков по-славянски, проходившее следующим образом. Стремительно разбежавшись, юнак совершал на одной ноге три огромных скачка, стараясь, чтобы последний из них находился не ближе предварительно сделанной отметки. Успешный прыжок сопровождало громкое «ура» зрителей, и юнак снова становился в очередь – потерпевшего же неудачу парня собравшиеся награждали насмешками, и он сконфуженно отходил в сторону. Сначала отметка делается на расстоянии двадцати шагов, затем тридцати и так далее, пока не останется единственный участник-победитель⁵².

Производило впечатление на русских и то, как болгары хоронят своих усопших. Во главе процессии, согласно описанию В. В. Крестовского, шествовали мальчуганы, несшие крест и рипиды вместе со священником и церковными служками. Они передвигались нестройно, спотыкаясь и награждая друг друга тумачами. Шествие сопровождалось детским пением с довольно однообразным мотивом, состоявшим всего лишь из двух-трех нот. Рулады же взрослых своей гнусливостью и переходами неприятно поражали непривычное ухо иноземцев. Покойника несли на носилках, гроб отсутствовал – тело было покрыто парчой. У могилы священнику подали чашу с вином и маслом, которыми он крестообразно полил свежевыврытую могилу, а затем на полотенцах в нее опустили тело усопшего и засыпали его вровень с землей. После этого могилу окурили ладаном, побрызгали на нее красным вином и поставили в голове фонарь с иконкой и свечой. Огонь в фонаре дол-

жен поддерживаться в течение трех дней. Здесь же у могилы прошло и поминание: мать почившего раздала присутствующим куски белого хлеба⁵³.

О нравах болгар и их физическом облике. Особенно поражала русских людей чистота и простота болгарских народных нравов. В них не было места лицемерию, привычки усложнять и двусмысленности, как в тогдашней Европе и России. Им были чужды подлость, трусливость или низкопоклонство, но одновременно эти нравы несли на себе печать осторожности, появившуюся в результате многовекового турецкого ига. Семейная жизнь болгар, по словам В. В. Крестовского, отличается целомудрием, опрятностью, набожностью, бережливостью и трудолюбием. Быт болгарской семьи патриархален и строг. Отец – безусловный глава семьи, так же как и муж – глава жены. Жена обязана соображать свои вкусы и желания с желаниями и вкусами мужа, что не приводит, однако, к тому, что у русских называют «самодурством». Отношение мужа к жене у болгар преисполнено тихой мягкости и деликатности, она подчиняется не из страха перед кулаком мужа, а следуя укоренившимся обычаям. Здесь невозможно услышать о падении замужней женщины. Болгария, считал В. В. Крестовский, «чуть ли не единственный уголок во всей Европе, где семейная нравственность сохранилась в такой неприкосновенной чистоте»⁵⁴. Впрочем, писатель отдавал себе отчет, что семейная жизнь малознакомого народа, тем более столь долго жившего бок о бок с турками, по-восточному скрыта от посторонних глаз.

В адрес болгарок русские писатели высказывали немало и других лестных слов. В сравнении с нашими женщинами они выглядели не только гораздо более скромными и целомудренными (о чем свидетельствовало их искреннее возмущение той легкостью отношений, которые завязывались между мужчинами и женщинами во время войны), у них было множество иных положительных качеств. Болгарские женщины вызвали симпатию, хотя образ их жизни представлялся несколько однообразным и скучным из-за прикованности к домашнему очагу и отсутствия иных интересов. По словам очевидцев, болгарские женщины все дни проводят за работой по домашнему хозяйству, приготовлением пищи и рукоделием. Вместе женщины собираются только в банях, которые, как и везде на Востоке, служат в Болгарии своеобразными клубами. Женщины пользуются дома большим уважением на деле, а не на словах, причем муж подчиняется жене в вопросах очага. Ссор между мужем и женой практически не бывает. В. В. Крестовский писал, что ни разу не слышал в болгарском доме ругани. В общении болгарская женщина уступчива, тиха и молчалива. Разговор она ведет, потупив взгляд, что, однако, не служит признаком жеманства, а является проявлением стеснительности от беседы с посторонним. Вместе с тем она проявляет замечательный такт и умение правильно общаться, независимо от того, встретила ли она с посторонним мужчиной в обществе или наедине. Она ведет себя всегда одинаково, просто и доверчиво протянет вам руку, будет разговаривать без всякого смущения, как с добрым, старым другом. Так что у вас не возникнет желания делать ей какие-либо двусмысленные намеки⁵⁵.

Гораздо меньше сведений приводится очевидцами о физическом облике болгар. Е. П. Южаков писал, что болгарские мужчины очень живы, воинственны и красивы. Они обладают высоким ростом, стройностью и все черноволосы⁵⁶. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. болгарские ополченцы и проводники поражали русских командиров своей выносливостью, совершая без усталости огромные переходы по 50 верст, не сбавляя при этом ни широты, ни ровности шага⁵⁷.

В отношении же болгарских женщин отмечалось, что их телосложение выдает породу далеко не низкой степени. Они очень милостивы, стройны, несколько поджары. В их улыбке и взгляде читается приветливость и радушие, а в прекрасных глазах нередко проскальзывает мгновенная затаенная печаль, выдающая сжатое в душе горе, словно в ней вдруг мелькнуло воспоминание о чем-то роковом и ужасном. Как и все восточные женщины, болгарки быстро стареют: в 25 лет они выглядят под сорок, и перерождение семнадцатилетней красавицы в пожилую особу совершается невероятно стремительно, причем оно происходит не по причине непосильного домашнего труда, а из-за скверной привычки втирать в кожу свинцовые белила и обильно, почти пластами, накладывая на щеки румяна. Болгарки Загорья обычно носят челки до бровей, оставляя всей прочей растительность витаться вольными кудрями по плечам⁵⁸.

Таким образом, главным итогом знакомства русских с болгарами в XIX столетии (до освободительной войны на Балканах 1877–1878 гг. и во время нее) было обретение непосредственных представлений о населяемой болгарами стране, типичном болгарском городе, городском и сельском жилище, о народных обычаях болгар, их нравах и физическом облике. Внимание русского общества по отношению к болгарам перестало быть «рассеянным», и в русском сознании они оформились как целостный, занимающий свое место в мире славянский народ. Что же касается национального характера болгар и сути их отношения к русским, то они остались тогда загадками, вызывая противоречивые толкования. В. И. Немирович-Данченко справедливо писал, что грохот войны, отчаяние, ненависть и озлобление не давали возможности пристально всмотреться в болгарский народ, и получилось так, «что болгар мы освободили, а узнать их не узнали...»⁵⁹. На этом можно поставить точку, добавив лишь, что национальный характер болгар и их отношение к русским — тема очень серьезная, деликатная, требующая отдельного рассмотрения⁶⁰. И что при анализе «отношения» не следует забывать об изменчивости последнего, ведь и наше восприятие болгар тоже не оставалось застывшим и менялось с течением времени.

Примечания

¹ Полные названия книг: [Бароний Цезарь]. Деяния церковная и гражданская от Рождества Господа нашего Иисуса Христа из летописаний кесаря Барония собраная, переведенная с полскаго языка на славенский, кроме явных с Церковию православною восточною противностей рим-

ских у Барония и Скарги обретающихся, повелением же Его Царского пресветлаго величества всероссийского Петра Первого напечатаная в царствующем граде Москве, первое: лета 1719; [*Мауро Орбини*]. Книга историография початия имене, славы и расширения народа славянского и их Царей и Владетелей под многими имянями и со многими Царствиями, Королевствами и Провинциями. Собрана из многих книг исторических через Господина Мавроурбина, Архимандрита Рагужского, в которон описуется початие, и дела всех народов, бывших языка Славенскаго, и единого отечества, хотя ныне во многих царствах розсеялися... Переведена с италянскаго на россинской язык и напечатана повелением Петра Великаго, императора и самодержца всероссийскаго и протчая, и протчая, и протчая. [Со статьей *Феофана Прокоповича* «Разсмотрение сея повести» в конце книги — *И. К.*] Спб., 1722.

² Оригиналы этих сочинений были изданы на латинском и итальянском языках в Риме и Пезаре в начале XVII в. (См.: *Cesar Baronius. Annales ecclesiastici a Cristo nato ad annum 1198. Roma, 1588–1607; Mauro Orbini. Il regno degli slavi hoggi corrotamente detti Schavoni. Pesar, 1601*), и уже само название первого труда предупреждает читателя, что обзор истории прослеживается автором только до конца XII в.; что же касается Мавро Орбини, то он рассматривает в своей книге историю славян преимущественно до конца XIV – середины XV вв., то есть до завоевания славянского юга турками.

³ См., например: *Георгиев Е.* Български образи в славянски литератури. София, 1969. С. 29–34.

⁴ Впервые повесть «Кирджали» была опубликована в «Библиотеке для чтения». СПб., 1834. Т. VII. Кн. 12. См.: *Пушкин А.С.* Полное собрание художественных произведений. РАН. Пушкинская комиссия, СПб, 1999. С. 536–539. — На болгарский язык она была переведена М. Грековым — другом героя национально-освободительной борьбы Васила Левского и издана Л. Каравеловым в №№ 14–15 от 19 и 27 января 1874 г. газете «Независимость». См.: *Стоичев И.* За първите преводи на «Кърджали» от А. Пушкин и М. Чайковски // *Годишник на Български библиографски институт «Елин Пелин»*. Т. VI. София, 1956–1957. С. 185–192.

⁵ Тургенев завершил написание романа «Накануне» 25 октября 1859 г. в Спасском. См.: *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем в 28-ми томах. Т. 8. М.—Л., 1964. С. 494.

⁶ *Бочева М.* Велик романист // *Тургенев И. С.* Дворянско гнездо. В навечерието. М., 1979. С. 10.

⁷ *Полонский Я. П.* Стихотворения. 1841–1885. Т. I. СПб., 1885. С. 410–411.

⁸ Болгаро-российские общественно-политические связи. 50–70-е годы XIX в. Кишинев, 1986. С. 155.

⁹ Таким же эмоциональным, но лишенным какой-либо конкретной информации о болгарях, было в XIX в. большинство стихотворений на болгарскую тему и других русских поэтов (В. И. Головина (1835–1892), Л. Н. Трефолева (1839–1905), А. В. Круглова (1853–1915), М. В. Ватсон (1853–1932) и др.). Они являлись главным образом откликами на освободительную войну 1877–1878 гг. См. основательную подборку русских литературных материалов, опубликованных в сборнике под научной редакцией В. М. Хевролиной: *Россия и Болгария. По страницам русской литературы XIX — начала XX вв.* М., 2003. С. 202–210, 236–240, 331–332, 350–352.

¹⁰ *Венедиктов Г. К.* О путешествии Ю. И. Венелина в Болгарию // *Ученое путешествие Ю. И. Венелина в Болгарию (1830–1831)* / Публикация подготовлена Г. К. Венедиктовым. М., 2005. С. 5–6.

¹¹ *Венелин Ю. И.* Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении. Т. I–II. М., 1829. С. 16.

¹² *Тепляков В. Г.* Письма из Болгарии (Писаны во время кампании 1829 года). М., 1833.

¹³ Там же. С. 33–34.

¹⁴ Там же. С. 207.

¹⁵ Позднее он перешел на дипломатическую службу, а затем был назначен генерал-губернатором Западной Сибири.

¹⁶ См.: *Никитин С. А.* Описание экономического состояния Юго-Восточной части Болгарии в 30-х годах XIX в. // *Славянское Возрождение*. М., 1966. С. 162–203.

¹⁷ *Григорович В. И.* Очерк путешествия по Европейской Турции. Казань, 1848.

¹⁸ *Жинзифов Р.* Письмо одного из учащихся в Москве болгар к редактору // *Жинзифов Р.* Публицистика в 2 тома. София, 1964. Т. I. С. 34.

¹⁹ *Пытин А. Н.* Старая и новая Болгария // Россия и Болгария. По страницам русской литературы XIX – начала XX вв. С. 191, 193.

²⁰ Во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. русская армия овладела за Дунаем северовосточными турецкими крепостями Силистра, Свиштов, Плевен, Шумен и Русук (Русе), но успех не был развит из-за начавшейся войны с Наполеоном. См.: *Виноградов В. Н.* «Странная» русско-турецкая война (1806–1813) и Бухарестский мир // Балканские исследования. Вып. 18. М., 1997. С. 188. В период же Крымской войны 1853–1856 гг. успех русских войск в болгарских землях ограничился переправой через Дунай и осадой Силистры в мае–июне 1854 г. См.: *Дубровский Н. Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя. ТТ. 1–3. СПб., 1900.

²¹ Действующая Дунайская армия насчитывала более 260 тысяч человек (См.: *Ачкасов В. И., Барбасов А. П., Виноградов В. И., Митев Й., Ростунов И. И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. / Под ред. И. И. Ростунова. М., 1977. С. 69), однако, следует учитывать, что в ее составе находились не только русские, но и представители других, населявших Российскую империю, народов: украинцы, финны и др.

²² См.: Руски пътеписи за българските земи XVII–XIX век / Съставителство, предговор, коментар и бележки на М. Н. Кожухарова. София, 1986. С. 168. Приведенная здесь цифра из расчетов Ю. И. Венелина (750 тыс. болгар в Болгарии), конечно же, не отражала численности всех болгар на Балканах, включая Македонию и Фракию, но вполне соответствовала их числу, находившемуся в театре военных действий в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Исходя из этого, можно заключить, что общее соотношение болгар и русских в этом ареале составляло тогда приблизительно 3 : 1.

²³ *Немирович-Данченко Василий Иванович* (1844–1936) – поэт, прозаик, журналист. Участвовал в боях под Плевной, Шипкой и Шейново, был награжден за храбрость двумя солдатскими Георгиевскими крестами. Оставил после себя не только многочисленные военные репортажи об освободительной войне 1877–1878 гг., но и посвященные ей романы и рассказы; Всеволод Владимирович Крестовский (1839–1895) – писатель-журналист, оставивший после себя богатое литературное наследие, среди которого важное место занимают произведения с описанием быта и нравов обитателей Петербурга: роман «Петербургские трущобы», описание типов петербуржцев и другие. Во время освободительной войны 1877–1878 гг. он был прикомандирован к штабу Действующей армии, участвовал в штурме Плевны, был награжден за отвагу орденами Св. Анны III степени, Св. Станислава II степени, Св. Владимира IV степени. Публиковал свои статьи и репортажи о войне в газете «Правительственный вестник» и журнале «Русский вестник».

²⁴ *Немирович-Данченко В. И.* Год войны (дневник русского корреспондента). 1877–1878. Т. I. СПб., 1878. С. 1.

²⁵ *Парфений монах [Агеев Петр]*. См.: Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя Горы Афонския инока Парфения в четырех частях. Ч. II. М., 1855. С. 46.

²⁶ Там же. С. 51.

²⁷ *Южаков Е. П.* Один месяц в Болгарии // Современник. Т. 84. № 11. СПб., 1860. С. 200.

²⁸ *Соллогуб В. А.* Дневник высочайшего пребывания императора Александра II за Дунаем в 1877 г. СПб., 1878. С. 16.

²⁹ *Южаков Е. П.* Один месяц в Болгарии. С. 200.

³⁰ Там же.

³¹ *Соллогуб В. А.* Дневник... С. 37–38.

³² *Крестовский В. В.* Собрание сочинений. Т. V. Двадцать месяцев в Действующей армии в 1877–1878 годах. СПб., 1879. С. 163.

³³ *Амфитеатров А.* Страна раздора. Балканские впечатления / Изд. 2-ое. СПб., 1907. С. 5–6.

³⁴ «Братушка» – так стали любовно называть друг друга болгары и русские солдаты.

³⁵ Здесь и далее см.: *Крестовский В. В.* Двадцать месяцев... С. 423–424.

³⁶ «Кешта» – искаженное болг. «кѣща» / «кышта», то есть «дом».

³⁷ В. В. Крестовский в этом вопросе явно заблуждался. Болгары спали одетыми по причине тревожного военного времени, боясь внезапных контрнаступлений турок и поджогов ими своих домов. Правильно оценил ситуацию с «нераздеванием» русский ротмистр В. В. Воейков, оставивший нам свои воспоминания. См.: *Воейков В. В.* От Дуная до Царьграда. 1877–1878. Записки участника. М., 1900. С. 111. Что же касается «редкого мытья болгар», то и здесь В. В. Крестовский не смог распознать лукавство «братушек». Почти все оставившие нам свои впечатления русские участники освободительной войны 1877–1878 г. отмечали любовь болгар к чистоте. «Немытье», без сомнения, было преднамеренным, чтобы турки не останавливались в домах на постой и не насиловали болгарских женщин. Аналогичным образом поступали во время Второй мировой войны в оккупации русские женщины, девушки и девочки, мазавшие себе лицо и руки грязью и сажей.

³⁸ *Крестовский В. В.* Двадцать месяцев... С. 424.

³⁹ *Южаков Е. П.* Один месяц в Болгарии. С. 200.

⁴⁰ *Чуркина И. В.* Славяне на Всероссийской Этнографической выставке и Славянском съезде в Москве // *Славянский альманах 2007. М., 2008.* С. 79–108.

⁴¹ Этнографическая выставка 1867 г. императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии // *Известия Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии.* Т. XXIX. М., 1878. С. 55, №№ 62–63; С. 60, 63.

⁴² Таковы были правила и инструкции для художников по изготовлению манекенов. См.: Всероссийская этнографическая выставка, устроенная императорским Обществом Любителей Естествознания при Московском университете в 1867 г. М., 1867. С. 11.

⁴³ *Лавровский П.* Впечатления, вынесенные из обзора Русской Этнографической выставки в Москве // «Современная Летопись» от 28.V.1867. № 19. С. 5.

⁴⁴ Всероссийская этнографическая выставка... С. 27.

⁴⁵ *Соллогуб В. А.* Дневник... С. 40.

⁴⁶ *Крестовский В. В.* Двадцать месяцев... С. 161.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ *Южаков Е. П.* Один месяц в Болгарии. С. 216–218.

⁴⁹ Там же. С. 204–205.

⁵⁰ *Крестовский В. В.* Двадцать месяцев... С. 68–69.

⁵¹ *Южаков Е. П.* Один месяц в Болгарии. С. 216.

⁵² Там же.

⁵³ *Крестовский В. В.* Двадцать месяцев... С. 169–170.

⁵⁴ Там же. С. 166.

⁵⁵ *Немирович-Данченко В. И.* После войны. Очерки и впечатления русского корреспондента в освобожденной Болгарии. СПб., 1880. С. 237–238; *Крестовский В. В.* Двадцать месяцев... С. 166.

⁵⁶ *Южаков Е. П.* Один месяц в Болгарии. С. 203. Южаков, как и греческий историк, слова которого о «высоком росте» болгар повторил Ю. И. Венелин, строили свои наблюдения на восприятии болгарского населения Вардарской Македонии, действительно, отличающегося ростом выше среднего. Основная же часть болгар, обитавшая в северных и восточных районах страны, имела рост средний. Сошлемся здесь на свидетельства Й. Раича (См.: *Раич Й.* История разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов... СПб., 1795. С. 316).

⁵⁷ *Крестовский В. В.* Двадцать месяцев... С. 464.

⁵⁸ *Соллогуб В. А.* Дневник... С. 39–40; *Крестовский В. В.* Двадцать месяцев... С. 461.

⁵⁹ *Немирович-Данченко В. И.* После войны... С. 2.

⁶⁰ См. нашу статью «Болгары глазами русских в XIX столетии (национальный характер и взаимовосприятие)» (в печати).

Болгарская составляющая в деятельности российского консульства в Адрианополе (1856–1866)

Восстановление престижа России на Востоке, ее влияния на христианские и, в первую очередь, славянские народы Османской империи стало одним из важнейших направлений во внешней политике России после поражения в Крымской войне. Выполнение этой задачи требовало существенно увеличения числа российских дипломатических представительств. Однако финансовый дефицит в стране, недавно выдержавшей войну и вступившей в период внутренних реформ, не позволил в полном объеме реализовать рекомендации, поступавшие с Балкан, и создать еще консульства в Софии, Тульче, Русчуке, Сливне, Охриде, вице-консульства в Свиштове, Силистрии, Бургасе, Рильском монастыре, Сопоте, Разлоге и др. Пришлось ограничить выбор теми городами, где «столкновения и неприязнь различных вероисповеданий доведены» были «до высшего раздражения» и где уже действовали консульства других государств, прежде всего Франции, Англии и Австрии. Поэтому российские дипломатические представительства появились только в Пловдиве, Видине, Варне и Тырнове. Но раньше всего, в октябре 1856 г., российский флаг был поднят над генеральным консульством в Адрианополе (Эдирне).

Политике России на Балканах посвящен огромный пласт литературы, но следует признать, что деятельность российских консульств в землях Османской империи с болгарским населением, в том числе и в Адрианополе, рассматривается, как правило, достаточно общо. Настоящая работа призвана осветить период возобновления действий российской дипломатии на Балканах на примере деятельности адрианопольского консульства.

Адрианополь, крупный торговый город во Фракии, близко расположенный к столице Османской империи Константинополю (Стамбулу) и удобно связанный с черноморским побережьем рекой Марицей, являлся административным центром обширного Адрианопольского вилайета. Здесь размещалась резиденция вали (генерал-губернатора) и были сосредоточены дипломатические представительства Франции, Англии, Австрии, Греции, причем французское появилось еще в XVIII в.

Российское генеральное консульство в Адрианополе было открыто после русско-турецкой войны 1828–1829 гг. в связи с расширением торговых связей России с Европейской Турцией. Оно (как и консульство в Варне) яв-

лялось одним из старейших представительств России на Балканах. Но теперь, после Крымской войны, в отличие от предыдущих лет деятельность консулов приобретала политический характер, а обязанности по содействию торговле и защите экономических интересов России и ее подданных отступали на второй план. Именно в таком духе была написана инструкция МИДа от 26 июля 1856 г., данная опытному дипломату Н. Д. Ступину, служившему здесь перед войной более двух лет в качестве драгомана (переводчика). Ему предстояло возобновить действия адрианопольского представительства России, но предписывалось, для сохранения «доброего согласия» с местными турецкими властями, поначалу «не придавать генеральному консульству значение чисто политического».

Особенное беспокойство у МИДа России вызывала разгоравшаяся с новой силой греко-болгарская церковная борьба, поэтому в главные обязанности Ступина входило неусыпное наблюдение за положением православной церкви, участью «христиан вообще» и отношениями «болгарских духовных паств в особенности к греческому начальству церкви». В Петербурге надеялись, что со временем Ступину удастся приобрести доверие местного духовного начальства и народных старшин и тогда он сможет «соделаться для обеих сторон до некоторой степени посредником в деле взаимного их сближения», направив свое «деятельное внимание» «на потушение возникших между единоверцами ссор». Он должен был объяснять болгарам, что «добродетели не составляют принадлежности одного племени», с другой – «убедить пастырей церкви – греков в том, что слово Божие, преподаваемое болгарам на родном, понятном им языке, просветит и защитит их от покушений западных миссионеров». Впрочем, инструкция, содержащая положение о покровительстве, по мере возможностей, «успехам славянского слова и введению его в болгарских церквях»¹, признавала законность болгарских требований, что позволяло российскому консулу активно действовать в пользу славян.

Н. Д. Ступин воспользовался этим наставлением еще в Константинополе, куда он прибыл в конце лета 1856 г. В течение месяца ему пришлось ожидать от Высокой Порты фирмана, чтобы отправиться в Адрианополь. В сентябре болгарская делегация подала очередное прошение султану, но императорская миссия не имела достоверных сведений ни о его содержании, ни о подписавших его. Русский посланник А. П. Бутенев (1856–1859), встреченный Высокой Портой с враждебностью и подозрительностью, принятый Вселенским патриархом с холодностью, а константинопольскими болгарскими – с отчужденностью, занял позицию «дальновидного ожидания». Следя за ходом болгарского дела, он старался уклоняться от всякого непосредственного в нем участия. Кроме того, первый драгоман в миссии Э. Я. Аргиропуло (1856–1863), грек по национальности, не благоволил домогательствам болгар в церковном споре, стараясь выставлять их требова-

ния в неблагоприятном свете². Болгары поэтому сторонились императорской миссии, в которой узнавали о действиях болгар по их происшествии. 20 сентября 1856 г. Ступин докладывал директору Азиатского департамента МИДа Е. П. Ковалевскому (1856–1861) об упомянутом прошении султану и о том, что он приложил все свое старание, «чтобы обратить милостивое внимание г. посланника на истинные нужды и желания наших единоплеменников, раскрыв, что депутация не просила отделения своих епархий из-под верховной власти вселенского патриарха». Болгары представили справедливые, по мнению Ступина, требования «о назначении им из родной среды пастырей», «о свободе слушать проповедь Божественного слова на родном и понятном всем славянском языке, об утверждении за ними законного права на народное образование»³. Ступина вполне поддержал Н. Я. Мухин, бывший в 1850–1853 гг. генеральным консулом в Адрианополе и ныне назначенный в Сирию и Палестину (1856–1862). Общую инструкцию МИДа Ступину он дополнил конкретными указаниями, исходя из своего опыта и знания условий Адрианопольского вилайета. Мухин также четко сформулировал главный предмет внимания российского консульства в Адрианополе: содействие введению славянской литургии и распространению преподавания славянского языка в училищах⁴.

В Адрианополь Н. Д. Ступин приехал в начале октября и, в отличие от А. П. Бутенева, был принят местными властями «как нельзя лучше; что касается до народа, то турки, болгаре и греки от старшины и бея до простолюдина изъявляют свое дружелюбие». Но российский дипломат сразу отметил, что «несогласия между болгарами и греками» так же, как и в Константинополе, возросли «до опасных размеров». Болгары отказались платить обычный сбор в пользу общественных училищ, прекратили преподавать греческий язык в начальной славянской школе. А греки стали преследовать народных учителей и «подвигли высшее греческое духовенство к воспрещению чтения по-славянски в церквях, где прежде таковое было дозволяемо или по временам, или всегда наполовину с греческим языком». Турецкие власти осознали свои выгоды в разделении православных на две враждебные партии. С одной стороны, они ничего не предпринимали к ограждению прав болгар от притеснений начальствующего греческого духовенства, препровождая в Патриархию все их жалобы. А с другой стороны, турки всячески подстрекали самолюбие болгар, оказывая им «в политическом отношении явное покровительство особенной их народности, даже до предпочтения», например, предписывая, чтобы болгарские депутаты в меджлис⁵ были избираемы особо от греческих.

«Благоразумие и усердие». Ступина «не допустили взаимному ожесточению дойти до крайности». Большинство старшин греческой общины Адрианополя, да и само духовенство в лице митрополита Кирилла и епископа Хрисанта, оказались готовы к компромиссам. Митрополит Кирилл, хорошо

знавший болгарский язык, уже предпринимал попытки употреблять славянский язык при священнодействиях в церквях, но получил от Константинопольской патриархии строгий выговор с предупреждением о низложении в случае повторения подобных нововведений. Ступин сумел склонить греческую сторону сделать первый шаг к сближению, а именно, ввести с нового 1857 г. в общем адрианопольском училище или в высшей греческой школе, как именовалось в донесениях, болгарский язык наряду с идущим уже преподаванием французского и турецкого языков, а также начать вести службу на славянском языке в одной из церквей города, часом позже греческого священнодействия на главном престоле.

Но вначале церковнославянский язык зазвучал на литургии, проводимой специально для семейства Ступина. Настоятель Иерусалимского подворья о. архимандрит Мелетий предложил консулу, чтобы один из священников подворья, который знал и хорошо читал по-славянски, служил иногда для семьи консула литургию. Со стороны митрополита Кирилла не возводилось никаких к тому препятствий. Ступин решил этому частному богослужению придать общественный характер, пригласив на него местных болгар. Но оказалось, что для его проведения недоставало значительного количества книг. Консул привез с собой только Евангелие и Апостол, священник имел Требник, затем отыскали еще Часослов, Псалтырь и Последование божественных служб для священника. Первая литургия поэтому состоялась 14 декабря 1856 г. На потребность в богослужебных книгах Е. П. Ковалевский немедленно отреагировал: «Азиатский департамент возьмет на себя приобрести и послать церковные книги Ступину»⁶. Донесение Ступина от 12 декабря 1856 г. было доложено Александру II при комментарии А. М. Горчакова, что нужда в церковных книгах становится уже унижительной⁷.

На постоянную заботливость Ступина о введении славянского языка в богослужение обратила внимание афинская газета «Эон», достаточно лояльная по отношению к России. В одном из октябрьских номеров за 1857 г. сообщалось, что «идея Болгаризма распространяется исполински во всех городах Болгарии и преимущественно в Адрианополе и Филиппополе (Пловдиве) под защитой адрианопольского русского консула Ступина, который (...по предписанию ли своего правительства действует или по собственному влечению...) есть главная причина Болгаризма». На Н. Д. Ступина обвинения не возымели никакого действия, и он успокаивал российского агента Н. Герова в Пловдиве, который прислал вырезку из греческой газеты: «...Для успеха нашего призвания мы не должны ни в каком случае принести несправедливые жертвы – мы не можем перестать ходатайствовать об надлежащем удовлетворении требований *Болгарского народа*...»⁸.

Внушения российского консула не только привели в заметное движение болгар, которые стали настойчивей в своих домогательствах, но и возымели свое действие и на местное высшее духовенство, но оно было не в силах искоренить недоброжелательство греческих епископов. Необходимо было предписание в этом духе Константинопольского патриарха Кирилла VII (1855–1860), однако он воспринимал даже эти, пока еще умеренные требования болгар, с явным недоброжелательством. «Терпеливое и осторожное рачение» Бутенева в Патриархии в пользу болгарского вопроса не приносило никаких результатов. Потребовался авторитет преосвященного Кирилла, епископа Мелитопольского, предстоятеля русской миссии в Иерусалиме, остановившегося в Константинополе при проезде своем в Иерусалим, чтобы Константинопольский патриарх разрешил адрианопольским болгарам совершать свое богослужение вместе с греческим⁹. Впрочем, циркуляр патриарха Кирилла, позволяя произносить и петь молитвы по-славянски в церкви Двенадцати Св. Апостолов, запрещал на славянском читать Евангелие и Апостол. Подобные полумеры не могли утихомирить раздор.

Присутствие русского консула способствовало распространению в крае некоторой свободы богослужения на славянском языке, и доставленные из России за 2 года шесть полных кругов богослужебных славянских книг и несколько отдельных церковных руководств смогли удовлетворить лишь только первую в них потребность. По сообщению Ступина, сельские священники были из болгар, но они не знали славянскую грамоту, и теперь многие из них начали учиться читать и писать на языке, который они употребляли в домашнем быту.

Главным в обязанностях Ступина, на что специально обращал внимание в своей дополнительной инструкции Бутенев, являлось «споспешествование распространению преподавания» болгарского языка в местных училищах и «облегчение способов для болгарского юношества получить образование в единоверной России, с главной целью отклонить его от подобных исканий на западе»¹⁰. Было существенно увеличено количество стипендий. Во 2-м кадетском корпусе было открыто 10 казенных вакансий. Синод с 12 декабря 1856 г. в подведомственных учебных заведениях стал ежегодно выделять стипендии для 75 славянских воспитанников. Министерство народного просвещения, несмотря на ограниченность в средствах, все же изыскало возможность с 6 сентября 1860 г. предоставить 5 тыс. руб. на обучение славян родом из Турецкой империи.

На консулов был возложен выбор болгарских воспитанников, отправляемых на обучение в духовные и светские учебные заведения России. В МИДе по опыту знали, что желание учиться в России изъявляли юноши из бедных семейств, поэтому консулу надлежало обеспечить их проезд, имея в виду путевые издержки. В 1857 г. Ступин подготовил группу в 8 человек,

желавших после учебы в России быть «полезными потом своему отечественному юношеству». Предпочтение отдавалось юношам из семейств, которые были известны «по наследственной преданности» к России. Ступин, неоднократно подчеркивая в своих донесениях о первостепенной потребности в учителях и священниках, считал, тем не менее, что в России было бы небесполезно открыть несколько казенных вакансий в учебных заведениях гражданского ведомства, в медицинских академиях и особенно в морских и инженерных учебных заведениях с предоставлением таковым воспитанникам права по окончании курса наук поступать в императорскую службу¹¹. Об этом он писал еще в 1857 г., но к серьезному рассмотрению этого вопроса приступили только в 1865 г., после обращения Одесского болгарского настоятельства и письма М. П. Погодина к Н. П. Игнатьеву.

В июне 1857 г. Бутенев поручил Ступину «собрать с надлежащей осторожностью местные достоверные сведения» о Любене Каравелове, который обратился в русскую миссию с просьбой об исходатайствовании ему дозволения отправиться в Россию для поступления в одно из военно-учебных заведений. Данные Ступина вкупе со сведениями, добытыми самим Бутеневым¹² о семье и о самом Л. Каравелове, открыли для него дорогу к будущей славе знаменитого болгарского публициста и литератора. В 1858 г. Ступин выдал паспорта Марину Дринову и Нешо Бончеву, посланным в Россию на обучение в семинарию болгарской общиной в Панагюриште, которая обязалась выдавать им по 3500 пиастров в год¹³. В 1860 г., когда появилась возможность учиться в светских заведениях, подведомственных Министерству народного просвещения, Ступин подготовил к отправке в Россию новую группу в 10 человек.

Будучи внимательным и неравнодушным человеком, Н. Д. Ступин еще в 1858 г. обратил внимание на то обстоятельство, что болгары, получившие образование в России и «совершенно достойные звания учителя во всех отношениях», редко возвращаются на родину. Но и эти немногие, такие как С. Филаретов в Софии и Д. Чинтулов в Ямболе, были лишены надлежащего количества печатных руководств и учебных пособий и потому были вынуждены одновременно заниматься с учениками разных возрастов, — объясняя одним законы физики, а других обучая азбуке.

Для развития просвещения в Болгарии необходимы были грамотные учителя и священники. Поэтому Ступин дал отрицательный ответ на предложение З. Княжеского, высказанное в 1857 г., устроить в Эски-Захре (Стара Загоре) училище «исключительно для образования рукодельных мастеров из детей беднейшего класса народа». Ступин, в свою очередь, представил свое мнение о том, что следовало бы организовать училище, имеющее целью приготовление молодых людей из болгар к поступлению в высшие учебные заведения России. А для поощрения полезной деятельности Княжеского на

поприще образования ему было выделено пособие в 300 руб. сер., которое он и получил через Ступина¹⁴.

Н. Д. Ступин поддержал «светлую мысль» о архимандрита Прокопия, настоятеля Иерусалимского подворья, завести в Адрианополе высшее центральное училище, в котором полный курс наук равнялся бы гимназическому в России. Он предполагал выделить один из церковных домов, в котором могли бы поместиться свободно 5 учителей, 30 воспитанников на полном пансионе и имелось бы еще 5 особых залов для 5 последовательных классов. Ежегодно училище стало бы выпускать по 6 человек, которые обучались на казенный счет, с обязанностью: троим прослужить 6 лет по назначению училища учителями в других школах низшего разряда, двум – стать священниками. Один выпускник должен был бы посылаться в Россию для усовершенствования в университет с тем, чтобы затем возвратиться в отечество и 6 лет «состоять в распоряжении института». На данный проект требовалось 5000 руб. сер. ежегодно. Старшины адрианопольской болгарской общины восприняли эту мысль с восторгом, но они уже содержали начальную славянскую школу, поэтому могли профинансировать только 2 вакансии. Ступин предложил, чтобы сумма в 6000 пиастров, предназначенная для «воспомоществования учителям и поощрения учащихся», была обращена на содержание еще 2 воспитанников. Впрочем, из-за отсутствия средств проект такого училища, по мнению Ступина, не мог осуществиться в скором времени. «А при нем особенно полезно было бы учредить типографию в малом размере»¹⁵, – заканчивал консул свое донесение от января 1859 г.

В начале июня 1859 г. стараниями Ступина вновь было достигнуто обоюдное согласие между старшинами адрианопольской христианской общины на учреждение в общем адрианопольском училище класса болгарского языка. Русский консул надеялся, что теперь под одним управлением будут находиться начальные школы для славянских и греческих детей, что, в свою очередь, явится основой «братского сближения двух племен»¹⁶. Однако примирение между болгарами и греками в Адрианополе было хрупко: любое обострение греко-болгарского противостояния в Константинополе или каком-либо городе с болгарским населением, его взламывало.

К осени 1859 г. адрианопольские болгары, не дождавшись обещанного введения преподавания болгарского языка в общем адрианопольском училище, «обратили горячее усердие к улучшению своего главного славянского училища» и устроили еще одно в Киреч-Хана, многолюдном предместье Адрианополя. При этом греческие школы, лишившись средств, которые прежде вносились болгарами в политику, попали в весьма затруднительное положение, что не на шутку встревожило греческих старшин. Многие стали сожалеть, что следовали советам митрополита Герасима, ныне Халкедонского, и некоторых иностранных агентов и препятствовали «слитию двух

народностей в недрах единоверия свободным разделом церковного богослужения между двумя языками и обоюдным преподаванием сих последних...». Греческие старшины пришли за советом в императорское консульство. Ступин на первый раз ограничился замечанием, что для реального устранения ссоры между греками и болгарам следует «отторгнуть» тех, кто выступал против их примирения и вновь готовился жаловаться и требовать, чтобы «Патриархия лишила митрополита Кирилла епархии и удалила из Адрианополя епископа Хрисанта, будто виновников распространения и укоренения болгар во Фракии»¹⁷.

Попечители болгарского училища в Адрианополе (Г. Карамфилов, А. Керекев, М. хад. Ранчов) взялись серьезно упрочить положение училища, создавая условия в обеспечении его профессиональными учительскими кадрами. Вероятно, не без подсказки Ступина в день тезоименитства его императорского высочества государя наследника цесаревича они подали прошение на имя Александра II о даровании права посылать одного воспитанника на казенное содержание в Одесский лицей. По окончании курса он обязан был служить преподавателем в адрианопольском училище столько же времени, сколько русский казеннокоштный воспитанник по назначению правительства¹⁸.

Вопрос о необходимости учреждения в самой Болгарии центрального училища позднее прорабатывался М. И. Золотаревым, временно управляющим консульством в Адрианополе (1862–1863), консулом (1864–1868). В июле 1864 г. российские дипломаты Н. Геров и М. И. Золотарев, указывая на незначительность для болгар, проживавших в Османской империи, результатов усилий к образованию молодежи в России, на неощутительность для болгарского народа тех в принципе незначительных пособий, делаемых в различные школы в Турции, настойчиво предлагали учредить хотя бы одно центральное училище (поскольку чрезвычайно трудно было получить от турецких властей разрешение на открытие школы под патронажем России). И тогда бы сконцентрированные денежные средства действительно принесли реальную пользу. Был предложен Пловдив, но Е. П. Новиков, временно исполняющий должность посланника (1862–1864), соглашаясь вполне с общим заключением, не одобрил выбор города¹⁹.

В 1864 г. эфоры болгарской школы в Адрианополе переменили свое решение, принятое при Н. Д. Ступине, обучать в Ришельевской гимназии одного из адрианопольских уроженцев. Теперь они пожелали, чтобы эта сумма в 6 тыс. пиастров была бы предоставлена болгарскому училищу в Адрианополе, которое по неимению средств находилось в жалком положении. Золотарев доложил Новикову, который также разделил мнение консула, полагая, что «это же начало надо постепенно применить и к другим местностям в Болгарии»²⁰. Впрочем, эти деньги затем по предложению Золотарева, с чем согласились и эфоры, были переданы на устройство школы в квартале Киреч-хана.

Здесь появилась католическая школа, и православные семьи предпочли посылать своих детей не в славянскую школу, находившуюся «в 2-верстном расстоянии» от их квартала, а в ближайшую, хоть и католическую. Донесения адрианопольского консула были доложены Александру II, и в ноябре 1864 г. он разрешил новое употребление этой суммы. И уже в 1865 г. в болгарскую школу из католической перешли почти все ее 60 православных учеников.

Дурное состояние было характерно и для греческих школ Адрианополя, поэтому греческие и болгарские старшины, обнаружив злоупотребления со школьными деньгами, в 1864 г. в очередной раз решили создать одно центральное училище. Согласно составленному проекту в нем предполагалось 4 учителя и преподавание славянского языка. Оно должно было существовать на ежегодные добровольные пожертвования православных жителей. Греки и болгары обратились за поддержкой к Золотареву, и он, чтобы поддержать полезную инициативу, подписался на ежегодный взнос в 1000 пиастров²¹.

К. Н. Леонтьев, временно исполнявший обязанности консула в Адрианополе, в октябре 1865 г. советовал преобразовать в центральное высшее училище болгарское училище не в Адрианополе, а в Пловдиве — известное училище «Кирилла и Мефодия», поскольку оно было лучше устроено, чем в Адрианополе, и поэтому развить его было легче. К тому же влиятельные лица в Пловдиве были деятельнее, просвещеннее и богаче, некоторые из учителей были уже хорошо знакомы с русским языком. «За 3–4 года можно было достичь немалых результатов, если давать образование, хоть и не систематически, но довольно серьезно, 5–6 даровитым юношам на целую провинцию, то и это уже очень хорошо». Русский дипломат раскрывал необходимость присылать в училище русские книги, журналы, не скупясь, употребляя в год рублей 200, как это, например, делал греческий консул в Адрианополе г-н А. Доскос, снабжая в изобилии греческими книгами библиотеки школ²².

Содействие развитию образования среди болгарского населения со стороны российских дипломатов шло в тесной связи с противодействием иноверческим пропагандам. В Адрианополе уже давно существовала католическая община, численностью около 300 человек, в которую в основном входили французы, поляки, итальянцы и др. Набиравшее с 1861 г. силу униатское движение в Адрианополе притормозила удачная акция русской дипломатии по вывозу в Одессу главы болгарской униатской церкви архимандрита Иосифа Сокольского, который был рукоположен Римским папой в марте 1861 г.

Однако в Адрианополе уже была открыта униатская церковь в Киречхане, началось строительство второй в квартале «Каик», и действовали три училища (одно из них в Киречхане основал Д.Цанков). Русский посланник князь А. Б. Лобанов-Ростовский (1859–1863) в начале августа 1861 г., пыта-

ясь подвигнуть Вселенского патриарха Иоакима II к компромиссу в болгарском вопросе, указывал на латинскую пропаганду и сохранявшуюся опасность унии. Патриарх твердо стоял на том, что болгарский народ в своей массе предан православной церкви, чтобы отречься от веры своих предков, и что недавние волнения болгар – это дело нескольких подстрекателей, а пропаганда всегда действовала, но безуспешно. «Впрочем, добавил патриарх, даже если бы и все болгары перешли в католицизм, я бы предпочел этот результат, нежели что-либо изменять в вековых традициях церкви»²³.

Успокоенность Вселенского патриарха отнюдь не разделяли в Петербурге, откуда постоянно поступали указания российским дипломатам противодействовать всеми силами западной пропаганде на Балканах, которой в то время нужны были «имя и цифра», а не чистосердечное религиозное обращение. В Адрианополе борьба с латинской пропагандой была предоставлена заботам и трудам русского консульства, так как преосвященный Кирилл, обладая многими прекрасными качествами, имел «так мало твердой воли и предприимчивости, столь необходимой особенно в Адрианополе, где население смешанное и враждебное между собою». Опасаясь и турок, и козней Патриархии, Кирилл беспрерывно изменял свой образ действия и оказывал весьма слабое содействие в борьбе против латинской пропаганды²⁴, – сообщал М. И. Золотарев в 1865 г.

В 1862 г. уния получила поддержку со стороны нового французского консула Ш. Шампоазо и достигла своего апогея весной 1862 г., когда к ней присоединилось 2500 семейств. Но в 1863 г. в Адрианополе униатскими осталось только два квартала и 14 сел в окрестностях города. Шампоазо полагал, что уния была уничтожена русскими и английскими агентами. Болгарский ученый Н. Генчев считал, что она была разгромлена исключительно русской дипломатией. Было брошено много денег, средств и людей²⁵.

В 1863 г. в Адрианополе появилась очень активная польская католическая миссия «Воскресение Христово» – под покровительством Австрии. Она сразу приступила к строительству школы, которое вскоре было остановлено вали Кюпрюлю-пашой. Но польские священники купили большое здание в центре Адрианополя и переоборудовали часть его в церковь, а другую – в школу. В 1863 г. 30 детей из униатских семей пошли в эту школу. Первые и несомненные ее успехи дали возможность Римскому папе в 1864 г. предложить парижскому Фонду, созданному для поддержания восточных училищ, выделить крупную сумму в 21 тыс. франков для основания колледжа-семинарии в Адрианополе. В следующие годы польская миссия получала от 2 до 4 тыс. франков ежегодной субсидии от фонда и по 2 тыс. франков от французского правительства. Такие огромные вложения в учебное дело принесли скорые результаты, которые были продемонстрированы уже в 1865 г. Однако школа и униатская церковь располагались вблизи от грече-

ской митрополии. И греческий епископ с помощью русских дипломатов смог запретить богослужение. Поляки тогда перенесли училище и церковь в болгарский квартал Киреч-хана.

В январе 1865 г. стараниями французского консула и католических миссионеров в униатской церкви в предместье Киреч-Хане торжественно был повешен колокол. Русский консул Золотарев в качестве противодействия немедленно организовал подписку среди православных жителей Адрианополя, чтобы собрать деньги на один большой и два малых колокола для православной церкви в этом же квартале. Кроме того, он поставил вопрос о строительстве колокольни. Чтобы поощрить к щедрости греческих и болгарских старшин, Золотарев подписался на сумму в 1500 пиастров²⁶. Не без участия русского консула была устроена болгарская школа в Киреч-хане, и польским священникам пришлось вновь возвращаться в центр города, где им удалось основать болгарскую семинарию, в которой 4 миссионера и 2 учителя готовили 20–30 человек в священники и в учителя.

Новые значительные субсидии, как, например, в 1867 г., выхлопотанные французским консулом Куртуа в 15–20 тыс. франков, позволили польской миссии построить новое здание для училища с пансионом в центре города, которое стало известно как центральное болгарско-католическое училище (наподобие семинарии)²⁷.

Адрианопольский российский консул также просил деньги для уплаты долгов прозелитов, чтобы вернуть их в православие. В 1866 г. Золотареву удалось вернуть в православие двух молодых болгар, обучавшихся в католической школе Св. Бенеддето, правда, при этом ему пришлось заплатить 300 пиастров, которые в свое время в качестве податей были уплачены турецкому правительству польским пропагандистом и теперь были взысканы обратно в наказание за переход в православие. Русский консул запрашивал через Н. П. Игнатьева Петербург о выделении ему еще 3000 пиастров, чтобы униатов Киреч-Хана, людей бедных, окончательно отвлечь от Рима²⁸. И разрешение было поддержано.

Российский консул Ступин постоянно докладывал об ухудшении экономического положения в Адрианопольском вилайэте. К неумеренным и несправедливым налогам, произволу откупщиков, застою в торговле в 1859 г. добавились еще природные бедствия: 15-градусные морозы и глубокие снега уменьшили наполовину количество мелкого скота. Бесперывные дожди летом и наводнения с сентября по декабрь привели к неурожаю пшеницы, ячменя, ржи и овса. Итальянская война, исход которой с надеждой для своей будущности ожидали и греки, и болгары, заставила их оставить свои претензии друг к другу. Было образовано адрианопольское тайное болгаро-греческое общество, и за его развитием внимательно следил Н. Д. Ступин. Члены Общества предполагали составить подробное описание

народных страданий и подвергнуть положение своего отечества на благоусмотрение и покровительственное внимание великих европейских держав и особенно единой России. Но свое ходатайство они решили начать «не прежде как по уяснении будущей участи Италии». До этого времени члены общества сначала намеревались «стараться о потушении болгаро-греческого раздора за преимущество церковных прав». Оно также поставило себе цель – способствовать развитию народного просвещения обоих православных народов и «стараться к возвеличению упавшей нравственности»²⁹.

В 1860 г., в связи с дамасскими событиями (межконфессиональные столкновения между друзьями (шинитами) и маронитами (католиками) в Ливане и Сирии), адрианопольское тайное болгаро-греческое общество, которое теперь Ступин называл патриотическим, вновь стало заниматься «приисканием средств к улучшению горестного положения своего отечества и единовременных соотечественников». Но теперь его члены начали строить планы будущих решительных действий. Предлагалось составить два 10-тысячных корпуса волонтеров вне пределов Болгарии: один – греческий в Элладе, другой – болгарский на русских берегах Черного моря. «Эти корпуса, составившись как бы волшебством, мало-помалу и втихомолку, но притом в короткое время (?) из здешних нарочных выходцев и тамошних родолюбцев и усердных единоверцев, должны бы были одновременно явиться в Эносе и Анхиало Бургасе, привести запасы оружия, пороха и боевых снарядов еще тысяч на 40 человек, потом идти с двух сторон быстро и прямо на Галлиполи, увеличиваясь с каждым шагом в численности людей». Членам общества этот план казался восхитительным. Однако они вскоре были разочарованы огромными цифрами денежных затрат. Впрочем, они полагали у России и Франции попросить предоставить нужные суммы на заимообразной основе³⁰.

Ступин прекрасно понимал нереальность этого плана. Однако в ноябре 1860 г. приехал Н. Геров, и Ступин поддался обаянию идеи освобождения. План «высадок волонтеров на берега Европейской Турции подобно гарибальдийцам в Сицилию», уже не казался совершенно невозможным, если бы члены Общества «могли осуществить тайный народный заем от 6 до 8 млн. руб. сер.». Сведения о появлении капитана Илии (Ильо Христов Марков, дядо Ильо, «страшная для турок личность известного разбойника»), привели к появлению нового плана: «произвести какое-либо движение в пограничных с Сербиею горах, например, под благовидным предлогом требования исполнения хатт-и хумайуна». Ступин испрашивал разрешения дозволить Герову войти в тайный контакт с капитаном Илией, встретиться в Рильском монастыре. Это донесение Ступина по получении 29 декабря 1860 г. было доложено Александру II, который отметил: «Иметь такого человека, как капитан Илия, в запасе на случай всеобщего восстания мо-

жет быть весьма полезно, но самое восстание желательно было бы не торопить, и, если можно еще, отложить. Во всяком случае, считаю небезопасным, чтобы Геров вошел с ним в сношение»³¹.

Однако в Петербурге реалистично оценивали бунтарские возможности болгар в Адрианополе. В инструкции от 24 марта 1861 г. Н. П. Шишкину (1861–1863), сменившему Ступина в адрианопольском консульстве, указывалось, что даже если и вспыхнет восстание христиан, то «Адрианопольский край вследствие близости столицы и перевеса магометанской стихии останется в стороне», да и равнинный характер местности не способствовал особому вольнолюбию. Шишкину рекомендовалось не подавать преувеличенных надежд «вождям христиан», но, с другой стороны, не следовало внушать им недоверия или неприязни к России³².

За 10 лет с начала восстановления после Крымской войны дипломатических отношений России с Османской империей в Адрианополе деятельность консулов Н. Д. Ступина, Н. П. Шишкина и М. И. Золотарева была направлена на развитие болгарского населения в культурном и политическом отношении. Российские консулы были не только высокопрофессиональными дипломатами, но и людьми с горячими сердцами. Например, Ступин о себе и о своем отношении к болгарам писал: «Мои восточные соплеменники-единоверцы, которых судьбы мне сделали дороги почти безотчетно – от долговременного ли только пребывания между ними? От того ли, что мне пришлось быть свидетелем их бед и нравственных и вещественных? От тех ли немногих личных жертв, которые я был в состоянии принести в видах еще несовершенство их пользы?»³³.

Российские консулы сумели установить деловые и вполне корректные отношения с местной турецкой администрацией, с адрианопольским митрополитом Кириллом, со старшинами греческого и болгарского населения. Позиция Ступина, Золотарева в болгарских делах была активна и инициативна. Они старались сдерживать наступление католических миссионеров, парировать удары по православию. Однако болгарский вопрос решался в Константинополе, в котором за это время сменилось несколько посланников: престарелый А. П. Бутенев, А. Б. Лобанов-Ростовский, Е. П. Новиков. Они рассматривали свое пребывание в Константинополе как временное, поэтому не смогли наладить конструктивные отношения ни с турецкой высшей властью, ни с Патриархией, ни с христианскими общинами. Константинопольская миссия была в плачевном состоянии. Все важнейшие вопросы решались без участия России³⁴. Ситуация начала меняться с назначением русским посланником в столице Османской империи Н. П. Игнатьева.

Примечания

- ¹ Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. София, 1987. Т. 1. Ч. 1. № 17. С. 62.
- ² Там же. № 53. С. 138.
- ³ Там же. № 23. С. 70–71.
- ⁴ Там же. № 24. С. 74.
- ⁵ Меджлис – орган провинциального управления, который осуществлял преимущественно контрольные и регистрационные функции.
- ⁶ Русия и българското национално-освободително движение. № 36. С. 98.
- ⁷ Там же. № 42. С. 110.
- ⁸ Архив на Найден Геров. София. 1931. Т. 1. № 33. С. 30; № 37. С. 39.
- ⁹ Русия и българското национално-освободително движение. № 80. С. 182.
- ¹⁰ Там же. № 24. С. 74; № 25. С. 77.
- ¹¹ Там же. № 61. С. 152.
- ¹² Там же. № 56. С. 146.
- ¹³ Там же. № 99. С. 214.
- ¹⁴ Там же. № 85. С. 188.
- ¹⁵ Там же. № 107. С. 250.
- ¹⁶ Там же. № 124. С. 284.
- ¹⁷ Там же. № 159. С. 332.
- ¹⁸ № 165. 24 декември 1859. С. 338.
- ¹⁹ Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. София. 1990. Т. 2. № 32. С. 71–72.
- ²⁰ Там же. № 37. С. 83.
- ²¹ Там же. № 40. С. 86.
- ²² Там же. № 102. С. 213.
- ²³ Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. София, 1987. Т. 1. Ч. 2. № 304. С. 145.
- ²⁴ Там же. Т. 2. № 93. С. 194.
- ²⁵ Генчев Н. Франция и българското духовно възраждане. София, 1979. С. 172–173.
- ²⁶ Русия и българското национално-освободително движение. Т. 2. № 93. С. 193.
- ²⁷ Генчев Н. Франция и българското духовно възраждане. С. 118–121.
- ²⁸ Русия и българското национално-освободително движение. Т. 2. № 184. С. 324.
- ²⁹ Там же. Т. 1. Ч. 1. № 131. С. 294; № 133. С. 296; № 135. С. 298.
- ³⁰ Там же. № 219. С. 469.
- ³¹ Там же. № 226. С. 488.
- ³² Там же. Т. 1. Ч. 2. № 269. С. 78.
- ³³ Там же. Т. 1. Ч. 1. № 36. С. 97.
- ³⁴ Хевралина В. М. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатъев. М., 2004. С. 126–127.

Болгария и Сербия в XIX веке: становление новой государственности и аграрные отношения

Славянские народы Балкан в XIX в. столкнулись с необходимостью развертывания национально-освободительной борьбы, целью которой было завоевание автономии, а затем и независимости от Порты. Славянские православные народы в условиях Османской империи не имели возможностей для своего поступательного исторического развития. В ходе национально-освободительной борьбы было необходимо решать и задачи политической и экономической модернизации – создания новой буржуазной государственности и развития народного хозяйства на новых основаниях. Этот процесс постепенного развития капиталистических отношений был очень сложным, медленным, с многочисленными феодальными и патриархальными пережитками. Все эти земли имели ярко выраженный аграрный характер своей экономики, поэтому преобразования в сельском хозяйстве имели для них первостепенное значение. Посмотрим, как решались эти проблемы на примере Сербии и Болгарии в XIX в.

Расположенная на окраине Турецкой империи, к югу от Савы и Дуная, Сербия по сравнению с внутренними областями османского государства обладала рядом преимуществ. Степень турецкой колонизации здесь была меньше, чем, например, в соседней Болгарии, а удобное географическое положение, наличие разнообразных природных богатств, оживленные торговые связи с Австрией, а также транзитная торговля способствовали более интенсивному развитию товарно-денежных отношений.

На рубеже XVIII и XIX вв. Сербия, подобно другим славянским государствам Балканского полуострова, покоренным Турцией, представляла собой отсталую аграрную страну, в которой господствовали феодальные отношения. Наличие турецкого гнета было основной причиной, задерживавшей развитие порабощенных османами народов. Старые сербские города были превращены турками в опоры своего господства, в административные центры по управлению завоеванной страной. Количество сербского населения в городах было незначительно. Неразвитость города являлась одним из ярких показателей крайней отсталости и застойности общественно-экономических отношений в Османской Турции.

Значительное развитие в Сербии получило скотоводство, особенно свиноводство. Последнее благодаря наличию хороших пастбищ и угодий играло очень большую роль в экономике страны. Сербский скот находил широкий рынок сбы-

та в соседней Австрии, Боснии, Герцеговине и других странах. Торговля скотом являлась основным источником дохода большинства сербского населения.

Еще в XVII в. турецкие феодалы начали превращаться в наследственных владельцев земель. Со второй половины XVIII в. турецкие феодалы-спахии стали заводить собственное хозяйство, в котором широко использовали труд зависимых крестьян. С конца XVIII в. в Сербии, наряду со спахиями, появилась новая разновидность турецких феодалов, так называемые читлук-сахибии — выходцы из среды янычарского войска. С помощью всевозможных, главным образом насильственных, методов они захватывали крестьянские земли и заводили на этих землях барскую запашку, а крестьян ставили в кабальную от себя зависимость. Во многих случаях читлук-сахибии захватывали земли, принадлежавшие ранее спахиям. Тогда крестьяне оказывались подчиненными двум господам и испытывали двойной гнет¹.

Процесс захвата читлук-сахибиями крестьянских земель получил название почитлученья. Напротив, к новым условиям оно стало приспособляться чисто феодальными методами. Введение помещичьей запашки повлекло за собой усиление феодальной зависимости крестьян, переход к барщинной системе хозяйства. К концу XVIII в. большинство сербских крестьян было превращено в чифчиев — крепостных читлук-сахибиев.

Иной характер имела перестройка крестьянского хозяйства, происходившая в тот же период и обусловленная развитием товарно-денежных отношений и ростом рыночных связей. Под действием имущественной дифференциации и расслоения деревни старые патриархальные обычаи стали разрушаться. Внутри общин, главным образом из представителей общинного самоуправления — кнезов и оберкнезов, — постепенно начал создаваться привилегированный слой крестьянства. Сербские зажиточные крестьяне не только имели свое хозяйство, но и занимались торговлей, разводя скот на продажу, скупая и перепродавая его.

В ходе Первого сербского восстания 1804—1813 гг. сербские крестьяне добивались ликвидации турецких феодальных отношений. Так как феодалы были турками, то антифеодальное движение неминуемо приобретало и характер национально-освободительной борьбы.

При содействии России сербы получили автономию по Бухарестскому миру 1812 г. Однако Порте удалось подавить в 1813 г. Первое сербское восстание. Вскоре вспыхнуло Второе сербское восстание, и сербам при поддержке России удалось добиться ограниченной автономии, но турки отказывались официально ее признавать.

Понадобилось еще более 15 лет напряженной борьбы сербов при энергичной дипломатической и военной помощи со стороны России, прежде чем завоевания сербского народа в национально-освободительной борьбе были окончательно признаны Турцией.

14 сентября 1829 г. был подписан Адрианопольский мирный договор. По условиям этого договора Турция в месячный срок обязывалась выполнить постановле-

ния Аккерманской конвенции о предоставлении широкой автономии Сербии и возвращении незаконно отторгнутых у нее после второго восстания 6 округов.

Турция должна была узаконить фактическую автономию Сербии. В августе 1830 г. султан издал специальный хатт-и-шериф, закреплявший завоевания сербского народа, добытые им в результате многолетней национально-освободительной борьбы при поддержке и помощи России. Сербия признавалась самоуправляющимся княжеством под верховной властью султана. Одновременно с хатт-и-шерифом турецким правительством был подписан берат, объявлявший Милоша Обреновича наследственным князем Сербии.

В 1833 г. Милош Обренович, воспользовавшись антитурецким движением в этих округах, присоединил спорную зону к освобожденной Сербии, поставив турок перед совершившимся фактом. По требованию России Турция вынуждена была признать это в специальном хатти-и-шерифе 1833 г.: Новый султанский хатти-и-шериф определял границы возникшего сербского княжества и размер дани, ежегодно уплачиваемой Сербией Турции.

За первые десятилетия самостоятельного государственного и политического существования в Сербии произошли большие социально-экономические перемены. Важнейшим завоеванием сербского национально-освободительного движения явилась ликвидация турецкого господства в стране и связанных с ним феодальных отношений. На протяжении 20–30-х гг. в Сербии произошел аграрный переворот, в результате которого земли турецких феодалов-спахийев перешли в руки сербов. «Закон о возврате земель» 1839 г. констатировал, что спахийские отношения в Сербии потеряли свою силу в 1833 г. и что «все сербы стали законными владельцами своей земли». Гражданский кодекс 1844 г. окончательно утвердил победу буржуазной частной собственности на землю в Сербии².

Переход земли от турецких феодалов к крестьянам был важной составной частью буржуазного переворота в Сербии. Он открывал дорогу для постепенного развития капитализма в сельском хозяйстве и в стране в целом. Правда, эволюция сербской экономики по капиталистическому пути была очень медленной, отягощенной многими феодальными и патриархальными пережитками.

Сходные процессы в развитии аграрных отношений происходили и в болгарских землях в ходе и после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Главные ее результаты состояли в том, что она принесла Болгарии свободу и завершила начавшийся ранее процесс ликвидации в стране турецкого феодального землевладения, что привело к аграрному перевороту в болгарских землях.

Аграрный переворот в Болгарии в ходе русско-турецкой войны протекал весьма своеобразно. Ход военных действий на территории Болгарии привел к массовому бегству турецкого населения, устремившегося из болгарских земель на юг. Бежали прежде всего турецкие феодалы-землевладельцы, которые опасались расправы со стороны болгар. Бежала и значительная часть турецкого крестьянского населения³. Позже, в результате отступления отряда генерала Гурко

из-за Старой Планины и последовавших за этим многочисленных актов насилия турецких войск над населением южных болгарских земель, болгарские беженцы устремились на север. На территории, контролируемой русскими войсками, к осени 1877 г. скопилось более 100 тыс. болгарских беженцев. Их нужно было разместить и обеспечить продовольствием.

Перед русской администрацией в Болгарии встала непростая задача обеспечения беженцев, а также и русской армии, продовольствием. Эта ситуация заставила князя В. А. Черкасского⁴, который занимался устройством гражданского управления в Болгарии, в сентябре 1877 г. сделать еще один важный шаг, положивший начало аграрным преобразованиям. 21 сентября 1877 г. В. А. Черкасский послал губернаторам освобожденных районов Болгарии указание разрешить крестьянам на полях мусульман производить посевы для себя. Таким образом, земли бежавших турецких феодалов разрешалось использовать как беженцам из других районов, так и местному населению. Это предписание предусматривало временное использование брошенных турками земель, однако на деле оно создавало благоприятные условия для фактического захвата болгарскими данными земель⁵.

Стихийный захват болгарским населением турецких земель начался еще в ходе русско-турецкой войны на освобожденных от власти Османской империи территориях. Массовый характер эти действия приобрели весной 1878 г. после поражения Османской империи и заключения Сан-Стефанского прелиминарного договора.

Весной 1879 г. русским оккупационным управлением в Болгарии была проведена земельная перепись. По данным этой переписи видно, что ликвидация турецкой феодальной собственности происходила следующим образом:

- 1) захват болгарскими крестьянами земель бежавших турецких феодалов,
- 2) ликвидация явочным путем различных форм феодальной зависимости,
- 3) захват значительной части земель турецкого государственного фонда⁶.

Прямой захват земель в ряде мест маскировался формами «покупки» и «аренды». В ряде населенных пунктов брошенная бежавшими турками земля считалась сданной в аренду местным крестьянам. Однако эта «аренда» была на деле фиктивной, так как сдача земли в аренду нигде не оформлялась. Болгары брали земли в «аренду» столько, сколько могли захватить⁷. Такой же фиктивный характер в это время носила и покупка брошенных турецких земель. Покупка небольшого участка, как правило, предполагала дальнейший захват земли болгарскими.

Бывшие турецкие государственные земли перешли в собственность крестьян. Сложнее обстояло дело с господарскими и чифтликскими землями. Согласно решению Берлинского конгресса 1878 г. турецкие собственники сохраняли свою недвижимость и могли отдать ее в аренду или в управление другим лицам. Турецкие феодалы не замедлили воспользоваться этим. Они получили полную поддержку со стороны ряда европейских держав, прежде всего Великобритании и Австро-Венгрии, которые настаивали на возврате турецким землевладельцам

всей их собственности в Болгарии. Западноевропейские дипломаты считали, что таким образом им удастся ограничить влияние России в освобожденных ею болгарских землях и поддержать Турцию. Российское правительство со своей стороны видело в такой политике западных государств угрозу своим интересам в Болгарии и всячески препятствовало возвращению турок.

В принятых Советом императорского российского комиссара в Болгарии от 2 августа 1878 г. «Журнальных постановлений» отмечалось, что каждый мусульманин-беженец, запятнавший себя в прошлом такими преступлениями, как убийство, разбой, поджоги, разорение населенных пунктов, изнасилование и т. д., будет немедленно по возвращении предан военному суду⁸.

В случае, если турецкий собственник все же возвращался, он должен был в суде документально доказывать свои юридические права на землю. Это было весьма затруднительно сделать для многих из них.

В этом отношении весьма интересно дело двух турок – Хаджи Ариф аги и Хаджи Шабан аги. Эти два турецких феодала-землевладельца из Пловдива сразу же после Берлинского конгресса вернулись в Болгарию, чтобы восстановить свои права на бывшую собственность. Русские оккупационные власти, в соответствии с «Журнальными постановлениями», немедленно их арестовали и приговорили к смертной казни, несмотря на сопротивление английской дипломатии. Затем английским дипломатам удалось добиться замены смертного приговора в отношении этих двух турок высылкой их из страны, однако после этого другие турецкие феодалы уже не осмеливались возвращаться в Болгарию.

Русская администрация считала, что в Болгарии вся турецкая земельная собственность является собственностью турецкого государства и должна быть передана болгарскому государству. Поэтому русская администрация запрещала туркам продажу их земель, а захваченные болгарами земли считала арендованными.

За время деятельности русской администрации в Болгарии в 1878–1879 гг. болгарское крестьянство при содействии России получило землю на правах частной собственности. Теперь появились гарантии от захвата крестьянских земель силой, чего не было во времена владычества Османской империи⁹.

В августе 1880 г. была создана комиссия по изучению аграрных отношений в Кюстендильском округе, где аграрный вопрос стоял особенно остро. На основе ее предложений Народное собрание приняло закон о государственных и чифтликских землях. Закон относился главным образом к юго-западным районам Болгарского княжества, где были сосредоточены господарские земли. Он закреплял за крестьянами, сидевшими на господарских землях, те участки, которыми они пользовались, а на чифтликских землях бывшим батракам предоставлял земельные наделы, необходимые для существования их семей. Выплату вознаграждения турецким феодалам за отчужденную у них землю производило государство, а крестьяне обязаны были возместить стоимость земли в рассрочку.

Однако осуществление этого закона затянулось, так как правительством не были выделены средства для расплаты с турецкими феодалами. Только в 1885 г. закон был проведен в жизнь. Большая часть земель турецких феодалов переходила к крестьянам в порядке купли у турок. Этот процесс происходил не только в княжестве, но и в Восточной Румелии. Таким образом, в течение нескольких лет аграрные отношения в Болгарии резко изменились: было ликвидировано крупное турецкое землевладение, земля перешла в руки болгарских крестьян.

В результате длительной борьбы сербского народа за свое национальное освобождение в начале XIX в. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Сербия и Болгария освободились от власти Османской империи и начали строить свою новую буржуазную государственность.

Помимо политических реформ для дальнейшего развития процессов модернизации, развития капиталистических отношений, становления гражданского общества, развития новой буржуазной государственности в этих аграрных странах, где крестьянство составляло абсолютное большинство населения, огромное значение имели преобразования в аграрном секторе, ликвидация феодального землевладения.

Россия сыграла важную роль не только в сфере политических преобразований в Сербии и Болгарии, но и в сфере экономической. При активной поддержке России, в некоторых случаях при ее прямом участии, и в Сербии, и в Болгарии было ликвидировано турецкое феодальное землевладение и была создана основа для дальнейшего развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

В свою очередь развитие капиталистических отношений в деревне на основе крестьянской собственности на землю способствовало постепенному вовлечению крестьянских масс в политическую жизнь.

Примечания

¹ Историја српског народа. Пета књига. Први том. Београд, 1981. С. 58.

² Там же. С. 126.

³ Радев С. Строителите на съвременна България. Т. 1. София, 1911. С. 16.

⁴ Князь Владимир Александрович Черкасский во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был уполномоченным при действующей армии от центрального управления Общества Красного Креста. Затем ему было поручено устройство гражданского управления в Болгарии. Черкасский успешно справился с этой сложной задачей. Деятельность князя Черкасского в Болгарии еще ждет своей оценки. Он скончался в день подписания Сан-Стефанского трактата 19 февраля (3 марта) 1878 г.

⁵ История Болгарии. Т. 1. М., 1954. С. 333.

⁶ Там же.

⁷ Кратка история на България. София, 1981. С. 221–222.

⁸ История Болгарии. Т. 1. С. 335.

⁹ Гришина Р. П. Лики модернизации в Болгарии. М., 2008. С. 38.

О феноменах русофильства и русофобства в Болгарии

По сути дела вся всемирная история человечества представляет собой постоянный взаимообратный процесс перехода от рабства к свободе, вбирающий в себя неисчислимое количество путей, характерных для каждого отдельного освобождения и закрепощения. Такая сентенция применима к любому народу на земле. Не является исключением и Болгария, последовательно переживавшая указанные фазы. Достаточно вспомнить турецкое иго, которое сменило, по мнению некоторых болгар, русское владычество, потом после войн и некоторого роздыха, предоставленного стране Европой, опять наступило время войн и очередного «закрепощения» Болгарии Россией, укрытой под четырехбуквенным обозначением СССР. Потом опять наступило время освобождения от «вечных братушек», страна которых была развалена. Сейчас страна встала на путь перехода в Европу. Какие плоды принесет это болгарам, трудно предсказывать, но одно очевидно: любое освобождение всегда связано с закрепощением, и, приобретая свободу в одной сфере, теряешь ее в другой. Однако я не хотел бы заниматься плетением словес. Все же за прошедшие века существования Болгарии в ее истории наблюдался упомянутый процесс, связанный напрямую с Россией, освободительницей и «хозяйкой». Среди героев этого процесса были многие имена, часто связанные с русофобством и с русофильством.

Оба эти понятия относятся к политико-эмоциональной сфере оценки русско-болгарских контактов и в основном характерны для строго определенного времени. Русофильство было особенно популярно в доосвободительский период в истории, когда на Россию возлагались надежды освобождения братского болгарского народа от турецкого владычества, т.е. было связано с ожиданиями. Русофобство и его проявления характерны для времени, наступившего после долгожданного избавления от османов, и были связаны с процессом становления болгарской государственности, когда русские только «мешали» этому процессу, т.е. с разочарованием.

«Расцвет» русофобства его пришелся на время разрыва русско-болгарских отношений. Представляется, что если феномен русофильства в основном характерен для болгарского народа, то русофобство имело большее хождение среди готовых делать ставку на то, что выгодно, что помогает сохранить власть. В то же время хочу тут же подчеркнуть следующее: оба эти феномена связаны не только с любовью или нелюбовью к России, но и с самим полити-

ческим курсом, дипломатией Российской империи. В ней видели силу, которая должна быть поставлена на службу интересов братского болгарского народа, всего славянства. Если этого не наблюдалось, усиливалось русофобство. Те же болгарские политические лица во власти не хотели видеть, что время могущества России, время ее успешного расширения было на исходе, а сам царь стал называться Миротворцем. И еще одно замечание: и русофильство, и русофобство характерны для страны, только встающей на путь своего государственного развития, когда молодая государственность нуждается в помощи и опекунстве, с одной стороны, когда набирающий силы национализм с его лозунгом «Болгария для болгар» ищет опору для освобождения от плотного опекунства бывших освободителей в других странах.

В сущности, феномен русофильства в его политическом значении был характерен для правления царского родственника и ставленника Александра Баттенберга примерно до провокационного для официальной России воссоединения в 1885 г. Софии с Пловдивом. Безусловно, в этом сложнейшем времени строительства болгарской государственности действовали и политики, которых можно отнести, хотя и с натяжкой, к русофобам. Например, так называемые консерваторы, случалось, меняли жесткую критику русской политики в княжестве на предложения сотрудничества с ними, как это было осенью 1883 г. Эта своеобразная игра на качелях была свойственна и русской дипломатии, политика которой в княжестве должна быть признана неудачной. Более того, некоторые ее действия, например, связанные с приостановкой конституции в 1881 г., только расширяли базу для болгарских оппозиционеров русской политики. И если с освобождением у России все получалось хорошо, то с опекунством плохо. Именно из-за «плохого опекунства», держания Болгарии на коротком поводке ширились явления русофобства.

Подчеркну, что если русофильство имело более мощную корневую базу, связанную с культурой, этносом, традицией, то русофобство возникало на политической почве, когда, как писал один из русских дипломатов, все хорошее приписывалось болгарским властям, а все плохое – России.

Далее. Осторожность Петербурга в вопросе о создании Сан-Стефанской Болгарии служила дополнительным импульсом к расширению рядов недовольных своей бывшей освободительницей. Политика «кнута и пряника», проводимая русскими дипломатами после воссоединения Болгарии, подняла к власти Стамболова.

Само его появление в 1887 г. в полунезависимой Болгарии было вызвано «освобождением» болгарского престола Александром Баттенбергом, ставшим одиозной личностью в глазах Александра III. Об этом сюжете написано уже достаточно много, чтобы повторять сказанное. Могу лишь напомнить, что в Санкт-Петербурге после разрыва с Софией отношений в ноябре 1886 г. считали, что в той обстановке, когда вопрос о кандидатуре на вакантный княжеский престол мог быть решен только при одобрении русской дипло-

мати, болгары будут вынуждены пойти на поклон к русским. Однако МИД явно просчитался, рассчитывая на быстрый успех. И как ни странно это звучит на первый взгляд, болгарам в этой сложнейшей ситуации помогал вассальный статус. Они могли тянуть дипломатическую игру очень долго с помощью Европы, называвшей русского царя своим «страшилищем». Именно Европа, точнее, Вена, «подарила» болгарам нового князя Фердинанда из дома Кобургов. Для Болгарии и Австро-Венгрии Фердинанд был гораздо более приемлемой фигурой, нежели навязываемая Петербургом фигура русского подданного князя Н. Д. Мингрели, проваленного в Софии, по-прежнему опасающейся превращения страны в «Задунайскую губернию» России. Выступая своеобразным спасителем от «русской угрозы», Фердинанд надеялся, что болгары будут отстаивать его, защищая свой суверенитет. Именно «русская опасность» заставила Софию поспешить с возведением на трон самовыдвиженца Фердинанда. Тем не менее, Россия не собиралась «оставлять» Болгарию католику. Однако дипломатическая активность Петербурга не приносила каких-либо ощутимых результатов. Ни в Стамбуле, ни в европейских столицах не желали помогать русской дипломатии в «горючем» болгарском деле, чреватом очередным военным пожаром. Замечу, что Фердинанд «мешал» не только царю. Он начинал действовать на нервы и фактически властителю страны Стамболову, который ради «независимости» страны от той же России, жертвовал «свободой», свирепо подавляя инакомыслие, преследуя русофилов. И в то же время политическое русофобство Стамболова могло закончиться гораздо раньше. Будучи умным политиком, он не мог не понимать, что рано или поздно Фердинанд постарается избавиться от него. И в начале 1888 г. русофоб Стамболов хотел превратиться в русофила Стамболова, обещавшим России выдворить князя из страны в обмен на определенные гарантии, в том числе материального характера (письмо С. Стамболова в МИД России от 25 февраля 1888 г.). Тогда Фердинанда спасло, скорее всего, недоверие русской дипломатии к Стамболову и уверенность в том, что выдворение князя устроится без особых денежных затрат.

Тут же следует заметить, что на первых порах своего княжения Фердинанд был для болгар своеобразным символом болгарской независимости, для русских – «узурпатором» болгарского престола, для турок — фигурой, вносившей помехи и сложности в международную сферу, прежде всего в русско-турецкие отношения. В сущности, Фердинанд был своеобразным заложником в сложной игре между Софией и Петербургом. Он все же тогда больше был объектом, нежели субъектом, в международных отношениях и только начинал вести свою игру. И попытка отнести его к лагерю русофилов или русофобов была бы некорректной, хотя для Петербурга, не признававшего князя, он был русофобом, захватившим болгарский престол. Несмотря на негласную поддержку Вены и Стамбула, все попытки Фердинанда до-

биться какого-либо ощутимого продвижения в решении вопроса узаконения его прав на престол великими державами терпели неудачу. В сущности, время показывало правоту царского тезиса, что если Россия может обойтись без Болгарии, то последняя не в состоянии обойтись без России. По меткому замечанию нового начальника Азиатского департамента Д. А. Капниста признание царем законности пребывания князя на престоле «было равносильно путешествию в Каноссу»¹. Даже отстранение от власти Стамболова весной 1894 г. Фердинандом не поколебало позицию императора. Хотя, уstraивая отставку «спасителю» Болгарии, оппозиционные силы надеялись, что она положит начало процессу нормализации отношений с Россией, покажет ей, что Болгария встала на путь русофильства. На это рассчитывал и сам Фердинанд, охотно пожертвовав своим «надзирателем». Во главе нового правительства встал К. Стоилов, понимавший необходимость отмены русофобского курса и недопущения грубого произвола во внутренней политике. Долгожданная победа князя была результатом многих факторов, прежде всего осознания многими видными политическими деятелями Болгарии необходимости примирения с Петербургом, невозможности дальше выдерживать «внешнеполитический террор», внутренний террор русофобства. Для русской дипломатии, сломившей упорство молодого императора Николая II, вознамерившего было продолжать политику своего отца, примирение означало путь к восстановлению влияния в славянской стране, играющей ответственную ей роль в стратегических планах России. Сам князь Фердинанд ради сохранения династии дал согласие на крещение 2 февраля 1896 г. своего первенца Бориса Клеменса Роберта Марию Пия Людвиг Станислава Хавьера (1894–1943), принца Саксен-Кобург Гота по православному обряду (крестным отцом Бориса стал русский царь). Вслед за восстановлением русско-болгарских отношений остальные великие державы поспешили признать законность Фердинанда Кобургского на престоле. Наступали новые времена и для Болгарии, и ее князя, награжденного новым императором орденом Св. Владимира I степени. Русофобство уходило в тень. Стремясь «ублаготворить» Россию и «утешить» Болгарию, князь в одном из своих выступлений того времени заговорил об «оживляющих лучах восточной зари в противоположность мертвящему зною западного союза»². Из бывшего русофоба он стал русофилом. Эта перемена еще раз подчеркивает политическую составляющую этих двух феноменов – русофобства и русофильства.

Однако русофильство князя было весьма своеобразным. Здесь можно назвать весьма любопытный договор, заключенный им втайне от своего правительства в Вене в августе 1897 г. с Австро-Венгрией. Согласно ему, если это не фальшивка, Франц-Иосиф среди прочего обещал поддерживать в будущем «признание болгарской независимости великими державами», помочь Болгарии овладеть «Адрианонопольским вилайетом до Царьграда, вместе с портом

Каваллой и границей на Эгейском море, и отобрать у сербов гг. Ниш, Пирот, Вранье, Лесковац»³. Думаю, что в Петербурге были бы резко против такого договора, нарушавшего хрупкий славянский мир на Балканах.

Фердинанд, как верно подметил один из современников, «пускал корни», работая над их укреплением в болгарской почве. Любое серьезное недовольство правительством, его политикой он стремился вовремя и искусно погасить, не допуская ни расшатывания страны, ни ослабления власти своего имени.

Однако, повторю еще раз, не следует представлять себе, что министры были только куклами в руках Фердинанда. У них было много общего, прежде всего в стремлении европеизации страны, в решении общегосударственной политической задачи по объединению болгар. И здесь хорошие отношения с Россией были просто необходимы. Так, в 1899 г. один из видных политических деятелей С. Данев в отношениях с Россией видел «выражение государственной идеи, будучи убежден в том, что только благодаря им» Болгария «в один прекрасный день получит свои естественные границы». Наступление этого «дня» и решение македонского вопроса Данев связывал с политикой великих держав и выступал против засылки чет в Македонию⁴. Видимо, такая позиция премьер-министра с ориентацией на «прекрасный день» и «бесплодные» переговоры Данева с Петербургом по обеспечению «слепой» поддержки России в деле «национального объединения» вызвали неудовольствие Фердинанда.

Касаясь восприятия официальной Россией, ее дипломатами князя, а потом царя, Фердинанда, сразу следует отметить, что после 1896 г. Петербург проявлял редкостную терпеливость и доброжелательность по отношению к нему, выступая неким «главноуговаривающим» в македонском вопросе. В декабре 1902 г. министр иностранных дел В. Н. Ламздорф в личной беседе с «его королевским высочеством», как назвал князя Николай II, и главой правительства С. Даневым предупредил их, чтобы болгары «не обостряли обстановку на Балканах, поскольку в течение ближайших нескольких лет Россия... не сможет принять активного участия в этих событиях, а без участия России интересы Болгарии будут ущемлены». При этом высокопоставленный русский дипломат исключал любую возможность добиваться улучшения положения «народа Македонии» революционными методами⁵. Так, в заключенной в том же году русско-болгарской военной конвенции говорилось только о том, что Россия обещает «всеми своими силами содействовать сохранению целостности и неприкосновенности территории Болгарии», но ни слова не упоминалось о сохранении династии Кобургов, о поддержке Софии в случае вторжения Австро-Венгрии в Македонию или вследствие начала той же болгаро-турецкой войны из-за освобождения македонских братьев⁶.

Но в целом русская дипломатия поддерживала болгарского монарха. Русский дипломатический представитель в Софии Г. П. Бахметев «демонст-

ративно выказывал высокое благоволение «единственному фактору в Болгарию князю Фердинанду»⁷. Ответ на вопрос о причинах такого довольно прост: вместе с императорами меняется и политика, но политические расчеты остаются, не забываются и мечты. Болгария была нужна России, царь которой не мог не питать надежд на водружение креста над Святой Софией. Хотя не следует забывать, что для многих в России Болгария была падчерицей, а Сербия – дочерью. Оглядывание князя на Вену, дистанцирование Болгарии от России – все это предопределяло осторожность Северной Пальмиры в болгарских делах. В то же время стремление «приручить» Софию с ее пульсирующей активностью в македонском вопросе заставляло русскую дипломатию порой «лезть с головой» в «балканский котел».

Самому Фердинанду «прощалось» многое, даже провозглашение независимости, предварительное известие о котором было встречено русским дипломатическим представителем в Софии весьма неодобрительно. Однако все его уговоры отложить задуманное «до более удобного времени» и обещания «полного содействия России» закончились крахом⁸. (Замечу, что история учила Фердинанда; он знал: если бы болгары следовали этим советам «ожидания дядо Ивана», то известное воссоединение Южной и Северной Болгарий могло совершиться гораздо позднее и на других условиях.)

Петербург, молча «проглотивший» аннексию Боснии и Герцеговины Веной, Петербург, сделавший первый шаг в 1896 г., должен был сделать второй в 1908 г., пойдя на признание независимости Болгарии и царского титула Фердинанда. Название Третьего Болгарского царства обязывало ко многому: прежде всего к великим делам, к воссозданию Великой Болгарии, к делу «национального объединения», к решению македонского вопроса, решавшегося оружием в Балканских войнах и за столом переговоров.

Итоги Второй межсоюзнической войны, начатой Софией в июне 1913 г., были подведены 29 июля (10 августа) Бухарестским договором, по которому территориальные претензии Сербии и Греции были удовлетворены за счет Болгарии, ее бывших македонских приобретений. С. Д. Сазонов писал в своих воспоминаниях: «Бухарестский мир был только пластырем, наклепленным на незажившие балканские язвы, которым было суждено снова вскрыться не далее как через год. Для Болгарии Бухарестский мир запечатлевал крушение честолюбивой мечты Фердинанда Кобургского о создании болгарского царства от пределов Албании и до Мраморного моря. Горечь обманутых надежд и затаенная злоба против тех, кого они считали виновниками испытанных ими разочарований, поставили судьбы болгарской политики в тесную связь с венским кабинетом, как это наглядно доказала мировая война 1914 года»⁹.

Для наследников хана Аспаруха виновницей такого исхода стала Россия. Апофеозом русофобских настроений стало стихотворение, каждая строфа которого заканчивалась проклятием на голову «братской России»¹⁰. И хотя

номер газеты «Дневник», где оно было помещено, был конфискован и правительство выразило свое сожаление Неклюдову, тем не менее, эти зарифмованные проклятия можно было считать горькими плодами нестроений в славянстве, результатом «игры на качелях», уже принесшей немало бед в русско-болгарских отношениях.

И если говорить о болгарских националистах, то их неприязнь, недоверие к России, ее политике могли бы быть, по-моему, сконцентрированы в следующих словах-объяснениях:

1. Я люблю Россию, но ненавижу русскую политику.
2. Я люблю Россию, но только когда она не решает свои дела за меня.
3. Я люблю Россию, но ненавижу самодержавие.
4. А за что я должен любить Россию, если после 1878 г. моя родина оказалась под двойным русско-турецким игом?
5. А за что я должен любить Россию, если она всегда была для меня мачехой?
6. А за что я должен любить Россию, если освобождение ею моей страны связано с оккупацией?
7. Я ненавижу Россию, потому что она лишила Болгарию Македонии.
8. Я ненавижу Россию, потому что она лишила Болгарию ее первого князя.
9. Я ненавижу Россию, потому что я всегда «меньший брат» для нее.

В непростой ситуации, сложившейся в результате Балканских войн, для Фердинанда было два варианта дальнейшей политики: отречение от престола или продолжение борьбы за дело «национального объединения» в ходе грядущей войны. По мнению экзарха Иосифа, он должен был покинуть престол. Убеждение экзарха в необходимости отречения Фердинанда, сеющего только зло в Болгарии, было подкреплено информацией о готовящейся царем церковной унии с Римом и о подготовке союза с Центральными державами и Турцией¹¹. Экзарх, глубоко переживавший болгарскую драму, прямо заявил потерявшему, по его мнению, все моральные права оставаться на троне Фердинанду: «Если Вы любите Болгарию, если Вы дорожите династией, Вы должны отречься от престола». Однако Фердинанд не собирался уходить на покой. Он готовился к реваншу. Сам же экзарх умер со словами: «Болгарский престол занят иностранцем. Он покинет несчастную Болгарию после того, как опозорит и погубит болгарские чаяния и идеалы... Храните Болгарию, которая находится на страшном распутье»¹².

«Чаяния и идеалы» были присущи и Фердинанду, и пришедшему к власти летом 1913 г. правительству «либеральной концентрации», в котором руководящая роль принадлежала авторам известного «письма от 23 июля», отправленного царю. В этом письме, полном неприятных и резких высказываний в адрес русской политики в Болгарии, настойчиво «рекомендовалась единственно спасительная политика сближения с Австрией». Само письмо было написано «в момент, когда сам Данев, шеф болгарских русофилов,

признал свою русофильскую политику «обанкротившеюся»; когда все в Болгарии винили Россию и в отказе Сербии от договора... Авторы письма, — как подчеркивал русский корреспондент в Болгарии, — лишь придали положительно австрофильскую форму этому отрицательному русофильскому настроению, и сделали они это не столько потому, что повиновались глубоко-му внутреннему убеждению, сколько потому, что такое выступление сулило им власть»¹³. Одно замечание: эта «власть» давала им возможность «поправить» курс болгарской политики.

Конечно, в России знали о царящих настроениях в Болгарии, равно как и признавали желательность привлечения Болгарии на свою сторону. Так, в июле 1914 г. посланник в Софии А. В. Неклюдов, как он писал позднее в своих воспоминаниях, подал записку на имя Сазонова о высадке мощного десанта в Варне или в Бургасе с одновременным изданием «прокламации, обращенной к местному населению и убеждающей его, что целью прихода русских войск является возвращение Адрианополя и потерянной во Второй Балканской войне территории, а также защита от турок». «Все это, — по мнению Неклюдова, — могло поставить на русскую сторону и народ, и армию, а в конечном счете, и Фердинанда»¹⁴. Однако это предложение не прошло. Достаточно сказать, что против выступил начальник штаба Ставки М. В. Алексеев, считавший, что Россия не обладает необходимыми силами для организации десанта¹⁵.

Началась первая мировая война. Власти в Софии делали самые успокоительные заявления о том, что «Болгария никогда и ни при каких условиях не присоединится к лагерю, воюющему против России, и не займет Македонию или Добруджу», не договорившись предварительно с Петербургом. Однако в это трудно было поверить, пока в правительстве заседали лица, не раз заявлявшие о необходимости отхода от России и союза с Австро-Венгрией¹⁶. Можно напомнить, что в начале августа 1914 г. русское правительство запросило Софию относительно ее планов. И что же? Как писал позднее Р. Пуанкаре, «король не принял на себя никаких обязательств. Он сослался на свое правительство, с которым он, однако, обычно мало считается. В свою очередь председатель совета министров сослался на короля. Фердинанд и его соратники остаются верны себе. Их двуличие несомненно сулит нам сюрпризы»¹⁷.

И в то же время ситуация была слишком сложной, чтобы упрекать только Софию и короля Фердинанда. Так, 1 сентября 1915 г. Россия с союзниками заявили в последний раз Софии, что они готовы гарантировать после победоносной для них войны уступку ей Сербией македонских земель, отошедших Белграду по договору 1912 г. Эта гарантия обуславливалась бы ручательством Болгарии заключить с державами Антанты военную конвенцию относительно вступления в войну с Османской империей¹⁸.

Однако эти обещания рассчитаться после войны, в которую надо вступить сейчас, не устраивали Софию, особенно на фоне побед немецкого оружия. Болгарскую позицию можно попробовать понять, если знать, что в Софии одну из главных причин своих несчастий болгарские националисты видели в «злокозности русской дипломатии»: «Россия, – говорят они, – была арбитром между нами и сербами. Ее подпись скрепляла наш договор с ними. И однако, что сделала она, когда сербы отказались от этого договора и предъявили нам свои ни на чем не основанные требования? Одного ее слова было бы достаточно, чтобы образумить сербов, но она не только не сказала этого слова, но, напротив, устами покойного Гартвига, как будто поощряла сербские претензии. И когда в результате этих претензий разразилась война, Россия не сделала ничего, чтобы остановить набросившихся на нас турок и молчаливым свидетелем присутствовала при нашем ограблении в Бухаресте и Царьграде. Нас карали за “непослушание”, но самая беспощадность кары доказывала, что дело было не только в непослушании. Нам мстили за дерзкое поползновение на независимость, за Родосто и Адрианополь, за наши мечты о “великой Болгарии”, создание которой не входило более в планы русской дипломатии. Нас приносили в жертву “великой Сербии”... Можем ли мы после этого горького опыта доверять России, когда она обещает нам какие-то неопределенные “компенсации, широко отвечающие нашим национальным aspirations?”¹⁹.

Итак, были национал-патриоты, готовые ради успеха дела «национального объединения» пойти в «объятия» Тройственного союза. И здесь, безусловно, играло свою роль то обстоятельство, что Россия в войне поддерживала Сербию, соперницу и «обидчицу» болгар в македонском вопросе. Как писал в начале 1915 г. русский корреспондент И. Калина в «Вестнике Европы», «чаще всего и категоричнее всего болгары объясняют свой нейтралитет и свое безучастие в будущей вокруг них борьбе своею “ненавистью” к Сербии». «Мы не можем, – говорят они, – органически не можем сочувствовать и помогать сербам. Их коварство лишило нас плодов великих усилий и неисчислимых жертв, понесенных страной в балканской войне ... они отняли у нас Македонию, которую годом раньше сами торжественным договором признали бесспорно болгарскою». И далее: «Не только болгарский политикан-интеллигент, но и рядовой болгарский крестьянин не захочет добром протянуть руку “коварному соседу”, которого он обвиняет чуть ли не во всех своих несчастях последнего времени»²⁰.

Но это эмоции. Сама политика выжидания может быть объяснена тем, что король «надеялся захватить Македонию в ходе локальной австро-сербской войны, но в сложившихся обстоятельствах хотел выяснить позицию Румынии и Греции»²¹. Безусловно, политика выжидания увязывалась и с более-менее четким определением будущего победителя. Таким в 1915 г.

представлялась Германия со своими союзниками: Россия терпела неудачи в Галиции и в Польше, не блистали успехами и ее «друзья по оружию». И как итог – 24 августа 1915 г. в Софии был подписан германо-болгарский договор о денежной помощи Софии в размере 200 млн. левов; в его секретной части предусматривалась передача Болгарии желанных македонских земель, а также часть пограничной сербской территории²². А на следующий день, благодаря стараниям Берлина, была достигнута договоренность между Стамбулом и Софией о передаче Болгарии Фракии с частью Адрианополя²³.

В донесениях российских дипломатов из Болгарии лишь изредка встречалась информация, которая могла хоть как-то скрасить тяжелое настроение. К числу таких можно отнести сообщение посланника в Софии А. А. Савинского о речи Александра Стамболийского на встрече руководителей оппозиционных партий с царем Фердинандом (4 сентября 1915 г.). В ней лидер земледельцев четко и грозно заявил: «Меня лично нельзя упрекнуть в пристрастии к России, но, к сожалению, мы видим и знаем, что в народе нашем чувства благодарности к своей освободительнице бесконечно сильны и никто и ничто не может их вытравить. Вы и ваше правительство хотите вести народ к новым авантюрам, идущим вразрез с его чувствами, стремлениями и идеалами. В 1913 году Вы с вашим правительством довели страну до катастрофы и народ хотел идти на Софию, чтобы потребовать к ответу виновных. Мы остановили его тогда... Но теперь мы вас торжественно предупреждаем, что если вы осмелитесь повести страну к новым авантюрам, то мы станем во главе народа и поведем его сюда за вашей головой! ... народ наш не хочет войны, но если в силу политических обстоятельств он вынужден будет поднять оружие, то он охотно пойдет с Россией и никогда против нее»²⁴.

Такая позиция могла радовать Петербург, но Болгарией руководили другие, увидевшие в словах Стамболийского лишь красивую фразу. Князь и его окружение предпочитали дело слову. «Все болгарские злоключения в 1913 году приписывались вине исключительно России. Деятельность Фердинанда, – писал в Петроград военный агент в Софии Г. Д. Романовский, – поддерживалась Австрией и Германией, субсидировавшими в широких размерах всю болгарскую прессу. В армии с разрешения Фердинанда была образована особая офицерская военная лига, поставившая себе целью якобы возрождение военной мощи Болгарии, но на деле энергично занимавшаяся антирусской пропагандой и ратовавшая за тесное сближение с Австрией и Турцией. Одной из обязанностей членов этой лиги было следить за настроением офицеров вообще и бороться с теми из них, кои оставались верными идее сближения с Россией»²⁵.

Сюда же следует добавить и то обстоятельство, что именно в Австрии хранились многомиллионные средства болгарского монарха, что значительно уменьшало шансы на вовлечение его в орбиту Антанты²⁶. Более того,

судя по донесению Романовского, вся семья болгарского царя не питала какого-либо чувства уважения к России. Так, описывая его вторую жену Элеонору Каролину Гаспарину Луизу (1860–1917), принцессу Ройс цу Костриц, дипломатом зло напоминал: «Не могу также не отметить крайне враждебного отношения ко всему русскому и королевы Элеоноры. Особенно ярко это выразилось во время балканской войны в ее пренебрежительном отношении к отрядам русского Красного Креста. Между тем без русской помощи, благодаря крайней бедности болгар в медицинском персонале и средствах, положение болгарских раненых было бы отчаянное. Еще хуже поступила королева Элеонора с теми значительными денежными суммами и пожертвованными вещами, кои поступали на ее имя из России. Все это выдавалось раненым якобы от ее имени. Откуда прибыли пожертвования — тщательно скрывалось. В своей слепой неприязни к России Элеонора дошла до того, что однажды на выраженные прибывшими в Болгарию русскими отрядами Красного Креста желание поскорее приступить к работе сказала, не стесняясь присутствия русских: “Эти русские всегда и всюду суют свой нос; мало их били японцы, надо, чтобы их побили еще и китайцы”»²⁷.

Прогерманские настроения Софии, подогреваемые победами немецкого оружия, гонения русских подданных, отказ идти на союз с Антантой — все это, в конечном счете, вынудило российского самодержца пойти на решительный шаг. 11 сентября 1915 г. в 21 час 37 минут он телеграфировал министру иностранных дел Сазонову: «С крайним прискорбием уполномочиваю Вас отозвать из Болгарии посланника с миссией и консульствами»²⁸. В свою очередь министр предпринял последнюю попытку «образумить» Софию. Через Савинского он извещал болгарского премьера В. Радославова: «События, происходящие теперь в Болгарии, свидетельствуют об окончательном решении правительства короля Фердинанда отдать судьбу страны в руки Германии. Присутствие германских и австрийских офицеров в Военном министерстве и Штабах армии, сосредоточение войск в пограничной с Сербией области, широкая финансовая помощь, принимаемая Софийским кабинетом от наших врагов, не оставляют сомнения в том, против кого направлены нынешние военные приготовления болгарского правительства. Державы Согласия, принявшие близко к сердцу обеспечение чаяний болгарского народа, неоднократно предостерегали г. Радославова, что всякое враждебное действие против Сербии будет сочтено ими как направленное и против них самих... Представитель России... не может оставаться в стране, в которой готовится братоубийственное нападение на союзный славянский народ. Императорский посланник получил предписание покинуть Болгарию... если в 24-часовой срок болгарское правительство не порвет открыто с врагами славянства и России, и не примет мер к немедленному удалению из армии офицеров государств, воюющих с державами Согласия»²⁹.

Ультиматум не был принят. Благо Болгарии требовало возвращения отторгнутых Сербией македонских земель — «нам чужого не надо, но и своего не отдадим». Эта старинная форма с одинаковым успехом использовалась воюющими сторонами. 21 сентября 1915 г. отношения были разорваны. 6 октября Манифестом Николая II Болгарии объявлялась война. Сам Фердинанд при отъезде из Софии нашего посланника Савинского сказал: «Даже если меня не будет в Болгарии, надо будет немало времени, чтобы построить мост через пропасть, образовавшуюся между Россией и Болгарией»³⁰. На Балканах болгарские и сербские мужики, одетые в солдатские шинели, в очередной раз были брошены в патриотическую мясорубку войны, где успех сопутствовал наследникам царя Самуила. В газете «Мир» в декабре 1915 г. можно было прочесть такие строки: «Болгарский народ теперь сражается не за какой-нибудь далекий идеал; он не ищет завоеваний в чужих землях. Если он начал войну, то лишь затем, чтобы осуществить свое единство, собрать в границах одного государства всех сынов одной крови, одного племени, одной веры. В Заечаре и в Пироте, в Нише и в Лешковце (правильно — Лесковац. — В. К.), в Скопле (совр. Скопье. — В. К.) и в Куманове, в Велесе и в Прилепе, в Битоле и в Охриде, во всех этих только что освобожденных местностях бьется болгарское сердце, живут сыны болгарского народа»³¹.

Эйфория побед настолько охватила Софию, что было решено переименовать храм-памятник Александра Невского (воздвигнут на средства болгарского народа в память царя-освободителя Александра II и всех сложивших свои головы на поле брани за освобождение Болгарии русских солдат) в собор свв. Кирилла и Мефодия. В то же время говорить о каком-то «девятом вале» русофобства нельзя. Так, 17-ый пехотный полк Доростольский Его Императорского Величества Великого князя Владимира Александровича и 3-ий конный полк Ее Императорского Величества Великой княгини Марии Павловны продолжали сохранять свои наименования. Болгарская пресса, резко нападая на царское правительство, высказывала «наилучшие чувства» русскому народу. (Народ — это святыня. Его нельзя трогать, он никогда и ни в чем не бывает виноват!?). Лейтмотив многочисленных выступлений, заявлений был таков: «Болгария не желает воевать ни с кем... ни даже с Сербией, а только берет у Сербии то, что принадлежит болгарам по праву»³².

Но право на компенсацию (именно это слово было в ходу у России и ее союзников) не отрицалось ими. В августе 1916 г. начальник штаба Главковерха генерал М. В. Алексеев склонялся к тому, чтобы начать переговорный процесс с Болгарией и заключить с нею — втайне от Сербии и Греции — соглашение. В нем предусматривались такие пункты, как передача Болгарии Македонии до р. Вардар, а также Каваллы и, возможно, Салоник в обмен на детронацию царя Фердинанда, отставку правительства, разрыв с Централь-

ными державами. Однако против такого плана выступала Франция, где считали, что переговоры могут быть начаты только по инициативе Софии и не ранее нанесения Болгарии мощного удара³³.

В том же 1916 г. о судьбе послевоенной Болгарии писал интересные строки Г. Д. Романовский, подчеркивавший, что «первой и важнейшей задачей нашей дипломатии должно явиться удаление из страны Фердинанда... наиболее отвечающим нашим интересам было бы учреждение там республики. При политиканстве болгар, весь избыток сил этого живучего по природе народа направится на внутреннюю политику, и внешняя политика отойдет на второй план. В заключение приемлю на себя смелость высказать своё мнение на тот случай, если в Болгарии произойдет в ближайшем будущем переворот и страна, свергнув Фердинанда, перейдет на нашу сторону. Насколько мне известно, до предательского выступления Болгарии, наша дипломатия, стремясь привлечь ее на нашу сторону, обещала ей приращения в Восточной Фракии. Мне представляется, что теперь это едва ли отвечает нашим интересам. С переходом Царьграда в наши руки нам необходимо иметь для обеспечения его со стороны балканских государств достаточно широкую защитную зону. С этой стороны желательно задержать за нами всю теперешнюю Турецкую Фракию вместе с Адрианополем. Помимо стратегической выгоды, занятие Фракии поможет нам придать Царьграду, населенному главным образом греками, евреями и турками, хоть немного русский характер... Колонизация же Фракии русскими оживит Царьград, а связь его с Империей станет теснее»³⁴.

А что же общественное мнение России? С чем оно выступало в те годы? Известный А. И. Веселовский говорил: «Мы русские... будучи просто славянофилами, имеем одно искреннее желание, чтобы славяне, все без исключения, нашли себе политическое счастье и приблизились, сколько можно, к своему политическому идеалу. Нам безразлично, как устроятся у себя свободные славянские народы... нам желательно видеть всех славян, живущих в мире между собою и блюдушими интересы славянства. Русский царь не ищет новых подданных, а русский народ не нуждается в новых землях. Мы можем взять себе только почти родной нам Царьград и то лишь затем, чтобы никто не мог запирает перед нами созданные Богом ворота в свободное море. Но, будучи старшими братьями в славянской семье, мы, русские, требуем, чтобы остальные славяне имели нас, говоря по старому, в отца место, и держали русское имя честно и грозно»³⁵.

После февраля 1917 г. в планах дипломатии Временного правительства появлялись новые варианты, связанные с появлением в Швейцарии некоего болгарского комитета, замышлявшего переворот в Болгарии. Его руководители – архимандрит Стефан (будущий болгарский экзарх) и г-н Цоков – со-

гласие на переход к Антанте ставили в зависимость от передачи всей болгарской Македонии «в ее этнографических границах»³⁶.

Разрозненность депеш, отрывочность информации, напечатанной на скверной, чуть ли не оберточной, бумаге разных цветов и в не менее скверной обстановке разваленной и преданной империи не позволяют представить целостную картину судьбы Болгарии и ее монарха. Последние разведанные на сентябрь 1917 г. позволяют узнать следующее. Болгары собирались потребовать: Фракию с Родосто, автономию Македонии с Салониками и «Большую Добруджу». Не исключалась возможность сохранения династии Кобургов и даже сохранения короля Фердинанда. Сама форма организации переворота представлялась заговорщикам весьма туманной: и идея революции, и разрыв монарха с Германией, и создание заграничного революционного правительства, к которому, по-видимому, должна была перейти власть после удара союзнических войск на заранее подготовленном для прорыва участке³⁷. Однако революции в противоборствующих странах смешали карты.

Король Фердинанд отрекся от престола 3 октября 1918 г. в пользу своего сына Бориса, князя Тырновского. Сам он умер в Баварии в родовом замке Кобургов. Время его царствования пришлось на трудное время решения проблемы «национального объединения», волновавшей болгарское общество, не забывавшее свою величественную историю, помнившее Сан-Стефанскую Болгарию. Фердинанд оказался в числе побежденных, виновников поражения, даже катастрофы. Однако ему удалось, может быть, главное – оставить на троне своего сына. И прошлое забылось гораздо быстрее, чем пытался пророчествовать Фердинанд. А с уничтожением самодержавия в России русофильство и русофобство утрачивали, казалось бы, свое политическое содержание. Время показало и показывает, что они имеют право на существование, пока живет Россия.

Подводя итоги, я хотел бы дать свое определение истории: история – это память смертная, обращенная в бессмертие. Я надеюсь, что так же будет бессмертна и связь наших народов, веками ее строивших и упрочивших.

И свой вклад сюда внесли русские, о которых я постарался рассказать в своей статье.

Заканчивая небольшой экскурс, хочу подчеркнуть, что феномены русофильства и русофобства (любви и ненависти) органичны для всего славянства, ищущего и находящего свои пути по обретению себя в будущем. Вопрос только – в каком и какова цена? Но здесь каждый решает сам или как будто сам. И еще раз подчеркну, что русофильство всегда связано больше с культурой, а русофобство – с политикой.

Примечания

- ¹Ламздорф В. Н. Дневник (1891–1892). М.–Л., 1934. С. 165.
- ²Цит. по: Мартыненко А. К. Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. Киев, 1967. С. 129.
- ³Бербенко К. Балканский полуостров // Славянские известия. СПб., 1909. № 1. С. 116.
- ⁴Бербенко К. Политические партии в Болгарии. Прогрессивно-либеральная партия // Славянские известия. СПб., 1910. № 3. С. 222.
- ⁵Мартыненко А. К. Русско-болгарские отношения накануне и в период революции 1905–1907 гг. Киев, 1974. С. 19.
- ⁶Мартыненко А. К. Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. С. 285.
- ⁷Бербенко К. Д. Политические партии в Болгарии // Славянские известия. 1910. № 1. С. 54.
- ⁸К. Д. Б. Болгарское царство // Славянские известия. 1909. № 2. С. 214.
- ⁹Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991. С. 120.
- ¹⁰АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1351. Л. 123 об.
- ¹¹Екзарх Стефан I Български. Документален сборник. София, 2003. С. 15–16.
- ¹²Там же. С. 19–20.
- ¹³Калина И. Из Болгарии (Болгарский нейтралитет) // Вестник Европы. 1915. № 2. С. 299.
- ¹⁴Цит. по: Айрапетов О. Р. Балканы в стратегии Антанты и ее противников (1914–1918 гг.) // Новая и новейшая история. 2003. № 5. С. 204.
- ¹⁵Там же. С. 204.
- ¹⁶АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1353. ЛЛ. 227 об, 232.
- ¹⁷Цит. по: Айрапетов О. Р. Балканы в стратегии Антанты и ее противников... С. 194.
- ¹⁸Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1915. № 11. С. 349.
- ¹⁹Калина И. Из Болгарии // Вестник Европы. 1915. № 2. С. 295–296.
- ²⁰Там же. С. 293.
- ²¹Айрапетов О. Р. Балканы в стратегии Антанты и ее противников... С. 196.
- ²²Там же. С. 197.
- ²³Там же. С. 198; Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1915. № 11. С. 350.
- ²⁴АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1335. Л. 148.
- ²⁵Записка бывшего военного агента в Софии Г. Д. Романовского о деятельности Фердинанда Кобурга, 1916 год. Публикация В. Б. Каширина // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 7.
- ²⁶Айрапетов О. Р. Балканы в стратегии Антанты и ее противников... С. 210.
- ²⁷Записка бывшего военного агента в Софии Г. Д. Романовского. С. 9.
- ²⁸АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3781. Л. 7.
- ²⁹Там же. Л. 15.
- ³⁰Записка бывшего военного агента в Софии Г. Д. Романовского... С. 7.
- ³¹Цит. по: Соболевский А. И. Славянство перед лицом войны // Славянские известия. СПб., 1916. № 2. С. 26.
- ³²АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3779. ЛЛ. 68–79.
- ³³Там же. Д. 3792. Л. 31.
- ³⁴Записка бывшего военного агента в Софии Г. Д. Романовского... С. 7–8.
- ³⁵Соболевский А. И. Славянство перед лицом войны... С. 27.
- ³⁶АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3806. ЛЛ. 98, 106.
- ³⁷Там же. Д. 3794. Л. 9.

Россия и сербо-болгарские коллизии

Провозглашение независимости Болгарии в 1908 г. открыло новую страницу в истории национальной государственности болгарского народа, но одновременно по-новому поставило вопрос о поиске внешнеполитических союзников и других международных рычагов для решения очередных задач национально-государственного строительства. После 1878 г., когда в результате победы России в русско-турецкой войне были заложены ключевые основы болгарской государственности, в расстановке сил в Европе произошли коренные изменения, ознаменовавшие приход на смену «концерту великих держав» двух противостоящих друг другу военно-политических блоков, каждый из которых был заинтересован иметь в своих рядах Болгарию. Подобная ситуация, с одной стороны, породила новые вызовы и искушения для Болгарии, а с другой – была чревата глобальными потерями для ее интересов в случае «неправильного» геополитического выбора.

К началу первой Балканской войны в регионе настоятельно чувствовался дефицит международно-правовых установлений. Положения Берлинского трактата 1878 г. уже мало соответствовали сложившимся реалиям, а Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор от того же года так и не вступил в силу, породив незаживающую рану в душе болгар – рану, которая отозвалась потоками крови в Межсоюзнической войне 1913 г. и постоянным стремлением Софии создать антисербский военный альянс с участием любых подходящих балканских сил, в том числе албанских отрядов.

Не случайно все четыре вилайета Османской империи со значительным албанским населением – Косовский, Скутарийский (Шкодринский), Янинский и Битольский – имели еще одну общую характерную особенность. Они являлись объектом территориальных притязаний соседних балканских государств – Сербии, Черногории, Болгарии и Греции, каждое из которых приводило свои, зачастую достаточно убедительные, исторические, демократические, политические, экономические, военные и культурно-религиозные аргументы в свою пользу. Со своей стороны, албанские лидеры еще во время работы Призренской лиги 1878–1881 гг. предъявили Порте требование объединить все четыре вилайета в одну административную единицу, дабы противостоять планам и стремлениям православно-славянского окружения.

Переговоры о заключении Балканского союза под покровительством России с участием Сербии, Болгарии и Греции стали самой значимой по-

пыткой трех государств региона того времени достичь своих военно-политических целей совместными усилиями при закреплённом в договоре обязательстве Сербии и Болгарии предоставить все спорные вопросы будущего разграничения на усмотрение российского императора. Это, с одной стороны, свидетельствовало о росте авторитета России, но, с другой, грозило Петербургу вовлечением в будущие сербо-болгарские политические споры и даже военные конфликты вокруг дележа «турецкого наследства». Ситуация осложнялась активизацией на Балканах албанского фактора, который должны были учитывать Белград и София. Как подчеркивал тогдашний российский поверенный в делах в Сербии В. Н. Штрандтман, проявляемая турками «по отношению к албанцам крайняя уступчивость будет иметь последствием предъявление и со стороны христиан Македонии повышенных требований, до автономии включительно, которые, как известно императорскому правительству, могут встретить в Болгарии только сочувственный отклик, но вместе с тем явятся новой серьезной угрозой для мира на Балканском полуострове»¹.

Антисербские настроения среди албанцев питались не только их собственными национальными устремлениями, входившими в противоречие с территориальным расширением Сербии, и дипломатическими усилиями государств Центрального блока, но и активностью балканских соседей, среди которых ведущая роль принадлежала определенным болгарским кругам. Уже в 1903 г. – в период Илинденского восстания – тесные связи установились между албанскими и македонскими лидерами. Дополнительный импульс они получили во время младотурецкой революции 1908 г. В первую очередь это относилось к Временной македонской революционной организации (ВМРО) и ее легальной структуре в Османской империи в лице Народной федеративной партии во главе с Димитром Влаховым и Янетом Санданским и левому крылу албанского национального клуба². Подобные контакты полностью отвечали интересам Софии, где рассчитывали, что предоставление автономии албанцам сделает более вероятным аналогичный сценарий и в отношении Македонии, и начали оказывать содействие албанским лидерам уже во время албанского антитурецкого восстания в 1910 г.³.

Пытаясь воспрепятствовать укреплению связей по линии «Албания–Македония–Болгария», правительство Сербии убеждало Софию в том, что появление на балканской карте самостоятельного Албанского государства представляет для болгарских интересов едва ли не меньшую угрозу, чем для сербских, ибо, как планировали в Вене, в ее состав должны войти не только Старая Сербия, но и три четверти Македонии. Болгарские власти не вняли предупреждениям Белграда, что, однако, не помешало двум государствам заключить антитурецкий союз. В результате напряженных переговоров на свет 13 марта 1912 г. появился сербо-болгарский договор о дружбе и союзе с

секретным приложением, предусматривавшим совместное вооруженное выступление Болгарии и Сербии против Турции и последующий раздел Македонии. Разрешение всех возможных спорных вопросов возлагалось на верховный арбитраж российского императора⁴. 29 мая 1912 г. Балканский союз в результате подписания аналогичных болгаро-греческих документов пополнился Афинами, а в сентябре 1912 г. – Черногорией.

Эти документы не только легли в основу действий союзников в первой Балканской войне, но и послужили основой для последующих все более ожесточенных дискуссий на предмет раздела турецкого наследства, которые в итоге летом 1913 г. вылились не в российский арбитраж, а в новые кровопролитные сражения, на этот раз между недавними союзниками.

Российская сторона из всех сил пыталась отвратить балканских союзников от войны, но те, хотя на словах и выказывали преданность своей «исконной покровительнице», тем не менее, не скрывали своих истинных намерений. Как сообщал в августе 1912 г. в Петербург российский поверенный в делах в Афинах князь С. Л. Урусов, «болгарский посланник, г-н Хаджи-Мишев, не пропускал случая повторять мне, что Болгария ничего без поддержки России не предпримет, и что раз до сих пор лозунг остается прежний – соблюдение статус-кво, то и болгарское правительство, правда, скрепя сердце, не будет его нарушать. Но вчера посланник высказал мне, что события в Албании и Македонии поведут, по его мнению, к такому нарушению статус-кво, что о дальнейшем соблюдении его кем бы то ни было из балканских государств не может быть и речи»⁵.

12 августа 1912 г. российский дипломатический представитель в Софии А. В. Неклюдов имел разговор с главой болгарского правительства И. Гешовым, в ходе которого тот попросил собеседника «не скрывать от императорского правительства, что дарование албанцам Портой известных прав, как то: территориальной воинской повинности, назначения администрации из албанцев и других, приближающихся в сущности к автономии, а в особенности распространение этих прав на все четыре вилайета – представилось бы совершенно нестерпимым для болгарского, сербского и греческого населения этих вилайетов (Косовский, Скутарийский, Янинский и Битольский. – П. И.). В Македонии, Старой Сербии и Эпире начались бы самая страстная агитация и возобновление усиленной деятельности революционных комитетов и банд, дабы добиться распространения этих прав и на неалбанское христианское население. Болгарское правительство наряду с Сербией и Грецией поставлено было бы в самое безвыходное положение и принуждено поэтому заранее установить обеспечение и болгарскому населению тех же прав, которые будут предоставлены Портой албанцам»⁶.

Подобная ситуация обрекала на неудачу все попытки России и других великих держав удержать балканские страны от военных соблазнов. Как

позднее вспоминал российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов, «достигшие полного объединения в военном отношении, балканские союзники горели желанием помериться силами с исконным врагом и свести с ним окончательные счета за вековое и безжалостное угнетение», и побудить их согласиться на очередную коллективную попытку великих держав добиться выполнения Турцией много раз обещанных и никогда не выполнявшихся до конца реформ не представлялось возможным»⁷.

Справедливости ради следует отметить, что причины второй Балканской войны коренились не только в сфере собственно сербо-болгарских споров вокруг македонских земель. Их следует также искать в событиях Адриатического кризиса осени 1912 г. и развитии ситуации вокруг албанских земель. Вполне точным представляется в данной связи мнение историка Сиднея Фей о том, что «хотя албанский компромисс» (речь идет о решении Лондонского совещания послов великих держав об административном устройстве и границах Албании. — *П. И.*) предотвратил опасность немедленной войны между великими державами, он оставался весьма тревожным фактором балканской политики... Он явился косвенной причиной братоубийственного сербо-болгарского конфликта в июне 1913 г. (вызванного не в последнюю очередь крахом надежд Сербии на территориальное расширение в направлении Адриатики. — *П. И.*) и привел к новому австро-сербскому кризису в ноябре того же года»⁸.

Итоги Балканских войн оказались в целом благоприятными для Сербии. Ее территория увеличилась с 48,3 до 87,3 тыс. км², а население — с 2912 до 4444 тысяч человек⁹. В ее состав по Бухарестскому мирному договору были включены важные в стратегическом отношении и выгодные с точки зрения хозяйственного использования земли в Македонии и Косово («Старой Сербии» по сербской терминологии). Значительно вырос международный авторитет Сербии и особенно ее армии; прежде всего, в глазах других югославянских народов. Не стоит недооценивать и политическое значение Балканских войн, особенно в контексте начавшегося менее чем через год общеевропейского военного пожара. По образному выражению британского исследователя Г. Мартела, ставшие предтечей первой мировой войны две Балканские войны 1912–1913 гг. и их урегулирование оставили в регионе «угрожающее наследие. Победители — ставшие большими по территории и более мощными — остались неудовлетворенными: удвоившаяся в размерах Сербия все еще оставалась изолированной от моря и сделала явными свои симпатии к сербам Австро-Венгрии, которых она рассматривала как угнетаемых братьев; Греция, расширившаяся настолько, что включила в свой состав почти все территории, большинство населения которых говорило по-гречески, смотрела поверх своих границ на «великую Грецию», включающую Константинополь и существенные части Малой Азии. Австро-Венгрия и Турция имели веские основания считать, что новые опасности еще впер-

ди. А Болгария, что неудивительно, была озлоблена катастрофами предыдущего года – она потеряла 25 тысяч человек и была поставлена на грань революции»; теперь же «ситуация предоставляла ей возможность пересмотреть вердикт 1913 г.»¹⁰.

Привлекательность балканского региона для «сильных мира того» определялась двумя обстоятельствами: незавершенностью процессов национально-государственного строительства и конфигурацией географической карты. Пожалуй, точнее всего данную особенность Балкан, выступавших и субъектом, и объектом исторических процессов, выразил югославский историк М. Скакун, указавший, что «Балканский полуостров представлял собой часть Европы, где отсталые социальные отношения сохранялись намного дольше после того, как они были преодолены в других частях Европы», а это усиливало экономическую отсталость региона¹¹. Вместе с тем, по словам историка, «его географическое положение, которое «открывает ворота трех континентов», сделало Балканы постоянной целью великих держав», вследствие чего «за их взаимными столкновениями и договоренностями относительно данного региона можно следить непрерывно, начиная с середины прошлого века... (XIX в. — П. И.)»¹². По его словам, в мире нет другого региона, в котором за последние сто лет происходило бы такое количество крупных и менее значительных войн, вооруженных столкновений, мятежей и восстаний. Вместе с тем, анализируя конкретную международную ситуацию в регионе, он приходит к выводу, что «“балканская бочка с порохом” не являлась результатом воли самих балканских народов, а скорее выступала преимущественно как следствие эгоистических интересов великих держав. С другой стороны, интересы балканских народов являлись во всех исторических ситуациях более или менее схожими, а то и идентичными, но их правители толкали народы к взаимным столкновениям»¹³.

Неспособность Сербии не только договориться с Софией, но и обеспечить благоприятное отношение общественного мнения Европы к своим планам в албанском вопросе не в последнюю очередь была связана с тем обстоятельством, что, как во многом справедливо подметил сербский историк Д. Джорджевич, сербское руководство само не имело ясного представления о том, как следует решать албанский вопрос на тех землях, которые стали театром боевых действий в первую Балканскую войну: «Сербское правительство придерживалось точки зрения, что албанцы вообще не являются народом, а представляют собой лишь разобщенные и находящиеся в кровной вражде племена без общего языка, письменности и веры». Исходя из этого, в Белграде были уверены, что сербы возвращаются в свое отечество, которого они лишились четыре столетия назад, потеряв в противостоянии с турками Скадар и Северную Албанию. Албанцы же выступали на стороне турок, и потому сейчас (в 1912–1913 гг.) должны разделить их судьбу»¹⁴.

Из национальных албанских лидеров того времени Белград поддерживал достаточно тесные финансово-политические контакты лишь с богатейшим землевладельцем Эссад-пашой Топтани, являвшимся единственным сербским союзником на пестрой албанской сцене. Эссад был заинтересован в получении поддержки со стороны Сербии для реализации своей главной задачи – стать правителем Албании, которая, по его мнению, должна была быть мусульманской и не находиться под влиянием Австро-Венгрии. И, несмотря на то, что Вена, Рим и София активно пытались перетянуть Топтани на свою сторону, он в целом оставался верен своим обязательствам в отношении Сербии.

Вторая Балканская война стала, пожалуй, крупнейшим искушением для Эссада. Стремясь свести счеты со своей недавней союзницей, София стремилась сделать ставку на албанских лидеров – в первую очередь, группировавшихся вокруг Исмаила Кемали. В обмен на их вооруженное выступление против Сербии им были обещаны территориальные компенсации за счет сербских земель. Расчеты Софии строились на том, что восставшие против Сербии албанцы провозгласят автономию на территории Македонии, а затем Болгария аннексирует интересующие ее районы под предлогом обеспечения безопасности. В результате реализации данного плана, говоря образными словами сербского историка Душана Батаковича, «через Македонию пройдет албанско-болгарская граница». С военной же точки зрения болгарский Генеральный Штаб рассчитывал на 20 тысяч албанских штыков из Старой Сербии и Македонии, которые после первой Балканской войны нашли прибежище в Албании. Повести это войско в антисербские сражения должны были заседавшие к тому времени в албанском правительстве во Влере Хасан Приштини и Иса Болетини. Временное албанское правительство распорядилось задержать на албанской территории беженцев из Старой Сербии, аргументируя это тем, что вскоре их земли будут освобождены из-под власти Сербии¹⁵.

Болгарские комитаджи активно готовили албанские отряды для партизанских действий внутри Сербии; оружие и финансовые средства исправно поступали из Вены. Единственной силой на пестрой албанской сцене, способной противостоять попыткам албанских лидеров спровоцировать антисербское восстание в Косово и Македонии с тем, чтобы потом придти на помощь соплеменникам, оставался в создавшейся ситуации Эссад-паша.

Эссад остался верен союзническим обязательствам в отношении Сербии и не только отказался присоединиться к албанским главарям, но и держал сербское правительство в известности о происходящем¹⁶.

В итоге организовать скоординированное албанское выступление против Сербии не удалось. Против него выступил Эссад-паша, и его влияния хватило для нейтрализации усилий и Болгарии, и Австро-Венгрии с Италией. Две последние великие державы действовали в унисон с Софией,

пытаясь через своих агентов в лице священников и школьных учителей натравить албанцев на Сербию, а заодно дискредитировать Эссада как главного противника данных усилий¹⁷. В результате в мае–июне 1913 г. дело ограничилось разрозненными нападениями на сербские пограничные посты и отдельные передовые отряды.

Подписание Бухарестского мирного договора не успокоило страсти в венских, римских и софийских политических и военных коридорах. Правительство Австро-Венгрии направляло суда с оружием в Албанию, а болгарские комитаджи обучали албанские вооруженные отряды навыкам партизанской войны. Со своей стороны, сербское правительство, осведомленное о происходившем в албанском лагере, в том числе через Эссада, направило на переговоры с албанскими лидерами Богдана Раденковича. Однако он не преуспел в посреднической миссии, и правительство Пашича по-прежнему могло рассчитывать лишь на Эссада, который единственный из албанских вождей не ориентировался однозначно на настроенные антисербски Вену, Рим или Константинополь¹⁸.

20 сентября 1913 г. албанские вооруженные отряды численностью до 10 тысяч человек пересекли намеченную Лондонскими соглашениями сербо-албанскую границу по трем направлениям. Военные действия охватили как районы собственно Албании, находившиеся под контролем сербских войск, так и территории Западной Македонии и Старой Сербии, которые согласно решениям Лондонского совещания послов великих держав были присоединены к Сербии. В последнем случае главными целями албанцев стали города Джаловица и Призрен.

Во главе отрядов стояли известные албанские вожди Иса Болетини, Байрам Цурри, Риза Бей, Элез Юсуф и Кьясим Лика. Они действовали по прямому распоряжению Исмаила Кемали, который заверил их в поддержке со стороны Австро-Венгрии и Италии и пообещал, что все занятые в результате наступления территории станут частью Албании. Непосредственное командование частями осуществляли офицеры болгарской армии.

Находившиеся на границе малочисленные и слабовооруженные сербские гарнизоны и несколько подразделений жандармов понесли серьезные потери и были вынуждены отступить. На южном направлении албанские отряды, ведомые болгарскими комитаджиями и четами Внутренней македонской революционной организации (ВМРО), сумели занять Охрид и Стругу и продвинулись к Гостивару. 22 сентября Дебар – город с пятнадцатитысячным населением – был занят шеститысячным албанским отрядом, а сербские силы численностью в две роты отступили к Кичеву¹⁹. Сербские власти сразу же заявили о присутствии в албанских отрядах иностранных офицеров, что подтверждалось собранными ими дипломатическими и иными свидетельствами. В них говорилось о тесных связях албанских лидеров с ВМРО и, в

частности, с Янетом Санданским, который в целях подготовки совместного антисербского наступления несколько месяцев провел в Албании, в сопровождении других лидеров ВМРО²⁰.

На северном направлении отряды под командованием Исы Болетини, Байрам Цурри и Кьясима Лики заняли Люму, осадили Призрен и на короткое время овладели Джаловицей.

22 сентября Совет министров Сербии издал распоряжение о дополнительной мобилизации резервистов и направлении практически всех находившихся в Южной Сербии сербских войск к Дебару, а также для занятия стратегических пунктов на албанской территории. Была мобилизована Моравская дивизия; два полка резервистов выдвинулись к границе с Албанией из Белграда и Крушевца и составили сводную дивизию²¹. В общей сложности в боевую готовность были приведены части, насчитывавшие до 75 тысяч человек личного состава и имевшие на своем вооружении артиллерию²².

В тот же день Австро-Венгрия через сербское дипломатическое представительство в Белграде довела до сведения правительства Сербии свое видение сложившейся опасной ситуации. Сербскому посланнику в Вене было заявлено, что причиной обострения обстановки в районе сербо-албанской границы стало восстание албанцев в новых границах Сербии: «Эти мятежи и беспорядки вызвали албанцы»²³. Однако их причиной стало то обстоятельство, что сербские войска «все еще удерживают некоторые области, которые принадлежат Албании»²⁴. Кроме того, в вину сербским властям было поставлено закрытие рынков в приграничных с Албанией городах, в первую очередь, в Дебаре и Джаловице, которые албанцы «уже привыкли посещать и снабжаться на них тем, что им необходимо для жизни»²⁵. Если бы сербские войска ранее были отозваны, не было бы нынешних беспорядков и инцидентов, утверждало внешнеполитическое ведомство Австро-Венгрии²⁶.

Тем временем Эсад-паша воспользовался смутой, возникшей вследствие вторжения албанских отрядов в Сербию, и уже 23 сентября провозгласил себя правителем Албании. Этот акт объективно отвечал интересам и политике Белграда, возложившего ответственность за вторжение на сербскую территорию на правительство Исмаила Кемали в лице, прежде всего, двух его министров – Исы Болетини и Хасана Приштини²⁷.

23 сентября российский МИД получил от сербского посольства в Санкт-Петербурге следующее описание событий: «Албанцы атаковали нашу границу вдоль всего фронта, сразу же после того, как наши войска эвакуировали стратегические точки, которые мы занимали до настоящего времени и которые мы оставили в результате вмешательства великих держав. Албанцы большими массами вторглись на нашу территорию и

осадили Дибру (Дебар. – П. И.). Вслед за этим королевское правительство Сербии было вынуждено предпринять меры, упомянутые в предыдущем сообщении в адрес великих держав.

Одновременно королевское правительство обращает внимание императорского правительства на присутствие среди албанцев болгарских офицеров и считает желательным выступить с энергичными требованиями в адрес временного албанского правительства или отдать необходимые распоряжения европейским властям в Албании с тем, чтобы болгарские офицеры были немедленно удалены²⁸.

23 сентября управляющий российским консульством в Битоли Кохманский телеграфировал на Певческий мост о новых успехах албанских отрядов: «Албанцы заняли город Дибру, покинутый сербскими властями. Сербские войска концентрируются и занимают доминирующие позиции, готовясь перейти в решительное наступление»²⁹. На следующий день Штрандтман сообщил, что «мобилизуется одна Моравская дивизия. Кроме нее к албанской границе выступили два полка мирного состава из Белграда и Крушеваца». А 25 сентября Кохманский дополнил картину: «Албанцы спустились по Дрину, остановившись перед Луковым. Местность Рекалар также занята ими. С запада замечены албанские банды, около двухсот человек, по хребту Ябланицы. Сербы насчитывают наступающих албанцев до двадцати тысяч, утверждают присутствие среди них австрийских офицеров и участие болгарских банд. Сербы готовятся к решительным действиям в Албании. Вновь назначенный командир будущей Битольской дивизии полковник Живанович примет командование»³⁰.

В Македонии албанским вооруженным отрядам удалось занять, помимо Дебара и Струги, такие крупные города как Охрид и Гостивар. Под ударами албанцев пали также Пешкопея и Жировица.

В Вене сообщения о военных успехах албанцев вызвали неподдельную радость. Местная пресса восхваляла героизм албанских отрядов и требовала пересмотреть выработанную в Лондоне пограничную линию в соответствии с изменившейся военной ситуацией. Австро-венгерские дипломаты настаивали на том, что никакого вторжения извне не было, вооруженное выступление против сербских властей вспыхнуло в границах Сербии и уже потом было поддержано албанцами с территории собственно Албании³¹.

Воодушевленный подобной поддержкой Исмаил Кемали потребовал исключить занятые албанцами земли из состава Сербского королевства и даже предложил провести по этому вопросу референдум среди населения приграничных районов. В качестве гарантов его законности и демократичности он предложил использовать самих вооруженных албанцев.

Однако плебисциту на штыках не суждено было осуществиться. В начале октября две сербские дивизии выступили из Скопье. Они остановили

албанские отряды у села Маврово и вытеснили их за пределы Королевства. Вслед за этим сербские войска пересекли «лондонскую» сербо-албанскую границу в целях их преследования³².

Тем не менее потери сербской армии оказались значительными, вследствие высокой технической оснащенности албанских отрядов, имевших на своем вооружении артиллерию и пулеметы и, по сведениям сербских официальных лиц, подчинявшихся командованию иностранных офицеров, под руководством которых и были достигнуты первоначальные успехи. По мнению сербского правительства, в подготовке вооруженных албанских выступлений принимали участие представители ряда иностранных государств, в первую очередь, Австро-Венгрии и Болгарии, о чем свидетельствовали перехваченные сербскими представителями зашифрованные телеграммы, направлявшиеся болгарскими офицерами, находившимися в Албании (в частности, в Дурресе) через Каттаро, Сараево, Будапешт и Бухарест в Софию. По сообщению сербского поверенного в делах в Риме, итальянское правительство также не отрицало присутствия среди албанцев иностранных офицеров. Что же касается косвенных данных о причастности к этим событиям итальянской стороны, то сербский кабинет решил не придавать им особого значения, несмотря на полученное от митрополита Дурреса Якова сообщение об уступке Австро-Венгрией и Италией центральному албанскому правительству артиллерийских орудий и другого вооружения, захваченного итальянскими войсками в Триполи в ходе итало-турецкой войны³³. Одновременно на сербское правительство произвело весьма благоприятное впечатление доверительно сообщенное маркизом А. ди Сан-Джулиано сербскому поверенному в делах в Риме пожелание его правительства, чтобы Сербия обнародовала заявление об отсутствии у Королевства каких-либо агрессивных намерений в отношении Албании. По мнению итальянского министра иностранных дел, подобное заявление, с одной стороны, предоставило бы великим державам возможность успокаивающим образом воздействовать на правительство Австро-Венгрии, а с другой, облегчило бы для самой Сербии занятие тех районов Албании, которые она считает жизненно важными для обеспечения безопасности своей границы. Сербское правительство последовало данному совету, и 2 октября 1913 г. было опубликовано его заявление в указанном смысле³⁴.

По мере развития кризиса на сербо-албанской границе в Белград стали поступать неблагоприятные для Сербии известия из соседней Болгарии, где была проведена частичная мобилизация, повышена боеготовность войск, находящихся на сербо-болгарской границе, а также активизировалась деятельность болгарских агитаторов среди населения Македонии, которое предупреждалось о вероятном новом вооруженном столкновении двух государств и побуждалось к восстанию в случае появления болгарских

войск на территории Сербии. В результате, сербское правительство было вынуждено, предвидя массовые выступления протеста в присоединенных к стране областях, помимо направления подкреплений на сербо-албанскую границу, еще больше увеличить количество мобилизованных воинских частей и разместить отдельную дивизию на оборонительных позициях на Овчем Поле, приведя в полную боевую готовность в общей сложности более 75 000 человек с соответствующими артиллерийскими частями³⁵.

Разгром силами регулярной сербской армии албанских отрядов, финансировавшихся и вооружавшихся австрийцами, предоставил Эссад-паше удобный повод провозгласить себя правителем Албании со штаб-квартирой в Дурресе, что и было им сделано 12 октября 1913 г. при поддержке лидеров мусульманских албанских племен и крупных землевладельцев Центральной Албании. Правительство Эссад-паши именовалось «советом старейшин Средней Албании»³⁶. Австро-Венгрия расценила данный шаг как очередное свидетельство просербской ориентации Топтани. Сербия, со своей стороны, поспособствовала Эссаду укрепить свои позиции в глазах отдельных племен, находившихся в оппозиции к временному правительству Исмаила Кемали. По данным сербского историка Душана Батаковича, союзнические отношения между Эссадом-пашой и властями Белграда никогда не были зафиксированы в специальном договоре; однако глава сербского правительства Никола Пашич отдавал своим представителям указания снабжать его оружием и деньгами. По справедливому утверждению сербского исследователя, Эссад-паша являлся для Белграда противовесом великоалбанским кругам, группировавшимся вокруг Исмаила Кемали.

В России с озабоченностью наблюдали за маневрами Эссад-паши и в особенности за попытками Сербии все глубже ввязаться во внутриалбанские коллизии. Российский поверенный в делах в Сербии Штрандтман, имевший неоднократные беседы с управляющим сербским министерством иностранных дел Спалайковичем, передал в МИД России изложение той программы, которую кабинет Пашича решил взять на вооружение в албанском вопросе.

По его сведениям, сербское правительство пришло к выводу о возможности использования внутренних неурядиц в Албании в целях решения двух задач: добиться пересмотра в свою пользу пограничной сербо-албанской линии, намеченной решениями Лондонского совещания послдов великих держав, и содействовать приходу к власти в Албании правительства, не находящегося под влиянием Австро-Венгрии и проявляющего дружеское расположение по отношению к Сербии. С этой целью оно решило оказать посильное содействие Эссад-паше, ведущему борьбу против правительства Исмаила Кемали, поставив условием

получение Сербией, в случае его прихода к власти, соответствующего увеличения сербской территории.

Сообщив Шtrandтману о планах сербского правительства использовать Эссад-пашу, Спалайкович стал убедительно просить его сохранить данную информацию в строгой тайне и не сообщать ее в Петербург, из опасения крайне нежелательной для Сербии огласки. Он также привел некоторые конкретные детали указанного плана. В частности, в ближайшие же дни специальное доверенное лицо должно было отправиться из Белграда через Салоники и Афины в Дуррес. Эссад-паше, испытывающему финансовые затруднения, будут посланы необходимые денежные средства. От самого же Эссада, с которым сербское правительство уже в течение некоторого времени находилось в тесном контакте, Пашич ожидает военного разгрома и изгнания находящегося во Влере албанского правительства в лице Исмаила Кемали, а также Исы Болетини, и занятия им поста генерал-губернатора. Своим первым указом Эссад-паша должен будет признать суверенитет турецкого султана (о его лояльности к Турции свидетельствовал, в частности, флаг с орлом и полумесяцем) и согласиться на пересмотр сербо-албанской границы в соответствии с требованиями Сербии. Вслед за этим сербские войска оккупируют уступленную территорию под предлогом временного нахождения там в интересах сохранения порядка и на основании соответствующей просьбы самого Эссад-паши. Наконец, после укрепления своих позиций внутри страны, Эссад-паша должен будет провозгласить себя албанским князем.

В ответ Шtrandтман обратил внимание Спалайковича на серьезные негативные последствия, с которыми неминуемо столкнется Россия в случае осуществления вышеуказанного плана, ибо великие державы единодушно и решительно выступают против подобной политики. В ответ управляющий сербским министерством иностранных дел принялся убеждать российского дипломата, что «страна не должна довольствоваться Лондонской границей, которую Австрия создала для того, чтобы Сербия не могла приступить к мирному развитию своих сил; что добрососедские отношения с Эссадом обеспечат спокойствие на Балканском полуострове; что нынешняя благоприятная минута не повторится, так как через три года Австрия перевооружится и Болгария оправится, и, наконец, что сербское правительство сумеет успокоить Европу, указав в особом обращении к державам на вынужденный и чисто временный характер принимаемых военных мер, обусловленных вторжением албанцев на сербскую территорию»³⁷. Одновременно он заявил, что сожалеет по поводу принятого несколько дней назад сербским правительством решения о выводе войск из Албании, ибо последнее албанское нападение, закончившееся взятием Дебара, могло бы быть отбито с гораздо меньшими потерями со стороны сербских войск, если бы они находились на прежних стратегических

позициях в глубине албанской территории; согласившись, однако, со своим собеседником в том, что и в этом случае Сербия не могла бы рассчитывать на свою полную защищенность от нападения албанцев, ибо численность сербского пограничного отряда, занимавшего позиции в албанских ущельях, не превышала одного батальона.

Как уже говорилось выше, информация о состоявшейся беседе была немедленно доведена Штрандтманом до сведения российского внешнеполитического ведомства, откуда он вслед за этим получил две секретные телеграммы, датированные 28 и 29 сентября 1913 г. и подписанные товарищем министра иностранных дел Нератовым. В них говорилось, что, несмотря на заявления Спалайковича о якобы строго секретном характере сообщения, он поделился своими соображениями относительно нового направления сербской политики в албанском вопросе также с итальянским дипломатическим представителем в Белграде, который немедленно поставил в известность свое правительство; причем, управляющий министерством иностранных дел Сербии заявил итальянскому дипломату, что данный план уже встретил полную поддержку со стороны правительства России. В связи с этим Нератов дал указание Штрандтману в кратчайшие сроки поставить Спалайковича в известность о позиции России, всегда выступавшей против намерений Сербии следовать авантюрной и создающей угрозу международной безопасности политике, а также сообщить ему, что по сведениям, имеющимся у российского правительства, личность Эссад-паши в любом случае не может внушать доверия, ибо его поддержка может быть получена лишь путем выделения ему крупных денежных сумм, а в этом отношении Сербия не может составить конкуренции Австро-Венгрии, так же как и в отношении вооруженных сил — вне зависимости от сроков перевооружения австро-венгерской армии³⁸. Кроме того, по словам товарища министра, предание международной огласке тайных замыслов Сербии неминуемо вызовет «самое решительное осуждение со стороны всех держав, утомленных длительным политическим кризисом и стремящихся к водворению прочного мира»³⁹.

После получения данных инструкций Штрандтман ознакомил с их содержанием Спалайковича, который в ответ заявил, что «Сербия ни в каком случае не сделает опрометчивого поступка, который мог бы иметь гибельные последствия, прежде всего, для нее самой, и что и впредь она будет вести политику строгого благоразумия»⁴⁰. Что же касается сообщений итальянского поверенного в делах, то, по словам Спалайковича, сербское правительство уже сделало официальные заявления здешнему итальянскому, а также австро-венгерскому представителям, что Сербия действовала и в будущем будет действовать лишь оборонительными методами, не имея намерения захватывать чужие территории и уважая постановления Лондонского

совещания. По мнению Спалайковича, выразившего российскому представителю свое глубокое сожаление по этому поводу, речь шла либо о недоразумении, заключавшемся в недостаточной информированности поверенного в делах Италии в Петербурге о миролюбивой позиции Сербии, либо о его сознательной попытке таким путем выяснить отношение самой России к албанской проблеме⁴¹.

Настоятельные советы осмотрительности в албанском вопросе, которые Россия не уставала преподавать Сербии, были во многом связаны с опасением возникновения на почве албанских дел нового сербо-болгарского конфликта, который, учитывая позицию великих держав, угрожал ввергнуть в военный пожар не только все Балканы, но и остальную Европу; ведь София проявляла по отношению к сербо-албанским отношениям все возрастающий интерес. Правящие болгарские круги этой страны вынашивали планы расквитаться за недавнее унижение во второй Балканской войне, полученное от сербов, и в этих целях были готовы использовать весь арсенал средств – от политико-пропагандистских до военных. По меткой характеристике российского историка М. А. Бирмана, «рваншистские настроения руководство страной подогревало с помощью беженцев с территорий Южной Добруджи, Македонии и Фракии, отошедших к соседним странам»⁴². А вследствие того, что действия Белграда осенью 1913 г. фактически привели к появлению в Европе единого антисербского фронта, угроза вовлечения Болгарии в новую войну становилась еще более реальной.

И в период Балканских войн 1912–1913 гг., и в годы первой мировой войны единственной политической силой, выступившей в балканских странах против войны как таковой – наступательной или оборонительной, освободительной или объединительной – стала социал-демократия, в первую очередь, болгарская и сербская. В феврале 1915 г. секретарь Центрального комитета Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) представил руководству II Интернационала доклад, посвященный анализу происходящих событий. В нем, в частности, говорилось: «Европейскую войну мы встретили с верой, что братские страны во всех воюющих странах займут единственно верную и испытанную позицию – против войны. Увы, наши надежды оказались обманутыми. За двумя исключениями – в России и в Сербии – все остальные партии пошли за империалистами, обосновывая и объясняя свое поведение до того неизвестными для социализма аргументами. Это было печально для нас, однако не поколебало нашей отрицательной позиции по отношению к нашему правительству»⁴³.

А лидер Сербской социал-демократической партии в предвоенные годы Д. Туцович в своей увидевшей свет в 1914 г. книге «Сербия и Албания» дал

общую характеристику ситуации, сложившейся на Балканах, и на этой основе сформулировал задачи сербской социал-демократии в албанском и, шире, национальном вопросе. Он указал, что «Балканский полуостров является мешаниной наций с переплетенными историческими воспоминаниями»; вследствие чего взаимные территориальные претензии расположенных здесь государств (Сербии, Болгарии, Греции и других) находятся в непримиримых противоречиях друг с другом⁴⁴. Исходя из этого, автор делает вывод о том, что данные вопросы могут быть успешно решены лишь путем создания нового объединения балканских народов. Необходимость объединения диктуется также потребностями достижения ими экономической самостоятельности. Кроме того, и само «национальное освобождение балканских народов невозможно без объединения всех Балкан в один общий союз»⁴⁵.

Перспективы участия Болгарии в первой мировой войне оставались неопределенными вплоть до сентября 1915 г. Хотя статус побежденной стороны во второй Балканской войне объективно толкал Софию в объятия коалиции Центральных держав, симпатии к Антанте, отождествлявшейся в первую очередь с Россией-освободительницей, были сильны в болгарском общественном мнении, о чем свидетельствуют донесения российского посланника в Софии А. А. Савинского. 22 октября 1914 г. дипломат сообщал министру иностранных дел России С. Д. Сазонову: «Ко мне по несколько раз в день поступали и поступают письменные и устные заявления учреждений, групп и отдельных лиц с выражением самых горячих чувств государю императору и России, с предложением услуг добровольцев»⁴⁶.

В секретной телеграмме от 15 сентября 1915 г. А. А. Савинский в продолжение предыдущей телеграммы развил мысль о факторах, влияющих на внешнеполитическую ориентацию Болгарии: «Борьба с немецкой пропагандой в Болгарии, на что германской миссией тратятся колоссальные средства, является настоятельно необходимой»⁴⁷.

Однако российские усилия – как дипломатические, так и финансовые – не смогли достичь своей цели. Трагические для Болгарии итоги второй Балканской войны объективно делали невозможным ее нахождение в одном лагере с Сербией. Болгарский монарх сделал своей выбор, в конечном итоге в очередной раз оказавшийся гибельным...

Примечания

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 612.

² Подробнее см.: Историја српског народа. Шеста књига. Први том. Београд, 1983. С. 165–166; Историја на македонскиот народ. Т. II, Скопје, 1969. С. 326–327.

³ Први Балкански рат. Београд, 1959. С. 79, 83, 90.

- ⁴ Подробнее см.: *Искендеров П. А.* Балканские войны 1912–1913 гг. // В «пороховом погребе Европы» 1878–1914. М., 2003. С. 476.
- ⁵ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 592.
- ⁶ Там же. Л. 607.
- ⁷ *Сазонов С. Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 80.
- ⁸ *Фей С.* Происхождение мировой войны. Том I. М., 1934. С. 308.
- ⁹ История Югославии. Т. I. М., 1963. С. 657; *Rothert R.* Aus Albaniens Werdetagen. Balkan-Verlag G.m.b.H. Berlin, 1914. S. 3.
- ¹⁰ *Martel G.* The Origins of the First World War. London–New York, 1987. P. 63.
- ¹¹ *Skakun M.* Balkan i velike sile. Beograd, 1986. S. 277.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 278.
- ¹⁴ *Ђорђевић Д.* Излазак Србије на Јадранско море и конференција амбасадора у Лондону 1912. Београд, 1956. С. 11–12.
- ¹⁵ Документи о спољној политици Краљевине Србије. Књ. VI. Св. 3. Београд, 1985. С. 262.
- ¹⁶ Подробнее см.: *Храбак Б.* Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до краја 1915. године. Врање, 1988. С. 33–38, 60–61.
- ¹⁷ Документи о спољној политици Краљевине Србије. 1903–1914. Књ. VI. Београд, 1985. С. 239, 253.
- ¹⁸ *Храбак Б.* Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до краја 1915. године. Врање, 1988. С. 33–38.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 254; Д. 531. Л. 346, 348.
- ²⁰ Документи о спољној политици Краљевине Србије... Књ. VI. Св. 3. С. 537; Документи о спољној политици Краљевине Србије. Књ. VII. Св. I. Београд, 1985. С. 335–336, 478.
- ²¹ *Батаковић Д.* Есад-паша Топтани и Србија 1915. године // Србија 1915. године. Београд, 1986. С. 305.
- ²² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3341. Л. 370; Ф. Канцеларија. 1913. Оп. 470. Д. 113. ЛЛ. 370, 371.
- ²³ Документи о спољној политици Краљевине Србије... Књ. VII. Св. 3. С. 356.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Храбак Б.* Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до краја 1915. године. Врање, 1988. С. 57, 60–61.
- ²⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2091. Л. 31.
- ²⁹ Там же. Л. 35.
- ³⁰ Там же. Л. 45.
- ³¹ Документи о спољној политици Краљевине Србије... Књ. VI. Св. 3. С. 452–454.
- ³² *Храбак Б.* Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до краја 1915. године. Врање, 1988. С. 52–64.
- ³³ АВПРИ. Ф. Канцеларија. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л. 386.
- ³⁴ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. ЛЛ. 168–170; Д. 531. Л. 367.
- ³⁵ Там же. Д. 530. Л. 170; Д. 531. Л. 349.
- ³⁶ Краткая история Албании. М., 1992. С. 251.
- ³⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 352.
- ³⁸ Там же. Л. 358–359. Что же касается показателей, характеризующих Сербию и Австро-Венгрию в военном отношении, то к началу первой мировой войны кадровая численность сербской армии в мирное время составляла 52 000 человек, а союзной с ней Черногории – 2000 человек; в случае военной опасности их боевая численность могла составить 247000 человек у Сербии и 60000 у Черногории. Численность же предвоенной армии, имевшейся в распоряжении

Австро-Венгрии, составляла 478000 человека, в случае начала военных операций ее командование могло поставить «под ружье» 1421250 человек. См.: *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. Том первый. Кампании 1914–1915 гг. М., 1938. С. 20–21.

³⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 358.

⁴⁰ Там же. Л. 362.

⁴¹ Там же.

⁴² Краткая история Болгарии. М., 1987. С. 306.

⁴³ Българска комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК. Т. 1. София, 1957. С. 436–439.

⁴⁴ *Туцовић Д.* Сабрана дела. Књига осма. Београд, 1980. С. 104.

⁴⁵ Там же. С. 105.

⁴⁶ Международные отношения в эпоху империализма: Документы. Сер. 3. М.–Л., 1935. Т. 6. Ч. 1. С. 289.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3773. Л. 41.

Словесное наследие болгарских последователей Льва Толстого

Духовное пространство славян связано с именем Льва Толстого. Его выдающееся творчество и идеи «новой религии», основывающейся на принципах непротivления злу насилieм, единения людей, социальной справедливости, нравственного совершенствования личности завоевали ему огромную известность и многих последователей.

Недавно в Болгарии вышла книга «Взгляд на болгарское толстовство»¹, раскрывающая рецепцию и присутствие толстовского движения в общественной и культурной жизни Болгарии в первой половине XX в. Авторы, университетские преподаватели из г. Бургаса, собрали уникальные архивные материалы, воспоминания соратников и родственников болгарских толстовцев в стремлении восстановить часть той исторической и культурной действительности и найти современные аналогии.

Всю первую половину XX в. толстовство процветало в Болгарии. «У болгарских толстовцев были газеты, журналы, издательства и книжные магазины, пропагандировавшие главным образом толстовскую литературу. Было создано массовое вегетарианское общество, имевшее целую сеть столовых, одновременно служивших местами лекций и собраний. В 1926 г. возникла толстовская земледельческая коммуна, к которой даже после 9 сентября 1944 г. правительство относилось с уважением, как к лучшему кооперативному хозяйству в стране. Болгарское толстовское движение насчитывало в своих рядах трех членов Болгарской академии наук, двух известных художников, несколько университетских профессоров и по меньшей мере восемь поэтов, драматургов и беллетристов. Оно получило широкое признание как важный фактор подъема культурного и нравственного уровня личной и общественной жизни болгар и продолжало существовать в условиях относительной свободы вплоть до конца 40-ых годов»².

Среди пионеров этого движения в Болгарии можно назвать имена болгарских писателей, переводчиков, издателей Савы Ничева, Христо Досева, Георги Шопова, Димитра Жечкова, Стефана Андрейчина, Ташко Коматова. В летописи толстовской коммуны «Возражданцев» писатель Х. Досев очень эмоционально описывает свое первое соприкосновение с идеями Л. Толстого: «Но как только я начал читать ее, она захватила меня полностью. Какая-то сила приковала все мое внимание к печатным рядам брошюры. Я читал с огромным вниманием и неожиданно оказался под

обаянием Толстого. Несколько печатных рядов было достаточно, чтобы изменилась вся моя жизнь ... После первой прочитанной книжки, я начал читать другие. Мой горизонт расширился все больше и больше. Моей радости не было границ. Мне хотелось говорить и кричать повсюду и каждому об этом новом и прекрасном, что открыл мне русский мудрец»³. Христо Досев изучает медицину в Лозанне. В 1906 г. вместе с группой русских и болгарских толстовцев он нанимает хозяйство в окрестностях Лозанны – там вероятно возникла его идея о толстовских коммунах в Болгарии, которая была осуществлена в деревне Алан-Кайряк (ныне с. Ясна поляна - находится в 30 км от г. Бургаса, на склонах горы Странджа). Сам Х. Досев живет в доме своего кумира Л. Толстого и у В. Черткова, а его корреспонденция с ними широко известна⁴.

Для болгарских последователей Л. Толстого литература – один из трех важных общественных органов, формирующих общественное мнение. Другими являются правительство и церковь, но так как литература служит отчасти проводником остальных, она «важнее» них. Эту позицию изложил С. Ничев в статье «Сегодняшняя литература и критика», изданной в первом толстовском журнале в Болгарии «Новое слово» под его редакцией. В ней автор аргументирует необходимость в «добрых книгах» с нравственным посланием читателям и критикует тех писателей, которые пишут только, чтобы получить «деньги, славу, чтобы оправдать себя или кто знает еще почему»⁵.

Заявленным болгарскими толстовцами желанием представлять добро и проповедовать новую этическую мораль в обществе можно объяснить их исключительную строгость и взыскательность в подборе языковых средств. Их оригинальные и переводные произведения отличаются доступностью, точностью и легкостью языковой формы, что не затрудняет восприятие их произведений разнородной по возрасту и образованности читательской аудиторией, а книги, которые они создают для детей⁶, написаны на близком к разговорному понятном языке.

Многие из болгарских толстовцев остались в памяти своих современников как вдохновенные и эрудированные ораторы, пламенное поэтическое слово которых пленяет слушателей. Их беседы и сказки затрагивают любимые темы любви, истины и справедливости, духовного родства и единения людей: «Мы горели желанием проповедовать и передавать людям этот свет и этот огонь, который осветил и согрел нас», – пишет Х. Досев⁷. Современники описывают увлеченного идеями Л. Толстого Йордана Ковачева, известного болгарского юриста, писателя, общественника, как замечательного оратора: «после покойного профессора Асена Златарова, Й. Ковачев остается единственным писателем и поэтом, который так щедро и вдохновенно раздает неисчислимые богатства своей души. Где только не звучало его чудное вдохновенное слово, такое

пламенное и нежное, такое доброе, восторженное, искреннее, убедительное, невыразимо красивое. Когда Ковачев говорит, а он волшебник поэтического слова, тебе кажется, что раскрылись двери небесные и оттуда долетает до ушей как колыбельная песня для души ангельский хор волшебный! С беседами он выступал в городах и селах. Какая прекрасная, огромная энциклопедия знаний и бессмертных мыслей может быть составлена, если записать все его сказки! К сожалению, только малая часть из них записана, а все другое исчезнет в недолговечных следах времени»⁸.

Многосторонней и творческой является работа болгарских последователей Л. Толстого по распространению «чистой и духовной религии», его «целостного, полного, отвечающего всем поискам разума и души мировоззрения»⁹: «Чтобы переводить философские и художественные сочинения своего духовного учителя, как и «все лучшие религиозные, философские, нравственные, социальные и художественные произведения авторов всех времен и народов»¹⁰, они изучают специально иностранные языки, а некоторые из них являются настоящими полиглотами, пользуясь более чем тремя языками (проф. Янко Тодоров, Борис Гюдюлев, Йордан Ковачев).

О масштабе переводческой деятельности болгарских последователей Л. Толстого говорят следующие статистические данные: из 128 авторов, представленных только в беллетристическом разделе журнала «Възраждане», только 21 – болгарские, а больше половины произведений в поэтическом разделе того же журнала принадлежат иностранным авторам¹¹. В книгоиздательстве «Жизнь» Г. Шопова за 14 лет существования выходит 198 книг, большинство из которых в переводе. В журналах «Новое слово» и «Вегетариански преглед» переводные материалы преобладают¹².

Хотя переводы представляются серьезным испытанием для умений болгарских толстовцев, они проявляют настоящий талант и языковое мастерство и интерпретируют на болгарском языке различные по жанру и стилю произведения. И не только. В желании приобщить читателя, они часто «адаптируют» для него переводимое произведение (объясняют реалии, особенные понятия и термины, иногда сокращают целые главы подлинника, что наблюдается, например, при переводе романа «Анна Каренина», повести «Хаджи Мурат»¹³, иногда включают текст о своем собственном отношении к произведению или его воздействию). С. Ничев пишет во введении к одному из своих переводов: «Я был вынужден пробудившимся во мне сознанием искать Бога и следовать тому пути, на котором я сейчас нахожусь»¹⁴.

Именно С. Ничев своими первыми переводами сочинений Л. Толстого прилагает первые сознательные усилия в распространении его идей в Болгарии. Переводческая деятельность Ничева особенно плодотворна после 1900 г., когда болгарское толстовство пополняется новыми единомышлен-

никами, а сам Ничев начинает издавать журнал «Новое слово». И до этой даты Ничев переводит сочинения Толстого. Это преимущественно его нравоучительные статьи и сочинения. Среди переведенных Ничевым сочинений можно назвать «Письмо Санкт-Петербургскому комитету грамотности», «Какова моя жизнь», «Что надо делать», «В чем состоит счастье», «Письмо прапорщику», «Сегодняшнее рабство», «Жизнь и учение Иисуса», «Ответ Синоду», некоторые из «Народных рассказов» и др. Впоследствии Ничев переводит на болгарский язык все «Народные рассказы» и издает их в отдельных книгах¹⁵.

С. Ничев развивает очень активную переводческую деятельность – он переводит 32 книги. Кроме переводов с русского, он делает также с немецкого и французского. Его переводы Мопассана Г. Шопов издает в книгоиздательстве «Жизнь». Несмотря на хорошее владение русским языком, Ничев никогда не переводил большие романы Л. Толстого, которые выходят на болгарском языке в 20-е гг. прошлого века (в переводе Г. Шопова, Х. Бонева, Й. Ковачева, Г. Константинова, Н. Чонова)¹⁶. Известны предпочтения Савы Ничева преимущественно к философским сочинениям великого русского мыслителя.

В оценке Добри Юрукова, одного из выдающихся болгарских толстовцев, о качестве издаваемого С. Ничевым журнала «Новое слово» говорится: «“Новое слово” предоставило болгарским читателям в хорошем переводе статьи и извлечения из сочинений Толстого и других авторов и это то единственное, с чем будет связываться его скромная слава»¹⁷.

Большим достижением для болгарских последователей Л. Толстого является перевод на болгарский язык философских сочинений русского писателя, так как в переводе сохранена риторика и внушительная сила проповеди его слова. Хотя с современных позиций критический взгляд читателя увидит в этих переводах русизмы и даже целые фразы, калькированные с русского языка, отдельные грамматические или стилистические неточности, в целом эти переводы с русского языка удачны и передают адекватно содержание подлинника, сохраняя его художественную ценность, а язык переводчиков отличается языковым богатством.

Среди болгарских толстовцев-переводчиков особенно талантлив Й. Ковачев, в творчестве которого перевод достиг высот искусства. Его языковое мастерство в переводе с русского языка (стихов А. Пушкина, М. Лермонтова, В. Брюсова¹⁸, Ф. Тютчева¹⁹, А. Надсона), с французского (стихов С. Прудона), с английского (П. Б. Шелли) получили высокую оценку за границей²⁰.

Духовная близость, общие житейские и творческие принципы становятся для последователей Л. Толстого в Болгарии поводом для оживленной корреспонденции. В государственных и личных архивах сохранилось

множество писем, которые они писали друг другу и своим известным современникам²¹. Пионеры толстовского движения в Болгарии вели переписку лично с Л. Толстым²². И в богатом эпистолярном общении болгарские толстовцы предстают как исключительно остроумные, эрудированные и обаятельные личности, владеющие искусством языкового выражения.

Сам Л. Толстой и большая часть его последователей в Болгарии поддерживают идею Л. Заменгоффа о едином мировом языке – эсперанто, в основе которого тоже лежит надежда о мировом единстве и справедливости. Из болгарских толстовцев выдающимся эсперантистом является проф. Я. Годоров. Ему, как делегату из Болгарии, выпала огромная честь открыть Международный эсперантский конгресс в Нюрнберге, Германия в далеком 1923 г.²³

Словесное наследие болгарских последователей Л. Толстого – оригинальное и переводное – факт с большим значением для культуры болгар. Оно расширяет кругозор болгарского читателя в первой половине прошлого века, предоставляя ему произведения, воспитывающие разум и мораль, и обогащает болгарское общество идеями духовного единения, нравственного совершенства и свободы, к которым стремился Л. Н. Толстой и его последователи. Богатством языковых средств, художественной верностью и искренностью изложения, точностью языкового выражения его болгарские последователи воспитывали высокий художественный вкус своих читателей.

Хотя сам Л. Толстой так и не доехал до «своей Болгарии», «он остался в ней навсегда». Эти слова известного болгарского историка А. Пантева очень точно отражают незримое духовное присутствие русского писателя и мыслителя в болгарской общественной и культурной жизни²⁴.

Примечания

¹ Терзиева М., Иванова Н., Иванова Т. Поглед върху толстоизма в България. Бургас, 2005.

² Edgerton W. The Influence of Lev Tolstoy in Bulgaria // Славистический сборник по поводу X международного конгресса славистов. София, 1988.

³ Досев Хр. Колонията на «Възражданици» в България // Сочинения Хр. Досева. Том I. Рассказы и статьи. София, б. г. С. 72–73.

⁴ Терзиева М., Иванова Н. Творчеството на Льва Толстого для детей – распространение в Болгарии (175 лет с рождения писателя) // Образование. 2003. Кн. 3. С. 13.

⁵ Рупчев Г. Ново слово. Периодика и литература. Т. 3. БАН. София, 1994. С. 99.

⁶ Андрейчин Ст. Юначко. София, 1939; Терзиева М., Иванова Н. Творчеството на Льва Толстого для детей...

⁷ Досев Хр. Колонията на «Възражданици»... С. 83.

⁸ Василев Д. Предтеча новой эпохи. На коленях перед истиной. Памятная библиотека «А. Паскалев». Хасково, 1994. С. 38.

⁹ История русской литературы XIX века / Под ред. С. М. Петрова, М., 1978.

- ¹⁰ Досев о задачах толстовского журнала «Възраждане», см.: Досев Хр. Колонията на «Възражданци»... С. 124.
- ¹¹ Георгиев Л., Ватова П. Възраждане. Литература и периодика. Т. 3, БАН. София, 1994. С. 271–272.
- ¹² Димитрова М. Вегетариански преглед. Литература и периодика. Т. 5. БАН. София, 1999; Рупчев Г. Ново слово...
- ¹³ Васева Ив. Л. Н. Толстой. Переводная рецепция европейской литературы в Болгарии. Русская литература. София, 2001.
- ¹⁴ Рупчев Г. Ново слово... С. 91.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Васева Ив. Л. Н. Толстой... С. 183.
- ¹⁷ Юруков Д. Кратък очерт на толстоизма в България // Л. Н. Толстой. Юбилейный сборник. Възраждане, 1908. С. 476.
- ¹⁸ Поступальский И. Болгарский поэт Й. Ковачев – переводчик В. Брюсова. Брюсовский сборник. Ставрополь, 1974.
- ¹⁹ Поступальский И. Стихи Ф. Тютчева в болгарском переводе // Новый мир. 1957. Кн. 12.
- ²⁰ Иванова Н. Йордан Ковачев – переводчик русских поэтов // Ежегодник Университета им. проф. д-ра А. Златарова. Т. XXXII. Кн. 2. Бургас, 2003. С. 144.
- ²¹ Иванова Н. Эпистолярное наследие болгарских толстовцев. Сборник с докладами. Стара Загора, 2004. С. 418.
- ²² Опульский А. И. Корреспонденты Толстого в Болгарии // Язык и литература. 1964. Кн. 3. С. 91.
- ²³ Джуджев Ст. Эсперантское движение в Болгарии // Народна войска. 1945. Бр. 294; Терзиева М., Иванова Н., Иванова Т. Поглед върху толстоизма в България. С. 96.
- ²⁴ См. также: Иванова Н. Языковые параллели в первых переводах болгарских толстовцев с русского языка // Второй международный симпозиум «Гуманитарные науки». 2004. С. 178–185; Ковачев Й. Интервью журналисту П. Тихолову. 1964: /в рукописи/; Шопов Г. Ст. 1880–1932–2000. Биобиблиография. ИК Оборище – Панагюрище, 2000.

II. Из истории славистики

Е. П. Аксенова

К научной библиографии А. В. Флоровского

Среди блестящей плеяды русских ученых, вынужденных в начале 1920-х гг. покинуть родину и продолжать свою научную деятельность за границей, заметное место занимал историк Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968). Познакомиться с жизнью и научным творчеством ученого помогает его личный архив. По завещанию Флоровского в 1976 г. он был передан в Архив Академии наук СССР, однако интерес к нему возник лишь в начале 1990-х гг, после снятия «табу» на изучение проблематики русской эмиграции. Фонд № 1609 находится в отличной сохранности и содержит материалы биографического характера, о научной и преподавательской деятельности, научные труды (в том числе и опубликованные в эмигрантских изданиях), лекционные курсы, обширную переписку. Все эти документы, дополняя друг друга, в комплексе дают представление о жизни и работе самого фондообразователя, и вместе с тем достаточно цельную картину деятельности пражского центра русской научной эмиграции в 1920–1940-х гг и связей с представителями русской науки в других странах. Полную научную биографию А. В. Флоровского еще предстоит написать. В настоящее время, опираясь на автобиографические, эпистолярные и другие документы ученого, представим лишь сжатый очерк его жизни и деятельности.

А. В. Флоровский получил воспитание в духовной семье. Дед был причетником в селе Флоровском (Новгородской губернии) при церкви свв. Флора и Лавра. Отец учился в Новгородском духовном училище и семинарии, затем в Московской духовной академии, по окончании которой был направлен в Одессу преподавателем духовного училища¹. Мать также происходила из духовного сословия, из рода Попруженко² (известный славист М. Г. Попруженко был родным братом матери и дядей А. В. Флоровского). Дед по материнской линии окончил Киевскую духовную академию, служил в Сретенской церкви в Одессе. Он был широко образованным человеком, знатоком и преподавателем древних языков, «интере-

совался и передовыми идеями и читал в свое время “Колокол” Герцена и другую подходящую литературу». Мать также «не осталась в стороне от тогдашних передовых веяний»³.

В семье Флоровских было четверо детей⁴. Старший сын Василий (1881–1924) работал врачом в Одессе⁵. Младший сын Георгий (1893–1979) – известный философ, богослов, историк, один из основателей евразийства⁶. Дочь Клавдия (1883–1965) – историк и переводчик⁷. Антоний – третий ребенок в семье. Он родился 1 (13) декабря 1884 г. в Елисаветграде (Кировограде) Херсонской губернии, где его отец в то время был смотрителем духовного училища. Обстановка, в которой проходило раннее детство будущего ученого, лишь несколькими штрихами обозначена в воспоминаниях его сестры. Любимыми игрушками детей были деревянные солдатики, на стенах висели лубочные картины, изображавшие русских богатырей, основным чтением являлся еженедельный детский журнал «Задушевное слово»⁸. По признанию Антония Васильевича, уже в годы учебы в 4-ой Одесской классической гимназии (1894–1903) определились его интересы в области истории и литературы. Окончив гимназию, он поступил на историко-филологический факультет Новороссийского (Одесского) университета, где занимался у Э. Р. Штерна (древняя история), В. М. Истрина (история древней русской литературы), Е. Н. Щепкина (история Западной Европы) и особенно серьезно изучал историю России в семинаре И. А. Линниченко. По окончании университета с золотой медалью за работу «Крестьянский вопрос в Законодательной комиссии Екатерины II» Флоровский был оставлен при факультете для приготовления к профессорской деятельности по кафедре русской истории⁹.

В 1911 г. после сдачи магистерских экзаменов молодой преподаватель стал читать лекции и вести семинары в родном университете в должности приват-доцента. В 1916 г. в Москве состоялась защита его магистерской диссертации, посвященной Законодательной комиссии 1767–1774 гг. После успешной защиты Флоровский уже в качестве профессора читал лекции по русской истории до XVII в., спецкурсы по русским летописям и русской исторической географии и др.¹⁰ Одновременно он вел курс по истории России на одесских Высших женских курсах, а также курс экономической истории России на экономическом факультете Одесского политехнического института¹¹.

Автографические документы умалчивают о том, как А. В. Флоровский воспринял революционные преобразования в стране и события гражданской войны. Но известно, что в эти годы, когда на юге страны наблюдалась чехарда политической власти, профессор нередко отсиживался дома, вместе с женой, Валентиной Афанасьевной Белоусовой. В переписке с родственниками и коллегами – если судить по той части писем,

которая до нас дошла – он тоже не касался вопросов политики, обсуждая со своими корреспондентами лишь семейные, бытовые или научные и организационные вопросы. Однако в речи на собрании историков в Праге весной 1923 г. ученый говорил в частности о «восстановлении нормальной жизни и деятельности в России (когда она освободится от советской власти и вновь оживет)»¹². Если даже сразу после революции он не одобрял произошедших в стране радикальных перемен, то покидать родину явно не спешил (хотя родные отбыли из Одессы еще в начале 1920 г.).

В 1920 г. на базе Одесского университета возникли Институт народного образования и Институт народного хозяйства. В них и во вновь созданном Археологическом институте, Флоровский продолжал профессорскую деятельность, читая курсы русской исторической географии, русской истории и истории народов Балканского полуострова. Возможно, это одно из первых обращений ученого к проблематике истории славянских и соседних с ними народов. До начала 1920-х гг. он также преподавал историю в средних учебных заведениях города¹³. Наряду с преподавательской работой он активно сотрудничал в различных научных организациях и обществах Одессы: был библиотекарем и членом правления одесского Библиографического общества, библиотекарем и членом Историко-филологического общества, правителем дел (секретарем) и заведующим музеем Одесского общества истории и древностей. В 1920 г. Антоний Васильевич стал помощником заведующего Одесским областным Архивным управлением, в следующем году – директором Одесской публичной библиотеки, а затем – Главной библиотеки Высшей школы (бывшей университетской)¹⁴.

Свою научную деятельность сам Флоровский делил на два периода, первый из которых назвал «одесским»¹⁵ и ограничил 1910–1922 гг. Именно в 1910 г. вышла первая научная работа молодого исследователя «Из истории Екатерининской законодательной комиссии 1767 г. Вопрос о крепостном праве», в основу которой было положено названное выше студенческое сочинение, расширенное и дополненное материалами после работы автора в архивах Москвы и Петербурга. В дальнейшем интерес к этой теме у Флоровского углубился. Его как исследователя привлек вопрос об участии в Комиссии представителей «отдельных социальных группировок России». В результате возникла объемистая (609 с.) книга «Состав законодательной комиссии 1767–1774 гг.», опубликованная в 1915 г. в Одессе. В книге использованы богатые архивные материалы. Именно ее Флоровский и защитил в качестве магистерской диссертации. В 1916 г. книга была удостоена Уваровской премии Академии наук, что являлось высоким признанием научных заслуг молодого ученого¹⁶.

В промежутке между этими двумя работами были опубликованы и другие исследования, в частности «Депутаты Войска Запорожского в законода-

тельной комиссии 1767 г.» (Одесса, 1912) и «История текста “положения” о выборах депутатов в законодательную комиссию 1767 года» (Одесса, 1913). Как отмечал сам Флоровский, вспоминая начальный период своей «учено-литературной деятельности», его труды о Комиссии 1767 г. «признаны были “блестящими” в историографическом обзоре В. И. Пичеты»; они даже «были положены в основу одного из семинаров в Берлинском университете, который вел известный знаток русской истории проф. К. Штелин»¹⁷.

В те годы Флоровский обнаружил большой интерес к «явлениям социальной истории России нового времени», прежде всего, к вопросу о «русском крепостном праве в разных его проявлениях и с разных сторон его развития и ликвидации». Он намеревался продолжить изучение социальных отношений второй половины XVIII в.¹⁸ Однако ученого увлекли другие темы.

К столетию войны 1812 г. Флоровский опубликовал работу «Отечественная война и Новороссийский край» (Одесса, 1913), а в связи с юбилеем династии Романовых – «Император Александр I в изображении вел. кн. Николая Михайловича» (Одесса, 1913). В планы историка вторгаются «краеведческая» тематика, у него возникает «мысль о желательности изучения истории русской колонизации Новороссийского края». Однако существовали серьезные препятствия для занятия наукой: во-первых, отвлекала преподавательская работа (дававшая основной заработок); во-вторых, в годы гражданской войны «общие условия не позволяли широко осуществить изучение архивных фондов в столичных архивах в виду все большей изоляции Одессы от северных центров страны». Поэтому историк был вынужден «сосредоточиться по преимуществу на изучении местного архивного материала по местной истории». В архиве генерал-губернатора, содержавшем документы по управлению Новороссией и Бессарабией, Флоровский изучал «судьбу крестьянской реформы 1861 г.» на юге России¹⁹. Результатом его исследований стала работа под названием «“Воля панская и воля мужицкая”». Страница из истории аграрных волнений в Новороссии. 1861–1863» (Одесса, 1921). В этой книге увлеченность ученого социальной проблематикой соединена с интересом к истории родного края.

На этом завершается первый период научной биографии А. В. Флоровского – период жизни и работы на родине, полный замыслов и надежд, интересных исследовательских поисков и творческих удач. Окончание первого периода связано не с эволюцией взглядов ученого, а с резким изменением обстоятельств жизни.

В 1922 г., закончив бои на фронтах гражданской войны, советская власть усилила наступление на идеологическом «фронте». Кампании борьбы с инакомыслием способствовал декрет ВЦИК от 10 августа 1922 г. «Об административной высылке». Он предусматривал выдворение без суда и следствия не только политических деятелей, но и ученых, преподавателей выс-

шей школы и других представителей русской интеллигенции. Многие, не дожидаясь, когда им предложат покинуть страну, уезжали сами. Осенью 1922 г. началось массовое изгнание ученых и других специалистов из России. Волны вынужденной эмиграции шли в основном через Петроградский и Одесский порты²⁰.

Не избежал этой печальной участи и А. В. Флоровский. В августе 1922 г. его фамилия оказалась в числе первых в списке лиц, высылаемых за границу из Одессы. В начале сентября того же года, как сообщал сам ученый, по распоряжению властей он «должен был покинуть родину и перенести свою деятельность за ее пределы»²¹. Ученый лишь вскользь упоминает о пребывании в течение нескольких месяцев (сентябрь–декабрь 1922 г.) в Константинополе, Софии и Белграде²². Зато оживленная переписка осенью и зимой 1922–1923 гг. с товарищами по несчастью свидетельствует о трудностях жизни и трудоустройства за границей в первый период, когда мощная волна эмигрантов из России захлестнула многие европейские страны.

Вначале Флоровский оказался в Константинополе, являвшемся для многих эмигрантов перевалочным пунктом. Там действовала русская академическая группа, членом которой стал Антоний Васильевич. Но жить в Константинополе было трудно, а найти работу еще труднее. Некоторую материальную поддержку оказал ученому американский Красный Крест²³. Вскоре Флоровский получил визу в Болгарию и приехал в Софию, где обосновались его родители и сестра. В то же время он интересовался возможностями устройства в Сербии, Германии, Франции, Англии. В Софии Флоровский не смог устроиться на работу и провел там, по собственному признанию, три с лишним месяца «без всякого дела и заработка»²⁴. Но даже в таких обстоятельствах ученый не сидел сложа руки: «Научную работу я себе, конечно, и здесь нашел, изучая архивы русской оккупации Болгарии 1877–1878 г. и знакомясь с журналами за период войны и революции»²⁵. В Белграде он также не нашел вакантных мест.

Сведения от русских коллег Флоровского, «бросивших якорь» в других странах, были неутешительными – везде существовали проблемы с трудоустройством и материальным обеспечением эмигрантов из России²⁶. Мечта поскорее попасть в Западную Европу, желательно – в Париж, не осуществилась. В те годы самые благоприятные условия для жизни и работы русских ученых-эмигрантов сложились в Чехословакии, правительство которой и лично президент Т. Масарик оказывали различные виды поддержки эмигрантским научным учреждениям и отдельным ученым («русская акция»). В Праге образовался довольно мощный центр русской зарубежной науки. Туда в 1921 г. переехал из Софии брат Антония Васильевича, Георгий. При его содействии и самом горячем участии, которое приняли в судьбе А. В. Флоровского Н. П. Кондаков²⁷ и Г. В. Вернадский²⁸, хлопотавшие о его

устройстве на работу, ученый в начале 1923 г. обосновался в Праге²⁹. Он полагал, что это – временное пристанище и продолжал стремиться во Францию, думая о «более устойчивом устройстве», но оказалось, что в Праге пройдет вся его дальнейшая жизнь³⁰.

С пребыванием в Праге А. В. Флоровский связывал второй, более продолжительный период своей жизни и научной деятельности³¹. Этот период охватывает 1923–1968 гг. Именно на него пришелся расцвет таланта историка.

Поселившись в Праге, Флоровский стал членом многих научных, учебных, общественных, культурных, просветительных организаций, связанных с кругами русской эмиграции, и активно в них сотрудничал. Там он вошел «в состав Русской учебной коллегии, имевшей задачей содействовать образованию русских студентов в Чехословакии... и ряд лет состоял председателем (деканом) историко-филологического отделения названной коллегии»³², кроме того был действительным членом Русской академической группы в Чехословакии³³. А. В. Флоровский был действительным членом общества Русского народного университета³⁴, занимавшегося научной, педагогической и культурно-просветительной деятельностью. В университете он читал лекции и доклады, принимал участие в деятельности научно-исследовательского объединения университета³⁵.

С 1924 г. Флоровский – товарищ председателя, а в 1938–1940 гг. – председатель Русского исторического общества в Праге³⁶, членов которого, по словам ученого, «объединяла мысль о согласной совместной охране лучших традиций русской исторической науки, о создании за границей прочного объединения всех русских историков для продолжения здесь работы по объективному познанию прошлого вообще, прошлого России в особенности». В РИО Флоровский выступал с докладами, принимал участие в издании «Записок» общества. Короткий период его председательства пришелся на первые годы Протектората, когда, как осторожно замечал историк, «общие обстоятельства жизни Праги вообще не благоприятствовали развитию сколько-нибудь живой деятельности Общества», «научные собрания были невозможны» и произошел «разрыв прежних связей русской Праги с иными средоточиями русских историков». Но даже в это время он был увлечен планами создания исторического журнала (которым, увы, не суждено было осуществиться). Флоровский хотел, чтобы журнал стал «литературным средоточием нашей свободной русской исторической науки», искал поддержки этому начинанию у коллег, договаривался о присылке ими статей³⁷.

С 1925 г. Флоровский входил в руководящие органы Русского заграничного исторического архива и в течение длительного времени (1933–1945 гг.) являлся председателем его ученого совета³⁸. Историк был членом Института им. Н. П. Кондакова, а в 1947 г. возглавил его³⁹. Будучи фактически директором института, он с увлечением и заинтересованностью пытался возобно-

вить почти угасшую деятельность этой организации⁴⁰, члены которой были рассеяны по всему свету. Флоровский старался «по мере своих сил и реальных возможностей удержать Институт на его традиционном ученом уровне...»⁴¹. Главной заботой ученого стало восстановление издания института – «*Annales de l'Institute Kondakov*», прерванного после 11-го тома. В разные страны полетели письма историка коллегам с предложением участвовать в 12-м томе «*Анналов*», и многие с готовностью откликнулись на призыв⁴².

После окончания второй мировой войны Флоровскому, не замеченному в антисоветских действиях или выступлениях в годы эмиграции, в декабре 1946 г. было возвращено советское гражданство⁴³. Он имел право вернуться на родину, но не воспользовался этой возможностью. Зато теперь он мог свободнее общаться (хотя бы заочно) со своими коллегами в СССР, и прежде всего с византинистами, с которыми он обсуждал проблемы, связанные с перспективами деятельности Кондаковского института. В 1947 г. он писал одному из зарубежных коллег, что «обратился в Академию наук СССР с предложением ближайшего контакта и согласования работы». Через год он сообщал тому же адресату, что между «планами института, в частности и планом издания *Анналов*, и движением византиноведения в СССР нет никакого расхождения, напротив, полное согласие. Возобновление издания наших *Анналов* отвечает интересам и желаниям академического центра СССР»⁴⁴. В 1949 г. даже велись переговоры об «организационной связи Института с Академией наук СССР»⁴⁵. Из-за этих переговоров откладывался выход очередного тома «*Анналов*». К сожалению, усилия Флоровского не увенчались успехом – в дальнейшем это издание так и не было возобновлено.

Наряду с русскими научными организациями Флоровский принимал участие в деятельности чехословацкого Славянского института⁴⁶ в Праге, членом которого он был с 1929 г.⁴⁷. В 1938 г. он подал руководству института, «объединяющего в своем составе всех специалистов по славянской истории в ЧСР (и вне ее)», развернутую записку, в которой изложил план создания при институте рабочего центра для выявления и регистрации материалов по истории славянских народов в архивах и рукописных собраниях Чехословакии⁴⁸. Он поддерживал постоянные контакты со многими чехословацкими коллегами (как и с учеными других стран), о чем свидетельствует его переписка⁴⁹.

А. В. Флоровский не замыкался в рамках пражского научного центра. Он работал в архивах и библиотеках других стран и, по его собственным словам, «принимал деятельное участие в съездах и конференциях по историческим наукам – трех съездах русских ученых за границей – в Праге (1923), Белграде (1928) и Софии (1930), двух международных конгрессах историков в 1933 г. (Варшава) и в 1938 г. (Цюрих), двух конгрессах по славяноведению – 1929, Прага и 1934, Варшава, конгрессах византинистов в

Риме (1936) и др.». Кроме того, с 1927 г. ученый состоял в правлении Федерации исторических обществ Восточной Европы и славянских стран и участвовал в конференциях Федерации в Варшаве (1927, 1933), Львове (1930), Праге (1932), Будапеште (1935), Цюрихе (1938). В качестве члена рабочей комиссии (при правлении Федерации) по подготовке словаря славянских древностей по проекту проф. Ф. Буяка⁵⁰ «выработал при содействии ряда русских специалистов предварительный план русской части словаря»⁵¹.

Немало времени и сил Флоровский отдавал преподавательской работе. В Праге он читал лекции на Русском юридическом факультете, вел курс истории русской педагогики в Русском педагогическом институте им. Я. А. Коменского, в течение многих лет читал самые разные курсы по истории России для русских студентов Карлова университета⁵², с 1933 г. (после смерти А. А. Кизеветтера) читал курс русской истории на философском факультете того же университета (за исключением нескольких лет во время второй мировой войны, когда университет был закрыт). В 1947 г. он был восстановлен на работе в университете, а в 1948 г. утвержден в должности ординарного профессора⁵³. В Карловом университете он проработал до 1957 г., когда, по его собственным словам «закончил активную академическую деятельность» и вышел на пенсию.

В 1933 г. историк стал доктором философии – в западных странах эта научная степень являлась общегуманитарной; защитив диссертацию на заседании Русской академической группы в Праге, он получил степень доктора русской истории (1936), а в 1957 г. – доктора исторических наук (по чехословацким правилам) после защиты диссертации на историческом факультете Карлова университета⁵⁴.

А. В. Флоровский прожил в Праге 45 лет – большую часть жизни. Судя по его переписке, он был не из тех, кто горько сетовал на условия быта, размер зарплаты и т. п., но и для него чрезвычайно важным представлялось, в какой морально-психологической обстановке приходится работать. В Чехословакии эмигранты, по словам Флоровского, были «поставлены в условия особой охраны и покровительства, без полного, однако, привлечения их к работе местных университетов» и академии⁵⁵. Преподавательская работа в русских эмигрантских учебных заведениях также не обеспечивала полной занятости и реализации научных замыслов.

В отрыве от отечественных архивов и книгохранилищ, от собственных библиотек русские ученые (особенно – историки) старались максимально использовать библиотеки и архивы в местах пребывания и в других странах во время командировок или поездок за свой счет. По приезде в Прагу Флоровский лично убедился в том, что коллекции русских изданий и книг были «весьма скудны», в библиотеке Национального музея подбор русских книг «носил весьма случайный характер»⁵⁶. И все же в Праге находились доста-

точно богатые книжные собрания Славянской библиотеки (туда вошли книжные коллекции В. О. Ключевского, Е. Ф. Шмурло, Самариных и многие другие «частные и общественные собрания, имевшиеся за границей России»)⁵⁷, библиотек Славянского института, Русского свободного университета, Русского заграничного исторического архива и др. «Кое-что и порою существенное, — отмечал Флоровский, — можно было найти в библиотеках некоторых университетских семинаров...». Эти книжные фонды, по признанию ученого, вскоре превратили Прагу «в город с богатейшими собраниями книг по истории России»⁵⁸. В связи с этим Флоровский «продолжил и даже расширил свои разыскания в области начальной русской истории», начатые на родине, хотя публикации преимущественно основывались на «ранее собранных архивных и иных материалах»⁵⁹.

Вместе с тем Флоровский отлично понимал, что в новых условиях его научная работа должна быть «по необходимости иначе ориентирована», «с учетом местных условий», и предметом исследования будет уже «иной круг проблем»⁶⁰. Ученый решил считать «свое пребывание за границей как бы вынужденной заграничной командировкой с научными целями» и использовать открывшиеся возможности для широкого изучения на местном материале русско-чешских взаимоотношений на протяжении веков. Ему удалось обнаружить немало материалов по истории русско-чешской торговли, об иезуитах, о пражском периоде деятельности Ф. Скорины⁶¹, в том числе интересные «данные о вторичном пребывании Фр. Скорины в Чехии в роли ученого садовода при королевском саду короля Фердинанда I»⁶². Исследования ученого в этой области завершились созданием двухтомного труда «Чехи и восточные славяне» (Прага, 1935–1947), в котором прослеживаются политические, экономические, культурные отношения между этими народами на протяжении X–XVIII вв.⁶³

Некоторые сюжеты не вошли в книгу и «разрослись» до самостоятельных монографий, среди них: «Легенда о Чехе, Лехе и Русе в истории славянских изучений» (1929), «Ян Гус в русской оценке» (1935), «Чешские иезуиты на Руси» (1941), «Чешско-русские торговые связи в прошлом (X–XVIII ст.)» (1954) и др. (три последние — на чешском языке). Предмет особого внимания Флоровского составляла эпоха Петра I — ей он посвятил несколько статей, документальных публикаций и книгу «Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого» (1955). Исследуя чешские архивы, Флоровский обнаружил ценные материалы XIX в. Он опубликовал «Дневник графини Д. Ф. Фикельмон» (1959), «содержавший весьма интересные данные», по оценке ученого, о жизни петербургского общества в 1830-е гг. и об А. С. Пушкине⁶⁴.

Флоровский прикладывал немало усилий для того, чтобы издания ученых-эмигрантов, истинных и полноправных представителей русской науки,

были зафиксированы и не растворились в мировой историографии. Он написал ряд статей об исторической литературе русских эмигрантов⁶⁵, вошел в руководство организованного в Праге Комитета русской книги, имевшего целью систематическую регистрацию всей русской печатной продукции вне СССР. Флоровский принял активное участие в составлении обзора всех русских эмигрантских изданий до 1924 г. и в устройстве большой выставки русской зарубежной книги в Праге (1924). Впоследствии как член Федерации исторических обществ Восточной Европы и славянских стран ученый взял на себя труд составления систематических обзоров русской научной исторической продукции как вне пределов Советской России⁶⁶, так и в СССР⁶⁷ (что имело большое значение для ознакомления западноевропейской научной общественности с развитием исторической науки в Советском Союзе). Свой вклад в историю русской зарубежной науки Флоровский внес также очерками о деятельности русских историков-эмигрантов – А. А. Кизеветтера⁶⁸, Е. Ф. Шмурло⁶⁹, Б. А. Евреинова⁷⁰ и др.

Флоровский внимательно следил за развитием исторической науки на родине и в послевоенный период. Он установил и поддерживал контакты с советскими коллегами, о чем свидетельствует его переписка с историками В. Т. Пашуто⁷¹, А. А. Зиминным⁷², П. А. Зайончковским⁷³ и др. Связи с коллегами в СССР⁷⁴ помогли Флоровскому расширить возможности публикации своих материалов в советских научных изданиях («Труды Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома»⁷⁵, «Археографический ежегодник»⁷⁶, «Вопросы истории»⁷⁷ и др.). В московском сборнике был опубликован и текст его доклада, подготовленного для Международного съезда славистов (1958)⁷⁸.

А. В. Флоровского, который причислял себя к «жрецам» Клио⁷⁹, можно назвать плодовитым автором. Диапазон его научных работ весьма широк. До конца жизни он интенсивно работал, писал, хотя в 1964 г. тяжело болел и перенес операцию⁸⁰. Обращает на себя внимание его научное кредо: «Как ученый – я всегда был, емь и буду сторонником живой и активной исследовательской и издательской работы»⁸¹. Будучи уже в преклонных годах, он понимал, что возраст «требует покоя и тихих темпов работы», но подчиниться такому стилю жизни он, видимо, не мог. «Да, конечно, много пишу, – признавался ученый в одном из писем. – Много у меня уже готово, но хочется видеть это в печати по-русски»⁸². В другом письме он уточнял, что им «написано на несколько томов», но печатать эти материалы на русском языке за границей не просто⁸³. Не все из научного наследия Флоровского опубликовано, часть не вышедших в свет материалов хранится в его архиве. Некоторые работы он, видимо, не успел довести до конца. Уже после его смерти в Праге вышла книга, которая является итогом многолетних исследований автора – «От Полтавы до Прута. Из истории русско-австрийских отно-

шений в 1709–1711 гг.» (1971). Но все известные нам труды историка – а их более ста – являются свидетельством разносторонних интересов и глубокого проникновения ученого в исследуемые им проблемы. Даже в нелегких условиях эмиграции он стремился к тому, чтобы его работы были хорошо финансированы. Активная научная, научно-организационная, преподавательская деятельность Флоровского в заграничный период его жизни позволяет сделать вывод о том, что он являлся одним из видных представителей русской зарубежной науки и, прежде всего, пражского научного и учебного центра.

Примечания

- ¹ Архив Российской академии наук (далее: АРАН). Ф. 1609. Оп. 1. Д. 245. Л. 2, 4–5.
- ² Попруженко происходили из рода запорожских казаков. После разгрома Сечи «род Попруженко разделился – одна ветвь пошла по военной части... а другая – по духовной» (см.: Там же. Л. 6–7).
- ³ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 245. Л. 6–7, 12, 21. Во время второй мировой войны, когда русские в Европе находились под контролем германского Управления по делам русских эмигрантов, им требовалось доказать отсутствие в роду евреев, чтобы не закончить свои дни в печах концлагерей. Флоровскому, видимо, тоже пришлось это делать, о чем свидетельствует ответное письмо сестры, перечислявшей по его просьбе предков «из духовного звания» как свидетельство того, что «арийское происхождение (потомков. – Е. А.) несомненно и не требует доказательства» (Оп. 2. Д. 459. Л. 161).
- ⁴ Дочь Мария умерла в раннем возрасте (1889–1891).
- ⁵ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 463. Л. 11.
- ⁶ См.: *Хоружий С.* Россия, Евразия и отец Георгий Флоровский // Начала. 1991. № 3. С. 23–25.
- ⁷ Подробнее см.: *Блейн Э.* Жизнеописание отца Георгия // Георгий Флоровский – священнослужитель, богослов, философ. М., 1995. С. 14.
- ⁸ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 245. Л. 27, 32.
- ⁹ Там же. Д. 185. Л. 33.
- ¹⁰ Учившихся в Одесском университете будущий известный советский историк Н. Л. Рубинштейн вспоминал, что профессор обладал эрудицией, и его курсы были серьезнее, чем у профессора Е. П. Трифильева, читавшего «новую русскую историю» В то время, отмечал Рубинштейн, «остро вставали общественные и методологические вопросы», и у Флоровского «определенно возрастал интерес к социальной проблематике» (*Рубинштейн Н. Л.* О путях исторического исследования // История СССР. 1962. № 6. С. 90).
- ¹¹ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 185. Л. 33–34.
- ¹² См.: *Пацито В. Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 240.
- ¹³ См.: АРАН. Ф. 1609. Историческая справка. Л. 2.
- ¹⁴ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 185. Л. 34.
- ¹⁵ Об одесском периоде жизни см. подробнее: *Галас В.* Русский историк-славист А. В. Флоровский // Дерибасовская–Ришельевская. Одесский альманах. Одесса, 2003. Вып. 15. С. 9–24.
- ¹⁶ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 185. Л. 37–38.
- ¹⁷ Там же. Л. 38.
- ¹⁸ Там же. Л. 36, 38.
- ¹⁹ Там же. Л. 38–39.
- ²⁰ Подробнее о подготовке и осуществлении высылки ученых из страны см.: *Хоружий С.* Философский пароход // Литературная газета. 9 мая 1990. № 19. С. 6.
- ²¹ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 185. Л. 34.

²² Там же.

²³ Там же. Оп. 2. Д. 412. Л. 1.

²⁴ Там же. Д. 458. Л. 18.

²⁵ Там же. Д. 62. Л. 1 об.

²⁶ Там же. Д. 412. Л. 5; Д. 208. Л. 1; Д. 140. Л. 2, 8, 9; Д. 322. Л. 13–13 об.; Д. 298. Л. 1; Д. 317. Л. 2–2 об.; Д. 147. Л. 1–1 об.; Д. 177. Л. 1–1 об.; Д. 183. Л. 1.

²⁷ Кондаков Никодим Павлович (1844–1925), историк искусства. Профессор Новороссийского (с 1877), Петербургского (с 1888) университетов, академик Петербургской Академии наук (с 1898). Один из организаторов Русского археологического института в Константинополе (1895). В эмиграции профессор Софийского, затем Карлова университета в Праге. Автор многочисленных работ по истории культуры и искусства. После смерти ученого его ученики объединились в семинаре, преобразованном затем в Институт им. Н. П. Кондакова.

²⁸ Вернадский Георгий Владимирович (1887–1973), историк. До революции преподавал в Петербургском, Пермском и Таврическом университетах. В 1922–1927 гг. – профессор Русского юридического факультета в Праге, с 1927 г. жил в США и преподавал в Йельском университете. Почетный председатель американской ассоциации содействия славянским исследованиям. По своим взглядам был близок к евразийцам. Автор более 300 работ по истории России.

²⁹ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 171. Л. 1.

³⁰ Там же. Д. 62. Л. 2.

³¹ Там же. Оп. 1. Д. 185. Л. 36.

³² Там же. Л. 35.

³³ Там же. Д. 260. Л. 7.

³⁴ С 1923 г. – Русский народный университет, с 1934 г. – Русский свободный университет, в 1942 г. переименован в Русскую ученую академию в Праге.

³⁵ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 228. Л. 3; Д. 260. Л. 2, 4, 35.

³⁶ Подробнее см.: Аксенова Е. П. А. В. Флоровский и Русское историческое общество в Праге // *Rossica. Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике*. [Прага], 1997. № 1. С. 77–82.

³⁷ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 258. Л. 9–10; Оп. 2. Д. 99. Л. 6–6 об.; Д. 104. Л. 5; Д. 171. Л. 26–27; Д. 364. Л. 4; Д. 372. Л. 24 об.; Д. 490. Л. 3, 5 об.–6, 17 об.; и др.

³⁸ Там же. Оп. 1. Д. 185. Л. 35–36; Д. 260. Л. 9.

³⁹ Там же. Д. 185. Л. 36; Оп. 2. Д. 72. Л. 2, 10.

⁴⁰ Подробнее см.: Аксенова Е. П. Институт им. Н. П. Кондакова: попытки реанимации (по материалам архива А. В. Флоровского) // *Славяноведение*. 1993. № 4. С. 63–74.

⁴¹ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 72. Л. 10.

⁴² Там же. Д. 2. Л. 1–1 об.; Д. 4. Л. 1; Д. 14. Л. 1–1 об., 4; Д. 171. Л. 30, 32–34, 36; Д. 72. Л. 2–7; Д. 86. Л. 1; Д. 150. Л. 1; и др.

⁴³ Там же. Д. 72. Л. 3.

⁴⁴ Там же. Л. 2 об., 8.

⁴⁵ Там же. Д. 14. Л. 2.

⁴⁶ Славянский институт, созданный в 1921 г. в Праге с целью развития научных связей со славянскими странами, существует и сейчас в составе Чешской Академии наук.

⁴⁷ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 185. Л. 35.

⁴⁸ Текст записки и комментарии к ней см.: Аксенова Е. П. Записка А. В. Флоровского 1938 г. «Славянскому институту в Праге» // *Славяноведение*. 2002. № 4. С. 65–67.

⁴⁹ См.: Ф. 1609. Оп. 2. Д. 1, 21, 35, 66, 76, 110, 116, 137, 327, 353, 488 и др.

⁵⁰ Францишек Буюк (Вијак, 1875–1953), польский историк, экономист, социолог, профессор Краковского, Варшавского и Львовского университетов, основатель школы польских историков-экономистов. Академик (1922), автор более 400 работ по истории экономики Польши, истории Галиции и др.

⁵¹ Ф. 1609. Оп. 1. Д. 185. Л. 36. В письмах к Ф. Буяку Флоровский сообщал, что составил словник «по донсторической археологии России», алфавитный «список по Подкарпатской Руси», делал замечания по русскому отделу, предлагал больше включить собственных имен (персоналий, среди которых Сергей Радонежский, Стефан Пермский и др.) и географических названий (Оп. 2. Д. 10).

⁵² Назовем лишь некоторые из них: «История России в XIX в. (Александр I, Николай I, Александр III)», «Социальная история России XVIII–XIX вв.», «Начало Московского государства», «Русско-польские отношения в XVIII–XIX вв.» и др.

⁵³ Ф. 1609. Оп. 2. Д. 174. Л. 38 об., 40, 43–43 об., 47, 49 об.; Д. 86. Л. 5 об.

⁵⁴ Там же. Оп. 1. Д. 185. Л. 35; Д. 228. Л. 1–2.

⁵⁵ Там же. Д. 18. Л. 122.

⁵⁶ Там же. Д. 185. Л. 41–42.

⁵⁷ В 1924 г. по распоряжению МИД Чехословакии была создана русская библиотека, комплектовавшая русские, украинские и белорусские издания. В 1927 г. комплектование расширено за счет литературы других славянских народов и библиотека переименована в Славянскую библиотеку, которая со временем превратилась в крупнейшее в Европе собрание славянской литературы. В настоящее время она действует при Национальной библиотеке.

⁵⁸ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 185. Л. 42.

⁵⁹ Там же. Л. 36, 40.

⁶⁰ Там же. Л. 36, 42.

⁶¹ Об этом подробнее см.: *Флороўскі А. Scoringiana* // 450 год беларускага кнігадрукавання. Мінск, 1968. С. 389–433.

⁶² См.: *Florovský A. Nové správy o pobytu Františka Skoryny v Praze* // *Časopis Národního muzea*. Praha, 1936. Т. СХ. С. 11–19.

⁶³ Подробнее об исследовании Флоровским русско-чешских взаимоотношений см.: *Лантева Л. П.* Русский историк-эмигрант А. В. Флоровский как исследователь чешско-русских связей // *Вестник Московского университета*. Сер. 8. История. 1994. № 1.

⁶⁴ *Флоровский А.* Пушкин на страницах дневника графини Д. Ф. Фикельмон // *Slavia*. 1959. S. 555–578.

⁶⁵ См. библиографию трудов Флоровского в кн.: *Паушто В. Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. С. 179–182.

⁶⁶ *La literature historique russe d'émigration. Compte-rendu 1921–1926* // *Bulletin d'Information de la Société d'Ethnographie*. 1928. Т. I/1/2. P. 81–121; *The Work of Russian Emigres in History (1921–1927)* // *Slavic Review*. 1928. Vol. XIX; *La literature historique russe d'émigration. Compte-rendu 1927–1929* // *Bulletin d'Information de la Société d'Ethnographie*. 1930. Т. III/1/2. P. 25–79; *Русская историческая наука в эмиграции (1920–1930)* // *Труды V съезда русских академических организаций за границей*. София, 1931. Ч. 1. С. 467–484.

⁶⁷ *La literature historique soviétique-russe. Compte-rendu, 1921–1931* // *Bulletin d'Information de la Société d'Ethnographie*. 1935. Т. VI–VII; *Historical Studies in Soviet Russia* // *Slavic Review*. 1935. Jan. Vol. XIII. N 38. P. 457–469.

⁶⁸ Памяти А. А. Кизеветтера // *Записки Русского научного института в Белграде*. 1934. Вып. 11. С. 1–15; А. А. Кизеветтер (Биографический очерк) // *Записки Русского исторического общества*. 1937. Т. 3. С. 165–207.

⁶⁹ *Evgenij Francevič Šmuro* // *Zeitschrift für osteuropäische Geschichte*. 1934. Bd 8. S. 536–552.

⁷⁰ Борис Алексеевич Евреинов (28.XI.1888–29.X.1933). Некролог // *Ročenka Slovanského ústavu*. Praha, 1935. Sv. V–VII (1932–1934). S. 320–325.

⁷¹ См.: *Паушто В. Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. С. 365–370.

⁷² АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 234.

⁷³ Там же. Д. 34.

⁷⁴ По некоторым данным, А. В. Флоровский посетил Москву, Ленинград, Минск, где встречался с советскими учеными (см.: *Галас В.* Русский историк-славист А. В. Флоровский. С. 23). В письмах К. В. Флоровской к брату сообщается о направлении ему вызова для посещения СССР в 1960 г., но по всей вероятности, он им не воспользовался (АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 460. Л. 97, 104, 125 об.). Как вспоминает Л. П. Лаптева, Флоровский побывал в Москве в 1965 г.

⁷⁵ См., например, статьи: *Собрание рукописей А. Д. Григорьева в Славянской библиотеке в Праге* // ТОДРЛ. 1960. Т. 16. С. 555–578; *Первый русский печатный букварь для иностранцев 1690 г.* // ТОДРЛ. 1961. Т. 17. С. 482–494.

⁷⁶ Из материалов по истории России эпохи Петра I в чешских архивах // *Археографический ежегодник за 1967 г. М., 1969.* С. 236–241.

⁷⁷ По свидетельству самого Флоровского, в журнале был опубликован автореферат на его книгу (АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 102. Л. 8). См.: *Флоровский А. В.* Чехи и восточные славяне в X–XVIII вв. // *Вопросы истории.* 1947. № 8. С. 66–73.

⁷⁸ Чешские струи в истории русского литературного развития // *Славянская филология.* Сб. статей. IV международный съезд славистов. М., 1958. С. 211–251.

⁷⁹ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 102. Л. 1 об.

⁸⁰ См.: *Пашуто В. Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. С. 367.

⁸¹ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 110. Л. 2.

⁸² Там же. Д. 16. Л. 1 об.

⁸³ Там же. Д. 86. Л. 5 об.

О. М. Бодянский и Украина

«Бодянский, как малоросс, сохранил украинские симпатии в течение всей своей жизни в сфере научного изучения украинской старины и народной поэзии. Для Бодянского эти симпатии были творческой живительной силой».

Н. Ф. Сумцов

Тема взаимоотношений видного русского слависта, одного из основоположников университетского славяноведения в России со своей малой родиной – Украиной, весьма примечательна в плане взаимодействия и взаимобогащения славянских культур.

О. М. Бодянский (1808–1877) вошел в историю отечественной славистики как один из ее первопроходцев. В 1835 г. как отклик на славянское возрождение в Центральной и Юго-Восточной Европе в четырех российских университетах по новому университетскому уставу учреждались первые кафедры «истории и литературы славянских наречий». Для подготовки преподавания нового предмета кандидатом от Московского университета в славянские земли был послан О. М. Бодянский, его выпускник и ученик М. Т. Каченовского. Пока учитель замещал кафедру, молодой ученый в 1837–1842 гг. посетил Чехию, Словакию, Сербию, Славонию, Хорватию, Лужицы, Галицию (т.е. почти все славянские земли, кроме Болгарии), установил личные контакты с виднейшими деятелями славянского национально-возрождения – П. Й. Шафариком, Й. Юнгманом, В. Ганкой, Я. Колларом, Л. Штуром, Е. Копитаром, В. С. Караджичем, С. Вразом, Л. Гаем и др. и многое почерпнул из общения с ними. Как мог основательно он овладел славянскими языками, изучал славянские рукописи в библиотеках Праги, Вены, Пешта, ряда монастырей и пр., ознакомился с новейшими трудами по истории языка, литературы, этнографии и археологии славян. Все это сыграло большую роль в становлении Бодянского как ученого. Особое влияние на формирование его научного мировоззрения оказал корифей европейской славистики П. Й. Шафарик. Бодянский восторженно писал о нем: «Он для меня целая Академия; ему я более всех обязан и сомневаюсь, чтобы кто-нибудь мне так пригодился, как он... Шафарик равно силен и как дома во всех частях славянщины; это – целая библиотека, живая энциклопедия всех

сведений о славянах»¹. О. М. Бодянский перевел на русский язык «Славянские древности» (1837, 1848) и «Славянскую этнографию» (1843) П. Й. Шафарика, сделав их доступными русскому читателю.

В путешествии О. М. Бодянский собрал уникальную библиотеку славянской литературы, состоявшую из 3000 книг, которую в 1843 г. у него приобрел Московский университет. Долгие годы она «верой и правдой» служила студентам-славистам².

О. М. Бодянский внес большой вклад в налаживание систематического преподавания комплексно понимаемого предмета славяноведения в Московском университете. Во вступительной лекции «О судьбе народов», прочитанной 24 сентября 1842 г., Бодянский изложил свое романтическое представление о предмете и задачах славяноведения³. По совету Шафарика он начинал с практического преподавания славянских языков (чешского, словацкого, сербского, польского) и завершал теоретическими курсами (славянские древности, история славянских литератур, сравнительная грамматика славянских языков). В первое время преподавания он акцентировал внимание в каждом учебном году на каком-нибудь одном славянском народе. В качестве пособий Бодянский использовал, прежде всего, указанные выше сочинения Шафарика и его картографические материалы. Хотя Бодянскому и не удалось создать школы московских славистов, но многие его ученики стали впоследствии известными специалистами в этой области знания. Среди них: Е. П. Новиков, А. А. Майков, А. Ф. Гильфердинг, А. А. Котляревский, А. Л. Дювернуа, А. А. Кочубинский, М. С. Дринов и др. Преподавание в университете он вел с годичным перерывом в 1848–1849 гг. до 1868 г., когда был забаллотирован при избрании на очередное пятилетие преподавательской деятельности и уволен из него «за выслугу срока» с присвоением звания заслуженного профессора⁴.

Увольнение, несомненно, он воспринял как очередной удар судьбы, но восполнил его активной деятельностью в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Бодянский был избран ученым секретарем этого Общества и стал редактором его «Чтений» в 1845 г. Общество тогда переживало период упадка. Он сумел его реанимировать, а его журнал превратить в важнейшее для своего времени собрание источников, материалов и исследований по отечественной и зарубежной славянской филологии, истории, этнографии⁵. На страницах «Чтений» регулярно появлялись работы видных славянских ученых – П. Й. Шафарика, Ф. Палацкого, Л. Суroveцкого и др., и их российских коллег – И. И. Срезневского, П. А. Лавровского, В. М. Ундольского и др. В «Чтениях» был опубликован ряд значительных источников по истории славянской письменности. Это, прежде всего, собрание памятников о жизни и деятельности славянских просветителей Кирилла и Мефодия (ЧОИДР, 1863–1866, 1873), «Богосло-

вие» Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна, экзарха болгарского (1877) и «Шестоднев» последнего (1879) и др. Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. вышел отдельным изданием уже после смерти ученого в 1880 г. Бодянский издал также сочинения поборников славянской солидарности Ю. Крижанича (1848), Ю. Венелина (1848), черногорского митрополита Петра II Петровича Негоша (1860), сербского и валашского Стефана Стратимировича (1868). Слабой стороной публикаций древних текстов (за что Бодянского не раз упрекали коллеги) являлись недостаточная тщательность подготовки источников – ошибки, буквальное следование тексту и отсутствие разбивки на слова и фразы и пр.⁶

В 1848 г. в связи с выходом в свет сочинения Дж. Флетчера «О государстве русском», в котором содержались критические высказывания о порядках в России XVI в., разразился общественный скандал. О. М. Бодянский стал жертвой «графской распри» между министром народного просвещения С. С. Уваровым и попечителем Московского университета, председателем ОИДР С. Г. Строгановым, усугубленной революционными событиями в Европе⁷.

В результате больше всех пострадал Бодянский: он был на год уволен из университета и лишился должности ученого секретаря и редактора «Чтений» в ОИДР.

Перу О. М. Бодянского принадлежат два крупных труда по славистике. Один – «О народной поэзии славянских племен» (1837) – стал его магистерской диссертацией, другой – «О времени происхождения славянских письмен» (1855) – докторской. В первом труде он обнаружил хорошее знание славянских языков и фольклора, сделав самостоятельный анализ идейного содержания и художественных особенностей последнего. В соответствии с национально-романтическими представлениями большинства славистов своего времени Бодянский охарактеризовал славян как миролюбивый народ, характер которого образно отразился в его песнях. Народную поэзию чехов он охарактеризовал как исключительно лирическую, словаков – идиллическую, сербов – героическую, русских – повествовательную. В настоящее время научные взгляды на этот предмет претерпели значительные изменения, но тогда книга Бодянского была встречена очень сочувственно, как новое слово в науке, и потому удостоилась перевода на чешский, сербский, итальянский и немецкий языки.

В 1850-е гг. Бодянский активно включился в научную дискуссию (так и не придя к определенному выводу) о соотносительной древности кириллицы и глаголицы, найдя новые важные источники и опубликовав ряд статей. Этот вопрос разбирался и в его второй книге, которая содержала свод всех известных на то время сведений о создании славянской азбуки (и этим она сохраняет свое историографическое значение). Автор пришел к выводу, что азбука была создана не в 855 г., как утверждали некоторые ученые (напри-

мер, С. П. Шевырев), а в 1862 г. Научные заслуги Бодянского были высоко оценены избранием его членом-корреспондентом имп. Академии наук (1854), членом ряда отечественных и славянских научных обществ: Общества и истории и древностей югославянских в Загребе (1850), Общества сербской словесности (1855), Общества любителей российской словесности (1858), членом-корреспондентом Русского археологического общества⁸.

Большой вклад ученый внес и в развитие связей с ведущими деятелями славянского национального возрождения⁹.

Итак, О. М. Бодянский, много лет прослуживший в Московском университете, стал неотъемлемой частью русской науки и русского образования. Он был человеком вполне благонамеренным, монархистом, патриотом России, в известной мере панславистом (сторонником «славянской взаимности») и отчасти славянофилом¹⁰.

Но был еще один интересный момент в его мировоззрении: неугасаемая любовь к малой родине – Малороссии (Украине) и региональный патриотизм. Подчеркнем, что это «украинофильство» понималось тогда именно в региональном смысле. Напомним, что О. М. Бодянский родился в м. Варва Лохвицкого уезда Полтавской губернии в семье сельского священника. Еще учась в Полтавской духовной семинарии в Переяславе, которую окончил в 1831 г., он начал собирать украинские народные песни. В те годы русское образованное общество проявляло большой интерес к украинской старине, народному творчеству, очарованное «Вечерами на хуторе близ Диканьки» (1830–1831) молодого даровитого «малоросса» Н. В. Гоголя. Вышли в свет первые сборники украинских народных песен Н. А. Цертелева (1819), М. А. Максимовича (1827) и др.

О. М. Бодянский также исходил из общерусских начал русских и малороссов, посвятив этому предмету специальную статью «Рассмотрение различных мнений о древнем языке северных и южных руссов»¹¹. Отметим, что пока демонстрация украинской самобытности понималась как проявление имперского регионализма, она находила симпатии и поддержку в русском обществе. Когда же украинофилы в 1860-е гг. (журнал «Основа», труды Н. И. Костомарова и пр.) стали претендовать на автономный статус в империи, власти ответили всяческими гонениями и валуевским циркуляром. И О. М. Бодянский скорее был на стороне последних.

В связи с этим мы солидарны с мнением профессора Л. П. Лаптевой, высказанным на конференции «О. М. Бодянский и проблемы истории славяноведения» (ноябрь, 2008 г.), что О. М. Бодянского нельзя называть чисто украинским ученым, как это делают сейчас некоторые специалисты на Украине. Он, безусловно, был русским ученым украинского происхождения.

Однако «малорусскости» О. М. Бодянский был верен до конца жизни. Это проявлялось даже в колоритном внешнем виде ученого. По воспоминанию

А. А. Кочубинского, перед студентами университета появлялся настоящий «запорожский казак», «с зачесанными на висках волосами вперед гребнем, с большими, но расходящимися добрыми глазами, причем один был поврежден, с широким большим хохлацким носом, бритое лицо, но с щетинистыми, топырящимися в разные стороны большими усами»¹². Наряду с «гетманскими усами» А. А. Кочубинский отметил и основные черты его «малороссийского» характера: «Упрямо-точный до смешного, твердый в своих решениях и в то же время приветливый, с отменно-добрым, мягким сердцем»¹³.

В Москве О. М. Бодянский также вступил на литературное поприще некоторым «украинофилом». В 1833 г. он опубликовал в газете «Молва» (Ч. 6. № 99) при «Телескопе» Н. И. Надеждина свои «Малороссийские вирши» под псевдонимом Бода Варвинец. Хотя художественного достоинства эти четыре стихотворения не имели, но они интересны как сочинения на украинском языке. В 1835 г. он продолжил свои стихотворные опыты, издав в университетской типографии «Наськи украинськи казки», якобы принадлежавшие «запорожцу Иську Матиринке». Они представляют собой переделку трех украинских сказочных сюжетов, весьма далекую от литературных высот в этой области, достигнутых А. С. Пушкиным, П. П. Ершовым и др. «Казьки» были отмечены В. Г. Белинским, как написанные непонятным русскому читателю, но «самым чистым малороссийским языком»¹⁴.

Не пропускал О. М. Бодянский и украинских изданий. Его перу принадлежат две рецензии на сборник малороссийских пословиц и поговорок В. Н. Смирницкого¹⁵ и сочинения Г. Ф. Квитки-Основьяненко¹⁶. Первая очень критическая. Бодянский упрекает автора в небрежности составления сборника, огрехах его структуры, малочисленности приведенных там пословиц и поговорок, хотя очень высоко ставит сам этот вид фольклорных источников: «Пословицы – это вечно юная, живая, *ходячая*, так сказать, философия народа, зеркало его жизни, заповедь старца, поседевшего в школе опыта»¹⁷.

Совсем по-другому он оценивает «Малорусские повести, рассказанные Грицьком Основьяненко» (Киев, 1834). Он признает их по своим литературным достоинствам одним из первых удачных опытов украинской литературы, ранее существовавшей лишь в виде устной народной поэзии. Высоко ценя народное творчество, отмечая литературные достоинства «Энеиды» И. П. Котляревского, ветерана украинской поэзии, он с удовлетворением отмечает успех профессионального писателя-прозаика: «Малороссияне, при надлежащем старании и образованном вкусе, могут, по времени, и в сем отношении, отстоять себе ученое место, ... могут создать свою прозу»¹⁸.

Но апогеем малороссийского патриотизма О. М. Бодянского 1830-х гг. можно признать его магистерскую диссертацию «О народной поэзии славянских племен». Песни славян по литературным и музыкальным достоинствам он ставил выше песен всех европейских народов, а украинские, по его

определению, драматические, оценивал выше всех славянских, по существу апологизируя их: «Песни украинские столько выше песен других славян, сколько драма выше прочих родов поэзии, составляя собою как соединение, единство их в одной себе...»¹⁹.

Еще до путешествия в славянские земли О. М. Бодянский по рекомендации М. П. Погодина послал известному пражскому слависту П. Й. Шафарик, работавшему тогда над «Славянской этнографией» свои наблюдения над украинским языком. Последний очень высоко оценил опыт Бодянского. Он писал М. П. Погодину: «Систематическое полное обозрение и характеристика диалектов русских есть *riim disiderium*, может быть исполнено Бодянским: его письмо о малороссийском столь превосходно, что я желаю распространить его исследование на белорусское и новгородское»²⁰. Из этого пассажа видно, что Шафарик украинский и белорусский язык считал диалектами русского языка, наряду с новгородским наречием. В этом они расходились с Бодянским, отмечавшим позднее самостоятельность украинского, белорусского, словацкого языков²¹, отрицавшуюся тогда некоторыми европейскими и русскими славистами. Понятно и то, что Бодянский мог интересно написать только о родном, хорошо известном украинском языке, остальные нуждались в длительной детальной разработке.

Но, как оказалось, далеко не все остались довольны интерпретацией географических названий Украины, предложенной О. М. Бодянским и использованной П. Й. Шафариком при создании карты распространения славянских языков, приложенной к «Славянской этнографии». Против нее выступил давний друг Бодянского, филолог, историк, (ботаник по образованию) М. А. Максимович (1804–1873). Он нашел в топонимике этой карты «искусственный малоруссизм». В частном письме к М. П. Погодину он изложил свое понимание украинского правописания, основывающегося на церковнославянской традиции, а предложенное Бодянским назвал «провинциальным пересолом». Погодин посчитал письмо Максимовича важным в научном отношении для решения вопроса об украинском правописании и опубликовал его в «Москвитянине». О. М. Бодянский ответил пространством письмом, в деталях обосновывая свое видение фонетического правописания²². В завязавшей полемике каждый остался при своем мнении. Жесткая дискуссия, впрочем, не нарушила дружеских отношений обоих ученых²³.

В 1842 г. Максимович издал вторую часть своего сборника «Украинские народные песни» и поместил в нем песни, полученные и от Бодянского. В дальнейшем ученый продолжал интересоваться вопросами собирания и издания украинского фольклора и общался по этому поводу с рядом украинских литераторов и ученых: Н. М. Белозерским, П. А. Кулишом, М. А. Стаховичем, Н. А. Маркевичем, М. В. Юзефовичем. Все это нашло отражение на страницах его дневника 1850-х гг.²⁴.

Дружеские отношения Бодянский поддерживал со многими земляками-«малороссами». К их числу, прежде всего, принадлежал и классик русской литературы Н. В. Гоголь (1809–1852). К сожалению, их переписка не сохранилась. Обоих малороссов, родом из разных местечек (Варва и Великие Сорочинцы) Полтавской губернии, сближал неподдельный интерес к малой родине, к украинской истории и фольклору. Бодянский именно со ссылкой на Гоголя в своей магистерской диссертации «О народной поэзии славянских племен» (1837) апологезировал значение украинских песен, ставя их выше всех в славянском мире.

Познакомившись в начале 1830-х гг. у М. А. Максимовича, они постоянно навещали друг друга в Москве, встречались у М. П. Погодина, в семействе Аксаковых, которые, например, специально устраивали в честь малороссов по воскресеньям «вареники» и пели хором украинские песни²⁵. К. С. Аксаков в письме к Н. А. Ригельману (28 сентября 1851 г.), например, писал: «Поют они во весь голос, очень живо и выразительно; мы заметили, что Гоголь и Максимович, при исполнении песен, часто следуют тому способу, который употребляется всем народом в Малороссии... сам Осип Максимович даже однажды, при звуках малороссийских песен, пустился было в танец»²⁶.

Н. В. Берг отмечал какое-то особое «магнетическое» притяжение друг к другу Гоголя и Бодянского: «они устраивались в угол и нередко говорили между собой целый вечер, горячо и оживленно»²⁷. А поговорить было о чем, т. к. Бодянский издавал в то время в «Чтениях» Общества истории и древностей российских главные источники по истории Малороссии – «Историю руссов», «Летопись самовидца», множество других «народных» исторических документов, типами которых в свое время Гоголь восхищался в «Запорожской старине» (1833–1838. 6 вып.) И. И. Срезневского. Известно также, что Бодянский обучал Гоголя сербскому языку для лучшего понимания «красоты песен», собранных выдающимся сербским ученым Вуком Караджичем²⁸. Теплые отношения сохранились между ними до самой кончины Гоголя в 1852 г. В дальнейшем О. М. Бодянский внес определенный вклад в сохранение творческого наследия писателя. Он собирал, переписывал и передавал (или способствовал передаче) для публикации его письма (например, Г. И. Высоцкому, М. С. Щепкину, В. В. Вигелю, семейству Аксаковых и др.)²⁹. В 1866 г. в обстановке александровской «оттепели» и общественных реформ О. М. Бодянский опубликовал в ЧОИДР (Кн. 3) цензурную правку «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, оказав этим большую услугу будущим исследователям творчества писателя.

В 1844 г. О. М. Бодянский познакомился в Москве с выдающимся украинским поэтом и художником Т. Г. Шевченко (1814–1861), который только начал приобретать литературную известность. Проникшись сочувствием и симпатией к нему как личности и высоко ценя его поэтический талант, уче-

ный популяризировал его творчество в славянском мире. Вероятно, он подсказал Шевченко сюжет поэмы «Еретик» (1845), посвященной памяти чешского реформатора Я. Гуса, стихотворения «Послание к Шафарику» и пр. В тяжкие годы солдатчины в 1852 г. Шевченко писал Бодянскому: «Правда, в моей прошлой жизни не много было радостей; но все-таки было нечто похожее на свободу, а одна тень свободы возвышает человека... Кругом горе, пустыня, в пустыне казармы, в казармах солдаты, а солдатам какая радость к лицу. Вот в какой сфере я теперь прозябаю»³⁰. Желая хоть как-то поддержать земляка, Бодянский тайно посылал ему книги. В своем дневнике за 1853 г. ученый отметил: «Авось он проведет с ними время в своем уединении и вспомнит старину, сам старясь с каждым днем более и более не столько от лет, сколько от обстановки своей»³¹.

Особо хотелось бы сказать о связях Бодянского с известным впоследствии литератором-романистом Г. П. Данилевским (1829–1890), служившим тогда чиновником Министерства народного просвещения. (Бодянский, между прочим, познакомил его с Н.В. Гоголем в 1851 г.). Между ними завязалась переписка, а предметом обсуждения в ней стало состояние украинской литературы. В середине 1850-х гг. Данилевский опубликовал статью о Г.Ф. Квитке-Основьяненко, продолжив начатую О. М. Бодянским оценку его творчества. Желая рельефнее подчеркнуть заслуги Квитки в становлении украинской литературы, Данилевский позволил себе небрежно отозваться о его предшественнике – И. П. Котляревском и его «Энеиде», признав в ней «порядочную частицу снотворности и воды». Возмущенный Бодянский буквально грудью стал на защиту Котляревского. Он писал: «Давно ли Котляревский своей Энеидой сделался снотворным? До сих пор не только малороссияне, но кто только в состоянии понимать их язык маломальски, находили, что никто и никогда не потешал так православных перелицеванкой своей, как он, наш Котляревский. Есть выворотка Энеиды почти на всех языках образованных народов». В остальном, правда, Бодянский признал статью Данилевского «очень замечательной» и доставившей ему истинное удовольствие³². По поводу статьи Г. П. Данилевского «Хутор близ Диканьки» («Московские ведомости». 14 октября 1852 г.) Бодянский сообщил свои замечания П. А. Кулишу, и они затем были учтены при издании «Заметок для биографии Гоголя», помещенных позднее в «Современнике»³³.

Особо хотелось бы сказать о связях О. М. Бодянского с Д. И. Зубрицким (1777–1862), москвофилом, видным деятелем галицкого национального возрождения. В трудных условиях национального гнета Австрийской монархии он пытался публиковать свои исследования, основанные на архивных источниках, по истории Галицкой Руси, но встречал всевозможные препятствия со стороны местных польских властей. Свои труды («Историческое исследование о русско-славянских типографиях в Галиции», «Хроника города Львова»,

«Очерк истории народа русского в Галиции и иерархии церковной в том же королевстве») он в основном писал на польском языке. Примечательно, что все они входили в состав славянской библиотеки Бодянского, приобретенной Московским университетом. При посредстве М. П. Погодина между Бодянским и Зубрицким завязалась научная переписка в основном по вопросам издания трудов последнего в переводе на русский язык в России. И, действительно, в 1845 г. на средства Общества истории и древностей российских в переводе О. М. Бодянского была опубликована книга Д. И. Зубрицкого «Критическо-историческая повесть временных лет Червонной или Галицкой Руси до начала XV века». Позднее в трудах Чтений ОИДР вышла в свет его статья «Начало унии», хотя планировались и другие работы³⁴.

Существенную помощь в издании трудов в России О. М. Бодянский оказал и другому деятелю галицко-русского возрождения, а именно историку, филологу и этнографу Я. Ф. Головацкому (1814–1888), долгое время (1848–1867) являвшемуся профессором Львовского университета. За свои русофильские взгляды он постоянно преследовался галицийскими властями и в конце концов нашел прибежище в России. О. М. Бодянский состоял с ним в переписке и сочувствовал трудному положению коллеги. В 1863–1877 гг. при его содействии («с предисловием и разными объяснениями») в ЧОИДР был опубликован трехтомный труд галицкого ученого «Народные песни Галицкой и Угорской Руси». В послесловии к изданию Я. Ф. Головацкий выразил сердечную благодарность О. М. Бодянскому и по достоинству оценил его роль в издании книги³⁵.

В 1845 г., став секретарем ОИДР и редактором его «Чтений», Бодянский начинает беспрецедентную систематическую работу по публикации памятников «украинской старины» (наряду с прочими славянскими). В их разыскании ему существенную помощь оказали многие его земляки, прежде всего, П. А. Кулиш, А. М. Лазаревский и др.

И здесь Бодянский снова исходил из общерусской исторической общности и необходимости ее дополнения малорусскими материалами. Он полагал, что «Украина, эта колыбель России, мало по малу, делается известной ученому миру», и он должен внести свой посильный вклад в это благородное дело. Ученый писал: «Будучи по происхождению южнорусс, и зная, что судьбы этой исконной Руси, особливо за время отдельного ее существования от Руси Северной, мало известны сынам той и другой, благодаря малому распространению между ними бытописных сведений, опирающихся непосредственно на источники, я решился в повременном издании, заведываемом мною, как редактором и секретарем общества, время от времени помещать последние»³⁶.

Начал Бодянский с летописей. Наиболее заметной среди них была «Летопись самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и междоусобиях, быв-

ших в Малой России после его смерти» (ЧОИДР. 1846. Кн. 1). Это казацко-старшинская летопись XVII в. охватывает события на Украине с 1648 по 1702 гг. Ее авторство приписывается генеральному подскарбию Р. А. Ракушко-Романовскому³⁷. Описывая освободительную войну украинского народа 1648–1654 гг., летописец выступает решительным противником шляхетской Польши, султанской Турции и ее вассала Крымского ханства и их сторонников среди казацкой старшины (И. Выговского, П. Дорошенко, П. Тетери и др.) Он весьма положительно оценивает акт воссоединения Украины с Россией, но негативно относится к движениям народных масс. Написанная на украинском литературном языке XVII в., летопись содержит немало народных рассказов, поговорок и пр. Бодянский высоко оценил летопись, как с исторической, так и литературной точки зрения. О значении летописей для изучения украинской истории он писал: «Весьма часто известие нехитрого летописца или какой-нибудь записки, письма и т.п. частного человека в сто раз достовернее самого правительственного памятника, который в одно и то же время, как говорится, нередко и белит и чернит..., заносится до самозабвения, людей стыдится и Бога боится»³⁸.

«Летопись самовидца» высоко ценили М. А. Максимович, С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров и использовали при написании своих трудов по истории Украины. В 1878 г. она была переиздана Киевской комиссией для разбора древних актов.

К крупным памятникам украинской истории относилась также «История руссов» – сочинение неизвестного автора конца XVIII – начала XIX вв. (Долгое время авторство приписывалось Г. Конисскому, украинскому писателю и церковному деятелю, позднее – Г. А. и В. Г. Полетикам, особенно первому, который как деятель екатерининской законодательной комиссии выступал горячим сторонником «малорусской вольности»). «История руссов» ходила в списках с 20-х гг. позапрошлого века, была известна декабристам, А. С. Пушкину, Н. В. Гоголю, Т. Г. Шевченко, Н. Г. Устрялову и др.

В «Истории руссов» описывались события с древнейших времен до XVII в. Автор выступал активным антинорманистом, считая Киевскую Русь колыбелью русского, украинского и белорусского народов, большое внимание уделил войнам Б. Хмельницкого с поляками 1648–1654 гг., положительно оценивал факт воссоединения Украины с Россией, деятельность Б. Хмельницкого, Полтавскую битву 1709 г. и пр. В то же время автор отразил идеологию той части украинской старшины, которая стремилась к известной автономии Украины в составе Российской империи. Именно поэтому «История руссов» с ее «глубокими симпатиями к малорусской общественной самостоятельности, к малорусским «правам и вольностям», с ее несочувственным и враждебным отношением ко всему, что подрывало эти вольности и грозило им уничтожением, как раз соответствовала тому взрыву малорусского патрио-

тического настроения, которое мы видим после окончательного уничтожения в Малороссии гетманства и во время екатерининской законодательной комиссии»³⁹, не публиковалась и считалась запретной книгой.

Бодянский, безусловно, понимал значение этого сочинения и проявлял сочувствие к его «вольнoлюбивым» мотивам. «Особенности этой “Истории” – писал он, – заставляли всех, кто имел случай читать ее в ходивших по рукам списках, желать ее оглашения, выставлялись в таком заманчивом свете, особливо смелость суждений сочинителя о событиях и двигателях событиями, равно как и самый язык его, вовсе не похожий на язык прочих подобных Историй, что естественно было отважиться, нельзя ли этот запретный плод сделать доступным всем и каждому, а не одним только тем, кому так или иначе выпало на долю вкусить его»⁴⁰. До Бодянского предпринимался ряд безуспешных попыток издания «Истории». Несмотря на «страшение всякими страхами», он пошел на явный риск, решившись на публикацию этого сочинения в 1846 г. (Кн. 1–4). Ученый воспользовался тем, что Общество истории и древностей российских при Московском университете имело право собственной цензуры, и не ошибся. Все сошло благополучно. Доносов не последовало. «Дело Флетчера» было еще впереди.

За три года (1846–1848) в «Чтениях» были напечатаны и другие материалы по украинской истории. Среди них: «История или повествование о донских казаках» 1778 г. (1846) и «Летописное повествование о Малой России и ее народе и о казаках вообще» 1785–1786 гг. (1847) А. И. Ригельмана, на которые опирался Н. В. Гоголь, создавая своего «Тараса Бульбу». К ним было приложено 27 литографий, изображающих сцены украинского быта, картина «Избрание кошевого атамана в Запорожской Сечи», портрет Богдана Хмельницкого и пр.

Из гоголевских источников примечательно также издание «Краткого описания о козацком малороссийском народе» Петра Симоновского 1765 г. (1847). За ними следовали: «Краткая история о братьях Хмельницких» (в переводе с польского), «История о казаках запорожских, как оные из древних лет зачались и откуда свое происхождение имеют и в каком состоянии ныне находятся» (1847), исторические сочинения о Малороссии и малороссиянах видного историка XVIII в., академика Г. Ф. Миллера (1847), «Переписка и др. бумаги шведского короля Карла XII, польского Станислава Лещинского, татарского хана, турецкого султана, генерального писаря Ф. Орлика» (1847), письма Головкина к гетману Скоропадскому, «О достопримечательностях Чернигова» и «Ответы на некоторые вопросы о Малой России» М. Маркова; письмо Лазаря Барановича к царевне Софье Алексеевне, записка Георгия Конисского об унии, две грамоты царя Алексея Михайловича к воеводам о малорусских казаках, о месте погребения гетмана Скоропадского, письмо кошевого Гордиенко к воеводе Шеншину, письмо импе-

ратора Александра I к бывшему малорусскому гетману Кириллу Разумовскому, «Краткое историческое описание о Малой России до 1765 г.» (1848), Повесть о том, что случилось на Украине со времени покорения ее Литвой до смерти Богдана Хмельницкого (1848), письма разных лиц к Мазепе об его сестре Войнаровской, письмо Мазепы к царям Ивану и Петру Алексеевичам, указ Петра Мазепе 1705 г. (1848), «Этнографический взгляд на Киевскую губернию» Менькова; «Летопись Густынского монастыря» (1848); «Описание о Малой России и Украине» Станислава Зарульского; письма Петра I к гетману Скоропадскому в «Малороссийской переписке, хранящейся в Оружейной палате»; «О первых гетманах малороссийских» и «Акты, поясняющие историю Малороссии», Н. Маркевича (письма царевен, дочерей Петра и императрицы Екатерины Алексеевны к гетману Скоропадскому); «Замечания, до Малой России принадлежащие» (записка об улучшении общественного устройства Малороссии) (1848)⁴¹.

Как видно из перечисленного, Бодянский сумел опубликовать за три года до «дела Флетчера» много крупных и мелких источников по истории Украины с древнейших времен, эпохи образования Запорожской Сечи, войн Богдана Хмельницкого в XVII в., периода постепенной ликвидации «казацкой вольницы» на территории Украины и превращения ее в провинцию Российской империи в XVIII в.

Нельзя сказать, что до Бодянского издания источников по истории Украины вообще не предпринимались. Кое-что («О начале и происхождении казаков») в 1760 г. издал академик Г. Ф. Миллер. Выходили из печати публикации В. Рубана, Ф. Туманского, Н. Н. и Д. Н. Бантыш-Каменских, М. Берлинского, митрополита Евгения Болховитинова («Описание Киево-Софийского собора», 1825). Но все они носили случайный характер⁴².

Более того, с 1845 г. созданная в Киеве «Временная комиссия для разбора древних актов» начала издание своих «Памятников», но в отличие от Бодянского разворачивала деятельность крайне медленно⁴³. Московский профессор, напротив, сознавая свой долг перед малой родиной, печатал источники энергично и интенсивно, значительно преуспев в этом деле. Достаточно сказать, что за три года он издал 23 книги «Чтений»!

К сожалению, флетчеровская история на 10 лет оторвала его от журнала, во многом погасила энтузиазм. С возобновлением «Чтений» ОИДР в 1858 г. Бодянский вновь взялся за публикацию источников по истории Украины, но гораздо в меньшем объеме. Прежде всего, он издал, подготовленную к печати в 1848 г. для второго выпуска «Чтений» работу Д. Н. Бантыш-Каменского «Источники малороссийской истории». Материалы эти были собраны в Московском главном архиве МИДа бывшим его начальником Н. Н. Бантыш-Каменским. На их основе сын последнего Д. Н. Бантыш-Каменский написал свою «Историю Малой России», приложив к ней некоторые документы в

первом издании 1822 г. Во втором издании 1836 г. – и вовсе опущены. По авторитетному мнению одного из биографов Бодянского Н. П. Василенко, «“Источники малороссийской истории” заключают в себе материалы перво-степенной важности для изучения вопроса о политическом существовании Малороссии после Богдана Хмельницкого. Здесь мы находим гетманские статьи и переписку по поводу их, документы, относящиеся к казни Мазепы и к событиям, следовавшим во внутренней жизни Малороссии после этой измены, когда Петр I стал более деятельно и энергично вмешиваться во внутренние дела Малороссии, когда, наконец, была введена Малороссийская Коллегия»⁴⁴. Первая часть «Источников» была опубликована в «Чтениях» в 1858 г., вторая – в 1859 г.

В 1858 г. Бодянский издал также чрезвычайно важный документ по истории Украины, а именно: «Диариуш» (журнал-дневник. – М. Д.) Николая Ханенко. Последний в качестве старшего канцеляриста сопровождал гетмана Скоропадского во время его последней поездки в Москву в 1822 г. и подробно описал увиденное и услышанное. После этой поездки, как известно, была учреждена Малороссийская коллегия и Украина потеряла последние остатки своей автономии.

Бодянский сопроводил издание обстоятельной статьей, посвященной истории рода Ханенков⁴⁵. В руках издателя был и второй журнал-дневник Ханенко за 1719–1754 гг., который он также намеревался опубликовать, но почему-то не реализовал свои планы. В 1884 г. он был издан А. М. Лазаревским, но уже с пропусками и только за 1727–1753 гг.⁴⁶

В «Чтениях» за 1858 г. были помещены и другие материалы по истории Украины, накопившиеся за годы их закрытия. Среди них: «Роспись городу Киеву, акты о казаках, собранные М. А. Марцевичем» (наставление выбранному от малороссийской коллегии в Комиссии о сочинении Нового Уложения и возражение на него Г. А. Полетики), исследование М. А. Максимовича «О древней епархии переяславской» и сообщенная им драма «Милость Божия Украину... чрез Богдана Зиновия Хмельницкого свободившая и возвеличившая», поставленная в киевских школах в 1728 г. В последующие годы материалы по украинской истории в «Чтениях» продолжали публиковаться, но не в таком количестве, как ранее. В 1866–1869 гг. в публикациях вообще наступил перерыв, возможно связанный с вынужденным уходом Бодянского из Московского университета

Отметим, что после 1859 г. Бодянский помещал в «Чтениях» преимущественно украинские материалы, относящиеся к XVIII и XIX вв. Наиболее важными из них являются: «Книга пожиткам Полуботка» (акты, касающиеся его имений, инструкция стародубскому полковнику Кокошкину), дело гадяцкого полковника Милорадовича с генеральным судьей Чернышем; бумаги из архива Румянцева (о скупке земель в Малороссии, об открытии там наместни-

чества, об управлении Малороссией); бумаги из архива князя Репнина начала XIX в. и пр. Исключение составляют только «Реестры всего войска запорожского после зборовского договора с королем польским Яном Казимиром», составленные в 1649 г. и изданные Бодянским в «Чтениях» за 1874 г.⁴⁷

Таким образом, Бодянский внес заметный вклад в изучение истории словесности и издание источников по истории Украины. Он одним из первых высоко оценил значение украинского устного народного творчества и начальные удачные опыты украинской литературы. Бодянскому удалось опубликовать в «Чтениях» уникальный комплекс документов по истории Украины вплоть до XIX в., которыми пользовалось потом не одно поколение историков. Восполнив большой пробел в источниковедении того времени, он создал предпосылки для создания обширных трудов по истории этого края в будущем (Н. Костомаров, М. Грушевский, Д. Чижевский и др.).

Будучи патриотом России, он самозабвенно любил свою малую родину, активно общался с соплеменниками и много сделал для того, чтобы об Украине больше знали в образованном русском и славянском мире.

Примечания

¹ Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835–1861). М., 1879. Вып. 1. (Письма О. М. Бодянского) С. 24–25. (Письмо от 20 февраля 1838 г.)

² Славянская учебная библиотека О. М. Бодянского. Каталог / Сост. Л. Ю. Аристова. М., 2000.

³ Первая лекция О. М. Бодянского в Московском университете (24 сентября 1842 г.) // *Досталь М. Ю.* Становление славистики в Московском университете в свете архивных находок. Избранные очерки. М., 2005. С. 59–87.

⁴ *Алексашикина Л. Н.* О. М. Бодянский – первый славист Московского университета // *Вестник Московского университета.* 1973. Серия 8 – История. № 5. С. 40–51.; *Лантвева Л. П.* Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX века. М., 1997. Гл. II; *Смирнов С. В.* О. М. Бодянский // Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX вв. Справочное пособие. М., 2001. С. 57–66; *Лантвева Л. П.* Славяноведение в России в XIX веке. М., 2005 и др.

⁵ Подробнее см.: *Демидов И. А., Ишутин В. В.* Общество истории и древностей российских при Московском университете // *История и историки. Историографический ежегодник 1975.* М., 1978; *Ишутин В. В.* Общеславянская проблематика, история и культура южных славян в изданиях ОИДР за 1815–1848 гг. // *Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы.* М., 1986. С. 6–22.

⁶ *Алексашикина Л. Н.* Бодянский Осип Максимович // *Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь.* М., 1979. С. 79.

⁷ Подробнее см.: *Титов А. А.* История первого перевода сочинения Флетчера // *Флетчер Д.* О государстве русском. Изд. 3-е. СПб., 1906. С. VII–XIV; *Ишутин В. В.* Славянская проблематика в научных заседаниях ОИДР при Московском университете в первой половине XIX в. (1804–1848) // *Историографические исследования по славяноведению и балканистике.* М., 1984. С. 111–112; *Лантвева Л. П.* Славяноведение в Московском университете... С. 71–73 и др.

⁸ *Кондрашов Н. А.* Осип Максимович Бодянский. М., 1956; *Смирнов С. В.* О. М. Бодянский... С. 65 и др.

⁹ Подробнее см.: *Лантвева Л. П.* Славяноведение в Московском университете... С. 79–82 и др.

¹⁰ *Медовичева Т. А.* Осип Максимович Бодянский и его Дневник // *Бодянский О. М.* Дневник. 1852–1857. М., 2006. С. 19, 24–27, 47–59 и др.

- ¹¹ Ученые записки Московского ун-та. 1835. № 3. Сентябрь. С. 472–491. (Критика)
- ¹² Кочубинский А. А. Осип Максимович Бодянский // Славянское обозрение. Историко-литературный и критический журнал. 1892. Т. III. С. 292.
- ¹³ Кочубинский А. А. Осип Максимович Бодянский в его дневнике (1852–1854) // Исторический вестник. 1887. Т. 30. № 12. С. 507.
- ¹⁴ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 1. Статьи и рецензии. Художественные произведения. 1829–1835. М., 1953. С. 339.
- ¹⁵ Мстак И. (Бодянский О. М.) Рец.: Письмо к издателю. Малороссийские пословицы и поговорки, собранные В. Н. С. Харьков, 1834 // Телескоп. 1834. Ч. 21. С. 336–348.
- ¹⁶ Мстак И. (Бодянский О. М.) Рец.: Малороссийские повести, рассказываемые Грыцьком Основьяненком. Кн. 1., М., 1884 // Ученые записки Московского университета. 1834. Ч. 6. № 5. С. 287–313.
- ¹⁷ Мстак И. (Бодянский О. М.) Рец.: Письмо к издателю. Малороссийские пословицы и поговорки... С. 336.
- ¹⁸ Мстак И. (Бодянский О. М.) Рец.: Малороссийские повести ... С. 288.
- ¹⁹ Бодянский О. М. О народной поэзии славянских племен. М., 1837. С. 135–136.
- ²⁰ Шафарик – Погдину 7 (19) декабря 1836 г. // Korespondence Pavla Josefa Šafářika. Vydal V. A. Fransev. Praha, 1928. Čast II. S. 532–533.
- ²¹ Письма О. М. Бодянского к отцу (1821–1846 гг.) // ЧОИДР. 1893. Кн. 3. С. 59.
- ²² Бодянский О. М. Г. возводителю к общесловескому коренному звуку // Москвитянин. 1843. Ч. 3. № 5. С. 249–258.
- ²³ Василенко Н. П. Бодянский и его заслуги для изучения Малороссии // Киевская старина. 1903. № 12. С. 702–710.
- ²⁴ Медовичева Т. А. Осип Максимович Бодянский и его Дневник... С. 9.
- ²⁵ Павловский И. Ф. О. М. Бодянский в его дневнике (1840–1852) // Русская старина. 1888. Т. 60. Кн. 11. С. 409; Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. IV. С. 801–803; Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 726–727. (В. С. Аксакова – И. С. Аксакову. 15–16 февраля 1850 г.)
- ²⁶ Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Литературное наследство. Т. 58. ... С. 726.
- ²⁷ Берг Н. В. Воспоминания о Н. В. Гоголе // Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 501–502. Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. IV. С. 800–801.
- ²⁸ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. в 14 тт. Т. 14. Письма 1848–1852. М., 1952. С. 14.
- ²⁹ Медовичева Т. А. Осип Максимович Бодянский и его Дневник... С. 41–43.
- ³⁰ Тарас Григорьевич Шевченко в письмах его к О. М. Бодянскому (1844, 1850, 1852, 1854). Сообщ. А. А. Титов // Русская старина. 1883. Т. 39. С. 642.
- ³¹ Выдержки из дневника О. М. Бодянского (1852–1855) // Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 г. М., 1891. С. 115–116. Подробнее см.: Брик И. Шевченкова поэма «Иван Гус» // Записки Наукового товариства імени Шевченка. Львів, 1917. Т. 119–120. С. 95–168; Полотай А. М. Т. Г. Шевченко і Бодяньський // Рядянське літературознавство. Київ, 1965. № 8.
- ³² Василенко Н. П. Бодянский и его заслуги для изучения Малороссии // Киевская старина. 1903. № 12. С. 712.
- ³³ Медовичева Т. А. Осип Максимович Бодянский и его Дневник... С. 42–43.
- ³⁴ Подробнее см.: Ганус С. А., Мазурок А. С. Осип Максимович Бодянский, Денис Иванович Зубрицкий и их переписка в кругу идей и людей своего времени // О. М. Бодянский и проблемы истории славяноведения (в печати).
- ³⁵ Головацкий Я. Ф. Послесловие [к «Народным песням Галицкой и Угорской Руси»] // ЧОИДР. 1877. Кн. 2. С. I–II.
- ³⁶ Бодянский О. М. Объяснение (по поводу соч. Г. Карпова «Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся за время... 1654–1672 годов») // ЧОИДР. 1871. Кн. 1. Смесь. С. 218.
- ³⁷ Летопись самовидца // УСЭ. М., 1978. Т. 6. С. 71.

³⁸ Бодянский О. М. Объяснение (по поводу соч. Г. Карпова...) С. 216–228.

³⁹ Василенко Н. П. Бодянский и его заслуги для изучения Малороссии // Киевская старина. 1903. № 12. С. 720.

⁴⁰ Бодянский О. М. Объяснение (по поводу соч. Г. Карпова...) С. 222.

⁴¹ Подробнее см.: Василенко Н. П. Бодянский и его заслуги для изучения Малороссии // Киевская старина. 1903. № 12. С. 722–723.

⁴² Там же. С. 724.

⁴³ Сравни: Левицкий О. И. Пятидесятилетие киевской комиссии для разбора древних актов. Киев, 1893. С. 124–126.

⁴⁴ Василенко Н. П. Бодянский и его заслуги для изучения Малороссии... С. 728.

⁴⁵ Бодянский О. М. Историческое сведение о генеральном хорунжем, Николае Даниловиче Ханенке // ЧОИДР. 1858. Кн. 1. С. I–XXI.

⁴⁶ Василенко Н. П. Бодянский и его заслуги для изучения Малороссии... С. 730.

⁴⁷ Там же. С. 731.

Русский славист А. Ф. Гильфердинг как исследователь лужицких сербов

Интерес к лужицким сербам возник в России в начале XIX века, однако в литературе он нашел отражение значительно позднее. Наиболее обстоятельные для начала XIX века сведения о лужицких сербах и области их обитания содержатся в «Путевом дневнике» В. Ф. Тимковского. Этот дневник, составленный в 1814 г., много десятилетий находился в неизвестности и лишь сравнительно недавно был введен в научный оборот¹. Таким образом, современники о нем ничего не знали. Автор дневника, Василий Федорович Тимковский (1781–1832)² был чиновником канцелярии Государственного секретаря Российской империи А. С. Шишкова (1754–1841) и вместе со своим патроном сопровождал русского императора Александра I после разгрома армии Наполеона в России в 1812 г. и перенесения военных действий в 1813 г. на территорию Западной Европы. Находясь в Германии, В. Ф. Тимковский уже в 1813 г. побывал в Лужицах, а в конце сентября – начале октября 1814 г. совершил поездку из Берлина в Варшаву по территории Лужицы, вероятно, по служебным делам. По дороге Тимковский останавливался в ряде мест, знакомился с обычаями и нравами населения и свои впечатления зафиксировал в «Дневнике». В виду того, что Дневник не был опубликован при жизни его автора и предан забвению впоследствии, о нем не знал и И. И. Срезневский, высказавший уверенность в том, что именно он первым из представителей России в 1840 г. посетил лужицких сербов и заинтересовался их жизнью и литературой³. Первенство И. И. Срезневского (1812–1880) выражается в другом: именно этому русскому ученому принадлежит честь глубокого изучения духовной культуры лужицких сербов, подробного знакомства с территорией их расселения, их нравами, обычаями, фольклором. И. И. Срезневский прошел пешком по значительной территории Лужиц, изучил практически серболужицкие языки и овладел их письменным богатством. Ему же принадлежит первое не только в России, но и в Европе вообще описание духовной жизни серболужицкой народности с древнейших времен до 1842 г. В 1844 г. И. И. Срезневский опубликовал «Исторический очерк серболужицкой литературы»⁴. Работа имела большое значение для дальнейших научных исследований о лужицких сербах, а также и для развития национального самосознания их самих. В ней характеризовалась литература обоих наречий и обоих вероисповеданий. Используя этот труд как ис-

ходную точку можно было продолжать изучение предмета. Работа И. И. Срезневского возбудила глубокий интерес и породила новые исследования. Лужицкими сербами интересовались и другие родоначальники русского славяноведения. Так, проф. Московского университета О. М. Бодянский (1808–1877) широко использовал серболужицкие материалы в своей педагогической деятельности⁵. Его ученик Е. П. Новиков (1826–1903) в 1849 г. опубликовал работу «О важнейших особенностях лужицких наречий»⁶. Активно пропагандировал серболужицкую литературу в Российской империи филолог-славист П. П. Дубровский (1812–1882). В 1842–1843 гг. он издавал в Варшаве литературный журнал «Денница» на русском и польском языках параллельно и был главным пропагандистом знаний о серболужицком национальном движении⁷. Лужицкими сербами интересовался К. С. Аксаков – ученый, этнограф, фольклорист, один из теоретиков славянофильского направления русской общественной мысли. В 1851 г. он опубликовал работу «О древнем быте славян вообще и русских в особенности», где помещены серболужицкие народные песни, а также отрывки из сочинений Я. А. Смолера. Крупный общественный деятель славянофильского направления, публицист, литературный критик, издатель газет и журналов, поэт И. С. Аксаков (1823–1886) также весьма способствовал распространению в России сведений о лужицких сербах. С 1858 г. он стал редактором славянофильского журнала «Русская беседа», основал газету «Парус», с 1861 по 1865 гг. был издателем и редактором газеты «День», а в 1867–1868 редактировал газету «Москва». На страницах этих изданий он помещал различные сведения о лужицких сербах, материально поддерживал их национальные начинания и находился с ними в контакте⁸.

Продолжателем научного изучения истории духовной жизни лужицких сербов, начатого И. И. Срезневским, был Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872). Он принадлежал к крупнейшим русским славистам XIX века и являлся главным творцом славянофильской теории исторического развития западного и южного славянства. О нем имеется значительная литература. Ее список приведен в монографии Л. П. Лаптевой «История славяноведения в России в XIX веке»⁹, поэтому в настоящей статье можно ограничиться лишь краткими сведениями. А. Ф. Гильфердинг родился в Варшаве, где его отец занимал должность директора дипломатической канцелярии при наместнике Царства Польского – Паскевиче. Предки Гильфердинга происходили из Саксонии. Семья сохраняла католическое вероисповедание, но будущий ученый в пятнадцатилетнем возрасте был «к православной вере присоединен». В 1848 г. А. Ф. Гильфердинг поступил в Московский университет и после его окончания начал свою ученую деятельность. В 1853 г. вышло его сочинение «О сродстве языка славянского с санскритским»¹⁰, а

его продолжением стала магистерская диссертация «Об отношении языка славянского к языкам родственным»¹¹.

Защитив магистерскую диссертацию, Гильфердинг поступил на службу в Министерство иностранных дел, а свой досуг посвящал научной работе. Основные его исторические труды исследуют прошлое балтийских славян, южных славян и Чехии. В России 50-60-х гг. XIX в. было мало литературы по истории славян, некоторые аспекты славянского прошлого вообще не были известны. Гильфердинг явился родоначальником их изучения. Он – автор работ «История балтийских славян» (1855), «Письма об истории сербов и болгар» (1859), «Очерк истории Чехии» (1862) и множества других сочинений, составивших четырехтомное собрание. Труды А. Ф. Гильфердинга основаны на материалах источников, открытых в значительной мере самим автором и впервые введенных им в научный оборот, но освещение истории славян он представлял со славянофильских позиций – теории истинной, романтической и утопической.

А. Ф. Гильфердинг сочетал научную работу с дипломатической деятельностью. С 1856 по 1859 гг. он являлся российским консулом в Боснии. Возвратившись в Россию, служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, затем в Государственной канцелярии и в Комитете по делам Царства Польского. Одновременно он продолжал активную научную и публицистическую деятельность. С 1868 г. был председателем петербургского отдела Славянского Благотворительного Комитета, занимал также должность председателя этнографического отдела Русского Географического общества. На рубеже 60-х и 70-х гг. он заинтересовался открытыми в Олонецкой губернии образцами живой эпической поэзии – большого числа былин. Открытие было для ученого мира неожиданностью, поскольку считалось, что русский эпос исчез окончательно. Гильфердинг решил ознакомиться с былинами на месте и летом 1871 г. совершил поездку в Олонецкую губернию. Результатом ее явилось чрезвычайно интересное описание народного быта и издание огромного собрания былин. В 1872 г. Гильфердинг вторично отправился в Олонецкий край, но по дороге заразился тифом и умер 20 июня. Собранные им былины стали заметным вкладом в историю русской словесности. Существенное значение имело изучение Гильфердингом лужицких сербов. Хронологически он был в этом вопросе продолжателем И. И. Срезневского, но последний к этому времени уже оставил сорабистические сюжеты и перешел к другим проблемам. В связи со своими научными изысканиями об истории балтийских славян Гильфердинг в 1855 г. побывал в Лужице. В Будишине он два дня провел со Смолером¹², посетил Герлиц, где организовал переписку словаря языка полабских славян, составленного Христианом Геннигом (1649–1719). Как сообщал А. Ф. Гильфердинг чешскому ученому Я. Вртятко, сербы будишинские приняли его

как родного, особенно он был принят как нельзя лучше Смолером¹³. Важнейшим итогом пребывания Гильфердинга в Лужицах было его сочинение о серболужицком возрождении. Работа написана сразу же после возвращения Гильфердинга из заграничного путешествия 1855 г. по самым свежим впечатлениям, и под названием «Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии» опубликована в журнале «Русская беседа»¹⁴.

Отметим, что истории лужицких сербов Гильфердинг касался и в своих трудах по истории балтийских славян. Так, он первый в русской историографии заметил, что «сербы и лужичане были отрезаны от славян балтийских непроходимыми лесами и болотами и составляли племя, совершенно от них отдельное как по наречию, так и по историческому развитию»¹⁵. Отмечая некоторые особенности истории сербов-лужичан, Гильфердинг пишет: «Лужицкие сербы, вероятно, приняли христианство от Мефодия. Этим и объясняется, что они без особого сопротивления стали христианами и при немецких властях. Борьба их с немцами в течение первой половины X века велась за независимость, но не имела в себе того ожесточенного фанатизма, с каким соседи сербов – балтийские славяне – защищали вместе со свободою и языческих богов своих. Скорому и легкому приятию христианства лабские сербы были обязаны тем, что они избегли полного истребления, какому подверглись племена балтийские, и что хотя бы частица их края, некогда обширная, сохранила дольше славянский язык и славянскую народность»¹⁶.

Следует отметить, что факт принятия христианства лужицкими сербами от Мефодия в источниках не находит подтверждения. А.Ф. Гильфердинг отдает здесь дань славянофильской теории об исконности православной религии для славян, считая к тому же кирилло-мефодиевскую миссию православной, что также не соответствует действительности.

Статья «Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии», по заявлению самого Гильфердинга, «написана так подробно, что включает в себя... все сведения об их литературном развитии, какие могут быть занимательны для русской публики»¹⁷. «Я попросил Я. А. Смолера, одного из главных умственных деятелей в этом крае... рассказать мне во всей подробности, каким образом возродилась и получила признание славянская народность в Королевстве Саксонском»¹⁸. В работе Гильфердинг использовал и письменные материалы для освещения серболужицкого возрождения. От анализа ранней литературы лужицких сербов автор отказался, сославшись на «Исторический очерк сербо-лужицкой литературы» И. И. Срезневского. Свое изложение Гильфердинг начинает указанием на численность серболужичан – 160 тысяч человек. Говорится о границах их расселения, религиозной принадлежности, площади занимаемой ими территории¹⁹. Автор констатирует: «Пространство всей земли серболужицкой не более одного уезда в Российской губернии... Целый народ сербов-лужичан не превышает чис-

лом населения какого-либо второстепенного города, как Варшава или Гамбург»²⁰. В статье характеризуется далее начало возрождения национальной жизни, создание серболужицких обществ, издание газет, деятельность отдельных лиц, мероприятия, свидетельствующие о национальной активности народа. Особое место отводится освещению национальной политики в период революции 1848–1849 гг. В работе имеется характеристика национальной жизни в Нижней Лужице, упоминания об экономическом положении населения Верхней Лужицы, дается характеристика серболужицкого языка, приводятся образцы текстов на нем, в том числе песен. Гильфердинг не останавливается на причинах «внезапного пробуждения» почти онемеченного малочисленного народа и вообще в своей статье проявляет мало интереса к причинам описываемых явлений, ограничиваясь констатацией фактов. В статье дается характеристика всех значительных представителей серболужицкого национального движения, главное внимание при этом уделяется Я. А. Смолеру. На ярких примерах из его жизни Гильфердинг показывает, сколь искусно этот народный вождь умел использовать в сложных обстоятельствах все возможные средства для сохранения серболужицкой народности. А. Гильфердинг рассказывает о сборе Смолером серболужицких народных песен, об изучении быта народа, об определении им границ расселения лужицких сербов. Автор статьи освещает историю издания знаменитого сборника серболужицких песен, который им высоко оценивается: «Ни один славянский народ не имеет и ныне еще такого полного национального великолепного издания своих песен, как бедный народец серболужицкий»²¹, – пишет он. Описывая культурные события, Гильфердинг выделяет создание Матицы Серболужицкой в 1846 г. и ее утверждение властями в 1847 г., говорит об устройстве Матицы, ее членах, «Часописе» и других ее изданиях. В частности упомянуто, что Матица издала «прекрасную, самую подробную статистику Верхних Лужич, составленную пастором Якубом»²².

Особое место в работе Гильфердинга отводится освещению вопроса об отношении выступающих от имени всего народа национальных деятелей к революционным событиям 1848–1849 гг. Политическая позиция серболужицких национальных деятелей, группировавшихся вокруг Матицы, была в эти годы консервативной. Гильфердинг видит в умеренности лужицких сербов источник дальнейших успехов их национальной жизни и излагает преимущества, приобретенные ими в результате «примерного поведения» в годы «движения и волнений во всей Германии и во всем западном славянстве». «Год, когда свершилась революция, – пишет Гильфердинг, – был во всех отношениях благоприятен для маленькой серболужицкой народности. Не увлекаясь никакой несбыточной мечтой, она осталась верна прежнему порядку, когда всё вокруг с ума сходило на толках франкфуртских демагогов, и воспользовалась порою преобразований и переворотов лишь для того, чтобы устроить

свое официальное положение в государстве и окончательным внутренним устройством приготовить себе небывалое прежде благосостояние»²³.

Наряду с главными чертами серболужицкого национального движения, которые Гильфердинг характеризует подробно, он упоминает еще о социально-экономическом положении саксонских лужицких сербов, рисуя – со слов Смолера – некую идиллию. Что касается серболужичан во владениях Пруссии, то они в представлении Гильфердинга беднее саксонских по причине более низкой плодородности почв их края²⁴.

Работа Гильфердинга о лужицких сербах содержит указания на некоторые успехи науки в разработке проблем серболужицкого языка. Что же касается Нижней Лужицы, то там, по мнению автора, царит «умственное оцепенение».

Изложенные в статье сведения многие десятилетия использовались в русской историографии, как в середине XIX века, так и позже. При этом заимствовались не только факты, но и оценки Гильфердинга, не всегда однозначные, часто тенденциозные²⁵. Серболужицкие историки XX в., например, считают, что в революции 1848–1849 гг. для крестьянства, ремесленников и представителей других слоев трудового народа более важными задачами были социальное освобождение и демократизация общества, чем национальные требования, которые выдвигала консервативная буржуазная интеллигенция²⁶.

«Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии» было самым крупным произведением Гильфердинга на рассматриваемую в нем тему. Но современники и более поздняя историография не обратили внимания на маленькую статью автора, опубликованную под названием «Известия из Нижних Лужиц»²⁷ в «Русской беседе» несколько позднее охарактеризованной. Эта работа вообще была забыта и не вошла в научный оборот при освещении вопроса об изучении Гильфердингом серболужицких сюжетов. Нет о ней упоминания и в новейшей литературе. Между тем статья содержит важные дополнительные сведения о национальной жизни в Нижней Лужице. В связи с обнаружением «нового» материала целесообразно изложить его здесь подробно.

А. Ф. Гильфердинг пишет: «В № 1 «Русской беседы» читатели могли встретить статью мою о возрождении серболужицкой народности. Некоторые из них помнят, может быть, что это замечательное явление в истории пробуждения славян происходило почти исключительно между верхними лужичанами и преимущественно в той части их, которая принадлежит Саксонии. У верхних лужичан в Пруссии умственной деятельности было меньше, а племя сербов нижнелужицких оставалось до сих пор в совершенной, можно сказать, бессознательности. В той же статье рассказано, как вследствие этого нижнелужицкое племя не переставало до нынешнего времени постоянно уменьшаться, а также упомянуты некоторые еще весьма слабые и чуть заметные признаки начинающегося в нем народного движения». «Когда я писал эту статью несколько месяцев назад, – продолжает

А. Гильфердинг, – была уже надежда, что Нижние Лужицы не будут потеряны для славянского мира, как многие спешили предвещать. Теперь, кажется, надежда сбывается. Вот что пишет мне в восторге радости г. Смолер, один из главных, если не главный двигатель славянского дела в затерянном уголке Германии, где недавно воскресла горсть сербов». Далее русский ученый излагает содержание письма Смолера и приводит свои комментарии.

«Возстают мертвые! Так сказал я себе, когда пришла неожиданная весть из Хотebuза. Я тотчас отправился в Хотebuз, чтобы разузнать хорошенько дело на месте. Оказывается, что новый директор хотebuзской гимназии д-р Чирнер (Tschirner) исходатайствовал у прусского Министерства разрешение учредить там преподавание нижнелужицкого, а по возможности и верхнелужицкого языка для тех воспитанников, которые пожелают учиться по-сербски. Он пришел к этой мысли вследствие того, что прусские сербы отправляли своих детей в Саксонию, в будишинскую гимназию, где, как вам известно, преподается мною сербский язык. Когда директор обратился к хотebuзским ученикам с вопросом, кто хочет посещать сербские уроки, то все гимназисты отозвались утвердительно. Сербским учителем назначен пока переводчик при хотebuзском суде, старый кандидат богословия, который, к сожалению, знает только свое нижнелужицкое наречие, и то не наукообразно. Нет у нижних лужичан ни единого учебника. Я должен был дать учителю для руководства свою маленькую грамматику и старался вообще ему доставить все, что могло быть ему полезным: Я условился с ним, что сочиню для нового преподавания небольшую нижне-сербскую грамматику и разговоры и что напечатаю для нижних лужичан эти учебники и другие, если только сбудется моя мечта, – учреждение славянской типографии в Будишине». Прочитывая письмо Я. А. Смолера, А. Ф. Гильфердинг замечает: «По нашим понятиям введение того или другого предмета в круг гимназического преподавания не составляет важного события. Но в маленькой области серболужицкой народности это дело значительное. Оно дает некоторое признание языку, на который доселе смотрели и смотрят, как на деревенское просторечие; оно приучит молодых гимназистов к родному слову, которое прежде забывалось в городе, оно обратит их внимание на эту речь и на народность, которой она служит пока единственной представительницей; и эти гимназисты со временем будут вероучителями, наставниками, сельскими хозяевами, одним словом – двигателями дремлющей еще славянской отрасли на Западе»²⁸.

Как видно из слов самого Гильфердинга, главным его информатором о положении лужицких сербов был Я. А. Смолер, занимавший первое место в серболужицком национальном движении, что и является высокой гарантией достоверности приводимых фактов. Разумеется, фактическая достоверность не исключает субъективных оценок явления в целом, и субъективность в освещении

характера серболужицкого возрождения, как указывалось выше, присуща не только русскому ученому, но и вождю лужицких сербов – Я. А. Смолеру²⁹.

Указанные статьи А. Гильфердинга о лужицких сербах были наиболее подробными произведениями на рассматриваемую в них тему. В дальнейшем ученый уже не обращался к серболужицким сюжетам столь основательно, но установленные им связи с серболужицкими деятелями, в первую очередь со Смолером, не прекращались до конца жизни русского слависта. Именно Смолер переводил исторические сочинения А. Ф. Гильфердинга на немецкий язык. В 1856 г. на немецком языке вышел первый выпуск «Истории сербов и болгар» Гильфердинга³⁰, а в 1864 г. – второй ее выпуск. По утверждению издателя корреспонденции Я. А. Смолера д-ра Яна Цыжа (1899–1986), Смолер перевел на немецкий язык и издал всего четыре сочинения А. Гильфердинга³¹. К этому следует добавить еще три статьи, которые помещены в «Zeitschrift für Slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft» (1862–1865). Скорее всего и эти переводы выполнены тоже Смолером. В переписке Смолера с русскими учеными имеются сведения и о переводе на немецкий язык работы А. Гильфердинга «Гус. Его отношение к православной церкви»³². Но, видимо, эта книжка на немецком языке в свет так и не вышла.

Заключая характеристику деятельности Гильфердинга по вопросу об изучении лужицких сербов, можно констатировать, что он был первым русским ученым, подробно освещавшим современную национальную жизнь этого народа. Он продолжал традицию изучения в России лужицких сербов, заложенную И. И. Срезневским.

Примечания

¹ «Путевой дневник» В. Ф. Тимковского хранится в Отделе рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского Академии наук Украины (НБУ НАН) в Киеве, куда поступил в 1932 г. от частного лица. В 1934–1935 гг. дневник изучал известный киевский славист А. И. Степович (1856–1935), но написанная им статья не была опубликована. Четыре варианта ее хранятся в ОРНБУ (фонд Степовича; шифр: ф. 179 № 135). В 60-е гг. XX в. о дневнике писал Л. А. Шейман, но его статьи появились в таких изданиях, которые были недоступны за пределами Киргизской союзной республики, а именно: *Шейман Л. А. Неизвестная рукопись Василия Тимковского // Комсомолец Киргизии. 1966. № 79–81; Он же. Василий Тимковский, декабристы, Пушкин // Вопросы преподавания русского языка и литературы в киргизской школе. Вып. 2. Фрунзе, 1969. Затем «Дневник» упомянут в статье: Апанович Е. М. Архив И. А. Степовича // Советское славяноведение. 1982. № 5. С. 100. Далее вышла в свет еще одна работа Шеймана: *Шейман Л. А. Василий Тимковский и его дневник путешествия по Лужице // Lëtöpis. 1983. В. 30/1. S. 12–53. Вызванная этой статьей полемика опубликована в Lëtöpis. В. 34. 1987. S. 99–107. Кроме того, вышла работа: Лантева Л. П. Русский путешественник о лужицких сербах начала XIX века // Вопросы истории. 1986. № 1. С. 86–92; Laptewa L. P. Ruski zastožnik wučens 1813/14 Lužicu wapisowal // Rozhlad. Lëtü 50. 2000. Č. 2. S. 57–60. Подробнее о В. Ф. Тимковском и его дневнике в кн.: Лантева Л. П. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до Первой Мировой войны (1914 года). М., 2000. С. 19–26 и др.**

- ² Ранняя литература о Тимковском: *Максимович М.* Письмо Василия Федоровича Тимковского (1813) // *Русский Архив.* 1871. № 12. С. 2118–2120; *Шугуров И.* Илья Федорович Тимковский – педагог прошлого времени // *Киевская старина.* Т. 34. Авг. 1891. С. 216–136; О В. Ф. Тимковском. С. 215. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXIII. СПб., 1901. С. 183.
- ³ Об И. И. Срезневском существует большая литература. Его связи с лужицкими сербами оцениваются в кн.: *Лантева Л. П.* Русско-серболужицкие научные и культурные связи... в разделе «И. И. Срезневский и лужицкие сербы» – С. 33–78 и др. См. также: *Лантева Л. П.* Российская сорабистика XIX–XX веков в очерках жизни и творчества ее представителей. М., 1997. – Измил Иванович Срезневский (1812–1880). С. 7–14.
- ⁴ *Срезневский И.* Исторический очерк серболужицкой литературы // *ЖМНП.* Ч. XLII. 1844. № 7. С. 22–60.
- ⁵ См. об этом: *Лантева Л. П.* Профессор Московского университета О. М. Бодянский и его связи с лужицкими сербами // *Вестник Московского университета.* Сер. 8. История. 1983. № 6. С. 30–39. Расширенный вариант этой статьи см.: *Lëtõpis.* В. 37. 1990. S. 1–15.
- ⁶ См. о нем: *Лантева Л. П.* Российская сорабистика XIX–XX веков в очерках жизни и творчества ее представителей. М., 1997. С. 28–30.
- ⁷ См. *Лантева Л. П.* Русский славист XIX века П. П. Дубровский и лужицкие сербы // *Lëtõpis.* 1993, № 40. S. 45–53.
- ⁸ *Лантева Л. П.* Иван Сергеевич Аксаков и лужицкие сербы (по архивным материалам) // *Аксаковские чтения. Материалы научных конференций 1985 и 1987 годов.* Вып. 2. 1989. С. 16–18; *Лантева Л. П.* Русско-серболужицкие научные и культурные связи... М., 2000. С. 178–201 и др.
- ⁹ См. *Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь.* М., 1979; *Лантева Л. П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 256–258; *Изучение А. Ф. Гильфердингом лужицких сербов освещено в кн.: Лантева Л. П.* Русско-серболужицкие научные и культурные связи... М., 2000. С. 132–151 и др., а также в работе: *Лантева Л. П.* Российская сорабистика XIX–XX веков в очерках жизни и творчества ее представителей. М., 1997. С. 30–35.
- ¹⁰ *Гильфердинг А. Ф.* О родстве языка славянского с санскритским // *Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности.* Т. 2. СПб., 1853.
- ¹¹ *Гильфердинг А. Ф.* Об отношении языка славянского к языкам родственным. М., 1853.
- ¹² Письмо А. Ф. Гильфердинга – И. И. Срезневскому из Сараева 3 (15) сентября 1855 г. // ПФАРАН Ф. 16. Оп. 5. № 180. Опубликовано: *Документы по истории славяноведения в России (1850–1912).* М.–Л., 1948. С. 5.
- ¹³ Письмо А. Ф. Гильфердинга – Ярославу Вртятко из Франценсбадена 12 (24) сентября 1855 г. // *LAPNP. Pozústalost J. Vrt'átko.* Sig. 129/30.
- ¹⁴ *Гильфердинг А.* Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии (Письмо А. И. Кошелеву) // *Русская беседа.* 1856. Кн. 1.
- ¹⁵ *Гильфердинг А.* История балтийских славян. М., 1855. С. 5.
- ¹⁶ *Гильфердинг А.* История балтийских славян. Ч. 2. – Борьба славян с немцами на Балтийском море в Средние века // А. Гильфердинг. *Собрание сочинений.* Т. 4. 1874. С. 306.
- ¹⁷ Письмо А. Гильфердинга В. Ганке 7 марта 1856 г. // *Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель.* Издал В. Францев. Варшава, 1905. С. 211.
- ¹⁸ *Гильфердинг А.* Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии. С. 20.
- ¹⁹ Там же. С. 19–20.
- ²⁰ Там же. С. 41.
- ²¹ *Гильфердинг А.* Народное возрождение... С. 46.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 37.
- ²⁴ Там же. С. 42.
- ²⁵ В этом можно убедиться, например, по содержанию работ: *Францев В. А.* Матница Сербская в Будышине. СПб., 1897; *Петухов Е. В.* Лужицкие сербы. Из путевых заметок летом 1897. Юрьев, 1898.
- ²⁶ См. об этом: *Solta J., Zwahr H.* Stawizny Serbow. Zw. 2 – ot 1789 do 1917. Budyšin, 1975. S. 99–114.

²⁷ Русская беседа. 1856. IV. Смесь. С. 127–128.

²⁸ Там же.

²⁹ Мировоззрение, научные и политические взгляды Я. А. Смолера освещены в кн.: Лантева Л. П. Русско-серболужицкие научные и культурные связи (М., 2000) в разделе «Ян Арношт Смолер и его связи с Россией». С. 178–201.

³⁰ Под титулом: *Hilferding A. Th. Geschichte der Serben und Bulgaren*. Bautzen, 1856.

³¹ Кроме упомянутых, как указано Я. Цыжом (Lëtõpis A. 17/1, 1970. S. 80) к ним относятся: «Geschichte der baltischen Slaven» (1857), «Die Sprachlichen Denkmäler der Drevjaner und Glinjaner Elb-slaven im Lüneburger Wendlande» (1857), «Reise durch Bosnien und Herzegowina» (1857).

³² Письмо Я. А. Смолера – В. И. Ламанскому из Будишина 16 (28) апреля 1872 г. // Lëtõpis A. 16/1. 1969. S. 72.

III. Актуальные проблемы славянского мира

И. В. Чуркина

Влияние религии на формирование южнославянских наций

Места обитания южных славян находятся на важных торговых путях. Через их земли проходят дороги из Европы в Малую Азию, из Средней Европы – к Адриатике. Немудрено, что эти места привлекали к себе внимание завоевателей. Они шли с запада на восток, как крестоносцы, и с востока на запад, как турки-османы, и с севера на юг, как многочисленные германские и славянские племена. За многие века здесь произошла смена многих рас и народов, которые, ассимилируя старых поселенцев, воспринимали элементы их культуры и языка. Славяне впитали в себя то, что создавалось тысячелетиями, но одновременно и многое разрушили из того, чего достигли их предшественники.

У славян, поселившихся в этих благословенных и опасных краях, была сложная история, которая наложила свой отпечаток на их менталитет, на их культуру. Одним из исторических феноменов здесь стал факт разделения массы одноязычного и близкородственного населения на этносы, а затем и нации по религиозному признаку.

Прежде, чем приступить к изложению интересующей нас темы, я полагаю необходимым определить, совокупность каких общих признаков характеризует нацию или этническую общность. В разное время этот вопрос решался по-разному. Для французских просветителей понятия нации и государства были идентичными. Эта точка зрения бытует и в настоящее время. Так, немецкий социолог К. Дейч считает, что «нация – это народ, обладающий государственностью»¹.

На востоке Европы, где сложились обширные многонациональные империи (Габсбургская, Османская, Российская), немецкие, а за ними и славянские просветители конца XVIII–XIX вв. полагали, что основным признаком нации является язык. Нация рассматривалась ими в качестве культурно-языкового сообщества, независимого от политической организации.

Во второй половине XIX в. в клерикальных кругах распространилось мнение, что главным признаком нации является ее вероисповедание. Социал-демократы, а затем и коммунисты стали связывать нацию, прежде всего, с социально-экономическими моментами. Наибольшую популярность приобрело определение нации, данное И. В. Сталиным. «Нация, – писал он, – есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры». По мнению Сталина, народ может называться нацией только при наличии всех этих признаков².

Исследователи, говоря о нации как о современной форме этничности, выделяют ряд ее признаков. Российский этнограф Н. Г. Скворцов указывает, что «этническая идентичность базируется прежде всего на осознании общности происхождения, традиций, ценностей, верований; ощущении исторической и межпоколенной преемственности». Вместе с тем он подчеркивает, что субъективный механизм этнической идентификации поддерживается объективными факторами: территорией, языком, религией, эстетическими канонами, хозяйственными связями и пр.³

Как можно видеть, современные ученые представляют широкий спектр свойств нации. Остается определить, какое же из них является главным. На первый взгляд, наиболее универсальное свойство нации – ее язык. Однако существуют этносы, говорящие на одном языке, но не считающие себя единой нацией: американцы и англичане, австрийцы и немцы, испанцы и ряд народов Южной Америки. И наоборот – есть народы, потерявшие свой язык, но считающие себя единой нацией, например, ирландцы. Религия тоже не может быть определяющим признаком. Нередко члены одной и той же нации принадлежат к разным конфессиям: среди немцев имеются протестанты и католики, среди армян – грегорианцы и католики и т. д. Государственность много значит для формирования и консолидации нации, но существует много наций, которые не имели и не имеют своей государственной организации.

При всей важности перечисленных признаков нации самым существенным для нее все же является национальное самосознание. Именно оно превращает аморфную этническую массу в этническую общность, связанную незримыми цепями общих верований, симпатий и антипатий. И если нация может существовать без государственности, без общей религии, даже утратив свой язык, то без национального самосознания ее существование невозможно.

Современные российские этнографы (В. И. Козлов, Г. В. Шленов, Ю. В. Бромлей) также выдвигают этническое самосознание на первое место среди признаков нации. Этой же точки зрения придерживаются и историки, в частности авторы трех обобщающих трудов по развитию этнического самосознания славянских народов с раннего средневековья по XV век включительно, изданных под редакцией Г. Г. Литаврина. Во введении к первому

из них «Развитие этнического самосознания в эпоху раннего средневековья» подчеркивается: «Среди всех прочих необходимых качеств и свойств народности именно ее этническое самосознание является доминирующей чертой, определяющей отличие данной народности от другой и от всякой иной человеческой общности»⁴.

Национальное (или этническое) самосознание – это комплекс устойчивых представлений всех членов общности и каждого в отдельности как определенного этносоциального организма. В него входят помимо представлений о формах социальной, политической и духовной жизни данного этноса вопросы принадлежности к тому или иному государству (подданство) и вопросы вероисповедания⁵.

Самосознание субъективно. На его формирование влияют многие факторы как материальные, так и духовные. Оно не всегда было таким, как в настоящее время. В средние века самосознание европейских народов носило, прежде всего, религиозный характер. На первом плане в нем стояло вероисповедание. Человек определял себя как христианина-католика, христианина-православного, иудея, мусульманина, а потом уже указывал на свою принадлежность к государству, к местности, где он проживал или родился. Это самосознание частично разрушила Реформация, которая ослабила связующие силы католицизма и положила начало формированию современных европейских наций. Еще один удар по религиозному восприятию мира нанесло Просвещение, охватившее в XVIII в. все европейские страны. Впрочем, преувеличивать результаты Реформации и особенно Просвещения в деле изменения менталитета народных масс не следует. Если идеи Реформации проникли в достаточно широкие слои населения, то плоды Просвещения были доступны сравнительно узкому кругу европейской интеллигенции. Народы оставались в значительной степени при своем старом восприятии мира, в котором религия занимала очень важные позиции.

Значение вероисповедания в менталитете народных масс подчеркивает российский ученый Д. В. Пивоваров. Он указывает, что религия компенсирует недостатки рациональной науки, дает свое понимание смысла и назначения Вселенной, жизни, общества, класса, человека, разума. Путем мифологизации она делает доступными эти понятия широким народным массам⁶. Религия захватывает самые широкие пласты ментальности этнической общности, ибо она делает многие моменты бытия понятными и близкими как для интеллектуала, так и для простого человека.

Конфессии и конфессиональные институты пронизывали практически весь быт, всю культурную жизнь народов, особенно таких отсталых, какими являлись южнославянские народы к началу формирования наций. Их отставание объяснялось тем, что все они находились под властью иноземных правителей, утерев свою государственность несколько столетий назад.

Это стало причиной формирования южнославянских этнических обществ как наций с неполной социальной структурой, у которых отсутствовал национальный господствующий класс, как правило, дававший интеллектуальную светскую элиту. Исключение представляли лишь хорваты, сохранившие свое дворянство. Остальные южнославянские народы являлись по преимуществу крестьянскими, их образованные слои были выходцами из этой среды и принадлежали обычно к среднему и низшему духовенству. Именно духовная интеллигенция формировала в значительной степени самосознание южных славян. Поэтому на него религия оказывала более значительное влияние, чем на самосознание народов, имевших свой господствующий класс и свою светскую образованную элиту.

В центре внимания автора находится период формирования и утверждения южнославянских наций, который невозможно понять без изучения предшествующего периода, периода развития феодальной народности. Ведь именно тогда закладывались основы того влияния конфессий, которое сыграло свою роль в формировании южнославянских наций. Неслучайно исследователи подчеркивают, что «окончательное оформление этнического самосознания славянских народов связывается с принятием и утверждением христианства»⁷. Роль христианства, различных его течений в становлении и развитии этнического, а затем и национального самосознания южных славян является одной из важных тем предлагаемой статьи. Это не значит, что игнорируется ислам, но все же по сравнению с христианством он занимал второстепенные позиции, ибо его приняла сравнительно небольшая часть южных славян.

Борьба за территорию, на которой поселились южные славяне, не ослабевала на протяжении всего средневековья. Почти сразу после прибытия славян на новое место своего обитания она развернулась между Византией, с одной стороны, и Франкской (затем Священно-Римской) империей в союзе с Римом, с другой. В сферу их противостояния как раз и входили южнославянские племена. Это противостояние ознаменовалось не только военными столкновениями и непосредственными завоеваниями, но и мощной идеологической борьбой. Христианство стало важным идеологическим орудием. Принятие его языческими славянскими племенами из рук Рима или Константинополя определило их вхождение в сферу влияния того или иного центра.

Самые западные южнославянские племена, предки современных словенцев, известные под именем «карantanцы» (хорутане, согласно киевскому летописцу Нестору), уже в середине VIII в. попали под власть баварского герцога. Завоевание сопровождалось их ускоренной христианизацией, которую проводили немецкие проповедники, действовавшие не столько в интересах папы, сколько светских немецких государей. Это совершенно справедливо отмечает словенский историк Ф. Долинар. Он подчеркивает, что против Мефодия и его учеников выступали не папы, сочувствовавшие их

деятельности, а немецкие прелаты, поддерживавшие территориальные устремления немецких феодалов⁸. Таким образом, христианизация карантанцев укрепила власть над ними немецких государей, препятствовала объединению их сил для отпора завоевателям. После завоевания словенская народность стала формироваться как общество с неполной социальной структурой. Крестьянство в нем было словенским, а феодалы – немцами или итальянцами по этнической принадлежности. Немецкие проповедники проводили богослужение на латыни, что было обычным для западной церкви, поэтому принятие христианства словенцами не привело к созданию словенской письменности и словенской литературы.

Сходным было положение и хорватских племен, ближайших соседей карантанцев на востоке. На их территории борьба между Римом и Константинополем была более острой, но верх в конце концов взял Рим. Хорваты потеряли свою независимость спустя триста пятьдесят лет после словенцев, в 1102 г. У них в течение многих десятилетий существовало собственное государство и, следовательно, имелся сплоченный господствующий класс. Он смог обеспечить себе определенные права у завоевателей венгров. Однако деятельность Византии по распространению христианства в хорватских землях оставила свой осязаемый след: на протяжении всего средневековья и нового времени в центральной и северной Далмации сохранялось славянское богослужение, имели хождение религиозные книги, написанные славянской азбукой глаголицей. Она появилась там, очевидно, в конце IX в. вместе с учениками Кирилла и Мефодия, изгнанными из Великой Моравии. Начиная с 925 г., глаголическое богослужение неоднократно запрещалась Римской церковью, но это не мешало ему продолжать существовать и даже в некоторые периоды переживать определенный подъем.

Принятие христианства имело положительное значение для словенцев и хорватов, несмотря на все издержки, т. к. оно означало для них переход на новую ступень общественного развития – от первобытных племенных отношений к цивилизации. Включение этих народов в сферу западноевропейской культуры способствовало их приобщению к ней. Культурное общение между образованными людьми народов, входивших в ареал действия Римской церкви, облегчалось тем, что языком богослужения и культуры у всех них являлся латинский язык.

В течение многих столетий словенцы и хорваты находились под властью католических государств (Венгрии, Габсбургской империи) и, следовательно, не терпели никакого религиозного притеснения. Хорваты как этническая общность имели преимущество перед словенцами, поскольку у них сохранился свой господствующий класс, обладавший хорватским этническим самосознанием. Часть его представителей поддерживала глаголическую церковь, входившую в сферу подчинения Римской церкви, но не раз

испытывавшую гонения с ее стороны. Во второй половине XV–XVI вв. глаголическая церковь переживала определенный расцвет. Связан он был с новыми веяниями в Европе – с Ренессансом в средиземноморских землях и с Реформацией в Средней Европе. Хорваты тоже оказались втянутыми в этот процесс. Реформация не оказала на них сколько-нибудь заметного влияния, но она способствовала росту интереса хорватских образованных людей к глаголице. В это время на средства крупнейших хорватских феодалов Зринских и Франкопанов издаются переводы на глаголицу Библии и ряда других религиозных книг. Интерес к глаголической церкви и письменности части хорватских феодалов и духовных лиц указывал, на мой взгляд, на их стремление превратить ее в национальную хорватскую церковь. С 60-х гг. XVI в. протестантизм в хорватских землях начал подвергаться гонениям со стороны властей. Это привело к наступлению Рима на глаголическую церковь. До конца своего существования (начало XX в.) она уже никогда не испытала того подъема, который пережила в XV–XVI вв. В конце XIX в. дьяковский епископ Й. Ю. Штросмайер попытался возродить глаголическую традицию. Под его влиянием папа Лев XIII узаконил ее. В 1905 г. в Риме в последний раз был издан текст глаголической хорватской мессы.

Словенцы после потери ими самостоятельности являлись крестьянским народом, который не имел своего господствующего класса, а, следовательно, и своей образованной элиты. Вплоть до Реформации у них не было своего письменного языка. Протестантизм проник в словенские земли в 30-е гг.

XVI в. он распространился прежде всего среди городского населения, уже в значительной степени словенизированного, и среди дворян. В городах протестантские проповедники столкнулись с тем, что многие горожане не понимают немецкий язык. Перед ними встала проблема создания словенского письменного языка и перевод на него религиозной литературы. За это дело взялась группа протестантских священников-словенцев во главе с Приможем Трубаром. Их подвигало к этому не только религиозное рвение, но и любовь к землякам. Трубар подчеркивал, обращаясь к соотечественникам, что писать по-словенски его побудила «та великая любовь и приязнь, которую я испытываю ко всем вам». Трубар, как и другие словенские протестантские писатели, еще неясно осознавал свою этническую принадлежность. Он подписывался и как «патриот иллирский», и как «друг словенцев»⁹. В 1550 г. Трубар издал две первые книги на словенском языке «Абедцдарий» и «Катехизис». Многие сделали для развития словенской книжности сподвижники Трубара: Ю. Далматин перевел на словенский язык Библию, А. Богорич опубликовал первую грамматику словенского языка. Грамматика была написана на латинском языке и предназначалась для образованной, прежде всего дворянской молодежи. В предисловии к ней Богорич, объясняя происхождение своего народа, указывал на принадлежность словенцев к обширному и славному племени славян.

Протестанты пытались создать и словенскую протестантскую церковь. Это им удалось сделать в провинции Крайна, где в подавляющем большинстве население было словенским. Там несколько десятилетий имелось две протестантские церкви – словенская и немецкая, каждая со своим суперинтендантом. В 1564 г. вышел в свет «Словенский церковный устав», написанный Трубаром. В нем говорилось, что все обряды и богослужение в церкви должны проводиться на словенском языке. Трубар предлагал основывать словенские школы в сельских приходах, где детей обучали бы читать и писать по-словенски. В городских школах предусматривалось использование словенского языка в качестве вспомогательного только в первых классах, а в старших языком обучения должен был стать немецкий или латинский языки. Эпоха Реформации стала важным этапом на пути превращения словенского этноса в современную нацию.

Контрреформация нанесла серьезный удар словенскому национальному развитию: была ликвидирована в зародыше словенская национальная церковь, на несколько десятилетий было приостановлено развитие словенской письменности – первая словенская книга после победы контрреформации вышла в 1672 г. Создание словенской письменности сыграло большую роль в формировании единого для всех словенцев этнического самосознания, ибо словенские книги одинаково воспринимались как собственные словенцами, жившими в разных провинциях: Крайне, Штирии, Каринтии, Горице.

У хорватов не было такого обрыва культурной традиции, как у словенцев. Для этого имелось несколько причин. Во-первых, хорватская этническая элита сохранила свои политические и культурные амбиции. Во-вторых, Далмацию, находившуюся под властью Венеции, контрреформация не затронула. В Далмации и Дубровнике в XV–XVII вв. наблюдается расцвет художественной хорватской литературы, особенно поэзии. Вплоть до настоящего времени хорваты гордятся такими именами, как поэт Иван Гундулич, драматург Марин Држич. В произведениях далматинцев и дубровчан воспевались героические подвиги хорватов в боях с турками. Однако особый интерес представляет развитие политической мысли в хорватских землях. Уже в 1532 г. В. Прибоевич с острова Хвар написал сочинение «О происхождении и истории славян», в котором утверждал, что славяне – единый народ, название которого происходит от слова «слава». В начале XVII в. вышел в свет труд дубровчанина Мавро Орбини «Славянское царство». Он не отличался критичностью и был написан на итальянском языке. В нем Орбини, как и Прибоевич, провозглашал всех славян единым народом.

Эти книги оказали большое влияние на одного из наиболее известных представителей хорватской политической мысли в XVII в. Юрия Крижанича. Он почти двадцать лет провел в России, где написал свой главный труд «Политика». Крижанич считал славян единым народом, который должен иметь

единый язык, единого государя и единую веру. Государем всех славян, по его мнению, мог быть только московский царь, который предварительно должен провести ряд реформ, способствовавших обогащению и просвещению его подданных. Оставаясь верным католиком, Крижанич с терпимостью относился к русскому православию¹⁰. Он первым поднял вопрос о необходимости объединения католической и православной церквей с точки зрения этнической консолидации всех славянских народов. Следует отметить, что если в трудах писателей из Хорватии употреблялся этноним «хорваты», то далматинцы и славонцы называли свой народ «словинским» или «иллирским».

В отличие от словенцев и хорватов болгары, сербы и босняки попали в сферу влияния Византии, которая в средние века, несомненно, являлась наиболее развитой в политическом и культурном отношении страной. Они приняли христианство от Константинополя, когда имели довольно сильные государства. Болгарские и сербские правители создали в своих владениях национальные церкви (болгары – в 927 г., сербы – в 1219 г.), которые поддерживали своих правителей, являясь опорой национальной государственности. Сербы и болгары получили христианство из рук учеников и последователей Кирилла и Мефодия. Поэтому одновременно с христианством к ним пришли славянская письменность и книги на родном языке, что дало возможность их национальной культуре подняться на новый уровень.

В более сложном положении оказалась Босния, на территории которой активно действовали и Рим, и Константинополь. Босния приняла христианство от Византии, но в XII в. попала в вассальную зависимость от католической Венгрии, которая стремилась укрепить там свое влияние с помощью католичества. Однако с конца XII в. в Боснии значительное количество сторонников приобрело богомилство (или патаренство), которое считалось ересью и православными и католиками. Боснийская знать приняла его, желая обезопасить себя как от католической Венгрии, так и от православной Сербии. Боснийская церковь стала для них важным средством укрепления боснийской государственности. Крестьянство же большей частью оставалось православным, а некоторая его часть – католическим.

Вторжение на Балканы османов в конце XIV в. привело к уничтожению южнославянских государств, к усложнению конфессиональной ситуации. В завоеванных землях мусульманская религия стала привилегированной, принадлежность к ней обеспечивала значительные преимущества. Часть славянского населения приняла ислам добровольно или по принуждению. Прежде всего, перешла в мусульманство боснийская знать. Богомилская церковь не смогла создать церковной системы, своих прочных структур, которые могли бы противостоять напору со стороны других вероисповеданий. Тем более, что в 1459–1460 гг. по указанию короля Боснии Томаша Котроманича она была запрещена. Часть богомилов (12 тыс.) приняла католичество, часть (40 тыс.)

бежала в Герцеговину к Стефану Вукчичу, некоторые стали православными. Все это создавало в стране неопределенную конфессиональную обстановку, что способствовало быстрой исламизации населения¹¹.

Некоторые сербы и болгары приняли мусульманство в добровольном порядке. Но большинство христиан исламизировалось насильно. Особенно это относится к болгарам, проживавшим ближе всех к столице Османской империи Константинополю (Стамбулу). Первая массовая исламизация 1515 г. затронула северную Фракию, Силистренский округ. Она была проведена султаном Селимом I с помощью турецкого войска. В результате 72% жителей Силистренского округа перешли в мусульманство. В XVI–XVII вв. была исламизирована значительная часть Восточных Родоп¹².

Османское государство дольше, чем любое другое, различало свое население не по этническому, а по религиозному признаку. Неисламские церкви (христианские, иудейские и др.) обладали некоторой автономией, пользовались определенными правами в отношении своих прихожан, в частности в делах семейно-бытовых – брачных, наследственных. Церковные власти могли присудить ответчиков не только к церковному наказанию, но и к светскому (аресту, каторге и др.). Правда, исполнение приговора светского характера должно было санкционироваться органами государственной власти. Это давало церкви возможность организовывать по собственным правилам жизнь своей паствы. Законы шариата на немусульманских подданных Османской империи не распространялись. В этих условиях для южных славян важнейшей чертой, определявшей принадлежность к этнической общности, являлось вероисповедание индивидуума, вхождение его в ту или иную религиозную общину. Сербы и болгары могли оставаться таковыми только в случае их верности православной церкви. Переход из одной веры в другую был довольно частым на Балканах. Так, в XVI–XVII вв. многие католики требиньской епархии (Босния) перешли в православие. В Сербии в районах, где жило албанское население, сербы принимали ислам и становились албанцами, а в Черногории албанцы, ставшие православными, славянизировались. В Македонии бывали случаи, когда в одной семье сыновья считали себя кто православным сербом, кто хорватом-католиком, кто мусульманином¹³.

В условиях иноконфессионального гнета, потери сербами и болгарам государственности православная церковь стала хранителем их этничности, их культуры и даже взяла на себя некоторые государственные функции. Но между положением православной церкви в болгарских и сербских землях существовали значительные различия.

Сербы сумели воссоздать свою церковь. В XV–XVI вв. она находилась в составе Охридской архиепископии, но при этом сохраняла некоторую самостоятельность. А в 1557 г. была восстановлена Печская патриархия, которой стали подчиняться почти все сербские земли. Заслуга в этом принадлежала

великому визирию Мехмету Соколовичу, сербу по происхождению. Первым печским патриархом стал его брат Макарий. Печские патриархи обладали большой властью над сербами. В некоторых церковных документах даже утверждалось, что в руках печского патриарха находится «престол всей сербской земли»¹⁴. Все печские патриархи стремились к освобождению сербских земель от турецкого ига. В 1598 г. патриарх Йован обратился с письмом к Римскому папе Клименту VIII, прося оказать сербам помощь в избавлении от турецкой власти, но ответа не получил. С начала XVII в. начались поездки православных иерархов в Россию, что воспринималось турками резко отрицательно. В 1654 г. в Россию отправился патриарх Гавриил, который по возвращении на родину был казнен как изменник¹⁵.

В 1683–1699 гг. Священная лига европейских государств во главе с Австрией вела войну с Османской империей. Первоначально ей удалось захватить все сербские земли, том числе и Печ. Печский патриарх Арсений III Черноевич призвал сербов сражаться на стороне Священной лиги. Но удача оставила последнюю. В конце 1689 г. южносербские земли были снова заняты турками, жестоко отомстившими местному населению. Особенно пострадали сербские территории Косово и Метохия. «Все эти земли опустели, – писал летописец, – церкви божии сожжены, монастыри ограблены и разорены совершенно, люди перебиты, женщины и юноши взяты в плен»¹⁶. Осенью 1690 г. турки захватили северную Сербия, в том числе Смедерево, Белград, Видин. Вслед за австрийскими войсками по призыву Арсения III на левый берег Дуная, на территорию нынешней Воеводины, переселилось 60–70 тыс. сербов. В 1737–1739 гг. Австрия снова предприняла войну против османов. И снова печский патриарх Арсений IV Шакабент призвал сербов помогать австрийцам. Но и на этот раз австрийцы проиграли. В 1739 г. произошло второе великое переселение сербов во главе с патриархом в Воеводину. Все это говорит о большом авторитете патриарха у сербов. В одном из австрийских известий от 1699 г. писалось: «Этот народ схизматиков имеет своим главой как некоего короля патриарха... и за ним они следуют во всем, как пчелы за своей маткой»¹⁷. В результате южные сербские земли опустели, зато территория на левом берегу Дуная была заселена сербами.

Значительная часть сербов, поселившихся в пограничных с Турцией районах, стала защитниками Австрии, граничарами, получив за это земельные наделы. Православную церковь, возглавившую переселение сербов, австрийские государи также отблагодарили. В 1690 г. император Леопольд I издал «Привилегии», согласно которым сербам на новых землях давалась церковная автономия, представлявшая им известное самоуправление. Они решали свои дела на церковных соборах, в которых принимали участие помимо православных иерархов представители горожан и граничарских офицеров. На соборах избирался глава православной церкви – митрополит, об-

суждались церковные и школьные дела. Вплоть до 70-х гг. XVIII в. митрополит обладал некоторыми судебными полномочиями относительно гражданских дел: имел право утверждать статуты сербских ремесленных цехов и даже назначать на должность офицеров. В начале XVIII в. возник церковный центр сербов в Австрии – Сремски Карловцы, местопребывание карловацкого митрополита, главы всех православных Габсбургской монархии.

К концу XVIII в. в связи с распространением в австрийских землях идей Просвещения авторитет митрополита несколько упал. Виднейший сербский просветитель Досифей Обрадович выступил против засилья православной церкви в культурной жизни сербов. Он был убежден, что определяющим признаком народа является язык, «поскольку религия и вера могут измениться, а род и язык – никогда»¹⁸. Но так думала только незначительная прослойка образованных сербов, основная же их масса свято верила своей православной церкви и ее главе – митрополиту, отделяя себя от католиков и мусульман, говоривших с ними на одном языке. Карловацкая митрополия стала иметь особо большое значение как для австрийских, так и для турецких сербов после ликвидации султаном в 1766 г. Печской патриархии.

Таким образом, к концу XVIII в. у сербов существовала национальная церковь, которая защищала их политические интересы, хранила и развивала их национальную культуру, сберегала их государственные традиции и которой доверял сербский народ. Во многом благодаря консолидирующей роли сербской православной церкви сербы пронесли сквозь столетия османского ига свой этноним «сербы», который в подавляющем большинстве случаев идентифицировался ими с понятием «православный».

В начале XIX в. в результате двух восстаний сербов в Белградском пашалыке (1804–1813, 1815 гг.) было образовано княжество Сербия, которое при дипломатической и военной поддержке России получило автономию в пределах Османской империи. Постепенно оно укрепляло свою государственность, отвоёвывая для себя все больше прав. Представители сербской государственной власти создали новую внешнеполитическую программу Сербии «Начертание», предусматривавшую объединение вокруг княжества всех сербских земель. С усилением государственной власти в Сербии падало значение православной церкви, которая превращалась в часть государственной машины. Это вызвало недовольство православных иерархов. Но вместе с тем государственная власть защищала сербскую церковь от попыток Константинопольского патриарха поставить на митрополичий престол в Белграде грека. При содействии сербского князя Милоша Обреновича православная церковь Сербии обрела автокефалию¹⁹.

Свою церковную организацию имела и Черногория. Горная часть бывшей сербской области Зеты попала в вассальную зависимость от турок в середине XV в. Но благодаря суровым условиям обитания на этой террито-

рии, которую стали именовать Черногорией, установить там сколько-нибудь прочную власть османы так и не сумели. Черногория только уплачивала нерегулярно дань султану, создать же в ней турецкую администрацию, внедрить турецкую феодальную систему не удалось. Отрезанные от всего мира османскими владениями, находившиеся в постоянном состоянии войны с турками, черногорцы в экономическом отношении сильно отставали от соседей. Все это способствовало консервации и даже возрождению в Черногории патриархальных отношений. Ее население делилось на племена, которые состояли из братств. Вожди племен – кнезы, старейшины, воеводы часто передавали свою власть по наследству. Все дела племени решались на племенных скупщинах, на которые могли придти мужчины, достигшие определенного возраста. Реже собирались и общие черногорские скупщины. После прекращения в первой половине XVI в. династии Черноевичей, владевших Черногорией несколько столетий, все большую роль в стране стали играть православные цетинские митрополиты. Цетинская митрополия входила в состав Печской патриархии, а после ее ликвидации стала практически самостоятельной. Ее митрополиты избирались на общих черногорских скупщинах и играли роль не только духовных руководителей черногорцев, но и высших судей в спорах между племенами, организаторов и предводителей военных походов против турок. Цетинские митрополиты считали себя хранителями государственной традиции средневековой Сербии²⁰.

Значение митрополитов особенно увеличилось после прихода к власти Данилы Шчипчевича (1697–1735), основателя династии Петровичей-Негошей. При нем был создан первый общечерногорский орган власти – суд из 12 племенных старейшин, который разрешал споры между племенами и братствами, следил за тем, чтобы пресекались попытки кровной мести. Митрополит возглавил борьбу против потурченцев (принявших ислам черногорцев), появившихся в Черногории: в начале XVIII в. большинство из них были истреблены или вынуждены были покинуть пределы страны. Таким жестоким путем укрепилось внутреннее единство черногорцев. После Данилы черногорские митрополиты стали избираться из семейства Петровичей-Негошей.

При Даниле были установлены постоянные связи с Россией. В 1710 г., начиная войну с Османской империей, царь Петр I послал в Черногорию двух эмиссаров, которые договорились с митрополитом о совместных русско-черногорских действиях против турок. Но в 1711 г. русская армия была разбита. Отряды черногорцев, несмотря на первоначальные успехи, не смогли противостоять османскому войску, которое в 1714 г. опустошило Черногорию. Даниле удалось бежать. В 1715 г. он прибыл в Петербург. Петр I дал ему грамоту, в которой выражал черногорцам благодарность за «храбрые и славные действия». Кроме того Данила получил деньги и медали для участников войны и пострадавших от турецких насилий (всего 10 тыс. руб. и 160

золотых медалей), а также значительные средства для восстановления церквей и монастырей, религиозные книги, церковную утварь²¹. Русским правительством для Черногории были установлены денежные субсидии, которые она получала достаточно регулярно. Взятие Россией под свое покровительство Черногории укрепило авторитет власти митрополита, который был государем страны до 1852 г., когда там было установлено правление светского лица – князя Данилы. После этого, как и в Сербии, черногорский митрополит утратил свои государственные функции, ограничившись сугубо религиозными делами. Черногория действовала как независимое государство уже с конца XVIII в.

Таким образом, в сербских землях и в Черногории в период турецкого владычества существовала национальная церковь, которая являлась важным консолидирующим фактором для сербского и черногорского народов, осуществляя для них не только духовно-культурные, но и организационные функции. Именно это позволило сербам и черногорцам при дипломатической и отчасти военной поддержке России освободиться самостоятельно от турецкого ига и создать свои собственные государства.

Национальной церкви, которая была у сербов и черногорцев, болгары не имели. Болгарские земли входили в состав Константинопольской, Охридской и Печской патриархий. После ликвидации двух последних в 1766 г. они стали частью Константинопольской патриархии.

Во главе церковной администрации Константинопольской патриархии стояли греки, они получали самые выгодные должности в болгарских церквях. Греки не заботились о болгарской культуре, но и не мешали ее развитию. Болгарские церкви и монастыри сохраняли древние болгарские письменные памятники, организовывали их переписку. Особое внимание переписчиков привлекали Синодик царя Борила, представлявший собою своеобразную историческую хронику Болгарии XIII–XIV вв., жития болгарских святых и пр. Церковная служба в болгарских землях велась на славянском языке. До середины XVIII в. болгары редко определяли свою этническую принадлежность, обычно называя себя просто христианами²².

Возрождение болгар началось с появления книги Паисия Хилендарского «История славяноболгарская» (1762). В ней автор призывал болгар не стыдиться своего народа, который может гордиться своим прошлым не в меньшей степени, чем греки и сербы. «Из всего славянского народа, – подчеркивал он, – самыми славными были болгары: первыми они нарекли царей, первыми имели патриарха, первыми крестились, освоили лучшую из всех земель»²³. Постепенно отношения между греками и болгарями стали обостряться. С распространением национальных идей среди болгар их неприязнь к грекам возрастала, поскольку именно в греческом засилье они видели главное препятствие болгарскому культурному развитию. Дело было не

только в росте болгарского национального самосознания, но и во всплеске греческого национализма, выразившегося в принятии государственной программы создания Великой Греции. Одним из проводников этой программы в жизнь стала Константинопольская патриархия.

Особенно напряженными отношения между греческим и болгарским духовенством стали с начала 40-х гг. XIX в. Поводом к этому послужило запрещение патриархом Григорием V употребления Библии на болгарском языке. Этот перевод, сделанный Неофитом Рыльским, вышел в 1840 г. в Смирне. Греческие священники по указанию патриарха стали уничтожать не только те экземпляры Библии, которые находились в продаже, но и те, которые уже были куплены²⁴. Перевод Библии имел большой успех у грамотных болгар, и репрессии против него вызвали возмущение болгарской общественности. Тогда по приказу греческой иерархии в болгарских церквях стали запрещать богослужение на славянском языке, были случаи и уничтожения старославянских книг и рукописей. В 1844 г. Неофит Бозвели и Илларион Макариопольский при поддержке болгарской колонии в Константинополе обратились с меморандумом к султану, в котором сформулировали требования болгар: разрешение совершать богослужение на болгарском языке, замена греческих священников болгарскими, разрешение беспрепятственно учреждать болгарские школы, издавать болгарские книги, газеты и т. д. К концу 40-х гг. болгары выдвинули требование создания болгарской церкви, независимой от Константинополя. Борьба за национальную церковь стала первой формой болгарского национального движения, объединившего широкие круги болгар.

Русское правительство в борьбе между болгарами и Константинополем сначала встало на сторону Константинопольской патриархии. Воспользовавшись этим, среди болгар стали активно действовать агенты католической пропаганды. Они были проводниками влияния на болгар не только Ватикана, но и Франции. Особую роль в этом сыграли орден лазаритов и польская эмиграция. Глава последней в Османской империи М. Чайковский даже составил проект требований болгар, предусматривавший создание болгарской церкви, самостоятельной по отношению к Константинополю, замену греческого духовенства болгарским и присоединение болгарской церкви к Риму при сохранении ею своего языка и обрядов. При этом пункт о присоединении к Риму оставался тайной для большинства болгарских национальных деятелей²⁵. В орбите французо-польского влияния находились такие видные болгарские национальные деятели как Неофит Бозвели, Драган Цанков и др.

К концу 60-х гг. XIX в. русское правительство осознало, что дальнейшая поддержка им Константинопольской патриархии может привести к потере его влияния среди болгар. Петербург стал открыто содействовать болгарским требованиям. Русский посланник в Константинополе граф Н. П. Иг-

натъев, близкий к славянофилам, настоял перед Портой на издании фирмана об учреждении болгарского экзархата, который и был обнародован в феврале 1870 г. Этот фирман устанавливал самостоятельную болгарскую церковь, главу которой – экзарха – избирали православные болгарские иерархи. Однако их выбор должен был утверждаться Константинопольским патриархом и султаном. Так был решен вопрос о национальной болгарской церкви. В сферу влияния Болгарского экзархата вошли все болгарские земли. Однако после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., с изменением политических реалий, роль экзархата как национальной болгарской церкви постепенно сошла на нет. Три государственных образования – автономное княжество Болгария, Восточная Румелия, имевшая известную автономию в Османской империи, и Эгейская Фракия и Македония, которые были обычными административными областями, – обладали разными политическими статусами. Попытки болгарского экзарха Иосифа I сделать экзархат связующим звеном между всеми болгарскими областями не увенчались успехом из-за политики турецких и болгарских властей, преследовавших разные цели, из-за пропаганды, проводимой в Македонии сербскими и греческими агентами, из-за разразившегося македонского национального движения.

Православные составляли большинство болгарского населения. Но на рубеже XVI–XVII вв. в Болгарии появились первые католические общины. Проповеди ватиканских миссионеров имели успех особенно в среде павликиан-богомилы, крупные поселения которых находились в северной Болгарии и Фракии еще со средневековья. Католики жили своей общиной, не смешиваясь с православными. Наряду с католиками продолжали существовать и общины павликиан. И тех, и других православные не считали болгарскими. Но во второй половине XIX в. различия между православными, католиками и павликианами начинают сглаживаться, последние постепенно включаются в формирующуюся болгарскую нацию.

Кроме павликиан и католиков среди болгар находилось значительное число мусульман или помаков. Прослойка помаков образовалась в начале XVI в., когда султан Селим I совершил несколько походов в Болгарию с целью исламизации местного населения. В городах исламизация быстро приводила к ассимиляции болгар-мусульман, которые вместе с религией перенимали турецкий язык и обычаи. Но в селах, особенно в отдаленных горных районах, болгары-мусульмане сохраняли свой язык и многие обычаи²⁶. Как правило, они имели по одной жене, праздновали христианские праздники, поминки справляли по христианским обычаям, мор и болезни изгоняли с помощью икон и креста. Помаки осуждались православными болгарскими; турки также не считали их истинными мусульманами. Но помаки пользовались теми же привилегиями, что и мусульмане, среди них имелись крупные землевладельцы-аги. В последней четверти XIX в. они не ощущали себя болгарскими. Во

время Апрельского восстания болгар в Болгарии в 1876 г. помаки встали на сторону турок и действовали против повстанцев с особой жестокостью.

Наиболее запутанной конфессиональная ситуация оказалась в Боснии и Герцеговине. Во время Косовской битвы босняки храбро сражались вместе с сербами против турок. И после нее они почти сто лет сопротивлялись османской экспансии и были покорены только в 1483 г. В 1592 г. окончательно оформился Боснийский элайет, куда кроме бывшего Боснийского королевства вошли Герцеговина, Бихач, Бихачская Крайна. Боснийский элайет являлся пограничной областью Османской империи и в связи с этим обладал сильной системой самообороны, которая давала ему возможность пользоваться значительным самоуправлением. Местные феодалы, принявшие ислам, практически были независимы от визиря, назначавшегося Стамбулом. Они имели высокий статус среди османской знати: за четыреста лет турецкого управления из их среды вышло 20 великих визирей²⁷.

Уже в первые десятилетия османского владычества значительная часть босняков перешла в ислам, прежде всего феодалов, приверженцев богемильской церкви. Принятие мусульманства означало для них сохранение привилегированного положения. Приняла мусульманство и часть крестьян. В Боснийском элайете оформились три религиозные общности: мусульманская, православная и католическая. Каждая из них имела определенное самоуправление, свои обычаи, развивалась самостоятельно, почти не соприкасаясь с соседями. В 50–70-е гг. XIX в. в Боснии и Герцеговине насчитывалось приблизительно 45% православных, 35% мусульман, 15–17% католиков²⁸. Изолированность религиозных общин привела к расхождению между ними в нравах, языке, менталитете.

Православные в Боснии и Герцеговине считали себя сербами. Православные приходы после образования Печской патриархии входили в ее состав. Центром развития сербской культуры стали два православных монастыря, где не только переписывались старинные памятники сербской письменности, но и создавались новые, в частности исторические хроники. Но после того, как православные приходы после ликвидации Печской патриархии перешли под власть Константинопольской патриархии, положение изменилось. Важнейшие должности в церковной иерархии отдавались грекам, которые в середине XIX в., как и в Болгарии, не только не способствовали развитию сербской культуры, но даже препятствовали ему. Во второй половине 60-х гг. в Боснии при финансовой поддержке России были открыты две семинарии, готовившие учителей и священников. Боснийский митрополит грек Дионисий оклеветал их руководителей В. Пелагича и С. Перовича перед турками, и они были брошены в тюрьму. Их судьбу разделили и другие сербские просветители²⁹.

Изолированность религиозных общин привела к тому, что национальные движения мусульман, православных и католиков, возникшие с началом

Возрождения, развивались параллельно, не смешиваясь друг с другом. Когда в начале XIX в. султан попробовал провести некоторые реформы в Османской империи, он натолкнулся на активное сопротивление боснийских феодалов, усмотревших в них ограничение своих прав. Крупные военные выступления боснийских феодалов против центральных властей происходили в 1821, 1826, 1831, 1837, 1843, 1846, 1849 гг. В них приняло участие значительное число мусульман из крестьян и горожан. Движение мусульман было сломлено в 1850 г., после похода в Боснию турецких войск под командованием Омер-паши. В результате этого похода 6 тыс. повстанцев было убито, а их имущество конфисковано³⁰. Несмотря на то, что движение боснийских феодалов носило консервативный характер, в нем имелись элементы и национально-освободительной борьбы: помимо отмены реформ они требовали от Порты расширения самоуправления, и, прежде всего, права самим избирать визиря Боснии.

В начале XIX в. под влиянием активизации антитурецкой борьбы населения Сербии и Черногории появились первые симптомы сербского национально-освободительного движения в Боснийском элайете. В 1803 г. архимандрит монастыря Пивы Арсений Гагович приехал в Петербург. Там он в соответствии с замыслами черногорского митрополита Петра I Негоша предложил создать на Балканах Славяно-сербское царство во главе с одним из русских великих князей³¹. В период Первого сербского восстания 1804–1813 гг. имели место волнения сербских крестьян в боснийских землях. Один из их руководителей Й. Яничич поддерживал контакты с сербскими повстанцами. В 50–70-х гг. усилилось сербское антиосманское движение, во главе которого стояли представители православного духовенства и первые образованные люди из светской среды. В начале 60-х гг. сербы сделали попытку избавиться от греческого митрополита в Мостаре: в 1860–1864 гг. его обязанности выполнял священник Иоанникий Памучина. Однако он не был утвержден Константинопольским патриархом. Большое влияние на сербов Боснии и Герцеговины оказывала политика соседних полунезависимых государств с сербским населением – Сербии и Черногории. Повстанческое движение в Герцеговине под руководством Луки Вукаловича, продолжавшееся с 1852 по 1865 гг., имело целью присоединить ее к Черногории³². С 40-х гг. в Боснии активно действовала Сербия. Сербский министр И. Гарашанин основал общество под названием Устав политической пропаганды, с целью освобождения и присоединения к Сербии территорий, населенных сербами. Эта организация действовала в Далмации, Военной Границе, в Боснии и Герцеговине, юго-западной Болгарии, Македонии. В Боснии и Герцеговине агентами Пропаганды были торговцы и священники, православные и католики. Активную роль среди них играли монахи-францисканцы.

В 30–40-е гг. XIX в. началось антиосманское движение и среди католиков. Его вдохновителями стали монахи-францисканцы из Хорватии, которые являлись единственными представителями интеллигенции среди боснийских католиков³³. Они не только помогали Пропаганде, но и распространяли среди христианского населения Боснии и Герцеговины идеи иллиризма. Возглавлял францисканцев Й. Ф. Юкич. Он и его соратники выступали за предоставление христианам политических прав и религиозной свободы. Юкич был убежден, что в Боснии проживает один народ – бошняки, который является составной частью народа иллиров. Францисканцы составляли меморандумы и адреса турецкому правительству, которые печатались в австрийских газетах, рассылались европейским правительствам. В меморандумах выставлялись требования обеспечения равноправного участия христиан и мусульман в управлении областью, свободы собраний, союзов, вероисповедания, свободы занятия ремеслом и торговлей вне зависимости от вероисповедания, запрета сгона крестьян с земельных участков и т. д.³⁴. Эти требования имели успех у католиков и православных. В 40–70-е гг. католики и православные нередко участвовали в одних и тех же движениях, что объяснялось тем, что их цели в борьбе против турецкого государства совпадали. В это время католики в Боснийском элайете еще не осознавали себя хорватами, в отличие от сербов, сохранявших свой этноним со средневековья.

Сербское восстание в Боснии и Герцеговине в 1875 г. положило начало Восточному кризису, окончившемуся русско-турецкой войной 1877–1878 гг. и Берлинским конгрессом, сыгравшими огромную роль в судьбе народов всего Балканского полуострова. На Балканах мировым сообществом были признаны три независимых государства, до сих пор формально находившихся под властью Османской империи: Сербия, Черногория, Румыния. Получило широкую автономию княжество Болгария, правда, не объединившее все болгарские земли: часть их осталась в пределах Турции. Босния же и Герцеговина отошли под протекторат Австрии, которая в 1908 г. официально присоединила их к себе.

.. Новый период в этническом развитии западной части южных славян – словенцев и хорватов – начался со второй половины XVIII в., эпохи Просвещения. Она ознаменовала собой переход к новой идеологии, новым экономическим отношениям. В это время в Европе резко упала роль католической церкви. Уменьшилось ее значение и в Габсбургской монархии, где императоры Мария-Терезия и Иосиф II проводили политику просвещенного абсолютизма. В Австрии был опубликован патент о веротерпимости, распущены многие монастыри, в среде духовенства стал распространяться янсенизм. Янсенисты признавали необходимость подчинения местного клира воле императора. Переняв некоторые черты протестантизма, они считали необходимым вернуть простые обряды древних христианских общин, отка-

завшись от пышных богослужений, церковных процессий, церковных братовщин и орденов. Из последних особую неприязнь янсенистов вызывал орден иезуитов. Янсенисты активно поддерживали реформы просвещенных монархов, и монархи к ним весьма благоволили.

Основной костяк словенских и хорватских просветителей составляли католические священники, ибо у словенцев они являлись единственными образованными людьми, а у хорватов представляли значительную часть образованной элиты. Поэтому идеи Просвещения у словенцев и хорватов отличались от европейских. Во-первых, они не были направлены против церкви; во-вторых, они имели национальную окраску. Просвещение у католических славян вылилось в форму национального Возрождения. Первой задачей, которую поставили перед собой его деятели, стало создание литературного языка для словенцев и хорватов.

Начальным рубежом словенского Возрождения считается 1768 г. – дата выхода в свет «Краинской грамматики», написанной августинским монахом Марко Похлиным. Спустя двести лет после Трубара он призывал словенцев: «Не стыдитесь своего родного языка, дорогие соотечественники! Ведь он не так плох, как думают»³⁵. После грамматики Похлина в конце XVIII в. вышли в свет еще несколько словенских грамматик, но все они были грамматиками отдельных словенских наречий: краинского (Похлин), каринтийского (О. Гутсман) и т. д. Появились первые словенские стихи В.Водника, первая словенская газета «Лубланске новице», первая история княжества предков словенцев Карантании, которую написал А. Линхарт, словенские календари и поучительные книги для народа. Янсенист Б. Кумердей поднял вопрос о создании словенской школы. Труды словенских просветителей были заложены основы современной словенской культуры.

Отношение словенских просветителей к религии было различным. Часть из них оставалась верными католиками, часть – была безразлична к ней, часть – сочувствовала янсенистам. Последние укрепили свои позиции благодаря покровительству люблянского епископа К. Герберштейна, видного янсениста, одного из сподвижников Иосифа II.

Самым выдающимся из словенских просветителей, идеологом их янсенистского крыла являлся талантливый филолог, один из основателей научного славяноведения Ерней (Варфоломей) Копитар. В 1808 г. вышла в свет его грамматика словенского языка, которая заложила основы развития общесловенского литературного языка. Копитар действовал в период, когда на смену просвещенного абсолютизма пришла реакция, особенно усилившаяся после Венского конгресса и установления режима Меттерниха. Все это наложило свой отпечаток на национальные движения южнославянских народов Австрии. До 30-х гг. XIX в. в словенской культурной жизни господствовали янсенисты. Национально-культурная программа их идеолога

Е. Копитара сводилась к следующему. Литература и искусство играют большую роль в просвещении народа. Но поскольку словенский язык слабо обработан, словенцы прежде, чем развивать свою художественную литературу, должны очистить его от иноземных слов и выражений, заменив их словами и выражениями из старославянского и других славянских языков. До этого же словенские литераторы должны ограничиваться сбором и публикацией фольклора и изданием религиозно-поучительных книг для народа³⁶.

В конце XVIII – начале XIX вв. у хорватов не было единого литературного языка. Часть литераторов писала на кайковском наречии, на котором говорили жители территории с центром в Загребе. Среди кайковских писателей выделялся драматург Т. Брезовачки, высмеивавший в своих комедиях человеческие пороки и суеверия. Из писателей штокавского диалекта наибольшую популярность приобрел М. Релькович, призывавший соотечественников отказаться от вредных обычаев и через просвещение идти к благоденствию³⁷. Образованные хорваты (экономист Й. Шипуш, канонник А. Миханович) понимали, что хорватский язык может выдержать конкуренцию с немецким и венгерским в общественной и официальной сферах, если вместо двух письменных языков будет создан один. На хорватскую общественную жизнь не было такого сильного влияния духовенства, как на словенскую, поскольку у хорватов имелась прослойка светских образованных людей. Светскую образованную элиту представляло хорватское дворянство. В 90-е гг. XVIII в. оно решительно возражало против введения в Хорватии в качестве официального языка венгерского вместо латыни³⁸. Хорватское дворянство осознавало, что такой шаг приведет к облегчению мадьяризации хорватских земель.

К 30-м гг. XIX в. ни у хорватов, ни у словенцев еще не было единого этнонима. Словенцы, проживавшие в Каринтии и Штирии, называли себя словенцами или виндами, а те, кто жил в Крайне, краинцами. Но часть словенских национальных деятелей уже осознали, что словенцы, обитающие в разных провинциях и именующие себя по-разному, являются единым народом. У хорватов дело обстояло так же: жители провинции Хорватии называли себя хорватами, а жители Славонии и Далмации – словинами или иллирами. Такое разделение закреплялось и наличием у хорватов двух письменных языков.

С конца 20-х гг. XIX в. начался новый этап в национальном развитии хорватов и словенцев. Это было связано с общим подъемом национального и антиабсолютистского движений в Европе и на Балканах, с вливанием в ряды хорватского и словенского национальных движений нового поколения светских образованных людей, воспитанных на идеях Просвещения и Романтизма. Европейские ученые второй половины XVIII – начала XIX вв. были убеждены, что определяющим признаком нации или народа является язык. Поэтому

вопросу о создании литературного языка молодые патриоты уделяли главное внимание. Они сумели завершить то, что начали их предшественники, а именно: создать единые литературные хорватский и словенский языки.

Определяющее влияние на развитие национального движения южных славян Габсбургской монархии в 30–40-е гг. оказало иллирское движение, центром которого стали хорватские земли. В основе идеологии иллиризма лежали взгляды чешско-словацкого просветителя Яна Коллара, считавшего, что великий славянский народ делится на четыре ветви – русскую, польскую, чешкославянскую и иллирскую. Коллар полагал, что каждая из этих ветвей должна иметь свой литературный язык. В Хорватии идеи Коллара развил молодой поэт и публицист Людевит Гай, возглавивший в начале 30-х гг. кружок патриотов в Загребе. Гай и его соратники были убеждены, что все южные славяне являются единым народом, потомками древних иллирийцев. Гай причислял к нему словенцев, хорватов, славонцев, далматинцев, черногорцев, сербов, болгар. Сначала издания Гая «Новине хорватске» и «Даница хорватска, славонска и далматинска», начавшие выходить в 1835 г., печатались на кайкавском наречии, но в 1836 г. он перевел их на штокавское наречие, на котором говорила большая часть югославян. Штокавское наречие легло в основу сербского литературного языка, кодифицированного Вуком Караджичем. По мнению Гая, оно и должно стать литературным языком для всех иллиров. Он подчеркивал, что сербский язык – «наш литературный язык». Наивысшего успеха сторонникам иллиризма удалось добиться в марте 1850 г., когда сербские и хорватские ученые подписали договор о принятии хорватами языковой реформы Вука Караджича.

Идеи иллиризма нашли отклик в словенских землях, особенно в Штирии и Каринтии, провинциях, подвергавшихся наибольшей угрозе германизации. Но полностью принял концепцию хорватских иллиров только штириец Станко Враз. Отказавшись от своего родного языка, он стал писать на штокавском наречии и прославился как один из выдающихся хорватских поэтов. Большинство же словенских патриотов, сочувствуя идеям иллиризма, от своего языка не отказывались. Каринтийский священник Матия Маяр полагал, что в основу иллирского языка должно лечь наречие, на котором говорит население между Любляной и Риекой, т.е. переходное от словенского к хорватскому³⁹. Словенские иллиры внесли свой вклад в создание словенского литературного языка. Их усилиями был принят единый алфавит для словенцев – гаица, та самая, которую ввел у хорватов по чешскому образцу Л. Гай. До этого у словенцев имели хождение три алфавита.

Главную роль в словенском национальном движении играло направление, возглавлявшееся поэтом Ф. Прешерном и философом М. Чопом. Они многое сделали, чтобы поднять словенскую литературу (прежде всего поэзию) до европейского уровня, вырвать ее из нравоучительно-религиозных рамок, предначер-

танных ей янсенистами. Вместе с тем они полностью поддерживали Копитара в его стремлении сделать основой словенского литературного языка язык словенских крестьян. К середине XIX в. словенский литературный язык был создан.

Эпоха Просвещения привнесла много нового в культуру сербов, живших в Габсбургской монархии. Вплоть до второй половины XVIII в. сербы писали и издавали книги на трех вариантах языка: русскославянском, церковнославянском и сербском народном. К началу XIX в. все большее распространение стал получать сербский народный язык, чему в немалой степени способствовали сербские просветители, особенно Досифей Обрадович. Однако полную реформу сербского литературного языка произвел сербский филолог, этнограф и историк Вук Караджич. Участник Первого сербского восстания, он в 1813 г. перебрался в Вену. Там на него обратил внимание Е. Копитар. Последний подтолкнул Караджича к проведению реформы сербского языка. В 1818 г. Караджич издал «Сербский словарь» с краткой грамматикой сербского языка. В основу сербского литературного языка он положил народный говор Герцеговины (штокавский). Реформа Караджича полностью разрывала с традициями церковнославянского языка, и поэтому многие образованные сербы, особенно в княжестве Сербии, встретили ее отрицательно. Там она получила официальное признание только в 1868 г.

Сербские просветители по-разному относились к религии. Досифей Обрадович был сторонником свободы совести, резко критиковал православную церковь, считал, что религия не может влиять на национальное самосознание. Караджичу пришлось много общаться с простыми сербами, когда он собирал по селам фольклор. Поэтому его представление о влиянии религии на национальный менталитет было иным. «Для каждого народа, – указывал Караджич, – самыми святыми являются три вещи: вера, язык и обычаи, благодаря им народы между собою рождаются и один от другого отличаются. Если народ утратит эти три святыни, он утратит и свое имя»⁴⁰.

Во времена меттерниховского режима католическая церковь стала возвращать утерянные во второй половине XVIII в. позиции в Габсбургской монархии. Религиозный вопрос снова стал привлекать внимание словенских и хорватских национальных деятелей. В среде словенского и хорватского духовенства, сочувствовавшего идеям иллиризма, накануне революционных событий 1848–1849 гг. появилось течение либеральных католиков, последователей французского аббата Ф. Р. Ламенне. Последний выступал за отделение церкви от государства, за свободу совести, печати, за введение всеобщего голосования.

Самым ярким представителем либеральных католиков у южных славян был хорват Йосип Юрай Штросмайер, широко образованный прелат, ставший в 1849 г. епископом босанско-сремской епархии с центром в Дьяково. В 40-е гг. он примыкал к иллирам, в период революции 1848–1849 гг. выступал за преобразование Габсбургской монархии в федеративное государство,

в котором в качестве одной из автономных единиц существовало бы югославянское объединение в составе Триединого королевства, сербской Воеводины и Объединенной Словении. Во второй половине XIX в. Штросмайер стал ведущим хорватским политиком, возглавив Национально-либеральную партию, основанную на традициях иллиризма, получившего как политическое течение новое название – югославизм. В 60–80-е гг. он уже не был безусловно связан с Габсбургами. В 60-е гг. он вел тайные переговоры с сербским князем Михаилом о совместных действиях Триединого королевства и Сербии «с целью основания единого югославянского государства, независимого и от Австрии, и от Турции»⁴¹.

Штросмайер был горячим поборником объединения католической и православной церкви. Еще в 1842 г. он защитил диссертацию по богословию на эту тему. Уроженец, а затем в течение 56 лет епископ Дьяковской епархии (восточная Славония), где проживало смешанное сербско-хорватское население, Штросмайер хорошо знал, какую роль играла разность вероисповеданий в национальных конфликтах. В письмах к хорватскому филологу А. Т. Брличу (1849) и кардиналу Рамполле (1888) он подчеркивал, что целью его является возвращение в лоно католической церкви сербов и русских. На основании этого некоторые ученые (хорваты А. и И. Печаричи) утверждают, что фактически Штросмайер выступал за унию под главенством папы. Эти утверждения не безусловны.

Штросмайеру удалось установить дружеские контакты с белградским митрополитом Михаилом, но с местным православным клиром отношения у него не складывались. В частности, Окружное послание дьяковского епископа по поводу объявления католической церковью святыми Кирилла и Мефодия (1885 г.) вызвало резкое неудовольствие трех православных епископов Далмации. Их возмутило утверждение Штросмайера, что Кирилл и Мефодий «всегда душою и телом были привержены святому римскому престолу», а вся их деятельность имела своей целью объединить всех славян в святой Римской церкви⁴². Несомненно, славянские просветители были преданы константинопольской церкви, но вместе с тем вести проповедь христианства в землях, подлежащих юрисдикции Римской церкви, без ее содействия они не могли. Связь славянских просветителей с Римом не являлась предательством по отношению к Константинополю, ибо разрыв между ними произошел только 200 лет спустя после миссии славянских просветителей.

Гораздо больше понимания Штросмайер нашел у русского философа Владимира Соловьева. Между ними более 10 лет продолжалась переписка, а в 1886 г. Соловьев приехал в Хорватию, где встретился с епископом. О результатах этой встречи Штросмайер сообщал своему ближайшему сподвижнику каноннику Ф. Рачкому: «Я с ним часто встречаюсь, и во всех важных вопросах мы придерживаемся одного и того же мнения»⁴³. Осенью 1886 г. Соловьев послал записку

Штросмайеру, в которой излагал свое видение принципов объединения католической и православной церквей. Во-первых, подчеркивал русский философ, Русская православная церковь, признавая авторитет папы как преемника св. Петра, никогда не признает над собой его административной власти. Во-вторых, Русская православная церковь должна сохранить свои обряды, а император то высшее положение, которое он занимает в ней⁴⁴. В ответе Штросмайер одобрил записку Соловьева как хорошую основу для выработки принципов объединения церквей. Но для последнего необходима подготовка общественного мнения, чем должны заняться специальные общества, состоящие из авторитетных людей, – в Москве, Петербурге и Риме. Российского императора, по мнению дяковского епископа, нужно убедить восстановить должность главы Русской православной церкви – патриарха, Синод же перевести в Москву, подальше от правительственного надзора⁴⁵. Но дальше разговоров планы объединения церквей не пошли. 6 октября 1886 г. Штросмайер с сожалением писал Рачкому: «Жаль, но в Петербурге, а еще менее того в Риме, люди для этого не созрели»⁴⁶.

Либеральные католики активно действовали и в словенских землях. Как и Штросмайер, они считали важным шагом к объединению южных славян в единый народ создание кроме единого литературного языка, – единой национальной церкви. Этот вопрос начал обсуждаться на страницах словенской печати в годы революции 1848–1849 гг. Об этом с осуждением писал священник П. Хицингер в «Словенской церковной газете». Католические священники, сторонники иллиризма, выступают, по его словам, за то, чтобы каждый народ имел свою национальную церковь, где богослужение проводилось бы на народном языке. Кроме того, эти священники считают, что школы должны быть взяты из рук духовенства, а каждому священнику должно быть позволено иметь жену. У Хицингера вызывало сочувствие лишь одно требование оппонентов: проведение проповедей в церкви на народном языке. При этом он был убежден, что месса должна произноситься обязательно на латыни⁴⁷. Вопрос о национальной церкви в 1848 г. стоял не только у словенцев и хорватов – Венский собор католических епископов осудил национальные требования народов, в том числе и требование создания национальной церкви, объявив это пережитком язычества.

После революции 1848–1849 гг. национально настроенное духовенство продолжало развивать идеи национальной церкви. Некоторые из представителей высшего словенского клира даже пытались частично их реализовать. Лавантинский епископ Антон Мартин Сломшек, подписавший в 1848 г. послание австрийских епископов, активно трудился на ниве народного просвещения. Он написал и издал несколько учебников для начальной словенской школы, стал инициатором установления в 1852 г. Общества св. Мохора, издававшего поучительные и религиозные книги для простого народа. Сломшек произвел административное переустройство своей епархии, включив в ее со-

став словенские приходы Нижней Штирии из Кршской епархии, а взамен отдав последней немецкие приходы из своей епархии. Таким образом, население Лавантинской епархии стало почти полностью словенским. Центр ее он перевел из немецкого города Шент Вида в Марибор, где жило значительное число словенцев. Деятельность Сломшека способствовала укреплению национальных позиций словенцев в Штирии, их спасению от германизации, тем более, если принять во внимание, что после заключения в 1855 г. конкордата между папой и Габсбургами, роль церкви в определении языка обучения в начальных школах, проповедей и церковных записей стала решающей. Сломшек считал одним из самых страшных человеческих грехов забвение своей национальности и родного языка. «Родной язык, — писал он, — самый дорогой дар, который мы получили от своих предков; мы должны его заботливо сохранять, улучшать и передать своим потомкам»⁴⁸. Однако Сломшек не принадлежал к числу либеральных католиков, т. к. имел достаточно консервативные политические и социальные взгляды.

В политических землях наиболее видными либеральными католиками были каринтийцы А. Эйншпиллер и М. Маяр, штириец Д. Трстеняк, крайнец Янез Погачар, являвшийся 9 лет люблянским епископом. Они активно участвовали в иллирском движении, в период революции 1848 г. поддерживали словенских либералов, в 50–80-е гг. тоже стояли на либеральных позициях. Словенские либеральные католики пропагандировали необходимость общеславянского литературного языка, видя в последнем спасение для словенцев Штирии и Каринтии от усиливавшегося германизаторского натиска. В 50-е гг. они издавали прессу на общеславянском языке. А Маяр даже опубликовал «Взаимную славянскую грамматику» (1865), которая должна была, по его убеждению, помочь славянским писателям создать общеславянский язык. Но отношение к религии у словенских либеральных католиков было различным. Эйншпиллер, будучи горячим славянским и словенским патриотом, являлся преданным Ватикану католиком. Он считал, что словенский язык «есть защитник истинной веры; католическая вера у нас будет ослаблена, если словенский род онемечится»⁴⁹. Эйншпиллер полагал отличительными чертами нации «религию, язык, поведение, литературу, одежду, нравы и обычаи». М. Маяр, Д. Трстеняк, Б. Раич относились к религии достаточно равнодушно. «Все мы, — писал Маяр, — должны поступать согласно сербской поговорке: брат мил, какой бы он веры ни был, если он по-братски действует и поступает»⁵⁰. Резко критиковал католическую иерархию Раич.

Либеральные католики поддерживали идею создания национальной церкви. Автор статьи «Национальная церковь», опубликованной в газете «Слован», подчеркивал, что национальную церковь нельзя воспринимать как православную, ибо она будет подчинена римскому папе. Но богослужение в национальной церкви должно проводиться на словенском

языке. «Словенская литургия, или, скажем, словенская национальная церковь, есть важнейшее вселовенское дело. Воистину только она одна может объединить всех словенцев»⁵¹.

Кроме либеральных католиков, открыто выступавших за национальную церковь, во второй половине XIX в. появилось значительное число духовных лиц, приверженных экуменическим идеям. Все большую популярность у верующих приобретают имена Кирилла и Мефодия. Уже в 1808 г. во введении к своей словенской грамматике Копитар прославлял солунских братьев, подчеркивая, что время их деятельности – лучшая эпоха в истории культуры славян. «Так получили славяне из Греции божественное благо письменности, – подчеркивал Копитар, – этого условия развития культуры»⁵². В 1848 г. П. Хицингер, не одобрявший идею создания национальной церкви, с симпатией писал о миссии Кирилла и Мефодия в западославянских землях. «Они учили мораван и словенцев святой вере, – писал он, – перевели на их родной язык Священное писание, придумали для них славянский алфавит, вели божью службу и все церковные дела на родном им языке». Но после смерти Мефодия, с сожалением заключал Хицингер, их дело было забыто, а пастырями словенцев стали немецкие и итальянские священники»⁵³. Епископ Сломшек считал Кирилла и Мефодия посланными богом учителями, которые первые зажгли свет знания для словенцев. Он сожалел, что время деятельности славянских просветителей было недолгим. «Черные тучи закрыли солнце, густая тьма незнания еще покрывает словенцев». В честь Кирилла и Мефодия Сломшек установил в церкви св. Йозефа у Целья братовщину. В речи по поводу годовщины ее создания Сломшек подчеркивал, что братовщина ставит своей задачей способствовать объединению католиков с православными греками и славянами⁵⁴. Братовщина Кирилла и Мефодия довольно успешно распространялась по Словении – через 6 лет после ее основания она насчитывала более 25 тыс. членов.

В 1870 г. католический журналист Ф. Лампе организовал в люблянской семинарии Общество св. Кирилла, которое собирало книги на славянских языках, а в 1891–1900 гг. даже издавало свой журнал «Помладни гласи» (Весенние голоса). После смерти Ф. Лампе Общество прекратило свое существование, но созданная им библиотека продолжала действовать⁵⁵.

В среде словенских либералов в конце 80-х годов возникло радикальное течение, группировавшееся вокруг газеты «Словански свет» (1888–1899). Ее издавал Ф. Подгорник, а духовным отцом был известный русофил жупан (бургомистр) Любляны И. Хрибар. Подгорник считал, что роль церкви в укреплении нации чрезвычайно важна. «Нет учреждения у народа, – писал он, – которое могло бы в большей степени оживлять, укреплять или же, наоборот, ослаблять национальную индивидуальность, чем церковные обряды»⁵⁶. Подгорник ратовал за введение у словенцев кирилло-мефодиевской церкви, построенной на заветах великих славянских просветителей. И хотя

он подчеркивал в печати, что кирилло-мефодиевская церковь словенцев будет верна папе, сам Подгорник полагал, что это будет православная церковь. Он имел некоторое количество сторонников в Приморье.

Более широкий отклик имела деятельность видного теолога Франца Гривца, профессора Люблянской семинарии в 1907–1963 гг. В Кирилле и Мефодии он видел не только просветителей славянства, но и апостолов все-сленского церковного единства. С 1903 по 1947 гг. Гривец активно участвовал в юнионистских конгрессах в Велеграде. За несколько десятилетий деятельности в Люблянской семинарии он вырастил в духе экуменических идей несколько поколений словенских священников.

Не только религиозные деятели, но и словенские политики чтили память Кирилла и Мефодия. В 1886 г. словенские патриоты основали Кирилло-мефодиевское общество, которое занималось созданием школ и детских садов в районах, где словенцам угрожала денационализация. В 1907 г. оно содержало на свои средства 15 детских садов и 5 школ⁵⁷.

Наряду с экуменическим движением, движением за создание национальной церкви, в католических южнославянских землях Габсбургской монархии со второй половины XIX в. стала крепнуть и усиливать свои позиции ортодоксальная католическая церковь. Особенно ее влияние возросло после заключения в 1855 г. конкордата между папой и Австрией. Конкордат давал большие права католической церкви в определении языка обучения в начальных школах, поведении в церкви, в семейных вопросах, касающихся ее прихожан и т. д. Католичество было объявлено государственной религией. Подписание конкордата вызвало оживление католического движения в словенских землях. Идеологом наиболее консервативной его части стал Л. Еран, редактор газеты «Згодня Даница». Он считал главной отличительной чертой каждого народа его вероисповедание и основную заслугу словенского языка видел в том, что он мешает проникновению вредных идей в среду словенских крестьян⁵⁸.

Но широкое распространение католических идей среди словенцев относится к 80-м гг. XIX в., времени изменения политики Ватикана после вступления на престол папы Льва XIII, очень умного и решительного человека. В своих энцикликах он призывал католическое священство обратиться к насущным проблемам современности, уделять больше внимания низшим слоям общества. Во главе словенских католиков встал Антон Махнич – профессор богословия, а затем кршский епископ (1897–1920). Веру он ставил выше национальности. В 1892 г. прошел первый съезд словенских католиков. В его решениях подчеркивалось, что «римский вопрос является и словенским вопросом, так как римская церковь – наша словенская церковь, а другой у нас нет и другую мы не хотим»⁵⁹. Этим как бы закрывался вопрос о создании словенской национальной церкви, к чему стремились в XVI в. протестанты, а в XIX в. – либеральные католики. На съезде была создана Католическая национальная партия, с 1905 г. –

Словенская народная партия. Основную силу ее составляло католическое духовенство. Католическая национальная партия вела борьбу против либералов и социал-демократов. Но в ней сразу же выделилось крыло христианских социалистов во главе с Янезом Креком, которые с сочувствием относились к мелким производителям и рабочим и сумели развернуть в словенских землях широкое кооперативное движение, давшее возможность беднейшим слоям населения противостоять крупному капиталу. Эта партия сразу же заняла прочные позиции среди крестьян, рабочих, мелкой буржуазии города. Успехи ее росли от выборов к выборам: в 1895 г. она провела в краинское земельное собрание 16 депутатов (либералы – 9), а в 1913 г. – 28 депутатов (либералы – 10)⁶⁰.

В хорватских землях в 50-е гг. XIX в. также наблюдалось оживление католического движения. В 1852 г. было создано Загребское архиепископство, в состав которого вошли дяковское, сеньско-модрушское и крижевацкое епископства. Хотя хорватам не удалось добиться объединения всех своих земель в Триединое королевство, но в церковном отношении они все же объединились. Все это оказывало определенное воздействие на общественное движение в хорватских землях. В начале 50-х гг. здесь появилась Партия права, которую возглавили бывшие сторонники иллиризма А. Старчевич и Е. Кватерник. Ее сподвижники, правашаи, стремились к созданию независимого хорватского государства, выступали против любого союза с австрийскими или венгерскими правящими кругами. Правашам был присущ радикальный национализм, проявившийся в их антисербской позиции. Старчевич считал все южнославянское население, проживавшее в Хорватии, Далмации, Славонии, Воеводине, Боснии и Герцеговине хорватами трех вероисповеданий – католического, православного и мусульманского. Он был достаточно толерантен, хотя относился к православию и протестантизму отрицательно. Более нетерпимым в религиозном отношении являлся Кватерник. Он полагал православие в отличие от католицизма противным духу времени; в союзе трех католических народов – французов, поляков и хорватов – он видел гарантию защиты католической веры от русско-сербского православия⁶¹. До 90-х гг. Партию права, несмотря на национализм, не отличали клерикальные настроения. С приходом в руководство этой организации Й. Франка позиции ее изменились. Нелюбовь к сербам приобрела у него резкую форму. В 1895 г. Партия права раскололась: одна ее часть придерживалась антиавстрийских взглядов и постепенно сближалась с Национальной партией Штросмайера, другая – скатывалась к национализму, приобретая все более клерикальную окраску.

В 1900 г. в Загребе состоялся Первый хорватский католический конгресс. В резолюции, принятой на нем, указывалось, что «Хорватия может быть спасена только под руководством хорватского епископата» и что «быть католиком и быть хорватом – это одно и то же»⁶². В 1906 г. в Загребе была опубликована программа Хорватской христианско-социальной партии права. Хорватские христианские

социалисты выступали за улучшение положения мелких производителей, крестьян, рабочих, за предоставление католической церкви в Хорватии национальной церковной автономии, по примеру той, которой пользовалась православная церковь в габсбургских владениях. Но формально Хорватская христианско-социальная партия права оформилась в 1910 г. и почти сразу же объединилась с партией Франка. Эта объединенная партия и представляла основу клерикально-католического движения в хорватских землях. Оно было довольно слабым и старалось опираться на сильное клерикальное движение в Словении. Так, те, и другие выдвинули триалистическую программу переустройства Габсбургской монархии. Последнюю, по их мнению, должны образовать три государственных объединения: Австрия, Венгрия и область католических южных славян – словенцев и хорватов. Наряду с клерикальной партией в хорватских землях перед войной существовала организация Националистической молодежи, выступавшая за тесный союз хорватов с сербами. Клерикалы в хорватских землях так и не сумели завоевать решающих позиций, хотя отдельные черты их идеологии отразились в программах других партий. Например, набиравшая силу Хорватская крестьянская партия С. Радича также постепенно переходила на антисербские позиции, хотя и не столь непримиримые, как у франковцев.

До Первой мировой войны в хорватских землях уже произошло четкое разделение между хорватами и сербами. Важнейшим показателем этого служит формирование политических партий по национальному признаку: в Хорватии, Славонии, Далмации наряду с хорватскими партиями существовали сербские. Даже хорватские и сербские югослависты, создавшие в декабре 1905 г. Хорватско-сербскую коалицию, внутри последней сохраняли свои партийные организации, основанные по национальному признаку. Только Социал-демократическая партия Хорватии и Славонии была интернациональной по своему составу: в нее входили, помимо сербов и хорватов, немцы, венгры, евреи, итальянцы и т. д.

Католическим политикам в словенских и хорватских землях не была чужда идея славянской взаимности, но на католической основе. В 1898 г. словенские клерикалы и представители Хорватской партии права встретились в Трсате и договорились о совместных действиях. Словенцы присоединились к хорватскому историческому праву. В 1906 г. словенский теолог Л. Ленард в брошюре «Панславизм» утверждал, что словенцы должны брать пример с поляков, как католического народа, что центром притяжения славян должны стать австрийские католические славяне, призванные нести цивилизацию в Россию и на Балканы⁶³. В октябре 1912 г. было провозглашено объединение словенских клерикалов с Хорватской партией права, возглавлявшейся племянником А. Старчевича – М. Старчевичем. Эта новая партия получила название Хорвато-словенская партия права. Во главе нее встали два сопредседателя: М. Старчевич – от хорватов и И. Шуштершич – от словенцев. Целью новой партии являлось

создание триалистической системы в рамках Габсбургской империи⁶⁴. В словенской клерикальной печати появились статьи о принятии словенцами хорватского языка в качестве языка науки и культуры. Один из молодых лидеров клерикалов А. Ушеничник писал в 1912 г.: «Хотя словенцы и хорваты не являются единым народом, но почему бы они не могли им стать?»⁶⁵.

Босния и Герцеговина попали под власть Габсбургов после Берлинского конгресса 1878 г. В Австро-Венгрии они являлись самыми отсталыми областями; религиозные отношения здесь имели гораздо большее значение, чем в других районах страны. С момента оккупации Босния и Герцеговина управлялись представителем, назначенным непосредственно венскими властями и подчинявшимся общеимперскому министерству финансов. Этот представитель имел широкие полномочия. В 1882–1903 гг. верховное управление Боснией и Герцеговиной осуществлял Б.Каллай, венгерский аристократ и общеимперский министр финансов. Он провозгласил существование единой «боснийской нации», единого боснийского языка. Игра в боснийский патриотизм имела целью предотвратить включение сербского и хорватского национальных движений в соответствующие движения в Хорватии, Славонии, Далмации, Воеводине. Особенно Каллай опасался сербских патриотов. Он закрывал сербские школы, запрещал употреблять сербские и хорватские названия. Сербско-хорватский язык получил статус «местного», официальным же языком признавался немецкий. Властями предпринимались попытки сделать сербскую церковь униатской. Но, несмотря на действия Каллая и его администрации, этнические процессы в Боснии и Герцеговине продолжали развиваться в том же направлении, что и во времена Османской империи. После аннексии этих провинций Австро-Венгрией в 1908 г. встал вопрос об уравнении их прав с другими провинциями. В феврале 1910 г. Босния и Герцеговина получили конституцию и собственный парламент.

И в составе Габсбургской монархии в Боснии и Герцеговине продолжали существовать три религиозные общины: православная, мусульманская и католическая. Согласно переписи 1879 г. там насчитывалось 43% православных, 34% – мусульман, 23% – католиков⁶⁶. Наиболее сплоченной была православная община, члены которой испокон веков считали себя сербами. Сербы проявили наибольшую активность в защите своих прав, ибо им переход под власть христианского государя открыл им большие возможности. Сербская буржуазия наиболее быстро приспособилась к новым условиям. Уже в XVIII в. сербское купечество держало в своих руках всю торговлю с городами на Адриатике – Дубровником, Риекой, Триестом. В Австро-Венгрии сербские торговцы еще более усилили свои позиции, захватив в свои руки банковское дело. На 26 сербских банков в Боснии и Герцеговине приходилось всего 10 хорватских и 8 мусульманских⁶⁷.

Борьбу сербов за свои права возглавила православная церковь. Она имела в Боснии и Герцеговине три епархии: Сараевскую, Мостарскую и Зворницкую, которые входили в состав Константинопольской патриархии, посылавшей туда на высшие должности греческих иерархов. Под напором православного духовенства, получившего поддержку России и Сербии, Габсбурги заключили в 1880 г. конкордат с Константинопольской патриархией, который гарантировал боснийской православной церкви широкую автономию и предусматривал право Габсбургов на предварительную санкцию при назначении митрополитов. Высшие должности в боснийско-герцеговинских православных епархиях перешли в руки сербов. В начале XX в. православная церковь в Боснии и Герцеговине требовала предоставить ей такую же автономию, какой пользовалась Карловацкая митрополия в Воеводине. Эта попытка не удалась.

Движение за церковно-общинную автономию охватило значительно более широкие слои сербского населения. С 1896 г. сербские общины стали требовать расширения своих полномочий при назначении учителей и священников. Этому требованию противились не только венские власти, но и высшее православное духовенство. Сербские общины отказывались принимать «наемных попов», как называли священников, не получивших их одобрение. Так, в Мостаре за семь лет, пока шел спор о кандидатуре православного священника между общиной города и высшими православными прелатами, произошло 438 погребений без священника, в домах богослужение совершалось теми духовниками, которые одобрялись мостарской православной общиной. В 1905 г. с санкции Константинопольского патриарха был издан Организационный статут православной церкви в Боснии и Герцеговине, который учитывал требования церковных общин⁶⁸.

В отличие от сербов мусульмане чувствовали себя значительно хуже, чем во времена правления Стамбула. Привилегии, которыми они ранее пользовались, были ликвидированы. Многие мусульмане эмигрировали в турецкие земли. Особенно усилился поток переселенцев после аннексии Боснии и Герцеговины. Однако и после оккупации этих провинций Австро-Венгрией мусульмане сохраняли свои позиции в экономике. Землевладельцы-помещики, свободные крестьяне, горожане в подавляющем большинстве были мусульманами. По данным 1895 г. из 47 городов Боснии и Герцеговины в сорока мусульмане составляли абсолютное большинство, в двух – относительное. Но постепенно доля мусульман среди горожан падала. В 1898 г. мусульманскими помещиками при активной поддержке духовенства была создана Мусульманская народная организация. Мусульманская церковь требовала у властей тех же прав, которыми пользовалась православная церковь. В 1908 г. сербы и мусульмане совместно протестовали против аннексии Боснии и Герцеговины. Но, несмотря на временный союз, конечные цели православного и мусульманского движений были разными: мусульма-

не стремились к автономии Боснии и Герцеговины в составе Турции, а православные – к слиянию этих провинций с королевством Сербией.

В наиболее благоприятном положении после захвата Боснии и Герцеговины оказались хорваты, в которых венское правительство видело опору своей власти в завоеванных провинциях. Хотя хорваты составляли чуть меньше четверти населения в Боснии и Герцеговине, более 60% чиновничьих мест в провинциях было занято ими. Францисканские монахи, по-прежнему составлявшие значительную часть хорватской интеллигенции, всецело ориентировались на католические круги хорватских земель. Их бывшие иллирские симпатии отошли в прошлое, францисканцы заняли антисербские позиции. Они выступали за присоединение Боснии и Герцеговины к Триединому королевству в рамках Габсбургской монархии. Безусловную поддержку политике Вены оказывало высшее католическое духовенство во главе с архиепископом Сараева Й. Штадлером. Он утверждал, что хорватом может быть только католик. В 1907 г. хорваты основали «Хорватское народное объединение», светскую организацию, стремившуюся к сотрудничеству с сербами и мусульманами. Она вступила в противоречие с группировкой Штадлера во время борьбы за конституцию Боснии и Герцеговины. Но все же хорватские национальные деятели приветствовали аннексию Боснии и Герцеговины. В этом их позиция в корне отличалась от позиции сербов и мусульман.

В конце XIX – начале XX вв. в Боснии и Герцеговине наряду с политическими организациями возникли и просветительские общества, созданные как и политические по национально-религиозному принципу: сербское «Просвета», хорватское «Напредак», мусульманское «Гайрет».

Идеи югославизма были популярны в Боснии и Герцеговине среди наиболее радикальных кругов молодежи. Накануне Первой мировой войны приверженцами этих идей являлись молодежные организации, объединявшие учащихся. Одна из них, получившая в историографии название Млада Босна, в отличие от большинства других обществ состояла из представителей всех национальностей. Приблизительно две трети ее членов являлись сербами, а треть – хорватами и мусульманами. Они выступали за сотрудничество всех этнических групп Боснии и Герцеговины в борьбе за национальные права, у них пользовались успехом анархистские идеи, особенно М. Бакунина и С. Нечаева, важная роль отводилась индивидуальному террору. Именно эта организация осуществила убийство эрцгерцога Франца Фердинанда, ставшее прологом Первой мировой войны.

В 1909 г. была основана Социал-демократическая партия Боснии и Герцеговины, включавшая людей разных национальностей. Она проповедовала идеи интернационализма и пролетарской солидарности. Но ее влияние на общественное движение провинций было незначительным.

Таким образом, к началу Первой мировой войны в южнославянских землях Австро-Венгрии, где проживало пестрое в конфессиональном отношении население, уже четко прослеживалось национальное разделение по религиозному признаку. Прямым доказательством этого является возникновение партий и организаций именно по этому принципу. Такое размежевание признавалось и австро-венгерскими властями. По конституции 1910 г. в Боснии и Герцеговине выборы в парламент происходили по религиозно-национальным куриям: православные сербы имели 31 мандат, мусульмане – 24, католики – 16, иудеи – 1⁶⁹.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что с принятием христианства были заложены основы современных южнославянских этнических общностей. Вхождение в круг христианских народов открыло двери влиянию на них соседних народов, в том числе и тех, которые стояли на более высокой ступени развития. Важным последствием христианизации южных славян стало создание для них письменности на родном языке. Сербы и болгары получили кириллицу, хорваты – глаголицу. Только словенцы, рано потерявшие свою независимость, сумели создать свой письменный язык значительно позднее – в XVI в. И опять-таки это произошло при содействии одного из ответвлений христианской церкви – протестантизма.

С самого появления на Балканах славяне попали в сферу влияния двух могущественных политических и культурных центров того времени – Византии и Франкской (затем Священно-Римской) империи. В борьбе за обладание южнославянскими землями они использовали не только военную силу, но и идеологическое оружие – христианство. Именно политические причины привели к расколу христианской церкви на католическую и православную, которые чем дальше, тем больше становились нетерпимыми друг к другу. Древние южнославянские государства Карантания и Хорватия попали в орбиту влияния Римской церкви и Франкского государства, Сербия, Болгария и Босния – под воздействие Византии и Константинопольского патриарха. При этом южнославянские государства, находившиеся в ареале действия Рима и Франкской империи вскоре потеряли независимость и не сумели создать своей национальной церкви, в то время как Сербия, Болгария и Босния смогли не только оставаться самостоятельными, но и создать национальные церкви.

То разделение, которое сложилось на территории проживания южных славян в VII–XIV вв., было закреплено и углублено благодаря турецкому завоеванию. В результате него и восточная часть южных славян потеряла свою государственную независимость. У находившихся под властью турок болгар, сербов, черногорцев большую роль в сохранении их этничности и культуры сыграла православная церковь. Она сохранила славянский язык в богослужении, книгах, древние славянские рукописи, иконы и другие предметы культа. У сербов и

черногорцев православная церковь во время турецкого владычества смогла обеспечить себе известную самостоятельность, остаться национальной церковью для них. Она не только сберегала и развивала их национальную культуру, но и несла определенные организационные, судебные, военные и прочие функции. По-другому сложилась судьба болгарской православной церкви. Во время турецкого владычества она подчинялась Константинопольскому патриархату, в котором всеми делами заправляли греческие иерархи, и организующей роли в жизни болгарского народа она не смогла сыграть. Это стало одной из причин того, что черногорцы и сербы смогли самостоятельно при дипломатической и военной поддержке России освободиться от турецкого ига, в то время как болгары получили свою независимость из рук русской армии. В XIX в. в связи с образованием самостоятельных государств Черногории, Сербии и Болгарии православная церковь теряет те организационные функции, которые несла при турецком иге, становится частью государственного аппарата.

В западной части южнославянского ареала во времена христианизации церковь не была национальной. У словенцев она находилась в руках немецкого и итальянского духовенства, которое не заботилось о развитии культуры словенского этноса. Хорваты сумели создать свою глаголическую церковь, она даже стала частью католического мира. Но, во-первых, она охватывала своим влиянием только часть хорватской территории, во-вторых, развивалась обособленно и нередко преследовалась Римом.

В XV–XVI вв. католическая церковь получила первые серьезные удары от реформационных движений, сначала гуситского, затем протестантского. В то же время именно протестантизм дал толчок подъему на новый уровень этнического самосознания словенцев и хорватов. Так, протестантские священники создали письменный язык для словенцев, опубликовали первые словенские книги, предприняли попытку основать национальную словенскую протестантскую церковь. Хотя у хорватов протестантизм не имел особого успеха, но он стимулировал повышение интереса хорватских образованных кругов к глаголической церкви, которую они попытались превратить в национальную. XV–XVI вв. считаются временем расцвета литературы, написанной глаголицей.

Начало эпохи национального Возрождения хорватов и словенцев относится к середине XVIII вв. Первой его задачей стало создание словенского и хорватского литературных языков. Она была выполнена к середине XIX в. Но многие словенские и хорватские национальные деятели понимали, что этого недостаточно для сплочения в крепкую этническую общность таких, по преимуществу крестьянских народов, какими являлись словенский и в значительной степени хорватский. Уже в 30-е гг. XIX в. словенские и хорватские деятели из числа национально настроенного духовенства, так называемые либеральные католики, выступили за создание кирилло-мефодиевской славянской церкви. Она должна была объединить католиков-хорватов и право-

славных сербов, способствовать их сплочению в единую нацию, стать их национальной церковью. По мнению либеральных католиков, языком богослужения и религиозных книг в кирилло-мефодиевской церкви должен был стать славянский язык, а духовенство – национальным и, следовательно, защищать национальные интересы своей паствы. Многие сторонники кирилло-мефодиевской церкви полагали, что она должна существовать в рамках католической церкви, но некоторые мечтали превратить ее в самостоятельную церковную организацию.

В конце XIX в. произошла активизация католиков во всей Европе. В словенских и хорватских землях были организованы католические партии, которые включились в борьбу за улучшение положения народных масс, за национальные права своих народов. Особенно активно действовали в этом направлении христианские социалисты. Они имели успех – католическая церковь в некотором стала роде играть роль национальной церкви, прежде всего, у словенцев и в какой-то степени у хорватов.

В конце XIX – начале XX вв. у сербов, черногорцев и болгар в связи с созданием национальных государств роль церкви в общественной жизни снизилась, у хорватов и словенцев, не имевших своих государственных структур, напротив, она возросла.

В хорватских и боснийско-герцеговинских землях, где проживало наиболее смешанное в конфессиональном отношении население, к концу XIX в. уже произошло его национальное размежевание по религиозному признаку. Это случилось несмотря на то, что многие представители национальных движений южных славян стремились сгладить религиозные противоречия, сплотить близкородственное население этих провинций в единое этно-социальное тело – нацию. Особенно активно действовали в этом направлении хорватские, боснийские и словенские иллиры и их последователи югослависты. Лидеры националистических партий тоже желали создать из южнославянских народов единую нацию, но не путем естественного слияния, а с помощью принятия остальными этносами названия, культуры и т. д. их народа.

Попытки представителей прогрессивных кругов национальной интеллигенции уменьшить значение конфессиональных моментов в менталитете южнославянских народов успеха не имели. Крестьянская среда, которая преобладала на территории расселения южных славян, с большим сочувствием воспринимала проповеди священников, живших рядом с ними и понимавших их конкретные нужды и надежды, чем пропаганду светских интеллигентов, далеких в большинстве своем от крестьян и по образу жизни, и по менталитету. Создание национальной церкви у южнославянских народов, с одной стороны, способствовало сплочению этносов для противодействия ассимиляторским устремлениям господствующих наций, охраняя их самобытность, культуру, укрепляя их жизнестойкость. Но, с другой стороны, деятельность национальных церквей стала в

значительной степени причиной размежевания одноязычного населения на отдельные нации по религиозному признаку.

Примечания

¹ *Deutsch K.* Nationalism und Social Communication. Cambridge, 1966. P. 96.

² *Сталин И. В.* Соч. Т. 2. М., 1946. С. 296, 297.

³ *Скворцов Н. Г.* Этничность и трансформационные процессы // Этничность. Национальные движения. Социальная практика. СПб., 1995. С. 10.

⁴ Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 3,4; Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989; Этническое самосознание славян в XV в. М., 1995.

⁵ Этническое самосознание славян в XV в. С. 231.

⁶ *Пивоваров Д. В.* Религия: взаимосвязь натуроцентрической и социоцентрической форм // Религия, общество и государство в XX в. М., 1991. С. 102, 105.

⁷ Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. С. 263.

⁸ *Dolar F.* Cerkevopravna ureditev slovenskega prostora do ustanovitve slovenske metropolije 1968. // *Zgodovinski časopis*. 1994. S. 56.

⁹ *Rupel M.* Primož Trubar. Življenje in delo. Ljubljana, 1962. S. 70; *Gestrin F.* Družbeni razredi na Slovenskem in reformacija // *Drugi Trubarjev zbornik*. Ljubljana, 1952. S. 43.

¹⁰ *Крижанич Ю.* Политика. М., 1997. С. 257.

¹¹ *Акимова О. А., Туршлов А. А.* Этническое и культурное самосознание населения Боснии в XV веке // Этническое самосознание славян в XV в. С. 184, 185, 189.

¹² *Петров П.* Съдбоносни векове за българската народност края на XIV век 1912 година. София, 1975. С. 162, 179, 209.

¹³ *Dugandžija N.* Religija i nacija. Zagreb, 1983. S. 197, 205, 213, 214.

¹⁴ *Радонић Ј.* Римска курија и јужнословенске земље од XVI до XIX в. Београд, 1990. С. 165.

¹⁵ *Достян И. С.* Борба сербског народа против турског ига. XIV – начало XIX вв. М., 1958. С. 72.

¹⁶ *Томић Ј.* Срби у великој сеоби (1683–1693). Београд, 1990. С. 175, 176.

¹⁷ *Историја српског народа.* Књ. IV. Т. I. Београд., 1986. С. 40.

¹⁸ *Лециловская И. И.* Сербская культура XVIII в. М., 1994. С. 175.

¹⁹ *Либертос А.* Вселенската патриаршия, национализъмът и българският църковен въпрос. (1856–1872) // Религия и църква в България. София, 1999. С. 130.

²⁰ *Анишаков Ю. П.* Становление черногорского государства и Россия. М., 1998. С. 53.

²¹ *Бажова А. П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 62, 63.

²² *Цонев Б.* Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека. Т. 2. София, 1923. С. 529.

²³ *Гюзелев В.* Бележки върху иерархическия статус на българската църква и нейния върховен предстател през първия век от покръстването (865–971) // Религия и църква в България. С. 99.

²⁴ *Макарова И. Ф., Жила Л. И.* Конфессии и формирование болгарской нации // Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999. С. 208, 209, 211.

²⁵ *Смоховска-Петрова В.* Михаил Чайковски-Садък паша и Българското Възраждане. София, 1973. С. 122, 123.

²⁶ *Петров П.* Съдбоносни векова... С. 144, 197, 209.

²⁷ *Вяземская Е. К.* Конфессия и национальность в историческом развитии Боснии и Герцеговины // Роль религии... С. 116.

²⁸ *Хевролина В. М.* Православная церковь в Боснии и Герцеговине в 50–70-е годы XIX в. и Россия // Церковь в истории славянских народов. М., 1997. С. 198.

²⁹ *Поплыко Д. Ф.* Васа Пелагич и Россия. М., 1983. С. 18, 64.

³⁰ *Вяземская Е. К.* Конфессия и национальность... С. 118.

- ³¹ *Достян И. С.* Борьба сербского народа... С. 154, 155.
- ³² *Хитрова Н. И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах. М., 1979. С. 91, 167.
- ³³ *Екмечић М.* Стварање Југославије 1790–1918. Т. I. Београд, 1989. С. 613, 614; *Dugandžija N.* Religija i pasija. S. 165.
- ³⁴ *Вяземская Е. К.* Конфессия и национальность... С. 119.
- ³⁵ *Рogaбник J.* Jernej Kopitar. Ljubljana, 1977. S. 132.
- ³⁶ Там же. С. 90, 150, 160.
- ³⁷ *Данилова А. В.* Хорватская культура // Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения. М., 1988. С. 159, 160.
- ³⁸ *Екмечић М.* Стварање Југославије... С. 57–58, 60.
- ³⁹ *Čurkina I. V.* Matija Majar-Ziljski. Ljubljana, 1974. S. 14.
- ⁴⁰ *Лециловская И. И.* Общественное содержание сербской национальной художественной культуры. Конец XVIII – первая половина XIX в. // Концепция национальной художественной культуры. М., 1985. С. 170–173.
- ⁴¹ *Фрейдзон В. И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970. С. 300.
- ⁴² *Pečarić A., Pečarić J.* Strossmayer i Srbi // Zbornik radova o Josipu Juraju Strossmayeru. Zagreb, 1997. S. 89–91.
- ⁴³ Korespondencija Rački-Strossmayer. Т. 3. Zagreb, 1930. S. 214.
- ⁴⁴ *Соловьев В. С.* Письма. Т. 1. СПб., 1908. С. 182–190.
- ⁴⁵ Отдел рукописей. Государственная Российская библиотека. Ф. 696. Кор. 4. Д. 14.
- ⁴⁶ Korespondencija Rački-Strossmayer. Т. 3. S. 223.
- ⁴⁷ Slovenski cerkveni časopis. Ljubljana. 9.IX, 23.IX, 30.IX, 21.X, 4.XI.1848.
- ⁴⁸ *Medved A.* Anton Martin Slomšek. Celovec, 1900. S. 168, 171.
- ⁴⁹ Slovenec. Celovec. N 1. (15.1) 1865.
- ⁵⁰ Slavjan. Celovec. N 4. 1874. S. 55.
- ⁵¹ Slovan. Ljubljana. N 9 (1.V) 1886.
- ⁵² *Toporišič J.* Kopitarjev slovanski svet v slovnici 1808 / 1809 // Kopitarjev zbornik. Ljubljana, 1996. S. 4.
- ⁵³ Slovenski cerkveni časopis. N 2 (8.VII) 1848.
- ⁵⁴ *Domej T.* O skupinski identiteti na Koroskem v prednacionalnem obdobju // Matija Majar-Ziljski. Zv. 2. Klagenfurt–Celovec, Ljubljana–Laibach, Wien–Dunaj, 1995. S. 58.
- ⁵⁵ *Smolik M.* Izobraževanje in vzgoja slovenskih duhovnikov v 19. stoletju // Vloga cerkve v slovenskem kulturnem razvoju. Ljubljana, 1989. S. 36.
- ⁵⁶ Slovenski svet. Trst. N 15. 1891.
- ⁵⁷ Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. СПб., № 5. 1909. С. 707.
- ⁵⁸ *Zwitter F.* Narodnost in politika pri slovincih // Zgodovinski časopis. N 1. 1947. S. 141.
- ⁵⁹ *Kolar B.* Slovenska cerkev v rasponu med domom in svetom // Vloga cerkve... S. 43.
- ⁶⁰ *Melik V.* Volitve na Slovenskem. Ljubljana, 1965. S. 297.
- ⁶¹ *Gross M.* Povijest pravaske ideologije. Zagreb, 1973. S. 116, 161, 176, 254.
- ⁶² *Novak V.* Magnum crimen. Zagreb, 1949. S. 9, 10.
- ⁶³ *Gantar-Godina I.* Neoslavizm in slovinci. Ljubljana, 1994. S. 143–146.
- ⁶⁴ *Фрейдзон В. И.* Проблема югославизма в Хорватии в начале XX в. // На путях к Югославии: за и против. М., 1997. С. 267.
- ⁶⁵ *Pleterski J.* Katoliška ali socialna, narodna ali ljudska stranka? // Cerkev, kultura in politika. 1890–1841. Ljubljana, 1993. S. 28.
- ⁶⁶ *Екмечић М.* Стварање Југославије. 1790–1918. Т. I. Београд, 1989. С. 317.
- ⁶⁷ *Берућ Д.* Српско грапанство у Босни и Херцеговини до 1918 године // Босна и Херцеговина од средњег века до новијег времена. Београд, 1995. С. 318, 322.
- ⁶⁸ *Њовевска М.* Толерантност «към» и «в» сръбския църковнорелигиозен живот в Босна и Херцеговина од края на XIX век // Босна и Херцеговина... С. 299, 301–303.
- ⁶⁹ *Вяземская Е. К.* Государственно-правовое и политическое развитие Боснии и Герцеговины в 1878–1918 гг. // Балканы в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С. 192.

Сущность и формы национального движения (анализ истории Польши и ряда других славянских стран)

Когда говорят о национальном движении, обычно это воспринимается, в первую очередь, как движение за национальную свободу и независимость, как национально-освободительная борьба народа. Видимо, причина такого восприятия кроется в специфике истории славянских стран, которые являются объектом нашего изучения. Большинство славянских народов в прошлом либо не имели собственной государственности, либо ее потеряли, попали под чужеземное ярмо и были вынуждены бороться за освобождение, причем борьба могла приобретать и часто приобретала острые формы, выливалась в вооруженные выступления. Но национальное движение не исчерпывается подобными проявлениями; само содержание этого понятия гораздо глубже и шире.

Характерно, что в XIX в. в стабильных и благополучных странах Европы такого явления как национальное движение не наблюдалось и не только потому, что они не находились под чужой властью. Сама перспектива оказаться под иноземным игмом или стать сателлитом какой-либо могущественной державы, попасть под иностранное влияние не была для этих государств актуальной, пока они оставались сильными и преуспевающими. Однако такая опасность возникала в случае ослабления, отставания от соседей. Именно это произошло с польским шляхетским государством: Речь Посполитая, являвшаяся в Средние века крупной региональной державой, с которой считались другие европейские государства, с XVI в. стала обнаруживать признаки слабости вследствие отставания в социально-экономическом развитии и специфики политического строя и в результате превратилась в объект политики соседних держав. Попытки преодолеть отставание, вернуться на сильные позиции потребовали проведения реформ – это были шаги, нацеленные на укрепление элементов складывавшейся нации, на сохранение независимости, государственности, а в конечном счете и национальной идентичности. Иными словами, возникло национальное движение, выразившееся в попытках изменения, преобразования национального организма.

Примеры того, как возникает такое, направленное на национальное развитие движение, жизненно важное для народа, для нации, не единичны. Возможно, наиболее близкий нам пример – политические и социально-экономические преобразования, происшедшие в нашей стране за последние полтора десятка

лет. Без проведения этих преобразований Россия рисковала потерять не только положение мировой державы, превратиться в заштатное государство, но и поступиться своим национальным суверенитетом, стать проводником чужих интересов. Всю опасность такого развития событий мы начинаем осознавать теперь, когда движение за преобразование страны принесло плоды и Россия возвращается на подобающие ей позиции в мировом сообществе.

Что же касается Речи Посполитой, то начатое ею национальное движение по пути политических и социальных реформ в конце XVIII в. прервали соседи – Россия, Австрия и Пруссия, совершившие разделы Польши. В течение дальнейших 123 лет в условиях отсутствия национальной государственности и территориальной целостности национальное движение польского народа осуществлялось в различных формах и приобрело характер национально-освободительной борьбы. Интенсивность национального движения возросла, а самыми яркими его проявлениями стали массовые вооруженные выступления. Первое из них – восстание под руководством Т. Костюшко произошло в 1794 г., за год до окончательного падения Речи Посполитой, и было подавлено царской армией. В дальнейшем вооруженные выступления против царизма имели место в 1830–1831 и в 1863–1864 гг. Антирусские восстания являлись наиболее масштабными. Так, в 1830–1831 гг. против русской армии сражались регулярные войска автономного Королевства Польского, и потому в польской историографии эта борьба получила название русско-польской войны. Массовым, упорным и длительным было Январское восстание 1863–1864 гг. Оно завершило эпоху шляхетских вооруженных выступлений, которые происходили как в Королевстве Польском, так и на польских землях, находившихся под властью Австрии и Пруссии. Восстание 1846 г. в Галиции, вошедшее в историю под именем «галицийской резни», носило не только национальный характер, но и было социально заострено: австрийским властям удалось направить гнев украинских крестьян против польской шляхты, представители которой стояли во главе движения. Следующее вооруженное выступление на территории Галиции – Краковское восстание 1848 г. вспыхнуло в разгар революции, происходившей в империи Габсбургов, и имело антиавстрийскую направленность. Тогда же разразилось и Познанское восстание, направленное против прусской власти.

Форма вооруженной борьбы была характерна для национального движения не одних лишь поляков. Мощные восстания сербов против турецкого владычества происходили еще в начале XIX в., в 1804 и 1815 гг. В эпоху «Весны народов» 1848–1849 гг. в вооруженную борьбу вступили и западные славяне Австрийской империи. В 1848 г. произошло восстание в Праге, и хотя Пражское восстание не являлось чисто чешским (в нем участвовали и немцы-жители города), оно обозначило национальный протест против австрийской власти и пробуждение чешского народа для активной борьбы. В его истории это было первое вооруженное выступление после поражения в битве под Белой горой. Одна-

ко из всех западнославянских народов наиболее активными в использовании самых острых форм национального движения были именно поляки. Их повстанческая борьба носила специфический характер: независимо от того, в какой из частей расчлененной Польши происходило восстание, в нем непременно принимали участие патриоты из всех польских земель, оно находило там помощь и поддержку, превращалось в общепольское выступление.

Разработкой повстанческих планов, подготовкой вооруженных выступлений занимались существовавшие в Польше тайные патриотические организации. Конспирация являлась характерной особенностью польского национально-освободительного движения. Как правило, конспираторы были связаны с польской политической эмиграцией, представлявшей собой уникальное явление как по своим масштабам, так и по значению. Деятельность польских эмигрантов в Европе и на Ближнем Востоке можно считать также специфической формой национальной борьбы, так как она обеспечивала польскому народу не только материальную помощь в организации вооруженных выступлений (оружие, добровольцы и пр.), но и поддержку общественного мнения Запада, содействовала установлению контактов польских патриотов с европейскими революционерами, с одной стороны, и европейскими правительствами, с другой. Эмиграция знакомила Запад с польской культурой, что способствовало росту авторитета Польши, привлекало к ней симпатии европейцев, влияло на складывание международной обстановки, благоприятной для польского национально-освободительного движения, на создание атмосферы сочувствия польским восстаниям. В еще большей степени этому способствовало непосредственное сотрудничество поляков с европейским революционным движением. Так, они принимали массовое участие во всех вооруженных выступлениях, происходивших в годы революции 1848–1849 гг. в разных частях Европы, а позже боролись за свободу и объединение Италии. В европейских революционных событиях участвовали также представители и других славянских народов, например, чешский радикал Й.-В. Фрич, но поляки вносили в борьбу элемент массовости и организации: они готовили вооружение, обучали добровольцев военному делу, формировали легионы. При этом польские патриоты, где бы они ни сражались, неизменно выступали под лозунгом борьбы за независимость Польши, против ее угнетателей.

Активность польских революционеров не снижалась, несмотря на то, что все вооруженные выступления на польских землях потерпели поражение. Другие формы национального движения польского народа были более результативными. Наряду с патриотами, стремившимися к революционным действиям в целях освобождения родины, существовала консервативно настроенная часть польского общества, готовая отложить достижение этих целей «на потом», а покамест ради защиты национальности и ее сохранения в условиях иностранного господства лояльно сотрудничать с чужой вла-

стью, одновременно работая над созданием экономического фундамента будущей независимой Польши. Таким образом, выдвигалась программа «органического труда», «работы у основ», ее пропагандировали, в частности, галицийские консерваторы. Такая форма национального движения особенно их привлекала, так как они видели, каких успехов в этом плане достигли чехи, осуществлявшие линию развития национальной экономики в рамках Австрийской империи и добившиеся того, что Чехия стала ее наиболее развитой в экономическом отношении частью. К концу XIX в. аналогичными результатами могло похвалиться и Королевство Польское, также занявшее в Российской империи место флагмана промышленного производства. Весьма характерно, что значение «органической работы» в целях создания экономической опоры национальных позиций сознавали и более слабые в плане социально-экономического развития народы. Так, словацкие деятели выдвигали идеи организации мелкого «словацкого» кредита, укрепления и развития крестьянских хозяйств в целях их материального подъема и т. п.

Наряду с задачей создания экономической базы нации, поляки считали необходимым укреплять ее духовные силы, развивать национальное самосознание. Речь шла, в первую очередь, о защите родного языка и культуры, сохранении исторической памяти, национальных традиций и обычаев, народного быта. В этой связи в польском обществе получили распространение такие проявления патриотизма, как демонстративное ношение старопольской одежды, исполнение в общественных местах польских песен и танцев, публичное празднование памятных дат польской истории. Осуществлялась целенаправленная «монументальная пропаганда» – возводились мемориалы в честь побед польского оружия, памятники героям польского народа. На полотнах польских художников находило отображение историческое прошлое страны, представляли картины родной природы. Особенно сильное эмоциональное воздействие оказывало искусство польских романтиков, способствовавшее воспитанию патриотических чувств: средствами музыки, живописи, поэзии создавался национальный идеал, побуждавший к борьбе за свободу родины. Для художников, скульпторов, музыкантов, литераторов стал характерным «императив национального служения». Одной из актуальных задач патриотического служения являлось возрождение национального языка и культуры на тех польских территориях, которые в течение веков подвергались денационализации. На Мазурах, в Поморье и Верхней Силезии возникло национальное движение, развивавшееся по линии просветительства – создавались польские школы, библиотеки, читальни, книжные лавки, основывались книгоиздательства, появилась польская пресса.

Это направление национального движения являлось типичным для всех славянских народов, которые в XIX в. развернули активную борьбу в защиту родного языка и национальной культуры против угрозы мадьяризации и онеме-

чения. В Чешских землях просветительную работу вела Славянская липа, в Словакии создавались библиотеки, читательские кружки и объединения подписчиков национальных периодических изданий; еще в 30–40-е гг. возникли Общество любителей словацкого языка и литературы, общесловацкое культурное общество «Татрин», в 60-е гг. некоторое время действовала Словацкая мастица. Но в движении, направленном в защиту национального языка и культуры, наряду с «мирной» просветительской деятельностью имели место также публичные выражения протеста, выступления в прессе, формулирование национальных манифестов и программ. Применялась и более жесткая форма борьбы. Так, в начале XX в. на Познанщине ответом на ужесточение германизаторской политики и попытки онемечить школьное обучение стала упорная «школьная забастовка», в которой участвовали ученики и их родители. Использовались также средства конспирации: когда после подавления восстания 1863–1864 гг. в Королевстве Польском царизм начал последовательно проводить русификаторский курс в области школьного преподавания и даже богослужения, польские патриоты организовали тайное обучение детей на родном языке.

Выступая за национальное равенство во всех сферах жизни, за право пользоваться родным языком в школе, суде, администрации, славяне опирались в своей аргументации как на историческое право, так и на естественное право народов-автохтонов и моральные принципы. Эти позиции они отстаивали также еще на одном поприще национального движения – на арене парламентской борьбы, выдвигая там национальные требования, защищая социальные, экономические и культурные интересы своего народа. Такая форма национальной борьбы была доступна тем славянским народам, которые имели местные сеймы и ландтаги, а также были представлены в венском и берлинском парламентах, где составляли особые фракции. К данной категории относились и поляки, находившиеся под властью Пруссии и Австрии. Что же касается Королевства Польского, то оно обладало своим сеймом в период автономии 1815–1831 гг., а следующий этап парламентской борьбы поляков, живших в Российской империи, наступил только в начале XX в., когда в результате революции 1905–1907 гг. в Петербурге начала работу Российская Государственная дума и в ней появилось Польское коло.

Все формы национального движения славян, как «мирные», так и связанные с вооруженной борьбой, были направлены на сохранение национальной идентичности, служили развитию материальных и духовных сил народа, росту национального самосознания и в конечном итоге способствовали завершению процесса формирования нации. Для поляков этот процесс завершился после того, как их национально-освободительная борьба привела к воссоединению польских земель и возрождению Польского государства в 1918 г. Тогда же обрели национальную государственность чехи и словаки, а также объединившиеся югославянские народы.

Национально-языковая ориентация Ордена Святого Василия Великого в Подкарпатской Руси и Восточной Словакии в 1920–1930-х гг.

Проблематика национально-языковой ориентации (ориентаций) Ордена Святого Василия Великого (далее – ОСВВ)¹ (конкретнее, его наиболее активной – мужской ветви) в Подкарпатской Руси и Восточной Словакии в течение 1920–1930-х гг. принадлежит к спектру тем, которые посвящены сложным и, по сути, еще до сегодняшнего дня не оконченным процессам конкуренции различных этнонациональных идеологий в среде русинов – коренного восточнославянского населения Карпатского региона. Монашеские ордены, и в первую очередь отцы василяне (базилиане), будучи специфической частью духовенства, принимали самое непосредственное участие в формировании этнонациональной идентичности местных греко-католических (униатских) верующих. Вследствие этого изучение нюансов национально-языковой политики данного ордена и его конкретных представителей приобретает повышенное значение. Исходя из этого, целью данной статьи является попытка кратко проанализировать национально-языковые установки василян, действовавших на востоке Чехословацкой Республики (ЧСР), в межвоенный период. Несмотря на кажущуюся разработанность избранной темы, думается, что свежий взгляд не будет лишним.

Как известно, общественно-политическая атмосфера молодой Чехословакии значительно более благоприятствовала здоровому соперничеству как между различными конфессиями, так и между разными этнонациональными ориентациями – особенно, в случае русинского населения. Подчеркнем, что именно в период между двумя мировыми войнами, конкуренция между национально-языковыми направлениями в русинской среде достигла наибольшего накала.

Можно выделить, как минимум, три основные точки зрения на вопрос об этнонациональной принадлежности местных русинов и тесно связанную с ним проблему выбора литературного языка. Речь идет о:

1. *русофилах* – сторонниках принадлежности к единому русскому (общевосточнославянскому, но не конкретно великорусскому) народу и, соответственно, русского языка;
2. *украинофилах* – адептах украинской национальной идеи, поборниках введения украинского литературного языка;

3. *русинофилах* – приверженцах идеи самостоятельного в рамках славянского мира карпаторусского или русинского народа и литературного языка, созданного с активным использованием местных восточнославянских наречий.

Примечательно, что между данными ориентациями – в особенности между русофильством и русинофильством, русинофильством и украинофильством – во взглядах конкретных деятелей нередко могли существовать переходные идеологические варианты, весьма тяжело описываемые с помощью приведенной популярной классификации. Также важно отметить, что эти ориентации могли быть присущи не только носителям восточнославянских диалектов, но и венграм и словакам по языку, которые исповедовали греко-католицизм. В свою очередь, концепция венгерской нации лишь приветствовала процессы мадьяризации славянского населения в границах исторической Венгрии (протогонисты этой идеи известны как мадьяроны). Словацкие же националисты, ссылаясь на многочисленные языковые заимствования, нередко рассматривали западных русинов как часть словацкого народа².

Следовательно, чисто теоретически василиане могли поддерживать различные национально-языковые ориентации. Тем более, что в отличие от соседней Галичины, где в лоне Греко-католической церкви почти полностью победила одна (украинофильская) ориентация, на южных склонах Карпат в среде греко-католического духовенства в это же время не наблюдалось даже приблизительного идеологического единства³.

К сожалению, в настоящее время сам вопрос о национально-языковой ориентации ОСВВ многими, видимо, считается решенным, и поэтому, насколько нам известно, отсутствует монография, которая была бы специально посвящена избранной нами проблематике. Вместе с тем, определенную помощь в знакомстве с заявленной темой могут оказать имеющиеся работы об истории Греко-католической церкви и, конкретно, деятельности отцов василиан на территории Подкарпатской Руси и Восточной Словакии. В частности, речь идет о публикациях о. Атанаса Пекара⁴, Василия Фенича⁵, Игоря Лихтея⁶, о. Иосафата Тимковича⁷ и др.

Начиная с правления папы Гонория III (1216–1227) название «василиане» использовалось в папских документах применительно к монахам византийского обряда (*greaci ritus*)⁸. Данная терминология прижилась также в польско-литовских землях и Венгерском королевстве. Создание из разрозненных «василианских» монастырей единой Конгрегации, произошедшее в Речи Посполитой под руководством униатского митрополита Иосифа Рутского в начале XVII в., по сути, положило начало ОСВВ в нынешнем смысле слова. Именно отсюда берут свое начало современные василианские структуры, расположенные на южных склонах Карпат. Вследствие политических причин, начиная с 60-х гг. XVII в., мы можем говорить о самостоятельной, в зависимости от терминологии венгерской или карпаторусской, провинции ОСВВ⁹. По состоянию на 1913 г. ее монастыри находились на

территории следующих четырех епархий: Мукачевской, Пряшевской, Герлянской (румынской) и Гайдудорожской (венгерской)¹⁰.

Перипетии истории данной василианской провинции во многом объясняют национально-языковую ориентацию василиан в межвоенный период. Примечательно, что во второй половине XIX в. среди монахов преобладали носители русофильских и мадяронских взглядов. Так, к примеру, протоигуменом Мукачевского Свято-Николаевского монастыря ОСВВ являлся один из известнейших «будителей» Угорской Руси, убежденный русофил о. Антатолий Кралицкий (1835–1894)¹¹. Вследствие этого большинство южнокарпатских василиан негативно восприняло реформу ОСВВ, начавшуюся в 1921 г.¹² и проводившуюся с разрешения Рима галицкими василианами, которые являлись преимущественно украинофилами (в Галичине подобная реформа началась в 1882 г. и реализовывалась с помощью иезуитов)¹³. Смысл реформы заключался в дополнении сугубо монастырских послушаний василиан (молитва, ручной и интеллектуальный труд) активной работой с верующими (миссии, образование, печать). Показательно, что из 21 иеромонахов карпаторусской провинции реформу приняло только 10 человек¹⁴. Как отмечает о. Атанасий Пекар, крайнее неприятие реформы и пришлых галицких собратьев показали именно «монахи-мадяроны, которые уже привыкли к бездельной и удобной жизни»¹⁵. Это утверждение одновременно может свидетельствовать не только о социальных, но и национально-языковых причинах антипатий к реформе ОСВВ у нереформированных василиан.

Центром реформы стал Свято-Николаевский монастырь на Чернечьей горе около Мукачева. Кроме него в границах Чехословакии сохранились василианские обители в следующих населенных пунктах: Ужгороде, Малом Березном, Бороняве и Имстичеве. Игуменом Свято-Николаевского монастыря стал о. Иероним Малицкий, экономом – о. Поликарп Булик (1885–1961), заведующим новициатом – о. Глеб Кинах – все уроженцы Галичины, идейные украинцы. Позднее о. Малицкий стал игуменом ужгородского монастыря, а его прежнее место занял о. Булик. Также галичане заняли ряд других, менее важных, но все же влиятельных в рамках братской жизни постов¹⁶.

После проведения реформы в 1932 г. на базе прежней карпаторусской провинции была создана Провинция св. Николая, в которую вошли василианские монастыри на территории Чехословакии, Венгрии, Румынии и Югославии. Первым ее протоигуменом стал все тот же о. Булик¹⁷.

Чехословацкие власти подозревали василиан в украинском ирредентизме и античешских настроениях. Галицкое происхождение многих монахов, ассоциировавшееся с украинофильством, крайне негативно воспринималось особенно многочисленными в 1920-е – начале 1930-х гг. русофилами¹⁸.

В то же время, как свидетельствуют архивные находки ужгородского исследователя Игоря Лихтея, в 1926 г. ужгородскую полицию настаоражи-

вали активные контакты местных монахов с братьями по ОСВВ в соседней Венгрии, в частности, регулярные посещения венгерскими василианами подкарпатских монастырей. Высказывались даже обвинения в преимущественном мадяронстве василиан¹⁹, что, думается, верно, главным образом, для нереформированных членов ОСВВ. Принимая во внимание то, что данное мнение не находит подтверждения в других источниках, осмелимся предположить, что речь идет о недостаточно компетентных выводах одного из полицейских чиновников, которые не отражают всю сложность ситуации в василианской среде.

Интересно, что явным покровителем василиан выступил Мукачевский епископ Петр Гебей (1864–1931), который оказывал протекцию ордену, вероятно всего, из религиозных соображений. Во имя торжества греко-католичества он был готов сотрудничать как с русофилами, так и с украинофилами, являясь к тому же почетным членом организаций обоих направлений²⁰. Гораздо менее доброжелательным к василианам по сравнению с Петром Гебеем проявил себя пришедший ему на смену епископ Александр Стойка (1890–1943) – патриот исторической Венгрии и идейный сторонник русинофильства в форме угро-русскости²¹.

В целом, необходимо отметить, что реформированные василиане, ведомые преимущественно галичанами, несмотря на многочисленные сложности, сумели уже в течение первых десяти лет реформы увеличить количество членов ОСВВ в Подкарпатской Руси более чем в десять раз. К 1933 г. орден насчитывал в чехословацких границах 129 человек, из которых 34 были иеромонахами²². Исходя даже из этого, можно представить, какое заметное влияние играл ОСВВ в общественно-культурной жизни.

Мы уже частично коснулись специфики взаимоотношений между василианами, в т. ч. вытекающей из места их рождения, этнической принадлежности и национально-языковых симпатий. Однако для того, чтобы не сложилось одностороннее мнение о преимущественно галицком характере реформированного ОСВВ, необходимо также упомянуть о служении василиан – уроженцев южнокарпатских греко-католических епархий.

Формально с начала реформирования ОСВВ протонгуменом оставался принявший реформу прежний предстоятель василиан всего Венгерского королевства о. Иоаким Хома (1870–1931). Тем не менее, вследствие слабого здоровья вплоть до кончины он провел в ужгородском монастыре, где занимался литературной деятельностью и фактически не влиял на тогдашнюю жизнь ордена²³. В 1921 г. в новициат Свято-Николаевского монастыря поступили первые три кандидата из Мариаповча (Венгрия) – Николай Дудаш (?–1972), Матей Евчак (?–1975) и Иосафат Шандор (?–1953) – получившие позднее известность как мадяризаторы греко-католической церковной жизни в Венгрии²⁴. В 1924 г. реформу в малоберезнянском монастыре возглавил

о. Павел Гойдич (1888–1960) – будущий епископ Пряшевский, известный своим подчеркнутым карпаторусским (а в отдельных случаях – общерусским) патриотизмом²⁵. Таким образом, естественно, что ОСВВ был вынужден черпать человеческие ресурсы на месте – особенно, принимая во внимание упоминавшееся выше более чем десятикратное увеличение членов ордена. Однако все же очевидно, что ни кандидаты в монахи и иеромонахи, ни епископ Гойдич не формировали национально-языковую политику ОСВВ.

Необходимо отметить, что некоторые старые местные кадры в идеологическом отношении скорее примыкали к позициям тех василиан, которые прибыли из Галичины. Ярким примером может являться уроженец Мукачевщины о. Теофан Скиба (1883–1961), активно принимавший участие в украинофильской общественной жизни²⁶. Поэтому, думается, совершенно не корректно отождествлять всех местных уроженцев только с мадяронством, русофильством и русинофильством. Тем более это недопустимо по отношению к молодежи, которая в значительной степени формировалась уже под влиянием реформированных василиан.

Для описания атмосферы, царившей в подкарпатских василианских монастырях в 1920–1930-е гг., неоценимое значение имеют дошедшие до нас воспоминания самих монахов и послушников. Несмотря на известную долю субъективности и даже тенденциозности, а также возможные неточности, часто связанные с прошествием длительного времени, именно эти внутренние свидетельства являют собой первостепенный источник по изучению бытовых взаимоотношений в василианской среде, которые были тесно связаны с этническим происхождением и национально-языковыми предпочтениями конкретных индивидуумов.

В данном контексте исключительно любопытно свидетельство одного из пионеров словацкого национализма в Греко-католической церкви Микулаша Филло (*Mikuláš Fillo*), который в начале 1930-х гг. был василианским послушником сначала в Галичине, а затем в Подкарпатской Руси. В своем письме епископу Павлу Гойдичу от 16 июня 1939 г., в котором он критикует епископскую политику за преференцию русинов, Филло следующим образом вспоминает свое пребывание у галицких и подкарпатских василиан, подчеркивая отличия между ними: «С почтением и благодарностью я буду вечно помнить отцов василиан в Галичине, где я впервые в жизни восхищался истинной монашеской дисциплиной и гармонией. Там я воспылал любовью к нашим священным восточным обрядам и там я познал чистую любовь к нации и настоящий, подлинный национализм. Василиане в Галичине меня не денационализировали, но уважали мое племенное славянское происхождение. Честь им за это. Однако совсем иначе было в Подкарпатье, где нас ежедневно потчевали иногда аж выпирающим украинским национализмом, и этого я уже не мог стерпеть. Нас, словаков, там не признавали. Нам сказали, что нам не нужен словацкий язык и что мы никогда не будем

трудиться в Словакии (в данном контексте, видимо, Словакия понимается как этническая территория, а не административно-территориальная единица, т. к. хорошо известно, что василиане активно окормляли греко-католиков Восточной Словакии. – М. Д.). На генеральной визитации в Малом Березном в 1933 г. досточтимый провинциал о. Булик тогда меня спросил, действительно ли я словак, и я ответил, что да. Я был им поставлен в известность, что на свете не существует греко-католических словаков... Якобы стремление искусственно создать словацких греко-католиков возникло только в разгоряченных недовольных головах. ... Я должен был решать, остаться ли мне в монастыре и ассимилироваться с украинцами или оставить орден и быть добрым словаком. Я избрал последнее»²⁷.

На основании приведенного свидетельства очевидно, что подкарпатские василиане поддерживали даже более украинофильский дух, нежели их коллеги в соседней Галичине. Филло однозначно подчеркивает более значимую роль украинского национализма в жизни василиан Подкарпатской Руси, а также отсутствие плюрализма. Правда, очевидно, что для автора цитаты своеобразной лакмусовой бумажкой является отношение к греко-католическим словакам (носителям словацких диалектов греко-католического вероисповедания), которых подкарпатские василиане рассматривали лишь как словакизированных русинов²⁸. Справедливости ради отметим, что, хотя применительно к василианам Филло говорит лишь об украинцах и украинском национализме, другие, нецитировавшиеся, части этого письма указывают на его слабую информированность о внутреннем членении восточного славянства. На это наталкивает не сопровождающееся должными пояснениями почти что отождествление украинского, русинского и русского начал.

Если Филло изначально считал себя словаком и не отождествлял ни с одним из восточнославянских народов и языков, совершенно иначе оценивал национально-языковую ориентацию в ОСВВ будущий видный представитель ордена, украинский националист, а тогда еще юный русофил из Пряшева Севастьян Сабол (1909–2003, лит. псевдоним – Зореслав). Именно в василианском монастыре на Чернечьей горе он постепенно начал переходить от первоначальных русофильских позиций к сознательному украинству. Насколько можно судить, на выбор этнонациональной идентичности Сабола повлияли не только сами василиане, но и созданная ими атмосфера, сближавшая Подкарпатскую Русь с галицкими реалиями. Позволим себе процитировать небольшой отрывок из интервью с ним 1990 г.: «Первый раз я услышал украинский язык, когда поступил в монастырь отцов василиан на Чернечьей горе около Мукачева. Воспитателями молодых «вступників», таких как я, были отцы из Галичины. Признаю, что я сразу же искренне возненавидел ихнее украинское «молитишя», «кляса» (галицизмы. – М. Д.), «кінь», «віл», а потом вспомнил, что парни из Межилаборец или из Чабин (преимущественно русинские населенные пункты в

Северо-Восточной Словакии. – М. Д.), которые учились со мной в Пряшевской горожанке, тоже так говорили. А я их за это ненавидел и ругал их: «Вы – русины, а по-украински говорите!» ... А потом в монастырь на Чернечьей горе приходили набожные паломники из карпатских гор – бойки, гуцулы, верховинцы, я прислушался к их языку и слышу, что это язык украинский. Я начал спрашивать себя: «какой язык является языком моего народа? Тот, которому меня учили в Пряшеве, или тот, на котором говорят передо мной живые русины-верховинцы?». И, признаюсь, что это очень подействовало на меня и в значительной степени уже тогда оттолкнуло меня от москвофильства»²⁹. Должно отметить, что окончательный переход на позиции украинофильства произошел у Сабола несколько позднее, во время учебы в Лаврове и Добромиле в Галичине. Однако очевидно, что еще пребывание у василиан в Подкарпатской Руси положило начало его украинскому мировоззрению.

Таким образом, на основании приведенных фактов напрашивается следующий, в принципе ожидаемый, вывод. Несмотря на относительно пестрый этнический состав подкарпатских василиан в 1920–1930-х гг., господствовавшей национально-языковой ориентацией, являвшейся своеобразным василианским эталоном, было украинофильство, главными идеологами которого выступали уроженцы Галичины. В то же время, нам очевидно, что в монастырях ОСВВ все же были отдельные индивидуумы, которые не разделяли украинофильские идейные установки, считая себя либо представителями иных национальностей (венгерской, словацкой), или придерживаясь конкурирующих национально-языковых ориентаций, что было проиллюстрировано на примере С. Сабола.

Как известно, межвоенная Подкарпатская Русь и Восточная Словакия явились ареной не только национально-языковой, но и конфессиональной борьбы, происходившей между адептами греко-католичества и сильно увеличившими свое присутствие по сравнению с XIX в. сторонниками Православной церкви. Распространение православия было обусловлено как его популярностью у тесно связанной со «старым краем» русинской диаспоры в США, так и, не в последнюю очередь, приходом в регион российских белоэмигрантов³⁰. Главные православные центры располагались на значительном расстоянии друг от друга: в окрестностях Свидника в Словакии, Мукачева на западе Подкарпатской Руси и Ясенья на востоке региона.

Именно благодаря миссионерским усилиям василиан, идейно вдохновляемым прибывшим в 1924 г. из Галичины о. Степаном Решетило (1889–1950), православное движение удалось локализовать, достигнув в этом особых успехов на подкарпатской части Гуцульщины. Так, с 1921 по 1931 гг. василиане провели 110 так называемых «народных миссий», 132 закрытые реколекции и выслушали свыше 120 тысяч исповедей³¹.

Примечательно, что сами василиане, действовавшие задолго до II-го Ватиканского собора, внесшего большую толерантность в межхристианский

диалог, формулировали объект своей борьбы именно как «московское православие»³², подчеркивая тем самым и предполагаемый источник его происхождения. Как отмечают исследователи В. Фенич и Орест Цапулич, успех василиан вызвал обеспокоенность среди местных русофилов³³. Это обстоятельство косвенно указывает на враждебные русофильству национально-языковые аспекты василианского миссионерства.

В качестве иллюстрации миссионерской деятельности ОСВВ мы хотели бы привести эпизод, связанный с духовным окормлением греко-католиков в столице Чехословакии – Праге, где в межвоенный период их оказалось значительное количество. Примечательно, что среди тамошних греко-католических верующих были представлены как выходцы из Подкарпатской Руси и Восточной Словакии (русины, словаки, венгры), так и украинские эмигранты из Галичины. Кроме того Прага стала одним из центров малочисленных, но активных русских католиков восточного обряда, пытавшихся привлечь к католицизму российских эмигрантов. Общая численность всех греко-католиков разных национальностей в самой Праге и ее окрестностях составляла к 1929 г. уже около 9000 человек³⁴. Принимая во внимание то, что эта разнородная публика была вынуждена регулярно соприкасаться в рамках приходской жизни (богослужения совершались всего в одном-двух местах), нередко возникали проблемы как обрядового, так и национально-языкового характера. Как свидетельствует корреспонденция служившего в Праге греко-католического духовенства, наибольшие проблемы в пастырской деятельности создавали эмигранты из Галичины – идейные украинцы, настроенные подчеркнуто националистически. Их, в частности, не устраивал языковой узус проповедей, а также сознательно нейтральная позиция пражских священников (преимущественно русинов из Восточной Словакии) в национально-языковом вопросе. Вследствие этого галицко-украинские эмигранты, несмотря на свою значительную численность, все более и более игнорировали богослужения, удаляясь от церковной жизни. Настоятель пражского греко-католического прихода о. Василий Гопко (1904–1976) неоднократно обращался к епископу Павлу Гойдичу с просьбой прислать для работы с галичанами священника-украинца. В 1935 г. пряшевский епископ удовлетворил эту просьбу, предварительно сконтактировавшись с собратьями по ОСВВ в Подкарпатской Руси. Для миссии в Прагу прибыл василианин о. Христофор Миськив (1905–1973), по происхождению галичанин, который впоследствии неоднократно находился в чехословацкой столице³⁵. Миськив, которого Гопко называет «патентованным украинцем»³⁶, во всех своих проповедях (естественно, на украинском языке) обязательно неоднократно использовал этноним «украинцы». Данное обстоятельство сильно привлекало к приходской жизни галичан, однако резко отталкивало русофильски настроенное русинское студенчество из Подкарпатской Руси и Восточной Словакии, тем самым способствуя и без того высокому уровню взаимной конфронтации в среде пражских греко-католических верующих³⁷.

В отчете епископу Гойдичу о своей миссионерской работе в Чехии с 18 апреля по 14 мая 1935 г. Миськив называет выходцев из Подкарпатской Руси «украинцами из Подкарпатья»³⁸. Там же он предлагает, чтобы в Праге регулярно находилось, как минимум, три греко-католических священника – для русских (в оригинале «для руссiв»), для украинцев в Праге и для украинцев в других близлежащих населенных пунктах³⁹. Отметим, что тематика конкуренции в пражской греко-католической среде представителей различных этнических групп и сторонников разных национально-языковых ориентаций исследована все еще недостаточно⁴⁰. Однако позиция василианина Х. Миськива весьма понятна и, очевидно, хорошо вписывается в общий, преимущественно украинофильский, портрет ОСВВ в тогдашней Чехословакии.

Именно в рамках обзора василианской миссионерской деятельности уместнее всего упомянуть празднества, организованные ОСВВ в связи с «900-летием посвящения Руси-Украины Божьей Матери», отмечавшиеся на Благовещение 1938 г. Праздник Марии – Царицы Украины, как его называли организаторы, был одновременно проведен сразу в нескольких населенных пунктах Подкарпатской Руси, в частности, в Перечине, Невицком, Великом Бычкове и др. Подготовка к данным мероприятиям началась еще летом 1937 г. Примечательно, что, согласно сведениям В. Фенича и О. Цапулича, идейный организатор празднеств о. Христофор Миськив консультировался в Праге по данному поводу с руководителями Организации украинских националистов, «чтобы этим (праздником Марии – Царицы Украины. – М. Д.) подчеркнуть единство закарпатских украинцев со своим материком»⁴¹.

Исходя из вышесказанного, не возникает сомнения, что василианские миссии, направленные на укрепление в массах греко-католицизма, в то же время являлись одной из форм популяризации украинской национально-языковой ориентации.

Важным рычагом воздействия на греко-католические массы стало как прямое, так и косвенное участие подкарпатских василиан в вопросах образования и воспитания молодого поколения.

Еще до образования Чехословакии и реформы ОСВВ, в 1912 г., ужгородские василиане во главе с игуменом А. Максимом открыли бурсу (интернат) для учащейся молодежи, в которой ежегодно воспитывалось 70–90 мальчиков. Бурса имела собственную библиотеку, свой хор, оркестр, драматический кружок и т. д. Эти традиции были также продолжены и после начала реформы. Количество воспитанников неуклонно росло и к концу 30-х гг. составляло уже около 150 человек.

Естественно, изменились идеологические акценты при воспитании. Так, например, хорошо известны инициативы галичанина о. Иосафата Роги, пребывавшего в Ужгороде в 1931–1934 гг., по популяризации украинской национальной музыки. В 1935–1937 гг. воспитанием подрастающего поколе-

ния здесь занимался о. Христофор Миськив⁴², игравший вследствие своей повышенной активности особую роль в василианской работе с молодежью.

Отметим, что тот же Миськив являлся духовным наставником в лагерях украинофильской молодежной организации скаутского типа «Пласт», в том числе был куренным капелланом «пластунов» при Мукачевской торговой академии (вместе с василианином местного происхождения о. Иваном Сатмарием) и окормлял Лесную школу в Солочине, в которой готовились вожаки этой организации⁴³. Кроме этого он активно поддерживал вступление учащихся средних учебных заведений в созданное им религиозное общество «Борщы Христа», а студентов – в Общество украинских католических студентов св. Владимира (Товариство українських католицьких студентів св. Володимира).

Очевидно, что Миськив работал также и с учительством. Красноречиво звучит, например, следующий пассаж из его воспоминаний: «Местечко Перечин было твердыней украинства. Здесь я назначил учительницу Анну Добей главной ревнительницей детских кружков во всей округе. Эта набожная и ревностная учительница перетянула на свою сторону всех учительниц, даже мадьяронок»⁴⁴. Позднее, являясь студентом двух пражских университетов, Миськив самым непосредственным образом вел духовную (и судя по всему, также национальную) работу среди студенчества⁴⁵.

Несомненное воздействие на идейное становление молодежи должна была оказывать классическая василианская гимназия в Ужгороде, действовавшая под непосредственным патронатом протоигумена о. Поликарпа Булика. В 1937/1938 учебном году в гимназии было 84 ученика, в следующем – уже 226. Однако справедливости ради отметим, что гимназия была открыта лишь в 1937 г., поэтому до Венского арбитража, в результате которого Ужгород отошел к Венгрии, она не успела реализовать все планы, имевшиеся у ее организаторов⁴⁶.

Что касается получения богословского образования самими василианами, то до начала 1930-х гг. подкарпатские монахи ОСВВ регулярно посылались на студии в украинские греко-католические учебные заведения соседней Галичины. В 1932 г., после кончины покровительствовавшего василианам епископа П. Гебея, чехословацкие власти официально запретили эту практику. В результате василиане были вынуждены открыть отдельные классы в собственных монастырях в Малом Березном, Мукачево и Ужгороде⁴⁷. О господствовавшей в них идеологической атмосфере мы упомянули выше. Здесь хотелось бы лишь процитировать красноречивый вывод в этой связи Павла Роберта Магочия: «Этими учреждениями (василианскими. – М.Д.) руководили галичане Стефан Решетило, Глеб Кинах, Поликарп Булик, Иосиф Мартинец; на их лекциях выросло новое поколение подкарпатского украинофильского духовенства: поэт Севастьян Сабол-Зореслав, будущие историки-эмигранты Атанасий Пекар (р. 1922 г.) и Александр Баран (р. 1926 г.)»⁴⁸.

Подытоживая сказанное, следует подчеркнуть, что школьная система василиан, как и известные нам их внешкольные инициативы по работе с молодежью в идеологическом аспекте носили подчеркнутый украинофильский характер.

Не менее важным рычагом воздействия ОСВВ на верующие массы, чем работа с молодым поколением, стала его активная издательская деятельность, позволявшая значительно расширить радиус пропаганды.

Реформированные василиане хорошо понимали значимость издательского дела, с самого начала своей работы в Подкарпатской Руси стремясь завести собственную типографию. В сентябре 1925 г. было официально открыто Издательство отцов василиан в Ужгороде (Видавництво ОО. Василян в Ужгороді), основателем которого стал игумен ужгородского монастыря галичанин о. Петр Котович⁴⁹.

Издательство выпускало многочисленные брошюры преимущественно антиправославного или антиалкогольного содержания, предназначенные для распространения в простонародной среде. Автором многих из них был сам о. Котович. Насколько можно судить по дошедшим до нас названиям («Ци правда?», «О походженю Святого Духа», «П'яницям на закуску», «Погарчик для тверезих» и др.), их язык, видимо, сочетал литературные украинские элементы вместе с местными диалектными. При этом использовалось не очень популярное в регионе фонетическое правописание, больше характерное для соседней Галичины. Также василиане издавали на украинском языке произведения зарубежных католических духовных авторов – о. И. Скарамелли, о. А. Родригеза, о. Скуполи, о. Сен-Жира и др., предназначавшиеся, очевидно, для более искушенной публики. Симптоматично, что значительная часть этих василианских изданий, хотя и подготавливалась в Подкарпатской Руси, печаталась в василианской типографии в галицкой Жолкве⁵⁰. Общее же количество вышедших с 1925 по 1935 гг. религиозных брошюр, альманахов, молитвенников и т. д. только в ужгородской василианской типографии составило около 375 тыс. экземпляров⁵¹.

По договоренности с епископским ординариатом в Мукачево, василиане принимали также активное участие в редактировании газеты (по форме скорее журнала) «Благовѣстникъ», характеризовавшей себя на обложке как «духовна газета для подкарпатських Русинов». Основателем и формальным редактором «Благовѣстника» являлся не имевший прямого отношения к ОСВВ о. Августин Волошин (1874–1945) – один из крупнейших подкарпатских украинофилов из числа местных уроженцев⁵². Идеологически газета шла приблизительно в том же фарватере, что и упоминавшиеся василианские брошюры для народа⁵³.

По мнению историка-карпатоведа Ивана Попа, «Благовѣстникъ» выпускался на русинском языке с использованием этимологического подхода. Исключения составили несколько номеров за 1939 г., когда редакторские обязанности были возложены на василианина о. Севастьяна Сабола. Во время его редактор-

ства газета временно перешла на украинский язык с фонетическим правописанием⁵⁴. В действительности, несмотря на этимологическое правописание, язык издания, хотя и приближался к усредненной народной речи Подкарпатской Руси, уже содержал украинизмы – в чем можно легко убедиться даже при беглом знакомстве с «Благовѣстником». Вместе с тем, насколько мы можем судить по доступным нам номерам за 1926 г., издание все же адресовалось *русинам*, а не *украинцам*, и характеризовало свой язык именно как «русский». Из этого можно сделать вывод, что «Благовѣстник», по крайней мере, на начальных этапах, внешне не являлся подчеркнуто украинофильским печатным органом.

Начиная с 1936 г. василиане начали издавать на земплинском диалекте словацкого языка журнал «Misionar Najsv. Serca Isusovoho». Им дважды удалось выпустить ежегодное приложение к нему «Kalendar Misionara» (за 1937 и 1938 гг.). Редактором был уже упоминавшийся о. Севастьян Сабол, который, к слову, был на половину словаком и с детства владел ближайшим к земплинскому шарошским диалектом⁵⁵.

Примечательно, что идея издания периодической литературы по-словацки исходила не из среды самого ОСВВ, а от несимпатизировавшего ордену епископа А. Стойки⁵⁶. Важно отметить, что, несмотря на языковой стандарт, эти издания все же были далеки от словацкой национальной идеи⁵⁷.

Исходя из сказанного, напрашивается вывод, что ОСВВ активно участвовал в издательской и тесно с ней связанной редакционной деятельности, тем самым активно воздействуя на читающее население сразу нескольких социальных и этноязыковых слоев. В частности, печатная продукция василиан появлялась как на украинском языке, так и на местной русинской и словацкой речи. Последнее, на наш взгляд, было преимущественно вызвано прагматическими соображениями, чтобы издания дошли к как можно большему количеству местных читателей, в том числе по тем или иным причинам игнорировавшим украинский язык. В целом, несмотря на некоторую спорность ориентации «Благовѣстника», думается, верно утверждение, что издательский труд василиан проходил в том же преимущественно украинофильском ключе, как и другие упоминавшиеся сферы деятельности ОСВВ.

Подводя общий итог, необходимо отметить, что василиане, несмотря на многочисленные трудности и препятствия, в течение 20–30-х гг. XX в. оказали всестороннее влияние на общественно-культурную жизнь Подкарпатской Руси и, в несколько меньшей степени, Восточной Словакии.

Несмотря на довольно неоднородный этнический состав василиан в 1920–1930-х гг., господствовавшей национально-языковой ориентацией было украинофильство, главными идеологами которого выступали находившиеся у руководства ОСВВ уроженцы Галичины. Вместе с тем нельзя отрицать, что в орбите ордена также были (хотя бы временно) отдельные индивидуумы, которые не разделяли украинофильские идейные установки, счи-

тая себя либо представителями венгерской и словацкой национальностей, либо же придерживаясь конкурирующих с украинофильством национально-языковых ориентаций, в частности, русофильства.

Украинофильская национально-языковая ориентация, выражавшаяся в стремлении привить русинам украинскую этнонациональную идентичность и украинский литературный язык, в той или иной степени проявлялась как во внутримонастырской жизни, так и в миссионерстве, работе с молодежью, издательской деятельности. Правда, нужно подчеркнуть, что в различных областях украинофильство проявлялось в разной степени: если в братской жизни оно было своеобразным эталоном, почти не обсуждаемым образцом для подражания, то в издательской работе для достижения прагматических целей делались некоторые, скорее всего, внешние, уступки, в частности, по отношению к русофильству. К подобным тактическим уступкам, вероятно, правильнее отнести и издание василианами литературы для словацкоязычных греко-католиков.

В заключение, хотелось бы отметить, что настоящие выводы не претендуют на окончательность. Они, несомненно, еще нуждаются в дальнейшей детализации, а, может быть, и в некоторой корректировке. Это будет возможно в случае существенного расширения круга источников, непосредственно относящихся к затронутой теме.

Примечания

¹ Лат. *Ordo Sancti Basilii Magni*.

² В связи с возможностью принятия греко-католиками различных этнонациональных идентичностей см. нашу статью: Дронов М. К вопросу об этнонациональной идентичности греко-католиков и православных Восточной Словакии в межвоенный период // Русские и словаки в XIX–XX вв.: конфликты, взаимодействие, стереотипы. Материалы Международной научной конференции, приуроченной ко Второму заседанию Комиссии историков России и Словакии (Москва, 2–4 октября 2007 г.). М.–Йошкар-Ола, 2007.

³ Магочий П. Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948) / Авторизований переклад з англійської. Ужгород, 1994. С. 113–116.

⁴ Пекар А., ЧСВВ. Василіянська Провінція св. Миколая на Закарпатті // Нарис історії Василіянського Чину Святого Йосафата. Рим, 1992; Пекар А. В., ЧСВВ. Нариси історії Церкви Закарпаття. Рим-Львів, 1997. Т. I–II. Будучи уроженцем Подкарпатської Русі, но в то же время убежденнейшим украинофилем, этот автор, увы, особенно далек от беспристрастности в описании этнонациональных процессов.

⁵ Феніч В. Конфесійна та національна ідентичність духовенства Мукачівської греко-католицької єпархії // Науковий збірник Товариства «Просвіта» в Ужгороді. Річник V–VII (XIX–XXI). Ужгород, 2003; Феніч В., Цанулич О. Малоберезнянський Свято-Миколаївський монастир та нарис історії Чину св. Василя Великого на Закарпатті. Ужгород, 2004.

⁶ Lichtej I. Formovanie národného vedomia v prostredí duchovenstva Mukačevskej gréckokatolíckej eparchie v 20. rokoch 20. storočia // Cirkvi a národy strednej Európy (1800–1950). Die Kirchen und Völker Mitteleuropas (1800–1950) / Zostavili Švorc P., Harbuľová L., Schwarz K. Prešov; Wien, 2008.

⁷ Timkovič J. V., OSBM. Letopis Krásnobrodského monastiera alebo kúsok zo slávnych dejín gréckokatolíkov na Slovensku. Prešov, 1995; Timkovič J. V., OSBM. Letopis Bukovského monastiera (Bukovej Hory) a historické zmienky o iných baziliánskych monastiroch na východnom Slovensku. Prešov, 2004.

- ⁸ Фенич В., Цапулич О. Малоберезнянський Свято-Миколаївський монастир... С. 9.
- ⁹ Там же. С. 31.
- ¹⁰ Пекар А., ЧСВВ. Василянська Провінція св. Миколая на Закарпатті. С. 392.
- ¹¹ Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. М., 2006. С. 227.
- ¹² Отдельные исследователи склонны датировать начало реформы ноябрем 1920 г. Подробнее о критериях датировок см.: Пекар А., ЧСВВ. Василянська Провінція св. Миколая на Закарпатті. С. 393, 397.
- ¹³ Timkovič J. V., OSBM. Letopis Bukovského monastyrá... S. 139–141.
- ¹⁴ Там же. С. 143.
- ¹⁵ Пекар А., ЧСВВ. Василянська Провінція св. Миколая на Закарпатті. С. 394.
- ¹⁶ Там же. С. 393–394.
- ¹⁷ Фенич В., Цапулич О. Малоберезнянський Свято-Миколаївський монастир... С. 89.
- ¹⁸ Магочий П. Р. Формування національної самосвідомості... С. 114.
- ¹⁹ Lichtej I. Formovanie národného vedomia... S. 165.
- ²⁰ Как отмечает в связи с этим Иван Поп, Гебей «не видел еще необходимости разделения «русского» (русинского) патриотического движения и украинского» (Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. С. 149). Согласно замечанию Павла Роберта Магочия, «Гебей называл себя и его считали чистым русином, т.е. человеком, который настаивает на своих индивидуальных национальных отличиях» (Магочий П. Р. Формування національної самосвідомості... С. 114.). Здесь и далее, где это особо не указано, переводы автора статьи.
- ²¹ Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. С. 339. В то же время, ряд фактов из биографии Стойки странным образом наводят на мысль об изменении его отношения к украинофильству в лучшую сторону в конце 1930-х гг., однако они еще нуждаются в дополнительном изучении. См.: Фенич В. Конфесійна та національна ідентичність... С. 13.
- ²² Пекар А., ЧСВВ. Василянська Провінція св. Миколая на Закарпатті. С. 396.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 394.
- ²⁵ Подробнее о пребывании Павла Гойдича в монастырях ОСВВ см.: Potaš M., OSBM. Dar lásky. Sprotienku na biskupa Pavla Gojdiča, OSBM. Prešov, 1999. S. 30–60. Генезису этнонационального самосознания и национальной политики Гойдича в качестве епископа была посвящена наша дипломная работа: Dronov M. Etnické povedomie a národnostná politika Pavla Petra Gojdiča, OSBM. Diplomová práca. Prešov, 2007. Из изданных публикаций о Гойдиче наибольшую ценность представляет сборник его выступлений в печати: Slovo episkopa Gojdiča. Výber z publikovaného dedičstva blahoslaveného biskupa Pavla Gojdiča / Editor Birčák J. Prešov, 2004.
- ²⁶ Фенич В., Цапулич О. Малоберезнянський Свято-Миколаївський монастир... С. 95–96.
- ²⁷ Archív Gréckokatolíckeho biskupstva v Prešove (далее – AGBP). Prezidiálne spisy, inv. č. 74, sign. 31.
- ²⁸ Интересно, что подобный взгляд иногда присутствует у василианских публицистов, пусть и между строк, вплоть до настоящего времени. См., например: Potaš M., OSBM. Dar lásky... S. 126.
- ²⁹ Мушинка М. «Доля Пряшівщини близька моєму серцю»: Інтерв'ю з поетом Зореславом (Севастьяном Саболом) // Дукля. Пряшів, 1990, № 5. С. 39. Другие интересные воспоминания о пребывании С. Сабола в монастыре см. в: Ребрик І. «Ми горіли Україною...». Інтерв'ю з о. Степаном-Севастьяном Саболом ЧСВВ // Шкільна серія. Випуск 3. О. Степан-Севастьян Сабол (Зореслав). Методичні розробки, методологічні рекомендації, літературні тексти, літературознавчі матеріали. Ужгород, 1998. С. 20–21.
- ³⁰ Об истории православного движения в Подкарпатской Руси и Восточной Словакии см.: Гавриш (Кризина), игумен. Православная Церковь в Закарпатье (век XX). Киев, 1999; Максимшиненц В., протоиерей. История Православной Церкви в Карпатской Руси. Ужгород, 2004; Harbuřová L. Ladomirovské reminiscencie. Z dejín ruskej pravoslávnej misie v Ladomirovej 1923–1944. Prešov, 2000; Horkaj Š., prot., Pružinský Š., prot. Pravoslávna cirkev na Slovensku v 19. a 20. storočí. Ľudia – udalosti – dokumenty. Prešov, 1998.

- ³¹ Фенич В., Цапулич О. Малоберезнянський Свято-Миколаївський монастир... С. 58.
- ³² Пекар А., ЧСВВ. Василянська Провінція св. Миколая на Закарпатті. С. 400–401.
- ³³ Фенич В., Цапулич О. Малоберезнянський Свято-Миколаївський монастир... С. 89.
- ³⁴ Borza P. Vasiľ Hopko a jeho pastorácia v Prahe // Theologos. Prešov, 2003. Č. 1. S. 13.
- ³⁵ В 1937–1939 гг. он даже находился на студиях в Карловом университете, успев параллельно окончить несколько семестров на философском факультете Украинского Свободного Университета, который тогда располагался в Праге. См.: Фенич В., Цапулич О. Малоберезнянський Свято-Миколаївський монастир... С. 93–94.
- ³⁶ AGBP. Prezidiálne spisy, inv. č. 70, sign. 24. Интересно, что после Второй мировой войны В. Гопко сознательно перешел на украинофильские позиции, признав себя украинцем. См.: Dancák F. Da vsi jedino budut. Aby všetci jedno boli. Reminiscencie na korešpondenciu s ThDr. Vasiľom Hopkom. Prešov, 2002. S. 34.
- ³⁷ AGBP. Prezidiálne spisy, inv. č. 71, sign. 4.
- ³⁸ AGBP. Prezidiálne spisy, inv. č. 70, sign. 24.
- ³⁹ Там же. По логике межнациональных отношений в приходе под русскими, очевидно, подразумеваются, очевидно, не только русские эмигранты, но и более многочисленные русинские русофилы, игравшие заметную роль в приходской жизни. К украинской группе, вероятно, нужно присовать подкарпатских студентов-украинофилов, духовно окормлявшихся в том же месте.
- ⁴⁰ См. нашу статью по данному вопросу: Dronov M. Národnostné a jazykové problémy gréckokatolíckej cirkvi v medzivojnovnej Prahe // Cirkvi a národy strednej Európy (1800–1950). Die Kirchen und Völker Mitteleuropas (1800–1950).
- ⁴¹ Фенич В., Цапулич О. Малоберезнянський Свято-Миколаївський монастир... С. 94.
- ⁴² Пекар А., ЧСВВ. Василянська Провінція св. Миколая на Закарпатті. С. 410.
- ⁴³ Фенич В., Цапулич О. Малоберезнянський Свято-Миколаївський монастир... С. 90, 93.
- ⁴⁴ Божук Г. Апостол Христового серця (Тернові стежки-дороги о. Христофора) // Крапка. Ужгород, 1995. № 1. С. 117.
- ⁴⁵ Фенич В., Цапулич О. Малоберезнянський Свято-Миколаївський монастир... С. 93–94.
- ⁴⁶ Пекар А., ЧСВВ. Василянська Провінція св. Миколая на Закарпатті. С. 410–411.
- ⁴⁷ Фенич В., Цапулич О. Малоберезнянський Свято-Миколаївський монастир... С. 89.
- ⁴⁸ Магочій П. Р. Формування національної самосвідомості... С. 114.
- ⁴⁹ Пекар А., ЧСВВ. Василянська Провінція св. Миколая на Закарпатті. С. 407.
- ⁵⁰ Там же. С. 409.
- ⁵¹ Магочій П. Р. Формування національної самосвідомості. С. 114.
- ⁵² Загальна бібліографія Подкарпаття / Зложили Лелекач Н., Гарайда И. Факсимільне видання. Ужгород, 2000. С. 53.
- ⁵³ Православные исследователи о. Стефан Горкай и о. Стефан Пружинский взяли на себя труд воспроизвести оскорбительные названия, дававшиеся на страницах данного издания православным верующим и православием: первых оказалось 18, вторых – 9. См.: Horkaj Š., prot., Pružinský Š., prot. Pravoslávna cirkev na Slovensku... S. 125–126.
- ⁵⁴ Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. С. 116.
- ⁵⁵ Мушинка М. «Доля Пряшівщини близька моему серцю»: Інтерв'ю з поетом Зореславом (Севастьяном Саболом) // Дуля. Пряшів, 1990. № 5. С. 39.
- ⁵⁶ Пекар А., ЧСВВ. Василянська Провінція св. Миколая на Закарпатті. С. 409.
- ⁵⁷ Об отношении подкарпатских василян к словацкой национальной идее см. выше. Ситуация начала изменяться лишь в первой половине 1940-х гг., когда василяне в словацком Требишове увидели практическую пользу словацких греко-католических инициатив. См.: Letz R. Postavenie gréckokatolíkov slovenskej národnosti v rokoch 1918–1950 // Slovensko-rusínsko-ukrajinské vzťahy od obrodzenia po súčasnosť / Editor Doruľa J. Bratislava, 2000. S. 117.

Словенская драматургия и процессы глобализации

Действительность

Несмотря на то, что Словения все время существования Югославии сидела более или менее верхом на железном занавесе и флиртowała как с одной, так и с противоположной политической стороной, сегодняшние проблемы, с которыми мы как общество сталкиваемся, весьма подобны проблемам Варшавского блока. В переходный период наше прежнее относительное экономическое преимущество не пошло нам особо на пользу, за исключением лишь того, может быть, что «государственной собственности», ожидающей предприимчивых бизнесменов, было соответственно больше. В последние 15 лет мы благодаря социалистическому прошлому, по правде говоря, только должны были позаботиться о перераспределении бывшего «идеала» общей собственности – по отношению к этому процессу часто используется термин К. Маркса «первоначальное накопление капитала». Оно же, как установлено в большинстве аналитических исследований, ни в одном из постсоциалистических государств не было достойным. Раздел собственности был, следовательно, где более, а где менее несправедливым.

Наряду с этой проблемой мы, как общество, должны были начать – хотя до сих пор благодаря преобладанию отечественной доли собственности у предприятий и ориентированной больше на ЕС торговле и ощущали это в несколько меньшей степени – сталкиваться еще и с явлением глобализации или, другими словами, с выравниванием возможностей для торговли, что привело к выраженному преобладанию крупных международных корпораций на местных рынках. Кроме того, международные предприятия начали поиск самого дешевого поставщика услуг и таким образом переселять производство ближе к нему.

Нынешнее словенское общество, точным зеркалом которого является «Легкая кавалерия» Драго Янчара¹, формируется одновременно под давлением обоих приведенных явлений: аккумуляции и глобализации. Еще несколько неуверенные предприниматели включаются в большие финансовые и экономические потоки, еще традиционно провинциальные, они хотят заплыть в широкие глобальные воды.

Мир «Легкой кавалерии» Янчара уже постприватизационный. В нем уже прошли дикая приватизация, обогащение в переходный период благодаря хорошим связям, стальным нервам и толстой коже. После дикого революци-

онного периода общая ситуация вновь успокаивается. Одним удалось подняться по социальной лестнице, в то время, как у большинства не было даже малейшей возможности. Общество быстро начинает снова привычно функционировать, и люди останутся на «своей» стороне, что еще больше увеличивает давление со стороны тех, которые, как говорится, находятся «на пороге» успеха. Они еще могут использовать лишь последнюю возможность; так как большие вертикальные общественные сдвиги, благодаря которым была создана каста новых влиятельных людей, уже невозможны. Сейчас осталось место лишь для явных, цивилизованных менеджерских «приватизаций».

После «мутного» времени центральным интересом тех, кто заново разбогател, стало, разумеется, правовое страхование их (новой) собственности. Единственный, кто об этом может позаботиться – это государство с законодательством и своими институциональными защитниками. Таким образом ускоренно заделываются «дыры», исправляются законы, ранее служившие другим целям.

И в этот момент капиталу исключительно хорошо сыграл на руку процесс глобализации. Смысл этого процесса, который – в частности – обрисовывает Янчар в главных героях «Легкой кавалерии» косвенно, – в уходе от локальности и местного порядка, а тем самым – в разрушении ее ценностей, в удалении центров, создающих понятия и ценности, от конкретного окружения. Для поверхностной иллюстрации межчеловеческих отношений в рамках современного мира используем пронизательную работу под названием «Глобализация: Человеческие последствия»² социолога Зигмунта Баумана, который опирается именно на вышеупомянутые элементы и актуализирует их в современном свете. Глобализацию здесь мы понимаем как капиталистическую действительность современности, как «состояние духа», «дух времени», которая является мантрой сегодняшнего «первого мира» и которую мы повторяем в уверенности, будто речь идет о позитивном «образце молитвы». Именно эту мантру Бауман безжалостно обнажает и доказывает ее техницистический образ мышления, который отнимает у индивидуумов индивидуальность и превращает их в колеса этой большой машины. Тем более редкими и необычными становятся межчеловеческие отношения, которые все еще существуют в соответствии с законами другого рода, ведь основываются на некоем индивидуальном этическом размышлении, которое в действительности «вызывает» на борьбу с системой³.

Первое понятие, которое Бауман берет под микроскоп, – это понятие пространства. Постижение смысла этого понятия и прежде всего его овладение в реальности для глобализации имеет срединное значение, ведь географическое превосходство – это зачастую исходная точка для многих других «превосходств», чаще всего экономического, политического и культурного. В этом, конечно, нет ничего нового, ведь речь идет об одном из осно-

вополагающих человеческих побуждений – о преобладании. Для античного мира (и его трагедии) и даже, собственно, для времени вплоть до образования крупных международных корпораций действительно то, что пространство весьма скупо предназначалось для совместных акций. Это означает, что власть (а также большой капитал) была всегда связана со своими подданными, ведь только так она могла их контролировать, хотя всегда и хотела – будь то в старой Греции или в нынешнем мире – быть отделенной от плебеев. Собственно, ничуть не иначе было и при социализме, где власть выбрала в качестве своей опоры рабочий класс. Для данных отношений всегда имело силу то, что правящие и управляемые были соединены в некий гордиев узел: правящие определяли себя как власть лишь на основе управляемых. Они должны были держать их на расстоянии вытянутой руки, иначе не могли править, ведь нельзя было бы осуществлять надзор над подданными.

Конец концепта пространства, как мы его знаем собственно еще с начала времен и далее, играет в процессе получения власти, а, значит, и реальной власти, ключевую роль. Действительно «большой прорыв» удался лишь глобализации. Власть, которая прежде соединяла в себе власти политическую и экономическую (во всех сказках короли по большей части несказанно богаты), сейчас разделилась надвое, так что совершенно не обязательно они совпадают друг с другом (зачастую корпорации богаче государств). Реальная власть, получившая сейчас выражение и являющаяся собственно невидимой, – это власть лептократии. Силы ей придает именно тот факт, что она транснациональна, и благодаря этому она освобождена от обязательств перед местным окружением. Верх стремлений любого власть предержащего – как раз в том, чтобы не быть ответственным, не «платить» за свои поступки. Капиталистическому строю в нынешнем мире способствуют также современные технологии, ведь, например, средствами массового транспорта и мировой интернетью было достигнуто разложение прочно сплетенного окружения, которое друг друга знало «от корней волос до кончиков пальцев на ногах» и которое могло, косвенно, распалаться вплоть до столкновений (в числе конфликтов общественно-протяженных мы можем считать крестьянские бунты и иные восстания и революции, имевшие своей целью получение власти).

Распад местного окружения имел своим последствием «эрозию общественных и культурных сущностей», чем увеличил неуверенность, отказал людям в ощущении защищенности и приюта, ведь «территория, от которой отнято общественное пространство, предоставляет мало возможностей дискуссии о нормах, конфронтации, столкновению ценностей и договоренностям»⁴. Одновременно с этим дошло до изоляции индивидуума от былых сообществ, до его одиночества и тем самым до усиления ощущения его потерянности в современном мире. Такое восприятие пространства нашей *condition humaine*, следовательно, не упростилось, а, наоборот, произошла ее

поляризация. То, что прежде было основано как тесно сплетенное местное сообщество, члены которого отвечали друг перед другом и которое делало еще возможным приемлемый объем социальности (например, центральный деревенский рынок с позорным столбом как символом власти и права), сейчас разрастается в непомерную, не поддающуюся пониманию социальность глобальной деревни, где мы все на глазах у всех, но нас, однако, никто не знает и никого мы не интересуем. Мир, который прежде был устроен по мере человека (измеряем в локтях, пядях и т. п.), сейчас вырвался из рук этого человека, стал слишком велик, чтобы тот себя в нем действительно хорошо чувствовал. Полная свобода, следовательно, привела к полному равнодушию и безучастности. Распад узкого сообщества или того, что Маркс называл «основной ячейкой общества», семьи, предложил человеку в глобализме в качестве замены широкую глобальную семью, в действительности же оставил его одиноким, даже потерянным. Это же, что констатировал еще французский социолог М. Крозье⁵, – цель любой власти, а именно, избавиться от ответственности перед своими подданными: «манипуляция с неуверенностью представляет квинтэссенцию стремления к власти», это же из-за того, что «высшая власть ... у тех индивидуумов, которые смогут стать источником неуверенности других индивидуумов»⁶. Свобода прежде так ограничивающих ценностей, следовательно, – лишь видимая.

Проблема пространства в обществе неразрывно связана с другим вопросом, а именно: отношением между общественным и частным. Опять-таки в античном мире существовала агора (или же позднее – деревенская липа), принципиально доступная всем, хотя бы для видимости, тем самым также она была творцом и охранителем общественного полотна. Так как она была определена таким образом, то служила идентификационной точкой всему населению.

Это отношение изменяется в позднейших периодах, прежде всего из-за развития и модернизации общества. Достигается знание о внешнем окружении, которое еще так локально и сильно ограничено. Современный субъект отличает полное осознание последствий собственных действий, на что, например, античные герои не были способны. Может, следовательно, случаться, что конфликты переносятся во внутренний мир главного героя, что в крайних случаях общественное еще больше ограничивается лишь на *alter ego* героя.

Хотя при помощи глобализации дошло до «раскрывания общественно-го», эффект, как замечает Бауман, собственно тот же. То есть при помощи глобализации пространство общественного расширилось до неопределяемости, а тем самым оно ушло и в действительности. Общественное раскрылось при помощи глобализации – включая в себя все больше и больше локальных сообществ. Для этого оно должно было сотворить общие правила, а это было возможно лишь на основе наименьшего возможного «общего знаменателя» или, другими словами, также при помощи определенного доведения до

фиаско местных правил и законов. Для местного колорита и привычек это означало недвусмысленный конец. Общественное, прежде всего его («управление»), таким образом избавилось от локального значения, тем самым также отдалилось от местных сообществ и стало неуловимым: «общественное пространство, в котором они создаются, имеют значение и о них договариваются, находится вне досягаемости локальной экзистенции»⁷. Таким образом, локальное сообщество не осуществляет больше надзора над тем, что ему как мерило достойной жизни предписывают внешние «центры создания значений», которым оно все больше отдано на милость и немилость. Сегодняшний мир, в котором господствует капитал, показывает знаки современного строя: «Имманентная часть процесса глобализации – это все увеличивающаяся пространственная сегрегация, сепарация и удаление»⁸. Все же это имеет свой смысл. С точки зрения капитала или, как нынче это эвфемистически называется, рынка, речь идет о двойной выгоде. С одной стороны, чем значительнее удаленность уровня, принимающего решения, от локальных сообществ, тем более надежна защита капиталистических вложений перед возможными, например, общественными или экологическими последствиями, которые вызывает вложение, ведь, как пишет Бауман, «каждый, кто может откуда-либо свободно уйти, может также избежать и последствий»⁹. Одновременно то, что прежде рычаги силы связывало, чтобы они могли держать местное сообщество, так как оно им было нужно, мобильностью капитала и открытостью рынков сейчас средуцировалось до циничного использования. «Опытом новой элиты является именно эта «внеземная» власть: невероятное, вызывающее ужас соединение эфемерности с совершенной мощью и соединение недостатка физической сути с мощью формирования действительности»¹⁰. Существует ли еще что-то более соблазнительное, чем жизнь без последствий и забот? Если раньше богатые всегда нуждались в местных работниках, ведь они на них работали на рудниках, мануфактурных предприятиях и фабриках, то такими переселениями капитал стряхнул с себя также и мучительную привязанность к родному краю, ведь в другом месте всегда найдется кто-нибудь, кто бы хотел работать за меньшие деньги... По этой причине при глобализации стирается также и моральная ответственность перед определенным краем, так как этика на конкретном уровне всегда кажется более важной вблизи, чем издали. Экстерриторизацией, вырыванием из родной обстановки, капитал фактически уходит также и от контроля. Таким образом, наконец, он свободен, независим и необременен, он может без помех перемещаться и выбирать те государства, где власть лучше всего охраняет его интересы. А его представителями являются *легкие кавалеристы* Янчара. Законы новой божественности, золотого тельца, разорвали связь с местным сообществом и его правилами. Новая власть навязала свои «экстерриториальные» правила, чем прежним

законам, в основном ограниченным местным уровнем, выбили из рук последний аргумент, а именно как раз их связь со своим местным сообществом. Озабоченность вызывает прежде всего вырождение ценностей. Глобальный капитал – удаленный враг и в качестве такового его можно считать неопасным; в понимании конкретного человека ненавистна местная власть, которая прежде была всемогущей, но стала лишь игрушкой в руках действительного управителя, глобализированного капитала. У индивидуума есть в таком современном мире еще более страшный противник, ведь он должен бороться с многоголовой гидрой, которая искусно скрывается за видимыми ценностями открытости, человечности и альтруизма.

Именно об этом процессе утраты традиционных ценностей и фактического обезчеловечивания предупреждает Янчар, который в качестве противовеса расчлененной урбанистической действительности выдвигает идиллическую картину словенской провинции, точнее штайерской горной деревни, которая служит убежищем для главного героя «Легкой кавалерии» Макса Глобокара. Локальная жизнь задумана как картина Аркадии, где время течет согласно своему вечно установленному кругу и где традиционные ценности все еще живы. Контраст тем более сильный, чем больше противопоставленная локальности идилия привязывается ко всем известным в пасторальной словенской иконографии холмам с барочными церквушками на вершинах, которые в сознании словенского народа уже столетия защищают их самобытность и ценности. Противоречие этих двух миров и ценностей, которые представляют обе сферы, является основой для центрального конфликта в «Легкой кавалерии».

Власть, третий элемент в исследовании Баумана, к которой стремятся современные рычаги силы, эффективно старается разбить тесную связь между собой и управляемыми, ведь так она отдалается, затуманивается, становится неуловимой, а это доказывает верность слов М. Крозье о тесной связи между количественным фактором неуверенности и иерархией власти. Глобализованная цивилизация от *verum*, от ценностей, переместилась к *bonum*, что понимается крайне солипсически и гедонистически, только как «хорошо-для-себя», то есть ультимативное наслаждение. Но это ни в каком случае не то качество, за которое стоило бы умереть. Как все это вместе взятое далеко от античных ценностей!

Собственное наслаждение – это, следовательно, та удочка, на которую невидимые рычаги силы (капитал, рынок) ловят индивидуума, с которого сняли все защитные слои. Наслаждение, среди прочего, – это также одно из самых эгоистических чувств, и цель ловли индивидуума на наслаждение в том, чтобы он получил его для себя и не делился с другими, ведь это неотвратно снизило бы удовольствие самого индивидуума. Главным интересом современного, оказавшегося в ситуации глобализации индивидуума становится сейчас овладение наслаждением, а не предметом, который он предла-

гает (об этом прекрасно пишет М. Долар в книге «О скупости»¹¹)! Суть наслаждения в том, что оно создает зависимость, но в то же время само неуловимо и не существует. Все снова и снова его надо ловить, и это стремление приводит в движение сегодняшнее потребительское общество. Следовательно, в действительности власть у того, кто это наслаждение обещает. Ему даже не нужно ничего предлагать, он и так как арбитр объявляет потребителю шах и держит в замешательстве. Именно желание наслаждения наслаждением, по Бауману, является побуждением, заставляющим людей отдать власть другим и самим в нее не вмешиваться. Эта же осцилляция между желанием и страхом, между ощущением наслаждения, с одной стороны, и неуверенностью в его достижении – как раз и есть противоположность любого из основных человеческих стремлений к упорядоченности мира и собственной безопасности. И в желании наслаждения мы стремимся, следовательно, к тому, чтобы не отвернуть от себя тех, кто делает возможными для нас эти наслаждения. Современным рычагам силы удалось что-то, о чем деспоты и тираны на протяжении столетий могли лишь мечтать, – им удалось ввести тотальный контроль. Тотальный – потому, что самоинициативный. Получение условий для наслаждения возможно лишь в том случае, если те, кто его предлагает, согласны с тем, что предоставляют его нам. Далее наслаждение наслаждением возможно лишь там, где нет дела до нашего наслаждения никому, особенно тому, у кого его нет. И наверняка этот кто-то отличается от нас. Поэтому нужно, например, хорошенько защитить границы. «Проблема любви и вражды ближнего больше не существует – достаточно того, что мы держим его на дистанции, и больше не нужно принимать решений»¹². Глобальный капитал как носитель всех наслаждений таким образом достиг полного распада обществ на атомы, где каждый индивидуум отказался от более широкой общественной идентификации в свою «пользу».

Если почти все время развития цивилизаций власть основывалась на том, что горстка людей контролировала массы, то сейчас ситуация дважды перевернулась. Сейчас множество индивидуумов в страхе перед потерей наслаждения, с одной стороны, и из-за исключительной неуверенности в отношении, например, рабочих мест и личной безопасности, с другой стороны, без дальнейших рассуждений сами подчиняются горстке таким образом, что не сопротивляются ей, по собственной инициативе, например, сообщают ей сведения о себе, позволяют во имя безопасности добровольно себя контролировать (камеры, электронные сведения, биометрические документы и т. д.). Легко себе представить, что власть находится в положении, о котором до сих пор могла лишь мечтать. На самом деле мы оказались в мире, во многом опередившем даже самые смелые литературные дистопии Дж. Оруэлла, Е. И. Замятина, О. Хаксли, А. Берджесса, М. Этвуд... Свобода ранее плененного ценностями индивидуума, следовательно, лишь видимость.

Однако, Янчар, при определении разницы между обоими мирами, ступил еще на шаг дальше. Этому растерзанному миру он противопоставляет Аркадию, идиллический мир, который маркирован еще дополнительно, а именно: как носитель христианских ценностей. Словенская провинция знаменуется присутствием церкви – как на конкретном, так и на символическом уровне. В качестве конкретного *locusa* церковь предлагает центральное событийное пространство, то есть внутреннее пространство церкви с реставрированной фреской и также церковно – приходские помещения в качестве убежища от насильственных вторжений внешнего мира, но, с другой стороны, речь идет о Церкви как носителе ценностей, которые традиционно связывают с сутью словенской культуры и словенского мышления.

Таким образом, в здании церкви и церковно-приходских помещений сливаются две идеальные платформы: с одной стороны, речь идет о прибежище, об оазисе мира, о помещении для раздумий и углубления во внутренний мир, с другой же – прежде всего для центрального героя – также о символе чистоты, неприкосновенности, благородной любви. Кульминации достигает использование этой эсхатологической иконографии в изменении фрески на стене, где через открытие присутствия четвертого коня передается масштабность всей схватки или, другими словами, разрушения и этого мира.

Спектакль

Начиная с 1976 г., когда вышла книга Р. Давкинса «Эгоистичный ген»¹³, которая подчеркнула оппозицию между природой и цивилизацией (культурой), объяснение эгоистической деятельности человека стало более простым. С одной стороны, в генетическую схему выживания точно укладывается борьба «за выживание» каждого против всех, – это исключительно хорошо проиллюстрированная склонность к грабежу общественного достояния в переходный период, но с другой стороны, это подчеркивает значение человеческих действий, совершенных вне влияния биологических генов, то есть прежде всего на основании этических правил. К последним относится также перемена убеждений главного героя «Легкой кавалерии», Макса Глобокара (следует обратить внимание на инструктивный диалог, начатый Янчаром с Цанкаром и его «Королем Бетайновы»¹⁴ как относительно имени Макса, так и относительно характера его Кантора. К сожалению, здесь невозможно посвятить ему больше внимания).

Для понимания внутреннего разлада Макса необходимо осознать его раздвоение – до того момента, когда мы его увидим на сцене, его жизнь была обозначена жизненным принципом, который мы описали выше и от которого Макс в начале драмы хочет окончательно отказаться. Вместе с тем, в момент своего потеряннго вступления в церковь, он уже изменился так, что

за его скорее инстинктивным, чем рациональным сопротивлением жизни *легкой кавалерии* мы, как говорится, наблюдаем «живую».

В Максе одновременно живут еще оба качества – с одной стороны, по своим определяющим характеристикам все еще свое прежнее «я», то есть самый успешный среди всех предпринимателей, самый богатый, «самый могущественный» олигарх эпохи приватизации, ведь от него зависит все вокруг. Он занимается по-прежнему лишь перекачкой денег и является, следовательно, воплощением выше описанного глобализационного успеха, следовательно, также и разрушения традиционного мира, уклонения от контроля и освоения способа ловли рыбы в мутной воде. Тем самым он, как представитель новой элиты, руководит не только процессами присвоения, производственными мощностями и причиняющими беспокойство профсоюзами, но и заботится о своей непоколебимой и неограниченной власти. Лучше всего его описать словами Баумана: «Опытной новой элиты является именно эта «внеземная» власть: невероятное, вызывающее ужас соединение эфемерности с совершенной мощью и соединение недостатка физической сути с мощью формирования действительности»¹⁵. (О феномене неуверенности как источнике и основании власти писал еще М. Крозье в своей вышедшей в 1963 г. книге «Феномен бюрократии», в которой он приходит к выводу, что безопасность и власть, по сути, являются двумя взаимоисключающими феноменами. По этой причине самую большую власть имеют те индивидуумы, которые смогут держать других индивидуумов в неуверенности или, что еще лучше, сами становятся ее источником.) Именно таковым является Макс, каким его знают и все еще видят антагонисты «Легкой кавалерии».

Но, с другой стороны, новый образ Макса раскрывается непосредственно перед публикой и в контакте с Марьяной. Речь идет об изменении внутреннего мира, которое он и сам полностью не осознает, но которое с развитием событий все более укрепляется. Его изменение возможно понимать только в связи с прежней жизнью. Причинами, которые приводит Янчар, являются перенасыщение именно этой непрестанной погоней за «больше», усталость от пустоты внешней оболочки, страх, вызванный (собственной) человеческой ничтожностью, незначительностью и нуждами, из-за чего он решает вернуться «домой», в локальное сообщество, которое, по сути, и является носителем этических (как уже сказано, выражено христианских) ценностей. Янчар вкладывает в уста Макса следующие слова: «...неожиданно мне стало всего слишком. Приходишь до той точки, когда больше не идет... хотел бы начать жить по-другому... Вдруг становится всего слишком. Слишком много работы, слишком много телефонов, слишком много денег, слишком много баб, слишком много друзей, всего. Всего слишком. Человеку нельзя иметь всего слишком. Как будто за тобой кто-то наблюдает и тебе говорит: “Сейчас немного остановись. А кто ты и что ты, и куда, вообще, идешь?”»¹⁶. Эти слова – *кредо*

нового Макса, в чей более или менее пустой мир погони за успехом неожиданно прокралось желание осмыслить собственную жизнь. В качестве основы для выхода из морального и жизненного кризиса своего главного героя Янчар выбирает христианскую трансцендентальность, которая ему служит также в качестве основания для его мироощущения. Кроме аллюзий на Бога как Создателя, ссылки на метафизику завершают символическое изменение фрески, на которой – как знамение приближающегося катаклизма – вдруг вместо трех королей на пути в Вифлеем можно рассмотреть четырех коней, принадлежащих седокам апокалипсиса.

Однако же связь Макса с христианской моралью имеет еще и другую цель. Акцентируя оппозицию одичавшего современного делового мира и традиционных ценностей, присущих родному краю, Янчар хочет приблизить Макса к зрителю. Речь идет о зрительской замене себя и главного героя, которая одновременно является первым условием для драматургического приема античной трагедии, катарсиса. По этой причине можно утверждать, что судьба Макса сложилась по трагическому принципу, ведь сталкиваются два мироощущения: сегодняшний дух времени, власть Мамона, внешнего вида, который властвует и ведет большинство (особенно тревожен тот факт, что человек ни в малейшей степени не изменился со времен, когда Аристотель писал свою «Этику Никомаха»¹⁷, или намного позднее (1759) – А. Смит свою «Теорию нравственных чувств»¹⁸), который слепо и бесчувственно стремится к собственной выгоде и которому от имени (вечных) этических ценностей сопротивляется отдельный человек.

Современная словенская драматургия очень редко предлагает такой, в чистом виде, трагический конфликт ценностей как в случае «Легкой кавалерии». При этом не особо часто встречается и решительность, с которой Янчар отклоняет возможность поступка искупления. Нет никакого сомнения относительно моральной оценки современности. «Легкую кавалерию», таким образом, можно было бы понимать как отчаянный крик современникам, наследством которой останутся только вопросы: мы стали такими равнодушными, что не распознаем пустоты вокруг себя? «Распалась связь времен» до той степени, что любой выход является невозможным? Мы действительно уже на пути к «веселому апокалипсису»? Сколько времени у нас еще есть?

Перевод со словенского – А. Горше и Ю. А. Созиной

Примечания

¹ Jančar D. Lahka konjenica. Ljubljana: Mestno gledališče ljubljansko, 2008.

² Bauman Z. Globalization: The Human Consequences. Cambridge, UK: Polity Press, 1998.

³ Эта статья была задумана еще до начала мирового кризиса в конце 2008 г.

⁴ *Bauman Z. Globalization...* S. 33.

⁵ *Crozier M. Le Phénomène bureaucratique: Essai sur les tendances bureaucratiques des systèmes d'organisation modernes et sur leurs relations en France avec le système social et culturel.* Paris: Seuil, 1963.

⁶ Ср.: *Bauman Z. Globalization...* S. 42.

⁷ *Bauman Z. Globalization...* S. 7.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 14.

¹⁰ Там же. С. 26.

¹¹ *Dolar M. O skoposti in o nekaterih z njo povezanih rečeh: tema in variacije.* Ljubljana: Društvo za teoretsko psihoanalizo, 2002.

¹² *Bauman Z. Globalization...* S. 59.

¹³ *Dawkins R. Sebični gen.* Ljubljana : Mladinska knjiga, 2008.

¹⁴ *Cankar I. Kralj na Betajnovi.* Ljubljana: Mladinska knjiga, 2007.

¹⁵ *Bauman Z. Globalization...* S. 26.

¹⁶ *Jančar D. Lahka konjenica.* S. 25.

¹⁷ *Aristotel. Nikomahova etika.* Ljubljana: Slovenska matica, 2002.

¹⁸ *Smith A. The Theory of Moral Sentiments.* Cambridge, U.K., New York: Cambridge University Press, 2002.

«Величественное собрание славистов всего мира»

Именно так назвал очередной, XIV международный съезд славистов академик Милан Гюрчинов, председатель его Оргкомитета. Эти съезды, начало которым положил Первый из них, состоявшийся в Праге в 1929 г. собираются, – если этому не препятствуют мировые войны – раз в пять лет, в разных городах Европы. Полвека назад, в 1958 г. международный славистический форум приветствовала Москва, через десять лет – Прага (накануне подавления ростков «пражской весны» в августе 1968). В 1983 г., то есть спустя четверть века после Москвы его хлебосольным хозяином стал Киев. Съезды принимала София (1963, 1988), Варшава (1973), Белград и Загреб (1978), Братислава (1993), Краков (1998), Любляна (2003).

Недавний XIV славистический форум проходил с 10 по 16 сентября 2008 г. в Македонии, под плеск волн Охридского озера, одного из самых старых и глубоких озер Европы. Его живописные берега – настоящая колыбель древнеславянской культуры и письменности. Они увенчаны старинными церквями и монастырями. Среди них – монастыри, связанные с деятельностью епископов и первых южнославянских писателей конца IX – начала X вв., – св. Климента Охридского и св. Наума Охридского, учеников и сподвижников Кирилла и Мефодия.

В работе съезда принимало участие около семи сотен славистов из сорока стран мира, раздираемого противоречиями. Однако же царившая на заседаниях и в кулуарах съезда атмосфера лишней раз убеждала в том, что профессиональные связи ученых сильнее политических разногласий между их странами, а наука – мощный фактор консолидации народов. Как никакой другой вид деятельности она способна, если не снимать, то смягчать национальные распри, в том числе разжигаемые «цветными» и «цветочными» революциями последнего времени. Должна признаться, что ехала на съезд с опаской. Он открывался через тридцать три дня после 8 августа, начала трагических событий на Кавказе. Я боялась почувствовать недоброжелательность со стороны зарубежных коллег. Они могли находиться под впечатлением негативного образа России, старательно фабрикуемого в то время многими зарубежными СМИ. К счастью, ничего подобного не случилось: наверное, представители просвещенной части человечества предпочитали жить своим умом, не доверяя этим СМИ, или не ассоциируя народы с государственной властью. Споры и дискуссии, конечно же были, но сугубо научного характера. Российская делегация находилась в центре внимания, а доклады ее представителей вызывали

большой интерес, собирая полную аудиторию. Концептуальный доклад председателя Национального комитета славистов России А. М. Молдована «Пути славистики в современном мире» был вынесен на пленарное заседание в день открытия съезда, наряду с докладами С. Стаматоски (Македония) «Развитие македонского литературного языка» и Р. Ходеля (Германия) «Является ли семейно-бытовой роман жанром?»

На заключительном заседании 16 сентября честь подведения итогов съезда, а именно работы его основных секций, разделила вместе с украинским и польским славистами и автор этих строк. Если украинский делегат проанализировал работу лингвистов, представитель Польши – культурологов, историков и фольклористов, то ко мне – за день до окончания съезда – обратились с просьбой подытожить работу литературоведов. Не повторяя сказанного, но частично опираясь на него, позволю себе поделиться наблюдениями о том, какие тенденции современного славистического литературоведения выявили прослушанные или просто обозначенные в программе доклады. Но сначала пару слов об общей структуре съезда.

На съезде были представлены: 1. Языкознание; 2. Литература, культура, фольклор; 3. История славистики. По каждому разделу (направлению) работало несколько секций. Начальные секции комплексного второго раздела охватывали эпоху Кирилла и Мефодия, языковые, литературоведческие и культурно-исторические аспекты Охридской литературной школы, разновидности и связи фольклора с художественной литературой, также на них рассматривалась роль идей Просвещения в становлении национального самосознания славян.

Развитию славянских литератур в XIX–XXI вв. была посвящена самая объемная секция, на долю которой пришлось наибольшее число заседаний и широчайший круг вопросов, связанных с проблематикой художественных направлений от романтизма до постмодернизма, официальной и неофициальной литературой, фантастикой, научной фантастикой, массовым искусством и т. д. Доклады литературоведов звучали и на других секциях, в частности, посвященных диалогу между Востоком и Западом, вкладу славян в мировую литературу и современное литературоведение, философской, религиозной и политической мысли у славян и др.

В первый же день работы съезда его участники достойно отметили 180-летие со дня рождения Л. Н. Толстого. Его имя зазвучало уже в докладе Р. Ходеля «Является ли семейно-бытовой роман жанром?». Можно предположить, что он был вынесен на пленарное заседание не столько из-за поставленной там проблемы, которая уступала по своей значимости рассмотрению «путей славистики в современном мире» или проблемам «развития македонского литературного языка», сколько из-за того материала, который привлекался. Вопрос немецкого ученого остался открытым. Но подкупало

его обращение к творчеству Л. Толстого, анализ семейных коллизий в его романах (прежде всего, в «Анне Карениной»), попытки связать их с современностью и извлечь из них определенные нравственные уроки.

Толстовская тематика нашла свое продолжение в работе секций. Так, вечернее заседание литературоведов, прошедшее в день открытия съезда, было почти полностью посвящено Л. Н. Толстому. Освещалась его роль в эволюции западных представлений о России (В. Багно, Санкт-Петербург), различные аспекты повести «Хаджи Мурат» (Б. Ленквист, Финляндия; А. Шигети, Венгрия). Раскрывая непреходящую актуальность творчества русского классика, эти доклады проецировались в сегодняшний день, в животрепещущие проблемы отношения к России современного Запада и ее взаимоотношений с мусульманским Кавказом. Доклад о религиозных взглядах Л. Н. Толстого (И. Меджибовская, США), которые позже рассматривались и в выступлении В. Паперного (Израиль) «Лев Толстой и русская народная религиозность», наводил на мысль о глубоких причинах его богоборчества и конфликта с церковью. Истинная вера, как говорится, слепа. Великий аналитик, стремившийся разобраться в психологии жизни и человека, не хотел быть слепым ни в чем, в том числе и в вопросах веры. Чтобы все принять, ему важно было все понять и объяснить, не заглушая, а оглашая обуревавшие его ум сомнения. Но отвлечемся от Л. Толстого.

Диапазон литературоведческих докладов, охваченных в них материалов и проблем был достаточно широк и пестр. Национально-этнические корни «партоцентризма» в литературах разных эпох проанализировал П. Карагьозов (Болгария). «Об истории понятия “Восток–Запад” и возможностях его дальнейшего применения в славистическом литературоведении и культурологии» рассказала Е. Ульбрехтова (Чехия). Разрушение некоторых стереотипных представлений о Пушкине, Гоголе, Достоевском предпринял Б. Касанович (Сербия). Популярной гендерной проблематике, а именно женским образам в произведениях Наташи Герке и Ольги Токарчук посвятила свое выступление М.-А. Паскален (Швеция). Творчество известного македонского поэта Ацо Карманова было проанализировано М. Гюрчиновым (Македония). «Македонский роман как рефлексивная история» нашел отражение в докладе К. Кулавковой (Македония). Образ «молчащего героя» прозы Иво Андрича «заговорил» в докладе П. Рудякова (Украина). Мало известный белорусский модернизм стал более известным благодаря В. Максимовичу (Белоруссия), экспрессионизму в южнославянских литературах посвятил свой доклад Н. Радически (Македония), а специфику и судьбы сюрреализма в литературах славян рассмотрела Л. Будагова.

Должное место уделялось фантастике. Ее современные горизонты и разновидности обрисовала Е. Ковтун, а В. Валецкий (Польша) открыл элементы научной фантастики в творчестве А. Мицкевича.

В целом, доклады литературоведов продемонстрировали незатихающий интерес к литературе русского Серебряного века, поэтике модернизма, авангардных течений, постмодернизма, растущее внимание к барокко в литературах православного мира (например, доклад Л. Сазонова «Формирование художественного языка барокко у восточных славян как проявление обще-европейских культурных процессов» и др.), к религиозным воззрениям писателей, к «номадским» аспектам славянских литератур.

Важность изучения литературы эмиграции, весомость и масштабы которой определены реальностью XX в., чьи катаклизмы гнали людей на чужбину, были подчеркнуты еще на XII международном съезде славистов в Кракове в 1998 г. Тогда председатель Национального комитета славистов Польши Люциан Суханек предложил свой термин для набирающего силу направления, назвав его «эмигрантология». Съезд 2008 г. показал, что термин этот укоренился, и научный интерес к эмигрантской литературе не иссяк (Л. Суханек. «Эмигрантология: итоги и перспективы», М. Стемпень «Статус эмигранта в XX в.» и т. д.).

Обратила на себя внимание такая деталь. Масштабные темы, охватывающие и обобщающие большой материал, развитие нескольких литератур, периодов или жанров особенно характерны для отечественных литературоведов или ученых из стран СНГ и бывшего советского блока (см.: В. О. Захаржевская, Украина, – «Утопия или антиутопия в художественно-фантастической литературе славян второй половины XX столетия» и названия многих вышеупомянутых докладов). Западные и американские литературоведы предпочитали более узкие и конкретные сюжеты, анализ отдельных произведений или тем одного автора (см.: Е. Метц, Бельгия «“В безбрежности освобожденной мной”. О Прометее, Люцифере и освобождении человека в поэзии Константина Бальмонта»; Адалгис Мингати, Италия, «Светская повесть в раннем творчестве В. Ф. Одоевского (20-е гг. XIX в.)» и т. д.). Это, никак не определяет уровень докладов, а просто интересно как тенденция. Склонность к тематическому монументализму идет, возможно, из недавнего прошлого, когда участь заявленного на съезд доклада определялась у нас и в близких нам странах масштабностью темы – чем она монументальнее, тем больше шансов, что доклад «пропустят» на съезд. Мне кажется, противоположные примеры способны защитить право научного работника, соискателя научной степени, студента-дипломника на выбор узкой темы, скажем, связанной с анализом одного конкретного произведения.

Необходимо отметить (и, возможно, позаимствовать) стремление западных литературоведов придать своим докладам «товарный вид», выбрать им броское и нетривиальное название. Вот лишь несколько примеров: И. Савкина, Финляндия – «Куда исчезли бабушки? (Образ пожилой женщины в современной женской литературе)»; Д. Гютше, США – «Вампиры

Алексея Константиновича Толстого»; М. Вайскопф, Израиль – «Морфология любви. Структура романтического в русском романтизме»; Т. Полови, США – «Любовь с алкоголем. Алкоголизм в русской женской прозе с 1980-х гг. до настоящего времени» и т. д.

Мы поисками сенсационных названий себя не обременяем, думаем, как бы назвать свой труд по-серьезнее и по-научнее, а жаль.

Среди подходов к материалу доминировали компаративизм и гермневтика. Сравнивались молодая русская и польская проза (И. Адельгейм), постмодернизм в разных славянских литературах (Н. Старикова), македонский постмодернизм с русским (М. Проскурнина), «ностальгические рефлексии в прозе Виктора Пелевина, Даниэлы Годровой, Оксаны Добужко, Георгия Господинова» (Р. Божанкова, Болгария), Блок и Гофман (М. Гьенгьеш, Венгрия), повесть Л. Чуковской «Софья Петровна» с романом М. Горького «Мать» (Сибелин Е. Форестер, США).

Помимо того, что компаративистика заявляла о себе как сравнительный метод исследований материала (жанров, направлений, тенденций, произведений, авторов), она присутствовала на съезде и как особая область литературоведения, изучающая литературные связи, поэтому была выделена в особую секцию «Компаративистика, жанрология». Там прозвучали доклады В. А. Хорева «Ф. М. Достоевский в художественном сознании польских писателей XX века», А. Шешкен «Особенности развития македонской поэзии 1950–1960-х гг. в свете русско-македонских литературных связей», М. Зеленки (Чехия) «Славянская компаративистика в преддюршненскую эру. Чешские и словацкие отношения», А. Зеленковой (Чехия) «Чешско-словацкая взаимность и невзаимность (К методологии исследований чешско-словацких связей)» и др.

В анализе же художественных текстов преобладал герменевтический, а не структурно-семиотический подход, толкование текстов, анализ их смыслов, а не структуры произведений и образов. На этом фоне актуально прозвучал доклад Е. Силард (Венгрия, Италия) «Четырехмерная герменевтика Вяч. Иванова и ее традиции». Из докладов приверженцев семиотических подходов, рассматривающих искусство как «знак», хотелось бы отметить искусствоведческий доклад Н. Злыдневой «Русский художественный авангард и славянская мифология: мифопоэтика хтонического». Однако, уступая в литературоведческой практике место герменевтике, структурализм и семиотика остаются в сфере научных исследований в качестве объектов анализа. Съезд подтвердил их высокий рейтинг, посвятив им наряду с русским формализмом, школой М. Бахтина и феноменологией особую секцию «Вклад славян в современные течения литературоведения».

При достаточно широком охвате докладчиками разных славянских литератур, все же бросалось в глаза, что славистика за рубежом, а особенно в США,

Западной Европе, Японии отождествляется с русистикой. Из прослушанного в этой области запомнились, помимо уже упоминавшихся, доклады: Синтзи Мураты (Япония) «Драматургия М. Цветаевой: мятежное молчание или попытки преодолеть лиризм», Джорджетты Ревели (Италия) «Катастрофичность и фантастико-утопические рассказы в русском символизме: В. Брюсов», Режи Геро (Франция) о влияниях М. Булгакова на русскую прозу последних лет. В докладе речь шла о романе Андрея Дмитриева «Призрак театра», которым писатель откликнулся на трагедию захвата заложников на Дубровке во время спектакля «Норд-Ост» в октябре 2002 г. Признаюсь, что об этом произведении я услышала впервые. Видимо, некоторые западные слависты ориентируются в современной русской литературе лучше, чем иные ее соотечественники, а известность может придти к молодому писателю из-за рубежа.

Господство русистики на XIV съезде весьма импонировало моим патриотическим чувствам, но с точки зрения специалиста, призванного держать руку на пульсе всех славянских литератур, вызывало тревогу за судьбы своей профессии. И программа недавнего съезда, и другие симптомы показывают, что научный интерес к литературам «малых», а точнее, «малочисленных» славянских народов в целом падает. Связано же это не с якобы скромными достоинствами этих литератур, которые на самом деле являются литературами высочайшей художественной пробы¹, а с недостатком специалистов. Всего лишь один пример. Страна проведения съездов обычно стимулирует появление докладов о ее языке, культуре и литературе. В охридском съезде тоже были представлены интереснейшие доклады о литературе принимающей стороны, о молодой, но имеющей древние корни македонской литературе. Но ее делали либо сами македонцы, либо россияне. Создалось впечатление, что больше никто в мире македонской литературой не занимается. (С македонским языком, судя по докладам, дело обстояло лучше). Другие славянские литературы анализировались, как правило, тоже либо их соотечественниками, (в том числе живущими за рубежом), либо российскими литературоведами. Правда, пока еще полностью не иссякли кадры редких специалистов по отдельным литературам западных и южных славян в некоторых странах ближнего и дальнего зарубежья (в Украине, Белоруссии, Польше, Чехии, Словакии, Сербии, Болгарии, Македонии и др.), где под литературоведческой славистикой традиционно подразумевается исследование инославянских (по отношению к изучающей стране) литератур.

Эта дисциплина тем не менее (как впрочем и гуманитарная наука в целом) сейчас переживает далеко не лучшие времена. Можно сказать, что одна из тенденций современного славистического литературоведения – тенденция к его элиминации. Выживает оно пока за счет русистики. Сокращается за счет недостаточного изучения литератур «малых» по численности славянских народов. Тревога за судьбы этой отрасли знаний выражалась и за

пределами Охридского съезда, как до, так и после него. О сокращении богемистики в вузах Германии и Швейцарии говорилось на Третьем международном съезде литературоведов-богемистов в Праге (июнь–июль 2005 г.). На международной конференции «Славянские языки и культура в современном мире» (Москва, МГУ, март 2009 г.) славист из Вены, А. Кречмер, посвятивший доклад «Состоянию славянской филологии в университетах Западной Европы», назвал его «кризисным».

В этом контексте возрастает роль российской славистики, ее научных институтов и вузов, прежде всего, Института славяноведения РАН, крупнейшего в мире научного центра по изучению истории и культуры славянских народов, а также славянских кафедр Исторического и Филологического факультетов МГУ им. М. В. Ломоносова – надежной кузницы специалистов по славянской филологии. Внушает надежду введение славянского языка как иностранного на русском отделении филфака МГУ, интерес студентов-русистов к инославянским литературам (курсам лекций по истории белорусской литературы и течениям модерна и авангарда в поэзии западных и южных славян и др.). Нельзя забывать о славистической активности преподавателей и студентов Санкт-Петербургского государственного университета и других вузов России. Можно только приветствовать создание кафедры славистики в РГГУ, деятельность Государственной академии славянской культуры, где основу профессорско-преподавательского состава создают сотрудники Института славяноведения. России очень важно не сдать своих позиций в славяноведении, сохранить историческую функцию покровительницы славянских культур, мирового центра их изучения и популяризации. Хотя и у нас тревожные симптомы элиминации славистики налицо: уход старших поколений славистов, трудности с поисками равноценной им замены, недостаточное финансирование науки, вынуждающее молодежь порой жертвовать ради заработка научной работой, наметившийся недобор студентов на славянское отделение филфака МГУ и т. д. Но вернемся на съезд.

В его кулуарах иногда возникал вопрос, а не изжили ли себя такие многочисленные и разношерстные форумы как съезды, к тому же требующие больших средств и огромного труда для их подготовки и проведения. Скептики говорили об их малой эффективности, о том, что вряд ли они способствуют решению каких-то научных проблем и гораздо плодотворнее монотематические и более локальные конференции и симпозиумы. Энтузиасты же, не отрицая значения последних и придерживаясь принципов: «встречи всякие нужны, встречи всякие важны», вставали на защиту съездов, хотя бы потому, что они расширяют научный кругозор, повышают эрудицию и укрепляют связи с коллегами из других стран. Именно эту их сторону выделил в заключительной части своего пленарного доклада и член-корреспондент РАН А. М. Молдован: «Съезды нужны для встреч ученых из разных стран, они дают нам счастливое

чувство сопричастности к общему труду, ощущение солидарности в защите ценностей славянской культуры и интересов нашей науки и, конечно, импульсы для дальнейшей работы»². Бесспорно, такие форумы поддерживают и вдохновляют ученых, а кроме того – они повышают престиж славистики в обществе и дают профессионалам определенную ориентацию в состоянии нашей науки вообще и ее отдельных дисциплин в частности. И еще одно: пока за право проведения очередного славистического форума разные страны борются с такой же страстью, как за место проведения спортивных олимпиад, (что приходилось наблюдать воочию) то за будущее мировой славистики и ее съездов, пожалуй, можно не опасаться.

Примечания

¹ Чтобы лишний раз убедиться в этом, можем представить созданные в Институте славяноведения РАН многотомные труды: «История литератур западных и южных славян: в трех томах» (М.: Индрик. ТТ. I – 1997, II – 1997, III – 2001).; «История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны: в 2-х томах» (М.: Индрик. ТТ. I – 1995, II – 2001).

² Молдован А. М. Пути славистики в современном мире. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. М., 2008. С. 43.

IV. Литературоведческие исследования.

Язык и текст

О. А. Туфанова

Традиции воинской повести в «Ином сказании» (на примере анализа эпизода осады Новгорода Северского)

«Иное сказание» – компилятивный памятник, составленный предположительно в Троице-Сергиевом монастыре из самостоятельных литературно-публицистических произведений и документов эпохи Смуты в 20-е гг. XVII столетия. В него были включены, согласно наблюдениям отечественных исследователей С. Ф. Платонова, Е. Н. Кушевой, Н. П. Попова, В. И. Буганова, В. И. Корецкого, А. Л. Станиславского, «Повесть, како отомсти...», «Повесть, како восхити...», грамоты Лжедмитрия I 1604–1605 гг., «Извет» старца Варлаама, фрагменты жития царевича Дмитрия, правительственные релянции¹. К исходному материалу составители «Иного сказания» добавили новые сведения, отдельные эпизоды были переработаны. Название произведению дал И. Д. Беляев, первый публикатор памятника, в 1853 г., чтобы отличить его от «Сказания» келаря Авраамия Палицына.

Стремление к полноте охвата событий привело к тому, что памятник «Иное сказание» представляет собой сложное в жанровом отношении произведение. В нем обнаруживается необычное соединение элементов разных жанров. По замыслу оно напоминает летопись: составитель изображает историю Московского государства от смерти Ивана Грозного до царствования Алексея Михайловича. Вместе с тем в составе памятника встречаются эпизоды, представляющие собой отдельные жанровые образования: видения, чудеса, грамоты, челобитные. Ряд эпизодов восходит к традициям жанра воинской повести.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы проследить традиции воинского повествования и новаторство составителя «Иного сказания» на примере анализа эпизода осады Новгорода Северского².

Эпизод имеет 4-частную структуру. В пространной экспозиции, предшествующей собственно рассказу об осаде города, составитель повествует о первых военных успехах Лжедмитрия I. Манера описания победного шест-

вия Лжедмитрия I по Северной земле (1604 г.) в «Ином сказании» схожа с аналогичными тематическими фрагментами других русских и иностранных сочинений о первых «делах» самозванца в пределах Московского царства.

Почти все авторы, обращавшиеся к этой теме, начинают свой рассказ с иностранных перечней пограничных городов. Так, Жак Маржерет³ приводит довольно длинный перечень сдавшихся Лжедмитрию крепостей: Чернигов, Путивль, «Рыльск, Кромы, Карачев, а также с татарских границ Царев Борисов, Белгород, Ливны и другие»⁴. Аналогичный перечень покорившихся городов (Путивль, «Брянск, Рыльск, Чернигов, Карачев и многие другие»⁵) дает Исаак Масса⁶.

Русские авторы, как правило, упоминают 2–3 города и далее употребляют обобщающую формулу «и иные многие»: «Градъ Царевъ, Бѣлградъ и иные многіе грады такожде ему предашася и съ селы»⁷ (28); «и предаша ему грады в руцѣ его: Путивль и Черниговъ и иныя грады страны Сѣверския»⁸. Эта, казалось бы, незначительная, на первый взгляд, деталь демонстрирует различие в подходе русских и иностранных писателей к изложению событий. Если иностранцы дорожат документальной точностью в изложении фактов, что демонстрируют пространные перечни городов, позволяющие представить реальную расстановку сил, предшествующую осаде Новгорода Северского, то для русских авторов принципиально важно: не какие именно города предалась во власть Отрепьеву (довольно и количественно-бесстрастной характеристики «многие», которая уже сама по себе таит трагический подтекст), а почему русские города в большинстве оказывали почет Лжедмитрию и сдавались без боя.

На первый план в мотивировке поступков жителей в русских текстах выходят эмоции. Так, С. И. Шаховской в «Летописной книге», рассказывая о расправе жителей Чернигова с местными воеводами, пишет о чрезмерной радости, которую испытали горожане, узнав, что на город идет спасенный Божьей милостью от Борисова убийства царевич Дмитрий: «возрадовашася о том радостию великою зело»⁹. На руководство чувствами, а не разумом указывал и автор «Хронографа 1617 г.»: «подыхаша о немъ: мняху бо, яко той есть им же пронарицается»¹⁰. Создатель «Плача о пленении и о конечном разорении Московского государства», вспоминая факт «бесстыдного» вторжения Лжедмитрия в грады Северские, столь же эмоционально описывает причины принятия Отрепьева жителями тех мест, дважды указывая на их суетное безумие, отсутствие ума-разума, малодушие: «Живущии же людие во странахъ тѣхъ осуетишася помышлением и объюродѣша умомъ, и малодушествомъ обязашася...»¹¹.

На этом фоне творческий метод составителя «Иного сказания» стоит особняком. Книжник совмещает в своем тексте оба подхода: фактографическую точность и эмоциональность. Использованный составителем прием перечней не имеет в данном контексте, в отличие от иностранных источников, самостоятельного значения. Люди в тех городах: «въ

Муромѣ, и въ Черниговѣ, въ Курецкѣ, и Комарицкія волости; и въ Путимли, и въ Рылескѣ, и въ Стародубѣ, и въ Ромѣхъ» (28) – вынуждены были решать сложную задачу, получив послание от Лжедмитрия: сын ли он государя царя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича или нет: «быша тогда въ размышленіи» (28). Положившись на «щедроты Божія», они «мнѣвшу то вправду быти ... и чаяху его быти сушаго прирожденнаго своея христіанскія вѣры царевича» (28).

В «Ином сказании», как и в большинстве других русских сочинений, вопрос веры и неверия в чудесное спасение царевича, вопрос истинности Дмитрия стоит для жителей пограничных городов на первом месте. Но решающим аргументом добровольного и мирного предания во власть Отрепьева для жителей становится, согласно тексту, точное знание: «А про Бориса добрѣ вѣдаютъ, яко неправдою восхити царство и потаенно подстѣче древо благоплодія ... и много бесчисленно пролилъ неповинныя христіанскія крови, достапаючи великого государства» (28). Последнее особо значимо.

Составитель «Иного сказания», в отличие от многих русских авторов, не ограничивается исключительно династическим объяснением причин быстрых побед Лжедмитрия. Пролитая Борисом Годуновым кровь неповинных христиан – это едва ли не главная причина того, что никто из жителей не стал биться против войска Отрепьева: «И никто же ста братися противу его» (28). Данная социально-нравственная мотивировка поступка жителей, не совсем ясная по содержанию, сближает этот памятник с «Кратким известием о Московии» И. Массы, который, в отличие от русских авторов, в том числе и составителя «Иного сказания», уделяет большое внимание событиям, предшествовавшим осаде.

Повествуя о захвате Комарицкой волости, И. Масса противопоставляет действия войск Лжедмитрия и Годунова, используя ряд антитез: «Войско Дмитрия не причинило этой волости ни малейшего урона; он брал только то, что крестьяне приносили ему от щедроты ... московское войско, куда бы оно ни пришло, опустошает всю страну...»¹². Видя, что Дмитрий «никому не причинял вреда, но защищал всех», люди «дивились» этому, ибо Борис Годунов к тому моменту информировал уже всех о том, что причина войны – бунт казаков, а Дмитрий – враг. И поскольку люди твердо были убеждены в том, что только законный наследник престола мог так «щадить их земли», то уверовали, что он и есть «законный наследственный государь». Если Дмитрий олицетворял для населения Северной земли своим поведением идею батюшки-царя, защитника и заступника, попечителя о благе подданных, то деяния московского войска, с которым отождествлялся в сознании людей Борис Годунов, свидетельствовали об обратном. Войско не щадило «никого из своего народа».

В ситуации выбора между защитой и беспощадностью чаша весов не могла не перевесить в сторону Дмитрия: «...они ... переходили на сторону

Дмитрия сотнями и признавали его законным своим государем»¹³. Жестокая расправа с жителями Комарицкой волости еще больше отвратила людей пограничных сел и городов от Москвы. «Чем больше мучили людей, – замечает И. Масса, – тем более они склонялись признать Дмитрия своим законным государем. ... Увидев и услышав это (о расправе с жителями Комарицкой волости. – О. Т.), жители окрестных мест стали думать: ежели наши соотечественники и наши правители в Москве так с нами обходятся, то нам лучше скорее перейти к Дмитрию, который будет нас защищать»¹⁴.

Через яркие антитезы в повествовании И. Массы, не считавшего Лжедмитрия истинным царевичем, в отличие, например, от Ж. Маржерета, подкрепляется лейтмотивом бездействия в оценке действий московских властей в этот период времени. Но это бездействие особого рода: по мнению Массы, Борис Годунов не предпринял ни одного серьезного действия против Лжедмитрия, а только пытал и убивал своих же соотечественников: «День и ночь не делали ничего иного, как только пытали, жгли и прижигали каленым железом и спускали людей в воду, под лед»¹⁵. Многолюдное войско Бориса также ничего «не достигало», только «жгло и палило имение своего же народа и казнило перебежчиков, сверх того совершая в разные стороны походы, что недостойно описания»¹⁶.

В большей части русских сочинений подобная антитетическая социально-нравственная мотивировка событий конца 1604 года отсутствует. Исключение, пожалуй, составляют два памятника – «Временник» Ивана Тимофеева и «Иное сказание». Тимофеев, объясняя измену русских жителей крестному целованию, замечает, что многие из них, соблазнившись лукавой лестью и хитростью Лжедмитрия, поверили в чудесное спасение царевича (об этом писал и И. Масса). Но еще до его вступления в пределы Русской земли все люди добровольно, как идолу, поклонились ему, поскольку всем надоело (!) Борисово «насильное» «кроволюбное» царство, «страх смерти» одолел их, и они ложно понадеялись при Лжедмитрии «отдохнутием поне мал получитьи покой»¹⁷. Об этом же, но более лаконично, пишет и составитель «Иного сказания».

Однако, несмотря на приближенность этой мотивировки к социально-нравственной, в ней, как и в других русских сочинениях, ведущую роль все-таки играют чувства: страх, усталость, смутная надежда – не на уровне знания, а на уровне, пусть и ложного, предчувствия. Отсутствие объективной социальной мотивировки событий в русских текстах объясняется, прежде всего, тем, что для всех русских авторов, осмыслявших события Смуты, Лжедмитрий I – фигура однозначно отрицательная, ибо он самозванец. Не случайно в русских сочинениях наблюдаются одни и те же повторяющиеся, переходящие из одного памятника в другой мотивы принятия Григорием Отрепьевым чужого имени, его кровожадности, беспутства, тесно связанный с его образом мотив ниспровержения православной веры в угоду рим-

скому папе и др. Устойчивы в русских текстах метафорические сравнения Отрепьева со «змием», «диким зверем», «кровоядным лвичищем». Неизменно уподобление расстриги «сатанину угоднику».

В связи с этим становится понятным, почему в русских памятниках не могло прозвучать добрых слов в адрес Лжедмитрия. Отсюда вытекает и еще одно важное наблюдение: русские авторы описывают происходящее с субъективных позиций, руководствуясь, в первую очередь, эмоциями, ощущениями, а иностранцы пытаются следовать принципу объективности изложения событий. Взгляд изнутри, трагическое, зачастую очень личностное переживание смутных времен – отличительная черта именно русской литературы; взгляд извне, беспристрастность – яркая примета стиля иностранных авторов, свидетелей русской Смуты.

Вторая часть эпизода посвящена непосредственно осаде Новгорода Северского. Среди русских авторов весьма немногие зафиксировали факт осады; как правило, в русских текстах в общих словах говорится о покорении Лжедмитрию всей Северной земли. Исключение составляют два памятника – «Летописная книга» С. И. Шаховского и «Иное сказание».

По своему стилю и жанру эпизод осады в «Ином сказании» восходит к традиции древнерусской воинской повести. Однако с самого начала привычная для древнерусского читателя схема воинских повестей ломается. Традиционно в первой части воинской повести (краткой или пространной) давались сведения, более или менее документально точные, о составе и численности войск, цели похода. В рассматриваемом эпизоде эта схема соблюдена только в самом общем виде. Автор сообщает, что к городу, где «седели» воеводы князь Никита Романович Трубецкой и Петр Федорович Басманов, подошел Гришка «съ войскомъ» и начал бить по нему из пушек: «Онъ же нача по граду съ войскомъ крепко приступати и бити...» (29). Эта же подробность встречается и в «Летописной книге»: Лжедмитрий, осадив город, «нача ис пушакъ бити и всяческими домышленьми досягати, како бы той град той одолѣти»¹⁸.

Отсутствуют в «Ином сказании» и географические особенности местоположения города, упомянутые, например, в отчете Ж. Маржерета: «...он (Дмитрий. – О. Т.) осадил построенную на горе крепость Новгород Северский, где начальствовал Петр Федорович Басманов, оказавший такое сопротивление, что Дмитрий не мог овладеть Новгородом»¹⁹.

Сама мотивировка осады в тексте «Иного сказания» выглядит искусственной: Гришка пошел к Новому Северскому граду, в нем сидели воеводы Н. Р. Трубецкой и П. Ф. Басманов, и те не захотели ему сдать (28). Очевидно, в данном случае составитель «Иного сказания» либо был плохо осведомлен об этом событии, либо его мало интересовали причины интереса Лжедмитрия к этому городу, как и кем была организована оборона города и т. д.

Искусственность перехода от первой части ко второй особенно хорошо видна при сопоставлении текста «Иного сказания» и сочинения И. Массы, который акцентирует внимание на важности и самой Северной земли в силу ее богатства и изобилия, и главного ее города – как для московских властей, так и для Лжедмитрия. Последний, чтобы продвинуться дальше, понимая важность подчинения «одной из лучших областей Московии»²⁰, сам предпринял поход против города. «Московиты весьма страшались за эту землю и послали туда доблестного витязя Петра Федоровича Басманова с войском»²¹. Контрастно описанному через излюбленный прием перечня в сочинении И. Массы звучит упоминание о том, что Басманов, укрепив город, не успел запастись съестными припасами, и осажденные, в том числе и сам воевода, вынуждены были есть конину.

Редкие детали, встречающиеся в текстах иностранных авторов, касающиеся и географического положения, и важности города как стратегического объекта в борьбе с Лжедмитрием, и тяжести положения осажденных, остаются без внимания в «Ином сказании». На первый план здесь выходит яркая антитеза: если все другие города и села Северной земли добровольно поклонялись Лжедмитрию и приносили ему дары, как это было в обычае встречи царствующей особы на Руси, то жители Новгорода Северского, возглавляемые вышеупомянутыми воеводами, покориться не захотели.

Значительное место в «Ином сказании», в отличие от всех памятников, зафиксировавших факт осады города, уделено характеристике осаждающих и обороняющихся. Примечательно, что составитель «Иного сказания», вразрез с традицией характеристики врага в древнерусских воинских повестях предшествующего периода развития, ни слова не говорит о том, какова была численность войска Лжедмитрия, представители каких народов входили в его состав. Более того, на протяжении всего эпизода автор ни разу не называет сражавшихся на стороне Григория Отрепьева воинами. В эпитетах и метафорических сравнениях, которые автор применяет по отношению к войску Лжедмитрия, проглядывает общий настрой книжника по отношению к воинам, пришедшим вместе с Отрепьевым на Русь и вставшим под его знамена. В тексте рождается странный образ противника – это некие «бьющие по граду» (29). При этом очевидно намеренно автор неоднократно акцентирует внимание читателя на их основном занятии – «битье» по городу: «приступати и бити ... разбиша градъ до обвалу земнаго ... градское разбиение ... град биюще» (29).

Следующая характеристика противника горожан появляется при описании попытки захватить город через отворенные им по собственной воле защитников города ворота и представляет собой яркое метафорическое сравнение: «яко дивни гладни зверие къ снеди» (29). Уподобление героя «дивно зверю» по степени жестокости и злобности встречается довольно устойчиво в древнерусской литературе начиная с XI в.²² Но в данном случае известное сравнение приобре-

тает характер имянаращения врага. Сопутствующие сравнению эпитет «гладнии» и образ «снеди» углубляют негативную характеристику осадивших город и проясняют расстановку сил: жителям противостоят некие голодные «дивии» звери, бьющие беспрестанно по городу с целью добычи – «снеди».

Дальнейшее описание действий нелюдей подчеркивает их звериную натуру, напоминает действия стаи в погоне за добычей: «другъ предъ другомъ поскоряюще напредь во градъ внити, и поидоша тесно, другъ друга угнетающе» (29). Теснота, скученность и давка, возникшие в стане врага вследствие жажды наживы, превращают их из пусть и странных, но живых существ в неподвижный неодушевленный предмет: горожане «начаша по всему войску бити, аки въ стену» (29). И далее, описывая последствия боя, составитель «Иного сказания» использует традиционную воинскую формулу описания битвы²³: «...и яко мостомъ предъ стенами града и во врагехъ людьми его помостивше» (29).

Здесь появляется и первый числовой указатель: всего врагов «убиша у нихъ до четырехъ тысячъ» (29). И здесь же враги, осадившие город и попытавшиеся его захватить, будучи убитыми, впервые в эпизоде называются «людьми» – странность, которая получит объяснение несколько позже. Защитникам города противостоит, как выясняется в дальнейшем, многочисленный враг. На это указывает не только количество погибших во время неудачного штурма (4 тысячи), но и последующее замечание автора: «Онъ (Отрепьев. – О. Т.) же много, стоя подъ градомъ, главъ кладуше» (30).

Восприятие воинов Лжедмитрия как нелюдей составителем «Иного сказания» становится особенно очевидным при сопоставлении с аналогичным фрагментом в «Кратком известии о Московии». В отличие от русского автора, И. Масса детально характеризует психологическое состояние осаждавших поляков. По прибытии к городу Дмитрий обнаружил польских капитанов, дворян, всадников в состоянии уныния: «придя в уныние ... впадали в совершенное уныние»²⁴. Увидевший это Дмитрий, выслушав их жалобы, сам был «весьма опечален, смиренно просил их не приходить в уныние»²⁵. В жалобах поляков, приводимых в тексте через цитирование, Масса отмечает причины подобного психологического состояния: поляки ужаснулись, что они не могут взять такой «маленький» город, что каждый день над ними нависает угроза встречи с идущим на помощь городу большим московским войском, что все села и города до этого сами «отпадали» к ним и, наконец, главная причина – деньги: они ссудили покоренные города «всем без малого вероятно что-либо вернуть»²⁶. Уговоры и золотые цепи, снятые с шеи и подаренные полякам, убедили их не покидать Лжедмитрия, и они «со всех сторон как можно теснее»²⁷ обложили город.

Совсем иначе выстраивает составитель «Иного сказания» характеристику защитников города. Практически отсутствуют какие-либо эпитеты, срав-

нения в описании горожан. Герои обороны города охарактеризованы лишь через действия, авторская оценка которых также отсутствует. Прежде всего, автор подчеркивает инаковость поведения жителей Нового Северского по сравнению с жителями других русских городов и сел на Крымской дороге. Если «градъ Царевъ, Белгородъ и иные многие грады» (26) «предашася и съ селы» (28) Лжедмитрию I, то Новый Северский «здатися не восхотеша» (29).

Во-вторых, в качестве ведущего мотива, организующего повествование, выступает в данном фрагменте мотив оружия. Заявленный в самом начале эпизода [«оружие уготовиша» (29)] в общих словах, он получает развитие в описании подготовки защитников города к засаде. Автор довольно подробно перечисляет все виды оружия, приготовленные горожанами для встречи противника: «Они ... уготовиша щиты, и уставивше пушки и пищали, и сабли вознесше» (29).

В-третьих, все защитники города представлены в эпизоде как единое целое – «граждане» (30), хотя автор и упоминает руководителей обороны города – бояр Н. Р. Трубецкого и П. Ф. Басманова. «Вси единосердно стаха и биющеся ... крепце» (30) с врагом. Мотив единосердия, единения в описании защитников города будет косвенно подчеркнут автором и в рассказе о военной хитрости, придуманной горожанами. Не будет названо ни одного имени, из текста останется непонятным, кто был автором идеи заманить врага в ловушку, кто вел переговоры, кто был исполнителем. Есть только общее указание – «воеводы и граждане», «они» (29).

Иного мнения придерживались С. И. Шаховской и И. Масса. Согласно «Летописной книге», именно воевода Басманов «многая дивное особѣ творяше и град ополчением своим мужески защищаше»²⁸. И. Масса также называет организатором военной хитрости Басманова: «Этот подвиг был приписан Басманову, и он был высоко прославлен как Борисом, так и народом; и это случилось 21 декабря»²⁹. Судя по этой записи, И. Масса располагал весьма косвенной информацией о событиях, произошедших в Новгороде Северском, поскольку в данном случае он пользуется приемом, более типичным для русских авторов, – ссылается на слухи («подвиг был приписан»), когда повествует о подвиге горожан во главе с Басмановым.

На этом литературном фоне особо выделяется мотив единосердия, поставленный составителем «Иного сказания» в центр при характеристике оборонявшихся. Представляется сомнительным, что составитель не знал о довольно широко распространенных в народе слухах о подвиге П. Басманова. Очевидно, для него важнее была идея единства в борьбе с еретиком и расстригой, идея тем более ценная, что в других городах и селах Северной земли жители так же единосердно принимали Лжедмитрия, как единосердно дали ему отпор жители Новгорода Северского. Поэтому автор словно намеренно избегает прямых оценок. Но именно их отсутствие на фоне отрицательных характеристик войска Лжедмитрия становится

косвенным свидетельством симпатии книжника по отношению к обороняющимся. И даже единственное на весь отрывок сравнение защитников с волками — «яко волцы» (29) — носит характер не столько оценочный, сколько изобразительный и выглядит случайным.

К этой же мысли подводит и пространный риторический авторский комментарий противостояния горожан и войска Лжедмитрия, построенный на приеме синтаксического параллелизма с использованием развернутых метафор: «Гришка же рострига, видящее стремление ихъ и подобную честь себѣ отъ гражданъ: въ крестовъ мѣсто и образовъ копия и сабли, въ кандила же мѣсто пушки и пищали, вмѣсто же благоуханнаго фиміану зелной дымъ и смрадъ, вмѣсто же сладкаго овощу вкусившее пушечные и пищальные ядра, вмѣсто же меду смертнымъ ядомъ помазаны быша...» (29–30). В данном случае система метафорических антитез связана с описанием обманутых надежд, чувств самого Лжедмитрия и его воинов, ожидавших теплого приема, подобного тому, который им оказывали в других городах Северной земли, а вместо «даров» получивших только «пушечные и пищальные ядра» и «смертный яд».

Третья часть эпизода посвящена битве под Новым Северским. На помощь городу приходит многочисленное московское войско под руководством князя Ф. И. Мстиславского, князей В. И. и Д. И. Шуйских с «многие воеводы со многими силами» (30). Теперь многочисленному войску Лжедмитрия противостоит не менее, судя по совпадающим характеристикам, многочисленное войско защитников города. Однако если при описании жителей Нового Северского сквозила явная симпатия автора по отношению к ним, то теперь, когда к стенам города подошло московское войско и силы противников уравнились в численном отношении (не случайно количественный состав и того, и другого войска обозначается автором через незначительные вариации одного и того же слова — «много», «многие»), автор занимает позицию стороннего наблюдателя, одинаково отстраненно описывающего сошедшиеся на поле боя две равновеликие и равнобезумные силы.

Описание битвы литературно выверено: автор активно использует изобразительные средства фольклора и предшествующей воинской и ораторской литературы. Практически все повествование о ходе битвы под Новым Северским выстраивается на одних воинских формулах. Но подспудно сквозь традиционные воинские формулы, эпитеты, сравнения, через активно используемый писателем прием синтаксического параллелизма рождается апокалипсическая картина, разыгравшаяся под стенами Нового Северского. Трагичность происходящего подчеркивается разными художественными средствами.

Уже в начале рассказа о бое автор в косвенной форме вводит мотивы величия и ужаса происходящего, используя фольклорно-литературный мотив схождения врагов на битву³⁰: «войско съ войскомъ скоро сходится ... два войска, сходящиеся между собою ... И паки сосупившимся двема войскома» (30–31).

Углубление получает здесь и мотив оружия, заявленный еще во второй части эпизода. Но, в отличие от описания обороны города, в данном фрагменте составитель не только перечисляет все используемые воинами виды оружия, но и характеризует каждое оружие через сопоставление с грозными природными явлениями³¹: «И быша яко громи не въ небесныхъ, но въ земныхъ тучахъ пищальной стукъ, и огонь яко молния свиркаетъ во тме темной, и свишуть по аеру пульки и ис тмочисленныхъ луковъ стрелы» (30). Шум и треск оружия сотрясают всю землю, за грохотом оружейным не слышны даже вопли людей³²: «и бысть вопль и шумъ отъ гласовъ человеческихъ, и оружейной трескъ, яко и земли потрясатися и не слышати, что другъ ко другу глаголетъ» (31).

Два войска уподобляются двум тучам и по многочисленности, и по грозности, и по характеру действия: «Яко две тучи, наводнившися, темны бывають ко пролитию дождя на землю, тако же и те суть два войска, сходящися между собою на пролитие крови человеческия, и покрыша землю ... въ земныхъ тучахъ» (30). Страшная цель битвы – «пролитие крови человеческой» – достигнута: люди падают на землю, как снопы³³, – «падаютъ чело-вечи, яко снопи по забраломъ» (30–31).

Замыкает рассказ о бое традиционная воинская формула, отражающая общую оценку битвы: «и бысть сеча велия; сечахуся...» (31); «И брань зело страшна бысть ... ужаса и страха полна та беяше борба» (31). Размах, жестокость и одновременно значимость сечи под Новым Северским уподобляются ужасу и страху битвы «на Дону у великого князя Дмитрея съ Мамаемъ» (31).

Любопытно, что, несмотря на обилие используемых художественных средств, автор не разграничивает воинов на «своих» и «чужих», описание битвы дается в общих чертах: два войска сошлись и бьются на смерть. Нет оценок действий московского войска, нет оценок действий воинов Лжедмитрия. Из этого описания рождается общий образ – две равновеликие силы, «хотяще единъ другаго одолети» (30). И даже упоминание в конце этого бесстрастного в плане авторских симпатий и антипатий рассказа имен Дмитрия Донского и Мамаея не проясняет отношения автора, поскольку он сравнивает не воинов прошлого и настоящего, а только ужас и значимость двух битв, где решалась судьба Руси.

Очевидно, автору была особенно дорога идея борьбы за государственную и национальную независимость, которую и воплотили своими действиями горожане вместе с подошедшим им на помощь московским войском, на фоне общероссийского предательства, когда города и села сдавались без боя Лжедмитрию. Новый Северский оказывается дорог автору именно вследствие того, что он единственный решил дать отпор врагу, и в этом смысле его подвиг оказывается в представлении автора сродни подвигу московского ополчения во главе с великим князем Дмитрием Донским.

Далее автор вновь меняет тональность рассказа о событиях. Описывая военную хитрость, придуманную Лжедмитрием, он вводит мотив оборотни-

чества: «Онъ же Гришка съ хитростию на бой нарядився: у многихъ въ войске его кони ихъ и люди въ медвежиихъ кожахъ, и овчии кожи навыворотъ, у иныхъ коней по обе страны косы въ тесноте режутъ» (31). Несколько ранее автор сухо поведал читателю о военной хитрости, которую применили осажденные горожане. И действия Лжедмитрия, и поступок жителей лежат в области военной тактики, зеркальность этих фрагментов налицо, но вот оценки автором этих маневров разнятся: рассказ о действиях жителей Нового Северского вследствие отсутствия каких-либо изобразительно-выразительных средств напоминает сухой документальный отчет, а рассказ о действиях Лжедмитрия содержит краткую оценку – «съ хитростию на бой нарядився». Но и этой краткой оценки вполне достаточно, чтобы понять разницу в восприятии тактических маневров противников.

Лжедмитрий, согласно наблюдениям над текстом «Иного сказания» М. А. Коротченко³⁴, не может победить в честном бою, поэтому и прибегает к оборотничеству, приказывая своему войску надеть на лошадей медвежьи и овечьи шкуры. Не случайно это единственный случай, когда в «Ином сказании» описывается военная победа Лжедмитрия I. И это единственная «живая» деталь в описании битвы под Новым Северским, которая выделяется на фоне большого количества традиционных воинских формул, использованных составителем.

Последствия «хитрости» Лжедмитрия оказываются катастрофическими. С этого момента в повествование прочно входят тесно связанные между собой мотивы смятения, битва и смерти: кони московского войска «начаша зело мятятся», московскую силу, находившуюся «во смятении», воины Лжедмитрия «начаша боле побивати ... и во смятении томъ много войска побивша»; в результате «Московская сила смятеся». И вновь автор, чтобы подчеркнуть безумие и трагичность происходящего, употребит уже звучавшее в данном эпизоде сравнение: «и трупомъ человеческимъ землю помостиша, яко мостомъ» – и усилит его страшное значение, повторив сравнение и добавив пространственно-числовой мотив: «Онъ же ихъ девять версть гнаша и боле, въ тылъ побивающеее и секуще; трупу же человеческогоа яко лесу кипарису подсекоша и мостомъ на девять версть и боле помостиша» (31).

Применение одного и того же яркого образа по отношению к погибшим – и к воинам Лжедмитрия, и к московским ополченцам – как бы уравнивает противников и подводит читателя к пониманию авторской позиции. Неясные ранее странности в описании битвы и врагов (неразличение своих и чужих; то бесстрастное, сухое повествование, то построение рассказа о битве на основе одних только фольклорно-литературных формулах; то применение одного и того же образа по отношению к убиенным противникам) находят, наконец, свое объяснение в финале эпизода.

В четвертой, заключительной, части эпизода ярко и впервые отчетливо ясно проявляется гуманная авторская позиция. Ему одинаково жалко всех

погибших в этом военном столкновении, ибо не их это битва, а «проклятого еретика со святоубийцею» (31). Лжедмитрий I с Годуновым «не сами собою сражаются, но человецы отъ нихъ умирають и кровь проливають» (31–32). В этом контексте мотив пролития крови человеческой и тесно связанный с ним образ «рек крови»: «крови же человеческия по земли источницы протекоша», «кровию же человеческою вся земля обогрися» (31), «пролития реки неповинныя христианския крови» (32) – выполняет несколько функций в тексте. С одной стороны, он является традиционной речевой формулой отражения трагедийности событий, средством создания масштабности, грандиозности творящейся в Русской земле трагедии. С другой стороны, применение одного и того же образа по отношению к противникам указывает на яркую антитезу: «злонравным», «злехитрым» Годунову и Лжедмитрию I противопоставляются обычные «чело­вецы». Автору одинаково жаль погибших «отъ полковъ множество воинъ», поскольку и те, и другие – «лоза насажденнаго винограда Христова», ни в чем не повинные «овча... стада Христова» (32).

Таким образом, эпизод осады Новгорода Северского имеет сложную четырехчастную структуру. Основой его становится жанр воинской повести, наиболее полно представленный во второй и третьей части эпизода. Выявленные приемы изложения событий, особенности развития сюжета и изображения персонажей, типология использования повествователем образительно-выразительных средств позволяют сделать вывод о близости данного эпизода к воинским повестям информативного типа³⁵. Вместе с тем наблюдаются и принципиальные отличия: рассказ, особенно его третья часть, насыщен традиционными фольклорно-литературными формулами; позиция повествователя представлена довольно ярко с помощью дидактического заключения (четвертая часть) и кратких прямых оценок действий персонажей, что приближает данный эпизод к воинским повестям событийного типа. В то же время в эпизоде отсутствуют традиционные для многих русских воинских повестей мотивы Божьей помощи, Божьего наказания, не используются библейские цитаты, встречается лишь одна ретроспективная историческая аналогия. Сопоставление же с аналогичными по теме эпизодами из других русских и иностранных источников позволяет говорить о такой яркой особенности повествования в «Ином сказании», как сочетание фактичности, более свойственной иностранным источникам, с эмоциональностью, присущей рассказам русских авторов.

Примечания

¹ См.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913; Кушева Е. Н. Из истории публицистики Смутного времени // Уч. зап. Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. 1926. Т. 5. Вып. 2. С. 21–

97; Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л. «Повесть, како отомсти...» – памятник ранней публицистики Смутного времени // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Л., 1974. Т. 28. С. 231–254.

²Новгород Северский – второй по значимости город Черниговского княжества, расположенный на правом берегу р. Десны (ныне – город в Черниговской области Украины, административный центр Новгорода – Северского района). Впервые был упомянут в 1044 г. в «Летописи путей» Владимира Мономаха, с 1098 г. – столица Северского княжества. После разорения войсками Батюга в 1239 г. город принадлежал Брянскому княжеству, позже – Великому Княжеству Литовскому. В результате Ведровской битвы (14 июля 1500 г.) вошел в состав Московского княжества, но во время Смуты (1604–1612 гг.) был захвачен Польшей. По условиям Андрусовского перемирия 1667 г. город вновь вернулся в состав России. В тексте «Иного сказания» город назван «Новый Свверский град».

³Жак Маржерет (1550-е гг. – после 1618 г.) – француз по происхождению, выходец из судейского сословия, профессиональный солдат-наемник. Служил французскому королю Генриху IV, позже австрийскому, трансильванскому и польскому монархам. В 1600 г. завербовался на службу в Россию. В Москве командовал пехотной ротой. Участвовал в борьбе с Лжедмитрием I. С приходом последнего в Москву перешел на сторону самозванца, командовал отрядом иноземной стражи в Кремле. В сентябре 1606 г. после вступления на престол Василия Шуйского вернулся во Францию, опубликовал свою книгу о Московском государстве – «Состояние Российской державы и Великого княжества Московского». В 1608 г. возвратился в Россию и поступил на службу сначала к Лжедмитрию II, затем – к польскому королю Сигизмунду III. В марте 1611 г. участвовал в подавлении восстания москвичей против интервентов, в поджоге и разрушении Москвы. Осенью 1611 г. Маржерет навсегда покинул Россию. С 1612 г. и до конца своих дней исполнял роль французского политического агента в Польше и Германии.

⁴Маржерет Ж. Состояние Российской державы и великого княжества Московского // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 54.

⁵Масса И. Краткое известие о Московии // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. С. 152.

⁶Исаак Масса (1587–1635) – голландский купец, происходивший из знатного итальянского рода, переселившегося в Голландию во время реформации; ученый, путешественник, картограф. В 1600–1609 гг. находился в Москве с торговыми целями, изучил русский язык, собрал большое количество материалов, освещающих события в России в конце XVI – начале XVII вв. В 1610–1611 гг. написал «Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии...», впервые опубликованное в России в переводе в 1874 г. петербургской археографической комиссией. В 1614 г. вторично был в России, в Москве и Архангельске. Помимо книги о Московии, на основе своих записей и зарисовок, сделанных в 1-ую и 2-ую поездки, Масса составил обширные карты России, впервые нанеся на них Соловецкие острова, сделал их известными Европе; две статьи о Сибири, которые вошли в число первых сочинений об этом крае в западноевропейской литературе. В 1620 г. перешел на шведскую службу и в составе уже шведского посольства дважды (1628 и 1634 г.) посетил Москву.

⁷Здесь и далее текст цитируется по изданию (столбцы указываются в скобках): Так называемое Иное сказание // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Л., 1925. Изд. 3-е. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (РИБ). Т. XIII. Вып. I.

⁸Шаховской С. И. Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси (ПЛДР): Конец XVI – начало XVII веков / Вступ. ст. Д. Лихачева; Сост. и общая ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачева. М., 1987. С. 370.

⁹Там же.

¹⁰Из хронографа 1617 года // ПЛДР: Конец XVI – начало XVII веков / Вступ. ст. Д. Лихачева; Сост. и общая ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачева. М., 1987. С. 328.

¹¹ Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства // ПЛДР: Конец XVI – начало XVII веков. С. 136.

¹² *Масса И.* Краткое известие о Московии... С. 149.

¹³ Там же. С. 149–150.

¹⁴ Там же. С. 150.

¹⁵ Там же. С. 147.

¹⁶ Там же. С. 151.

¹⁷ Временник Ивана Тимофеева / Подготовка к печати, перевод и комментарий О. А. Державиной. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Репринтное воспроизведение издания 1951 года. СПб., 2004. С. 84.

¹⁸ *Шаховской С. И.* Летописная книга... С. 370.

¹⁹ *Маржерет Ж.* Состояние Российской державы и великого княжества Московского. С. 54.

²⁰ *Масса И.* Краткое известие о Московии... С. 152.

²¹ Там же.

²² *Адрианова-Перетц В. П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.–Л., 1947. С. 93.

²³ *Орлов А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902. С. 22–24.

²⁴ *Масса И.* Краткое известие о Московии... С. 152–153.

²⁵ Там же. С. 153.

²⁶ Там же. С. 152.

²⁷ Там же. С. 153.

²⁸ *Шаховской С. И.* Летописная книга... С. 370.

²⁹ *Масса И.* Краткое известие о Московии... С. 153.

³⁰ См.: *Орлов А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.)... С. 11; *Трофимова Н. В.* Древнерусская литература. Воинская повесть XI–XVII вв.: Курс лекций; Развитие исторических жанров: Материалы к спецсеминару. М., 2000.

³¹ О традиции сопоставления оружия с громом и молнией см.: *Орлов А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.)... С. 13.

³² О способах отражения темы «Бойцы не видят, не узнают и не слышат друг друга» см.: *Орлов А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.)... С. 19–20.

³³ О традиционных формулах, описывающих битву, см.: *Орлов А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.)... С. 22–24; *Трофимова Н. В.* Древнерусская литература... С. 75.

³⁴ *Коротченко М. А.* Публицистика смутного времени (проблематика, проблема авторской позиции, влияние церковной публицистики конца XV – начала XVI вв.). Дисс. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. М., 1998. С. 75.

³⁵ Об особенностях жанровых типов воинских повестей см.: *Трофимова Н. В.* Древнерусская литература...

Бегство и пограничные субъекты в «Романе о Лондоне» Милоша Црнянского

Прежде чем обратиться к теме, обозначенной в заглавии, подчеркнем, что в «Романе о Лондоне» (на англ. яз. 1947, на сербск. 1971) известного сербского поэта, прозаика, драматурга, журналиста Милоша Црнянского (1873–1977) поставлен один из важнейших теоретических вопросов в сербской литературе середины XX в. – вопрос о нарративной технике. Мы говорим так потому, что «Роман о Лондоне» начинается не диегезой (традиционным изображением рядоположенных событий), а своеобразным полилогом между четырьмя повествовательными точками: автором (защитником художественных принципов), рассказчиком (вводящим в историю), героем (протагонистом автора) и читателем (толкователем смысла всего произведения). Все это говорит о том, что Црнянский употребляет технику *двойной наррации*: одна проявляется как непосредственный рассказ о событиях, а вторая – как художественная точка отсчета. Первый нарративный слой показывает, *что означает* рассказываемая история, а второй раскрывает то, *как достигается* это значение. Црнянский подает ясные творческие сигналы о том, что будет создан роман об эмигрантской судьбе сразу двух героев – собственно романного персонажа и самого автора. Их одновременное присутствие в тексте дает возможность вспомнить некоторые периоды жизни автора, который в свое время вместе с женой также оказался в политическом изгнании. В период с 1935 по 1941 г. Милош Црнянский в качестве дипломатического представителя тогдашней Югославии работал в Берлине и Риме. Будучи противником Тито и коммунистической идеологии, Црнянский в августе 1941 г. эмигрировал в Лондон. В 1951 г. Црнянский получил британское гражданство, а в Сербию он вернулся лишь в 1965 г. Возможно, именно потому, что писатель сам пережил эмиграцию, в романе столь смел и значим *авторский голос*. Этот голос слышен, например, в своеобразном «немом диалоге» с главным героем, Николаем Родионовичем Репниным, когда словно бы из лондонской подземки начинает шептать герою, что тот должен выжить в упорно отвергающем его мире: «Создатели романов в основном согласны друг с другом относительно мира, в котором мы живем. Он, говорят они, большая и странная сцена, на которой каждый из нас какое-то время играет определенную роль... Но не знает ни зачем он играет в этом театре, ни почему именно эту роль... и зрители не знают, как выйти из

этого театра. («Уехал», – крикнул кто-то в вагоне лондонского метро...). Это человек в поношенной шинели, каких в Лондоне, когда начинается история, много... Что же до человека..., его имя произносили в Лондоне с недоверием: Рипейн, Джейпин – и никто его не знал. Думали, что его имя несет что-то неприятное, какое-то бормотание недовольного, которое, возможно, по-английски и могло бы что-то значить. (В это время было множество эмигрантов из Польши – и все они были непонятным миром в Лондоне, а среди них странным образом затесался этот русский) ... Вот о нем в следующей главе и начнется рассказ»¹.

Из этой цитаты видно, что кроме использованного традиционного нарративного синтаксиса, Милош Црнянский хотел высветить и свое художественное сознание, что с позиций традиционной поэтики могло бы означать, что автор в известном смысле «противоречил» ей. Речь идет о необычном поэтическом и интертекстуальном подходе, который не только означал пусть и малый шаг вперед в поэтике, но и свидетельствовал о духовных корнях сербского постмодернизма и о том направлении, в котором он будет двигаться позже. Эта тема все еще актуальна и сегодня, однако мы все же остановимся на иных аспектах романа Милоша Црнянского.

Эмиграция / Диссеминация

В одном весьма интересном исследовании, помещенном в книге «The Location of Culture» (1994), индийского теоретика Хоми Баба (Homi Bhabha), впечатленного работами Деррида, ведется игра с понятием «диссеминации» (от лат. *disseminatio* – сеяние, распространение), которое, по примеру Деррида с его знаменитым *disemination* (фр.), исследователь трансформирует в *диссеминацию*. Если понятие диссеминации означает распад, умножение, разложение значений, то ситуация переселения и «рассеивания» людей во времени и пространстве становится основной проблемой, когда мы говорим о романах Црнянского. Речь идет прежде всего о его большом произведении «Переселение» (1929, 1962), особенно о второй части этого лирического исторического и философского романа, где рассказывается о переселении в XVIII в. сербов сначала в Австрию (здесь они оказываются вынуждены участвовать в чуждых им войнах), а затем в Россию. Трагическая тема переселения является одной из основных в творчестве Црнянского и становится также сущностью его поэтики, поскольку миф о переселении, связанный с объединением людей в диаспору, в социальные и политические «гетто» во мраке чужих языков и культур, требовал реконструкции в художественном тексте давних времен и оживления их в сегодняшнем мгновении.

Впрочем, намерение Црнянского не состояло в том, чтобы создать легендарный эпический портрет сербской жизни, а основывалось на стремлении обратиться в «Романе о Лондоне» к личной драме героя-эмигранта,

страдающего, переживающего социальную метаморфозу и не имеющего силы выдержать такую свою жизнь (вместе с женой, которая отказывается от сказки о счастливой любви, столкнувшись с изнанкой жизни в чужой стране). «Роман о Лондоне» – это история о судьбе русского аристократа, князя Репнина и его жены Нади в послевоенное время; это история об их бегстве и обнищании, усугубленном невозможностью примирить гордую дворянскую природу с политикой британского мира, равнодушной к тонкостям, и с каждодневной обычной жизнью. Вот как повествователь описывает это в романе: «Он шепнул мне, что у него больше нет ни гроша и он понятия не имеет, как будет платить за квартиру. Зачем они живут? Неужели они станут *перемещенными лицами*? Я знаю, что кроме таких мыслей у него в голове громоздились, как в калейдоскопе, картины и образы *перемещенных персон*. Dislaced persons – так они говорят. А в воспоминаниях эти картины преследуют его годами, и под землей освещенные странным светом, безумным лунным светом, в котором спустя даже двадцать пять лет все следы ярко прорисовываются на снегу... Но как бы ни спешили человеческие мысли, в прошлом и в памяти, пусть и в *памяти такого вот переселенца*, лондонская подземка из-за этого не остановится. Напротив, поезда спешат под землю... а каждый человек в вагоне на миг видит себя, свое лицо в окне другого поезда, как в каком-то подземной зеркале, мгновенно исчезающем...» (Курсив наш. – А. Б.-М.)².

Так что же такое жизнь в эмиграции?

Для серба Црнянского жить в эмиграции – значит жить на грани идентичности, будучи постоянно отягощенным «промежуточным» состоянием. Это означает жизнь «на другой стороне локальности», на той стороне, которая никогда не может стать новым горизонтом, потому что решение оставить старый горизонт слишком рискованно, а желание достичь нового почти невозможно. Теряется ли таким образом контроль над собственной жизнью? Вероятно... Но во всяком случае история Николая и Нади – это не история одинокой пары, пострадавшей от неблагоприятных обстоятельств истории, которая, кроме мифов и фантазмов, отняла у героев практически все: привилегии дворянского звания, семейный покой, родной язык, само дыхание России, ее большую славянскую душу... Это история многих.

Находясь вне *дома*, лишённые языка, отчужденные, без права на собственное имя, которое звучит теперь только в странном иноязычном произношении, эти русские переселенцы вынуждены подавить собственные культурные привычки. Дезориентированные, постоянно ищущие материальную основу, которая выправит их благородный статус в британском обществе, движущиеся в пределах большого города туда-сюда, вперед-назад, *fort-da* в перманентном и мучительном пересмотре собственной жизни, они поставлены перед скептическим взором британской культуры, для которой навсе-

гда останутся «Другими / Иными / Чужими». Более того, герои бесконечно одиноки среди многочисленных домов, улиц, мчащихся поездов. Вот как представлено это Црнянским: «Перемещенные лица ... шли на фабрики, а вечером возвращались в отдаленные пригороды, чтобы утром снова наполнить коридоры биржи труда, где искали работу. Они говорили на странных языках, которые ни одна живая душа в Лондоне не могла разобрать, носили странные имена, которые никто не мог выговорить. Но они все приезжали и приезжали, все больше и больше, тысячи и тысячи. Сотни тысяч»³.

В эссе Юлии Кристевой «Иностранцы сами для себя» есть интересное место, где автор описывает «необычность» иностранцев: их глаза, губы, отличающуюся от других кожу. Но именно различие, инакость может напомнить, что в нем, в иностранце, всегда есть *некто*, кто нас впечатляет, привлекает и отталкивает одновременно. «Лицо, которое является настолько *другим*, несет в себе знак преодоленной границы... Появление иностранца сигнализирует, что он приходит как «дополнение»⁴.

Отличия (странное меховое пальто, необычное атлетическое сложение, осанка, специфический акцент, выдающий в нем переселенца), которые несет в себе Репнин по отношению к среде, где проходят последние годы его жизни, наделяют его, словно биографией, заранее определенными и заметными этническими чертами. Он постоянно вынужден выбирать между рутинной и проворством в обычной жизни. Язык героя – это одновременно и его *id* (неосознанное), из чего проистекает его субъективность, и его символическая территория, система координат и понятий, которые определяют его место и функцию в обществе.

Отчужденный сам от себя, Репнин пытается раствориться в *коллективном теле* страны, где он нашел хоть какую-то работу, чтобы выжить вместе с Надей. Но его отличия, акцентированные бюрократией британского общества и лишенные социальной мобильности, только постоянно умножаются, словно симптом маргинальной идентичности меньшинства.

«Направляясь на биржу труда, Репнин чувствовал, как превращается в *мелкую единицу грозного множества*, спешащего на работу... как, наверное, спешили и рабы... Они проходили мимо него, точно зеркало, умножавшее и его самого. Он сам превратился в кого-то из тех немых идущих, которые никого не видят, ни с кем не разговаривают. Просто текут, как река... А она неслышно течет не рядом с ним, а сквозь него...И все это расходится, рассыпается, распадается»⁵.

Очевидно, что подобный до боли редуцированный вид существования вне привычной системы координат создает чувство самоуничжительного презрения, а безнадежный поиск героем *принадлежности* становится важным сегментом в выстраивании *новой идентичности*. Чувство «приезжего» и маргинализованная позиция в большом чужом городе только углубляют

в герое неуверенность. Так, вероятно, лишь увеличиваются препятствия на пути к «дому» или к «принятию» чужой средой, что требует *мостов*, связывающих личные воспоминания и новый жизненный опыт: «Кто знает, что скрывается за этим, – говорит повествователь, размышляя о Репнине, – какие мысли, желания, предвиденья? И сейчас он, значит, будет шагать между ними, шагать, шагать, как будто он дитя Лондона, а не своего далекого Петербурга. И когда никто, совершенно никто его не рассматривает, ему кажется, что на его непокрытой голове есть невидимый черный парадный цилиндр, который он хотел бы продать»⁶.

Вот как описывает Црнянский своих «пограничных субъектов». Для него это сложные амбивалентные фигуры, соединившие общее и специфическое, внутреннее (*inside*) и внешнее (*outside*), прошлое и настоящее. Расселенные на пространстве от Востока к Западу, от локального к глобальному, от национального к универсальному, они подавлены ощущением «безвременности». В этом специфическом пространстве «между – когда-то – и – сейчас» Црнянский поместил бинарную логику субъекта, воспринимающего себя одновременного в качестве «Я» и «Другого». Значит ли это, что субверсия индивидуальности в образе Репнина начинается с осознания собственной некогерентности, с обнаружения «другого» в себе и открытием личных амбиций?

Репнин, разумеется, постоянно обращен в прошлое. Он живет в своеобразном прошлом-настоящем, в делящемся «*межпространстве*», желая изменить свой статус политического эмигранта, «разрушительно для него выброшенного из континуума истории», дискриминированного, с временным местом жительства в неаутентичном пространстве. Поэтому и упоминание Лондонского метро неслучайно. Чтобы ввести нас в это «межпространство», в это «ни сверху – ни внизу – ни на земле – ни под землей», где чаще всего оказываются *пограничные субъекты* в этой книге, Црнянский выбирает *underground*, метро, с его эскалаторами, символически представляющими *переход к гибридности*, которая принимает любые различия без навязанной или предполагающейся иерархии в двух асимметричных мирах. Но это *преодоление грани* – сам акт перехода к надземной части или «от другого берега океана» – словно бы растягивает эластичную реальность, которая в течение продолжительного процесса мечтаний о прошлом уже полностью смещена. Отсюда проистекает и желание уйти на «ту сторону» (например, одержимость героев уехать в Америку, где Николай мог бы найти работу, а Надя осуществила бы свой сон о желанном ребенке), которое связано с попыткой таким образом перевоссоздать свою идентичность. Однако убежденность Репнина в том, что он вечный прохожий, временный гость, что его существование сейчас – это только подготовка к жизни где-то в ином месте и лишь переход к вечности, где нет ни «здесь», ни «сейчас», становится сильнее

всего. Суицидально одержимый идеей смерти, Николай Репнин на протяжении всего романа подготавливает нас к тому факту, что пришел час для его последнего путешествия. А это, кажется, ключевая тема романа о границе между жизнью и смертью.

Однако же еще один аспект поэтики романа является чрезвычайно показательным и возвращает нас назад, к началу произведения: «Той зимой, когда началась эта история, случился конфликт между двумя мирами – человека и огромного города...»⁷. Невозможно освободиться от впечатления, что, хотя автор и осмыслял эмигрантскую судьбу князя Репнина, он все же постоянно помнил о том возможном миге, когда язык и логика сюжета возьмут над ним верх, потому что авторская потребность *создавать* фикции и его теоретическое стремление *открывать* новые поэтические принципы, находились в процессе постоянного соперничества. Это серьезное доказательство того, что саморефлексия Милоша Црнянского раскрывает его решимость изучать теорию прозы именно в процессе *написания прозы*. Или, возможно, это была только попытка претворить собственную жизнь в искусство, оставив явный знак следующим поколениям о том, что автор «Романа о Лондоне» вообще не выходил за рамки рассказанной истории, что через судьбу русского эмигранта Николая Репнина он продолжил историю собственной жизни. Автобиографический характер «Романа о Лондоне» Милоша Црнянского в полной мере подтверждает сказанное⁸.

Примечания

¹ Црњански М. Роман о Лондону. 1. Београд, 1977. С. 9–10.

² Там же. С. 13–14.

³ Там же. С. 20.

⁴ Кристева Ж. Странци на себеси // Токати и фуги за другоста. Скопје, 2005. С. 238.

⁵ Црњански М. Роман о Лондону. С. 136–137.

⁶ Там же. С. 137.

⁷ Там же. С. 21.

⁸ См. также: *Baba Homi K. DisemiNacija: vreme, narativ i margine moderne nacije // Smeštanje culture*. Београд, 2004; *Тодоров Ц. Одроденот човек*. Скопје, 2001; *Рикер П. Сопство као други*. Београд, 2004; *Тејлор Ч. Политика на признавање // Мултикултурализам: огледи за политиката на признавање*. Скопје, 2004; *Jerkov A. Od modernizma do postmoderne: pripovedač i poetika, priča i smrt*. Priština–Gorniji Milanovac, 1991.

Гротескно-ироническое изображение комплексов и стереотипов общественного сознания поляков в творчестве Эдварда Редлинского

Для более молодого, чем Кавалец, Новак, Мысливский, поколения создателей польской деревенской прозы характерно наличие дистанции по отношению к ранее поставленным в этой литературе проблемам, показанным явлениям. Они охотнее используют иронию, гротеск, аллегорию, сосредотачиваются на стереотипах современного мышления о деревне и крестьянине, имеющих давнюю традицию или возникших уже в индустриальную эпоху.

Самым талантливым из них является Эдвард Редлинский (р. 1940). Он родился в крестьянской семье в деревне Фрамполь под Белостоком, получил политехническое и журналистское образование, сотрудничал в прессе, в частности в варшавском еженедельнике «Культура», откуда его изгнали после опубликования репортажа о партийном руководителе, пользовавшемся неограниченной властью в Белостоке.

Как писатель он дебютировал автобиографической книгой «Письма из Рабарбара» (1967), отмеченной премией Станислава Пентака в 1968 г. Были замечены и высоко оценены две его следующие, репортерские, книги – «Я в нервной тяжке» (1969) и «Разлад» (1971). Подлинную известность писатель приобрел как автор романов «Коноплянки» (1973) и «Продвижение» (1973), которые резко сталкивали прошлое и современность, традиции и прогресс.

В «Коноплянке» молодая учительница, приехавшая в глухую белостокскую деревню, вовсе не думает посвятить жизнь просвещению народа, что соответствовало бы прочной классической традиции, идущей от С. Жеромского («Непреклонная») и подхваченной В. Махом («Агнешка, дочь Колумба»).

Впрочем, писатель и не пародирует драматические образы сильных женщин, созданные его предшественниками. Как справедливо пишет Х. Береза, традиционную беллетристику, рассматривавшую социальные проблемы деревни, нет нужды пародировать. Молодая учительница обрисована несколькими штрихами, и ее «современность» сродни «прогрессивности», демонстрируемой Млодзякувной из «Фердыдурке» В. Гомбровича, то есть очень поверхностная.

Правда, название романа Редлинского с ней, в частности, соотносится: главный герой, крестьянин Казюк, от чьего имени ведется повествование, удивляется ее внешней хрупкости, она кажется ему тоненькой былинкой – коноп-

линкой. (Заглавные героини «Непреклонной» Жеромского и «Агнешки...» Маха ни внешней, ни внутренней хрупкостью не отличались). Учительница в «Коноплянке» становится скорее катализатором перемен в деревне Тагляры. Комизм ситуаций, языковой юмор не делают это произведение пародией ни на крестьянское сознание, гармоничное и устойчивое, ни на говор польско-белорусского пограничья, ни на крестьянское течение в прозе, т. е. произведения предшественников Редлинского – Кавальца, Новака, Мысливского.

За разнообразными комическими приемами скрывается сугубая серьезность рассмотрения автором глубинной психологии крестьянина, желание выполнить свой долг литератора – крестьянского сына – перед поколениями своих предков. Крестьянский мир не является в «Коноплянке» экзотикой, это полноправное культурное, этническое самосознание, целостное, обладающее и трагическим, и комическим измерением, никогда прежде не представленное в польской литературе так полно, а главное – изнутри, без «интеллигентских» интерпретаций, «внешних» сочувствия или снисходительности.

О чем думает, что чувствует глава крестьянской семьи, просыпаясь первым до рассвета, с трудом отрываясь ото сна? Автор солидаризируется с Казюком: «Не известно, никто не знает, некому знать»¹. Это явная аллюзия на так называемого всеведущего повествователя, фигуры, характерной для классической реалистической литературы о деревне и некоторых произведений деревенской прозы, в том числе Кавальца (не без оговорок, конечно) и др. Аллюзия, выражающая неудовлетворенность прежними попытками проникнуть в сознание крестьянина.

Скорбная элегия, жалоба по маленькой умершей дочке завершается словами героя-повествователя: «Снимаю шапку. Прощаюсь. На стульчик сажусь. Сижу. Ну да. Умерла. Ну да, погублена. Ну да. Ну да. Ну да». Конечно, горько-язвительно замечает Х. Береза, это тоже можно прочесть как пародию. В оригинале: «*Nu tak*», слова «*ни*» нет в польском литературном языке, его использование Редлинским могло усиливать «пародийное» звучание этой «убогой» речи Казюка.

Настоящим объектом пародии, гротескно-сатирического заострения у Редлинского являются разного рода мифы народности – от романтического периода «Молодой Польши» до современного, «лубочного», рекламного, «на продажу»; все, что является псевдокультурой, псевдоинтеллектуальной фразой.

Таким образом, в «Коноплянке» Редлинский не ставил себе прямой задачи пародировать классику, или до него созданные произведения деревенской прозы, или «примитивное» сознание и быт реальных крестьян. Но ироническая дистанция ко всему перечисленному ощущается в романе, автор не идеализирует деревенскую жизнь – в ней есть место и добру, и злу; и трудолюбию, и лени, и благочестию и упорной привязанности к нелепым пред-
рассудкам, – словом, все как у людей, как у всех, как во всякой жизни.

С предшественниками же в литературе Редлинский завязывает диалог, который обогащает множеством различных значений его книгу, увеличивает ее интеллектуальную ценность, художественное богатство. Читателю интересно следить за тонкими переливами смысла, возникающими от возможности целый ряд образов, мотивов, ситуаций, данных в «Коноплинке», сопоставить с хорошо знакомым, даже хрестоматийным, до некоторой степени, следовательно, застывшим, мертвым. Редлинский тем самым как бы снимает хрестоматийный глянец и оживляет «образцы».

Вместе с тем, писатель, конечно же, ощущает себя первооткрывателем современной аутентичной реальности, подлинного мужика в современной его ипостаси. И полемика его направлена против культурных мифов, которыми этот «мужик» оброс, мифов ложных, упрощенных, бытующих в поверхностных представлениях его соотечественников. На создание таких стереотипов влияла, конечно, литература, но в не меньшей степени газетная публицистика, массовая культура, различные идеологии, конъюнктурные моды, – все, что склонно к схематизации и шаблону. Обыватель (не в дурном даже смысле) склонен вообще к однозначным оценкам, ему проще все делить на черное и белое.

Эти стереотипы можно свести к двум, естественно, противоположным. В первых, крестьянин со времен романтизма и Молодой Польши – это образцовый «натуральный» человек, гармоничный, трудолюбивый, католик, патриот, основа нации, от него исходит свет, который может «просветить» интеллигенцию. По другим представлениям, крестьянин – темный, забитый, невежественный, жестокий, отсталый, интеллигенция призвана его «просвещать».

Характерно, что публикация «Коноплинки», ставшей своего рода сенсацией, вызвала сразу же целую волну критических выступлений, во многих из которых Редлинскому ставилось в вину нарушение, искажение того или другого стереотипа. Были даже жалобы в редакции журналов со стороны самих жителей деревни, обидевшихся на столь не традиционное, бесцеремонное «вторжение» в их собственную жизнь. Последнее объясняется во многом влиянием на крестьян литературы «для народа» и той же массовой культуры.

Позднее появились попытки критиков и ученых рассмотреть в «Коноплинке» подлинную ее тему, неоднозначность позиции писателя по отношению к крестьянину, «высокой» и «низкой» культуре, городу и деревне, литературной традиции.

Главным открытием книги Редлинского, без которого невозможны были бы другие, стал язык. Автор рассказывал, что он несколько раз пытался воплотить свой замысел, но рвал очередные варианты, пока не понял, что то, что он хочет сказать, можно выразить только родным, с детства знакомым языком, далеким от литературной условности. Редлинский писал: «Казюк рассказывает об определенной реальности языком этой реальности, таким языком говорили в моей деревне еще в 50-е годы»².

«Коноплянка» написана на местном, белостокском наречии, диалекте, характерном для польско-белорусского пограничья. Это отразилось и в лексике, и в нарушении орфографических норм. Тем не менее, хотя это и разговорный язык, но литературно обработанный. Редлинскому удалось создать эстетический эквивалент крестьянской речи, выходящий за пределы местного диалекта. Убедителен «образ» такой речи. Понятны трудности перевода такого языка, из-за чего, наверное, мы до сих пор не имеем русского издания «Коноплянки».

Само название произведения интерпретировать достаточно сложно. Мотив, с ним связанный, имеет несколько значений. Как пишет фольклорист Р. Сулима, само слово «копopiełka» есть уменьшительное от русского «конопля». (В польском языке такого слова нет, а это растение называется «копopie»). В белорусской народной культуре «копopiełka» – это пасхальный обряд, во время которого поют песни, называемые «копopiełkami». Эти песни – часть белорусского фольклора. В первый праздничный день, вечером, парни и мужики пели их девушкам, «копopielek» должно было быть несколько, так как каждой посвящалась своя и в нее вставлялось имя девушки³.

Как уже говорилось, коноплянкой Казюк называет учительницу, хрупкую, в отличие от его жены. В другом месте книги коноплянка – русалка, охраняющая сады и огороды, аналогичная персонажу белорусского фольклора – «казытке», которая охраняет рожь, наказывает тех, кто ее не уважает, смертью. Р. Сулима считает, что все значения слова «коноплянка» в контексте романа можно суммировать – это «процесс становления мерцающей еще, колеблющейся новой, интегральной действительности»⁴. В этом процессе жители деревни Тапляры обороняются, как когда-то античный мир от нашествия «варваров», от всего нового. Казюку не трудно было защититься от часов, фарфоровой посуды, вилки и ножа. Но он уступил искушению любовью на «городской» манер и кося предпочел серпу, чем восстановил против себя всю деревню.

Несложная фабула «Коноплянки» как бы инициируется первым событием романа. Это неожиданное рождение черного теленка, не такого, какие обычно рождались в Таплярах. Воспринимается его появление на свет как знак «злого», «враждебного». Жители деревни ожидают несчастий и бед. В первый же описанный в «Коноплянке» день (с. 5–66) появляется странный нищий, которому вообще-то положено приходить в другое время. Он приносит рассказы о приближающемся дне «Страшного Суда». В этот же ряд нового и страшного включается прибытие городских чиновников, объявляющих об электрификации и мелиорации деревни, и учительницы.

Смерть дочери Казюка на другой день (его описанию посвящены с. 66–101) – это уже следствие нехороших предзнаменований. Вечером учительница определяется в дом Казюка для проживания. В книге обыгрывается много народных пословиц, анекдотов и т. п. Разговор Казюка с домашними о том, куда поместить учительницу, напоминает загадку о козе, капусте и волке.

Описанные события определяют дальнейшее движение фабулы, время развития действия – от осени до начала уборки нового урожая. В число эпизодов, отражающих, как новое, враждебное вторгается в замкнутый мир деревни, входят обсуждение фамилии Казюка (все члены семьи по-разному ее определяют: Бартош, Бартошко, Бартосевич, а по паспорту оказывается Бартошевич), обучение главного героя чтению и письму, праздничная еда за столом «по-городскому», откапывание «золотого коня», в существовании которого Казюк уже не слишком уверен (коня не находят), осушение болот и, наконец, финальная сцена, уже упомянутая, когда Казюк демонстративно косит рожь косой, а не жнет серпом, как все односельчане.

Изложенный вкратце сюжет показывает, что Редлинский не противопоставляет сословные качества: «крестьянское» – «панское», а показывает столкновение культур в сознании, психике главного героя и мировосприятии всей деревни. На разных полюсах оказываются «свое», давнее, традиционное – и «чужое», современное, прогрессивное. Однозначной оценки автор не дает ни тому, ни другому. Казюку он сочувствует, но определенно поддерживает дистанцию.

Новаторство Редлинского выразилось в том, что абсолютно искренно, без стеснения (и без литературной искусственности) говорит такие вещи, о которых в произведениях искусства было принято молчать. И никакой настоящий мужик чужим людям ни за что бы не стал рассказывать, выставлять на всеобщее обозрение, выражаясь эвфемизмами, свои естественные нужды (справляемые утром при выходе на крыльцо) и т. п.

Самое интересное, что Казюк говорит подчас о себе стереотипами, созданными в чуждой ему культуре – он бывает и ленивым, и хитрым, жадным, проявляет неуважение к отцу.

Учительница не старается «просвещать» деревню, само ее появление создает возможность диалога. Такого, например:

«А что вы так боитесь чужих? Я тоже чужая, а разве что-нибудь украла у кого?»

Вы нет, включается отец (tatko). А другие?

Другие такие же» (179).

Реальность, представленная Редлинским в «Коноплянке», вполне укладывается в рамки изображения мира в мифологических категориях. Тапляры, окруженные болотом, представляют из себя замкнутый, отграниченный от чужого пространства мир. Жизнь здесь спокойная и гармоничная. Все всё друг о друге знают, у всех одинаковая ценностная, мировоззренческая, фольклорно-мифическая система координат. Все окружающие животные, растения, предметы антропоморфизируются. В этом смысле картина возникает такая же, как в романе Новака «А как будешь королем, а как будешь палачом» (1968).

Но избранный Редлинским угол зрения меняет смысл представленной картины мира. Никакой поэтизации, ностальгической интонации, романтической образности, буйной игры воображения. Поэтизация если есть, то очень сдержанная, скрытая, укладывающаяся в рамки сознания очень простого семейного мужика тридцати лет, хозяина в первую очередь.

Опрокидыванием всех шаблонов оказывается описание уже одного утра первого дня Казюка. Восход солнца поэтизируется в фольклоре, сложились гимны и молитвы, его освящающие. Есть также народная поговорка: «Не говори против солнца». Герой же «Коноплянки» очень естественно рассказывает, как хорошо всем греться в постели, еще не открывая глаз (муж, жена и дети спят на одной кровати): «...еще немножко, немножечко, ай не хочется из теплого гнезда вылезать» (5). Солнце у Редлинского напоминает зверя, оно «встает из травы, распрямляется на четыре лапы, передние задирает, вытягивает и по березам вверх, красное, лезет» (7).

Утренняя молитва героя выглядит так: «Сижу перед печкой, сплю не сплю, думаю не думаю, ай хорошо. День сам начинается, все идет как надо, как вчера, как когда-то, как было в начале и ныне, и всегда, и во веки веков аминь» (12).

По замечанию Р. Сулимы, Редлинский открывает между прочим неоднозначность фольклора, его живой характер. Ведь кроме поговорок типа: «Кто рано встает, тому Бог дает», есть и другие: «Кто рано встает, тот не высыпается»⁵.

Нехорошая примета, недоброе предвестие – рождение черного теленка, произошедшее в первый же день, играет в фабуле «Коноплянки» ту же роль, что рождение одного только черного, а не двух – черного козленка и белой козочки – в «Чертях» Новака. Но у последнего все принимается всерьез и предвещает подлинно трагические события, а у Редлинского метания Казюка в связи с неожиданным фактом приобретают ярко выраженную комическую окраску (может быть, корова от черного жеребца родила?).

Справедливы выводы Х. Березы о том, что все достоинства, вся суть «Коноплянки» – «сама внутренняя правда, или запись функционирования сознания Казюка, может, даже только в течение одного (первого) дня в повествовательном плане. Этот один день содержит в себе голую правду тысячи лет крестьянского сознания – экзистенциального и общественного»⁶.

В романе «Продвижение» («Awans») Редлинского можно видеть как бы продолжение «Коноплянки». Хотя место действия другое – деревня Выдмухово, но показан дальнейший процесс «вхождения» села в цивилизацию. Рассказчиком является Мариан Гжиб, учитель, вернувшийся в родную деревню после окончания института. Это малосимпатичная фигура, герой смотрит на родные места так, будто впервые их видит. Его оптика целиком определяется тем, что ему вложили в голову, видимо, очень «мудрые» наставники.

В «Продвижении» три части, соответствующие трем стадиям в развитии как быта крестьян, так и их сознания. Вначале перед нами первозданная,

патриархальная деревня, глухой угол. Активный в этой книге учитель, настоящий двигатель прогресса, внедряет цивилизацию: во всех домах телевизоры и проч. Но это оказывается невыгодным, работать никому не хочется, средств на проживание не хватает. Тогда изобретательный учитель решает превратить село в музей под открытым небом. Все достают из сундуков бабушкины национальные костюмы, другие атрибуты «народности» – в результате валом повалили экскурсанты, проблема самообеспечения решена.

В этой книге Редлинский прибегает к острому гротеску, сатире. В таком художественном ракурсе изображены все – наиболее разоблачительно Мариан Гжиб, но и крестьяне, и городские любители «экзотики». «Продвижение» направлено против «людоманства», поверхностного восприятия народной культуры. Можно отметить переключку с «Пророком» (1977) Новака, хотя герой последнего впадал еще в грусть-тоску, что самоуверенному Мариану Гжибу совершенно чуждо. По-новому в этой книге обыгрываются мотивы ухода из деревни, возвращения, часто встречающиеся в произведениях других создателей деревенской прозы.

Следующая книга Редлинского «Никиформы» (1982) построена не на деревенском материале. Писатель вновь провоцирует читателей и критиков, создавая произведение, как бы отменяющее «высокую» литературу, позволяющее действительности говорить своим, неприукрашенным языком. Авторское повествование здесь отсутствует; это собрание подлинных «текстов» современности: выписок из «Книги жалоб и предложений», заявлений, меню, надгробных надписей, дневников заключенных, наконец, потрясшие автора записки 68-летней бухгалтерши, до самой смерти сухо и педантично заносившей в тетрадку все обстоятельства своих любовных встреч.

В 1984–1991 гг. Редлинский жил в Америке, он поехал туда, чтобы увидеть Нью-Йорк, «самый городской город» на свете, «город номер один». Варшавы ему было недостаточно, он чувствовал, что это только «большой Белосток»⁷. Писатель задумывал написать третью часть трилогии, начатой «Конопляной» и «Продвижением». В Америке вышли две его повести «Долорадо» (1984) и «Танцевали два Михала» (1985), опубликованные в Польше в 1994 г. В том же году появилась книга Редлинского «Крысополяки», оскорбившая многих одним своим названием. Восторженные и негодующие голоса критиков не утихали несколько лет, так как в 1995 г. она же была переработана в пьесу «Чудо на Гринпойте», в 1997 г. по ней был снят фильм «Счастливого Нью-Йорка» и тогда же вышло третье, измененное издание с новым названием «Крысойоркцы».

«Крысополяки» обнажили изнанку жизни польских эмигрантов в Америке. Одним из героев книги является крестьянин Потейто (Картошка), мечтавший накопить денег и, вернувшись на родину, построить такой дом, что бы все знакомые ему завидовали. Мечты его пошли прахом, в Америке он обманут и унижен.

Полемически-провокационным оказался и следующий роман Редлинского «Кровотечение» (1998). В нем используется жанр исторической фантастики. Среди главных героев – Рох и Эдвард – выходцы из деревни около Белостока. Они вспоминают о сельских «чудиках», накануне войны подражавших апостолам Петру и Павлу, которые в Народной Польше увидели долгожданный «рай». Восемьдесят процентов населения значительно улучшили свое материальное состояние, получили возможность учиться, для всех была работа и жилье, не было голодных. По мнению писателя, страна нуждалась в развитии, но не ценой таких громадных жертв, хаоса и гражданской войны, которые непременно произошли бы, если бы разрушительная деятельность «Солидарности» не была остановлена военным положением. Генерал Ярузельский признается мужественным человеком, не гнавшимся за популярностью, а лидеры «Солидарности» – безответственными людьми.

В последнем романе Редлинского «Трансформейшн» (2002) в сатирическо-гротескном ключе изображена американизация польской действительности. Опять, как и в «Продвижении», показана попытка извлечь выгоду из привязанности поляков к традициям старины, к народности, на проверку оказывающейся лишь одним из стереотипов. Помочь главному герою в процветании его трактира берется приехавший из Америки поляк, Джозеф Слим (тот самый, как он признается, Юзеф Слимак – читатель угадывает центрального персонажа-крестьянина из романа Б. Пруса «Форпост», 1886). Совсем неслучайно важную роль в романе играет пес Бурек – в переводе дворняжка, простец, деревенщина. Ему приходится пережить странные превращения: сначала его перекрашивают, а в конце романа он поет петухом.

В одном из интервью начала 2000-х гг. Эдвард Редлинский сказал, что все его творчество касается трансформации: «Через мои “Тапляры” и “Рабарбар” прошло больше десятка “-аций”. Электрификация. Мелиорация. Коллективизация (отвергнутая), пегееризация. Радиофонизация, механизация, телевизация. И, наконец, депегееризация, коммерциализация и макдональдизация».

Книги Эдварда Редлинского 1990-х – начала 2000-х гг. позволяют увидеть верность писателя ранее избранной им стратегии, с одной стороны, и желание вписаться в книжный рынок, завязать диалог с читателем в новой ситуации – с другой. Он стремится к смешению жанров, к экспериментальной форме, соединению реалистического изображения с сатирическим, пародийным, гротескным, стиранию грани между «высокой» литературой и «низкой», к различным новациям в сфере языка.

На новом этапе и в изменившихся общественных условиях Редлинский продолжает развенчивать устоявшиеся вновь созданные стереотипы сознания поляков, его опыт осмысления «деревенской» темы отражается в той или иной степени в последних произведениях.

Примечания

¹ Redliński E. *Konopielka. Powieść*. Warszawa, 2001. S. 6. В дальнейшем цитируется настоящее издание, страницы указываются в тексте.

² *Raczej krowy na wygonie...* Z E. Redlińskim rozmawia T. Krzemień // *Kultura*. 1977. Nr. 35. S. 5.

³ См.: Sulima R. *Folklor i literatura. Szkice o kulturze i literaturze współczesnej*. Warszawa, 1985. S. 472–473.

⁴ Sulima R. *Folklor i literatura*. S. 474.

⁵ Там же. С. 464.

⁶ Bereza H. *Parodia i nieparodia* // *Tygodnik Kulturalny*. 1973. Nr. 29. S. 4.

⁷ *Greenpoint atakuje. Rozmowa z Edwardem Redlińskim. Rozmawiał Leszek Żuliński* // *Wiadomości Kulturalne*. 1997. Nr. 43.

Литературные реминисценции в словацкой прозе 1980–1990-х годов (произведения Винцента Шикулы)

Творчество В. Шикулы представляет собой органичное и яркое звено в истории словацкой литературы. Полемическое по отношению к непосредственно предшествующему этапу литературы социалистического реализма, оно в определенном смысле восстанавливало преемственность с традициями литературы гуманистической направленности, прежде всего, психологической реалистической прозы конца XIX – начала XX вв., экспрессионизма, натурализма, а также ряда других течений в прозе 1920–1940-х гг.

Тесная связь творчества В. Шикулы с традициями словацкой литературы проявляется на нескольких уровнях.

В произведениях, созданных им в 1980-е гг., деятели словацкой культуры прошлого, «будители» и просветители нации, выступают в качестве центральных литературных героев (Матей Гребенда в романе «Матей» и Людовит Штур в посвященном ему неопубликованном биографическом романе). Появляются они и в качестве персонажей второго плана, воспроизводящих духовную атмосферу времени (Ян Францисци, Штефан Дакснер, Янко Краль, братья Людовит и Карол Штуры и др. в романе «Матей»), или как исторические фигуры, носители национальной идеи (деятели словацкой истории и культуры в стихотворении «Девин», заметках о Гребенде и о Штуре в книге «Благословенная палочка дирижера» и др.).

Другой уровень, более скрытый, проявляется в идейном и художественном наполнении произведений В. Шикулы, отражающих внутреннее родство писателя с гуманистическими и эстетическими принципами словацкой литературы разных периодов и направлений – критического реализма (Й. Грегор Тайовский, Тимрава, в определенной мере – М. Кукучин), экспрессионизма (Я. Грушовский, И. Горват, Г. Вамош), натурализма (Л. Ондрейов, Д. Хробак, Ф. Швантнер, М. Фигули), а также с творчеством других мастеров словацкой прозы, вобравшим в себя в той или иной мере черты разных литературных направлений своего времени (М. Урбан, Й. Цигер-Гронский, Ф. Гечко и др.). Ярким примером тому служит роман «Орнамент» и его продолжение – «Ветряная вертушка».

Роман «Матей», изданный в 1983 г., посвящен полной драматизма и превратностей жизни реального исторического лица – Матея Гребенды (1796–1880), человека «из низов», скромного бродячего торговца, ставшего

подвижником словацкого просвещения. Существует литература об этой примечательной личности: сохранились воспоминания о нем современников (в том числе – Й. Шкультеты), его автобиография («Собственное жизнеописание», изд. в 1976 г.), о нем написан роман (Л. Зубек, «На службе у Матея Гребенды», 1949). В. Шидула в интервью объяснял, почему его внимание привлекла именно эта историческая фигура: «Это была настоящая личность; хотя его незатейливые стихи и не много стоили, да и других подобных ему продавцов книг и календарей было в то время достаточно, но все же не таких самоотверженных, горячих энтузиастов, обладавших к тому же талантом понимать не только материальные, но и духовные потребности человека; при всей простоте своего мышления он умел помогать и людям другого склада, более ученым и важным»¹.

Повествование в романе «Матей» строится в основной своей части в хронологической последовательности – автор прослеживает жизнь героя с раннего детства до глубокой старости. Время в каждой из восьми глав соотносится с тем или иным историческим событием, нередко указываются и конкретные даты и имена исторических деятелей. Однако композиционное обрамление повествования многозначной символической сценой из последних лет жизни Матея Гребенды задает и определенный субъективно-эмоциональный тон, не свойственный жанру исторической хроники, и одновременно обозначает над-фабульный, идейно-смысловой уровень произведения.

В первой сцене романа безымянный слепой старик (повествователь лишь позднее предлагает имя – «Мы можем называть его Матеем») стоит в нерешительности на дороге, раздумывая, отправляться ли ему в дальний путь по какому-то важному делу. Неожиданно – и для самого героя, и для читателя – в его сознании возникают имена и лица известных, прославленных деятелей словацкой культуры и просвещения; вспоминая прошлые встречи, старик мысленно беседует с ними: «Он в Кежмарке, ему улыбаются пан Кузmani и пан Бенедикти, пан Францисци – пока еще просто Янко, ... он разговаривает с Янко Кралем, оборачивается к Ротаридесу, но очень спешит, ведь надо поговорить и с паном Гориславом Шкультеты, и в Тисовец сбежать»² (8). Он словно советуется с ними, поверяя их высокой «меркой» свои жизненные позиции. Бедного, почти нищего Матея одолевают сомнения: можно ли вернуть свои деньги, пожертвованные на словацкую гимназию, которую закрыли венгерские власти? («Взять их назад или не брать?»). В конце романа, в продолжении этой же сцены, он находит ответ и остается тверд в своем решении: «Не брать! Ни в коем случае не брать! Не бери назад то, что однажды уже дал! Возьми я назад эти деньги, перед самим собой было бы совестно – будто я уже не верю в то, что делаю и ради чего живу» (233).

Интродукция – обращение повествователя к концу жизни Матея перед самим ее описанием – еще раз подтверждает высказанную в «Мастерах»

мысль писателя об ограниченности любых жанровых условностей, будь то хроника или биографический роман; жизнь всегда оказывается богаче, а человеческий характер – сложнее. Старик вспоминает, как симпатизировавшие ему Л. Штур и А. Г. Шкультеты уговаривали его написать или продиктовать кому-нибудь свое жизнеописание. Но «когда Матею это прочитали, ему показалось, что все было совсем, совсем по-другому» (10).

Повествование строится здесь иначе, чем в предыдущих романах. Писатель соблюдает последовательно хронологический принцип изложения событий, лишь изредка прибегая к отступлениям от фабулы. Авторский голос почти не слышен, а повествователь занимает позицию заинтересованного, но стороннего наблюдателя и осведомленного комментатора. Отраженные в романе исторические события, хоть и не являются только фоном, но представлены весьма избирательно и субъективно, поскольку все повествование сфокусировано на личности центрального героя, на плавном течении его жизни, тесно связанной со своим историческим временем.

Рассказ о детстве Матея, о его непутевом отце и доброй, рано умершей матери, с которой он с самых юных лет – вместе с маленьким братом и единственной кормилицей-козой – странствовал по словацким дорогам, при всей суровости их нищенского существования лишен сентиментальности, авторское сочувствие проявляется тонко и ненавязчиво. Скромность и смирение – важные черты характера героя, определившие всю его дальнейшую жизнь («Он рано смирился с тем, что будет оказывать людям самые мелкие услуги, что этим и придется добывать хлеб свой насущный»). Услуги посыльного, доставляющего за грошовое вознаграждение крестьянам в соседние деревни и студентам в отдаленные города письма, гостинцы и весточки от родных, – стали не просто полезным и добрым делом. Они послужили началом пути героя к просвещению, к духовному росту. Общаясь со студентами, он познакомится со многими известными или будущими деятелями словацкой культуры, образованными людьми во всех уголках страны.

Дороги, пешие путешествия становятся для Матея судьбой, способом существования. Его манит поэзия вольной жизни, слияние с живой, таинственной природой словацких гор и лесов. В том, как В. Шидула передает в романе магию одушевленной природы, создает образы полумифических – полуреальных персонажей, которых встречает герой в своих странствиях, можно найти множество перекличек и параллелей с произведениями словацких натуралистов. В первой главе мы уже отметили роль лиризованной прозы и, особенно, прозы натурализма, которым присущ глубокий психологизм, внимание к индивидуальному во всем, к загадкам души человека, в становлении творческих принципов В. Шидулы. В романе «Матей», как нам представляется, писатель вновь приблизился к духу и стилистике этого течения. Для подтверждения этого выделим один аспект.

Многие исследователи отмечают характерную лирическую, созвучную переживаниям и мироощущению человека одухотворенность природы в произведениях Л. Ондрейова, Д. Хробака, М. Фигули, Ф. Швантнера. О. Чепан указывает на органическую связь, взаимопроникновение мира людей и мира природы у натуралистов, когда «земля и почва» стали тождественны «крови» человека, живущего на ней. Связующим звеном при этом выступает энергия самой жизненной праосновы, свободно пульсирующая и не признающая различий между живой и неживой природой, между природой и человеческим обществом³. Тот же родовый признак данного литературного течения выделяет и А. Г. Машкова, справедливо отмечая характерный для него антропоморфный характер изображения действительности: «Писатели-натуралисты не ограничились изображением активного взаимодействия, единения человека и природы, их слияния. ...Природа фактически превратилась у них из объекта в субъект, стала равноправным героем произведений, самостоятельной частью бытия»⁴.

В романе Д. Хробака «Дракон возвращается» (1943) описание ночного леса проникнуто живым «дыханием каждой веточки, каждой травинки», туман «окружает и угрожающе встает» перед путником, а шаловливый месяц «присел нижним рожком на верхушку горы, размышляя, не выкинуть ли какую-нибудь шутку»⁵. Верный «спутник-конь», далекие «прекрасные лица звезд», облака, «припавшие к небу, словно дитя к материнской груди», высокая гора как «самый глубокий выдох этой холмистой земли»⁶ – такими антропоморфными образами природы наполнен и роман М. Фигули «Тройка гнедых» (1940). Мифологизирует и одушевляет природу Л. Ондрейов. В романе «Юность разбойника» (1937) герой, будучи сам неотделимым от природы, видит ее человеческие очертания: «На дворе под окнами, одиноко стояла зима, по самые уши закутанная в белую пуховую шаль»; «ветер злился», «ходил по двору своими крылатыми ногами»⁷. В новелле Ф. Швантнера «Малка» (1942) ветер принимает образы то разъяренного быка, то задиристого мальчишки, который, по словам героя, сначала «сердился на то, что я стою у него на пути, но, убедившись, что я не намерен мешать ему, принялся скакать и веселиться»⁸. Другой герой Ф. Швантнера в романе «Невеста горных лугов» (1946) слышит обращенную к нему речь природы: «Ручей ... заговорил со мной вкрадчивым голосом. Это была понятная речь двух студеных волн. ...Я заслушался ею, и мне почудилось, будто кто-то взял меня за руку и повел по знакомым местам»⁹.

В романе В. Шикеры природа также «говорит» на своем, но вполне понятном Матею языке: «Когда солнце склонилось к лесу, лес сказал тебе: Встань! Ты должен идти дальше, ... пока не стемнело, наломай елового лапника, ночью не замерзнешь, и зверь тебя не тронет» (28). Природа словно делится с Матеем таинственной силой, и он больше не боится духов леса

(«...пусть пугают тебя волк-оборотень и Железный великан»), становится своим для диких зверей: «Он ночевал у подножья какого-то высокого крутого утеса, ночевал там вместе с волком, а если дело было осенью, ... то ему на пару ночей одалживал свою шубу медведь» (29). Близко и знакомо путнику и ночное «высокое божье небо, с которого месяц высунул на него свой небесный язык».

Мотив таинственного, мистического, образы народных легенд и поверий встречаются и в главах «Холера» и «Золотой», в которых повествуется о времени эпидемий, холерных бунтов, многочисленных смертей и казней. Так, чтобы отогнать прочь напасть – холеру, сельчане бьют в колокол, «которым, как рассказывали, можно было отпугнуть и дракона, когда тот, бывало, мчался вниз из-за черной тучи». Проникнуто страхом и мертвое затишье после холеры, духи и призраки умерших пугали по ночам немногих выживших, и «человек не мог дожждаться утра, ему все чудилось, будто кто-то топает и бормочет, гремит камнями, которыми на кладбище забрасывали мертвецов перед тем, как засыпать их землей» (82). Покойная жена Матей, Зуза, также является ночью, чтобы проверить, хорошо ли уложили ее детей.

Фантастические элементы сочетаются в романе с фактографической точностью («В году 1831 были осуждены и приговорены к смертной казни через повешение и 3 сентября повешены на холме близ Комарно десять крестьянских предводителей и бунтарей, и с ними Людевит Гамза по прозвищу Крестьянский генерал», 79). Тема смерти развивается дальше в более отвлеченно-эмоциональном ключе («Снова вешают! Повсюду виселицы, а под виселицами – горе и слезы...»), завершаясь сценой частной человеческой судьбы, горя Матей («Матей между тем схоронил жену, а потом, ближе к вечеру, жег на берегу Римава солому из тюфяка, подушки и перины», 80).

В каждой из глав повествователь уделяет некоторое место (чаще всего – в начале главы) описанию исторических реалий того или иного периода в жизни центрального героя. Так, в первой главе («Матей») приметы исторического времени – начала XIX в. – связаны с обнищанием простого люда и разгулом разбойничества. Частью словацкого пейзажа становятся многочисленные виселицы, на которых вешают и разбойников, и голодных воришек-бедняков: «За каждым городом возвышалась в те времена виселица. А за некоторыми – даже и не одна. То и дело гонялись за кем-то гайдуки и стражники. Повсюду кого-то хватили, в каждом крае было кого ловить» (29); «Вешали в Спише, в Гемере, в Малогонте... Виселиц было без счету. Где-то – на самом деле разбойник. Где-то – дезертир. Но чаще – отощавший крестьянин в льняных или посконных портах. Вокруг его головы вились прожорливые синицы и воробьи» (34).

Документальные сведения постепенно вытесняются традиционными «разбойничьими» мотивами словацкого фольклора – народных легенд, песен,

преданий; повествование сопровождается музыкальным рефреном – строфами из песни «Под Блатницей Кухоня ловили». Будучи образной чертой исторического времени, мотив разбойничества выполняет определенную функцию и в характеристике героя. Склонность Матея к литературе, почтение к «книжным», образованным людям во многом основано на его близости и любви к фольклору. В романе не раз упоминается его знание словацких сказок, легенд и песен, которые он не только передавал устно, но и переписывал и посылал в литературные издания, Яну Коллару для его фольклорных сборников и Михалу Добшинскому, собирателю народных сказок.

Матей Гребенда – свидетель и участник событий, ставших историческими, современник и собеседник многих впоследствии знаменитых людей, среди которых – и деятели словацкой политики и культуры, и вошедшие позднее в фольклор колоритные фигуры разбойников. В одной из сцен романа Матей сталкивается в глухом лесу с лихими людьми – Мишо Вдовчиком и Багледой, и лишь благодаря «силе искусства», сложив и спев им экспромтом песню о славном разбойнике Вдовчике, он спасает и собственную жизнь, и доверенное ему имущество. Матей предстает, таким образом, и как один из сонма безымянных создателей и хранителей словацкой фольклорной традиции, образцами которой изобилуют страницы романа.

Любовь Гребенды к просвещению, искусству, литературе двоякая – и «прикладная», и бескорыстная. С одной стороны, он еще с юности, будучи посыльным у местных крестьян, ради заработка сочинял стихи «на случай» («Прочитаю стишки, сыграю на скрипке, глядишь, и на кашу себе заработаю»). В зрелом возрасте талант рассказчика и песенника давал ему пропитание в бесконечных странствиях по дорогам Австро-Венгрии, а заветный альбом – тетрадка, куда он собирал автографы и «мудрые мысли» известных деятелей культуры и просвещения, служил ему своего рода «подорожной», пропуском в дома добрых людей.

Основным занятием стала для Матея торговля книгами, приносящая ему скромный, но постоянный доход: «Каждую неделю он останавливался у пана Фейерпатаки¹⁰, забирал у него книги, а потом ходил продавать их по Гемеру, по Новограду, по Абовской столице. Торговал он и книгами из Прешпорка¹¹ и из Чехии, ... покупали, правда, больше календари да молитвенники. Продавал он и другие, иной раз очень редкие книги, но и сам собирал, скупал по ярмаркам и по домам у людей старинные издания на толстой, вручную изготовленной бумаге» (87). Автор еще более приземляет образ Матея, упоминая, что разносил он, помимо книг, и капусту, и лук, и прочие простые, «низкие» товары, а дома держал мелочную лавку с табаком и керосином. Вместе с тем, героем движут возвышенные и бескорыстные чувства: на последние гроши он покупает и любовно подбирает книги в собственную маленькую библиотеку, а потом, в конце жизни, продает свое сокровище, чтобы пожертвовать деньги

на словацкую гимназию в городке Ревуца. Часть самых ценных книг и собственные сочинения он дарит вновь открывшейся Матице Словацкой с незамысловатым и трогательным посвящением: «Матичка милая, прими дар сей бедный, что посылает тебе человек неприметный».

Матей Гребенда выполняет роль живого звена в своеобразной «цепочке добра», идея которой не раз высказывалась В. Шиколой в его произведениях (прежде всего, в трилогии «Мастера»). Он не только услужливый посыльный, который разносит людям долгожданные весточки и гостинцы, но и посредник, «мостик», соединяющий просвещенный круг словацких «будителей» с не пробужденным еще людом. Вечный странник, будучи сам частицей народа, он идет в народ и с особой, культурно-просветительской миссией.

Фигура Матея представлена в романе многопланово, в разных взаимосвязях и положениях. Автор не идеализирует героя: это живой человек со своими слабостями и недостатками. У него неуживчивый характер, он скуп и прижимист, суров и неуступчив в отношениях с близкими, убежденный в том, что «мягкостью ничего не добьешься. Если жизнь твердая, то и детей нужно приучать к твердости с малых лет» (184).

В то же время Гребенда – добрый покровитель и любимец полунищих, оторванных от родных мест словацких студентов, среди которых немало будущих знаменитостей. Близкими и хорошими знакомыми Матея представлены в романе известные деятели словацкой культуры и политики. При этом они выступают не сами по себе, как самостоятельные персонажи, а появляются лишь в эпизодах, как собеседники главного героя, которыми тот восхищается и гордится. На студенческой вечеринке в Прешпорке он читает свои стихи в компании лицейской молодежи и профессоров, среди которых «пан Августин Шкультеты, пан Францисци – почтенного семейства сын, пан Йозеф Милослав Гурбан, а с ними и пан профессор Людовит Штур, и Янко Калинчак...» (97).

Как реальные лица, существовавшие где-то рядом с Матеем, упоминаются в романе не только деятели словацкой культуры, но и ставшие символами героин литературных произведений. Так, часть пути по дороге в Вену герой преодолевает на плоту, спускаясь по стремительному течению Вага, и опытные плотогоны показывают ему на берегу могилу Милко (героя романтической повести Я. Калинчака «Могила Милко», 1846). В другом эпизоде упоминается железный крюк в г. Кремница, на котором повесили Дюрко Лангсфельда (ему посвящена историческая драма Й. Грегора Тайовского «Смерть Дюрко Лангсфельда», 1923).

Со знаменитостями Матей встречается и на дорогах («По словацкому краю, говорят, ходит, странствует профессор Харьковского университета И. И. Срезневский, ... хочет он увидеться и с Гребендой», 117).

О человеческой отзывчивости Матея, его готовности бескорыстно поделиться последним с тем, кому приходится еще хуже, говорит драматичный эпи-

зод его встречи в зимнюю стужу с безвестным замерзающим юношей. В этой вымышленной, допущенной замыслом автора сцене, и литературные реминисценции, и легкий оттенок – мотив – национальных противоречий, поскольку этим юношей оказался будущий великий венгерский поэт, словак по происхождению: «Он наткнулся в снежной кутерьме на заблудившегося парнишку... – Матиш, ради бога, куда я забрел? Ты же заступник всех венгерских студентов!... Я – Петрович, Шандор Петрович, Шандор Петефи, у меня в кармане самые прекрасные венгерские стихи! Я не ел уже сто дней! – Ах, Сладкович?¹² – Нет, не Сладкович, Петрович! Шандор Петефи, но я знаю и Сладковича. – Боже мой, сынок, и куда же ты так, без тулупа, ведь замерзнешь! – Нет у меня тулупа. И я очень голоден. Зато в карманах у меня самые прекрасные венгерские стихи. – Ах ты господи, что же я могу тебе... – И Матей окоченевшими руками стал отламывать ему кусок хлеба. – Больше у меня ничего нет. Держись, Шандор, держись, Шандорко, не замерзни, ради бога» (119).

События 1848 г., эпизоды национально-освободительной борьбы и охвативших словацкий край революционных волнений (глава «Комета») также показаны через восприятие и судьбу Матея Гребенды. Вместе с тем именно в этой главе чаще всего звучит голос повествователя, то строго-констатирующий, то взволнованно-экспрессивный («Время словно сгустилось. Дни напирали и сбивались между собой, сплетались в недели, недели – в месяцы, и в году как будто бы не было ни дня, ни праздника», 129).

В этих исторических обстоятельствах Матей становится не только свидетелем, но и участником событий. Кочевой образ жизни помогает ему выполнять еще одну – своего рода коммуникативную – функцию: заменяя собой отсутствовавшие в те годы у словаков печатные средства информации, он разносит по городам и весям новости, слухи, молву о том, что происходит в мире («ему всегда удавалось распространять свежие вести, даже передавать, где и о чем шли сплетни», 130).

С восторгом он воспринял и дошедший до него слух о намерении Л. Штура начать издание словацкой политической газеты. В его просторечном, но по сути верном толковании представлены споры вокруг этого издания, в том числе и по проблеме диалектной основы кодифицируемого словацкого литературного языка: «Никак не решат, какую использовать грамматику. Многие твердят, что самая красивая речь – в окрестностях Трнавы. Но «Песни» Коллара показывают, что больше всего люду, бедноты поет по-липтовски. Однако сам пан Коллар, говорят, не желает давать согласие на липтовское наречие, пишет Штуру письма, дескать, не делай этого, гневается и пан Белопотоцкий, который, по слухам, дал под газету большой залог» (130). Особое, теплое отношение Матея к Л. Штуру связано не только с преклонением перед его ученостью и патриотизмом, но и с личными мотивами: герой часто вспоминает дорогой для него подарок,

ставший талисманом на всю жизнь – «золотой, который он послал когда-то Матею через пана Шкультеты». Гребенда становится горячим пропагандистом начавшей выходить, несмотря на все трудности материального и политического плана (в эти годы усиливалась политика мадьяризации), газеты Штура «Словенске народне новины». Почти совсем ослепший, он заучивает наизусть и пересказывает слушателям в самых отдаленных уголках словацкого края статьи Гурбана, выступления Штура в венгерском парламенте. В текст романа включены обширные документальные выдержки из газетных публикаций 1848 г., представленные, для более аутентичной передачи духа времени, в старой орфографии.

Описание в романе революционных событий 1848 г. по своей тональности и последовательности весьма напоминает представленные в трилогии «Мастера» картины Словацкого национального восстания 1944 г. Воодушевление первых дней, подготовка частей народной гвардии из «обычных людей, из ремесленников, рудничных рабочих, молотобойцев и плавильщиков» вызвали душевный подъем и у Матея: «У него распирало грудь от гордости, сама мысль о том, что и самый обыкновенный человек может маршировать, петь и показывать свою решимость жить обыкновенной, но все-таки человеческой жизнью, наполняла его глаза слезами радости и благодарности» (158). Но вскоре появились «другие гвардии, и они пели уже от голода. Никто не мог в них разобраться. Гвардейцы кричали и по-словацки, и по-венгерски», усиливалась сумятица и неразбериха, в которой пострадали и мирные люди, в том числе сам Матей. Революция 1848 г. и последовавшие затем репрессии описываются автором в их восприятии и отражении на судьбах обычных людей («Люди перепуганы. Многие потеряли крышу над головой. Иные потеряли близких и оплакивают их до сих пор»); при этом преобладает нравственный, гуманистический пафос, социально-политические аспекты событий остаются в стороне.

В главе «Колесо», показав жестокие картины реакции, повествователь словно поднимается над баррикадами национальных и социальных противоречий и высказывает почти крамольную мысль о том, что в истории нет абсолютного добра и зла, правды и злодейства: «Люди умирали по обе стороны. Никто не знает, сколько их погибло в битве при Швехате и сколько при Вилагоше». Говорит он и об отражении истории в учебниках и хрониках, которые нередко далеки от объективности и правдивости: «Хроники не пишутся в бурные времена. Даже если бы они и писались, в них никогда не попало бы все, что происходило. Ведь правда может иной раз обернуться своей противоположностью и ударить по сочинителю хроники» (160). Под хроникой автор подразумевает при этом не столько литературный жанр, сколько тенденциозный подход к истории с классово-политических позиций. В романе В. Шикеры «Матей», напротив, историческая действитель-

ность полного драматических для словаков событий XIX в. пропущена через призму частной жизни. В ней преобладает субъективно-приземленный взгляд «обычного» человека, свидетеля и скромного участника истории; родственного символическому вечному пахарю или – в другом времени и обстоятельствах – Имро Гулдану из трилогии «Мастера».

В этих образах и в самом способе художественного отражения действительности воплощается продуманная и выношенная писателем мысль об истории словаков как малой «неисторической», негероической, но созидательной нации, во многом перекликающаяся с концепцией национальной истории, сформулированной В. Миначем в его эссе «Раздувая родные очаги» (1970), «Собрание споров Й. М. Гурбана» (1974) и с пафосом поэзии М. Руфуса («По чему мы ходим», «История пахаря» и др.).

Роман «Матей» привлек внимание словацкой критики не только своими художественными достоинствами, но и несоответствием общепринятым параметрам жанра исторического романа-биографии. На конференции в Нитре (1998), посвященной творчеству писателя, роман послужил темой для двух докладов. И. Сулик отметил такие его черты, присущие лишь произведениям В. Шикеры, как антропоцентризм, внимание к незначительным жизненным деталям и пренебрежение масштабными фигурами и картинами «большой истории»: «Здесь показан богатый, творчески активный, малый и тихий мир скромной словацкой интеллигенции, мир сотен самобытных, зачинающихся людей, которых связывают между собой невидимые нити пешеходных странствий Гребенды». Центральный герой, по справедливому замечанию исследователя, сродни другим «бродяжьим душам Шикеры – Гейгешу и Круйбелю, Яну из «Иволги», Дюрису из «Солдата» – наивным, красноречивым, терпеливым, смиренным, покорным, а главное – стремящимся быть полезными». Автор второго выступления, Р. Главата, выдвигает на первый план социальный аспект историзма Шикеры, определяя его как «историзм общественный», поскольку, на ее взгляд, «в эпическом пространстве романа посредством событий исторической биографии главного персонажа восстанавливаются и общественно-исторические связи и процессы»¹³.

В целом можно сделать вывод о том, что роман «Матей», выделяясь среди других произведений писателя обращением к отдаленному прошлому Словакии, к реальным историческим персонажам, хронологически последовательным построением сюжета и редукцией авторского голоса, несет в себе многие черты, характерные для художественного мира В. Шикеры, отражающие его концепцию личности и истории, его оригинальный писательский стиль.

Перемены в общественно-политической жизни после «бархатной» революции 1989 г., после распада Чехословакии и образования в 1993 г. независимой Словацкой республики повлекли за собой и изменения в духовной сфере, в культуре и литературе. Идеологические и цензурные препоны ис-

чезли, зато появились новые, связанные с рыночной экономикой, коммерциализацией книгоиздания и как следствие – валом развлекательной книжной продукции. Происходила смена писательских поколений: ушли из жизни В. Минач, Л. Мнячко, Д. Татарка, А. Беднар, Р. Слобода. Зазвучали новые имена – И. Коленич, В. Панковчин, П. Ранков, М. Касарда, Д. Тарагел, П. Пиштянек, В. Балла и др., в произведениях которых современные темы и мотивы предстали в новой, характерной для прозы 90-х гг. постмодернистской форме. Вместе с тем, в «послереволюционный» период в литературу смогли вернуться долго не публиковавшиеся или ограниченные в публикации писатели из поколения «Младой творбы» – П. Груз, П. Виликовский, Д. Душек, Д. Митана, И. Кадлечик и др., увидели свет их произведения, написанные еще в 70-е гг. Такова была судьба и одной из книг В. Шикулы.

Роман «Орнамент» был задуман и в основных чертах написан им в конце 60-х гг. Отрывки из первых глав, наиболее безобидные с точки зрения цензуры периода «нормализации», успели выйти в двух номерах журнала «Словенске погляды» за 1970 г. Готовилась большая публикация в чешском журнале «Пламен», которая так и не осуществилась из-за закрытия журнала. В полном объеме роман смог увидеть свет лишь в 1991 г.; вторая часть, получившая название «Ветряная вертушка», вышла в 1995 г. Причиной столь сложной судьбы романа послужила, прежде всего, его центральная сюжетная линия, основанная на реалиях начала 1950-х гг. когда взявшая власть коммунистическая партия развернула кампанию по преследованию церкви, ликвидации монастырей и репрессированию священнослужителей. В романе показана и неприглядная роль в этом деле органов госбезопасности, что также не могло приветствоваться с точки зрения тогдашней идеологической линии («закручивания гаек» и борьбы с ревизионизмом).

В предисловии к роману В. Шикула пишет о своем замысле и его трансформации в ходе времени и событий: «Я всегда говорил, что на протяжении всей жизни пишу одну и ту же книгу. И если в отношении других вещей это имело скорее переносное значение, то к «Орнаменту» относится в полной мере. Первоначально это должен был быть автобиографический роман о моей молодости, хотя, разумеется, каждый персонаж, в том числе и «я» был слеплен из нескольких людей. ...События 1968 г. настолько выбили меня из колеи, что пришлось отложить роман. И только во второй половине 80-х годов я стал мысленно возвращаться к «Орнаменту». Правда, возвращаться пришлось сквозь целые десятилетия, так что и сам не знаю, будет ли это хоть отдаленно напоминать задуманное в 60-е годы»¹⁴.

В начале романа точно обозначено время повествования, протекающее на двух уровнях, – это начало 1970-х гг., настоящее время взрослого повествователя, вспоминающего о событиях своей молодости, и 1953 г. – точка отсчета основного фабульного времени. Два этих временных уровня посто-

янно пересекаются, повествователь из статичного «настоящего» комментирует, дает оценку или сообщает некую дополнительную деталь или характеристику персонажей и событий динамично развивающегося «прошлого». В начале первой главы герой-рассказчик в меланхолических тонах описывает свою одинокую, однообразную жизнь в доме на холме, откуда открывается вид на окрестные поля, виноградники и лежащий внизу городок «аквариум». И окрестности вокруг холма, и старый дом, точь-в-точь как дом самого Шикеры, где он долгие годы жил и работал, и вид на городок – соседнюю Модру – узнаваемы и создают ощущение почти документальной аутентичности. Использование грамматических форм настоящего времени («Я стою в саду. Передо мной расстилаются...»); «Я захожу в дом»; «Сегодня воскресенье. Воздух свеж, солнце слабо припекает», с. 6) усиливает иллюзию сиюминутной реальности. Внутренний облик героя, родственного другим персонажам Шикеры, обладающим выраженными автобиографическими чертами, очерчивается повторяющимися мотивами – «цепочки добра» («может, я даже незнаком с этим человеком, но знаю, что обещанная мною вещица порадует его») и ожидания прихода «гостя», – тоски по общению («Может, кто-то стоит у дверей, какой-нибудь запоздалый гость, он пришел сообщить или спросить о чем-то важном»). Тревожность и меланхолия героя-рассказчика нарастает вместе с навязчивым шумом и звоном в его голове, словно от роения образов и звуков прошлого: «У меня как будто где-то, когда-то заложило в ушах, и теперь, в эту самую минуту, я снова слышу рокот голосов, крики, брань, мелодию гимна, смех, и все это сливается в одно звуковое целое, превращается в шум, который тоже постепенно тает, остается лишь эхо, мотив...» (7).

Авторская аутентичность внезапно прерывается воображаемой репликой незнакомого прохожего: «Послушайте, Матей Гоз, а вы порядочная свинья!». Автор словно отстраняется от своего героя, представляя его при этом от первого лица: «Чтобы было ясно: меня зовут Матей Гоз. Мне тридцать восемь лет – возраст для человека достаточно зрелый, чтобы уже быть порядочной свиньей». Однако однозначная, черно-белая оценка к нему неприменима; возвращая себе роль создателя предлагаемого сюжета, герой-рассказчик замечает, что события могут быть изложены и как обвинение против него, и как восхваление его безупречного образа, «но ведь я при этом – один и тот же Матей Гоз».

Основная событийная линия начинается со второй главы романа. Повествование о молодости Матея Гоца, история жизни студента, снимающего комнату в городке недалеко от Братиславы, его живой интерес к людям, первые увлечения и ошибки – по самой жизненной ситуации, а главное, – по эмоциональному способу изложения, близкому к исповедальности, – вызывает ассоциации с произведениями словацкой психологиче-

ской прозы первой половины XX в., прежде всего тех писателей, в творчестве которых были сильны тенденции экспрессионистской направленности.

Так, герой повести И. Горвата «Лацо и Братислава» (сборник «Человек на улице», 1928), как и юный Матей Гоз, открывает для себя новые сферы жизни, приобретает чувственный и интеллектуальный опыт, делает первые шаги на пути духовного становления. «Перед Лацо впервые открылся широкий мир во всей своей красе. Он имел форму круга. Лацо представлял себе, как идет по нему мимо книг, высоких зданий и человеческой злобы,... в конце пути стояла Желка с глазами словно Дунай, на волнах которого играли три лодочки – молодость, надежда и любовь»¹⁵. Только иное историческое время с его суровыми реалиями отличает мироощущение и жизненные испытания Матея Гоца от восторженного и легкомысленного восприятия действительности, присущего Лацо.

Эмоциональное повествование от первого лица, углубление в сферу переживаний молодого человека, сталкивающегося в начале жизненного пути с нравственными испытаниями, позволяет – при всем различии причин и обстоятельств описываемых драматических событий – сопоставлять «Орнамент» В. Шикеры и с романом «Железные руки» (1948) Ю. Барча-Ивана, драматурга и прозаика, которого принято считать продолжателем традиций словацкого экспрессионизма. Его герой Владо, одинокий и склонный к рефлексии, страдает от отсутствия понимания и человеческого тепла, пытается делать добро, но, как и Матей Гоз, терпит неудачу.

Менее очевидные, но, как нам представляется, примечательные сходения можно наблюдать и в проблематике, и в стратегии повествования у В. Шикеры и у Й. Цигера Гронского в его романе «Писарь Грач» (1940). Для Гронского центральной также становится проблема самоосознания человека, преодоления внутренней раздвоенности, обретения взаимопонимания с окружающими. И если Грач восстанавливает порванные связи, «проговаривая» их в воображаемых беседах с иллюзорным собеседником, то Матей Гоз словно заново переживает свою жизнь, обращаясь непосредственно к читателю, а порой и к своим персонажам.

Одиночество и жажда духовного общения, ожидание перемен и разочарования – эти внутренние мотивы поведения и переживаний сближают характеры героя В. Шикеры и персонажей развивавшейся в русле экспрессионизма словацкой психологической прозы XX в.

Мотив ожидания, когда герой Шикеры подолгу стоит у окна, глядя на дорогу и идущих по ней прохожих, прислушиваясь к стукам и голосам, переходит в романе «Орнамент» в реальную плоскость с приходом странного незнакомца – невысокого молодого человека, немного запущенного и небритого, одетого не по сезону легко. Он представляется по имени – Йозеф Патуц – и неожиданно заявляет: «Я хотел бы у вас жить». История, расска-

занная затем незнакомцем, драматична и полна недомолвок. Йожо Патуц – молодой католический священник, который скрывается от преследования властей. Кто-то неназванный помог Патуцу избежать ареста и направил его к Матею, чтобы тот о нем позаботился. Герой воспринимает это как большую честь для себя: «Кто же это так мне доверяет? Кто так меня оценил?». Его внутренний монолог продолжают размышления о братских связях между добрыми людьми, даже если они не знакомы друг с другом: «Я не знал их вовсе или знал только в лицо, но они стали вдруг останавливать меня на улице, улыбаться мне» (19).

Йожо Патуц, с которым Матею пришлось долгие месяцы делить кров и скудную студенческую трапезу, будучи личностью духовно богатой и развитой, оказывал на легкомысленного юного героя благотворное влияние: «Я начал рассуждать более трезво, задумывался над вещами, которые меня раньше совсем не интересовали» (20). Прежде всего, это касалось его отношения к религии. С верой его связывали почти стершиеся детские воспоминания о праздничной службе в сельской церкви, о своих светлых и радостных ощущениях, но политическая реальность первых послевоенных лет с ее атеистической пропагандой и борьбой с буржуазными предрассудками наложила свой отпечаток на сознание и поведение Матея Гоца, сделав его, пусть отчасти и на время, равнодушным конформистом («Я не был никаким святошей, за весь год ни разу не перекрестился, даже когда раз забрел в церковь перед экзаменом – постоял просто так в дверях, ни о чем не думая», 20). Потребность в вере, в церкви как убежище страдающего человека, герой осознал позднее, когда Йожо Патуца уже не было рядом, но именно он пробудил в Матее стремление к духовному развитию.

Разговоры с Йожо оказали воздействие и на литературные вкусы Матея, по сюжету – студента-филолога, и на его отношение к «скучной» классической литературе. Рассказчик, уже взрослый Матей, спустя годы с оттенком теплой иронии вспоминает: «Я притащил из университетской библиотеки все произведения Мартина Кукучина и прочитал их так вдумчиво, что влияние его да еще, пожалуй, старых Святовойтехских календарей, для которых писали Радлинский, Постонь и Юр Коца Матейов, заметно на том, что я сейчас пишу, хотя я и пытаюсь это всячески скрыть» (25). Даже в дипломной работе Матея отразился присущий Патуцу свежий, далекий от штампов того времени взгляд на словацкую литературу («Там были очень непривычные фразы и даже целые абзацы»). Интеллектуальное и духовное воздействие этого общения было настолько сильным, что Матей-рассказчик признается: «Беседы с Йожо на меня очень повлияли; с некоторыми его взглядами я не вполне соглашался ни тогда, ни позднее, но до сих пор помню все, о чем он говорил» (152).

В определенном смысле Йожо – двойник Матея, его лучшее, искомое им «я». Автор словно изначально разделился на два персонажа, наделив каждо-

го частицей своего личного жизненного опыта, своих мыслей и переживаний: Йожо – опытом своего духовного воспитания в католическом монастыре и мечтой стать священником, Матея – светскими заботами бедного студента, влюбчивого и неприкаянного.

Йожо Патуц стал невольной причиной и радостных, и драматических событий в жизни Матея. Благодаря Йожо он познакомился и подружился с его двоюродной сестрой Эвой, которая стала затем его женой и матерью его сына. Любовная линия представлена в романе в присущем писателю психологически драматичном ключе; в поле зрения читателя оказываются не эротические эпизоды, а возникновение, развитие и кризис чувств. Второй, «парный» женский персонаж – юношеское увлечение Матея Гоца – веселая и взбалмошная студентка консерватории Иренка, противоположность строгой, бескомпромиссной Эве. Нравственное взросление героя связано и с его переживаниями по поводу своей внутренней раздвоенности между долгом и соблазном, с чувством вины и запоздалого раскаяния.

Если любовные переживания можно представить как наковальню в процессе выковывания характера Матея Гоца, то молот – это его отношения с госбезопасностью. Причиной внимания этих служб к молодому человеку стало «укрывательство опасного преступника», каковым считался у них беглый священник. «Это религиозный фанатик, – твердит Матею допрашивающий его майор, – он распространяет вредные взгляды, враждебные для нашего государства. Он, знаете, какой-то уж слишком интеллигентный, в этом-то и есть главная опасность» (145). Шантаж и угрозы («Вы же хотите окончить университет?», «Подумайте о себе и о своей семье!»), моральное и физическое давление, постоянное напряженное ожидание новых визитов и «увещеваний» добавляют драматизма в переживания героя. Вместе с тем эти сцены – тоже, к слову, связанные с фактами биографии В. Шикеры – передают атмосферу того времени, когда молодой энтузиазм одних сопровождался жестокостью и циничным карьеризмом других.

Пережитое в те годы по-прежнему волнует уже повзрослевшего Матея Гоца, пытающегося осмыслить свою жизнь: «Я обращаюсь к себе самому, погружаюсь в себя, хочу найти в себе – себя прошлого и себя будущего, себя в характере, себя в собственных глазах, себя в мыслях и поступках» (62). С этой целью и ее достижением связана и повествовательная структура романа с чередованием ролей рассказчика и героя, временными смещениями и раздвоениями.

Свойственное экспрессионизму искажение образов, нарушение временной и пространственной логики событий, наблюдаемое в романе, еще раз свидетельствует о глубоких связях творчества В. Шикеры с литературными традициями. В отдельных местах нарочитое переплетение мотивов, мелькание персонажей создает ощущение какофонии и хаоса, передающих и состояние героя, и авторское видение действительности. Иной раз в повество-

вании происходит словно накладывание «картинки на картинку», вмонтирование одного пространственно-временного плана в другой: «Бабушка разбила на кухне стаканчик. Пока она выметает осколки, я могу вам рассказать, с каких пор в детстве отец начал быть мною недоволен; он просил, приказывал, пытался подольститься и даже угрожал, что приведет меня в чувство, вобьет мне в голову терцию, приму и терцию, приму и сексту, ведь это так просто... Бабушка, подметая пол, заглянула в комнату и спросила, хочет ли кто-нибудь из нас печенье. Сегодня, 5 апреля 1970 года, я бы от него не отказался, но тогда был так сыт, что предпочел попросить вина...» (62).

Традиционный для произведений В. Шикеры повествовательный мотив музыки, встретившийся и в этом отрывке, переплетает весь роман. О музыке говорят и отец Матея Гоца, играющий на кларнете в сельской капелле, и скрипачка Иренка, и сам Матей, который подрабатывает органистом в церкви и пытается сочинять собственные композиции (в книге даже приводятся их нотные записи). Сложное музыкальное произведение слышится герою и в свисте ветра на пустынной улице: «Ветер продувал множество узких щелок в окнах и гулких печных труб, свистел в кронах черешен и раки, скрипел воротами и громыхал кровельной жестью. Мощными порывами он будто хотел прочистить улицу, как органист басовую трубку... зазвучал фагот, за ним – гобой, то плачущий, то ликующий, присоединились струнные...» (83).

Роман «Ветряная вертушка» вышел в свет лишь спустя четыре года после опубликования «Орнамента». И хотя по некоторым свидетельствам (в частности, по словам Э. Хароуса, чешского переводчика и редактора В. Шикеры) первоначально оба романа составляли единое целое и лишь позднее были произвольно разделены издателем на две части, говорить, по нашему мнению, следует все же о дилогии как двуедином произведении со своей внутренней структурой и логикой развития.

В романе «Ветряная вертушка» прослеживается дальнейшая судьба Матея Гоца. Герой-повествователь, в образ которого, как мы уже говорили, писатель вложил немало автобиографических черт, оказывается под давлением многих бытовых и нравственных проблем, которые ему приходится решать. Мелкие неурядицы в семье перерастают в полное непонимание, а затем и в разрыв; жена оставляет Матея и вместе с маленьким сыном уходит к родителям. В. Шикера исподволь прослеживает причины краха их отношений. Главными из них становятся бескомпромиссность убежденной католички Эвы в вопросах веры и морали – в противоположность «безбожнику», каким виделся ей Матей, а затем и развернувшийся бурный роман Матея с прежней возлюбленной – Иренкой.

Основное действие происходит в 50-е гг., и лишь изредка повествователь (писатель, как он вскользь упоминает) возвращается в свое настоящее, в 70-е гг., обозначая это время не внешними его признаками, а собственным

душевым состоянием, изменившимся, зрелым и пессимистическим взглядом на мир. Зато примет прошлого, политических, социальных, бытовых черт периода «строительства социализма» в романе много. Так, Матей, ставший учителем в сельской школе, должен в качестве общественной нагрузки проводить опись кур на личных подворьях, разучивать с детьми новые, «передовые» песни и агитационные частушки и «проводить в жизнь» инструкцию вышестоящих инстанций, запрещающую ношение учениками крестиков. Не оставляет его в покое и госбезопасность в лице анонимных, похожих друг на друга сотрудников в серых плащах и их начальника Герибана. Бывший земляк Матея, Герибан исподволь пытается расположить его к себе, вызвать на откровенность, чтобы выведать информацию о пропавшем священнике Йожо Патуце, а затем и завербовать для составления «секретных отчетов» о сослуживцах и знакомых. После очередного перекрестного допроса в местном комитете госбезопасности Матей чувствует себя, словно в ловушке: «Они так и тянут из меня слова и тут же передергивают их, чтобы потом шантажировать. В этом их работа. Ну и подлецы! Маленькие люди, а вообразили, будто они сильнее всех»¹⁶ (81).

Изложение событий все чаще перемежается в романе с размышлениями героя, его внутренними монологами и снами, в которых переживаемое отражается в видоизмененных формах. Ощущение загнанности, подстерегающей опасности вызывает в снах Матея воспоминание о прежних страхах, о случае из далекого детства, когда он чуть не погиб, падая с церковной колокольни. Герой видит себя словно со стороны: «Он осторожно полз, карабкался по краю крыши, в голове гудело. Какая высота! Шажок за шажком, еще разок подтянуться, схватиться за оконный проем. Только бы хватило сил!» (92).

Часто его воображаемым собеседником в снах и раздумьях становится Йожо Патуц. Матей то словно исповедует перед ним, то пытается выразить то, что не мог выразить прежде: «Я скажу, как я ему благодарен, как многому он меня научил. Ведь до этого я был очень легкомысленным и поверхностным, почти уже безбожником, жил одним днем и не мог ни на чем сосредоточиться» (91). Ему так и не удается разыскать своего товарища; лишь ближе к финалу романа герой находит в отдаленной деревушке на востоке Словакии его простреленную шляпу и несколько листов дневника с размышлениями о боге и религии.

Тема религии, церкви в широком смысле слова зазвучала в дилогии так проникновенно, как ни в одном другом произведении В. Шиккулы. Сам будучи человеком глубоко верующим, он вложил в характер и мысли своего героя многое из пережитого и продуманного им самим. Писатель прослеживает путь духовного становления Матея Гоца, его нравственного прозрения. Первые шаги по этому пути были сделаны под благотворным влиянием молодого священника Патуца, беседы с которым заставили Матея задуматься о

потерянной было вере: «Я стал равнодушен к вере еще в студенческие годы, хотя совсем неверующим все же не был, скорее – ленивым... Бог ускользал из моих мыслей. ... А в детстве церковь значила для меня так же много, как и семья, наш двор и дом, кухня и горница, как вид из окна, как дорога, которая вела мимо дома к церкви» (11).

Уже будучи учителем, Матей, поначалу ради заработка и из чувства противоречия («назло им»), становится органистом в сельской церкви, но постепенно осознает потребность бывать там все чаще, «и не только чтобы играть на органе. Просто я был недоволен самим собой». Его гнетет внутренняя раздвоенность, усталость от лжи и лицемерия, метания между вспыхнувшими чувствами к Ирине и долгом перед семьей, душевная опустошенность. Одна из наиболее сильных и экспрессивных сцен романа происходит в пустой церкви, куда в тоске заходит Матей: «Я долго сидел там, просто так, без молитвы, будто пытаюсь припомнить что-то давно забытое... Что же со мной стало? Ведь я утратил не только милость, милость Божью, или как это назвать, но и способность молиться... Но при этом я сам осознавал внутреннюю пустоту и оупение, которые были ужаснее боли. Молча смотрел я перед собой, и вдруг из глаз моих полились слезы. Господь наградил меня хотя бы этими слезами, а ведь я так и не смог ему помолиться» (60).

Героя-повествователя «взрослого» – писателя, смотрящего из 70-х гг. на жизненные ошибки и внутренние борения Матея 50-х, связывает с ним и мотив литературного творчества. Врожденный талант, острота переживаний, склонность к саморефлексии постепенно приводят молодого учителя к писательству. О первых литературных опытах – стихах, посвященных Ирине, которые он безуспешно посылал в редакции журналов, Матей говорит с иронией. Но после жизненных испытаний, когда потребность излить свои чувства на бумаге становится непреодолимой, он начинает писать серьезно. Поначалу этот процесс происходит у него стихийно, почти неосознанно; чувствуя отчуждение Эвы, пытаясь загладить свою вину перед ней, он пишет длинные, так и оставшиеся неотправленными письма, которые постепенно теряют свою утилитарную роль: «Я снова сел за стол и стал черкать одну страницу за другой. Утром я обнаружил целую кучу исписанной бумаги и очень удивился, заглянув туда, поскольку это совсем не было похоже на письмо» (63). Подбодренный первой публикацией, он посвящает сочинительству все больше времени. Сюжеты и темы возникают в его творческом сознании как бы сами собой («я даже особенно не задумывался о том, что пишу»). В. Шикла воссоздает здесь еще один уровень осмысления действительности, помещая на страницах романа образец творчества Гоца – его новеллу, выделенную в тексте курсивом.

Присутствие в романах диалогии автобиографического мотива писательства, а также ее глубинную связь с ранними произведениями В. Шиклы отмечали и словацкие критики. А. Галвоник, например, сравнивает эту связь

с эллипсом, по траектории которого «эти произведения возвращаются к первичным источникам творчества Шикеры»¹⁷.

Писательская работа и работа вообще осознается героем не только как способ самореализации, но и как выход из духовного тупика и депрессии. Возвращаясь в финале к понятию «орнамент», изначальному в истории этого романа, автор устами героя высказывает мысль о благородной роли творчества, созидательного труда, прозвучавшую ранее в трилогии «Мастера»: «Я люблю работу. Люблю орнамент, потому что могу вложить в него всю свою жалость, жалость, от которой с детства на глаза наворачивались слезы. ...Орнамент отличает мою работу от «работы» животного. Работа достойна человека лишь тогда, когда она может стать орнаментом» (286).

Через весь роман пунктирно проходит образ-символ «ветряной вертушки», давший ему название. Образ этот представляется нам многозначным и динамически изменяющимся по мере развития сюжета. Вначале это просто детская игрушка, которую Матей смастерил, чтобы позабавить своего маленького сына крутящейся на ветру «розочкой» («Я принес из лесу кусок сухой мягкой древесины и выстрогал ему замечательную вертушку», 49). Затем, когда герой остается один, игрушка напоминает ему о потерянном семейном очаге и становится печальным символом утрат; автор словно отстраняется от Матея, говоря о нем во втором лице: «Ты в нерешительности стоял перед домом и пальцем снова и снова пытался раскрутить ветряную вертушку» (112). В конце романа, сохраняя свою материальность, игрушечная «розочка» олицетворяет одиночество и бесприютность героя, затерявшегося во времени («Каждый вечер я сам для себя раскручиваю ветряную вертушку», 281), а в итоге, при осмыслении всего комплекса идей и образов романа – самого Матея Гоца, легкомысленного юношу-конформиста, интеллигента, оказавшегося на перекрестке суровых ветров истории.

Произведения, рассмотренные в этой статье, демонстрируют дальнейшее развитие художественной системы В. Шикеры в разных жанровых и повествовательных формах, ее глубинную связь с традициями словацкой литературы.

... Роман «Матей» отразил глубокий интерес писателя к национальной истории, к фигурам деятелей словацкой политики и культуры XIX в., создателей и пропагандистов национальной идеи. Центральный герой воплощает в себе характерные черты человека своего времени и отражает концепцию личности, представленную в творчестве В. Шикеры. Роман отличают несколько иные, по сравнению с прежними произведениями писателя, принципы построения повествования. Так, повествователь занимает место наблюдателя, лишь изредка комментирующего то или иное событие; при этом его позиция проявляется в характеристике героя, через его поведение и мысли. Литературные реминисценции содержатся как в отдельных эпизодах, так и в общем контексте представленных событий и персонажей. Опи-

сания одушевленной природы, мифических и легендарных фигур словацкого фольклора, а также некоторые мотивы, присутствующие в романе, позволяют проводить его сопоставление с произведениями словацких натуралистов.

Дилогия «Орнамент» и «Ветряная вертушка» представляет собой иную жанровую разновидность романа, основывающуюся на принципе субъективно-психологического самоанализа. Важным элементом содержания является поднимаемая автором тема общественно-политических деформаций периода социализма, отразившихся на судьбах многих людей. Принцип двойности выражается в дилогии способом повествования в двух временных планах (50-х и 70-х гг.), парностью персонажей (взрослый рассказчик и герой в молодости, Матей Гоз и Йожо Патуц, Эва и Иренка). Углубленный психологизм, исповедальность, пессимистический пафос, усиливающийся к финалу романа, а также элементы поэтики – пространственно-временные смещения, обилие внутренних монологов, эмоциональность стиля – связывают роман В. Шиккулы со словацкой психологической прозой XX в. и, прежде всего, ее русла, связанного с традициями экспрессионизма.

Примечания

¹ Literika. 1997. 1–2. S. 165.

² Цитаты по изданию: Šikula V. Matej. Bratislava: Tatran, 1983. – Страницы указаны в тексте.

³ Čepan O. Kontúry naturizmu. Bratislava, 1977. S. 116.

⁴ Машкова А. Г. Словацкий натурализм. М., 2005. С. 78.

⁵ Chrobák D. Drak sa vracia. Bratislava, 1956. S. 181, 192, 200.

⁶ Figuli M. Tri gaštanové kone. Bratislava, 1958. S. 7, 12, 248.

⁷ Ondrejov L. Zbojnícka mládosť. Bratislava, 1965. S. 15, 35.

⁸ Švantner F. Malka. Bratislava, 1980. S. 58.

⁹ Švantner F. Nevesta hŕf. Bratislava, 1973. S. 20.

¹⁰ Г. Фейерпатаки-Белопотоцкий (1794–1874) – словацкий издатель и литератор, выдающийся деятель словацкого просвещения.

¹¹ Старое название Братиславы, искаж. немецкое Pressburg.

¹² Андрей Сладкович (1820–1872) – выдающийся словацкий поэт-романтик.

¹³ Život a dielo Vincenta Šikulu. S. 92, 98.

¹⁴ Цитаты по изданию: Šikula V. Ornament. Bratislava, 1991.

¹⁵ Horváth I. Človek na ulici. Bratislava, 1964. S. 219.

¹⁶ Цитаты по изданию: Šikula V. Veterná ružica. Bratislava, 1995.

¹⁷ Halvoník A. Čo nepovedala kritika o ranom Šikulovi // Život a dielo Vincenta Šikulu. S. 36.

Автор как психологическое, интеллектуальное и нравственное целое в словенском романе последней трети XX века

Построение художественного произведения как совокупности отдельных, вполне самостоятельных элементов, организация его как законченного целого возможна лишь при наличии определенной связующей субстанции, которой может быть только человек. Это особо выделял еще М. М. Бахтин в начале 20-х гг. прошлого века, в частности, в своем сочинении «Автор и герой в эстетической деятельности», составившем основу его философской эстетики. Согласно концепции Бахтина, этой связующей субстанцией является герой художественного произведения. Вместе с тем исследователь последовательно проводит мысль о том, что «проза, чтобы завершиться и отлиться в законченное произведение, должна использовать эстетизированный процесс творческого индивида – автора ее, отразить в себе образ законченного события творчества его, ибо изнутри своего чистого отвлеченного от автора смысла она не может найти никаких завершающих и архитектурно упорядочивающих моментов»¹. По мысли Бахтина, герой, его сознание, чувства и желания, то есть его предметная эмоционально-волевая установка, со всех сторон, как кольцом, охвачены завершающим сознанием автора о нем и его мире. Провозглашенная гораздо позднее Роланом Бартом «смерть автора», на наш взгляд, все же не смогла поколебать постулатов русского ученого. Вслед за М. М. Бахтиным автор для нас – это «единственная активная формирующая энергия».

Взаимоотношения автора и героя многогранны, не всегда однозначны и касаются, как правило, не только так называемых «грамматических» (Барт) аспектов, но и образных, и познавательно-этических. Зачастую при помощи своего героя автор пытается разрешить многие для него жизненно важные нравственные, исторические, философские вопросы. Иногда автор отказывается от позиции объективной вменяемости² и сближается с героем настолько, что границы между ними размываются, становятся едва различимыми, как, например, в произведениях автобиографической направленности, где у автора и героя общими являются не только мысли и чувства, но и фактический жизненный материал. Тем не менее, «Я» главного героя все же никогда не станет авторским «Я», так как в нем всегда будет чувствоваться доля вымысла, привкус творчества³.

Фактор «авторской воли» сам по себе неразрывно связан с актом создания произведения. Художественный образ всегда зависит от субъективности своего создателя. В каждом произведении автор решает многие важные для себя или для общества нравственные, исторические, философские и другие вопросы. Даже «чистая» фиксация частных переживаний, эмоций и настроений, выраженные словом, предполагает возможность повторной или вторичной актуализации в своем исходном образном единстве – спустя время в восприятии самого автора или некоего другого человека. Возможность эстетического существования записанного текста изначально обусловлена его внутренним образным единством, определенным автором. Единство это появляется даже тогда, когда, например, отдельные рассказы, сюжеты, образы складываются автором в единый цикл, и читатель уже воспринимает их как образно-эстетическое единство. В этом смысле современный роман, преодолевший рамки и условности жанра, свойственные ему в предшествующие эпохи, обладает действительно широчайшим арсеналом «грамматических» и других формальных возможностей, но вместе с тем организующим мысли и образы началом остается автор, его идея, замысел, воля.

В последней трети XX в. роман остается одним из любимых жанров в Словении. Его активному и успешному развитию в эти годы способствовали многие факторы – как внутренние, так и внешние.

Будучи вписанной в общеевропейский контекст, словенская литература никогда не представляла собой замкнутой системы. Благодаря чему роман впитывает в себя новейшие достижения общелитературного процесса практически без задержек. Одновременно идет и собственный художественный, эстетический поиск.

Уверенное, поступательное развитие словенского общества в указанный период, сочетающееся с принятием важнейших, судьбоносных решений, дало писателям возможности для обдумывания и глубокого осмысления действительности. Даже переломные 1990 и 1991 гг., когда словенский народ продемонстрировал завидное единство устремлений, можно назвать естественным переходом на новый уровень развития. И в этом огромная заслуга самих писателей, постепенно разрушавших запреты и стереотипы, обходивших различные политические и идеологические табу, восстанавливающих историческую справедливость, несущих на себе бремя сохранения национального самосознания. Словенский роман выполнял национально образующую функцию и жил предчувствием перемен, и вместе с ним общество приближалось к воплощению своей важнейшей цели – обретение самостоятельного государства, что и произошло в начале 1990-х гг.

Подразумевая в себе полифонию, современный роман располагает широчайшими средствами для исследования феномена человека как такового, постоянно включая в свой арсенал все новые и новые приемы, развивая все

более изощренные стратегии. Читатель приглашается в исследовательскую лабораторию, где может быть свидетелем, а также и ассистентом в «опытах», которые проводит над человеком писатель и сама жизнь.

Современные романисты практически не связаны условностями жанра. На всех уровнях художественного полотна используются все возможные средства, даже считавшиеся прежде несочетаемыми. Словенский роман является ярким тому подтверждением. В нем соседствуют и взаимодействуют вымысел и документ (Драго Янчар «Северное сияние», 1984), массовое и элитарное (Димитрий Рупел «Львиная доля», 1989), проза и поэзия (Йоже Сной «Гавжен Хриб, или роман о военном детстве», 1982), традиция и эксперимент. Так, например, был изначально задуман как эксперимент и выстроен по постмодернистской модели роман-антиутопия с авантюрным сюжетом Андрея Блатника «Факелы и слезы» (1987, переизд. 2004).

Однако словенский роман последней трети прошлого столетия по большей части уже не ставит эксперименты ради экспериментов, за этим стоит желание разобраться в действительности, зачастую в собственной жизни.

Как, наверно, и в других современных литературах – в современном словенском романе весьма распространены так называемые гибриды, вмещающие в себе признаки различных жанров и играющие с ними. «Чистых» – так сказать – образцов того или иного романного жанра практически не осталось. Все это свидетельствует о полной свободе писателя в выборе форм и средств, а также и о зрелости воспринимающей стороны – читателя, которому уже не нужны жанровые так сказать «условности», а наоборот – ему интересны новые, необычные сочетания, дающие дополнительную пищу уму и, конечно, сердцу.

Таким образом, через частные истории, личные проблемы и узкие задачи современный роман позволяет понять общее развитие общества и культуры Словении на пути к демократическим преобразованиям конца 1980-х – начала 1990-х гг. и в период укрепления нового государства.

Пристальное внимание словенских романистов к внутреннему миру человека повлек за собой расцвет так называемого автобиографического романа⁴, который пришелся как раз на указанный период.

Автобиографические романы таких писателей, как Лойзе Ковачич, Витомил Зупан, Марьян Рожанц и другие, стали уже классическими. Из писателей среднего поколения к этому ряду можно добавить Франьо Франчича, Андрея Моровича.

Если рассмотреть специально роль автора в словенских автобиографических романах, то можно заметить следующие типы⁵. Во-первых, это романы, где особо важную роль как организующее начало играет образ автора, действующий в произведении наряду с образами других персонажей. В таких романах автор намеренно демонстрирует свое присутствие, свою волю и

знания. Для него человеческая жизнь на любой стадии ее развития неисчерпаемо богата, и потому он сам и его герой – это скрупулезный исследователь того, что происходит в человеке и мире. Эмоционально-волевая реакция автора задает единый ритм⁶ всему произведению и зачастую подкрепляется четкой аргументацией с использованием литературных цитат, примеров из истории, размышлений философов, различных отступлений, дополняющих образ героя и пр. Ярким примером этому могут служить трилогия Витомила Зупана («Менуэт для двадцатипятизарядной гитары», 1975; «Левитан», 1982; «Комедия человеческой плоти», 1980).

Иные взаимоотношения автора и героя выстраиваются в тех романах, где писатель скрывается за образом повествователя или же самого героя, являющегося одновременно рассказчиком, как, например, в автобиографических романах Марьяна Рожанца («Бабочка», 1981; «Сентиментальные времена», 1985). Автобиография здесь служит писателю лишь конкретным материалом. Открытость чувств, глубина внутреннего самоанализа еще более подчеркивают желание автора поставить во главу угла не анализ собственного развития как человека и писателя, а исследование человеческого общества, активную гражданскую позицию.

Главный герой автобиографического романа Андрея Моровича (р. 1960) «*Vomba la petrolia*» (1989), также не принимает существующей системы ценностей. Поэтому пытается найти себя и свое место в *underground*. Рассказ о блужданиях главного героя полон иронии и даже сарказма в отношении к реальному миру и к собственной жизни (наркотики, конфликты с властями, странствия и т.д.). Подобно аккумулятору он собирает в себе визуальные и звуковые сигналы и передает их читателю, который должен самостоятельно расставить акценты.

Известная российская исследовательница литературы Л. Я. Гинзбург в своей работе «О литературном герое» (Ленинград, 1979) говорит о том, что повышенный интерес к документальности (а следовательно, расцвет автобиографического жанра), как правило, происходит в «периоды разомкнутых границ»⁷. Это подтверждает и словенский роман. К жанру автобиографии обратились и авторы, ранее не писавшие в нем. Так, вслед за романом «Гавжен хриб», в котором весьма сильна автобиографическая составляющая, но преобладает мифопоэтическое начало, и другими, далекими от автобиографизма произведениями, Й. Сной в 1999 г. завершает роман «Господин Пеппи, или ранний поиск имени» (вышел роман в 2000 г.). В нем писатель при сохранении своей индивидуальной манеры поэтического видения продолжает лучшие традиции творчества словенского классика автобиографического жанра Лойзе Ковачича. Для последнего характерно отсутствие в его романах вымысла как такового, материалом для художественного творчества является сама жизнь, исключений весьма мало. Творческое кредо писателя можно

было бы обозначить так: не надо ничего выдумывать, не существует ничего более насыщенного, многозначного и интересного, чем сама жизнь. Это верно как для романов Ковачича, где форма подчинена принципу верности правде жизни (трилогия «Пришлые» 1984–1985 гг. или роман «Детские дела», 2003), так и для произведений, представляющих собой настоящие формальные эксперименты модернистского толка («Пять фрагментов», из которых были опубликованы лишь первые два, 1981).

Своим творчеством Лойзе Ковачич доказал, что чистая автобиография, простое бытописание собственной жизни может из паралитературного жанра превратиться в настоящее художественное произведение высочайшего уровня, сохраняя при этом ценность исторического свидетельства. Особое эстетическое наполнение приобретает описание реально виденного и слышанного самим автором, обладающим настоящим даром художественно точного и смыслоемкого видения факта.

В автобиографических романах⁸ Ковачича можно наблюдать особый тип взаимоотношений автора и героя, отличительной чертой которых является та, что несмотря на желание автора взглянуть на себя при помощи героя глазами другого, с позиции вневходимости создателя художественного произведения, как, например, это делает Рожанц, он всегда возвращается в своего героя как в самого себя, он не может найти какой-либо более-менее устойчивой точки опоры вне своего героя и продолжает оценивать события жизни героя все еще изнутри. Даже при использовании нейтральной формы повествования от третьего лица («Действительность», «Пять фрагментов») писателю никак не удастся отдалиться от внутреннего «я» своего героя. В этих произведениях особо наглядно проявляется роль автора как психологического центра, объединяющего вокруг себя различные проявления действительности в целом.

В основе сюжета романа «Действительность» – реальные события из жизни писателя, который во время своей службы в армии шесть месяцев провел в штрафном батальоне. Здесь Ковачич не берет на себя ответственность напрямую заявить о идентичности своей собственной судьбы и судьбы своего героя, как он делает это в других романах. Вместе с тем, отдалиться от своего героя ни внешне, ни внутренне писатель не захотел.

События романа, характеристика других персонажей, описания обстановки и прочее – всё в романе дано через индивидуально-конкретное, субъективное восприятие главного героя, отнюдь не беспристрастное. Вся информация дается строго в пространственно-временном контексте жизни главного героя.

Безликий повествователь последовательно подчеркивает, что герой «ни секунды не верил в существование... действительности от начала до конца» (106), возможно, поэтому в романе и не разработана эта объек-

тивная действительность. Концепция образа героя представляется нам как чисто субъективное восприятие мира, зачастую ошибочное, но реальное для отдельного человека.

На протяжении романа главной темой является тема человеческих страха и свободы, которая по ходу действия конкретизируется более частными темами – взаимоотношения между осужденными, порядки в армии, изменение общества в связи с историческими событиями и катаклизмами, межнациональные отношения. При этом в романе нет специального намерения разработать эти темы более или менее объективно, хотя и есть претензия на всеобщность. Отдельные замечания и рассуждения на общие темы все равно даны через контекст героя, именно здесь проявляется тот самый всеобъемлющий автор, чья творческая энергия так необходима для завершения художественного образа героя. В иронии, от легкого подтрунивания до полного желчи сарказма, также проявляет автор.

Подобные взаимоотношения автора и героя, а именно автора, который не стремится обособиться от своего героя, и героя, с позиции внутреннего видения которого создается все художественное пространство произведения отнюдь не уникальны. Например, их можно наблюдать в автобиографическом романе «Родина, бледная мать» (1986) писателя, принадлежащего совсем другому поколению, Франьо Франчича (родился в 1958 г.).

Общим началом в творчестве Лойзе Ковачича и Франьо Франчича стала их верность автобиографическому жанру и тяжелая судьба в начале жизненного пути. Позволим себе предположить, что такой тип взаимоотношений автора и героя в некоторой степени обусловлен наличием в сознании писателя некой психологической травмы, которую он хочет преодолеть в своем творчестве.

Особая чуткость к окружающей действительности, поиск и осознание себя в этом мире, своего предназначения, бегство от обыденности; характерные для современного словенского романа, предполагают наличие в нем особого психологического наполнения, склонности к внутреннему напряжению. Отметим, что психологичность для словенского романа традиционна. Вместе с тем, с развитием современной науки, в частности, психоанализа, с усилением влияния восточных философий и учений, с повышением общего уровня осведомленности в подобных вопросах не только писателей, но и читателей – традиционная психологическая составляющая словенского романа выходит на новый уровень⁹.

Миссия автора как психологического единства важна и в романах, написанных отнюдь не в реалистическом ключе, как, например, «Гавжен хриб» Йоже Сноя или антиутопической дилогии Берты Боету. В ее романах «Филио нет дома» (1990) и «Птичий дом» (1995) писательница описывает изолированные от внешнего мира две системы агрессивно-патриархального

общества и пытается развенчать это общество, в котором человек унижен и бесправен, в первом случае – это остров, во втором – край, затерянный в горах. Автор не появляется на страницах диалогии, не влияет на ход повествования открыто. Само повествование состоит из разнородных и разрозненных частей, используются формы рассказа от первого, второго и третьего лица. Однако кроме сюжета и главных героев, здесь чувствуется некая сила, связующая все эти отдельные элементы в единое психо-эмоциональное целое. Главные героини романов вряд ли способны на активный бунт против существующих порядков. И все же диалогия сама становится таким бунтом. Страдания и унижения, бездушные окружающих являются серьезным испытанием для людей, ищущих преданности и чистоты отношений и терпеливо ждущих конца своим мучениям. Через их судьбы автор пытается доказать читателю, что любовь побеждает страх, что духовность более ценна, чем внешняя красота, что и ныне продолжается спор между властью и знанием, как двумя силами, способными менять мир.

Иная ипостась автора, а именно как интеллектуального целого, наиболее выдвигается вперед в произведениях постмодернистского толка, яркими примерами чему служат романы Андрея Блатника «Факелы и слезы» (1987) и Димитрия Рупела «Львиная доля» (1989)¹⁰. Поэтика романов основана на многопластности (полимпсестности), иронии, игре с литературным материалом на глазах у читателя, принципе уже виденного и слышанного, свободе всех возможных связей, равноценности высказываний и интертекстуальности. Используются всевозможные составляющие общеевропейского культурного контекста: одни из них являются краеугольными камнями нашей цивилизации, другие – простыми стереотипами, как положительными, так и отрицательными. Авторы оперируют и сиюминутно значимыми идеями, высказываниями, актуальными в данный конкретный момент. Так, позже Блатник для переиздания решил несколько переделать свой роман, в частности, чтобы убрать некоторые ассоциации и аллюзии, актуальность значения которых была со временем утеряна.

Вместе с тем и в этих произведениях чувствуется стремление писателей апеллировать не к интеллектуальной, а духовной сокровищнице читателя, своего современника.

В романе Драго Янчара «Звонит в голове» (1998) благодаря воле автора в единое повествование сливаются свидетельства живого участника восстания заключенных в Ливаде и молчание древних камней. Тюремное восстание сравнивается с осадой иудейского города-крепости Масады, произошедшей более двух тысяч лет назад и окончившейся самоубийством жителей города. Сама тема преступления, бунта против несправедливости и наказания выдвигает на первый план морально-нравственный аспект. Установившееся в тюрьме «самоуправление» переродилось в тиранию новой вла-

сти, захлебнувшейся в собственной низости, жестокости и разврате; нередко чувства и поступки персонажей сравниваются с животными. Но в этих же людях присутствуют и иные силы. Автора интересуют не исполнение или необходимость внешних норм человеческого поведения, устанавливаемых общепринятой моралью, объектом его внимания становится внутренняя сила, сила воли, сила убеждения, стремление к справедливости, в частности, главного героя-преступника – Кебера.

В словенском романе последней трети XX в. преобладает личностная структура, вместе с тем проблема художественного «я» неразрывно связана с развитием общего понятия о личности в общественном самосознании. Через художественное произведение происходит постановка морально-этических проблем перед читателем и как следствие перед обществом. Через образы авторов в различных словенских романах, через то психологическое, интеллектуальное и нравственное начало, которое заключено в них, можно выявить отражения менталитета романиста как выразителя общенациональных устремлений, индикатор состояния современного общества и культуры. От любого произведения тянутся нити аналогий, соответствий, контрастов, родственных связей по всем направлениям – и в глубину литературного прошлого, и в ширину современной жизни.

Период последней трети XX в. стал для словенского романа счастливым временем преодоления всевозможных табу как идеологических, так и эстетических, но отнюдь не смерти автора. Наоборот, после долгой эпохи ограничений и борьбы с внешними препятствиями он принес словенским писателям ощущение полной свободы, наслаждения творческим полетом.

Примечания

¹ Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб, 2000. С. 11.

² Этот термин был введен в научный обиход М. М. Бахтиным в работе «Автор и герой в эстетической деятельности» в кн.: Бахтин М. М. Автор и герой... С. 41.

³ Примечательно, что Бахтин не видел принципиальной разницы между биографией и автобиографией.

⁴ Понятие это многозначное, разные исследователи вкладывают в него зачастую противоположный смысл: для одних достаточно простого совпадения имен автора и главного героя, даже при определенной фантастичности сюжета; для других – наличие в повествовании реально происходивших событий из жизни автора. Вопрос – что же считать автобиографическим произведением – требует специального досконального исследования, и такие исследования уже ведутся, в частности, в Институте истории словенской литературы и литературоведения САНИ, где в апреле 2009 г. состоялась международная конференция «Словенская автобиография».

⁵ О некоторых из них мы подробно писали в: *Julija A. Sozina, Avtor in glavna literarna oseba v slovenskem avtobiografskem romanu sedemdesetih in osemdesetih let 20. stoletja // Slavistična revija. Ljubljana, 2002. Št. 2. S. 199–217.*

⁶ Единый ритм – придает некоторый единый тон всем высказываниям, приводящий их все как бы к одному эмоционально-волевому знаменателю.

⁷Вероятно, современная разомкнутость эстетических границ отразилась и в дискуссиях о кризисе (смерти) автора.

⁸Кроме названных, также «Мальчик и смерть», 1968; «Действительность», 1972; «Базель», 1989; «Хрустальное время», 1990 и другие автобиографические произведения.

⁹Психологичность сохраняется – естественно, не везде, – но даже во многих так называемых «массовых», а лучше, наверное, будет сказать – «кассовых» опусах.

¹⁰Подробнее об этих произведениях см. наши статьи: *Созина Ю. А.* Постмодернизм в романе Андрея Блатника «Факелы и слезы» // Утопия и утопическое в славянском мире. М., 2002. С. 180–188; *Она же.* Творческая личность: созидатель или разрушитель культурных стереотипов? (на примере творчества словенского писателя Димитрия Рупела) // Науки о культуре в новом тысячелетии: материалы I Международного colloквиума молодых ученых. М.–Ярославль, 2007. С. 69–73.

Номадизм диаспоры в лучах аквамарина

Роман македонской писательницы Тани Урошевич (р. 1939) «Аквамарин» (2004)¹ – яркий пример сложных и тонких размышлений о восприятии славянства и славянского мира как комплексного явления македонской культурной средой. Славянство понимается как категория, объединяющая в себе противоположные тенденции: с одной стороны, оно представляет близость, общность, единство, но с другой – связано и с понятием «инакость»². Образ славянства в Македонии в каком-то смысле проистекает из рецепции русского народа македонской литературой и культурой, в этом контексте существуют и некоторые художественные произведения, воссоздающие образ русского (а иногда и украинского) эмигранта в Македонии³. Автор «Аквамарина» известна в Македонии как прекрасный переводчик всемирно знаменитых русских авторов, но в своем первом романе открывается и как серьезный рассказчик. Жизненный путь русского эмигранта писательница изображает убедительно и достоверно, что в большой степени связано с ее личным жизненным опытом, поскольку сама Таня Урошевич русская по происхождению. Так что серьезный труд Урошевич на ниве перевода великих русских произведений на македонский язык и ее дар рассказчика и выбор сюжета подтверждают связанность искусства и процессов миграции, путешествия, ухода от повседневности. Это явление известно в теории и критике как поэтический номадизм.

Современные культурологи различают два вида номадизма. Один, свойственный интеллектуальному сознанию, воспринимает дом как некое «безвоздушное» пространство, основанное на фрустрациях и существовании, лишенном привычных мотиваций. Как таковой, этот тип номадизма постулирует само путешествие, которое не только освобождает, очищает, но и дает возможность избежать ответственности за свою и чужую жизнь, жизнь наших близких, народа и страны. Другой тип, номадизм мигрантов или диаспор, продиктован политическими и экономическими причинами и обусловлен неприемлемым для субъекта домашним, своим пространством, домом и даже самой идеей дома⁴.

Роман Т. Урошевич «Аквамарин» – это современная одиссея, в которой миф об Одиссее использован как интертекстуальная база для изображения жизненного пути русского эмигранта Бориса Андреевича Кузнецкого, чья «история» дописана в истории его сына Андрея Борисовича Кузнецкого.

Однако миф об Одиссее можно воспринимать и как интертекстуальную основу эмиграции как стиля жизни, как синдрома, усиливающего потребность в определении прошлого своего и своих предков, в выявлении и обозначении своей идентичности и идентичности своего отца⁵. Роман начинается с рождественской сказки о прекрасной дочке богача Елене и человеке, которого приводит в дом ее отец. «Он русский, из «белых». Мы встретились с ним в Янине, и он очень помог мне в одной сделке с австрийцами и греками; отлично знает языки. Порядочно ученый человек... ученый человек... Знаешь, как он разговаривал с теми: с немцами – по-немецки, с французами – по-французски, с англичанами... Что тут скажешь, опытен он, многое в жизни повидал», – говорит отец Елены, представляя гостя⁶. С этим эпизодом в роман входит и Андрей, сын Бориса, потому что именно здесь начинается история, касающаяся и его. В одном из интервью газете «Нова Македонија» (13.10.2004) автор говорит: «Большим заблуждением является то, что мы верим, будто в нашей жизни что-то может быть перечеркнуто, уничтожено, забыто. В каждую минуту своей жизни человек хранит в себе и прошлое, и настоящее, и будущее. Именно поэтому Андрей Кузнецкий, хотя и невольно, должен отправиться на поиски своего прошлого, чтобы постичь собственную целостность, чтобы вернуться к истокам и быть готовым к новым заблуждениям, которые явно ему угрожают».

Борис Кузнецкий, несомненно, является скитальцем и, будучи таковым, должен нести (и жить с ним) сознание потерянной целостности собственной биографии. Автор выстраивает образ своего героя как субалтерного⁷ (маргинального) субъекта, потому что присутствие в нем бунтарского сознания является определяющим. Носителем такого же сознания становится и Андрей, что в постструктуралистской теории могло бы быть обозначено как субалтерный субъект-эффект (субъект как последствие некоего явления)⁸. Борис – эмигрант (но его сын – нет) и потому неминуемо должен воспринять бегство как одну из форм номадизма диаспоры, продиктованную конкретными политическими и экономическими обстоятельствами начала прошлого века в России. «Скитание прерывает и континуальность биографии, жизненного пути»; – говорит писательница К. Б. Колбе в (авто)биографическом тексте «Эгейцы»⁹. Бегство вынуждает нас родиться еще раз. Оно открывает «иные размеры времени и пространства, что иногда может оказаться полезным, ибо дает возможность понять истинную сущность вещей ... Изгнание, которое всегда наступает после некоего поражения, не всегда подразумевает только болезненный опыт»¹⁰, что, к сожалению, не относится к герою романа Урошевич. На изгнание нужно смотреть и как на наказание, и как на свободу, и как на ответственность¹¹. «Если люди не хотят превратить свою дальнейшую жизнь в патологическое притеснение и насильственное лишение памяти, то они не могут жить без воспоминаний о прошлом... Страда-

ние конкретных людей, скитальцев... – это не фикция, не мифология культуры. Это свидетельство их перманентной травмы, которую нельзя оставить в стороне...»¹². Поэтому так важно стремление Тани Урошевич привести своих героев туда, где эта травма была получена. Для Андрея это его родина Россия, а для Бориса – греческий остров Корфу, куда спустя некоторое время герой повторно эмигрирует уже из Македонии. В обоих случаях уничтожается сам образ дома. Для одного то, что является домом, разрушается, а для другого чужбина пытается заменить уничтоженный дом, обновить его, перевоссоздать. Могут ли Андрей и Борис отказаться от сна о доме? Побывав на Корфу, Андрей узнает, что в жизни его отца было всего три больших любви – македонка (мать Андрея Елена), гречанка Навсика и Россия. Покидая Македонию и Корфу, Борис доказывает, что его судьба – это постоянное скитание и бесконечное стремление вернуться домой, хотя бы и ради того, чтобы умереть там, будучи обвиненным в нацизме и осужденным на заключение в сибирских лагерях. И это так, потому что всю свою жизнь он скитался в поисках надежного, твердого, стабильного места, в котором мог бы опознать черты своего «дома». Не найдя «дом» и на Корфу, герой решает вернуться в Россию. «Состояние скитания подразумевает и бунтарскую разорванность, и покорность в обретении нового дома. Единственное, что остается беглецу, чтобы пережить травмы скитания, – это совсем не преодолевать их, а проживать как дрящееся состояние, превратив скитание в веселую жизненную идеологию, чтобы воспринимать шизофрению перманентного бегства как норму и почитать только одного бога – чемодан», – пишет хорватская писательница Дубравка Угрешич¹³. С возвращением обоих героев к месту травмы, которое разрушило, разорило, преобразовало их идентичность, может легко прийти забвение, смирение, окончательное успокоение страстей. Именно поэтому автор дает своим героям возможность понять это. Тоска по истинному дому у Бориса связана с ощущением временности жизни и в Македонии, и на Корфу. Впрочем, как пишет Урошевич, «он никогда и не скрывал, что хочет уехать... на Родину», потому что «каждый в конце концов желает этого». Тоска по настоящему дому у Андрея сопряжена со страхом перед глубокой, тяжелой, как свинец, отцовской тоской:

«Да, возвращение домой... и...

...

А дома? Что ждет его дома? Быть может, и ему судьба приготовила выбор, перед которым несколько раз оказывался и его отец Борис?

...

Все его бытие воплотилось в одно-единственное стремление – достичь своего дома».

«Скитальцу, бегущему из другого географического пространства, другой страны (каковым является белогвардеец Кузнецкий. – В. М.), сразу ста-

новится совершенно ясно, что он не просто оставил свое пространство, а отдалился от своего начала», — пишет К. Колбе¹⁴. Но еще более поражает большое сознание героя то, что с этого момента и до конца своей жизни он, скиталец, должен нести с собой всю историю прожитой жизни. «Он должен нести эту историю с собой. Она легитимирует и регулирует его существование, делает его основательным. Он, как Сизиф, отягощен его драгоценностью и только ему очевидным богатством воспоминаний». «Чужестранец, скиталец, — продолжает размышлять Колбе, — это не «фрагмент», хотя в новых обстоятельствах он неминуемо должен стать таковым, то есть человеком, созданным из раздробленных частей». «Беглец, он все же не лишен определенности. Он не представитель некоей группы людей, а человек с собственным бытийным содержанием»¹⁵. Значит, Борис Кузнецкий оставляет некое интимное, знакомое, уютное пространство и вступает в пространство, наполненное неопределенностью. «Такая перемена, подобный переход границы меняет и характер человека, — говорит П. Занини, — за границей мы становимся иностранцами, эмигрантами, отличными не только от других людей, но иногда и от самих себя. А возвращение в точку, с которой мы начали путешествие, не означает, что мы всегда обязательно найдем там все то, что оставили»¹⁶. Носителем этого ощущения являются герои романа Урошевич: таков Борис, но от этого чувства хочет освободиться и Андрей. Осознание своего происхождения — это единственный для Бориса способ понять собственную идентичность. «Каждый чужестранец является беглецом, уходящим от своей прежней жизни, человеком без корней, наконец, человеком, лишенным основы, неуверенным. Чем больше его отчаянье, тем с большим сомнением смотрят на него другие люди... Чужой, скиталец — один из немногих, кто не может избежать своего прошлого, потому что только оно является его единственной опорой»¹⁷. Воспоминания о детстве Андрея неминуемо означают и обращение к воспоминаниям его отца о своем происхождении. Так, образ голубого камня — аквамарина в роскошном перстне, хранящемся как реликвия в семействе Бориса, а потом и Андрея, — символизирует их дворянское происхождение. Значение дома или то, что мы пытаемся определить как «дом», неотделимо от психологического аспекта. Невозможность ощутить хоть какое-то пространство как дом нарушает психическую целостность Бориса, а затем и Андрея. «Поэтика родного края имеет широкое значение, — замечает македонская исследовательница Л. Георгиевская-Яковлева. — Кроме того, что она связана с историческими реальными местами и группами людей, принадлежащими определенной нации, пространство родины получает поливалентную семантику, в которой мотив страсти к недостижимой родине заменяется, как компенсацией, страстью к любимой женщине»¹⁸. Именно к этому стремится и Борис. Своей любовью к женщинам — македонке и гречанке — он пытается излечить лю-

бовь к России, хотя в детской головке сына эта отцовская любовь выглядела совсем иначе: «...свою мать Елену он воспринимал всегда *страдалицей, невинной жертвой*. Отца – *печальным проигравшим человеком*, более того, *виновником* многих неудач в их жизни. Но о любви, о страсти между ними Андрей никогда не думал»¹⁹ (Курсив наш. – В. М.). Страсть к стране или к женщине Борис передал и своему сыну. Или же Андрей генетически воспринял это от своего отца, как и «его необычные для этих земель светлорусые волосы и синие глаза»²⁰. Поэтому Тяня Урошевич трансформирует тоску Бориса по дому и родине в эротическое чувство «дома» у Андрея. На это указывает литературовед А. Банович-Марковская, когда говорит о том, что Урошевич использует смелую любовно-эротическую манеру письма²¹.

Таким образом, роман Тани Урошевич «Аквамарин» подтверждает постоянный интерес македонской культуры к менталитету русского народа, который, являясь славянским, настолько же близок македонцам, насколько и мало им известен²².

Примечания

¹ Урошевиќ Т. Аквамарин. Скопје, 2004.

² Образ славянства в македонской литературе имеет амбивалентный характер, с одной стороны, это образ чего-то иного и до известной степени чужого, а с другой стороны, этот образ включает в себя и представления о себе, о своем истоке (в смысле старославянского слова «источник»), о своих корнях и о едином значительном, базовом слое самоидентичности. В связи с этими причинами картина славянства в македонской культуре – явление комплексное, объединившее образы внешние и внутренние, себя и другого, своего и чужого одновременно. См.: Стојменска-Елзесер С. Споредбена славистика. Скопје, 2005. С. 193; Тодорова М. Замислувајќи го Балканот. Скопје, 2001; *Inden R. Imagining Indija*. Oxford and Cambridge, 1990; *Hentsch T. Imagining the Middle East*. Montreal and New York, 1992; *James G. Carrier. Occidentalism: Images of the West*. New York, 1995.

³ Речь идет о романах: Србо Ивановского (р. 1928) «Жена белогвардейца» (2001), Томе Арсовского (р. 1928) «Зубы ветра» (2003) и Тани Урошевич «Аквамарин». «Можно говорить об образе русского человека, подавленного идеологией сталинизма, об образе русского белогвардейца, эмигранта, беженца, аристократа, нашедшего укрытие в Македонии», – подчеркивает С. Стойменская-Елзесер. См.: Книжевни стереотипи (Рускиот емигрант во македонската проза). 2003. С. 199–210.

⁴ См.: *Гурчинова А. Поимот на границата во миграциската естетика* // XXXIV Научна конференција на XL Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје, 2008. С. 231–237.

⁵ См.: *Бановиќ-Марковска А. Светот со боја на аквамарин* // Групен портрет. Скопје, 2007.

⁶ Урошевиќ Т. Аквамарин. С. 16.

⁷ Понятие «субалтерный» означает незлитные или подчиненные социальные группы, к которым во время Октябрьской революции и после нее относились белогвардейцы, приверженцы монархии. См.: *Чакраворти Спивак Г. Субалтерни студии. Деконструирајќи ја историографијата* // *Чакраворти Спивак Г. Постколонијална критика*. Скопје, 2003. С. 45–101.

⁸ Там же. С. 65.

⁹ *Колбе К. Б. Егејци*. Скопје, 1999.

¹⁰ См.: *Zanini R.*. Знасења границе. Београд, 2002. С. 67.

¹¹ Там же. С. 68.

¹² *Hentsch T.* Imagining the Middle East. P. 12.

¹³ Цит. по: *Георгиевска-Јаковлева Л.* Поетика на егзилот // Книжевноста и културната транзиција. Скопје, 2008. С. 87–88.

¹⁴ *Колбе К. Б.* Егејци. С. 23.

¹⁵ Там же. С. 23, 30–31.

¹⁶ *Zanini R.*. Знасења границе. С. 21.

¹⁷ *Колбе К. Б.* Егејци. С. 31–32.

¹⁸ *Георгиевска-Јаковлева Л.* Поетика на егзилот. С. 85.

¹⁹ *Урошевиќ Т.* Акварин. С. 152.

²⁰ Там же. С. 34.

²¹ *Бановиќ-Марковска А.* Светот со боја на акварин. С. 134.

²² Тајке см.: *Vusek E.* Отворена карија ка истоку. Београд, 2007; *Њиши А.* Миграциите и литературата (сегашни и живо доба) // Идентитети. Скопје, 2004. Бр. 1; *Угрешиќ Д.* Забрането читање. Скопје, 2002; *Шелева Е.* Дом / идентитет. Скопје, 2005.

Словарь и структурно-семантические особенности стихотворений Н. Языкова о водной стихии

Большую часть пейзажной лирики Николая Языкова составляют стихи, посвященные водным пространствам, потокам и источникам. Поэт пишет о реках, ручьях, родниках, горных ключах, водопадах, озерах, прудах и, конечно, о морских просторах. Строки, которые включают соответствующую лексику, многочисленны, принадлежат произведениям разных жанров, написанных в ранний и зрелый периоды творчества Языкова. В совокупности эти строки формируют яркий, многоликий образ водной стихии у поэта. Приведем некоторые из них, не касаясь пока собственно морской тематики¹: Прекрасно *озеро Чудское*, Когда блистательным столбом Светило искрится ночное В его кристалле голубом («Две картины», 1825); Прохладен воздух был; в стекле спокойных *вод* Звездами убранный лазурный неба свод Светился («Вечер», 1826); Там, под горой, едва-едва Бежит, журчит *ручей* стеклянный («Ночь», 1827); Чу! Как ярко и проворно, Вон за этою *рекой*, Повторяет отзыв горный Звук волынки полевой! («Утро», 1831); И *воды* пышно заструились, Играя отблеском небес («Молитва», 1835); Небо знойно, воздух мутен, Горный *ключ* чуть-чуть журчит («К стихам моим», 1839); Твое житье легко и пышно, Как милый цвет в тени затишной, У *родника* стеклянных вод! («Николаю Васильевичу Гоголю», 1841); В тени громад снеговых вершинных, Суровых, каменных громад Мне тяжело от дум кручинных: Кипит, шумит здесь *водопад*, Кипит, шумит он беспрестанно, Он усыпительно шумит! («Элегия», 1843).

Развернутый образ ручья предстает в стихотворении с названием «Ручей» (1827): И лес пробудится дремучий, И в чаще ходит шум глухой – Здесь и тогда, *ручей* гремучий, Твой говор слышен волновой!² А в некоторых стихотворениях упоминается сразу несколько разных водных пространств: Там у *пруда*, на бархате лугов, Где обогнул *залив* голубоводный Зеленый скат лесистых берегов («Воспоминание об А. А. Воейковой», 1831); Сбежали с гор на дол глубокие снега; *Ручей*, усиленный водами, Сверкает и кипит гремучими волнами И пеной плещет в берега. ... И вас зову сюда – под мой наследный кров, Уединением богатый ... И к *речке*, шепчущей под сумраком раки, И к зыбким берегам («Языковой Наталье Алексеевне», 1836). В одной из лучших пейзажных зарисовок Языкова – стихотворении «Тригорское» (1826) – неоднократно встречаются слова *река*, *озера*, *воды*, гидроним *Сороть* и др. наименования водной семантики: В стране, где *Сороть* голубая, Подруга зеркальных *озер*, ... *Водами* ясными поит Поля, украшенные нивой, – Там, у раздо-

ля, горделиво Гора трихолмная стоит; На той горе, среди лощины, Перед лазоревым прудом, Белеется веселый дом.

В поэзии Языкова весьма частотны слово *река* и обозначения конкретных рек – протекающих не только в России, но и в других странах. Это *Волга, Нева, Буг, Прут, Дунай, Рейн, Нил* и др. Рожденный на Волге, Языков особенно часто писал об этой реке, называя ее «властительницей вод», «царицей русских вод». Саму родину он не мыслил без Волги:

Краса полуночной природы,
Любовь очей, моя страна!
Твоя живая тишина,
Твои лихие непогоды,
Твои леса, твои луга,
И *Волги* пышные берега,
И *Волги* радостные воды –
Всё мило мне, как жар стихов.

(«Родина», 1825)

Ср. строки из известной языковской «Песни» (1827):

Из страны, страны далекой,
С *Волги-матушки* широкой,
Ради сладкого труда,
Ради вольности высокой
Собралися мы сюда.

Особенно яркий и географически точный портрет Волги, текущей: Между холмов, и гор, и долов многоплодных До темных Каспия зыбей, – Языков дает в одном из поздних стихотворений – «К Рейну» (1840)³. Представляясь Рейну: Я волжанин: тебе приветы Волги нашей Принес я, – поэт образно именуется ее притоки – «подручниц и князей», «данников и данниц величавой, Державной северной реки». насыщая стихотворение эпитетами, олицетворениями, поэт стремится в описании каждой реки: Тверцы, Оки, Суры, Свияги, Камы, Черемшана и др. – быть точным и выразительным:

Тебе привет *Оки* поемистой, дубравной,
В раздолье муромских песков
Текущей царственно, блистательно и плавно
В виду почтенных берегов ...
Суры-красавицы, задумчиво бродящей,
То в густоту своих лесов
Скрывающей себя, то на полях блестящей
Под опухалом парусов;

Связи пажитной, игривой и бессонной,
Среди хозяйственных забот,
Любящей стук колес, и плеск неугомонный,
И гул работающих вод.

С приведенными строками перекликаются строки из стихотворения, написанного годом раньше:

И, поэт из стран далеких,
С вод глубоких и широких,
С вод великих, с волжских вод,
Я тебе, многовенчанный
Старец Рейн, венок неожиданный
Из стихов моих совью!

(«Девятое мая», 1839).

Сравнивая Волгу с морем: Где Волга, как море, волнами шумит («Моя родина», 1822), – поэт уподобляет ей, ее водам разные явления из мира природы и человека: Шумел, трещал прибрежный лес И, словно, Волга, волновался («Разбойники», 1824); Пусть, неизменен, жизни новой Приду к таинственным вратам, Как Волги вал белоголовый Доходит целый к берегам («Молитва», 1825).

В водных пейзажах Языкова отмечаются новаторские черты, на которые обращают внимание исследователи. По наблюдениям М.Эпштейна, «плавание, купание, ныряние, прямое телесное соприкосновение с упругими волнами, заражающее бодростью и весельем, – наиболее характерный мотив, разрушающий прежнюю статичность водного пейзажа. Именно у Языкова впервые в отечественной поэзии запечатлен прямой осязательный контакт человека с природой – не видение или слышание, а прикосновение, объятие, телесная близость и слияние»⁴. Этот мотив присутствует уже в ранней лирике поэта. В упоминавшемся стихотворении «Тригорское» отношения между авторским «я» и рекой, наслаждение от соприкосновения со студеными речными водами выражены романтически возвышенно, с использованием целого ряда слов, восклицательных конструкций, передающих особое состояние духа, положительные эмоции, переполняющие поэта:

Туда, туда, друзья мои!
На скат горы, на брег зеленый,
Где дремлют Сороты студеной
Гостеприимные струи ...
Одежду прочь! Перед челом
Протянем руки удалые

И бух! – блистательным дождем
 Взлетают брызги водяные.
 Какая сильная волна!
 Какая свежесть и прохлада!
 Как сладострастна, как нежна
 Меня обнявшая наяда!
 Дышу вольнее, светел взор,
 В холодной неге оживаю,
 И бодр и весел выбегаю
 Травы на бархатный ковер.

Более сложное звучание названный мотив получает в стихах Языкова о море. Показательно в этом смысле стихотворение с соответствующим названием – «Морское купанье»:

Из бездны морской белоглавая встала
 Волна, и лучами прекрасного дня
 Блестит, подвижная громада кристалла,
 И тихо, качаясь, идет на меня.
 Вот, словно в раздумьи, она отступила,
 Вот берег она под себя покатила,
 И выше сама поднялась, и падет;
 И громом, и пеной пучинная сила,
 Холодная, бурно меня обхватила,
 Кружит, и бросает, и душит, и бьет,
 И стихла. Мне любо. Из грома, из пены
 И холода – легок и свеж выхожу,
 Живее мои выпрямляются члены,
 Вольнее дышу, веселее гляжу
 На берег, на горы, на светлое море.

В описанном здесь соединении поэта с морем просматривается характерное для Языкова восприятие моря как живой, переменчивой, контрастной по своей природе стихии, которая может быть и спокойной, ясной и грозной, свирепой, опасной (вспомним: В *роковом* его просторе Много бед погребено). Однако и бурное, грозное море *любо* поэту – оно возрождает его физически и эмоционально (заметим, что разговорное слово *любо*, т. е. ‘по душе, приятно, нравится’, вносит в текст оттенок особой близости поэта с морем). Примеры из двух стихотворений ясно показывают специфическое, по мнению И. М. Семенко, свойство поэтики Языкова (фольклорное по своей природе) – намеренную избыточность. В избытии эпитетов, слов действия, присоединительных конструкций «выражается размах, удаль, безграничность возможностей, мощь поэтического дыхания»⁵. Добавим также, что

в стихах о морском купанье названное свойство непосредственно использовано в описании контакта поэта с морем: он выражен по-языковски энергично, с помощью целого ряда глаголов активного направленного действия: пучинная сила меня *обхватила, кружит, и бросает, и душит, и бьет*⁶.

Вторым из приведенных примеров мы уже затронули многогранную морскую тему в поэзии Языкова. Далее коснемся некоторых других ее аспектов.

Картины моря представлены, в основном, в стихотворениях, написанных в 1830–1840-е гг. (в это время Языков жил в Москве и за границей, где лечился от тяжелого недуга). Среди них три стихотворения с названием «Пловец» («Нелюдимо наше море...», 1829; «Воют волны, скачут волны!..», 1831; «Еще разыгрывались воды...», 1839), которые можно рассматривать как вариации на тему «человек и стихия», как некие вехи на творческом пути поэта; «Буря» (1839), «Морская тоня» (1839), «Корабль» (1839), «Маяк» (1839), «Морское купанье» (1840), «К Рейну» (1840), «Песня балтийским водам» (1841), «Море» (1842). Плодотворным в создании стихов на морские мотивы стал для Языкова проведенный в Ницце декабрь 1839 г., в течение которого были написаны «Ницца Приморская» (10 декабря), «Буря» (15 декабря), «Морская тоня» (17 декабря), «Корабль» (18 декабря), а также «Маяк» и «Переезд через приморские Альпы».

Из названных стихотворений самое известное (и одно из лучших) – это первый, ранний «Пловец», отразивший Божий мир «отчетливо-крупно» (С. Б. Рассадин). Уже в нем морской пейзаж несет в себе черты собственно языковской поэтики – он предгрозовой, предугаанный: Будет буря: мы поспорим И помужествуем с ней. Вольнолюбивый подтекст, обнаруживаемый в «Пловце», сближает Языкова с другими поэтами, в творчестве которых утверждается связь между морем и свободой⁷. Сравнивая, однако, морские пейзажи Языкова и, например, М. Ю. Лермонтова, в частности стихотворения «Пловец» и «Парус», можно заметить, что герой первого преисполнен инстинктивного и мощного стремления к свободе, «счастлив самой возможностью “мужествовать”. Он просит бури безо всяких “как будто”, для него даже цель, даже берег – не главное. Правда, будет сказано о “блаженной стране”, то ли о некоем символе обетованности, то ли о метафорической гавани, – но лишь затем, чтобы заключить: ...туда выносят волны Только сильного душой!»⁸.

Предчувствие бури и само начало ее позднее не раз будут описаны по-этом, а слова *буря, гром, тучи, пучина* (в значении ‘водная глубь, морская бездна’), *бездна* (как синоним *пучины*), элементы бурного романтического пейзажа, станут ключевыми в его морском лексиконе: *Буря* будет, тучи грянут, И *пучина* заревет («Морская тоня»); Но *бездна* морская уже негодует, Ей хочется света, и ропщет она, И скоро, могучая, встанет, грозна ... В черных тучах блеснули огни, И гром загудел. Начинается *буря* («Буря»).

Морские пейзажи, отдельные картинки и просто упоминания моря носят у Языкова и конкретный, и абстрактный характер (во втором случае навеянный обычно реальными впечатлениями поэта). Ср.: Он [пловец] отплыл рано. Когда дремали небеса И в море блеск луны багряной Еще дрожал («Пловец», 1839); Люблю смотреть на сине море («Корабль»); Меж морем и небом, на горной вершине («Маяк»); Море ясно, море блещет («Морская тоня»); Пою вас, Балтийские воды! вы краше Других, величайших морей ... вы мне краше Всех южных и северных вод Морских («Песня балтийским водам»); Ее [Волги], ... простершей ход свой славный ... Между холмов, и гор, и долов многоплодных До темных Каспия зыбей! («К Рейну»). В таких зарисовках само существительное *море* часто выступает в сочетании с эпитетами (это показывают и приведенные примеры): *ясное, светлое, бурное, свирепое, лазурное, синее* (в основном, в фольклорной форме *сине море – море сине*), причем некоторые эпитеты сочетаются и с другими обозначениями моря, например: *бурная пучина, бурные воды, синяя бездна*⁹. Прилагательное *морской* соединяется с существительными разной семантики: *морская бездна, морское купанье, морская тоня*, ср. также *морские обитатели, морские гады, морской сор, морской паук, морской блин* – сочетания, придающие реалистичность картинам рыбацких будней. Кроме рассмотренных и названных выше слов, в общее семантическое поле моря, и шире – водных пространств, входят у Языкова и такие наименования, как *вода* и *воды, волна, вал, дно, берег, пловец, плаватель, ладья, корабль, челн, парус* (и *паруса*), *пристань, флоты, маяк*. Многие из них получают свое лексическое сопровождение в виде признаков слов, среди которых есть повторяющиеся: *воды синие, глубокие, широкие, волны синие, грозно-тихие, шумные, стеклянные, вал белый, дно далекое, скупое, ладья быстрокрылая, челн послушный, легкий, парус полный* и т. д. В отдельных текстах эти слова представлены массово, иногда вступают друг с другом в рифменные отношения, подчеркивая общую семантику стихотворения. См. симметрично построенные первую и последнюю строфы из второго стихотворения «Пловец»:

Воют волны, скачут волны!
Под тяжелым плеском волн
Прям стоит наш парус полный,
Быстро мчится легкий челн,
И расталкивает волны,
И скользит по склонам волн!

Блещут волны, скачут волны!
Под стеклянным брызгом волн
Прям стоит наш парус полный,
Быстро мчится легкий челн,
Раздвигая сини волны
И скользя по склонам волн!

Отметим, что третье стихотворение с этим же названием строится на смысловых рифмах: *воды – непогоды, вал – рокотал, волн – челн, брег – ночлег* и др.

Море как природная стихия часто приобретает у Языкова антропоморфные черты. В некоторых стихотворениях это особенно заметно. Например, в первой строфе «Бури» персонифицируется морская бездна, которая уже *негодует* и *ропщет*. Этот образ развивается во второй строфе, где оживают громады волн, приобретая человеческие черты и эмоции. Одушевление моря выражено здесь в характерно языковском стихотворном периоде, подчеркивающим нарастание эмоций, которое сопровождается и звуковыми переключками. В результате строки получают поистине державинское звучание:

Великую силу уже подымая,
Полки она строит из водных громад,
И вал-великан, головою качая,
Становится в ряд, и ряды говорят;
И вот, свои смуглые лица нахмуря
И белые гребни колебля, они
Идут.

В стихотворении «Маяк» грозное море тоже предстает живым существом – его волны сравниваются с руками: Встает ли свирепое море волнами, Волнами хватая тебя, как руками, Обрушить тебя в глубину: ты стоишь! Этот образ получает завершение в последней строке стихотворения: И бурное море тебе рукоплещет! Ср. и образы в «Морском купанье»: словно в раздумьи, она [волна] отступила, пучинная сила ... меня обхватила.

Еще один яркий пример такого рода находим в стихотворении «Море», хронологически завершающем морскую лирику Языкова. В основе его типичная для поэта контрастная композиционная модель. В начале стихотворения море как природное явление предстает в спокойном состоянии: Струится и блещет, светло, как хрусталь, Лазурное море, – а потом, в картине-предупреждении кормчему, оно оживает, приобретая черты страшного, неожиданного в своих проявлениях существа:

Ведь море лукаво у нас: неравно
Смутится и вдруг обуюет оно,
И страшною силой с далекого дна
Угрюмая встанет его глубина,
Расходится, будет кипеть, бушевать
Сердито, свирепо – и даст себя знать!

В этом стихотворении отмечаются и черты персонификации корабля:

Но, кормчий, пускайся весело в путь,
Смотри ты, надежна ли медная грудь,

Крепки ль паруса корабля твоего,
Здоровы ль дубовые ребра его?

Стихотворения водной, в особенности морской, тематики принадлежат к тем произведениям Языкова, которые подчеркивают смысловое и эмоциональное единство его творчества. Обнаруживая истинное поэтическое новаторство, они объединяются определенным лексиконом, набором «ощутительных», по выражению самого поэта, образов, характерными приемами построения текста и энергией стиха. К лучшим из этих произведений могут быть отнесены слова, когда-то сказанные Иваном Киреевским о Языкове: «... господствующее чувство его поэзии есть какой-то электрический восторг, и господствующий тон его стихов – какая-то звучная торжественность».

Примечания

¹ Примеры даны по изд.: Языков Н. М. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. (Б-ка поэта. Большая серия).

² В стихотворении речь идет о ручье в деревне Камби (Камбья) под Дерптом, где Языков отдыхал летом 1827 г. по приглашению генерала Кноринга. В письме к матери поэт сообщал: «Здесь все ... благоприятствовало тишине и уединению моего духа: кругом лес, в нем грибы, сои [сойки. – Л. Ш.], белки и совы; под горой ручей холодный, как лед, возле него скамья для спанья после сельского обеда, над нею тени деревьев и шорох листьев, так сладко и так упоительно сливающийся с говором воды, что спишь словно в раю» (Языков Н. М. Стихотворения и поэмы. С. 536–537). См. также стихотворения «К Вульффу» («Теперь я в Камби, милый мой!...», 1827) и «Камби» («Там, где внизу горы извивистый ручей...», 1831).

³ Публикация этого стихотворения в журнале «Москвитянин» сопровождалась примечанием редакции: «“Современник” предупредил “М-на” в напечатании этих прекрасных стихов. Впрочем, мы думаем, что и тот и другой журнал, имея свой круг читателей, не помешают друг другу. Да не обвинят, однако, нас в перепечатании: свой экземпляр мы получили от Автора» (Языков Н. М. Стихотворения и поэмы. С. 555).

⁴ Эштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990. С. 216.

⁵ Семенко И. М. Языков // Поэты пушкинской поры. М., 1970. С. 216.

⁶ Ср. этот прием в стихотворении на другую тему: Молодое сердце бьется, То притихнет и дрожит, То проснется, встрепенется, Словно выпорхнет, взвостается И куда-то улетит! («Кубок», 1831).

⁷ Подробнее см.: Федоров Ф. П. Море в русской лирике 1820–1830-х годов // Славянские чтения. III. М., 2003. С. 34–62.

⁸ Рассадин С. Б. Предисловие // Языков Н. М. Стихотворения. М., 2001. С. 11.

⁹ Стоит отметить, что прилагательное бурный – одно из наиболее частотных в поэтическом словаре Языкова. Оно сочетается также со словами лад, товарищ, конь, юность, беседа, жар объятий и др. (подробнее см.: Шестакова Л. Л. Содержание и особенности поэтической речи Н. М. Языкова (к 180-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 1983. № 2. С. 66–67).

Н. А. Фатеева

Растворенный прием: между обнажением и маскировкой (О творческой установке Владимира Набокова)

«...разница между комической стороной вещей и их космической стороной зависит от одной свистящей согласной».

В. Набоков «Лекции по русской литературе»

Начиная со знаменитой работы В. Б. Шкловского «Искусство как прием» (1917), в которой были введены понятия «остраннения» и «затрудненной формы»; под приемом начали понимать намеренное введение автором в текст таких элементов языковой организации, которые бы заставляли читателя маркировать определенные фрагменты художественного текста как требующие особой эстетической семантизации. В то же время формалистами и футуристами была заявлена установка на «обнажение приема», в том числе и чужого. Если такое «обнажение приема» получало комическое осмысление, то произведение превращалось в пародию или автопародию. Однако парадокс художественного мышления состоит в том, что ошутимость приема всегда противостоит его маскировке, и, чтобы избавить прием от автоматизации или комического восприятия, автор, «предупреждая это ощущение, ... обнажает прием»¹.

Одним из выдающихся мастеров как «обнажения», так и «маскировки» приема был В. Набоков, о котором В. Ходасевич в эссе «О Сирине» (1937) писал, что «Сирин не только не маскирует, не прячет своих приемов, как чаще всего поступают все и в чем Достоевский, например, достиг поразительного совершенства, – но напротив: Сирин сам их выставляет наружу, как фокусник, который, поразив зрителя, тут же показывает лабораторию своих чудес. ... Сирин их потому не прячет, что одна из главных задач его – именно показать, как живут и работают приемы»². Однако, хотя Ходасевич и уловил основное направление развития творческого метода В. Набокова в сюжетном плане, он почти что не обратил внимания на собственно языковую составляющую его произведений, которая как раз репрезентирует явление «растворения приема», прежде всего на уровне звуковой, лексико-семантической и ритмико-синтаксической организации текста. А именно, в его романах уравниваются так называемые ассимилирующая и диссимилирующая тенденции, связанные, по мысли О. Ронена, соответственно с

«языковой омонимикой и поэтическим “обнажением приема”» и «с языковой синонимикой и поэтическим приемом “остранения”»³. В этом случае собственно поэтическая рефлексия В. Набокова над своим языком, хотя и имеет метапоэтическую направленность, однако выводит читателя в область непредсказуемых смыслов. Сам тот факт, что каждый читатель обнаруживает все новые и новые художественные набоковские коды (= ходы), говорит о том, что «аналитичность» его художественных конструкций лишь мнимая: на самом же деле они имеют иррациональную природу, отличающую произведение настоящего искусства.

Недаром наиболее активной зоной языковых «ловушек» и композиционных трансформаций Набокова, как показывает анализ, являются языковые элементы, относящиеся к семантическому полю «остроты зрения», что объясняется особым вниманием писателя к концепту «взгляда художника». Так, оказывается, что основная неудача криминального романа Германа – главного героя «Отчаяния» – кроется как раз в том, что портрет, который рисует с него художник, остается долгое время «без глаз», в то время как «палка Феликса», подчиняясь «оптическому фокусу» Набокова, оказывается с «глазком». Напомним, что именно эта «палка» и является главной уликой при раскрытии преступления этого пишущего «криминалиста». Так сам Набоков понимал «мошенничество, возведенное в колдовство» (Беседа Владимира Набокова с Пьером Домергом).

Задача лингвистической поэтики – раскрыть все авторские «улики» так, чтобы не исказить реального соположения элементов в тексте, заданного его творцом. В этом смысле поэтика в какой-то мере действительно уподобляется (как об этом не раз писал В. Набоков) криминалистике, которая должна воссоздать целостную картину языковых «нарушений» против ранее заданных правил, при этом сама не оставляя следов своего расследования. Значимые же «нарушения» писателя и есть его языковые маркеры (сигналы «обнажения»), и именно их надо «прикрыть» «растворением приема». Неслучайно у Набокова так много «водных» метафор, провоцирующих разные семантические отражения. Данное явление сам Набоков выводит из глубины текста на его метатекстовую поверхность, описывая в романе «Приглашение на казнь», как его герой Цинциннат, постепенно овладевая мастерством словесного искусства, «преступным чутьем» догадывался о том, «как складывают слова, как должно поступить, чтобы *слово обыкновенное оживало*⁴, чтобы оно заимствовало у своего соседа его блеск, жар, тень, *само отражаясь в нем и его тоже обновляя этим отражением*, – так что вся строка – живой перелив»⁵ (IV, 52–53).

Подобное «растворение» и «переливание» возможно благодаря тому, что в прозаических произведениях В. В. Набокова, на первый план выходят такие параметры организации, которые не обусловлены прямой проекцией в

действительность, а выводят читателя в широкую область поэтического, не имеющего подобия в обыкновенном языке. И даже наоборот: сама «действительность» прозаических текстов создается из предшествующей поэзии. Так, в одном из фрагментов романа «Приглашение на казнь» В. Набокова образ сплошного ряда фонарей («можно было различить, как, *постепенно наизываясь, зажигались бусы фонарей* вдоль Крутой» (IV, 95)) строится на основе генитивной метафоры, отсылающей к раннему стихотворению М. Цветаевой (1916) «Ты запрокидываешь голову...» (Помедлим у реки, полощущей / *Цветные бусы фонарей.* / Я доведу тебя до площади, / Видавшей отроков-царей)⁶, а само это соотнесение позволяет понимать текст Набокова на более глубинном уровне, который выстраивается в связи с другими строками из того же цветаевского стихотворения (*Торжественными чужестранцами / Проходим городом родным*). Ведь образ «чужестранца в родном городе», во сне путешествующего по недосыгаемой России, – один из определяющих в прозе и поэзии Набокова.

В то же время глубоко поэтическое всегда соседствует у Набокова с пародией и буквально «растворено» в ней. Как отмечено в моих предшествующих работах, в повестях и романах Набокова ключевые слова или устойчивые выражения развивают свой поэтический потенциал и становятся текстопорождающими. Кроме «телефона» и «лестницы», реализующих в пространстве набоковских текстов («Защита Лужина», «Дар», «Камера обскура», «Другие берега») функцию локальной и дистантной «связи» (заданную их поэтической семантикой), специальное внимание обращают на себя «кушетка» и «постель», так как именно они являются локусами, где героев настигают порывы «стихотворчества»⁷. Эти предметы могут сами включаться в образные контексты, как в «Даре» (Он (Федор Годунов-Чердынцев) лежал и курил, и потихоньку сочинял, наслаждаясь *утробным теплом постели*, тишиной в квартире, ленивым течением времени; III, 139), или иррадиировать метафорическое пространство вокруг себя, наделяя его способностью к сотворчеству или подражанию. К примеру, мысли Федора подобно ему укладываются «на ночь» (*Когда же он лег в постель, только начали мысли укладываться на ночь*, и сердце погружаться в снег сна (*он всегда испытывал перебои, засыпая*), Федор Константинович рискнул повторить про себя недосочиненные стихи, – просто, чтобы еще раз порадоваться им перед сонной разлукой; III, 51), а далее иносказание развивается в том направлении, что место зарождения замысла само приобретает признаки текста: ср. *Постель обратилась в пародию постели* (III, 141). Иными словами, «постель» порождает вокруг себя зону метонимических и метафорических переносов, связанных с самим процессом творения текста – от зарождения мысли (в утробе постели) до ее замирания и почти что реального слияния с самой «постелью» за счет обратного действия мысли на действительность (т. е.

внесения пародийного элемента). Таким образом, получается, что рождение образного смысла в набоковском тексте тесно взаимосвязано с самой идеей языкового творчества.

И здесь Набокову часто на помощь приходят уже готовые образцы. Так, собираясь на «ловитву слов», мечтая «высказаться по-настоящему» или «затравить слово», Цинциннат использует «пожарную» (ср. в поэме «Облако в штанах») и «испепеляющую» метафорику Маяковского: «Увы, никто не учил меня этой ловитве, и давно забыто древнее врожденное искусство писать, когда оно в школе не нуждалось, а *разгоралось и бежало как пожар, ...*» (IV, 52). Правда, и у самого Набокова есть довольно раннее стихотворение «Олень» (1923)⁸, в котором соединены образные парадигмы «ловитвы», «горения» и поиска «слов»:

Слова – мучительные трубы,
гремящие в глухом лесу, —
следят, перекликаясь грубо,
куда я пламя пронесу.

Но что мне лай Дианы жадной,
ловитвы топот и полет?
Моя душа – олень громадный —
псов обезумевших стряхнет!

Страхнет – *и по стезе горячей*
промчится, распахнув рога,
сквозь черные ночные чаши
на огненные берега!

Это стихотворение также получает своеобразное отражение в «Приглашении на казнь», когда Цинциннат пишет о себе: «Я не простой... я тот, который жив среди вас... *Не только мои глаза другие, и слух, и вкус, – не только обоняние, как у оленя, а осязание, как у нетопыря, – но главное: дар сочитать все это в одной точке... Нет, тайна еще не раскрыта, – даже это – только огниво, – и я не заикнулся еще о зарождении огня, о нем самом*» (IV, 29).

Однако далее в тексте романа «ловитва слов» переносится Набоковым в «водную стихию», где принимает другой «облик добычи»: «Слово, извлеченное на воздух, *лопается, как лопаются в сетях те шарообразные рыбы, которые дышат и блистают только на темной, сжатой глубине. Но я делаю последнее усилие, и вот, кажется, добыча есть, – о, лишь мгновенный облик добычи!*» (IV, 53). Не случайно и сам пишущий герой часто ощущает себя не заключенным в камере, а плавающим на лодке или уходящим на глубину. Ср.: «Тут стены камеры начали выгибаться и вдавливаться, как

отражения в поколебленной воде; директор забылся, койка превратилась в лодку. Цинциннат схватился за край, чтобы не свалиться, но уключина осталась у него в руке, – и, по горло среди тысячи крапчатых цветов, он поплыл, запутался и начал тонуть. Шестами, баграми, засучив рукава, принялись в него тыкать, поддевать его и вытаскивать на берег. Вытащили» (IV, 31–32). Когда же тюремщики вновь обращают Цинцинната к действительности, он фактически уподобляется рыбе, которую вынимают из воды и она лопается. Поэтому пародийно-каламбурно звучат слова тюремного врача, обращенные к «вытащенному на берег» Цинциннату: «Дышите свободно». На самом деле эти слова не могут иметь прямого смысла, так как в заключении ничто «свободное» невозможно, кроме выхода в поэтическое пространство. И именно, помещая героя в воду, Набоков выводит его в это пространство «потусторонности», сознательно, по мнению В. Александрова (1999, 127), используя «мифологические значения воды и путешествия как символы возрождения и прозрения».

Интересно, что, готовясь к свиданию с Марфинькой, герой желает вымыться в лохани, и в ожидании этого события садится за стол и пишет письмо к любимой жене о своей «гибельной любви» (ср. «жизни гибельный пожар» у Блока). И в этот момент «стол» тоже оказывается как бы на плаву: «В ожидании воды Цинциннат сел за стол, стол сегодня немножко *колыхался*» (IV, 34). Когда лохань принесли, он вздыхает, как будто собирается броситься в воду. Читаем далее: «Над *качающейся у пристани* лоханью поднимался ничем не виноватый, веселый, заманчивый пар. Цинциннат порывисто – в два быстрых приема – *вздохнул и отложил исписанные страницы*. Из скромного своего сундучка он извлек чистое полотенце. Цинциннат был такой маленький и узкий, что ему удавалось целиком поместиться в лохани. Он сидел, как в *душегубке*, и тихо плыл. Красноватый вечерний луч, мешаясь с паром, возбуждал в небольшом мире каменной камеры разноцветный трепет. *Доплыв, Цинциннат встал и вышел на сушу*» (IV, 36). Но, даже оказавшись в койке, он «лежал и все *продолжал плыть*» (IV, 37)⁹. А перед тем, как лечь, Цинциннат снова «вздохнул и надел прохладную, еще *пахнущую домашней стиркой* ночную рубашку» (там же).

В связи со сценой мытья, небезынтересно еще раз обратиться к имени главного героя. Обычно это имя связывают с Люцием Цинциннатом, легендарным римским полководцем и землепашцем, или его сыном Цинциннатом Кезоном, обвиненным плебейми в чрезмерной гордости. Н. Букс (1998, 133) восстанавливает внутреннюю форму имени героя, исходя из того, что на латыни *Cincinnatus* означает «кудрявый, имеющий локоны». Однако, если искать в его имени не западные, а восточные корни, то они могут быть соединены с повторяющимся китайским словом «Цин» («чистый, светлый, ясный»; – это имя последней монархической династии Китая). Существует также «Канон

чистоты и покоя» – по-китайски «Цин Цзин Цзин», написанный Гэ Сюанем, который в древних китайских преданиях причисляется к лику Бессмертных¹⁰.

КАНОН ЧИСТОТЫ И ПОКОЯ

(«ЦИН ЦЗИН ЦЗИН»)

Мотив чистоты все время присутствует в романе, начиная с чистого листа бумаги и длинного карандаша в самом начале повествования (На столе белел *чистый лист бумаги*, и, выделяясь на этой белизне, лежал изумительно очищенный карандаш, длинный как жизнь любого человека, кроме Цинцинната, и с эбеновым блеском на каждой из шести граней; IV, 6). В письме к Марфиньке Цинциннат пишет, что хочет «очиститься» и даже с этой целью отделаться от воспоминаний (лезут какие-то воспоминания: я, дитя, с книгой, сижу у *бегущей с шумом воды* на припеке, и *вода бросает колеблющийся блеск* на ровные строки старых, старых стихов, – о, как на склоне, – ведь я знаю, что этого не надо, – и суеверней! (аллюзия к Тютчеву) – ни воспоминаний, ни боязни, ни этой страстной икоты: и суеверней! – и я так надеялся, что будет все прибрано, *все просто и чисто*; IV, 111). Родриг Иванович напоминает герою; ждущему казни, чтобы он следил за своей чистотой (Теперь *постарайтесь не замараться*. Я думаю, что уже не долго; IV, 45). М-сье Пьер, палач, приехавший чисто исполнить свое дело, возмущается, что это ему не дают правильно сделать (...а потом требуют от меня *чистой работы!* Нет-с! Баста! Чаша долготерпения выпита! Я просто отказываюсь, – делайте сами, рубите, кромсайте, справляйтесь, как знаете, ломайте мой инструмент...; IV, 121), при этом все время говорит, что у него «чистые руки». Цинциннат также обдумывает, как ему подготовить душу «к минуте утреннего вставания, когда ведро палача, *когда подадут тебе, душа, умыться...* (IV, 29).

Что касается покоя, то он в тексте «Приглашения на казнь», получает выражение в виде буквы П, похожей на виселицу, причем «покой» символически находится в тексте рядом с лирой (Стулья Родриг Иванович поставил иначе, чем Родион, и долго смотрел выпученными глазами на спинки: они были разнородны, – *одна лирой, другая «покоем»*; IV, 45). Заметим, что и имя палача *Пьер*, и само название романа начинаются также с буквы «покой».

Можно спросить, мотивировано ли обращение Набокова к «китайской теме»? Скорее всего, да, так как параллельно с «Приглашением на казнь» Набоков работает над «Даром». Осмелюсь предположить, что «ночная бабочка», появляющаяся в камере Цинцинната прямо перед тем, как его ведут на казнь, является маркером связи этих двух романов (наряду со многими другими, выделенными Н. Букс¹¹). Более того, идея «конца» также связана у Набокова с Китаем, который оказывается в его воображении недалеко от России, так что даже его любимый герой «Дара», посвящая свое стихотворение любимой, пишет: «За пустырем как персик небо тает: вода в огнях, Венеция сквозит, — а улица кончается в Китае, а та звезда над Волгою висит» (III, 159).

Если же мы заглянем в «Дар», то в жизнеописании отца Федора Годунова-Чердынцева, в котором повествование от третьего лица часто сбивается на первое, китайская тема вполне развернута, более того, Китай считается предположительным местом гибели отца героя. Напомним, что молодой Набоков еще в России мечтал сначала получить образование в Англии, а потом организовать энтомологическую экспедицию в горы Западного Китая; обучаясь же в Кембридже, будущий писатель едва не отправился в экспедицию в Африку (что нашло отражение в недавно опубликованном рассказе Набокова «Наташа», где герой по имени Вольф также «вымысливает» свое путешествие на этот континент¹²) (африканская тема еще всплывет у нас позже в связи с Н. Гумилевым).

В «Даре» все права на исследование Западного Китая принадлежат отцу Федора, но, учитывая, что главный герой (поэт и писатель) живет у фрау с «говорящей» фамилией *Стойбой*¹³, которая все время верит, что отец Федора жив («что он где-то в Тибете, в Китае, в плену, в заключении, в каком-то отчаянном омуте затруднений и бед, что он поправляется после долгой-долгой болезни, — и вдруг, с шумом распахнув дверь и притопнув на пороге, войдет» (III, 78)), можно предположить, что Федор (и стоящий за ним Набоков) со сверхчувственной ясностью именно воображает свои странствия по Китаю и Тибету, часто от первого лица. Показательно, что эти переходы к первому лицу связаны с темой «бабочек»¹⁴ Ср. в романе: «Передвигаясь с караваном по Тянь-Шаню, я вижу теперь, как близится вечер, натягивая тень на горные скаты. ... Совсем стемнело. Отец поднялся на скалу, ища места, где приладить *калильную лампу для ловли ночниц*. Оттуда, в китайской перспективе (сверху) виднеется в глубоком ущелье прозрачная среди мрака краснота костра; сквозь края его дышащего пламени как бы плавают *плечистые тени людей*, меняющие без конца очертания, и красный отблеск дрожит, но не трогается с места, на клокочущей воде реки. ... Над головой, в какой-то страшной и восхитительной близости, вызвездило, да так, что каждая звезда выделяется, как живое ядрышко, ясно обнаруживая свою шарообразную сущность. *Начинается лет ночных бабочек, привлеченных лам-*

пой: они описывают бешеные круги вокруг нее, ударяясь со звоном в рефлектор, падают, ползают в кругу света по разложённому полотну, седенькие, с горящими угольками глаз, трепеща, снимаясь и падая снова, — и неторопливо-ловкая, большая, яркая рука с миндалевидными ногтями совку за совкой загребает в морилку» (III, 107).

Когда Федор думает о смерти отца где-то в Китае, размышляет, как это произошло (Расстреляли ли его в дамской комнате какой-нибудь глухой станции (разбитое зеркало, изодранный плюш) или увели в огород темной ночью и ждали, пока проглянет луна? Как ждал он с ними во мраке? С усмешкой пренебрежения; III, 124), то снова появляется облик бабочки: «И если белесая ночница маячила в темноте лопухов, он и в эту минуту, я знаю, проследил за ней тем же поощрительным взглядом, каким, бывало, после вечернего чая, куря трубку в лешинском саду, приветствовал розовых посетительниц сирени» (там же).

Показательно, что в «Даре» представлен и воображаемый разговор Федора с отцом о смертной казни, причем при этом упоминается «обратность» действия палача: «И при этом Федор Константинович вспоминал, как его отец говорил, что в смертной казни есть какая-то непреодолимая неестественность, кровно чувствуемая человеком, странная и старинная обратность действия, как в зеркальном отражении превращающая любого в леишу: недаром для палача все делается наоборот: хомут надевается верхом вниз, когда везут Разина на казнь, вино кату наливается не с руки, а через руку; и, если по швабскому кодексу, в случае оскорбления кем-либо шпильмана позволялось последнему в удовлетворение свое ударить тень обидчика, то в Китае именно актером, тенью, исполнялась обязанность палача, т. е. как бы снималась ответственность с человека, и все переносилось в изнаночный, зеркальный мир» (III, 183). И здесь, при обсуждении темы «казни» мы снова сталкиваемся с Китаем, в котором обязанность палача перекладывалась на актера или тень.

Напомним, что при анализе «Приглашения на казнь» тема театральности всего происходящего часто¹⁵ всплывала на поверхность и являлась чуть ли не ведущей, однако при этом не отмечалась набоковская аналогия «китайского театра теней» с характерами русской словесности, которая тоже обсуждается в «Даре». Ср.: Русская проза, какие преступления совершаются во имя твое! «Лица — уродливые гротески, характеры — китайские тени, происшествия — несбыточны и нелепы», писалось о Гоголе, и этому вполне соответствовало мнение Скабичевского и Михайловского, о «Г-не Чехове»; то и другое, как зажженный тогда шнур, ныне разрывало этих критиков на мелкие части; III, 181).

В романе «Приглашение на казнь» также выносятся на поверхность мотив кукольного театра, правда, не китайского, но зато мягкими «куклами» уже становятся русские писатели, которых изготавливает сам Цинциннат, при

этом самого его манит «в туманы древности» (Работая в мастерской, он долго бился над затейливыми пустяками, занимался изготовлением мягких кукол для школьниц, — тут был и маленький волосатый *Пушкин* в бекеше, и похожий на крысу *Гоголь* в цветистом жилете, и старичок *Толстой*, толстоносенький, в зипуне, и множество других, например: застегнутый на все пуговицы *Добролюбов* в очках без стекол. Искусственно пристрастясь к этому мифическому девятнадцатому веку, Цинциннат уже готов был совсем углубиться в туманы древности и в них найти подложный приют, но другое отвлекло его внимание; IV, 14).

Известно, что расцвет театра теней в Китае приходится именно на время правления династии Цин. Материалом для изготовления марионеток театра теней служила черная кожа молодых буйволов. Такая кожа достаточно тонкая, но прочная и гибкая. Для подготовки материала для будущей куклы нужно, прежде всего, сбрить шерсть, высушить кожу до состояния *прозрачности*. Как мы помним, Цинцинната приговорили к смерти именно за «непрозрачность», «непроницаемость», этим он отличается от остальных куколлюдей этого романа. Но «в этом мире *прозрачных друг для дружки душ* он научился все-таки притворяться сквозистым, для чего прибегал к сложной *системе как бы оптических обманов*, но стоило на мгновение забыть, не совсем так внимательно следить за собой, за поворотами хитро освещенных плоскостей души, как сразу поднималась тревога» (IV, 12). Одновременно герою свойственны еще две паронимические характеристики: «плотская неполнота» и «гносеологическая гнусность» (IV, 40). Первая характеристика является его основной «драгоценностью», так как главная часть Цинцинната «находилась совсем в другом месте, а тут, недоумевая, блуждала лишь незначительная доля его» (IV, 68). И хотя героя обвиняли в «непрозрачности», все атрибуты его «головы», которую должны были отсечь (ср. англ. вариант заглавия: *Invitation to a Beheading*) описываются как «прозрачные»: «прозрачные глаза косили», «прозрачно побелевшее лицо», «легкое шевеление прозрачных волос на висках», «блеск прозрачных глаз». Заметим, что для палача м-сье Пьера (который подан в романе, наоборот, как «солидный», «плотный», «толстенький») Цинциннат тоже прозрачен («*Для меня вы прозрачны, как — извините изысканность сравнения — как краснеющая невеста прозрачна для взгляда опытного жениха*»; IV, 93), ведь Пьер специально приехал заранее, чтобы получше познакомиться со своим «пациентом».

И тут мы опять поворачиваемся в сторону Китая. В своей поздней книге воспоминаний «Память, говори» (1967) имеется запись Набокова о его знакомстве (между двумя войнами) с неким немецким студентом, «чьим коньком были казни». Этот студент показывал писателю целую серию, «изображавшую разные моменты заурядной *декапитации в Китае*; он с большим знанием дела указывал на красоту роковой сабли и на прекрасную атмосфе-

ру *полной кооперативности между палачом и пациентом*, которая заканчивалась истинным гейзером дымчато-серой крови, бьющим из очень отчетливо снятой шеи обезглавленного участника процедуры» (глава 14; 1999, 556). В романе «Приглашение на казнь» разыгрывается именно эта «кооперативность», и м-сье Пьер очень внимательно рассматривает шею Цинцинната для будущей процедуры.

Изображение казни в театре теней было обычным явлением и даже сопровождало обычные представления на заднем фоне. В России театр теней, или «теневого театр», часто называли «французскими теньями», так как он в Европе получил особое распространение во Франции. В связи с этим обращает на себя внимание вымышленный эпиграф к роману, подписанный фамилией Делаланд: «Как сумасшедший мнит себя Богом, так мы считаем себя смертными»; это изречение взято как будто из произведения под названием «Рассуждения о тенях» (в другом варианте перевода «Разговор теней»). В примечании к английскому изданию романа Набоков писал, что это единственный автор, влияние которого он может признать: это «печальный, сумасбродный, мудрый, остроумный, волшебный и восхитительный Пьер Делаланд, выдуманный мною»¹⁶. Надо сказать, что по своей структуре с редупликацией (*лала*)¹⁷ это отчасти вымышленное имя подобно имени Цинциннат.

В других своих произведениях, например, в романе «Под знаком незаконнорожденных» (1963), Набоков сопоставляет словесное мастерство (мастера, ткущего слова) с «тысячью приемов» театра теней, с его «чудесами приспособительной техники», «хитросплетениями нитей»¹⁸. В комментариях к «Бледному пламени» имеется трактовка «театра теней» как зеркала, связанного с призраками и отображениями.

В романе же «Приглашение на казнь» теням на экране еще сопутствуют «нетки» (перевернутые «тени», содержащие сему отрицания *нет-*), о которых рассказывает мать героя Цецилия Ц.; важно, что у нее после этого рассказа, в отличие от других, проступает *«ничто, настоящее, несомненное* (в этом мире, где все было под сомнением), словно завернулся краешек этой ужасной жизни, и сверкнула на миг подкладка» (IV, 78). «Нетки», по ее словам, это некоторые нелепые предметы, к которым полагается «абсолютно искаженное зеркало», но его кривизна существовала для того, что благодаря искривленному отражению, «из бесформенной пестряди получался в зеркале чудный стройный образ: цветы, корабль, фигура, какой-нибудь пейзаж, бессмысленная нетка складывается в прелестную картину, ясную, ясную...» (IV, 77–78).

Заметим, что двойной повтор «ясную, ясную», видимо, выступает русским аналогом Цин Цин (Цин – светлое, чистое, прозрачное, ясное)¹⁹. Вспомним, что Марфинька так и зовет своего мужа Цин-Цин (IV, 115), в то же время он Цинциннат Ц. Получается, что подобие «нетки»²⁰ несет в себе сам Цинциннат, будучи для других «непрозрачным», но зато по закону от-

рицания отрицания «неток» он-то и есть самый чистый и прозрачный. «Цинциннат несет в себе свою непрозрачную самость, воспринимаемую другими как «гносеологическая гнусность». Нетки – это его вещи, сводящие на нет искаженные нашим восприятием призраки других вещей и обнажающие искривленность пространства и зазеркалья. Следовательно, он должен быть обезглавлен, то есть лишиться своей «идеи в себе» ради ее мнимого и «правильного» овеществления для многих», – пишет А. Филимонов в статье «Человековещи Набокова» (2006, 195). Однако, на мой взгляд, для автора, как и для м-сье Пьера, Цинциннат прозрачен (вспомним прозрачные атрибуты его головы), неслучайно в дальнейшем Делаланд (двойник автора) получает имя Пьер. Прежде чем казнить героя, он его со всех сторон изучает. В конце же романа женщина в черной шали уносит на руках «палача, как личинку» (IV, 130). Можно предположить, что это намек на то, что для Пьера по принципу «обратимости» еще возможно преобразование в «куколку» и «бабочку» (последняя как раз является Цинциннату перед казнью). Если допустить, что женщина в черном может быть Цецилией Ц., матерью Цинцинната, то Пьер и Цинциннат имеют источником одну «личинку»²¹, а в имени Цецилии Ц. заложена внутренняя форма «целого»²².

Парадоксально, но в «Даре», самом гармоничном романе Набокова, его alter ego Федору как раз присуще свойство прозрачности и растворенности – но при этом внешний мир не враждебен ему. Ср.: «*Собственное же мое я, то, которое писало книги, любило слова, цвета, игру мысли, Россию, шоколад, Зину, – как-то разошлось и растворилось, силой света сначала опзраченное, затем приобщенное ко всему мрению летнего леса...*» (III, 299). Таким образом, понятие «прозрачность» у Набокова свойственна энантиосемичность и даже энантиоморфичность.

Расшифровать же понятие «гносеологической гнусности» оказывается еще сложнее, так как во многом оно также энантиосемично и создано звуковым взаимопроникновением слов из разных семантических сфер. При этом «гносеологическая гнусность» героя оказывается у Набокова непосредственно связанной с актом казни, причем в кукольно-театральном исполнении. Если мы посмотрим, что в «Даре» предшествует соображениям отца о казнях, то увидим первый намек на «гнусность»: «Ему (Федору) искренне нравилось, как Чернышевский, противник смертной казни, напоявал высмеивал *гнусно-благостное* и подло-величественное предложение поэта Жуковского *окружить смертную казнь мистической таинственностью*, дабы присутствующие казни не видели (на людях, дескать, казнимый нагло храбрится, тем оскверняя закон), а только слышали из-за ограды торжественное церковное пение, ибо казнь должна умилять» (III, 183). В романе «Приглашение на казнь» Набоков не отказывается от мистической таинственности казни (т. е. от ее «гнусно-благостности»). По ассоциации с бабочкой и исходной

мотивации слова «гнусность» всплывает и представление о «гнусе», кровососущих двукрылых насекомых. Можно выстроить и еще одну параллель: по замечанию А. Медведева (1999), русские петрушечники (а Пьер в романе и есть подобие Пьеро и куклы-Петрушки²³) использовали специальную «гнусавку» для изображения «гнусавого голоса», который часто принадлежал арлекину или палачу. Во всяком случае, невозможно искать прямого понимания ни одной из цинциннатовых характеристик и определений, тем более что большинство из них подобрано по звуковому подобию, поскольку Набоков все время обыгрывает фонетический облик номинации²⁴. Как пишет А. Медведев (1999), «Набоков оказался едва ли не последним писателем нашего столетия, сумевшим с помощью виртуозной словесной эквилибристики сохранить непрозрачность текста, ощущение зашифрованной и глубоко запрятанной тайны». И этим он сам уподобляется Цинциннату.

Однако, попробуем ответить, кто есть Цинциннат, вернувшись назад от личинки к образу бабочки. Ведь, по Набокову, «смерть не есть конец, а лишь промежуточная стадия, период развития личинки»²⁵.

Н. Букс, оспаривая мнение большинства исследователей Набокова, которые видят в Цинциннате поэта, считает что в этом образе писатель пародийно отобразил Н. Г. Чернышевского (которому посвящена большая часть «Дара»)²⁶. Однако, как это прекрасно показал в своей статье «Владимир Дмитриевич, Николай Степанович, Николай Гаврилович» И. Толстой (1997)²⁷, у Набокова мы имеем некоторый симбиоз трех лиц в одном повторяющемся образе, связанном одновременно и с отеческим, и поэтическим началом. Причем, по мнению И. Толстого, ссылающегося на В. Александрова, из современных поэтов писатель особенно выделял Николая Степановича Гумилева, принявшего мученическую смерть от русских палачей. Анализируя роман «Приглашение на казнь», я самостоятельно также пришла к выводу о внутренней связи Цинцинната и Гумилева, потому что она во многом определялась пророческими строками поэта из стихотворения «Заблудившийся трамвай» (*В красной рубахе, с лицом как вымя, / Голову срезал палач и мне; 1919*), а также звуковым сходством обвинительной формулы «гносеологическая гнусность» с именем-отчеством и фамилией **НикОлая СТЕПаНовича ГУМИЛева**. Немаловажной деталью явилась и «бабочка», возникающая при интертекстуальной проекции одного из последних стихотворений Набокова (1972), посвященных своей будущей смерти, в котором всплывают имя и поэтические строки Гумилева:

Как любил я стихи Гумилева!

Перечитывать их не могу,
но следы, например, вот такого
перебора остались в мозгу:

«И умру я не в летней беседке
от обжорства и от жары,
а с небесной бабочкой в сетке
на вершине дикой горы»²⁸.

Гумилевские стихи здесь наделены собственным содержанием, но с соблюдением размера и основной синтаксической конструкции (у Гумилева было: *И умру я не на постели, / При нотариусе и враче, / А в какой-нибудь дикой щели, / Утонувшей в густом плюще*).

И. Толстой приходит к мысли о симбиозе образа отца, поэта и критика Чернышевского, анализируя прежде всего роман «Дар». Исследователь считает, что в книгах Набокова как бы два противоположных отца: «правый» и «левый», обожествленный и сатирически низвергнутый, любимый и ненавистный. «Любимый», ностальгический облик получил в «Даре» отражение в образе отца Федора, Годунове-Чердынцеве старшем, ненавистный – в «сердце черноты» Чернышевском. Ни тому, ни другому реальный отец Владимир Дмитриевич не равен целиком. Но, как считает Толстой, в «Даре» писатель «вывел своего собственного отца дважды – один раз как Чернышевского, другой раз как Гумилева. Лучше даже сказать так: слепил и по гумилевскому мифу, и по мифу о Чернышевском»²⁹, соединив их как правую и левую дольку лица. Толстой также отмечает, что со смертью отца для Набокова исчез Христос «и вся система образов, построенная на евангельских коннотациях, мгновенно обветшала» (там же). Именно поэтому образ отца все более стал срастаться с литературными авторитетами, прежде всего с Пушкиным и Гумилевым. Доминантами-символами этих поэтов для Набокова стали гордая смерть, Медный Всадник и Африка. В «Даре» поэтому даже можно увидеть звуковое отражение фамилий Гу-ми-лев – Го-ду-нов, последняя же, написанная латинскими буквами (Godunov), содержит корень God – Бог.

Для Набокова, помимо любви к путешествиям и поэтического мастерства, в образе Гумилева акцентировалась его трагическая гибель. Не случайно в одной из лекций Набокова (это отмечают В. Александров и И. Толстой) «Литературное искусство и здравый смысл» особо выделяется то, что и во время пыток, и в грузовике, везшем Гумилева к месту казни, «поэт не переставал улыбаться». Эту улыбку он считал одной из главных причин, почему «ленинские негодяи» приговорили поэта к казни. Вспомним, что Федор Годунов-Чердынцев также воображал, что его отец шел на смерть «с усмешкой пренебрежения». В романе «Приглашение на казнь» уже вся казнь подается как фарс, и единственное, что помогает Цинциннату переспорить свой страх, это его знание, что «в сущности, следует только радоваться пробуждению, близость которого чуялась в едва заметных явлениях, в особом отпечатке на принадлежностях жизни, в какой-то общей неустойчивости, в каком-то пороке всего зримого...» (IV, 124). В конце

же, уже на плахе, «внезапно с веселой ясностью герой прозревает свое истинное положение и поднимается с плахи»³⁰.

И тут вспомним снова бабочку, которая у Набокова часто является символом смерти и прозрения. Эта ночная бабочка, раскрывая свои крылья и вылетая из кокона, в более раннем рассказе Набокова с символическим названием «Рождество» (1930) как раз служит маркером возвращения героя по фамилии Слепцов к жизни. Этому чудесному природному превращению в «Рождестве» предшествует фраза о смерти: «...Смерть, – тихо сказал Слепцов, как бы кончая длинное предложение» (I, 324). И в это время, открыв глаза, Слепцов видит порванный кокон.

Для Цинцинната все развивается несколько иначе. Когда он отыскивает лист, чтобы сделать последние записи уже «карликовым карандашом», он пишет слово «...смерть», – *продолжая фразу*», но потом сразу вычеркивает это слово, думая, что «следовало – иначе, точнее: казнь» (IV, 119). При этом Цинциннат, видимо, не записывает этого более точного слова, так как видит бабочку, а на столе тем временем остается «белый лист с единственным, да и то зачеркнутым словом» (IV, 119). И уже у самой бабочки, которая находилась в состоянии сна, Цинциннат отмечает «зрячие крылья» – «но громадные, темные крылья, с их пепельной опушкой и *вечно отверстыми* очами, были *неприкосновенны*» (там же). Можно допустить, поскольку слово «смерть» оказалось зачеркнутым, что теперь сам Цинциннат после казни³¹, подобно бабочке, вырывается из «картонно-театрального» кокона жизни, оставляя на земле лишь «личинку палача»³². Такая возможность задана в конце XIX главы романа: «Трещина извилисто прошла по стене. Ненужная уже камера явным образом разрушалась» (IV, 122). В это мгновение испуганный Цинциннат как бы смеется (вспомним Гумилева и отца Федора!) внутри себя (– Еще мгновение. *Мне самому смешно, что у меня так позорно дрожат руки, – но остановить это или скрыть не могу, – да, они дрожат, и все тут. Мои бумаги вы уничтожите, сор выметете, бабочка ночью улетит в выбитое окно, – так что ничего не останется от меня в этих четырех стенах, уже сейчас готовых завалиться; там же*). И с этими мыслями Цинциннат «выбрался наконец из камеры, которой собственно уже не было больше».

И здесь, следуя подсказке В. Александрова³³, следует снова вернуться к «Дару», а именно, к тому фрагменту, где Федор, размышляя о таинстве смерти, обращается как раз к уже знакомому нам произведению французского мыслителя Делаланда (Delalande)³⁴ «Рассуждения о теньях», даже указывая страницы: «Наиболее доступный для наших домоседных чувств образ будущего постижения окрестности должествующей раскрыться нам по распаде тела, это – *освобождение духа из глазниц плоти и превращение наше в одно свободное сплошное око, зараз видящее все стороны света, или, иначе говоря: сверхчувственное прозрение мира при нашем внутреннем участии*» (там же, стр. 64)» (IV, 277).

В этом смысле желание Цинцинната «выбраться» из камеры-крепости было сродни набоковскому, ведь для писателя боль потери родины – «это, прежде всего, боль от невозможности ... избавиться от самоощущения бесплотного призрака, бесцельно бродящего среди размалеванных декораций»³⁵. Таким образом, можно предположить, что автор, пытаясь вырваться из призрачной жизни, выводит себя одновременно и в образе жертвы, и в образе палача, который запускает механизм голометаморфоза бабочки (именно Пьер выводит Цинцинната из камеры). Недаром, в самых поэтических местах романа повествование переходит от третьего лица к первому, и «вода бросает колеблющийся блеск на ровные строки старых, старых стихов...» (IV, 111). Недаром, на кровавой свадьбе перед казнью в огнях иллюминации составляется грандиозный вензель из П. и Ц. (Пьера и Цинцинната) – букв «покой» и «ци». В кириллической азбуке значение буквы, первой в имени Цинцинната, не совсем ясно: его связывают либо с формой им. падежа множественного числа муж. рода «ции» от вопросительного и относительного местоимения «кьи» (какой, который); либо с древнерусским союзом «ци» («разве», «или», «верно ли, что»)³⁶. Если же обратимся к значению Ци в китайской культуре, то это название основной концепции, которая определяется как «воздух», или «дыхание», или, в более широком смысле – «психическая энергия», пронизывающая все мироздание.

Вспомним, что Цинциннат, подчиняясь воле своего творца, стремясь к «воздушности», уже один раз в начале романа пытался снять с себя все органы, начиная с головы, и постепенно рассеяться, едва окрасив воздух (IV, 18). Описывая же «прозрачное лицо» и «прозрачные волосы» Цинцинната, Набоков создает иллюзию, что герой переходит в «другую плоскость»: «Казалось, что вот-вот, в своем передвижении по ограниченному пространству кое-как выдуманной камеры, Цинциннат так ступит, что естественно и без усилия *проскользнет за кулису воздуха, в какую-то воздушную световую щель*; – и уйдет туда с той же непринужденной гладкостью, с какой передвигается по всем предметам и вдруг *уходит как бы за воздух, в другую глубину, бегущий отблеск поворачиваемого зеркала*» (IV, 69). Точно также избегает гибели в камере бабочка, «словно самый воздух поглотил ее» (IV, 118). По Бетеа, «это существо не только является вестником извне: растворяясь в окружающем мире, оно также обладает *высшей способностью к мимикрии*, которая служит у Набокова метафорой трансцендентной логики»³⁷.

Как мы видим, для понимания набоковского мира подходят и русское, и китайское толкование Ци: а именно, после прочтения любого из его романов мы остаемся всегда при вопросе «верно ли, что», потому что все авторские приемы в конце концов растворяются в тексте, как в воде, или рассеиваются, как воздухе, и остается «чистая» энергия таланта, пронизывающая все мироздание писателя³⁸.

Примечания

¹ Тамашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. Л., 1930. С. 158.

² Ходасевич В. О Сирине // Ходасевич В. Колеблемый треножник. М., 1991. С. 461.

³ Ронен О. Каламбуры // Звезда. 2005, № 1. С. 229.

⁴ Курсив во всех цитатах автора статьи.

⁵ Произведения Набокова, если нет специального указания года, цитируются по изданию: *Набоков В. В. Собрание сочинений в 4-х томах*. М., 1990, – только с указанием тома и страницы.

⁶ Цитируется по изданию: *Цветаева М. Собр. соч. в 7-и томах. Т. 1. Стихотворения*. М., 1994. С. 253.

⁷ В книге «Память, говори» Набоков, изображая процесс создания стихов, пишет о себе, что «в плане телесном мои усиленные труды отмечало множество невразумительных действий и поз – хождение, сидение, лежание», см.: *Набоков В. В. Собрание сочинений американского периода в пяти томах*. Санкт-Петербург, 1999. Т. 5. С. 506. – Однако чаще всего он впадал в поэтический транс и свой «личный туман» именно на кушетке.

⁸ *Набоков В. В. Стихотворения*. Новая библиотека поэта. СПб., 2002. С. 278.

⁹ С водой и волной связано не только порождение текстов, но и их чтение. Так, последнее, что читал Цинциннат перед казнью, был роман «Quercus» («Дуб»), в котором ощущалась «музыка вод», и герой «одолевал страницы с тоской, постоянно потопляя повесть *волной собственной мысли*» (IV, 70).

¹⁰ О нем, якобы жившем в период династии У (222–227 гг. н. э.), повествуется как о чудотворце, постигшем тайну Эликсира Жизни и сочетавшем вполне разгульный образ жизни со способностью общаться с духами и умением ходить по водам. Завершил он свой жизненный путь, согласно преданиям, попросту вознесясь на Небо среди ясного дня. См. электронный ресурс: http://daolao.ru/qij/qij_uk.htm

¹¹ Букс Н. Эшафот в хрустальном дворце. М., 1998. С. 115–137.

¹² См.: *Бабинов А.* Предисловие к первой публикации рассказа «Наташа» // Новая газета, 2008. Цветной выпуск от 20.06.2008. № 22–23.

¹³ Об отношениях «Я–Ты» в «Даре» см.: *Фатеева Н. А.* Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М., 2000. С. 246–259, – где представлено наблюдение, что для «Я» Федора «всегда Стобой» были Пушкин и Отец, именно в повествовании же о них появляется первое лицо, как и при обращении к теме поэта «Кончеева».

¹⁴ См. там же рис. на с. 251.

¹⁵ См.: *Савельева Г.* Кукольные мотивы в творчестве В. Набокова // Владимир Набоков: Pro et Contra. Книга 2. СПб., 2001.

¹⁶ Электронный ресурс: <http://www.lib.ru/NABOKOW/invitation.txt>

¹⁷ Во французском варианте фамилии Delalande внутреннее звуковое подобие выражено еще более явно: lalan окружено двумя de.

¹⁸ Электронный ресурс: <http://nabokov.niv.ru/nabokov/proza/nezakonnozhdennye/nezakonnozhdennye-6.htm>

¹⁹ В Китае даже есть праздник Цин-мин – праздник чистоты и ясности, который связан с наступлением ясных и светлых дней.

²⁰ О конструкции «неток» см. также: *Брыкова Е.* Еще раз о зеркалах Набокова: Один ответ и много вопросов к роману «Приглашение на казнь» // <http://lit.lseptember.ru/2001/21/5.htm>

²¹ По этому поводу П. Бицилли пишет следующее: «Почему палач в последний момент «маленький как личинка»? Потому, вероятно, что м-сье Пьер это то, что свойственно цинцинатовской монаде в ее земном воплощении, что вместе с нею родилось на свет и что теперь возвращается в землю. Цинциннат и м-сье Пьер — два аспекта «человека вообще», everguman'a английской средневековой «площадной драмы», мистерии. «М-сье-пьеровское» начало есть в каждом человеке, откуда он живет, т. е. откуда пребывает в том состоянии «дурной дремоты», смерти, которое мы считаем жизнью. Умереть для «Цинцинната» и значит — вытравить из себя

«мсье Пьера», то безличное, «общечеловеческое» начало». – *Биццелли П. В.* Сирин. «Приглашение на казнь»; *Его же.* «Соглядатай». Париж, 1938 // Владимир Набоков: Pro et Contra. Книга 1. СПб., 1997.

²² В. Александров также обнаруживает в женщине в черном Цецилию Ц., однако, не дает ответа, почему она несет на руках палача. – *Александров В. Е.* Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика. СПб., 1999. С. 130.

²³ *Савельева Г.* Кукольные мотивы в творчестве В. Набокова.

²⁴ В английском переводе «гносеологическая гнусность», пишет В. Александров, превращается в «гностиическую гнусность», что позволило С. Давыдову рассматривать эту характеристику в аспекте гностиического топоса. – *Александров В. Е.* Набоков и потусторонность... С. 105; *Давыдов С.* «Тексты-матрешки» В. Набокова. Мюнхен, 1982. С. 100–182.

²⁵ *Бетеа Д.* Изгнание как уход в кокон. Образ бабочки у Набокова и Бродского // Русская литература. 1991. № 3. С. 170.

²⁶ *Букс Н.* Эшафот в хрустальном дворце. С. 120 и далее.

²⁷ Цит. по: *Толстой Ив.* Владимир Дмитриевич, Николай Степанович, Николай Гаврилович // Вестник. № 18 (172) 19 августа 1997 г. (в Интернете: 15 августа 1997 – <http://www.vestnik.com/issues/97/0819/koi/tolstoi.htm>). См. там же: № 19 (173) 2 сентября 1997 г. (в Интернете 29 августа 1997 г. – <http://www.vestnik.com/issues/97/0902/koi/index.html>)

²⁸ <http://nabokov.niv.ru/nabokov/stihi/399.htm>

²⁹ *Толстой Ив.* Владимир Дмитриевич, Николай Степанович, Николай Гаврилович.

³⁰ *Александров В. Е.* Набоков и потусторонность... С. 107.

³¹ Ср. у В. Ходасевича: «Цинциннат не казнен и не не-казнен, потому что на протяжении всей повести мы видим его в воображаемом мире, где никакие реальные события невозможны». – *Ходасевич В. О* Сирине С. 461.

³² С. М. Козлова в статье «Утопия истины и гносеология отрезанной головы в “Приглашении на казнь”» пишет, что сам портрет Цинцинната в романе «претерпевает эволюцию, в которой прочитывается метаморфоз бабочки от «совсем новенькой и еще твердой», «скользящей», голый «личинки» – «потом постепенное смягчение» в гусеницу, далее следует окукливание, ороговение кокона – тюремной крепости, в которой происходит оформление «имаго». Описание имажию Цинцинната, уже «сквозящего» через стены кокона, подготавливается интригующим замедлением повествования, намекающим на инородность героя: «Речь будет идти о драгоценности Цинцинната, о его плотской неполноте, о том, что главная его часть находилась совсем в другом месте...». – Козлова С. М. Утопия истины и гносеология отрезанной головы в «Приглашении на казнь» // Звезда. 1999. № 4. С. 188.

³³ *Александров В. Е.* Набоков и потусторонность... С. 128.

³⁴ Соотносим ли этот Делаланд с известным французским астрономом Ж. Ж. Лефрансуа де Лаландом, который был иностранным почетным членом Петербургской академии наук, остается не ясным.

³⁵ *Медведев А.* Перехитрить Набокова // Иностранная литература 1999, № 12.

³⁶ Во многих типографских церковнославянских шрифтах Ц очень похожа на перевернутое П, только с хвостиком под серединой буквы: Ц.

³⁷ *Бетеа Д.* Изгнание как уход в кокон... С. 170.

³⁸ См. также: *Филимонов А.* Человековещи Набокова // Звезда 2006. № 4; *Шкловский В. Б.* Искусство как прием // Сборники по теории поэтического языка. Вып. II. Пг., 1917. С. 3–14.

Из наблюдений над поэтикой цикла А. Ахматовой «Шиповник цветет»

Цикл Анны Ахматовой «Шиповник цветет» состоит из 13 стихотворений. Особенностью этого цикла, как и ряда других циклов Ахматовой, является «рамочная» структура его построения – он обрамлен зачином и послесловием. Цикл начинается со слов:

Вместо праздничного поздравленья
Этот ветер, жесткий и сухой,
Принесет вам только запах тленья,
Привкус дыма и стихотворенья,
Что моей написаны рукой.

Затем расположены стихотворения «Сожженная тетрадь», «Наяву», «Во сне», «Первая песенка», «Другая песенка», «Сон», «По той дороге, где Донской...», «Ты выдумал меня. Такой на свете нет...», «В разбитом зеркале», «Пусть кто-то еще отдыхает на юге...», «Не пугайся – я еще похожей...», «Ты стихи мои требуешь прямо...» и, наконец, заключительное:

И это станет для людей
Как времена Веспасиана,
А было это – только рана
И муки облачко над ней.

Цикл предваряет эпиграф, заимствованный из поэмы Джона Китса «Изабелла, или горшок с базиликом». Ахматова приводит эпиграф без перевода, он звучит так: *And thou art distant in humanity*. Дословный перевод: «И ты далеко среди человечества», иначе: «И ты далеко среди живых». Эти слова произносит убитый юноша своей возлюбленной, явившись к ней во сне.

Вот отрывок из поэмы Китса в переводе Галины Гампер, где эпиграф предложен в развернутом виде:

Увы, теперь я только тень, я вне
Людских жилищ – я не вернусь в них боле,

Жизнь только звуками доступна мне:
 Вот полдень – пчелы пролетают в поле...
 Молюсь один в могильной глубине,
 Звон колокольный узнаю по боли,
 Которой он пронзает мой покой;
 А ты среди живых, в толпе людской.

Диалог существующего и несуществующего, прошлого и настоящего, яви и сна, который содержится в этом поэтическом фрагменте, стал, по сути, основой цикла Ахматовой.

Первое, что обращает на себя внимание исследователя, это то, что стихотворения, составляющие цикл, расположены не по времени их написания. Так, зачин и первое стихотворение цикла датированы 1961 г., второе и третье – 1946 г., стихотворения с четвертого по десятое были написаны в 1956 г., одиннадцатое – в 1962 г., двенадцатое – в 1963 г., тринадцатое – «18 декабря. Ночь. Рим», год не поставлен.

Нарушение хронологии заставляет задуматься о замысле автора, согласно которому стихотворения расположены именно в этом порядке. Контекстную основу «Шиповника» составляет «невстреча» – несостоявшаяся вторая возможная встреча с английским филологом Исайей Берлиным. Биографы Ахматовой отмечают, что, по ее собственному мнению, именно после визита И. Берлина в 1945 г. последовало знаменитое «ждановское постановление»¹.

Ключ к пониманию заглавия цикла – «Шиповник цветет» – спрятан в эпиграфе к «Другой песенке», пятом по счету стихотворении цикла:

Несказанные речи
 Я больше не твержу,
 Но в память той невестречи
 Шиповник посажу.

«Таинственная невестреча» становится сквозной темой цикла. Ср.: «Таинственной невестречи пустыни торжества» («Первая песенка», четвертое стихотворение цикла), «Сюда принесла я блаженную память Последней невестречи с тобой» («Пусть кто-то еще отдыхает на юге...», десятое стихотворение).

«Невестреча» – окказионализм, производный от «встречи», и производящее слово, действительно, появляется в тексте:

Как сияло там и пело
 Нашей *встречи* чудо,

Я вернуться не хотела
Никуда отсюда.

Такими строками открывается пятое стихотворение цикла, «Другая песенка», – то самое, эпиграфом к которому служит четверостишие – ключ к заголовку текста, где, как было сказано, говорится о не встрече.

Между «невстречей» и «встречей» есть промежуточный вариант, «встреча, которой не было»: «Мне с тобою как горе с горою... Мне с тобой на свете *встречи нет*» («Во сне»), «*Несостоявшаяся встреча* еще рыдает за углом» («В разбитом зеркале»), «Мы сжигаем несбыточной жизни Золотые и пышные дни, И о *встрече* в небесной отчизне Нам ночные не шепчут огни» («Ты стихи мои требуешь прямо...»).

Противопоставляемая в цикле пара слов «встреча» и «невстреча» дополняется словом «разлука» и окказиональной формой «разлученной», которые заостряют саму идею не встречи:

Черную и прочную *разлуку*
Я несу с тобою наравне.
Что ж ты плачешь? Дай мне лучше руку,
Обещай опять прийти во сне.
Мне с тобою как горе с горою...
Мне с тобой на свете *встречи нет*.
Только б ты полночную порою
Через звезды мне прислал привет.
(«Во сне»)

Не придумать *разлуку* бездонней,
Лучше б сразу тогда – наповал.
И, наверное, нас *разлученной*
В этом мире никто не бывал.
(«Ты стихи мои требуешь прямо...»)

«Встреча / не встреча» – не единственная сквозная тема, организующая цикл. Однако она ведущая, и противопоставление, контраст, обозначенные в ней, выступают в качестве одного из основных средств, формирующих композицию цикла.

Остановимся далее подробнее на приемах, с помощью которых в «Шиповнике» выражается противопоставление. Принципиально важно, что речь идет не просто о присутствии в цикле конфликта, отрицания, антонимов или оксюморонов, которых немало и в других стихотворениях Ахматовой, но о том, что они организуют структуру данного цикла.

Если воспользоваться термином И. В. Фоменко, антонимию в «Шиповнике» можно назвать циклообразующей связью, «запрограммированной» по отношению к воле автора². Свидетельством этому служат заголовки стихотворений цикла, в которых Ахматова намеренно использует антонимы – языковые или контекстуальные. Так, второе стихотворение названо «Наяву», а третье – «Во сне»; четвертое стихотворение – «Первая песенка», а пятое – «Другая песенка».

К паре «наяву – во сне» примыкает заглавие шестого стихотворения – «Сон». Эпиграф к этому стихотворению заимствован из А. Блока: Сладко ль видеть неземные сны? В развернутом виде он выглядит так:

Анна, Анна; сладко ль спать в могиле,
Сладко ль видеть неземные сны?
(«Шаги командора»)

Важную роль в создании системы контраста играют как лексические, так и иные антонимы, встречающиеся в самих текстах цикла. В «Шиповнике» находим оксюморон: «Горькой было мне усладой Счастье вместо долга» («Другая песенка»), антонимичные словосочетания: «А над тобою звездных стай осколки, И под тобою угольки костра» («Сожженная тетрадь»), «И в осени, что подошла вплотную И вдруг, раздумав, спряталась опять», антонимичный фразеологизм: «Тень призрака тебя и день, и ночь тревожит» («Ты выдумал меня. Такой на свете нет...»). Встречается также неточный антоним:

Призрак ты – иль человек прохожий,
Тень твою зачем-то берегу.
(«Не пугайся – я еще похожей...»)

Особого рассмотрения заслуживают способы противопоставления, которые Ахматова применяет для изображения художественного пространства цикла. В «Шиповнике» неоднократно встречается противопоставление «верх – низ», которое выражается различными средствами. Это противопоставление может быть передано предложениями: «А над тобою звездных стай осколки, И под тобою угольки костра» («Сожженная тетрадь»).

Другой способ обозначить антитезу «верх – низ» – понятия «небо» и «земля»: «звездных стай осколки»/«угольки костра»; понятия «небо», «земля» и «морская стихия»: «ветер», «месяц»/«глубина морская»:

По той дороге, где Донской
Вел рать великую когда-то,

Где ветер помнит супостата,
Где месяц желтый и рогатый, —
Я шла, как в глубине морской.

(«По той дороге, где Донской...»)

Также встречается случай противопоставления по направлению движения:

В тот навсегда опустошенный дом,
Откуда унеслась стихов сожженных стая.

(«Ты выдумал меня. Такой на свете нет...»)

В. В. Виноградов, отмечавший существенную роль контраста в поэзии А. Ахматовой, считал, что у поэта часто символ «семантически видоизменен... путем неожиданной прицепки другого “символа”, контрастирующего или вообще диссонирующего с ним по эмоциональному тембру, вещественному содержанию или даже — грамматической форме»³. Такого рода контраст присутствует и в цикле «Шиповник цветет»: «И были свежи лишь могилы» («Ты выдумал меня. Такой на свете нет...»), «И только слезы рады, Что можно долго течь» («Первая песенка»). Ср. также:

Пусть влюбленных страсти душат,
Требуя ответа,
Мы же, милый, только души
У предела света.

(«Другая песенка»)

Нельзя не отметить как одну из характерных особенностей цикла изобилие отрицаний, выраженных различными частями речи: прилагательными, глаголами, наречиями. Не повторяя то, что было сказано выше в связи с темой «невстречи», приведем примеры из разных стихотворений цикла: «Нескрепленные взгляды не знают, где им лечь», «Был вещим этот сон или не вещим», «Такой на свете нет, Такой на свете быть не может», «Что делала — сама еще не понимала», «Ты отдал мне не тот подарок», «Не будем вспоминать о нем!», «Не пугайся», «Был недолго ты моим Энеем», «Мы сжигаем несбыточной жизни Золотые и пышные дни», «Не придумай разлуку бездонней».

Встречаются случаи, когда частицы «не» и «ни», иногда повторяясь, служат для усиления отрицания: «Ни врач не исцелит, не утолит поэт», «Но, наверное, нас разлученней В этом мире никто не бывал», «Пусть в крови не осталось и грамма, Не впитавшего горечи их».

Цели усиления отрицания отвечает также использование слов, начинающихся с «не»: «Мы встретились с тобой в *невероятный* год», «*Непоправимые* слова», «Тот час был *нестерпимо* ярок».

Наконец, иногда слова, в составе которых слышится «не» – «ни»; появляются в тексте цикла не для отрицания, а для создания звуковых ассоциаций:

Мы встретились с тобой в *невероятный* год,
 Когда уже иссякли мира силы,
 Все было в трауре, все *никло* от *невзгод*.
 («Ты выдумал меня. Такой на свете нет...»)

И о встрече в *небесной* отчизне
 Нам ночные *не* шепчут огни.
 («Ты стихи мои требуешь прямо...»)

Согласно мысли И. В. Фоменко, выраженной в работе «О поэтике лирического цикла»⁴, временные отношения относятся к «незапрограммированным» циклообразующим связям, которые появляются помимо воли автора. В связи с этим следует сказать о противопоставлении, заложенном в заголовочном комплексе цикла, – его заглавии и подзаголовке: «*Шиповник цветет*», «*Из сожженной тетради*». Глагол несовершенного вида в настоящем времени подчеркивает реальность происходящего, а причастие совершенного вида свидетельствует о прошлом, о том, что было, но больше не принадлежит миру живых.

В ряде случаев сочетание настоящего и прошлого в тексте цикла доходит до оксюморона:

И вот *пишу*, как прежде без помарок,
 Мои стихи в *сожженную тетрадь*.
 («Сон»)

Живу, как в чужом, мне приснившемся доме,
 Где, может быть, я *умерла*.
 («Пусть кто-то еще отдыхает на юге»).

Характерно, что цикл открывается предлогом «вместо», и обращение Ахматовой к читателю начинается с конфликта:

Вместо праздничного поздравленья
 Этот ветер, жесткий и сухой,
 Принесет вам только запах тленья,

Привкус дыма и стихотворенья,
Что моей написаны рукой.

Противопоставление, конфликт присутствуют и в заключительном четверостишии цикла, в котором то, что «для людей» представляется «временами Веспасиана», для лирической героини цикла – «только рана» и «облачко над ней»:

И это станет для людей
Как времена Веспасиана,
А было это – только рана
И муки облачко над ней.

Наблюдения над поэтикой цикла «Шиповник цветет» позволяют сделать вывод о том, что ведущим циклообразующим приемом в нем служит противопоставление. Выражаемое разными языковыми средствами, оно в том или ином виде обнаруживается практически в каждом из стихотворений, не теряющих при этом своей самодостаточности.

Примечания

- ¹ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. 1952–1962 // Нева. 1993. № 5–6. С. 155.
- ² Фоменко И. В. О поэтике лирического цикла. Калинин, 1984. С. 25.
- ³ Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 377.
- ⁴ Фоменко И. В. О поэтике лирического цикла. С. 25.

V. Культура славян: векторы взаимодействия

Б. Даскалова

Восточно-православное политическое сотрудничество в XIV веке

Быть может заглавие этой статьи вызовет некоторое недоумение относительно сочетания двух понятий «православная религия» и «политическое сотрудничество», но с конца XIII в. и особенно в XIV в. в Юго-Восточной Европе протекают такие геополитические процессы, которые привели к коренному изменению старого статус-кво христианских государств в этом регионе и приводят даже к изменению строго традиционного до этого времени отношения Константинопольской церкви к церквям таких православных государств как Болгария, Сербия, Россия, в том числе Валахия и Молдова.

Несмотря на то, что существует довольно много письменных источников эпохи позднего Средневековья, и мы знаем хорошо историю православных государств на Балканах в XIV в., очень трудно синтезировать политические события, многочисленные проявления цивилизации, религию и экономическую деятельность стран в этом регионе. Поэтому, в свете нашего исследования, представляя исторический синтез определенного периода, мы ограничимся только некоторыми политическими событиями и фактами из истории церковной жизни и литературной деятельности, которые указывают на главные проявления и тенденции взаимного влияния и взаимодействия в культурно-идеологической сфере средневековых православных обществ на Балканах.

Анализируя историю Византийско-православного мира в XIV в., нужно подчеркнуть следующий парадокс: пока, с одной стороны, наблюдается полный распад политической власти и отсутствие единства в этой сфере, с другой стороны, в области религиозно-духовной деятельности и связанных с ней культуре, литературе и искусстве прослеживается единство православных славян, как между собой, так и по отношению к Византии¹. К этой общности православных балканских народов можно причислить и северодунайские государства Валахию, Молдову, Киевское княжество и Московскую Русь. Это духовное единство было детерминировано господствующим в XIV в. в Восточной церкви религиозно-интеллектуальным движением – исихазмом.

Важно уточнить, что термин «исихазм» не должен рассматриваться только в богословско-религиозном плане. Его смысл допускает наличие разнообразных реализаций на практике, начиная от полного отказа от мира по примеру древне-египетских отшельников и в соответствии с наставлениями Евагрия Понтийского и Макария Египетского. Стоит упомянуть о написании богословско-полемических трактатов, а также очень сильное влияние исихазма на общественные и международные отношения². Перед наукой встает вопрос о «политическом исихазме» как движении, определявшем не только религиозно-культурные взгляды людей XIV в., но и их социально-политическую деятельность далеко за пределами Византийской империи. Под термином «политический исихазм», введенным русским византинистом Г. М. Прохоровым³, мы понимаем социальную, культурную и политическую программу, проводимую в XIV в. выдающимися византийскими политическими и религиозными деятелями и широко распространившую свое влияние в православных странах.

Что связывало таких выдающихся личностей эпохи, как византийского императора Иоанна Кантакузина, афонских монахов Григория Синаита и Григория Паламаса, цариградского патриарха Филотея, келифаревского игумена Феодосия и болгарского патриарха Евтимия, сербского архиепископа Савву и афонского монаха Исаю, основателя первых монастырей и монашеских обществ в Валахии Никодима Тисманского, русского монаха Сергия Радонежского и киевского митрополита Киприана Цамблака и многих других идейных и политических деятелей того времени? Существование тесных связей между столь разными личностями как по этнической принадлежности, так и по способностям, общественному положению и призванию, но объединенными влиянием исихазмской идеологии, не может быть объяснено только исповеданием «священного безмолвия» (*ἡρά ησυχία*), а их общее определение как «исихастов» нуждается в терминологическом уточнении.

В связи с этим необходимо рассмотреть вопрос о роли византийского и славянского монашества в социально-политической жизни общества и не только в Византии, но и в других православных странах, исследовав то, как религиозно-богословские убеждения деятелей исихазма в разных странах привели к необходимости духовного объединения и консолидации в борьбе против иноверцев-турков и завоевательных походов крестоносцев-католиков.

Византия как государство часто подвергалась нападению турок, но в XIV в. она смогла с помощью движения исихастов возродиться в качестве церковной культуры, объединяющей греков, сербов, болгар, румын, грузин, русских. В истории нередко случается, что период экономического краха становится временем расцвета мысли, культуры, дипломатии. Так произошло и в Византии в XIV в. Волна религиозно-культурного подъема

распространилась отсюда на другие православные страны, оставив глубокий след в культуре их народов. Поэтому исследователи называют этот период «восточноевропейским предвозрождением» или «возрождением славянского православия»⁴. Прохоров считает, что более точно было бы называть это явление «православное возрождение», поскольку кроме славян, оно охватывает также греков и румын⁵. Византийские «семена» нашли благоприятную почву на широкой территории: от Болгарии и Сербии до Руси, куда они проникли с возрождением и преобразованием национальных культур. Поэтому исихазм – это течение, определяющее характер всей византийско-славянской церковной жизни. Процессы, относящиеся к «политическому исихазму», заслуживают особенного внимания.

Закат византийско-славянского православного мира

Сильная придворная группировка при Палеологах рассматривала военную помощь со стороны западных государств как путь спасения от турок. Другая партия, во главе которой находился Йоан Кантакузин, не допускала мысли о подчинении Византии Западу, и из двух угроз – со стороны католиков и со стороны турок – менее серьезной считала последнюю. Кантакузин и поддерживающая его церковная партия, где доминировала исихазская идеология, отказывались подчинить интересы церкви сугубо политическим интересам двора Йоана V Палеолога. Стремясь защитить Византию от турок, они не были согласны достичь этой цели любой ценой, и особенно – ценой церковной унии с Римом, которая требовала религиозного компромисса как условия западного крестового похода. Гражданская война 1341–1347 гг. между двумя этими группировками подорвала последние силы Византии как государства и лишила ее последней возможности политического возрождения.

Начало XIV в. отмечено в самой сильной православной империи долгой чередой гражданских войн и окончательной потерей больших территорий в Малой Азии и Европе. С мучительной династической распри между Андроником II и его внуком Андроником III началась эпоха тяжелых внутренних противоречий, которые привели к истощению последних сил империи и открыли возможности для экспансии турок и сербов⁶. В эти столкновения весной 1327 г. включились и балканские государства: Андроник II объединился с сербами, а Андроник III заключил союз с болгарским царем Михаилом Шишманом.

Внешнеполитическое положение определялось постоянными продвижениями османов в Малой Азии. В 1326 г. Бурса стала их столицей, в 1331 г. 2000 византийских воинов проиграли битву за Никею – один из византийских центров, а через 6 лет пала и Никомедия. У Империи почти не осталось земель в Малой Азии.

После смерти Андроника III в 1341 г. вспыхнувшая с новой силой гражданская война между Йоаном Кантакузином и Йоаном Палеологом разрушила то, немного, что Византия еще имела. К внутренней войне прибавились социальные и религиозные противоречия. Византия переживает не только политический, но и тяжелый социальный кризис. В условиях мятежа, вызванного узурпацией власти Йоаном Кантакузином (годы правления 1347–1354), социально-революционное движение зилотов в Солуни (после 1342 г.) и религиозные распри в споре за исихазм между приверженцами Паламы и сторонниками Варлаама полностью ослабили оборонительные силы против сербов, наступавших на Балканский полуостров.

Слабость византийских позиций на Балканах внутривизантийски определяет военное и финансовое истощение Империи, а внешнеполитически тяжелые судьбоносные события в Малой Азии и не на последнем месте начало Генуэзко-Венецианской войны⁷.

С приходом к власти молодого короля Стефана Душана (1331–1355) началось непрерывное победоносное создание Великой Сербской державы и завоевание огромных частей балканских территорий, всех албанских земель, за исключением Эпира, Фессалии, Македонии, части средней Греции и области между Моравой и Вардаром, с центром в Белграде на севере. 16 апреля 1346 г. в Скопье он был коронован как «царь сербов и греков» и поставил перед собой давнюю цель балканских правителей: создание Балканской империи с центром в Константинополе⁸.

В то же время отношения между Византией и Западом оставались очень сложными. Для начала нельзя забывать, что путь турецким завоевателям открыли западноевропейцы. Если Византийская империя пала в 1204 г. под натиском латинян, то можно с уверенностью говорить, что наиболее важным помощником турок в приготовлении второго падения в 1453 году был Запад⁹. И действительно, после 1261 г. в византийской политике если и существует постоянное напряжение, то только для того, чтобы защититься от Запада. Остается неоспоримым тот факт, что Византии необходимо было постоянно отбиваться от повторных захватнических попыток Запада, это мешало византийцам противостоять турецким нашествиям в Малой Азии, что в конечном счете привело к завоеванию этой территории.

Постоянная угроза со стороны Запада и ситуация на Балканах требовали концентрации сил в европейской части Империи. В результате турки проникают в уже бывшую территорию империи в Малой Азии, не встречая никакого серьезного отпора. Одно из турецких племен династии Османов, будучи наемником Йоанна Кантакузина, входит в крепость Галлиполи (1354 г.) и скоро превращается в серьезную военную угрозу для Византии и Балканских стран, а позже и для Европы.

«Своими громкими победами, – говорит Дийл о Мураде I, – он обязан соперничеству между балканскими странами, ослаблению Византийской империи, борьбе между Венецией и Генуей в Oriente, а также маневрам пап для объединения»¹⁰.

Сегодня все историки признают, что если Византия и другие государства на Балканском полуострове и были захвачены турками, то причина тому скорее всего кроется не в превосходстве турецкой армии, а в тотальном отсутствии единства балканского и западного миров. Каждый из них был занят старым соперничеством, обусловленным своими интересами, которые заставляли их вести себя совершенно неожиданно для христиан по отношению к туркам¹¹.

Турецкая проблема была тесно связана с балканским вопросом.

Сначала Византия представляла собой большую общность народов, связанных Православием и принимающих участие в одном общем деле в границах Восточной Римской империи. Византийская культура основывается на этой общности, несмотря на разные этнические различия, и ее большая мощь состояла как раз в синтезе и ассимиляции разных духовных «креаций» на ее большой территории. Румынский историк Николае Йорга пишет, что: «Империя являлась интернациональной формулой, утвержденной легитимностью имперского института, подкрепленной римским правом и Восточно христианской церковью»¹².

На протяжении тысячелетней истории Империя поддерживала это свое качество, но с приходом новой эпохи она оказалась неспособна ассимилировать недавно принявших христианство болгар, сербов, русских. Они оставались просто «варварами», принявшими православие, ставшими более управляемыми и нейтрализованными, но не имевшими права участвовать в жизни Империи. Имперская идея, которая еще была жива, стала фактором ожесточенного соперничества между старой Византией и недавно принявшими христианство народами балканского полуострова, каждый из которых стремился получить имперскую корону. Новые христианские народы, вместо того, чтобы стать источником обновления и новой энергии для Православия, стали причиной постоянного ослабления Византийской империи. Их претензии, отразившиеся на церковной политике, стали источником вражды между национальными церквями и Константинопольской церковью, следствием чего стали схизмы в Тырново и Скопье. В то время когда турки проникли в Европу, уже разединенные балканские державы греков, болгар и сербов воевали между собой за землю, пользуясь слабостью друг друга, пока турки не воспользовались их общей слабостью. Вместо того, чтобы сформировать единую общность и направить свои силы на внешнего врага, они разоряли друг друга и в итоге оказались лицом к лицу с лучшей армией своей эпохи, которой стали бывшие турецкие наемники.

Такова в общих чертах история Восточной Европы в первой половине XIV в. – начале гегемонии Запада. Слава и сила принадлежат теперь Западному миру. Византийско-славянскому миру остается область духовного созидания. И как нередко случалось в истории – культурный расцвет предшествовал политической катастрофе, и тогда, во время серьезного политического и экономического кризиса, происходило культурное возрождение.

Необходимо отметить, что этот культурный подъем проходил под влиянием исихазма – отражения духовного возрождения лучших традиций Православия. Под влиянием этого религиозного учения происходило и нравственное обновление общества.

Исихазм – не просто учение одной монашеской секты. Это всеохватывающее движение, что доказывается сильной консолидацией в монашеской среде всего Православия. В XIV в. исихазм преодолел этнические различия между своими единомышленниками в Болгарии, Византии и Сербии. Монашеское исихастское движение превратило православные монастыри в центры духовно-религиозного и культурного взаимодействия монахов различных национальностей¹³.

Вот как это явление синтезировано определяет сербский медиевист Васиц: «Исихазм – конечный результат монашеского энтузиазма... Это был не просто монашеский спор, а явление, которое считается одним из самых удивительных феноменов всех времен, одним из интереснейших в истории цивилизации»¹⁴.

И действительно, исихазм представляет собой особенный монашеский образ жизни, который собирает в себя целую традицию Востока. Доктрина Паламаса же представляет собой сосредоточение ортодоксальной мысли, выкристаллизованный вид учений всех крупнейших отцов Восточно-православной церкви от Оригена и Дионисия Ареопагита, до Григория Синаита. Благодаря своим высоким нравственным добродетелям, чистоте веры и бескомпромиссному отношению к каким-либо еретическим и иноверным влияниям, исихазм овладевает не только монастырями, но и всей Православной церковью. В то же время, вполне логично видеть исихазм во главе борьбы против унии с Римом до начала организации общего сопротивления туркам.

Исихазм – проводник новой идеологии и политики в православном мире в XIV в.

Когда Йоан V Палеолог – самая трагичная фигура династии Палеологов, находился в Риме в 1369 г., он был готов на любые унижения, чтобы получить помощь от Запада в борьбе против турок. В это время патриаршеский престол в Константинополе занимал патриарх Филотей, один из наиболее значимых фигур византийского мира. Он соединял в своей личности и своих идеях решительную активность политического исихазма и идею универсальной

теократии Православия. Именно во время его управления был задуман проект альянса всего православного мира против турок и латинян. Он вырабатывает новую политику, основанную на новой концепции относительно приобщенных к христианству народов, которых другие императоры считали варварами. Этот факт является показателем того, что Юго-восточная Европа стояла на пути к реализации нового вида солидарности народов – солидарности, основанной на общей православной вере и Церкви.

Благодаря своему большому авторитету одного из выдающихся мыслителей и писателей своего времени, Николай Кавасила был одним из претендентов на цариградский патриаршеский престол. Но император Иоанн Кантакузин предпочел митрополита Хераклийского Филотея. Филотей Кокинос (Красный) и Иоанн Кантакузин – это важнейшие фигуры политического исихазма или исихазма в политике.

Патриарх Филотей Кокинос (1353–1354, 1364–1376) – интересная и яркая фигура, заслуживающая внимания как Византии, так и государств, находившихся под ее политическим и культурным влиянием. Он был высокообразованным монахом, одним из наиболее активных участников исихастских споров, учеником и другом Григория Паламы, инициатором его посмертной канонизации в святые (1368 г.), советником Иоанна Кантакузина, полемистом, богословом-философом, интересным и плодовитым писателем в различных жанрах – публицистика, историческая литература, агиография, панегирики, литургия, а также поэт и политиком. Родился он на стыке XIII и XIV вв. в Салониках, в бедной семье. Его мать была еврейкой. В детстве Филотей был слугой в доме филолога и ритора Томы Магистра, в обмен на что имел право учиться у своего господина. Очень рано был пострижен в монахи, жил на Синае и на Афоне. В 1347 г. был рукоположен в митрополиты Хераклеи во Фракии. В 1353 г. стал константинопольским вселенским (οικουμενικός) патриархом¹⁵. Еще во время своего первого патриаршеского пасторства, вплоть до 1354 г., когда вместе с Иоанном Кантакузином он был вынужден оставить престол, Филотей проявил высокую внешнеполитическую активность, решительно вмешавшись в администрацию одного из своих важнейших диоцезов – Киевской Руси. Филотей смог рукоположить приехавшего из Москвы русского боярина Алексея в митрополиты всея Руси и официально утвердить перенесение митрополитской кафедры из Киева во Владимир¹⁶. Поддерживая борьбу Москвы против Литовского княжества и политику московских князей, цариградский патриарх сыграл значительную роль в образовании централизованного великорусского государства¹⁷.

Успеху, который был достигнут исихастами, не могло существенно помешать и полупринудительное пострижение в монахи императора Кантакузина. В 1364 г. Филотей Кокинос снова становится патриархом. С помощью бывшего императора, а к тому моменту историка и богослова-

публициста монаха Иосафа, ему удалось одержать важную внутривластную и моральную победу при дворе Иоанна V Палеолога, и таким образом придать Церкви первостепенное значение в жизни империи, переживающей период заката. Осознавая не только турецкую опасность, но и угрозу со стороны папского католицизма, в своей внешней политике он рьяно и, стоит отметить, не без успеха стремился объединить православные народы Восточной Европы и подчинить их через всеобщую верность константинопольскому патриаршескому престолу.

Роль «Вселенской» патриархии и сложной системы ее административно-го и дипломатического аппарата существенно возросла во время последнего периода Византийской империи – периода Палеологов. Унаследовав престиж исчезающей империи, патриархия не переставала придерживаться имперских принципов, которые, хотя и номинально, но продолжали существовать в общественном сознании византийцев и славян. В отношениях с православными странами в XIV в. византийская дипломатия была представлена в большинстве своем как дипломатия церковная. Роль такого вида дипломатии давно известна и признана, но ее значение оценено все еще не полностью. Поэтому здесь мы бы хотели отметить основные цели этой дипломатии и главные результаты, к которым она привела.

Прежде всего, систематичное нарастание авторитета и престижа византийского патриарха сознательно распространялось не только на православное духовенство стран, соседствующих с Империей, но и на правителей этих стран. Константинопольская патриаршья власть определяла себя в соответствии с теорией «всеобщего руководства» (κτδεμονία πάντως) и провозглашала себя в таком статусе в патриаршеских актах XIV в.¹⁸. Если понимать буквально, данная теория предполагает, что константинопольский патриарх становится восточным папой, который управляет миром через своих наместников – епископов. Теория «всеобщего руководства» постоянно встречается в актах патриархов – исихастов XIV в.: в грамоте 1354 г. патриарха Филотея, в соборном решении 1361 г. патриарха Калиста, в грамоте патриарха Антония, датируемой 1393 г.¹⁹. «Бог поставил нашу милость опекуном всех, по всей вселенной находящихся христиан, попечителем и блюстителем душ их и все зависят от меня как от отца общего и учителя. Но поскольку не может один человек обойти всю вселенную, то наша милость выбирает самых лучших и отличившихся добродетелями лиц, ставит их и рукополагает пастырями, учителями, архиереями и посылает их в различные части вселенной»²⁰.

На самом деле эти формулировки противоречили византийскому каноническому праву и были скорее результатом византийской склонности к риторическим гиперболам, которые должны были произвести должное впечатление на сохранившийся в большинстве своем славянский,

православный мир. И все же это возвеличивание в Константинополе роли «церкви-матери», церкви главенствующей, не являлось исключительно литературным приемом. Оно было подчинено главной цели политики Филотея Кокиноса, – сделать Церковь фактором объединения и средством спасения православных народов. Идея «объединения через веру» полнее всего воплотилась в общественной и политической деятельности церковных руководителей и образованных монахов, которые были выходцами из разных стран, но все они – адепты исихазма.

Начавший свое возрождение с защиты Григория Паламы, исихазм быстро обрел множество последователей и энергичных распространителей во всех славянских странах. Среди учеников Григория Синаита, возродившего исихазм, был и беспокойный духом болгарский монах Феодосий, который изучил жизнь монахов во многих монастырях в районах Видина, Тырново, Русе, Сливена, полной горячего желания найти способ поднять духовно-нравственный уровень монашества, клира и верующих²¹. В своем духовном опыте, ступив на путь исихазма, он воспринял от Григория Синаита, а после его смерти – из Афона и Константинополя, теорию и практику исихазма. По возвращении в Болгарию, Феодосий стал главным идеологом и распространителем этого течения. При помощи царя Ивана Александра он построил Келифаревский монастырь, в котором собирались до пятидесяти монахов из Болгарии, Сербии, Влахии, России и других стран²². Среди них был и Евтимий – будущий великий болгарский патриарх, Киприан – следующий митрополит Московский и всея Руси, который также был назван «восстановителем духовного просвещения на Руси», выдающиеся книжники Дионисий, Йоасаф, Роман, Ромил и другие. Некоторые авторы утверждают, что к 1360 г. число учеников Феодосия достигало даже 400 человек²³. Келифаревская школа стала большим центром книжности и духовности. Из него монахи несли в ближние и дальние пределы исихастское богословие.

Из основных положений исихазма заботиться и думать «не о материальной и проходящей телесной пище», а о «нематериальной, неизчерпаемой, душеполезной и нетленной пище»²⁴ проистекают стимулы активной книжной и просветительской деятельности. Болгарский исихазм в лице Евтимия и других книжников является носителем идеи создания книжности с более высокой художественной формой и большей точностью и выразительностью мысли. Высшая богословская и литературная школа Евтимия создала целое поколение переводчиков, переписчиков, компиляторов и писателей. Она осветила своим «научным» для того времени знанием не только Болгарию, но и дальние горизонты, так как в ней помимо болгар учились еще и сербы, валахи, молдоване и русские.

Болгарские исихасты проводят и активную политику охраны веры и болгарской народности. Феодосий не ограничивался только созданием Келифаревской духовно-просветительской и книжной школы, школы исихазма и духовного усовершенствования. Он не безразличен к участию своего народа и родины и делает все, что в его силах, чтобы нормализовать отношения между его родной Тырновской патриархией и церковью-матерью – Константинопольской патриархией, что имело бы и большой политический эффект для преодоления соперничества между болгарскими и греками и для облегчения заключения возможного союза между ними для борьбы против общего врага – османов. Поэтому исихаст Феодосий прервал свое безмолвное созерцание и предпринял, несмотря на старость и болезнь, предположительно по настоянию царя и в некоторой степени при противодействии тырновского патриарха²⁵, вместе со своими учениками Евтимием, Киприаном, Саввой и Тимофеем тяжелый и дальний путь до Цариграда, как будто бы взять благословение и миропомазание Вселенской церкви²⁶, а на самом деле, – чтобы провести переговоры по этим вопросам со своим соратником и единомышленником – цариградским патриархом Калистом²⁷.

Еще больше поднял духовное значение болгарской столицы ученик Феодосия – патриарх Евтимий. В находящемся недалеко от Тырново монастыре «Святой Троицы» под его руководством новая школа, преемница Келифаревской, во второй половине XIV в. разрослась и превратилась в огромный очаг болгарской богословско-философской мысли, чья сущность заключалась в том, что исихазм стал господствующим религиозным течением в православной церкви. Посредством его содержания, в общих чертах углубления в себя, истинного преклонения перед духовной сущностью человека, глубоким гуманизмом и свободой воли личности, была достигнута идея большей свободы социально-религиозной политики национальной церкви, и в тоже время повышения значения их роли для духовного объединения народов, которыми они руководили.

– Показательной является политика патриарха Филотея и та роль, которую сыграл назначенный им митрополит Киприан Цамблак в государственном и религиозно-идеологическом объединении русских княжеств. Киприану, ставшему митрополитом всея Руси еще при жизни митрополита Алексея, была дана инструкция сохранить единство русской митрополитской кафедры как объединяющего фактора на русских землях и противопоставить его церковно-административному делению, к которому стремилась сильная партия московских сепаратистов²⁸. Это, как известно, стоило болгарину Киприану долгих лет борьбы с властным князем Дмитрием Донским и с его кандидатом на кафедру митрополита Михаилом-Митяем и «великорусским» митрополитом Пименом. Идея объединения

Киева и Москвы, которую твердо отстаивал Киприан, привела к окончательному примирению с Литвой и возникновению первой возможности для Москвы освободиться от сюзеренитета татар благодаря Куликовской битве в 1380 г. Таким образом, социально-политическая деятельность исихазма, сторонниками которого были патриарх Филотей и митрополит Киприан Цамблак, играла значительную роль в образовании на северо-востоке централизованного русского государства, а также в урегулировании отношений между ним, Золотой ордой и Великим княжеством литовским.

На Балканах ярким представителем исихастского монашества был афонский старец Исаия, высказывавший идею объединения православных церквей путем примирения Константинопольской и Сербской церквей и отмены схизмы, обременявшей сербскую церковь и вызванной агрессивной политикой Стефана Душана. Исаия стал примером активной общественно-политической роли, которую играли образованные монахи-исихасты Афона, если и не по инициативе, то вряд ли без ведома патриарха Филотея вмешиваясь в государственные отношения Византии с другими православными странами.

Через три года после битвы при Марице за крепость Черномен (26 мая 1371 г.) афонские монахи начали осуществлять план по примирению Цариградской патриархии и Сербской церкви и, возможно, по заключению союза между византийским императором Иоанном V Палеологом (1341–1375) и сербским князем Лазарем (1372–1389). Естественно, целью этого союза была организация объединенной борьбы против турок, самого опасного врага всех христианских народов на Балканском полуострове и в Средней Европе²⁹.

Старец Исаия – одна из значительных фигур, представлявших идеологические концепции доктрины исихазма не только на политической сцене, но и в области культуры. Активный политик и общественный деятель, приближенный к сербскому правящему двору и знакомый с царьградским патриархом Филотеем, просвещенный монах перевел с греческого на славянский язык сочинения одного из самых выдающихся богословов, ученых и философов своего времени – Дионисия Ареопагита. Такие люди, как Исаия, очень способствовали развитию духовных и культурных связей между греками, болгарами, сербами, русскими, румынами, а монастыри этих народов стали центрами этих связей.

Личностью такой же величины был его близкий друг и единомышленник, основатель первых монашеских общежитий к северу от Дуная, – Никодим Тисманский.

Монастыри такого типа, чье количество увеличивалось благодаря религиозным и общественным деятелям вроде Исаи, Феодосия и Никодима,

имели первостепенное значение в создании исихастской духовной общности, были центрами культуры и просвещения многих духовных лиц, которые распространяли и проповедовали православное христианство в своих странах, поддерживали идеологические и государственные принципы своего времени как против ислама, так и против посягательств католицизма.

Исихасты уделяли большое внимание общественным делам. Григорий Палама описывает сущность общественных отношений как близкие к «общественному договору»³⁰. Человек общественное животное и «самыми вредными были те люди со жадным нравом». Иоанн Кантакузин, Николай Кавасила и Филотей Кокинос также написали множество своих трудов в защиту бедных и разорившихся людей, клеймя позором тех, кто находил удовольствие в неслыханных ущемлениях ближних и грабежах. Когда Филотей, еще будучи митрополитом Гераклии, решил оставить беспокойное общественное поприще и удалиться на тихий Афон, его упрекнул сам Григорий Палама, апологет отшельничества, словами: «Как может желать этого тот, кто занимается делами общественными»³¹.

Таким образом, в середине XIV в. в юго-восточной Европе сложился своеобразный тип религиозно-общественного деятеля, в котором были собраны черты всех периодов развития исихазма. Как правило, это монах-созерцатель-практик, и, в то же время, теоретик, философ, а так же зачастую – писатель, переводчик, иконописец. Нередко он занимал какой-либо общественный пост (например, в церковной администрации или в качестве главы, вокруг которого сложилась монашеская общность) и принимал активное участие как в социальной, так и в политической деятельности.

В результате исторического развития Византийской империи случилось так, что во второй половине XIV в. Церковь имела больший вес во внутренней политике и в международных отношениях, нежели государство. Политические связи с другими православными странами стали в большинстве случаев церковными. Помимо этого, официальная патриаршеская политика Филотея противопоставляла себя политике императора Иоанна V Палеолога и его намерениям признать главенство римского папы. Афон, будучи духовным и идеологическим центром исихазма, так же поддерживал Филотея в его противодействии заключению унии с Западной католической церковью.

Так как католики, равно как и мусульмане, считались исихастами экономическими и духовными врагами, исключительно значимые личности, такие как Киприан Цамблак, северинский митрополит Антим и тисманский игумен Никодим, заверили в своей поддержке, оказали полное доверие патриарху Филотею и всей исихастской общности и отстаивали духовное единство православных территорий перед лицом католической пропаганды.

Идеи Афона распространяются и главенствуют в монастырях на всем Балканском полуострове. Достигли они и до далеких границ России, чьи территории были под юрисдикцией Константинопольской вселенской церкви. Уже во время своего первого служения на патриаршем престоле Филотей Кокинос покровительствовал созданию монастырей исихастского типа и реформированию уже существующих. Узнав от русского митрополита Алексея, в 1354 г. посетившего Константинополь, о Сергии Радонежском, он незамедлительно отправил со своим посланником, дьяконом Георгием Пердиком, перстень с крестом, монашескую одежду и грамоту, в которой он старался его убедить в необходимости ввести в своем монастыре систему общежития³². Игумен Сергей, хотя и с большими трудностями, перестроил свой монастырь в соответствии с принципами общежития. После реорганизации Троицко-Сергиевой лавры в северо-восточной Руси началось быстрое распространение подобных монастырей.

Об интенсивности этого процесса свидетельствуют следующие данные. С XI по XIV вв. на территории всей Руси были основаны 90 монастырей, а в XIV в. только в северо-восточной части России насчитывалось 80 основанных монастырей³³. Общежительная монастырская система в XIV в. на Руси распространилась под воздействием Балкан и в данную эпоху этот факт свидетельствует о проникновении и осуществлении исихастской политики.

Подобное явление происходит в землях северодунайских княжеств Валахии и Молдовы. Если политические инициативы Византии не удавались в славянских балканских странах и в землях на севере Дуная, то патриаршеский престол смог спасти духовно-православную общность умелой и гибкой политикой. Константинопольская церковь примирила себя с церковью Сербии и основала новые митрополитские кафедры в более дальних северодунайских провинциях – в Арджеше, Северине и Сучаве. Созданием новых экзархий, передвижением старых титуляров в новые столицы, осуждением непокорных епископов Вселенская церковь держала под контролем процессы формирования национальных церквей³⁴, но то же время этим способом она противостояла энергически мощной католической инвазии, направленной на эти территории.

Исихастская доктрина православной солидарности, создание оживленных культурно-просветительских центров, коими были монастыри, реорганизация монашества и прежде всего деятельность таких значимых личностей своего времени, как Филотей Кокинос, Евтимий Тырновский, Киприан Цамблак, Никодим Тисманский и многих других, создавших условия для православного возрождения в Юго-восточной Европе. Необходимо особенно подчеркнуть, что религиозная культура православного мира многим обязана духовной общности и новым идеям исихастского гуманизма³⁵.

Действительно, как отмечает французский византолог Брейер: «Западным крестоносцам патриарх Филотей хотел противопоставить крестовый поход православным силам. Во время пребывания Иоанна V в Италии, он непрестанно противопоставляет себя имперской политике, мешая клиросу присоединиться к Унии. Своим вмешательством в другие патриархаты: на Руси, где он призывает всех князей признать силу великого князя Московского, в Сербии, где ему через деспота Угleshа удается добиться присоединения Сербской церкви к Цариградской патриархии, в конце концов в Валахии, где он боролся против римского влияния, он пытался связать в один узел все православные страны, чтобы противопоставить их турецким завоевателям и вмешательству Святого престола (Римо-католического)»³⁶.

В эпоху, когда Византийская империя угасала, в Православный мир проникло сильное духовное движение исихазма, приносимое монахами, постепенно завладевавшими ключевыми местами религиозных институтов. Восхождение Филотея на патриарший престол в Константинополе окончательно утверждает его триумф. В духовном плане ярким проявлением этого триумфа является канонизация Григория Паламы и написание его жития самим Филотеем. А его проект православного союза – первое проявление новой тенденции в политике Восточной церкви. Тот факт, что в самой Православной церкви в первый раз рождается представление об общности православных народов, дает начало новой исторической реальности, и эта реальность, вероятно, предложила бы новую модель развития этих народов, если бы они не потеряли свою политическую независимость.

«Исихасты приходят к идее универсальной теократии и пытаются ее реализовать. Но на практике это удается лишь частично, и то лишь в сфере духовной и культурной общности балканских православных народов, построенная на обновленной основе в тот момент, когда политическая раздробленность и нестабильность делают невозможным функционирование старых имперских идей византизма»³⁷.

В то же время, мешая индивидуальным крещениям в греческом клиросе и открыто противопоставляя себя деятельности латинских миссионеров в балканских странах, Филотей убеждает своих сторонников в преимуществе, которым обладала бы коалиция православных стран, в которую должны были бы войти не только Болгария и Сербия, но и Московская Русь, во главе с великим князем Димитрем Донским.

Сербский князь Вукашин и его брат – деспот Угlesh, которым рекомендовал этот союз сам Димитриос Кидонес, и которые хорошо понимали, что не могут рассчитывать на какую бы то ни было быструю и эффективную помощь Запада, принимают план Филотея. Вукашин ясно отдает себе отчет в турецкой опасности. Ему удается сформировать

коалицию с боснийским принцем Твиртко и Валашским воеводством³⁸. К несчастью, 26 сентября 1371 г. их шестидесятитысячное войско было неожиданно атаковано несколькими тысячами турок, рассыпанных по реке Марица, а братья Вукашин и Углеш – сербские приверженцы православного альянса, находят свою смерть.

Этот неудачный опыт, однако, не только исторический эпизод, но и проявление новой реальности, возникшей в период накануне турецкого нашествия, и которой еще предстояло яснее проявиться в рамках православного мира вместе с усилением турецкого натиска. Эта реальность, по своей сущности, политическая и духовная одновременно. Она может быть определена тем, что Йорга называл «опытом реконструкции Византии через Церковь и под эгидой патриарха»³⁹, но, с другой стороны, это нужно связать с большим религиозным возрождением движения исихазма XIV в., чьи последователи – политические и культурные, будут заметны еще долгие века.

Исихастское движение является судьбоносным и спасительным. В то время, когда Византийско-славянский мир умирал, единственно Православная церковь была готова превратиться в институт и душу новой общности народов, которые разделили общую судьбу в последующие века. Таким образом Православная церковь, сохранившаяся несмотря на турецкое нашествие на Балканы, поддерживала веру и национальное сознание поработенных народов и сыграла решающую роль в деле их Возрождения в XVIII и XIX вв., что привело к их национальному освобождению.

Примечания

¹ Дуйчев И. Литературни отношения между византийците, българите и сърбите през XIV–XV век // Избрани произведения. Т. I, София, 1998. С. 128.

² Мейендорф И. Ф. О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV веке // ТОДРЛ. 29. 1974. С. 295.

³ Прохоров Г. М. Этническая интеграция в Восточной Европе в XIV веке. От исихастских споров до Куликовской битвы // Доклады Отделения этнографии. Т. 2, Ленинград, 1966. С. 81–110; Он же. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV веке // ТОДРЛ. 23. Ленинград, 1968. С. 86–108.

⁴ Picchio R. «Prerinasimento esteuropeo» e «Rinascita slava ortodossa» // Ricerche slavistiche. Vol. VI. 1958. P. 185–199.

⁵ Прохоров Г. М. Исихазм и общественная мысль... С. 87.

⁶ Там же. С. 631.

⁷ Там же. С. 620.

⁸ Хьюш Е. История на балканските страни. София, 1998. С. 85.

⁹ Zamfirescu D. Ortodoxie și romano-catolicism, în speciul existenței lor istorice. București, 1992. P. 85.

¹⁰ Diehl – Guillard. L'Europe Orientale... P. 330.

¹¹ Zamfirescu D. Ortodoxie... P. 86.

¹² Iorga N. Byzance en Occident // Études Bizantes. Vol. I. P. 239.

¹³ Дуйчев И. Центры византийско-славянского общения и сотрудничества // ТОДРЛ. 19. 1963. С. 121.

- ¹⁴ Vasić M. M. L'esichasme dans l'église et l'art des Serbes du Moyen Âge. Paris, 1930. P. 122–123.
- ¹⁵ Beck H. G. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959. S. 723–724.
- ¹⁶ Мейендорф И. Ф. О византийском исихазме... С. 303.
- ¹⁷ Obolensky D. Byzantium, Kiev and Moskow. A study in ecclesiastical relations // DOP. II. 1957. P. 40.
- ¹⁸ Мейендорф И. Ф. О византийском исихазме... С. 302.
- ¹⁹ Там же. С. 303, сноска 27..
- ²⁰ Там же. С. 303.
- ²¹ Киселков В. Житието на св. Теодосий Търновски като исторически паметник. София, 1926. С. 5–9.
- ²² Там же. С. 12.
- ²³ Богданов Ив. Кратка история на българската литература. Част I. София, 1969. С. 136.
- ²⁴ Патриарх Евтимий. Свети Иван Рилски. Живот и подвизи. София, 1940. С. 8.
- ²⁵ Попов Хр. Евтимий, последен Търновски и Трапезишки патриарх. Пловдив, 1901. С. 31–42.
- ²⁶ Киселков В. Житието на св. Теодосий... Гл. XXVI.
- ²⁷ Поптодоров Р. Религиозно-социални течения в България през XIV век // Духовна култура. 1972. Кн. 7–8. С. 46.
- ²⁸ Мейендорф И. Ф. О византийском исихазме... С. 304.
- ²⁹ Киселков В. Сл. Проуки и очерти по старобългарската литература. София, 1956. С. 161.
- ³⁰ Прохоров Г. М. Исихазм и общественная мысль... С. 98.
- ³¹ Там же. С. 99.
- ³² Белобров О. А. Посольство константинопольского патриарха Филофея к Сергию Радонежскому // Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника. Загорск, 1958. С. 12–18.
- ³³ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. Москва, 1956. С. 525.
- ³⁴ Iorga N. Istoria Bisericii Românești. București, 1929. P. 50.
- ³⁵ Meyendorff J. Society and culture in the fourteenth century // XIV-e Congrès international des études byzant. București, 1971. T. I. P. 51.
- ³⁶ Bréhier L. Vie et mort de Byzance. Paris, 1969. P. 514.
- ³⁷ Станчев Кр. Евтимиевата школа в контекста на европейското духовно развитие // Старобългарска литература. Кн. II. 1982. С. 13.
- ³⁸ Diehl – Guiland. L'Europe Orientale... P. 334–335.
- ³⁹ Iorga N. Formes byzantines et réalités balcanique // Études Byzantes. Vol. I. P. 147.

Хорватская культура в историческом процессе XVII века

XVII век в истории Европы в научной исторической литературе характеризуется как «бунташный». Революция в Англии, Фронда во Франции, восстания в Нидерландах, Испании, Португалии, Неаполитанская революция, бунты в России, наконец, Тридцатилетняя война – все эти явления были показателями европейского кризиса. Центральная и Юго-Восточная Европа не была изолирована от общей ситуации. Но главным фактором, определявшим напряженность на этой части континента, был неослабевающий натиск исламской Турции.

XVII век был едва ли не самым тяжелым периодом в истории хорватского народа эпохи Средневековья и Раннего Нового времени.

Некогда величественное Триединое королевство (официальное название со второй половины XVI в. королевств Хорватии, Славонии и Далмации), простиравшееся от Дравы до Адриатического моря, представляло государственные развалины. Турки заняли всю Славонию и часть Хорватии вдоль реки Дравы, территорию между реками Савой и Уной. В 1526 г. после победы 300-тысячной армии турок над хорватско-венгерскими войсками в 25 тыс. человек при Мохаче на Дунае Хорватия как часть Венгерского королевства признала власть Габсбургов. На австро-турецком пограничье, на хорватской территории формировалась двором Военная Граница, чтобы сдерживать вал турецких нападений. Представлявшая, в глазах современников, «остатки остатков» Хорватия находилась в состоянии прифронтной зоны, принимая на себя волны турецких вторжений.

Вхождение Хорватии в состав государства Габсбургов имело для нее противоречивые последствия. С одной стороны, объединенными силами было легче противостоять турецкому нашествию, с другой – это сказалось на ее территориальной целостности и статусе. Формирование австрийского абсолютизма сопровождалось его давлением на политические права хорватских аристократии и дворянства, получавшие выражение в автономном статусе Королевства Хорватии.

Положение Хорватии на переднем крае борьбы с османской агрессией, разрушительные последствия турецких вторжений, эмиграция хорватов из родных мест в соседние, более спокойные края, утрата привычных торговых связей – все это обусловило долговременный застой ее хозяйства.

Далмация, находившаяся с XV в. под властью Венеции, стала объектом столкновения интересов Османской империи и Республики Св. Марка. Ее континентальная часть почти вся была занята турками, за исключением узкой прибрежной полосы. Дубровник в свою очередь признал в XV в. верховную власть султана, выражением чего стала ежегодная дань Порте. Но он сохранил относительную политическую самостоятельность, никогда не входил в состав Османской империи, продолжая вести прибыльную посредническую торговлю по всему бассейну Средиземноморья.

В XVII в. Далмация и Дубровник пережили исторические события и природные явления, имевшие разрушительные последствия. В течение четверти века (1645–1669 гг.) Далмация и Бока Которская подвергались опустошению в ходе кровопролитной венецианско-турецкой войны, получившей название Кандийской по городу Кандии – столице острова Крит. Ситуация усугублялась торговой политикой Венеции в ущерб далматинским приморским городам. На этом фоне в 1649 г. Далмацию охватили страшная эпидемия чумы, пришедшая из Османской империи, а затем и голод. Дубровник пережил в 1667 г. мощное землетрясение, за ним последовал пожар, продолжавшийся 20 суток. В результате катастрофы «славянские Афины», средоточие хорватских муз и умов Возрождения, лежали в руинах. Восстановление города проходило тяжело и медленно. Оно затруднялось и перемещением мировых торговых путей в Атлантику, и конкуренцией Венеции.

Хорватский народ переживал период тяжелейшего кризиса. Разделение территории проживания хорватов между разными государствами усугубляло слабость хозяйственных связей между севером и югом, культурную изолированность Хорватии и Далмации друг от друга, группировку интересов по провинциям.

И все же на фоне невзгод в положении хорватов появились первые проблески надежды. В 1593 г. боснийский санджак-бег Хасан-паша вступил в решительную схватку за крепость Сисак, последний укрепленный пункт перед Загребом¹. Однако турки были вынуждены отступить под натиском войск, которыми командовали хорватский бан и австрийские генералы. И сам Хасан-паша утонул при бегстве в реке Купе. С последовавшей затем австро-турецкой войной, завершившейся в 1606 г. Житванским миром, сложилось хрупкое равновесие сил между Австрийской монархией и Турцией. Хорватско-боснийская граница на целое столетие установилась по нижнему течению Купы. Военные действия переместились в сторону Венгрии. Победа хорватов под Сисаком положила начало освобождению хорватских земель от власти турок.

Крупным событием стало сокрушительное поражение турок в 1683 г. под Веной от объединенных австро-польских войск под командованием польского короля Яна Собеского. В свою очередь и хорваты постепенно

начали очищать свою землю от агрессоров, освободив территорию вдоль рек Дравы, Савы, Купы, Уны, Крки. На опустошенные земли стали прибывать южнославянские переселенцы с Балкан.

В конце XVII в. произошел поворот в международной обстановке в Центральной Европе. Война 1683–1699 гг. Священной лиги – коалиции в составе Австрийской монархии, Венецианской республики, Речи Посполитой и с 1686 г. России – против Турции показала способность христианских государств мериться силами с Османской империей. Поражение в этой войне стало началом заката ее мощи. Мирный конгресс 1699 г. в городе Сремски-Карловци лишил Турцию значительной территории в Подунавье – Славонии, части Срема и Бачки.

Центральным событием внутренней истории Хорватии в XVII в. был антигабсбургский заговор аристократии во главе с графами Николой (1620–1664) и Петаром (1621–1671) Зринскими и князем Франом Крсто Франкопаном (ок. 1643–1671).

Знатные роды Зринских и Франкопанов были крупнейшими среди хорватской магнатории. Основу их политического веса составляли обширные владения, простиравшиеся от реки Муры до Адриатического моря. Зринские происходили из Далмации (князя Шубичи-Брибирские). Они собственными силами активно боролись против турецкого нашествия. В течение двух столетий (до 1670 г.) члены этой семьи предприняли 50 крупных военных акций против турок². Зринские были неизменными носителями банского достоинства.

В XVI в. воинскими подвигами прославился Никола Зринский, хорватский бан, затем воевода в Венгрии на правом берегу Дуная. В 1566 г. он возглавил славную оборону крепости Сигет в Венгрии (теперь город на севере Румынии на реке Тиссе). Сулейман II Великолепный со стотысячной армией, подкрепленной мощной артиллерией, предпринял 13-й поход на север. Но у Сигета, который прикрывал путь на Буду, он встретил отчаянное сопротивление хорватско-венгерского гарнизона численностью в 2300 человек. Город был сожжен, защитники его погибли, включая самого Николу Зринского. Месячная осада крепости стоила жизни 25–30 тысячам турок. Под ее стенами смерть застала и Сулеймана II. Героическая защита Сигета произвела сильное впечатление на современников и получила отражение в хорватской литературе. А Никола Зринский стал символом хорватского патристического сопротивления³.

Правнук героя Сигета, также Никола Зринский, получил гуманитарное образование в Граце и Трнаве. В 1647 г. он был назначен баном (официальное возведение в должность состоялось в 1649 г.). Странник активной политики в отношении Турции, он напористо действовал в войне 1663–1664 гг. в южной Венгрии и Меджимурье. Однако Вашварский мирный договор 1664 г., означавший необоснованные уступки Порте, убедил его в нежела-

нии австрийского монарха Леопольда I вести наступательную политику на востоке. В 50–70-х гг. восточное направление действительно оставалось для Габсбургов второстепенным. Их внимание было сосредоточено тогда на борьбе с Францией за влияние в Западной Европе. Никола Зринский погиб во время охоты в результате нападения на него дикого вепря⁴.

Никола Зринского сменил на посту хорватского бана в 1665 г. его брат Петар (инсталляция состоялась в 1668 г.). Петар был также сильной личностью. И он отличился в войне 1663–1664 гг. – его части нанесли поражение боснийскому войску под Оточацем.

Заговор хорватских и венгерских аристократов против господства Австрии продолжался в течение 1664–1670 гг. В Венгрии, которая испытывала более жесткое давление со стороны Габсбургов, нежели Хорватия, его социальная база была несравненно шире. С хорватской стороны заговор был вызван опасениями за автономию Хорватии перед лицом габсбургского абсолютизма, вялостью политики венского двора в отношении Турции, стремлением Габсбургов вычленив формировавшуюся Военную Границу из состава Хорватии, бесчинствами австрийской военщины на этой территории.

Заговорщики рассчитывали на помощь Франции, обещая за военную и денежную помощь в войне против Турции избрание Людовика XIV венгерско-хорватским королем. Однако, заключив в 1668 г. тайное соглашение с Веней о разделе наследства испанской ветви Габсбургов в связи со смертью короля, версальский двор прекратил отношения с ними. Тщетно Петар Зринский пытался найти опору в Речи Посполитой или Венеции. После этого заговорщики предприняли неожиданный и рискованный шаг. Бан Петар Зринский через своего посланца вступил в контакт с турками. Он соглашался за помощь Стамбула подчинить Хорватию и Венгрию верховной власти султана и выплачивать ежегодно 12000 талеров в качестве дани при условии сохранения в Венгрии и Хорватии существующих порядков и признания Петара и его потомков верховными правителями в них. Это означало вассальное положение Хорватии и Венгрии в составе Османской империи, подобное статусу Трансильвании.

Турки сделали вид, что заинтересовались этим предложением. Петар Зринский и Франкопан приступили к подготовке восстания. Тем временем против заговорщиков были двинуты австрийские войска, которые быстро заняли владения Зринского. Бан и Франкопан поняли, что помощь из Стамбула не придет, и, поверив обещаниям двора о помиловании, отправились с повинной в Вену. Здесь они были вероломно схвачены, брошены в тюрьму и в 1671 г. казнены, как и несколько венгерских магнатов. Их огромные земельные владения были конфискованы, частично разграблены, а семьи уничтожены.

Заговор носил сложный хорватско-венгерский характер, за шесть лет прошел разные фазы, меняя свое содержание. В хорватской части он пре-

следовал цель защиты прав и привилегий местного дворянства, а тем самым самостоятельного политического статуса сословной Хорватии. Это была первая акция противодействия абсолютистским тенденциям Габсбургов в отношении Хорватии и Венгрии⁵. Трагический конец самых богатых и влиятельных хорватских родов имел тяжелые последствия для Хорватии, ослабив на долгое время местные политические силы для сопротивления австрийскому абсолютизму, а также для созидательной деятельности в самой Хорватии. Гибель Зринских и Франкопанов означала большой урон для хорватской культуры, и потому что они сами были творческими личностями, и потому что выступали меценатами.

В XVII в. сложные условия жизни хорватского народа – экономический упадок Хорватии и Далмации, постоянная угроза со стороны агрессивной исламской Турции, утрата в результате захвата турками целых областей, давление Австрии и Венеции, наконец, переходившее из века в век духовное разьединение хорватов по провинциям – все это затрудняло развитие хорватской культуры, рождало проблемы и противоречия, решение которых растянулось на последующие века.

Принципиальным обстоятельством развития культуры хорватского этноса в рассматриваемое время было отсутствие у него единого литературно-языкового пространства. И это выражалось не только в бытовании у хорватов разных европейских языков (в Далмации – латинского и итальянского, в Хорватии – латинского, немецкого и в начальной стадии венгерского), но, главное, в существовании разных литературных диалектов на народно-разговорной основе.

У хорватов были три основных речевых диалекта, получивших название по произношению местоимения «что» (кай, што и ча), – кайкавский, штокавский и чакавский. На кайкавском диалекте говорило население северо-западной Хорватии. Чакавский диалект господствовал в Приморье и Далмации. Наиболее распространенным был штокавский диалект, которым пользовались жители в междуречье Савы и Дравы (Славонии), Дубровника, а также все сербы.

Утверждение названных диалектов в хорватской письменности общественного значения началось в позднее Средневековье и продолжалось в Раннее Новое время. В северной Адриатике преобладающим языковым слоем поэзии Возрождения стал народный язык – чакавский диалект. Им пользовались в литературных кругах Сплита, Задара, острова Хвар, а также Дубровника. В эпоху Возрождения чакавский литературный язык достиг вершины своего развития, но затем началось его постепенное ослабление.

В литературе Дубровника в конечном итоге возобладал штокавский диалект. Он достиг высокой степени совершенства в сочинениях Ив. Гундулича и И. Джурджевича⁶.

Истоки кайкавской письменности восходили к старым глаголическим религиозным текстам и отдельным средневековым повествованиям.

Первые опыты литературного творчества на кайкавском диалекте относились к середине XVI в. и были связаны с замком Озаль в бытность пребывания там Зринских и их круга, сочувствовавших протестантизму («озальский круг»). Первой печатной книгой на кайкавском диалекте стал «Декретум» Ивана Пергошича (?–1592), секретаря городского и жупанийского (областного) управления в Вараждине. Это был сборник правовых текстов, переведенных с латинского и венгерского языков из книги «Трипартитум» венгерского законодателя и политика И. Вербеци (1517). Его феодальный свод законов оставался в силе до середины XIX в. Пергошич посвятил свой труд графу Юраю Зринскому, сыну Николы Зринского Сигетского. «Декретум» был напечатан в 1574 г. в имении Ю. Зринского – Неделишче, в передвижной типографии. Через несколько лет, в 1578 г., в Любляне вышло историческое сочинение священника Антуна Врамца (1538–1587) «Хроника», в котором были изложены события всеобщей и хорватской истории – от сотворения мира до 1578 г. Эти книги имели светское содержание, а их кайкавский диалект включал в той или иной мере и штокавские элементы⁷. Старая кайкавская литература просуществовала в Хорватии до середины XIX в.

Особенностью культурной ситуации в Приморье, северной и средней Далмации было сохранение здесь средневековой глаголической традиции, которая, однако, с XVI в. отошла на периферию культурной жизни. Носителями письменности на глаголице и церковнославянском языке с примесью местных разговорных элементов были в основном священники – глаголяши. Она существовала преимущественно в церковной сфере. Но Зринские, Франкопаны и другие аристократы поддерживали глаголяшей, их церкви и монастыри как исконно хорватское явление. В частной переписке они и сами пользовались иногда глаголической письменностью⁸.

Использование в литературе разных диалектов сказывалось на всем духовном строе хорватов, их самосознании, далеко выходя за рамки письменности.

Хорваты на севере и на юге в силу политических обстоятельств соприкасались с разными иноземными культурами и испытывали неодинаковые влияния: северные хорваты – преимущественно австрийское и венгерское, адриатические – итальянское.

Если Далмация и Дубровник оказались в XV в. в лоне итальянского Возрождения, то северную Хорватию коснулась своим крылом Реформация. Это было сложное движение, вызванное в целом ростом городов в Европе и направленное против католической церкви как средневекового учреждения и его идеологии. Но это не значит, что дворянство не было затронуто Реформацией. В Венгрии оно частично оказалось втянутым в это движение, рассчитывая решить с его помощью свои проблемы. В Хорватии же в нем

участвовали лишь отдельные дворяне. Большинство господствующего сословия, материально и численно ослабленного, ожидало от Габсбургов поддержки в противостоянии туркам.

В XVI в. Реформация в хорватской среде получила распространение через словенские земли, Венгрию и Венецию главным образом в Истрии, хорватском Приморье, Военной Границе, Меджимурье, а также в части Славонии, находившейся под властью Турции. Порта по политическим мотивам не препятствовала распространению Реформации. Протестантизмом были захвачены города Карловац и Вараждин. К нему склонялись сыновья Николы Зринского Сигетского – Никола и Юрай. Но все же позиции Реформации в Хорватии были слабыми, и она вскоре была задушена.

Триденский собор католической церкви (с 1545 г. с перерывами до 1563 г.) заложил программу Контрреформации – реставрации и реформирования римской церкви с целью восстановления ее поколебленного авторитета. На этом соборе был впервые сформулирован принцип непогрешимости папы в делах вероучения, что упрочило идеологические позиции католической церкви. В 1604 г. хорватский сабор постановил (в 1609 г. австрийский монарх санкционировал), что в королевствах Хорватии и Славонии признается только католицизм. В Загребе (1606 г.), Вараждине, Риеке появились иезуиты – воинствующий полумонашеский орден, главный проводник Контрреформации. Вместе с тем широкое наступление Контрреформации на территории проживания хорватов сопровождалось усилением общего влияния Европы на культуру хорватского народа, влияния неоднозначного и противоречивого.

Сложность политического положения раздробленного хорватского народа, разнородность внешнего культурного воздействия обусловили существенные особенности общественно-политической мысли хорватов в разных землях. Но были и общие черты их интеллектуальной жизни.

«Турецкий страх» оживил сознание общности славян. Гуманистическое мышление вызвало интерес к прошлому своего народа и потребность понимания его места в славянском мире. Раньше всего это проявилось в Далмации и Дубровнике. Первым среди гуманистов писал о едином «славянском царстве» неолатинский поэт Илия Цриевич (Цервин) (1463–1520 гг.). Оно простиралось, в представлении дубровчанина, от Иллирии до Балтийского и Черного морей, вплоть до Московии⁹.

В 1525 г. свои взгляды на славянство высказал доминиканец, профессор теологии Винко Прибоевич. Он происходил из горожан острова Хвар. Город-коммуна занимал очень выгодное географическое положение и имел удобную гавань, куда заходили все суда, следовавшие в Венецию или возвращавшиеся из нее. Благодаря развитой торговле и судоходству Хвар стал самой богатой коммуной венецианской Далмации. Он был важным центром хорватского гуманизма и культуры.

Прибоевич получил высшее образование в Италии и Польше. Находясь под влиянием итальянской и польской исторической и публицистической мысли своего времени, он выступил перед согражданами Хвара с докладом на латинском языке «О происхождении и успехах славян». В 1532 г. доклад был издан в Венеции, а в 1595 г. вышел его перевод на итальянский язык.

Прибоевич высказал идею широкой славянской общности, к которой принадлежали хорваты и остальные южные славяне. Он рассматривал последних как автохтонное население Далмации. Автор причислял к славянам Александра Македонского, Аристотеля, Св. Иеронима и многих других лиц, которые получили известность благодаря своей учености, храбрости, военному искусству. Все это служило мыслителю обоснованием не только многочисленности, но силы и исторической роли славянства. Давая географическое описание и краткую историю своего края, он возвеличивал прошлое, экономическую и культурную значимость Далмации и родного Хвара. Прибоевич стал предтечей многих знаменитых носителей славянского сознания у южных славян.

Литература Дубровника подхватила мысль о славянской общности, которая позволяла преодолеть чувство незначительности крошечного вассального государства и придать ему вес и ценность как составной части огромного славянского мира.

В первой четверти XVI в. Лудовик Цриевич (Церва) – Туберон (ум. в 1526 г.), получивший образование в Париже, дубровницкий патриций, аббат бенедиктинского монастыря, написал на латинском языке исторический труд с охватом событий от кончины короля Венгерского королевства Матвея Хуньяди (Матвея Корвина) в 1490 г. до смерти римского папы Льва X в 1522 г. Частично он был опубликован во Флоренции в 1590 г., после смерти автора, а полностью вышел во Франкфурте-на-Майне в 1603 г. Книга получила европейскую известность под названием «Комментарии», но в 1734 г. была запрещена Римской курией за критику верхов католической церкви.

Церва-Туберон с его независимостью суждений высказал мысль о «русской» прародине всех славян – некоей древней Скифии или Сарматии. Он утверждал, что славяне являлись потомками «русских» и готов. Около 600 г. они вторглись в Иллирию, вместе с ними пришли и болгары, занявшие восточную часть Балкан. Язык, употреблявшийся в Иллирии, по оценке автора, почти во всем схож с «русским». В свободном полете мысли Туберон видел «русские» корни в образовании чешского и польского государств¹⁰.

Теория языкового и этнического родства славян была поддержана Фаустом Вранчицем из Шибеника, разносторонне образованным гуманистом. В 1595 г. в Венеции он издал многоязычный латинско-итальянско-немецко-далматинско-венгерский словарь, в котором развил положение о близости языка, употреблявшегося в Иллирии, с «русским»¹¹.

С конца XVI в. идея целостности славян вошла в пропаганду Контрреформации, программа которой предусматривала объединение Восточной и Западной христианских церквей во главе с римским папой. В 1596 г. Брестской унией было создано христианское греко-католическое объединение, подчиненное Римской курии, униатская церковь. Она оставляла православным их богослужение и его язык.

В XVII в. хорватская художественная культура, хотя в отдельных землях с разной интенсивностью, приобщалась к барокко, проявляя тем самым себя в общеевропейском русле культурного развития. Освоение барочной эстетики объяснялось изменениями духовных потребностей общества – желанием глубже понять окружающий мир и самого человека. Философия и эстетика барокко, при всей их разности в отдельных культурах и социальных слоях, открывали эту возможность, понимая жизнь, в отличие от гармоничной и жизнерадостной парадигмы Возрождения, в ее сложности, многообразии и изменчивости и преодолевая прямолинейную трактовку гуманистами человека под знаком абсолютизации его физического и духовного совершенства.

Вместе с тем на идейный облик барокко в Западной Европе, откуда шло его распространение на Восток, оказала влияние и Римская курия. Она внесла в него идеи бренности, быстротечности и иллюзорности земной жизни, страданий и вечного покаяния человека. В таком виде католическая церковь сыграла значительную роль в утверждении в искусстве барокко как одного из главных стилевых направлений.

Деятельность иезуитов была направлена на разжигание пламенного религиозного чувства у верующих, доведения их до экстаза живыми картинами страстей и мучений Христа. Эстетика барокко позволяла решить эти задачи, давая возможность представить источником религиозных переживаний божественную плоть. А барочная пышность католического культа утверждала веру в торжество поколебленного Реформацией католицизма.

В культуре хорватов, как и ранее, доминировали Дубровник и Далмация, чему способствовала близость итальянской культуры. В республике Св. Влаха, проводившей тонкую политику в отношении султаната, до катастрофы продолжалась активная творческая жизнь. В то же время ослабление североадриатических городов отрицательно сказывалось на состоянии культуры в Далмации.

Одним из наиболее характерных проявлений гуманистической деятельности были исторические исследования.

Новый век открыл своим творчеством бенедиктинец из Дубровника Мавро Орбин (середина XVI в. – Дубровник, 1611 г.). В 1601 г. в Пезаре вышла его книга на итальянском языке, получившая известность как «Славянское царство». Это была первая попытка дать историю южных славян в Средние века.

М. Орбин стоял на позиции целостности славян, их автохтонности в Юго-Восточной Европе. Автор впервые рассматривал историю южных славян как неразрывную часть прошлого «царства славян». При этом он причислял к славянам и некоторые германские народы. Его книга была проникнута восхвалением славян, особенно южных. Для доказательства своих утверждений Орбин привлек около 280 авторов, архивные материалы и устные предания. При всей предвзятости замысла, отсутствии критической оценки источников книга Орбина в плане развития хорватской исторической мысли имела несомненные достоинства привлечением заслуживающего внимания фактического материала, особенно по истории Дубровника и соседних с ним земель, османских завоеваний на Балканах. Труд имел ценное приложение – итальянский перевод средневекового источника «Летописи попа Дуклянина» (середина XII в.).

В 1722 г. в переводе Саввы Лукича Владислави́ча-Рагузинского, серба-дубровчанина, переехавшего в начале века в Россию и ставшего ближайшим сподвижником Петра I, сочинение Орбина вышло в Петербурге под названием «Книга историография». Труд Орбина в оригинале и русской версии получил широкий резонанс на славянском юге, оказав влияние на формирование общеславянского сознания и развитие исторической мысли у хорватов и сербов вплоть до середины XIX в.¹²

Почти одновременно с книгой Орбина появились исторические сочинения Динко Заворовича из Шибеника (ок. 1540–1608 гг.). Он принадлежал к известной дворянской семье, закончил по традиции университет в Падуе по праву. Заворович активно участвовал в городской жизни, занимая разные должности. В 1580-х гг. он жил в Хорватии и Венгрии, участвовал в пограничных столкновениях с турками; за военные заслуги получил хорватовенгерское дворянство. По возвращении в Шибеник он написал на латинском языке историю родного города (1597 г.), а затем историю Далмации (1602 г.), доведя ее до 1437 г. Автор, помимо литературы, привлек письменные источники, документы, городские акты. Однако ему не хватало критичности в работе с ними. Тем не менее, сочинения Заворовича остались первыми у хорватов книгами, в которых была изложена систематизированная история Шибеника и Далмации, а также Хорватии.

Основы хорватской исторической науки Нового времени заложил Иван Лучич (Лучич) из Трогира (1604 – Рим, 1679 гг.). Он получил университетское образование в Риме и Падуе, изучив право. Как патриций Лучич по возвращении в 1625 г. в Трогир участвовал в управлении городом. Тогда же он начал собирать материал для исторического труда, привлекая к этому делу большое число соратников из разных далматинских городов. Для сбора источников Лучич сам отправился в 1654 г. в Рим, где вращался в кругу интеллектуалов. Здесь, на рубеже 1661–1662 гг., он закончил свое исследование.

Основной труд Лучича в шести томах «О королевстве Далмации и Хорватии» (Амстердам, 1666, 1667, 1668 гг.), написанный, как и все сочинения автора, на латинском языке, преследовал политическую цель — обосновать право Венеции на ранг королевства даже в случае потери ею Крита (шла Кандийская война). Но, несмотря на прагматическую заданность, труд Лучича благодаря драгоценным материалам и новому критическому методу исследования стал научным вкладом в изучение прошлого хорватского народа.

Автор охватил понятием «Хорватия» территорию от Дравы до Адриатического моря, но фактически ограничился изучением истории южных земель с античных времен до 1480 г., времени утверждения власти Венеции в северной Адриатике. Он добросовестно изучил и впервые критически осмыслил многочисленные источники, опубликовав немало документов, важных летописей и хроник, в том числе «Историю» архидьякона Фомы Сплитского (1266 г.) и «Летопись попа Дуклянина». Лучич привлек архивные материалы из разных областей, включая Хорватию, составил шесть историко-географических карт. Ему принадлежали и другие работы. В 1673 г. вышла его история Трогира до середины XV в. Лучич заложил солидную и надежную фактологическую основу исторических знаний о хорватском Средневековье. По методу исследования он был на уровне современной ему европейской исторической науки¹³.

В 1604 г. была создана первая грамматика «иллирийского» языка, написанная по образцу латинских грамматик того времени. Ее автором был иезуит Бартол Кашич. Еще в конце XV в. в Дубровнике появились первые сочинения на штокавском диалекте. Вскоре католическая церковь стала издавать книги для простого народа в духе Контрреформации на этом диалекте как наиболее распространенном в тех краях (первое сочинение латиницей вышло в 1582 г., кириллицей — в 1583 г.). Иезуиты писали на штокавщине. По их заказу и была составлена Кашичем грамматика боснийского штокавского диалекта. Хотя ее появление было связано с церковными интересами, она знаменовала собой зарождение у хорватов языкознания.

Опыт Кашича получил развитие в работе итальянского иезуита лексикографа Якова Микальи. В 1649–1651 гг. вышел его хорватско-итальянско-латинский словарь «Blago jezika slovinskoga»¹⁴. Лексический фонд в словаре состоял из чакавских и штокавских слов. Он был снабжен небольшой грамматикой, написанной на основе работы Кашича. Сам Микалья отдавал предпочтение «боснийскому языку», т. е. штокавскому диалекту.

Жили в Дубровнике и городах Далмации в то время интеллектуалы с научным образом мышления. Для них была характерна комплексность научных интересов. По традиции молодые хорваты получали университетское образование в Падуе. Обычным делом для состоятельных горожан было посещение Италии, хорватские интеллектуалы, случалось, надолго задержи-

вались в итальянских культурных центрах. В свою очередь итальянские ученые-гуманисты посещали Далмацию и Дубровник. Так научная информация переносилась в хорватскую образованную среду.

Хорватские интеллектуалы трудились также за пределами своей родины, в первую очередь, в соседних странах, особенно в Италии.

Известным в свое время математиком был Марин Геталдич (1568–1626 гг.), вернувшийся в начале XVII в. после многих лет пребывания за границей в свой родной Дубровник. Его работы по геометрии, привлекшие внимание современников, продвинули развитие математики.

Пытливый ум вышеупомянутого Фауста Вранчича (1551–1617 гг.) охватывал физику, математику, инженерное дело, философию, историю, лингвистику. Уроженец Шибеника, он получил образование в университете в Падуе, жил в Риме и Венеции. Помимо лексикографического труда, Вранчич выпустил ряд научных книг по логике и этике. В сочинении «Новые машины» (Венеция, 1595, 2-е изд. ок. 1615–1616 гг.) автор на пяти языках описал 49 разных эскизов и проектов, в том числе свои изобретения. Среди них были проекты моста с гаванью, мельницы на приливе и отливе и, главное, парашюта, который изобретатель испытал на практике, прыгая с башен и утесов в Венгрии и Италии¹⁵.

Научные поиски интеллектуалов в Дубровнике и Далмации были необходимым звеном в процессе развития научных знаний у хорватов как важным условием исторического прогресса.

Характер и состояние хорватской художественной культуры в Дубровнике и Далмации определялись условиями жизни хорватов и влиянием общеевропейской культурной ситуации.

В XVII в. развитие далматинско-дубровницкой литературы протекало под знаком постепенного угасания Возрождения с его просветленным духом и ощущением радости жизни и нарастанием барокко с присущей ему тревогой, надломом, утратой естественности, тягой к экспрессии. В переходное время общеевропейские черты, прежде всего итальянской литературы, сочетались с продолжением местной традиции – привычными темами, образами и лексикой. Новая же идейно-художественная тенденция имела особенности, проистекавшие из хорватских условий жизни.

В рассматриваемое время в далматинско-дубровницкой литературе было разноразличие. В творчестве многих авторов сохранял свои позиции чистый, блестящий латинский язык. На протяжении всего столетия поддерживалась также практика писания на итальянском языке. Это была языковая сфера научных трудов, исторических сочинений, писем, в то время как поэзия и театральные пьесы создавались на родном языке. Но уже с середины XVI в. в Дубровнике и Далмации начало преобладать творчество на штокавском и чакавском диалектах¹⁶. В этом отразилось понимание в городах общности с окружающим сельским миром.

На начальной стадии новые тенденции в литературе проявлялись в ощущениях перемен, настроениях непостоянства мира, нарастании религиозного и морально-дидактического сочинительства. Одновременно шли поиски обогащения лексики, усовершенствования ритмики, обновления рифмы и образов. Переходный характер литературной ситуации на закате Возрождения и подходе к барокко получил выражение в той или иной форме в творчестве значительных дубровницких поэтов рубежа XVI–XVII вв. Д. Ранины и Д. Златарича. Последний отличался высокой образованностью, был видным переводчиком Софокла («Электра»), Овидия («Пирам и Тизба»), Тассо¹⁷.

В поэзию, в свою очередь, проникали общеславянские мотивы. Этим было отмечено, в частности, творчество Ю. Бараковича (1548–1628 гг.), одного из последних поэтов Возрождения и провозвестника барокко в Далмации. Священник-глаголяш из Задара, он в своем главном сочинении «Славянская вила» (1613 г.) прославлял родной город, защищал славян и их язык от «латынн». Его стихи были близки к мотивам народной эпической поэзии¹⁸.

Высшим достижением хорватской поэтической культуры позднего Средневековья и Раннего Нового времени явилось творчество Ивана Франова Гундулича (Дубровник, 1589?–1638 гг.). Потомок знатного рода, он рос в образованной семье. Всю жизнь Гундулич был связан с Дубровником, получил здесь образование, занимал административные должности, в 1634 г. стал сенатором, а в 1638 г. – членом Малого совета Республики. Гундулич был большим патриотом своего города.

Творчество Гундулича отразило движение дубровницкой литературы от художественных установок Возрождения к эстетике барокко. В молодости поэт увлекался любовной лирикой и пасторалью. Он создал ряд пасторальных драм с античными мифологическими сюжетами – «Галатеея», «Диана», «Ариадна» и др. Они были поставлены на дубровницкой сцене в вокальном и инструментальном сопровождении. В этой жанровой разновидности Гундулич не был оригинален, подражая итальянским образцам, прежде всего пасторали итальянского поэта Возрождения и барокко Торквато Тассо.

В 20-е гг. идиллическое мировосприятие Гундулича сменилось религиозными настроениями. Он перевел псалмы («Покаянные псалмы царя Давида» – 1621), создал поэтические религиозно-дидактические сочинения «Слезы блудного сына» (Венеция, 1622), «Песнь о величии божьем». Они были проникнуты идеями аскетизма, согрешения и покаяния. Тогда же Гундулич написал патриотическую пастораль «Дубравка», которая была показана в Дубровнике в 1628 г. В ней на фоне социальных мотивов и прославления города поэт выразил чувства беспокойства и смутной тревоги. Это произведение стало философской прелюдией к главному произведению автора – эпической поэме «Осман» (1632–1637), в котором получило самое сильное выражение поэтическое творчество хорватов в XVII в.¹⁹

Замысел поэмы был навеян Гундуличу героической поэмой Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» (издания 1580 г.), посвященной взятию города в 1099 г. войском Готфрида Бульонского. Импульсом к созданию мону-ментального произведения послужило хорватскому поэту крупное военно-политическое событие – разгром турецких войск объединенными силами поляков и казаков под крепостью Хотином летом 1621 г. Оно получило широкий резонанс в Центре и на Востоке Европы. Первоначальная религиозная установка Гундулича на изображение столкновения христианского и мусульманского миров, типичная для Европы после Тридентского собора, была ослаблена патриотическим антиосманским пафосом поэмы.

Эпос «Осман» имеет сложное идейное содержание. Но через всю поэму проходит излюбленный принцип философии барокко – принцип изменчивости и непостоянства мира, прихотливости судьбы. Важной мировоззренческой категорией была для Гундулича свобода. Поэт провозглашал:

Есть ли худшие невзгоды,
Хуже зла и смерти боле,
Чем остаться без свободы
И душою жить в неволе!²⁰

Многоплановой является сюжетная канва поэмы. Главной темой эпоса выступает трагическая судьба молодого султана Османа II. Она имела историческую основу. Готовя поход в знак отмщения победителей в Хотинской битве, Осман пытался навести порядок в турецкой армии для восстановления военной и политической мощи государства. Однако его действия привели к бунту янычар и гибели султана. В широком историко-философском контексте поэмы смерть Османа представляется пророчеством краха самой Османской империи.

Поэма пронизана верой в неотвратимое падение султаната. Автор видит его предвестники в разложении турецкой армии, потери ею боеспособности, продажности военачальников, власти денег. Поэт раскрывает эти стороны жизни Стамбула в живописных картинах. Заключительные строки поэмы звучат как заклинание:

Но предвижу: сгинет к счастью
Твой закон, как наважденье,
И погибнет божьей властью
Злого дьявола ученье.²¹

Вторая идейно-тематическая линия книги также основана на историческом материале и связана с Польшей и королевичем Владиславом. Поэт с

ментальностью господствующего в Дубровнике католицизма возлагает на католическую Польшу мессионистскую роль в деле сокрушения Османской империи и освобождения христианских народов от власти Турции.

Гундулич представляет реальную мощь Польши в ее многочисленной рати. Он называет участников Хотинской битвы, прежде всего из городов и земель, входивших во времена автора в состав Речи Посполитой. Это отряды из Литвы, Ливонии, Украины, Полоцкой земли, Смоленщины, Подляшья, Замостья, Волыни, Мазовии, а также подольцев, белорусов. «Польская рать» усилена ротами из жителей прибалтийских земель, отрядами франков, немцев, казаков²². Польша была поставлена, не без преувеличения ее возможностей, во главу христианского мира как антиосманская твердыня. Главным позитивным героем поэмы является польский королевич Владислав, «Победитель сил Востока / Под защиту Север взявший». Гундулич изображает его как главнокомандующего «польской рати» под Хотином. Но в действительности он возглавлял половину войска, в то время как другой командовал гетман Ходкевич. В довершение всего непосредственного участия в битве Владислав не принимал, так как был в тот момент тяжело болен²³.

Поэт воспевае́т Владислава, видя в нем олицетворение могущества и незыблемости христианства:

В нем, прославленном, таится
Мощь и сила христианства.

И далее:

Владислав обороняет
Христианство всей вселенной.²⁴

Автор пророчит ему «сто корон золотых» престол воображаемой всехристианской державы.

Третья сюжетная линия поэмы находится в русле «вечных» мотивов человеческих судеб. Она раскрывается как через исторических персонажей, так и вымышленных лиц. Поэтическим вымыслом автора стали образы сильных женщин – девы-воина Крунославы в польском стане и воительницы Соколицы, возлюбленной Османа.

Богатство идейно-тематического содержания эпоса «Осман» названными сюжетными линиями не исчерпывается. Поэт воспевае́т в нем свой Дубровник, с его свободами, стабильностью и миром, выступает проповедником общественного долга и самопожертвования во имя любви.

Имеются в поэме и славянские мотивы. Говорится о тяжелом положении славян:

Там, меж пастью злой Дракона
И когтями Льва, без славы,
В рабстве чуждого закона
Все славянские державы.²⁵

В рабстве и все соседние народы: «Зло там процветает».

Интерес поэта к славянам прочитывается в образе Орфея – мифического героя, которого Гундулич считает болгаринном, – с его песнями о славных деяниях славян. Автор выражает страдания народа, описывая тяжкую участь вымышленной сербской девушки Сунчаницы, насильно взятой в султанский гарем. Однако по месту и значимости в написанных Гундуличем песнях славянская тема уступает объединительному всехристианскому пафосу эпоса.

Хотя антитурецкая тема звучала в далматинско-дубровницкой латинской поэзии еще в XV–XVI вв. (Шижгорич, Марулич, Ветранович²⁶), в поэме «Осман» она получила трагический характер, сочетаясь с пониманием важности единения христиан перед лицом турок и верой в неизбежное крушение Османского государства. Написанная восьмисложным стихом поэма воплотила основные принципы барокко и особенности его проявления в хорватской литературе – проникновение в жизненные проблемы своей родины.

Гундулич обогатил жанр эпической поэмы соединением вымысла с описанием исторической действительности, придав эпике реалистические элементы. Яркое и выразительное отражение реальности достигается не в последнюю очередь благодаря привлечению народной поэзии и преданий. Поэму украшают образы античной мифологии и аллегорические картины. Широта эпического размаха, необычайная напряженность и страстность в изображении батальных сцен сочетаются в ней с выражением страданий угнетенного народа и непосредственных чувств героев. Поэма «Осман» – это симбиоз таланта, свободолюбия и чувства современности автора.

Гундулич работал над эпосом с 1632 г. и до кончины, но так и не завершил его. В нем по неизвестным причинам отсутствовали XIV и XV песни, и долгое время он оставался в рукописном виде. Дубровницкие власти, опасаясь осложнений в отношениях с Турцией ввиду антиосманской направленности поэмы, наложили запрет на ее издание. Тем не менее, сочинение Гундулича пользовалось известностью в Дубровнике и за его пределами. Оно распространялось в рукописных копиях, которых насчитывалось до 80. Творение Гундулича оказалось востребованным в новую эпоху, с развитием хорватского освободительного движения. В 1826 г. поэма была напечатана в Дубровнике. А в 1844 г. она была издана в Загребе с дописанными талантливым поэтом Иваном Мажураничем XIV и XV песнями и составленным им же толковым словарем. При этом Мажуранич усилил в ней славянские мотивы, дописав о тяжелой участи славян и указав на причину их несчастий –

межславянскую рознь. В таком виде эпос был воспринят современниками на славянском юге как мобилизационное послание, призыв к единению и сотрудничеству славян. В славянской тональности поэма вошла и в историю хорватской литературы. Имя Гундулича осталось в ряду наиболее выдающихся славянских поэтов прошлого.

В первой половине XVII в. видное место в культуре Дубровника занимала литературная деятельность Ивана-Дживо Бунича Вучича (1591–1658 гг.). Он принадлежал к известной нобильской семье, учился в родном городе, с молодости вел самостоятельный образ жизни. Бунич был крупным землевладельцем, при этом успешно занимался торговлей и отправлял высокие государственные должности. Он пять раз был на посту князя Республики, многократно избирался членом самых высоких республиканских органов.

Поэт испытал сильное влияние итальянской литературы барокко. Ему принадлежали сборник классических пасторалей «Пастушеские разговоры», небольшой сборник любовных стихов, получивший позднее название «Бездельничанье», и единственное напечатанное при жизни автора сочинение – поэма «Кающаяся Магдалина» (1630, 1638 гг.). Бунич был отчетливо выраженным лириком, с ясными образами, чувством музыкальности и блестящим языком. Его сборник «Бездельничанье», проникнутый наслаждением жизнью, стал образцом хорватской гармоничной барочной поэзии. В поэме, также отмеченной чертами барокко, поэт выражал любовные переживания, обращенные к небесам, но без религиозной экзальтации. Той же эстетике следовал он и в религиозных стихах, отстоявших от средневековой аскетической морали. Бунич оказал большое влияние на последующих поэтов²⁷.

В Дубровнике с его сценической традицией прославился на ниве драматургии Юние Палмотич (1607–1657 гг.). Нобиль по происхождению, он уже в 20 лет заседал в Большом совете – главном государственном органе Республики, всю жизнь отправлял различные выборные должности, был князем в местности Конавле и на острове Ластово.

Палмотич ранние стихи писал на латыни, но затем перешел на родной язык. Он был плодовитым драматургом, создал 15 мелодрам в стихотворной форме, черпая материал для них из мифологии и сочинений античных и итальянских писателей. Дубровницкий автор переносил действие на родную почву, вводил некоторые исторические лица и образы из народной поэзии. Наиболее оригинальной и известной была его драма «Павлимир» (1632 г.), основанная на «Летописи попа Дуклянина» и старой дубровницкой легенде. Это была патриотическая пьеса об основании Дубровника. В 1632 г. она была поставлена на сцене в день Св. Влаха (3 февраля), небесного покровителя города.

Палмотич выражал в своих сочинениях преданность вере и почитание христианской морали, наполнял их любовью к свободе и родному городу, проявлял воодушевление «славянством». Он сплетал в мелодрамах разные темы и мотивы.

вы, строил их в соответствии с поэтикой барочного театра, наполненного игрой, музыкой и сценическими эффектами. Популярный в свое время писатель Палмотич сыграл важную роль в развитии дубровницкого театра, поставляя в течение 20 лет любительским труппам драмы на родном языке²⁸.

Последним крупным представителем барочной литературы Дубровника был Игнат Джурджевич (Дубровник, 1675–1737 гг.). Он происходил из nobilей, получил образование в родном городе, занимал различные должности в Республике. При посещении Рима он вступил в орден иезуитов, однако позднее покинул его. Вернувшись в Дубровник, Джурджевич примкнул к бенедиктинцам, но вошел в конфликт с Сенатом и некоторое время жил в бенедиктинском монастыре в Италии. Свой жизненный путь дубровчанин закончил на родине.

Джурджевич писал на родном и латинском языках. Природная катастрофа и войны ушли в прошлое, дубровчане наслаждались мирным временем. Лирические стихи Джурджевича были полны ощущения гармонии, удовольствия от общения с природой. Ему принадлежала барочная поэма «Вздохи кающейся Магдалины», проникнутая больше чувством, нежели мистицизмом. Джурджевич выступал также как прозаик, занимался историей и историей литературы²⁹. Его творчество связало дубровницкую литературу XVII и XVIII вв.

Постепенное и неударжимое ослабление Венеции, связанное главным образом с перемещением основных морских путей из Средиземноморья в Атлантику в результате Великих географических открытий, сказывалось и на ее периферийных владениях на северном побережье Адриатики. Далматинские города-коммуны, не в последнюю очередь из-за давящей торговой политики Венеции, а также под влиянием турецких завоеваний, утрачивали свое торговое значение, теряли богатство и блеск. Это получало выражение в том числе в сокращении объема и падении качества художественной деятельности в городах, в уменьшении заказов в местных мастерских. Состоятельные горожане все более удовлетворяли свои эстетические потребности венецианскими изделиями или прибегали к услугам иностранцев.

Далматинско-дубровницкая литература была тесно связана с театром. В городах северной Адриатики, как вообще в средневековой Европе, издавна разыгрывались религиозные мистерии, на городских площадях давали представления бродячие актеры, использовавшие гротеск, пантомиму, карнавальные маски. В период Возрождения в приморских городах появился светский любительский театр на литературной основе.

Зрелищная жизнь была наиболее живой в Дубровнике, где любовь к театру передавалась из поколения в поколение. Театральные представления давались обычно на масленицу. Наиболее массовым местом постановок в городе была площадь перед Княжевым двором («Прид двором»), где соби-

ралось наибольшее число зрителей разных сословий и достатка (именно здесь была показана «Дубравка»). Представления устраивались также в венецианской Княжеской палате — в зале заседаний Большого совета Республики, пышно украшенном золотом и лазурью, с роскошными сидениями. Это было место собрания нобилей, но на театральные представления допускались и простолюдины, насколько позволяли размеры зала. Наконец, спектакли проходили во время пиров, которые нобили устраивали в своих городских домах и загородных дворцах. Представления давали любительские труппы, состоявшие из молодых горожан.

На смену возрожденческой комедии XVI в. на сцене утвердилась мелодрама с музыкой, песнями и танцами, похожая на оперу. Дубровницкий театр в рассматриваемое время имел в творчестве Гундулича и Палмотича талантливую хорватскую драматургическую основу. В драмах Палмотича большое место занимали «чудеса», призванные удивить и поразить зрителей. Это был излюбленный прием в театре барокко. Видимо, использовалась при этом и техника. «Павлимир» был показан на сцене 1632 раза. Вместе с тем театр заполняли переводы, переработки, компиляции сочинений античной и итальянской литературы, сделанные безликими местными драматургами.

После землетрясения на протяжении полутора десятка лет дубровницкий театр замер. Когда же в 1682 г. группа молодых нобилей возобновила сценическую деятельность, в театр вернулась комедия. Но это были художественно слабые переработки пьес более раннего времени или переводные произведения с итальянского языка³⁰.

Предположительно в 1681 г. в Дубровнике был открыт театр в приспособленном для этого арсенале, названный Орсан. На его сцене выступали разные местные труппы, а в XVIII в. и итальянские. На острове Хваре в 1612 г. возобновились театральные представления, прекращенные в 1571 г., в надстройке обновленного арсенала. Здесь разыгрывались трагедии, комедии, мелодрамы и пасторали. В самом конце XVII в. театральное помещение появилось и в Задаре. Постоянная сцена в закрытом обустроенном зале расширила возможности театрального зрелища.

В XVII в. в изобразительном искусстве Далмации не было крупных живописцев. Талантливый художник Федерико Бенкович, родившийся в 1677 г., вероятно, в Далмации, получил образование в Венеции и Болонье. Он прожил жизнь в Венеции, Вене и Горице, где и умер в 1753 г. Бенкович обогащал своим творчеством западную культуру.

Местные мастера, как и работавшие в Далмации венецианские художники исходили из венецианского опыта и не оставили оригинальных, заслуживающих внимания произведений. К этому времени угасла и самостоятельная дубровницкая школа живописи, давшая когда-то высокие образцы искусства Возрождения. Одинокие местные художники работали изолиро-

ванно, больше копировали иностранных, в основном итальянских, живописцев и их картины общего самостоятельного направления не составляли.

Далмация, земля каменоломен, славившаяся ранее своими скульпторами и каменотесами, не дала в этом веке ни одного талантливого барочного мастера.

В стиле раннего барокко развивалась музыкальная культура хорватов, испытывавшая сильное итальянское влияние. Дубровник был ее центром. Одним из главных ее направлений была церковная музыка. В город постоянно прибывали органисты из Флоренции, Любляны, Загреба. Это были профессионалы, передававшие свое мастерство ученикам. Профессиональными музыкантами были княжеские служащие, игравшие в оркестре. Заметное место занимала в Дубровнике театральная музыка. Спектакли непременно проходили в сопровождении инструментальной музыки и пения.

Другим важным местом духовной и светской музыки был Сплит. Здесь при кафедральном соборе трудился композитор Иван Лукачич родом из Шибеника (ок. 1584–1648 гг.). В вокальных многоголосных произведениях он обогатил музыкальные традиции новыми тенденциями. В Сплите же Юрай Алберти создал первую в Далмации справочную книгу по теории музыки. Музыкальная культура была сосредоточена также на Хваре. Здесь музыкой были насыщены церковные мистерии³¹.

В XVII в. строительная деятельность в Далмации протекала еще под знаком турецкой опасности. Поэтому возводились новые укрепления, обновлялись существующие фортификационные системы (Задар, Сплит, Клис). На строительстве были заняты главным образом иностранные мастера, использовавшие венецианский строительный опыт, но привлекались также и местные умельцы.

Церковная и светская репрезентативная архитектура в Далмации имела богатую традицию Возрождения, которая своими насыщенностью и качеством оставалась образцом для заказчиков и исполнителей. Поэтому новые барочные приемы, приносимые иностранными строителями, утверждались в местной архитектуре медленно. При этом пришлые мастера нередко копировали венецианские памятники. Так, в разных местах на территории от Ровиня (Истрия) до далматинского города Макарска варьировались колокольни, повторяющие характерные черты колокольни собора Св. Марка в Венеции.

Серьезной причиной художественной слабости местных строителей и каменотесов была ограниченность задач, которые они решали. На их долю приходилось, как правило, заказы на сооружение скромных объектов в маленьких городках и селах. В этих условиях местные мастерские ограничивались внешними элементами нового стиля — орнаментально-декоративными деталями на зданиях, которые по своей пространственной концепции продолжали строительную традицию прошлых веков (например, приходская церковь в Омише).

Тем не менее, отдельные хорватские мастера создавали церковные здания высокого строительного искусства. Таким сооружением был кафедральный собор на Хваре (конец XVI – начало XVII вв.). Его архитектура представляла органический синтез форм Возрождения и раннего барокко с присутствием в колокольне элементов и более ранних веков. Высокий уровень художественности показывала также колокольня церкви Св. Креста в Сплите.

Проникновение стиля барокко в архитектуру жилых домов в Далмации в условиях обеднения городов протекало на фоне сохранения традиций позднего Возрождения и готики (дворцы Cindro, Milesi в Сплите). Барокко выражалось в отдельных декоративных украшениях (окна, балконы, порталы), подчеркивающих центральную ось, в то время как сами концепции пространства были подчинены скромной функции или представляли варианты более раннего типа зданий.

В Дубровнике после катастрофы 1667 г. развернулось широкое строительство. Потребность быстрого восстановления главной городской улицы (Страдума) вызвала, правда, типовую постройку скромных, простых зданий. Зато в последние десятилетия XVII в. в городе началось строительство трех храмов в стиле высокого и позднего римского барокко³².

Загадкой истории хорватской культуры в Далмации была ситуация, при которой материальный достаток городов-коммун, высокая образованность их интеллектуальной элиты, блестящее Возрождение уживались с отсутствием в провинции общедоступных школ. Только на Хваре действовала городская школа. На пути развития среднего образования в Далмации стояла Венеция. Даже в XVIII в. власти Республики Св. Марка отказывались дать разрешение на создание среднего учебного заведения в провинции, например в Сплите. Деятельность церкви на ниве образования, в свою очередь, не оставила заметного следа.

В Дубровнике существовала латинская школа. В 1557 г. был составлен школьный статут. Городские власти регулярно приглашали для работы в школе преподавателей из Италии. Но в связи с землетрясением она прекратила существование. В 1684 г. иезуиты открыли в Дубровнике коллегии, которая имела три разряда и трех преподавателей.

Ввиду социальных условий, но также из-за отсутствия школьного образования в Далмации лишь немногие молодые хорваты из богатых семей могли учиться в университетах Италии, в иезуитских коллегиях Рима, Болоньи и Лоретты. Дубровницкие власти иногда выделяли для этого стипендии.

Еще в XVI в. в период расцвета духовной жизни в Дубровнике и Далмации у местных интеллектуалов появилась тяга к творческому общению, обмену опытом, взглядами. Эта тенденция получила выражение в образовании академий – обществ писателей и ученых с целью развития литературы и

науки. Внимание их членов сосредоточивалось на гуманитарных знаниях, в то время как естественнонаучные вопросы оставались вне поля зрения.

Со второй половины XVI в. в Дубровнике действовало общество интеллектуалов «Академия согласных», созданное по образцу итальянских академий. Здесь встречались представители образованной элиты, в том числе поэт Д. Раньина, ученый Н. Гучетич, писавший на итальянском языке в духе Платона философские работы. По всей видимости, участники академии обсуждали и комментировали создававшиеся ими сочинения.

Около 1695 г. дубровницкие интеллектуалы объединились в «Академию праздных» по примеру римской академии «Аркадия». Задачами этого общества были подготовка латинско-хорватско-итальянского словаря, чтение поэтических сочинений, обсуждение вопросов культуры. В него входило большое число образованных дубровчан, особенно нобилей и священников. Действовали академии также в Задаре. Так удовлетворялась потребность в общественной оценке творчества³³.

Хорватские интеллектуалы участвовали также в работе итальянских обществ, объединений соотечественников за границей. И. Лучич был членом и некоторое время председателем хорватского общества интеллектуалов в Риме, названного в честь Св. Иеронима.

Хорватская культура в городах-коммунах Далмации и Дубровнике испытывала мощное энергетическое излучение, исходившее от более высокой итальянской культуры. Это способствовало синхронному развитию хорватской культуры с итальянской, хотя итальянский опыт и авторитет не могли не подавлять в какой-то мере более слабые творческие потенции хорватов. В XVII в. хорватская культура в этом регионе поднялась на новый уровень, обогащая своей оригинальностью и неповторимостью общеевропейский культурный фонд.

В других условиях развивалась и с иными задачами сталкивалась культура хорватов на севере. Главным обстоятельством было то, что эта часть народа не имела за плечами блестящего и жизнерадостного Возрождения.

В XVII в. в произведениях письменности, имевших общественное значение, использовались в Хорватии латинский, венгерский и родной языки, последний в разных вариантах.

В отличие от предыдущего столетия с его единичными кайкавскими сочинениями значительно вырос в Хорватии фонд кайкавской письменности, как в количественном отношении, так и по жанровому составу. Он включал многочисленные церковные и полуцерковные произведения – обрядовые, проповеднические, морализаторские; духовную рукописную и печатную поэзию, представлявшую в основном перевод или переработку венгерских, латинских и немецких оригиналов; единичные светские стихотворения в пестрых по составу рукописных сборниках; научные сочинения и разного

рода документы. На кайкавском диалекте имелись рукописные переводы европейской средневековой беллетристики. Создателями произведений кайкавской литературы в ее широком значении были в основном духовные лица (иезуиты, францисканцы, белые католические священники), но также отдельные аристократы, дворяне и горожане. Она и функционировала в соответствующих кругах³⁴.

В кайкавской среде была неоднозначная литературно-языковая ситуация. Одни авторы писали на родном диалекте. Другие образованные хорваты, не только представители католической церкви с ее интеграционными тенденциями, сознательно или несознательно, ощущая потребность выйти за узкие рамки кайкавской Хорватии, сделать свои сочинения понятными в соседних краях, но также из-за недостаточной развитости кайкавщины, дополняли родной диалект чакавскими и штокавскими языковыми элементами («озальский круг»). Распространенным приемом было «нанизывание» синонимов, родственных слов³⁵.

Частью литературно-языковой ситуации было появление в Хорватии лексикографических работ. Это стало ответом на потребность образованной части общества в познании родного языка и упорядочении его функционирования в литературе. Начало им положил Юрай Габделич (1609–1678 гг.). Он родился в дворянской семье в Турополе, посещал иезуитскую гимназию в Загребе. Габделич продолжил образование в Вене, затем в Граце, слушая в местном университете философию, наконец, в Трнаве, где изучал теологию. В дальнейшем он получил звание доктора философии. Габделич стал иезуитом, преподавал в гимназиях ордена в Риеке, Вараждине и Загребе, был ректором иезуитских коллегий в Вараждине и Загребе, занимал разные церковные должности. Он выступил одним из инициаторов основания в Загребе университета. Габделич пользовался большим уважением и влиянием у современников. В связи с его смертью все колокола в Загребе звонили два дня в знак траура³⁶.

Габделич издал хорватско-латинский словарь, в котором было собрано 12000 кайкавских слов с латинским переводом (Грац, 1670). Эта книга употреблялась в Хорватии в качестве учебника в XVII–XVIII вв. Габделичу принадлежали также книги морально-поучительного содержания, написанные на кайкавском диалекте («Первый отца нашего Адама грех» – 1674 и др.). В них получили отражение многие стороны жизни хорватов.

Лексикографическую работу продолжил в Хорватии Белостенец, принадлежавший к литературному кругу Петара Зринского.

Иван Белостенец (1594? – Лепоглава, 1675 гг.) родился в кайкавской среде, вероятно, в Вараждине или его округе. Он получил образование в церковных заведениях в Вене и Риме. Белостенец, рано связавший свою жизнь с паулиническим орденом, был настоятелем его монастырей в Хорватии

(Лепоглава, Светици близ Озаля, Св. Елены у Чаковаца). По делам церкви он неоднократно посещал Истрию и некоторое время жил там, бывал на адриатических островах и в Винодоле. Активный деятель церкви, он был хорошо знаком с жизнью населения разных хорватских краев.

На практике Белостенец мог убедиться, что кайкавский, штокавский и чакавский диалекты представляют один и тот же язык. В своих сочинениях – проповедях, изданных в Граце в 1672 г., и, главное, в латинско-хорватском и хорватско-латинском словаре он предпринял попытку соединить на кайкавской основе словарный состав этих диалектов путем использования синонимов. Для преодоления наиболее значительных фонетических различий между диалектами автор ввел особые графические знаки³⁷.

Большой словарь увидел свет лишь после смерти Белостенца в 1740 г. Его подготовили к печати члены паулинского ордена Й. Орлович и А. Мужар³⁸. Словарь употреблялся в школах, оказал влияние на лексику кайкавской литературы и дальнейшие лексикографические труды.

Лингвистические работы были в русле развития научных знаний. Вместе с тем в них отражалось состояние общественной мысли у кайкавских хорватов – ощущение родственности кайкавского, штокавского и чакавского диалектов. И это в условиях невостребованности тогда в Хорватии далматинско-дубровницкой литературы. Схожие мысли проникли и в область исторических знаний.

В рассматриваемое время в Хорватии ее представлял, прежде всего, Юрай Ратткай (Ратткаи, Раткай) – (Велики Табор, 1612 – Загреб, 1666 г.). Его родиной было Хорватское загорье, колыбель кайкавщины. Он происходил из аристократической фамилии, вышедшей из Венгрии, находился в дальних родственных связях со Зринскими и Франкопанами. Ратткай получил образование в Граце и Вене. В 28 лет он стал загребским каноником, занимал разные церковные должности, в качестве хорватского делегата участвовал в работе венгерского Государственного собрания, работавшего в Прессбурге (хорв. – Пожун). Ратткай был талантливым оратором. Одно время он состоял в иезуитском ордене, но вскоре вышел из него. Незаурядная личность, он был участником военных действий против турок, а также сражений в Тридцатилетней войне, в которой были задействованы Габсбурги.

Ратткай выступил автором первого крупного систематизированного сочинения по хорватской истории. В 1652 г. в Вене вышла на латинском языке его шеститомная «История королей и банов королевств Далмации, Хорватии и Славонии» (второе издание – 1772 г.). В самом названии этого труда была заложена мысль о нерасторжимости в прошлом названных земель.

Хорватский автор придерживался позиции автохтонности славян в Юго-Восточной Европе. Он рассматривал близкую ему Крапину как родину легендарных братьев Чеха, Леха и Руса, положивших начало, согласно преданию,

чешскому, польскому и русскому государствам. Труд был проникнут неприязнью к немцам и протестантизму. Историческую канву XVI–XVII вв. Ратткай восстановил на основе архивных документов, а также личных впечатлений о событиях, современником и участником которых он был. Это придало неповторимость и живость сочинению автора – воина и церковника.

«История» Ратткай вошла в историю исторической науки, помимо прочего, как первое печатное выражение славянской идеи в континентальной Хорватии с упором на нее как прародину славян. Этот вариант славянской идеи получил среди мыслителей в Хорватии большой резонанс.

Ратткаю принадлежал также перевод с латинского языка на кайкавский диалект с примесью штокавских и чакавских языковых элементов сочинения австрийского иезуита В. Г. Ламормена, исповедника Фердинанда II, «Добродетели Фердинанда II» (Вена, 1640). Это сочинение Ратткай способствовало развитию кайкавского литературного языка³⁹.

В XVII в. в Хорватии на фоне преимущественно религиозной литературы появились крупные светские писательские имена и значительные художественные сочинения. Писателями светского направления выступили Никола и Петар Зринские и Фран Крсто Франкопан.

Братья Зринские выросли в атмосфере итальянской культуры. Библиотека родного дома располагала множеством книг на латинском и итальянском языках. Среди них были и сочинения далматинских и дубровницких писателей. По завершении образования для расширения знаний молодые аристократы путешествовали по Италии. Они были захвачены итальянской литературой, архитектурой, изобразительным искусством. Поэтому неудивительно, что на их творчество наложила печать итальянская культура.

В 1657 г. Никола Зринский издал в Вене на венгерском языке эпическую поэму «Сирена Адрианского моря». В основу ее сюжета была положена героическая оборона крепости Сигет от турок. Создавая эпос, автор опирался на поэтическое сочинение Брне Карнарутича «Взятие города Сигета» (Венеция, 1584), венгерские хроники, народную песню. Карнарутич, патриций из Задара, использовал хронику «Осада и падение Сигета», составленную участником битвы, казначеем Зринского Ф. Чрнко. В эпической поэме, посвященной графу Юраю Зринскому, сыну Николы Зринского Сигетского, прославлялись подвиги героя Сигета. Автору «Сирены» принадлежали также прозаические сочинения: «Не трогай венгров» и «Храбрый витязь».

Никола Зринский стремился вдохновить современников описанием героических действий предков на борьбу против турок. В одном из частных писем, отвечая, видимо, на упреки в выборе для поэмы венгерского языка, он подчеркивал свою принадлежность к хорватам⁴⁰.

В 1660 г. Петар Зринский перевел поэму брата на родной язык. Изданная в Венеции, она получила известность под названием «Падение Сигета».

Автор перевода придал эпосу патриотический хорватский характер и анти-немецкий мотив. Язык перевода представлял в основе чакавскую традицию, вобравшую в себя элементы штокавского и чакавского диалектов. В составе поэмы было несколько небольших лирических и религиозных песен. Хорватский вариант поэмы отразил приобщение светской литературы в северной Хорватии к барокко⁴¹.

Род Франкопанов происходил из Приморья, и Фран часто бывал в Италии. Он находился в родственных связях со Зринскими – его сестра Катарина была замужем за Петаром. Это была одна культурная среда.

Франкопан рано начал заниматься литературным творчеством. Подражая Вергилию и Овидию, он создал на латинском языке стихотворение «Элегия». За свой короткий век Фран написал на родном языке ряд любовных и религиозных поэтических сочинений, в том числе в духе народной поэзии десятистопным стихом. Он первый в Хорватии начал переводить произведения современной ему западной художественной литературы. Франкопан сделал перевод комедии Мольера «Жорж Данден». Поэтическим творчеством на кайкавском диалекте занималась также его жена Ана Катарина Франкопан-Зринская – ее перу принадлежали несколько религиозных стихотворений. Но сочинения Франкопана были открыты лишь во второй половине XIX в.⁴². Его творчество не оказало влияния на литературный процесс, но отразило направление его развития.

Оригинальным мыслителем, писателем-публицистом и историком был Юрай Крижанич (ок. 1618–1683 гг.). Это была во многом загадочная личность со сложной судьбой. По происхождению он принадлежал к мелкому дворянству. Его родина находилась в междуречье Купы и Уны, в районе Бихача. По завершении иезуитской гимназии в Любляне молодой Крижанич прошел курс философии в Граце, затем изучал теологию в Болонье и Риме. Он владел шестью языками. В круг его интересов входили философия, богословие, история, экономика, эстетика, музыка.

В 1642 г. Крижанич вернулся в Хорватию доктором теологии. Он получил место священника в Неделишче, затем в Вараждине и сочетал церковную службу с литературным трудом. В 1646 г. Крижанич был направлен в распоряжение униатского епископа в Смоленск, который в то время входил в состав Польши. В следующем году хорватский священник в качестве члена польского посольства в первый раз посетил Москву. В поле его зрения были славянство (видимо, под влиянием польской литературы о славянской истории), Россия и уния⁴³.

В последующие годы Крижанич посетил в качестве секретаря венского посольства Стамбул, долгое время жил в Риме, занимаясь разнообразной культурной деятельностью. В 1658 г. он, вопреки запрещению папы, вторично отправился в Россию⁴⁴.

Крижанич прибыл в Москву в середине 1659 г. под именем «сербиянина» Юрия Билиша, сына Иванова. Утаив свой духовный сан, он получил при дворе место государева служащего. Но в 1661 г. по неясным причинам, скорее всего из-за своего пристрастия к унии, Крижанич был отправлен в ссылку в Сибирь⁴⁵.

15 лет хорватский мыслитель провел в Тобольске, отдаленном, но крупном административном и торговом городе Сибири, посвятив себя литературному труду. Здесь он написал свои главные сочинения. Это был, прежде всего, лингвистические работы о славянской орфографии (1661) и грамматике «русского» языка (1666). Обуянный мечтой о культурном объединении славян, Крижанич разработал принципы реформирования орфографии, во многом предвосхитив реформу кириллицы, проведенную в XIX в. применительно к сербскому языку выдающимся сербским ученым Вуком Караджичем, а также сформулировал нормы стандартного языка для всех славян. Автор назвал этот смешанный язык «русским», но в действительности он имел русскую и хорватскую речевую основу⁴⁶. Крижанич применил его в своем главном политическом труде «Разговоры о правлении», над которым работал с 1663 г. Он вошел в историю под названием «Политика».

Это было обширное собрание различных текстов. Крижанич наиболее полно выразил в «Политике» свои взгляды на Россию XVII в. В своем понимании политической ситуации в Русском государстве и направления необходимых, с его точки зрения, преобразований хорватский автор не вышел за рамки средневековых порядков. Он выступал за сословный строй, не замечая при этом крепостного права, за абсолютную монархию, правда, в сочетании с благими законами, видя в ней гарантию равновесия и мира в сословном государстве. Писатель, критикуя «чужебские» (преклонение перед чужестранцами), был сторонником полной хозяйственной самостоятельности России. Он призывал к устранению порядков, при которых немецкие торговцы занимали привилегированное положение на внутреннем и внешнем рынках России. В усилении ее государственной мощи Крижанич видел главный фактор будущности славянского мира. Хорватский мыслитель считал задачей московских государей помощь славянам в деле их освобождения от власти Турции и Австрии и достижения самостоятельности⁴⁷.

Излюбленной идеей Крижанича, которую он пронес через всю свою жизнь, была идея объединения разрозненных славянских народов в религиозном отношении и на основе единого литературного языка. До конца своих дней он сохранял убежденность в нераздельности католицизма и славянства. В трактатах на религиозную тему, написанных в том числе и в ссылке, он доказывал преимущества католицизма перед православием. Однако в зрелые годы хорватский мыслитель думал о примирении христианских религий в такой форме, чтобы не было подчинения одной из них⁴⁸.

С переменой на московском престоле Крижанич в 1676 г. был возвращен из ссылки, а через два года навсегда покинул Россию. Он оказался в Польше, где вступил в орден доминиканцев. Здесь была написана им «История Сибири». Писатель мечтал о Риме, но возвращение туда ему было запрещено. Тогда Крижанич присоединился к войску польского короля Яна Собеского, направлявшемуся на помощь осажденной турками австрийской столице. В 1683 г. Крижанич погиб под Веной⁴⁹.

В течение двух веков имя хорватского мыслителя и писателя оставалось в забвении. Но в середине XIX в. русский славист П. А. Бессонов предпринял издание некоторых его сочинений, а затем и хорватский историк, писатель, общественно-политический деятель Ив. Кукулевич-Сакцинский напомнил соотечественникам о хорватском авторе. С тех пор жизнь и творчество Крижанича привлекали и привлекают внимание как русской, так и национальной науки⁵⁰. Это объясняется, прежде всего, непреходящей значимостью «славянской идеи». Творчество Крижанича по-разному воспринималось в научной среде, и его оценки имели амплитуду от панегириков до разоблачений. Но так или иначе хорватский автор по широте своих взглядов, актуальности поставленных им вопросов российской и славянской жизни, поискам их решения занял видное место в истории хорватской общественно-политической мысли.

Хорватская литература в Далмации, Дубровнике и Хорватии при всех местных особенностях имела единый вектор развития – барокко. Этот стиль, охвативший период с начала XVII в. до XIX в., характеризовался в литературе южных и северных краев проживания хорватов общими чертами. В идейно-тематическом и жанровом отношении в хорватской литературе значительное место занимал, прежде всего, эпос с современным и историческим патристическим содержанием. Этой литературе была свойственна также поэма, стихотворное лирико-эпическое сочинение, связанное с историческим событием или мифологией. Пользовалась популярностью религиозная поэма, особенно посвященная святым грешницам. Драматургия, в первую очередь мелодрама, также опиралась на хорватскую историю или мифологию. Барокко получило выражение и в лирической поэзии, и в прозе⁵¹.

Новым явлением литературного процесса были наметившиеся поиски преодоления плюрализма диалектов и выработки общего литературного языка хорватов (и вообще южных славян).

Изобразительное искусство в Хорватии носило преимущественно церковный характер. Церковь выступала главным заказчиком художественных произведений. Близость Австрии определяла их эталоны, как и исполнителей. Это были главным образом приехавшие мастера, в основном австрийцы и словенцы, хорошие профессионалы, работавшие в духе современной им австрийской барочной живописи.

Среди местных художников выделялся неординарный живописец Бернардо Бобич (умер между 1694 и 1699 гг.), живший в Капитуле. Его кисти принадлежали алтарные картины в иезуитской церкви Св. Катарини в Загребе, цикл алтарных образов, посвященных королю Ладиславу, в за그ребском кафедральном соборе. Его работы отразили бароккизацию хорватской церковной живописи. Для них была характерна диагональная композиция, игра света и тени на переднем плане, взволнованная тональность, подчеркнутая жестикация фигур и живая мимика лиц, экспрессивная цветовая гамма. Слабостью картин Бобича была неточность в анатомии и перспективе. Вместе с тем в живописи Бобича имелся реалистический компонент, который проявлялся, в частности, в политическом подтексте. На картине, изображающей хорватских аристократов перед королем Ладиславом и королевой Еленой, персонажи облачены в одежды XVII в.; хорват в поклоне королю держит в руках гербы Хорватии, Славонии и Далмации. Нетрудно уловить в этом мысль о целостности и нерасторжимости хорватской территории. Бобич обращался также к светским портретам.

Музыкальная активность в Хорватии также проявлялась главным образом внутри католической церкви, орденов. Иезуитская гимназия в Загребе очень рано стала центром музыкального образования. В 1632 г. на освященные церкви Св. Катарини были приглашены из Целоваца семь музыкантов. Так было положено начало постоянному оркестру с певцами при этой церкви⁵². В церковной музыке обрядовые песни на латинском языке сочетались с хорватскими песнопениями. В середине XVII в. началось издание религиозных песенников и музыкальных сборников. Ставший особенно известным большой сборник «Cithara octochorda» («Восьмиструнная цитара». Вена, 1701), содержал латинские и кайкавские церковные песни, мелодии которых были записаны нотами. Наряду с традиционной обрядовой музыкой в нем чувствовалось дыхание народных напевов⁵³.

В Хорватии с ослаблением натиска турок и умиротворением на хорватско-боснийской границе развернулась большая строительная деятельность. Ввиду многовекового разрушения старых церквей и невозможности возведения новых из-за военной обстановки, а также частых пожаров средневековые здания нуждались в обновлении или перестройке, была потребность в новых церквях. В Хорватии обосновались католические ордена иезуитов, францисканцев, капуцинов, паулинов, кларисс. Все они обустроивались с помощью сабора, аристократии, дворян.

В рассматриваемое время епископы требовали восстановления старых и строительства новых церковных зданий в устоявшейся архитектурной стилистике. В 1642 г. был сконструирован новый свод в ризнице загребского кафедрального собора в типичных формах поздней готики. В 1676 г. был создан в готическом стиле свод церкви в Лепоглаве. Готическая ин-

терпретация распятия получила свое продолжение через Возрождение и в барокко (тип «большого Христа»).

Вместе с тем в культовую архитектуру неумолимо проникали черты раннего барокко средневропейского типа. Этот процесс облегчался ввиду слабости и обветшалости позднеготической традиции. Распространению нового стиля способствовала деятельность иностранных мастеров, которые охотно привлекались к строительным работам, поскольку навыки художественных решений в архитектуре у местных строителей не отвечали новым потребностям и заказам. Среди пришлых мастеров были лица, которые довольствовались единичными заказами, но были и специалисты, которые задерживались в Хорватии на многие годы и даже заканчивали здесь свой жизненный путь. Они естественно входили в культурную обстановку этой земли.

Просторные каменные комплексы монастырей характеризовались простотой, они были закрытыми, с аркадами во внутреннем дворе (монастырь кларисс в Загребе) или с функциональным рядом окон на фасаде (иезуитский монастырь в Градце).

В 1620–1631 гг. иезуиты реставрировали в Загребе церковь Св. Катарини по типу распространенного в Европе церковного здания с одним продольным нефом и боковыми часовнями. Страшные городские пожары 1645 и 1674 гг. уничтожили все, что могло гореть в этой церкви и вокруг нее, но она всякий раз возрождалась под знаком крепнувшего барокко. По тому же типу были построены иезуитская церковь Св. Марии в Вараждине (1642–1646) и францисканские церкви в Загребе и Вараждине. В 1669 г. в последнем городе была сооружена нарядная церковь Св. Флориана, в 1691 г. – паулинская церковь в стиле барокко. Вараждин играл временами роль административно-политического центра Хорватии. В нем располагалось немецкое командование северной части Военной Границы. И он выделялся среди городов Хорватии по числу и архитектурной декоративности зданий в стиле барокко.

Иезуиты возводили и свои школьные строения с учетом новых веяний. Солидное для старого Градца здание конвикта было украшено с уличной стороны открытыми аркадами. Трехэтажный дом конвикта в Вараждине стал самой заметной постройкой раннего барокко в городе.

Барочные элементы появились на кафедральном соборе в Загребе. После пожара в 1624 г. каменотес К. Мюллер, воздвигая новый портал, исполнил его основную композицию по старому образцу, но скульптуры на нем выполнил в стиле барокко. Четверть века работал в Загребе немецкий мастер Иван Албертал (ок. 1630 до 1655 гг.), который воздвиг колокольню с характерными мотивами барокко и придал новый вид кафедральному собору. После пожара 1674 г. при очередном восстановлении собора на его колокольне были сооружены большие часы как напоминание о быстротечности жизни.

Повсеместно в Хорватии и вне городов строились скромные церкви с декоративными элементами барокко, в том числе деревянные на селе. В архитектуре церковных зданий напряжение занесенных ввысь остроконечных готических конструкций постепенно сменяли мягкие полукружия сводов или куполов.

Заметные изменения происходили в церковном интерьере. Кроме деревянной скульптуры – статуй святых, алтари и кафедры проповедников стали украшаться резьбой по дереву. В обновленной францисканской церкви в Вараждине находилась одна из самых красивых проповеднических кафедр в Хорватии (1670). Богато украшенная резьбой по дереву в сочетании с мрамором, она являла собой типичные стилевые черты барокко. В 1696 г. в кафедральном загребском соборе была возведена большая мраморная проповедническая кафедра работы люблянского мастера М. Кусы. С этого времени и жертвенники стали создавать из мрамора. Нарядность церковному интерьеру придавали живопись и обстановка. Он становился частью целостной архитектурной концепции.

Светское строительство в Хорватии решало, прежде всего, задачи обороны. Возводились фортификационные сооружения. На Военной Границе в 1579 г. была заложена крепость Карловац, важный стратегический пункт на реке Купе, позднее основана Костайница. Во владениях аристократов вне городов возводились новые дворцы. Они представляли преимущественно закрытые композиции по типу «замков», иногда с угловыми башнями (Кралевица – «старый замок» Франкопанов). Прилив в Хорватию из соседних земель Австрийской монархии, из находившейся под властью Турции Славонии, с Балкан ремесленников и торговцев, некоторое обогащение горожан, переселение отдельных аристократов и дворян в города, особенно в Загреб и Вараждин, – все это способствовало оживлению жилого строительства в городах. Построенный в конце XVII в. в Градце дом Адама Зринского представлял просторное здание с рядом окон, но в архитектурном отношении был простым. Дома дворян и горожан, как правило, оставались скромными деревянными строениями. Но постепенно их заменяли каменные небольшие постройки с барочными чертами. Часто они формировали стройные композиции в центре городов (Загреб, Вараждин, Карловац и др.)⁵⁴.

В целом, архитектура Хорватии XVII в. характеризовалась освоением барокко при живучести еще позднеготических форм. Она относилась к средневропейскому типу, но, за исключением отдельных сооружений, здания и в конструктивной основе, и в декоративных элементах являли собой провинциальную интерпретацию.

В XVI в. в Хорватии были заложены основы церковного и светского образования. В 1576 г. в Загребе была открыта семинария для подготовки католических священников. В Градце и Вараждине существовали светские школы. В каждой из них преподавал один учитель. Школы находились на попечении городских властей.

С приходом иезуитов церковная школа в Хорватии переживала подъем. В крупных городах они открыли хорошо организованные шестиразрядные гимназии: в Градце (1607), Риеке (1627), Вараждине (1636), Пожеге (1698). Иезуиты создали также конвикты – интернаты для малообеспеченных или проживавших далеко от городов учащихся. В Загребе такое заведение было основано в 1632 г., в Вараждине – в 1672 г. Конвикты существовали на разовые пожертвования и за счет фондов, основанных жертвователями⁵⁵.

Иезуиты проявили особый интерес к устройству гимназии в Загребе, поскольку этот город находился вблизи турецкой границы и из него было легче оказывать влияние на население, находившееся под властью Турции. Гимназия расположилась в бывшем полуразрушенном доминиканском монастыре. Здание и двор были очищены от развалин, мусора и приведены в порядок. Открытие учебного заведения было обставлено весьма торжественно. Оно было приурочено к заседанию хорватского сабора. В Градце собрался цвет хорватского общества – аристократы, дворяне, духовные лица, горожане. Под звон колокола от гимназии двинулось многолюдное шествие с пением гимна к церкви Св. Марка. Здесь состоялось богослужение, после которого была прочитана «латинская беседа» (проповедь). По ее завершении процессия с пением религиозных песен отправилась назад к школе. Торжества сопровождалась пушечными залпами и оружейной стрельбой. Центр города был окутан дымом. Это вызвало беспокойство окрестного населения, воображившего, что на город напали турки⁵⁶.

Обучение в иезуитских учебных заведениях было бесплатным. Это обстоятельство, как и наличие в Загребе конвикта способствовали привлечению в гимназию молодежи из разных краев проживания хорватов. Сам бан И. Драшкович записал в заградскую гимназию своего сына. За ним потянулись и дворяне. Уже вскоре после открытия в ней обучались до 100 дворянских детей и 200 учащихся из других сословий. В 1615 г. в гимназии насчитывалось 400 учеников⁵⁷.

Иезуиты отводили гимназии в Вараждине особую роль. На расположенной вблизи части Военной Границы было много влахов. Католическая церковь стремилась привести их к унии. Этому должна была способствовать местная гимназия, куда принимались и вlahи. Всего в вараждинской гимназии обучалось 200–300 учеников.

Учебный процесс в иезуитских гимназиях строился на основе типового документа «Ratio Studiorum» (Научной основы). Преподавание велось на латинском языке. Круг предметов составляли латинский язык, греческий язык (впрочем, из-за сопротивления родителей только его основы), римские классики, история (с элементами географии), вероучение (катехизис). На VI, последнем году обучения вводилась риторика. Школьная программа предусматривала организацию конкурсов, академий⁵⁸, выставок работ успевающих гимназистов. По составу учеников и образовательным дисциплинам гимназии носили светский характер.

В глухом краю Хорватского загорья Лепоглаве при паулиновском монастыре еще с XVI в. действовала небольшая гимназия. Хотя ее задачей была подготовка клириков, гимназию посещали и миряне — дети дворян и горожан из округи. В 1656 г. в этом заведении было введено преподавание философии. В 1662 г. и при гимназии в Градце было организовано трехлетнее изучение философии. На этом своего рода факультете в программу были включены логика, математика, физика (в философском смысле), метафизика с этикой. Уже в первом учебном году здесь было 50 учащихся⁵⁹. В обществе назрела потребность в развитии высшего образования.

Загребские иезуиты обратились к австрийскому монарху с просьбой утвердить новую «академию» в ранге университета с подобающими ему правами, привилегиями и свободами. В 1669 г. Леопольд I издал соответствующий диплом, который был утвержден и хорватским сабором. Однако генерал и старейшины иезуитского ордена воспрепятствовали созданию в Загребе университета. Хотя грамота Леопольда I осталась нереализованной, академия на практике в течение двух столетий функционировала как высшая школа. До 1773 г., ликвидации иезуитского ордена, число учащихся в гимназии и академии Градца регулярно составляло 500–700 человек, из них около трети были слушатели философии⁶⁰.

По завершении среднего образования молодые хорваты либо выбирали путь служения церкви, либо продолжали учебу в Австрии или за границей, прежде всего в учебных заведениях иезуитов. С 1608 г. действовала Хорватская коллегия в Граце, объединенная в 1624 г. с Хорватской коллегией в Вене. В немецко-венгерском заведении в Риме хорваты имели несколько стипендиатских мест.

В отличие от образовательной деятельности других католических орденов, которые занимались подготовкой молодежи для себя, иезуиты открывали школы в первую очередь для мирян. При этом они создавали библиотеки в городах, где действовали их гимназии. Иезуиты способствовали развитию светского образования в Хорватии, но подчиняли его интересам Контрреформации и укреплению власти Римской курии.

Со школой была тесно связана театральная культура в Хорватии. Большую активность проявляли в театральном деле иезуиты, которые включали представления в школьную программу как общеобразовательные и воспитательные мероприятия. Задачами школьного театра были расширение знаний учащихся, тренировка памяти, практика в латыни, овладение ораторским искусством, воспитание у молодежи благочестия. Помимо учебного процесса школьный театр, по замыслу иезуитской коллегии, должен был облегчать усвоение верующими идей Контрреформации.

В Загребе первое сценическое действие, исполненное гимназистами, состоялось в 1607 г. на площади у церкви Св. Марка. Это был своеобраз-

ный отчет об учебной работе. Учащиеся разыграли аллегорическое представление о Хорватии. Была исполнена, в частности, песня, в которой воспевались красоты и плодородие родной земли, обычаи и достоинства народа, его герои. Это невиданное зрелище привлекло массу горожан, заполнивших всю площадь. Так было положено начало школьному театру. В Вараждине он возник в 1637 г.

Школьные представления были публичными. В Градце они устраивались в помещении гимназии и под открытым небом, во дворе, на площадях у церкви Св. Марка и Св. Катарини. Сценические действия приурочивались к крупным событиям в жизни Загреба, приезду почетных лиц, церковным праздникам, школьным торжествам. Участниками школьного театра были прежде всего ученики, но также и учителя – постановщики спектаклей, привлекались и любители, которые исполняли женские роли. Языком представлений был латинский. Но в середине XVII в. на школьную сцену стал проникать и родной язык. В 1637 г. вараждинские гимназисты разыграли сценические картины на хорватском языке. Это стало событием в жизни города, собравшим уйму народа, в том числе из окружи – дворян и крестьян⁶¹.

Репертуар школьного театра составляли спектакли на библейские темы, большей частью из «Старого завета», разыгрывались сюжеты из агиографии, а также разного рода легенды (в частности о Чехе и Лехе), ставились пьесы на материале истории, в том числе хорватской, моральные драмы, воплощавшие добродетели и пороки, исполнялись драматические панегирики в честь высокопоставленных лиц, легкие комедии (например, «Крестьянин, который учится хорошим манерам») и пр. Школьный театр был барочного типа, большая роль отводилась в нем сценическому реквизиту и костюмам. В XVII–XVIII вв. через загребскую школьную сцену прошло самое малое 700 различных пьес. Школьный театр оперировал главным образом положительными примерами, моральной программой, но вместе с тем, выходя за рамки иезуитской пропаганды, доносил до зрителя и патриотические идеи.

Загребские учащиеся давали представления также в Карловаце, куда они выезжали в 1646, 1647 и 1648 гг. Они исполняли сцены на латинском языке. Но в 1648 г. им были предпосланы «декламации» с разъяснением предстоящего действия на родном языке. Связанные с иезуитами школьные театры просуществовали до запрещения ордена в 1773 г.⁶²

Школьный театр, включенный в учебный процесс, выполнял учебную, дидактическую и рекреативную (развлекательную) функции, прежде всего в рамках школы, но и шире – выходя в разнородную городскую среду. Этот театр имел ограниченную доступность для публики ввиду языкового барьера. Но главное, отношения школьного театра с общественной средой регулировались иезуитскими коллегиями, что лишало его как институции самостоятельности общественного организма. Тем не менее, школьный театр

выработал театральный опыт, подготовивший возникновение в новых условиях самостоятельного театра с широкой общественной программой.

Перемены коснулись и бытовой культуры хорватского «праздного класса». Его тяга к репрезентативному облику жилья, разнообразию обыденной жизни породила заказы на художественные изделия в быту. Это привлекало иностранных мастеров в Хорватию и стимулировало деятельность художественных мастерских в городах и церковных центрах. Аристократы украшали свои дворцы дорогими вещами. Во дворце Николы Зринского в Чаковце в Меджимурье имелись богатая библиотека, собрания оружия, старинных монет и картин. Граф имел склонность к собиранию коллекций. Из родового замка Зринских Озаль близ Карловаца после казни П. Зринского были вывезены оружие, украшенное золотом, серебром и драгоценными камнями, дорогие картины, множество рукописных и печатных книг и другие дорогие предметы. Все было конфисковано и разграблено.

Не чужды были хорватской аристократии музицирование и другие виды искусства. Катарина Зринская была поэтессой. Юрай Франкопан искусно играл на ряде музыкальных инструментов, рисовал и ваял. В инвентаре (1650) разрушенного замка Белц в Хорватском загорье были перечислены многие музыкальные инструменты, которые могли бы составить небольшой оркестр. О вкусах отдельных аристократов свидетельствует следующий факт из жизни рода Драшковичей. Около 1685 г. граничарский капитан граф П. Драшкович подарил обновленной паулинской церкви в Каменском алтарь Св. Креста. Картина «Распятие», входившая в его композицию, рассматривается специалистами как шедевр XVII в.⁶³

Хорватская культура развивалась в XVII в. под знаком освоения раннего барокко. В континентальной Хорватии этот процесс протекал под влиянием западноевропейского опыта, в Далмации и Дубровнике – при доминирующей роли Венеции в Адриатике. Стилиевые характеристики раннего барокко осваивались в Хорватии дворянством, церковью, горожанами и низами при разности идейного наполнения, охватывая практически все основные сферы культуры. На Адриатике, как и ранее, состояние культуры определялось жизнью городов-коммун. Раннее барокко существовало в Далмации и Дубровнике наряду со стилиевыми формами Возрождения, в Хорватии – готики.

Вектор развития хорватской культуры от Средневековья к Новому времени в Далмации и Хорватии был общим. Но проявлялся процесс неодинаково. В Далмации, по сравнению с Возрождением, наблюдался спад или замедление в ряде областей культурной деятельности. В Хорватии процесс культурного развития оживился. Культурная жизнь протекала в Далмации и Хорватии изолированно друг от друга. Но появилась тенденция к их сближению в литературном языке. Это позитивное явление имело особое значение как предвестник будущих перемен.

Примечания

- ¹ В Средневековье на месте современного Загреба существовали свободный королевский город Градец, церковная собственность Капитула и предместья. В 1850 г. они были объединены в целостный городской организм – Загреб. В литературе это название употребляется и для более раннего времени, прежде всего применительно к Градцу.
- ² Enciklopedija hrvatske povijesti i kulture. Zagreb, 1980. S. 777. Материалы энциклопедии использовались и в других разделах.
- ³ Šidak J. Nikola Šubić Zrinski u svom vremenu // Šidak J. Kroz pet stoljeća hrvatske povijesti. Zagreb, 1981. S. 67–69.
- ⁴ Enciklopedija... S. 777.
- ⁵ Šišić F. Posljednji Zrinski i Frankopani na braniku domovine // Posljedni Zrinski i Frankopani. Zagreb, 1908; Šidak J. Urota zrinsko-frankopanska kao historiografski problem // Šidak J. Kroz pet stoljeća... S. 148–167.
- ⁶ Enciklopedija... S. 294.
- ⁷ Sojat O. Pregled hrvatske kajkavske književnosti od polovine 16. do polovine 19. stoljeća i jezičnografska borba uoči i za vrijeme ilirizma // Hrvatski kajkavski pisci. I. Druga polovina 16. stoljeća. Zagreb, 1977. S. 21–22; Он же. Ivanuš Pergošić // Там же. S. 75; Он же. Antun Vramec // Там же. S. 103 и сл.
- ⁸ Enciklopedija... S. 158.
- ⁹ Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV–XVI вв. М., 1963. С. 46; Он же. Поэты Далмации эпохи Возрождения // Голенищев-Кутузов И. Н. Славянские литературы. М., 1978. С. 58.
- ¹⁰ Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение... С. 32, 110, 328.
- ¹¹ Там же. С. 110.
- ¹² См.: Лещиловская И. И. Иллиризм. М., 1968. С. 55; Она же. Сербский народ и Россия в XVIII веке. СПб., 2006. С. 135.
- ¹³ Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb, 1960. IV. S. 10; Enciklopedija hrvatske povijesti i kulture. S. 342.
- ¹⁴ В литературе XVII в. понятия «словинцы» или «словенцы» нередко означали население Хорватии, понятие «словинский (словенский) язык» относилось к хорватскому языку, но могло означать и «славянский язык». См.: Hrvatski kajkavski pisci. I. Druga polovina 16. stoljeća. Zagreb, 1977. S. 343.
- ¹⁵ Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение... С. 70, 72.
- ¹⁶ Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение... С. 112; Он же. Поэты Далмации... С. 61; История литератур... С. 717, 723, 724.
- ¹⁷ История литератур... С. 749–752.
- ¹⁸ Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение... С. 80.
- ¹⁹ О творчестве И. Гундулича см.: Povijest hrvatske književnosti. Zagreb, 1974. Knj. 3. S. 197 и сл.; Зайцев В. К. Между Львом и Драконом. Минск, 1969.
- ²⁰ См. Гундулич И. Осман. Перевод В. К. Зайцева. Минск, 1969. Песнь VII. С. 117, 119, 121.
- ²¹ Там же. Песнь XX. С. 389.
- ²² Там же. Песнь XI. С. 194, 195.
- ²³ Зайцев В. К. Эпическая поэма Ивана Гундулича «Осман» // Гундулич Иван. Осман. С. 16.
- ²⁴ Гундулич И. Осман. Песнь VI. С. 109, 110.
- ²⁵ Там же. Песнь VIII. С. 145.
- ²⁶ Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение... С. 124.
- ²⁷ Povijest hrvatske književnosti. S. 211 и сл.
- ²⁸ Там же. С. 223 и сл.
- ²⁹ Там же. С. 283 и сл.
- ³⁰ Там же. С. 226–227; Фрейденбер М. М. Дубровник и Османская империя. М., 1989. С. 199, 201, 202.
- ³¹ Enciklopedija hrvatske povijesti i kulture. S. 27.
- ³² Там же. С. 29.

- ³³ Там же. С. 298; Историја народа Југославије. Београд, 1960. Књ. II. С. 1138.
- ³⁴ См.: Hrvatski kajkavski pisci. Zagreb, 1977. Т. I–II.
- ³⁵ Šojat O. Antun Vramec // Hrvatski kajkavski pisci. I. S. 113–114; Šidak J. Hrvatsko društvo... S. 82, 83.
- ³⁶ Šojat O. Juraj Habdelić // Hrvatski kajkavski pisci. II. 17. stoljeće. S. 42–44.
- ³⁷ Šojat O. Ivan Belostenec // Hrvatski kajkavski pisci. II. S. 250 i sl.
- ³⁸ Там же. С. 258.
- ³⁹ О Раткае см.: Šojat O. Juraj Ratkaj Velikotaborski (1612–1666) // Hrvatski kajkavski pisci. I. S. 341–345. – Идея целостности славян впервые была выражена в Хорватии в 1643 г. Протоно-тар Хорватского королевства Иван Закмарди украсил ящик для хранения важных документов латинскими стихами, в которых Хорватия прославлялась как колыбель «Чешской земли» и «Польского королевства». – Šidak J. Hrvatsko društvo... S. 84.
- ⁴⁰ Povijest hrvatske književnosti. S. 245; Historijski zbornik. 1970–1971. Zagreb. S. 40.
- ⁴¹ Povijest... S. 245, 248.
- ⁴² Zrinski, Frankopan, Vitezović. Izabrana djela. Zagreb, 1976; Hrvatski kajkavski pisci. II.
- ⁴³ Šidak J. Juraj Križanić i značenje njegova djela // Šidak J. Kroz pet stoljeća... S. 126, 128.
- ⁴⁴ Там же. С. 129.
- ⁴⁵ Обстоятельное освещение жизни и деятельности Ю. Крижанича, особенно его пребывания в России, см. в кн.: Пушкарев Л. Н. Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. М., 1984.
- ⁴⁶ Šidak J. Juraj Križanić... S. 130.
- ⁴⁷ Крижанич Ю. Политика. М., 1997. С. 22, 174, 176, 230, 267 и др.; Šidak J. Juraj Križanić... S. 132.
- ⁴⁸ См.: Записка Юрия Крижанича о миссии в Москву. 1641 г. М., 1901; Šidak J. U povodu 350-godišnjice rođenja Jurja Križanića // Historijski zbornik. 1968–1969. Zagreb, 1971. S. 694.
- ⁴⁹ Šidak J. Juraj Križanić... S. 132.
- ⁵⁰ См.: Šidak J. Problem Jurja Križanića u hrvatskoj i srpskoj literaturi // Šidak J. Kroz pet stoljeća... S. 87–133.
- ⁵¹ Enciklopedija hrvatske povijesti i kulture. S. 26.
- ⁵² Vanino M. Isusovci i hrvatski narod. Zagreb, 1969. Т. I. S. 230.
- ⁵³ Šojat O. Cithara octochorda // Hrvatski kajkavski pisci. 17. stoljeće. Zagreb, 1977. Т. II. S. 399 i sl.
- ⁵⁴ Varaždin. Zagreb, 1975; Karlovač. 1579–1979. Karlovac, 1979; Kampuš I., Karaman I. Tisućljetni Zagreb od davnih naselja do suvremenog velegrada. Zagreb, 1987.
- ⁵⁵ Vanino M. Isusovci i hrvatski narod. Т. I. S. 230, 231.
- ⁵⁶ Там же. С. 88.
- ⁵⁷ Там же. С. 88, 107.
- ⁵⁸ Это слово означало и общество лучших учеников, и вид школьного мероприятия (например, занятия с вопросами и ответами на заданную тему).
- ⁵⁹ Там же. С. 149, 189.
- ⁶⁰ Kampuš I., Karaman I. Tisućljetni Zagreb... S. 97, 99.
- ⁶¹ Vanino M. Isusovci i hrvatski narod. Т. II. S. 425–426.
- ⁶² Vanino M. Isusovci i hrvatski narod. Т. I. S. 89, 261–289; Enciklopedija hrvatske povijesti... S. 28; Karlovac. S. 447.
- ⁶³ Šaban L. Glazba u dvorovima Draškovića u 18. stoljeću // Kaj. Zagreb, 1972. Br. 11. S. 39; Cvitanović Đ. Rod Draškovića i umjetnost // Kaj. S. 40.

Возрожденное виленское Свято-Духовское братство (конец XIX – начало XX вв.) и издание народной литературы*

Появление в древней Вильне (современном Вильнюсе) православного братского движения относится к начальному периоду развития этого города, в котором уже в XIV в. православные составляли большинство населения. Первые виленские православные братчики скорее всего стали одновременно наследниками братских традиций востока, юга и запада Европы – Slavia Byzantina и Slavia Latina, Slavia Orthodoxa и Slavia Romana. Вместе с тем они ничуть не уступали, а во многом даже опережали своих ближайших западных соседей – польских католиков, у которых пик становления братств относится к XVI в.¹

Более всего на сегодняшний день мы знаем о виленском православном Троицком братстве, преобразованном около 1600 г. в ходе наступления сторонников Брестской церковной унии в Свято-Духовское при возведенной в 1597 г. братчиками Свято-Духовской церкви², находившейся всего лишь в нескольких десятках метров от покинутого ими Троицкого монастыря, занятого униатами.

Уже тогда, в 1588 г., Константинопольский патриарх Иеремия II «повелел» и «благословил» Троицкому братству иметь «також и друкарню вся книги Ветхаго и Новаго Завета по святых отец преданию печатати... и все купно написанное в книге братства церковнаго в вечныя роды крепко и незбылемо держати и творити...»³. Принципиально важный вопрос о статусе братства несколько проясняет известная нам в копии собственноручная грекоязычная записка того же времени самого Иеремии: «позволяем братству Святой и Живоначальной Троицы иметь печать... для скрепления посланий братства к Киевскому митрополиту к топархам и иным... никто не может чинить препятствий братству ни священники и даже ни сам киевский митрополит...»⁴.

Интенсивность деятельности виленского Свято-Духовского братства ко второй половине XVII в. постепенно снижается, а еще через столетие оно прекращает свое существование, чтобы в 1865 г. при митрополите Иосифе Семашко возродиться вновь. Предтечей этого возрождения стало

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Белорусско-украинская народная книжность XX–XXI вв.: православный «Богогласник» (Исследование и публикации)», проект № 08-04-00027 а.

движение начала 1860-х гг. по созданию в Вильне православного братства, задачей которого было бы «содействие распространению образования среди белорусского населения в духе Православия», «издание русских и славянских букварей, учебников и книг для народного чтения», «учреждение при церквях, при школах и в других местах бесплатных народных библиотек». При этом инициаторы народного просвещения «белорусского населения в духе Православия» предлагали весьма перспективные схемы печатания народной литературы, а также совершенно новые, структурно-тематические решения при подготовке изданий, что нашло свое частичное воплощение только в начале XX в. Они, например, писали: «Все наши молитвенники, славянские и русские, составлены применительно к чину церковных служб, но в них нет молитв для домашнего чтения, на разные случаи жизни; а такие молитвы любит читать здешний крестьянин, потому что они ему доступны, понятны». Все эти вопросы позднее весьма интересовали видного члена виленского Свято-Духовского братства и его историографа А. И. Миловидова, который оказался одним из главнейших идеологов издания народной литературы⁵.

Именно А. И. Миловидов инициировал в середине 1890-х гг. создание специальной Комиссии Свято-Духовского братства по устройству религиозно-нравственных народных чтений и возглавил ее⁶. Одним из сподвижников А. И. Миловидова в этом деле был и такой в будущем видный деятель белорусского движения как В. В. Богданович, сенатор во Второй Речи Посполитой, а тогда – преподаватель Литовской духовной семинарии. Все чтения проходили по заранее оговоренной весьма разнообразной тематике, о широте которой едва ли не лучше всего свидетельствует перечень световых картин (что-то вроде современных слайдов), показываемых во время их проведения:

А. Евангельская и библейская история.

Земная жизнь Господа нашего И. Христа (3 чтения); Чудеса Господа И. Христа; Судьи израильские и цари; Иосиф, пр. Моисей и Иисус Навин; Спаситель и грешники.

Б. Православное богослужение, история чтимых икон, монастырей, путешествия по святым местам.

Православные святыни г. Вильны; Жизнь Божией Матери, праздники и иконы в честь Ее (2 чтения); Св. Земля Палестина (2 чтения); Соловецкий Монастырь; Почаевская Лавра; Поминование усопших; Великий пост.

В. Церковная история.

Начало христианства на Руси; Гонения на христиан и святые мученики; Церковь Христова со времен Апостолов; Фабиола или древние христиане; Первые подвижники земли русской.

Г. Жития святых.

Св. Василий Великий; Св. Георгий Богослов; Св. Иоанн Златоуст; Св. Филипп митр. Московский; Св. Алексий человек Божий; Св. Сергей Радонежский; Св. Николай Чудотворец; Св. Александр Невский; Св. Московские митрополиты; Св. Мария Египетская; Св. Варвара Велико-мученица; Пр. Серафим Саровский; Св. Екатерина Великомученица; Св. Тихон еп. Воронежский; Св. Феодосий Углицкий; Св. Пантелеймон; Св. Евстафий Плакида; Св. Георгий Победоносец; Муч. Иулиан и его дружина; Св. Филарет Московский; Св. Иоанн Воин; Св. Евфросиния, кн. Полоцкая.

Д. Гражданская история.

Венчание русских Государей на царство (2 чтения); Смутное время на Руси и воцарение дома Романовых (2 чтения); О рукописном деле и книгопечатании на Руси; Купец Иголкин и его подвиг; Елена Ивановна, княжна Литовская; Народная война 1812 года; Погибель Иерусалима; Жизнь за Царя; Добрые люди древней Руси.

Е. Нравоучительные рассказы.

О вреде пьянства; Дивное сказание; Милости хочу, а не жертвы; Пить до дна – не видать добра; За Богом молитва, за царем служба не пропадает; Галя; Эхо пьянства; Иван Петрович Зноев; Из одной рюмочки; Вера не гаснет; Где честный труд, там и счастье; Ни за грош погиб; Божеское правосудие; Господь покарал; Где любовь, там и Бог; С пьяных глаз; Колокол Св. Духа; Тяжкий грех; Бог правду видит, да не скоро скажет; Суд Божий; Сила веры и молитвы; Ложь. Бог поругаем не бывает; Корысть; Чужое добро; Детские слезы дошли до Бога; Мальчик у Христа на елке; Бог простит; Княжны подвижницы; Чужое добро в прок не идет; Любите друг друга; Светлое Христово Воскресение; Из разбойника – подвижник; Зверь – послушник; Последняя треба; Много ли человеку земли надо.

Ж. По сельскому хозяйству.

Как живет растение и чем нужно удобрять землю; Грядковая культура.

З. По общедоступной медицине.

О холере, ее предупреждении и лечении; Как идет жизнь в человеческом теле.

И. По естественной истории.

О теплоте и воздухе; Явления природы; О землетрясениях и горах огнедышащих⁷.

Возрожденное виленское Свято-Духовское братство имело в Российской империи и во всем православном мире очень высокий статус. Его почетным председателем являлся сам император Николай II, а последним председателем Совета Братства был будущий патриарх Московский св. Тихон.

В 1895 г. виленское Свято-Духовское братство обзавелось собственной типографией, вопрос об открытии которой получил положительное решение за несколько лет перед тем при архиепископе Донате, инициировавшем

также создание особого Комитета по изданию народных книг. В основном это были брошюры и различного объема листовая материал, рассчитанные преимущественно на простонародную среду, прежде всего деревенскую. При этом многие издания братства выполняли и миссионерскую роль, так как предназначались местному простонародному населению вообще и особенно белорусскоязычным крестьянам-католикам. Тиражи всех народных изданий были весьма значительными, порой многотысячными, и в скором времени они заполнили приходские, школьные и личные библиотеки в тогдашних западных землях Российской империи. До сих пор во время наших многочисленных экспедиционных поездок по Белоруссии, Литве, Польше и Украине мы тут и там видим сильно потрепанные, зачитанные экземпляры изданий народной литературы, выпущенные столетие назад виленским Свято-Духовским братством.

По мере накопления литературно-издательского опыта Свято-Духовское братство совершенствовало свою эдиционную идеологию и политику, становилось организатором в сфере народной книжной культуры и литературы для местных провинциальных братств. «Подражая... обширной просветительской деятельности древних братств, современные братства..., – призывает А. И. Миловидов, – должны озаботиться по возможности заведением... типографий и вообще пошире развить издательскую деятельность, что вызывается современным состоянием латино-польского издательства в нашем крае... Для этого необходимо при каждом епархиальном братстве нашего края организовать свой издательский комитет, на обязанности которого будет лежать местное периодическое братское издание, издание брошюр и листков, организация книгопродажи и книгоношества, живой обмен изданиями с другими епархиальными братскими комитетами... Особенное внимание братства должны обратить на развитие летучей братской литературы: брошюрами и листками должны буквально засыпать наши белорусские села и деревни. Содержание этой народной литературы может быть самое разнообразное: обличение р.-католических заблуждений, поучения и беседы религиозно-нравственного содержания, рассказы из местной истории...»⁸.

Начиная с середины 1890-х гг. издательская деятельность самого виленского Свято-Духовского братства постоянно возрастает. В общей сложности к началу эвакуации из Вильны в августе 1915 г. оно печатает несколько сот отдельных изданий, включая и листовые. Некоторые народные издания братства были весьма объемны, хотя и недороги – ценой всего в несколько копеек. Общий совокупный тираж только отдельных изданий виленского Свято-Духовского братства насчитывал, видимо, около одного миллиона экземпляров. Большинство этих изданий бесплатно раздавалось во время многочисленных народных чтений, при посещении паломниками святынь Вильны и в поездках владык по епархиям. Как констатировалось на съезде

православных братств в Вильне летом 1909 г., многие из народных изданий Свято-Духовского братства «пришлись по сердцу белоруссу, и теперь не редкость в белорусской хате найти на столе братскую брошюру или листок, а под образами какую-нибудь картинку братского издания»⁹.

На том же съезде православных братств в Вильне летом 1909 г. был объявлен конкурс на издание книги по местной истории для народного чтения, о которой известный историк П. Н. Жукович, уроженец Брестчины, писал: «И популярная историческая книжка должна и отражать в себе последнее слово науки, и быть во всем документально-убедительной. Иначе, вместо пользы, она принесет вред, давши врагам возможность набросить тень на самую русскую народную книгу вообще»¹⁰. При этом участники съезда ставили вопрос и об изданиях народной литературы, «где нужно, на местных наречиях»¹¹. Особым успехом и у авторов и у читателей сразу же стали пользоваться описания местных святынь, о чем на съезде говорил гродненский соборный протоиерей Иоанн Корчинский, наполненные разнообразным историческим материалом, порой совершенно уникальным.

Виленский братский съезд 1909 г. принял обширную комплексную программу деятельности братств в области организации народных чтений, создания библиотек, в том числе «по селам и деревням», народных читален, «куда крестьяне могли бы зайти, обогреться, поговорить о своих делах и почитать книжку», а также книжных складов, включая общий центральный братский склад книг, «который должен быть организован на чисто коммерческих началах». Согласно части резолюции съезда «Братская издательская деятельность»: «Необходимо образовать в каждой епархии Западного края при епархиальных братствах издательские комитеты (где таковые еще не организованы), не стесняя издательскую деятельность уездных и сельских братств, у которых найдутся силы и средства. В видах усиления братской издательской деятельности и постановки ее на более экономических началах, желательно учредить центральный издательский братский комитет для 10-ти губерний Западного края (включая и Холмщину), не предпреляя пока вопроса о месте нахождения комитета. Впредь до учреждения такого комитета желательно устраивать периодические съезды существующих братских издательских комитетов и вести постоянные письменные сношения по поводу выпуска новых изданий и обмена ими. Необходимо по учреждении центрального издательского комитета и прочих братских центральных органов устройство центральной братской типографии. В видах возможно большего распространения братских изданий среди народа, необходимо заведение братствами особых книгонош, для чего войти с ходатайством перед подлежащею властью о разрешении иметь таковых с представлением им бесплатного проезда по казенным железным дорогам и пароходам. Необходим общий братский периодический орган, который объединял бы деятель-

ность братств, давал ей направление, служил целям противинославной миссии и был органом церковно-общественной жизни Западного края... ввести в Епархиальные Ведомости библиографический отдел всех вышедших и выходящих в свет братских изданий. Необходимо издание в возможно большем количестве братских летучих листков, отзывающихся на все выдающиеся случаи текущей жизни. Необходимо издание и широкое распространение краткого и возможно дешевого молитвослова, а также краткого миссионерского катехизиса. В виду распространенности в народе календарей, которыми часто пользуются, как орудием латино-польской пропаганды, необходимо издание особого братского календаря, отвечающего местным потребностям и просветительным задачам братств. Так как такое издание является недешевым, то желательна поддержка всех братств, особенно в деле его распространения. Объявить конкурс с премией в 300 р. на составление краткой и популярно изложенной истории Западного края и издать ее с иллюстрациями»¹².

Одними из самых традиционно любимых в народе книг являлись многочисленные богогласники, активно издававшиеся всеми братствами, в том числе и виленским Свято-Духовским, которому вменялось также «издать сборники церковных песнопений для руководства участникам в общем пении при богослужении и распространить эти сборники по всем приходам края»¹³. Вообще православные богогласники становятся как бы особым типом братских изданий, спрос на которые порой превышал предложение, что предполагало переписку таких изданий в простонародной среде от руки во фрагментах или даже целиком, примеры чего мы до сих пор видим во время наших экспедиционных поездок. Пение по богогласнику сопровождало и все народные чтения, устраиваемые братствами, так что он со временем стал своего рода неперменной «братской книгой». Священник Александр Рождественский, настоятель Петропавловской церкви в с. Касута, что в нынешнем Вилейском районе Белоруссии, большой знаток и любитель церковного пения, устроитель множества народных чтений, в том числе специально посвященных творчеству выдающихся писателей, таких, например, как Н. В. Гоголь, подготовил объемный «Богогласник» в нескольких частях и выпусках, изданных виленским Свято-Духовским братством¹⁴. Этот «Сборник церковных песнопений и духовных песен для пения в семье, школе и на внебогослужебных собеседованиях в 3-х голосном изложении» получил очень широкое распространение и служит людям в нескольких странах до сих пор. Книга эта не только продавалась Свято-Духовским братством (по цене 40 копеек за одну часть), но и бесплатно рассылалась подписчикам «Литовских епархиальных ведомостей». В своем предисловии к «Богогласнику» о. Александр от лица всего виленского Свято-Духовского братства писал:

Православные люди Святой Руси искони заполняли свой праздничный досуг пением особых религиозных песен, к которым и до сих пор питают исключительную любовь. Песни эти, сохранившиеся и до нашего времени в форме духовных стихов, кантов, колядок составляли особый род религиозной музыки домашней-«демественной», игравшей много лет большую роль в развитии нравственного мирозозерцания народа.

Поддержать этот род музыки, столь любимой народом, вот прямая задача предлагаемого Богогласника.

Совместно с этой задачей Богогласник преследует и другие более практические цели.

В настоящее время везде, где устраиваются внебогослужебные собеседования и народные чтения, руководители последними находят необходимость вводить на них и пение.

К сожалению, организация религиозно-нравственных чтений и собеседований с пением народа или участием хора сильно тормозится отсутствием в духовно-музыкальной певческой литературе таких нотных сборников, которые вполне отвечали бы цели внебогослужебных собеседований и по изложению были доступны для сельских хоров.

Предлагаемым сборником церковных песнопений и религиозно-нравственных песен Братство стремится прийти на помощь руководителям народных хоров, принимающих участие в пении на собеседованиях, облегчая им труд выбора песнопений для исполнения на последних.

Соответственно указанной цели в состав настоящего Богогласника, кроме колядок, кантов, духовных стихов и других религиозно-нравственных песнопений, внесены и некоторые церковные песнопения, более знакомые народу по своему содержанию, и легкие по мелодии.

Лучшим проводником песен Богогласника должна явиться начальная сельская школа, где предлагаемый Богогласник-Демественник, изложенный в простой трехголосной гармонии, может служить полезным пособием при обучении церковному пению.

Издавая настоящий Сборник духовных песен по преимуществу для православного населения Западного края, Виленское Свято-Духовское Братство выражает надежду, что старая, освященная веками песня, сложенная в тяжелые годы гонения на православную веру со стороны католиков, послужит и ныне лучшей руководительницей в жизни духовной, укрепит веру и внесет мир и утешение в многотрудную жизнь здешнего православного христианина¹⁵.

Виленское Свято-Духовское братство и его члены были инициаторами многих не только общецерковных, но и образовательных и общекультурных начинаний, оказавших громадное влияние на местное население, прежде всего белорусское, не исключая и католиков из его числа. Виленское Свято-Духовское братство оказалось в начале XX в. лидером среди сотен местных городских и сельских братств и особенно проявило себя после знаменитого

царского указа от 17 апреля 1905 г. «Об усилении начал веротерпимости», после которого десятки тысяч официально до того православных перешли в католичество, стали в массе своей, по весьма ироничному, но меткому холмско-подляшскому выражению, «калакутами» и постепенно совершенно порвали со своей этнокультурной средой, практически изменили свое этническое самосознание. С начала 1907 г. виленские братчики начинают издавать пользовавшийся большой популярностью во всей Российской империи и особенно в западной ее части журнал «Вестник Виленского Свято-Духовского братства», продолжавший выходить вплоть до 1916 г. уже в период беженства в Москве. В 1907 г. резко возрастает и интенсивность братского книгоиздания. Тогда за год было выпущено 30 наименований народных изданий общим тиражом 37000 экземпляров, а в 1908 г. – 32 наименования тиражом 88000 экземпляров¹⁶. В качестве приложения к своему «Вестнику» виленское Свято-Духовское братство издает особые «Листки для народа» и «Поучения на православные праздники», да и сами «Литовские епархиальные ведомости» становятся своего рода приложением к нему. «Вестник» составляют и редактируют крупнейшие ученые и общественные деятели Вильны, такие как известный белорусский историк и архивист Д. И. Довгялло, будущий сенатор В. В. Богданович, археограф и историк А. И. Миловидов, который, в частности, способствовал тому, что виленское Свято-Духовское братство стало организатором в 1909 г. Литовского епархиального древлехранилища, призванного собирать и изучать предметы «церковной старины с целью дать возможное представление о ходе церковно-исторической жизни в крае».

Виленское Свято-Духовское братство во многом благодаря своей издательской деятельности оказалось способным организовать местное православное население во время выборов в Государственную думу и, например, в 1912 г. даже провести в ее состав двух своих кандидатов – почетного члена братства Г. Г. Замысловского и священника В. П. Юзьвюка. В одной из своих листовок, распространявшихся тогда среди местного здешнего населения, преимущественно крестьянства, братство констатировало и свою особую роль в организации всей местной общественно-политической жизни: «Как церковно-народная организация, стоящая вне политических партий, Виленское Свято-Духовское братство призывает всех русских людей объединиться с ним для предстоящей выборной компании во имя религиозных и национальных начал и интересов местного населения».

В изданном Свято-Духовским братством в начале Первой мировой войны очерке А. И. Миловидова «К 50-летию русской Вильны», подводился полувековой итог развития кириллографичной печати и книжной культуры в самом столичном городе – Вильне, где к августу 1914 г. имелось уже 76 «заведений, печатающих русским шрифтом или изготовляющих его»¹⁷. В

этом деле весьма важная роль принадлежала и виленскому Свято-Духовскому братству, хотя и не создавшему свою достаточно надежно работающую типографию, но в конце XIX – начале XX вв. выступившего в качестве мощного литературно-издательского центра, лидера выпуска изданий народной литературы, организатора массовых народных чтений, оказавших большое влияние на духовную жизнь местных крестьян, их национальное самосознание¹⁸.

Примечания

¹ См., напр.: *Kloczowski J. Wspólnoty chrześcijańskie. Kraków, 1964.*

² См., напр.: *Зилитинкевич И. Учреждение Виленского Свято-Троицкого православного братства. Вильна, 1883; Смирнов Ф. Виленский Свято-Духов монастырь: Историческое описание. Вильна, 1888.*

³ Отдел рукописей Библиотеки Вильнюсского университета (далее сокращенно – ОР БВУ). F5-B16. Е.х. 2081. Л. 1 об.

⁴ ОР БВУ. F5-B16. Е.х. 2081. Л. 2.

⁵ ОР БВУ. F36-AM63; F36-AM64.

⁶ См., напр.: *Миловидов А. К 15-летию деятельности Виленской Братской комиссии по устройству религиозно-нравственных народных чтений (1895–1909 гг.). Вильна, 1910.*

⁷ Список серий световых картин, имеющихся в распоряжении Виленского Братского Комитета по устройству религиозно-нравственных чтений. Б. м., б. г.

⁸ *Миловидов А. Западно-русские православные братства, их современное значение и задачи. Вильна, 1912. С. 19-21.*

⁹ Труды съезда представителей западно-русских православных братств, состоявшегося в городе Вильне, по инициативе Виленского Православного Свято-Духовского Братства, 2-5 августа 1909 года. Вильна, 1909. С. 69.

¹⁰ Труды съезда... С. 30.

¹¹ Труды съезда... С. 37.

¹² Труды съезда... С. 43-44.

¹³ Труды съезда... С. 51.

¹⁴ См.: *Богогласник / Составил и гармонизовал свящ. Александр Рождественский. СПб., 1912–1913. Вып. 1–2.*

¹⁵ *Богогласник... 1912. Вып. 1. Ч. 1. С. I–II.*

¹⁶ Труды съезда... С. 69.

¹⁷ *Миловидов А. И. К 50-летию русской Вильны. Вильна, 1914. С. 21.*

¹⁸ Вопрос о роли и значении народных чтений в Российской империи практически не изучен. В отношении Литовской епархии и, в частности, самого современного г. Вильнюса и его окрестностей, определенный материал имеется прежде всего в фондах Литовского государственного исторического архива (*Lietuvos valstybinio istorijos archyvas*): F 605, наиболее многочисленный, содержащий документы Виленской православной консистории; F 610, содержащий документы виленского Свято-Духовского монастыря. Любопытны в данной связи и некоторые местные церковные и частные архивы бывшей Литовской епархии, в одном из которых сохранилась рассылавшаяся по православным приходам виленским Свято-Духовским братством инструкция о порядке организации народных чтений и деятельности соответствующего комитета братства.

Две концепции в русской культуре начала XX века

Не говори с тоской: « их нет»;

Но с благодарностью: «были».

В. А. Жуковский

Понять и оценить какое-либо сущностное явление можно только, по словам Нильса Бора, используя принцип «дополнительности», который требует применения двух взаимоисключающих наборов понятий, категорий, в совокупности дающих наиболее полную и объективную картину изучаемого явления¹.

«Возьмем единственно правильную аналогию, какая тут возможна, — пишет А. Ф. Лосев, — аналогию со светом. Свет без конца и края, абсолютная полнота и ослепляющая сила его — сущность сама по себе. Но можно отвлечься от этой безграничной, неоформленной никаким очертанием и потому немислимой и неощущаемой сущности. Можно начать сравнивать ее с ее противоположностью — абсолютной тьмой. Как только такое сравнение произведено — сущность получает свое имя. Теперь представим себе, что абсолютный свет, сам по себе не нуждающийся ни в каких определениях, вошел во взаимоотношение с тьмою. Тьма — ничто, ее нет, она не есть какой-нибудь факт наряду с фактом абсолютного света. Но вот абсолютный свет сущности начинает входить во взаимоотношение с тьмою. Это значит, что тьма, то есть то самое, что есть нечто абсолютно иное в отношении света, начинает освещаться, а свет начинает меркнуть, охватываясь тьмою». В другом месте Лосев указывает на то, что Аристотель делает обобщения научно-естественного, этического и социального характера: «Все противоположное стремится друг к другу как половинки. Теплое и холодное сухое и влажное, дружба и неприязнь как бы дополняют друг друга, ибо противоположное “полезно” противоположному, в то время как подобное “неполезно” подобному. Принцип *дополнительности* (выделено нами. — И. С.), как и в стремлении первичных частиц к взаимопереходу, проводится Аристотелем повсеместно»².

Художник и педагог В. А. Фаворский рекомендовал своим ученикам использовать технический прием, в котором необходимо захватывать шире того, что хочешь изобразить. Действительно, если обратиться к философской стороне этого вопроса и принять во внимание приведенные выше слова А. Ф. Лосева, то станет еще более понятным, казалось бы, очевидное: объекты начинают обнаруживать себя, проявлять свои свойства только при взаи-

модействии, при столкновении с другими объектами. И они, эти другие объекты, обязательно должны попасть в поле зрения художника. Этот технический прием помогает автору найти то, что он ищет, решить поставленную перед ним задачу и достичь философской глубины разрабатываемой темы.

Метод поиска поэтов другой. Поэты «ищут» истину стихами, ритмом, рифмами. Талантливый поэт зрит в «точку», а видит «вечность». Как у Уильяма Блейка: *«В одно мгновенье видеть вечность...»*.

Исследователь, как мне кажется, подобно лазеру собирает, концентрирует, фокусирует рассеянную по разным источникам информацию до тех пор, пока ни прольется свет и не станет ясным то, что он пытается открыть.

Осип Манделштам вслед за Николаем Гумилевым выдвинул две методологические задачи, стоящие перед исследователем: 1) что хотел сказать поэт и 2) откуда он пришел. «Установление литературного генезиса поэта, его литературных источников, его родства и происхождения сразу выводят нас на твердую почву. На вопрос, что хотел сказать поэт, критик может и не ответить, но на вопрос, откуда он пришел, отвечать обязан...»³.

Проблемы поэзии всегда связаны с широким культурно-историческим фоном, квинтэссенцию же культурных проблем, умонастроений, целей, задач, этических и эстетических принципов различных направлений, как правило, мы узнаем по творчеству небольшого числа самых характерных представителей этих направлений. Русская поэзия рубежа XIX–XX вв. является тому ярким примером.

Культура Серебряного века переживала смену типа культуры. Важнейшим направлением этого времени был символизм, а затем и акмеизм, как вышедший из символизма, и как противоборствующая с ним сторона. Этот кризис, перелом, переход удобно рассматривать в соответствии с теорией А. Дж. Тойнби как «фазу вызова» и «фазу ответа» на примере столкновений, взаимодействий теоретиков символизма В. Я. Брюсова, В. И. Иванова, А. А. Блока, А. Белого и теоретиков акмеизма Н. С. Гумилева, С. М. Городецкого, О. Э. Манделштама.

Можно считать, что русский символизм появился в 1894 г. с выходом в печать небольшой книжки стихов тогда еще неизвестных поэтов – В. Я. Брюсова и А. Л. Миропольского – под названием «Русские символисты». На читателя новые стихи произвели впечатление патологической галиматии. Критики так же издевались над «Русскими символистами», как и обыватели. Появление сборника было воспринято как литературный курьез. «Даже философ-идеалист и поэт Владимир Соловьев, прямой предшественник русских символистов, и тот напечатал в солидном толстом журнале «Вестник Европы» три веселых издевательских статьи о «русских символистах». В одной из этих статей он даже высказал пожелание «высечь» молодых поэтов⁴. Одним словом, ни читатели, ни критики пока не были готовы к такому мироощущению.

В своем творчестве символисты, создавая произведение посредством иносказаний, пытались достичь такого понимания их текста, при котором этот текст является символом и содержит в себе возможность более глубокого и более полного истолкования, чем прямой смысл приведенных слов. Символическое произведение, как и сам символ, всегда имеет несколько смыслов, то есть оно многосмысленно. В стихотворении дается только намек на это более глубокое содержание, читатель же должен понять его в меру собственной душевной глубины и образованности.

Символ, как трактовал его позже Карл Юнг, является интуитивной идеей, которую нельзя сформулировать каким-либо иным более адекватным образом.

Символисты опирались на тютчевскую строку: «Мысль изреченная есть ложь» и пытались прорваться к трансцендентному, подсознательному.

Д. С. Мережковский так трактовал эти слова Ф. И. Тютчева: «В поэзии то, что не сказано и мерцает сквозь красоту символа, действует сильнее на сердце, чем то, что выражено словами».

«Установленное античными неоплатониками понимание термина “символ” стало в новой Европе традиционным, приобретая односторонне оттенок мистической таинственности, который был воспринят, например, поэзией символистов конца XIX – начала XX вв. и который долгое время препятствовал современной научно беспристрастной разработке этого предмета»⁵.

Часто, когда говорят о символистах, то смешивают понятия символист и декадент. «Символизм (в газетах того времени чаще говорилось просто «декадентство») постепенно вырисовывается не как вздорное увлечение нескольких молодых поэтов, а как определенное литературное течение»⁶. Символиста не так просто отличить от декадента, но эти понятия означают не одно и то же явление и не совпадают по содержанию. «Перечитывая письма Александра Блока, можно неоднократно заметить, что он отмечает в своем творчестве черты декадентства, как то, чего нужно избегать, от чего нужно освободиться. В одном письме он пишет: “Как только напишу декадентские стихи, так непременно налгу”»⁷. А в творчестве, например, Зинаиды Николаевны Гиппиус и Федора Кузьмича Сологуба декадентское мироощущение проявляется очень ярко.

Вячеслав Иванович Иванов, чья поэзия была ориентирована на культурно-философскую проблематику античности и средневековья, так сформулировал основной принцип символического искусства: «*A realibus ad realiora*»⁸. Это означало уход «от реального мира к реальному», к идеальной реальности. Это означало, что подлинная родина человеческой души находится в ином мире, а не в земной жизни, что об этой иной жизни точно знать невозможно, о ней можно только догадываться, что символическое произведение и должно быть таким намеком на подлинный идеальный мир. Символ как свидетельство и признак, по которому узнается дотоле неизвестное.

В. Я. Брюсов был признан вожаком символизма. По словам А. Белого, они почитали Брюсова за слияние в нем поэта, историка и техника. Именно он первым обратил внимание на стихи Николая Гумилева, в то время когда тот был еще гимназистом и взял его под свое покровительство. Позже Брюсов скажет: «Гумилев принадлежит к числу писателей, вырабатывающихся медленно, а потому встающих высоко».

Известно, что ранние стихи Николая Гумилева произвели удручающее впечатление на Зинаиду Гиппиус. Она сочла их неоспоримой дрянью. Видимо, дело здесь было не в качестве стихов, как и в случае с ранними стихами В. Я. Брюсова, а в том, что мироощущение, миропонимание поэта Николая Гумилева, в будущем главы акмеизма, не могло быть понято поэтом декадентом Зинаидой Гиппиус.

«Когда из широкого лона символизма вышли индивидуально-законченные поэтические явления, когда род распался и наступило царство личности, поэтической особи, читатель, воспитанный на родовой поэзии, — каковой был символизм, лоно всей новой русской поэзии, — читатель растерялся в мире цветущего разнообразия, где все уже не было покрыто шапкой рода, а каждая особь стояла отдельно с обнаженной головой. После родовой эпохи, влившей новую кровь, провозгласившей канон необычайной емкости, наступило время особи, личности, но вся современная русская поэзия вышла из родового символического лона»⁹.

В 1910-х гг. создается объединение под названием «Цех поэтов» в противовес «Академии Стиха», где явным лидером был В. И. Иванов. «Цех поэтов» — Николай Гумилев, Сергей Городецкий, Осип Мандельштам — объявил о появлении нового литературного направления, идущего на смену символизму, и дал ему имя «акмеизм». Символизм они считали своим отцом. И конфликт «отцов и детей» выносили на всеобщее обсуждение. Своим же учителем Николай Гумилев считал Валерия Яковлевича Брюсова.

К этому времени отношения В. Я. Брюсова и В. И. Иванова осложнились из-за разного понимания задач литературного творчества. В. Я. Брюсов в 1910 г. в своем «Дневнике» записал: «В Москве был Вяч. Иванов. Сначала мы очень дружили. Потом Вяч. Иванов читал доклад о символизме. Его основная мысль — искусство должно служить религии. Я резко возражал. Отсюда размолвка. За Вяч. Иванова стояли Белый и Эллис. Расстались с Вяч. Ивановым холодно»¹⁰.

Акмеизм (от греч. — высшая степень чего-либо, вершина, цветущая сила — расцвет всех духовных и физических сил; в медицине — высшая точка болезни).

Акмеизм выстроил оппозицию символизму. Акмеисты попытались противопоставить идеальному миру символистов мир реальный, земной, вещный. Они провозгласили отказ от мистических образов, уход от многозначности символа, предложили полную смысловую отчетливость слова,

определенность и четкость образов, эстетизацию земного, поэтизацию чувств первозданного человека.

Иногда акмеистов называли адамистами, ведь Адам явился первым человеком, дающим название всем предметам и тварям, – первым мужчиной.

Акмеисты как лозунг цитировали строки Теофиля Готье в переводе Н. Гумилева:

Создание тем прекрасней,
Чем взятый материал
Бесстрастней –
Стих, мрамор или металл¹¹.

Осип Мандельштам в статье «Утро акмеизма» так выразил позицию акмеистов: «А=А: какая прекрасная поэтическая тема. Символизм томился, скучал законом тождества, акмеизм делает его своим лозунгом и предлагает его вместо сомнительного *a realibus ad realiora*. Способность удивляться – главная добродетель поэта. Но как же не удивиться тогда плодотворнейшему из законов – закону тождества? Кто проникся благоговейным удивлением перед этим – тот несомненный поэт»¹².

А. Блок высказал слова упрека в адрес акмеистов. Признавая их талант, он обвинил их в том, что они строят холодные, бездушные теории, «не имеют и не желают иметь тени представления о русской жизни и о жизни мира вообще; в своей поэзии (а, следовательно, и в себе самих) они замалчивают самое главное, единственно ценное: *душу*».

Н. Гумилев в оценке творчества А. Блока, наверное, как раз в силу широты и чистоты души и, как отмечает Л. И. Страховский в своих воспоминаниях, пафоса справедливости во всех суждениях в рецензии на «Собрание стихотворений в трех книгах» Блока приводит такую мысль: «Блок обладает чисто пушкинской способностью в минутном давать почувствовать вечное, за каждым случайным образом – показать тень гения, блюдущего его судьбу»¹³. Удивительное совпадение, повторение мысли Блейка, приведенной выше.

Установление литературного генезиса поэтов этих двух, рассматриваемых нами направлений – символизма и акмеизма, их литературных источников, сразу обнаруживает корни оппозиции.

Акмеисты называют четыре ключевых имени для своего творчества. Это Уильям Шекспир, Франсуа Рабле, Франсуа Виллон (Вийон), Теофиль Готье. Среди этих ключевых имен нет ни одного своего, национального, русского. Правда, это не означает, что акмеисты отвергают, не почитают или плохо знают русских поэтов.

Как свидетельствуют современники, на вопрос, что такое акмеизм, Мандельштам отвечал: «тоска по мировой культуре»¹⁴.

Русские символисты особо поклонялись и связывали свое творчество с именами Александра Сергеевича Пушкина, Михаила Юрьевича Лермонтова, Федора Ивановича Тютчева, тяготевшего к панславизму и Афанасия Афанасьевича Фета.

«Таким образом, Шекспир, Рабле, Виллон и Готье, эти четыре краеугольных камня здания акмеизма, противопоставляются Пушкину, Лермонтову, Тютчеву и Фету – четырем углам поэтического Эдема символистов по Бальмонту»¹⁵.

С. С. Аверинцев, в книге о пути и творчестве поэта Вячеслава Иванова приводит следующую мысль: «Почвенничество, замыкающее личность в тождестве этноса и страны, есть провинциализм, так сказать, топографический. Но и западничество, фетишизирующее современность и прогресс, предстает как провинциализм хронологический»¹⁶.

Эти слова как бы укоряют обе стороны в неполноценности, подчеркивают их односторонность, предвзятость, одержимость. Понимание, на чьей стороне правда, становится делом вкуса, привязанностей, воспитания, а не объективного подхода, суждения.

Символизм и акмеизм вышли за рамки литературных процессов, они являются существенными элементами культуры и истории, и их можно рассматривать как две концепции, проливающие свет друг на друга.

«Акмеизм не только литературное, но и общественное явление в русской истории. С ним вместе в русской поэзии возродилась нравственная сила. В отличие от старой гражданской позиции, новая русская позиция должна воспитывать не только граждан (ина), но и мужа»¹⁷.

«Русский символизм правильнее назвать даже лжесимволизмом, – говорит О. Мандельштам, – чтобы оттенить его злоупотребления большими темами и отвлеченными понятиями, плохо запечатленными в слове. Все лжесимволическое, то есть огромная часть написанного символистами, сохраняет лишь условный историко-литературный интерес»¹⁸.

С. С. Аверинцев фиксирует внимание на «общинном» самосознании русского символизма, стремившемся стереть грани не только между поколениями, но и между многими другими различиями, такими как, например, происхождение или традиционное распределение ролей между мужчинами и женщинами.

«Русский символизм – нечто совершенно иное, нежели просто течение в литературе и искусстве. Символистов объединяла не то чтобы солидарность поколений, настаивающая на своих вкусах, на своем частном, именно поколенческом опыте, – как, скажем, она объединяла акмеистов. До чего характерно, что акмеисты и были все более или менее ровесниками – и столь же характерно, что в кругу символистов физический возраст поразительно irrelevantен. Символизм держался верой, что настоящая жизнь символиста

начинается с некоей инициации, делающей его символистом, и что все предшествовавшее – предыстория, значения не имеющая»¹⁹.

Акмеисты, напротив, стремились к индивидуальному и остро ощущали императив времени. С. С. Аверинцев в упомянутой выше книге приводит слова А. А. Ахматовой: «Несомненно, символизм – явление XIX в. Наш бунт против символизма совершенно правомерен, потому что мы чувствуем себя людьми XX века и не хотели оставаться в предыдущем. Николай Степанович моложе Блока только на 7 лет, но между ними бездна»²⁰.

Не помню кто, но точно сказал, что Блок и Гумилев не только разные мироощущения, но это разные стихии творчества. Блок творил, Гумилев изобретал. Блок был художником, артистом, Гумилев был мастером, техником.

Два литературных направления символизм и акмеизм, эти два крыла русской культуры, своим творчеством, своим видением, своим пониманием мира, своим влиянием на интеллектуальную формацию нового поколения расширили культурные горизонты.

«Без предпосылок, созданных русским символизмом, едва ли было бы возможно открытие искусствоведческим сознанием XX в. эстетической ценности русской иконы (ср. рассуждения Д. Святополка-Мирского о том, почему *древнерусское искусство “открыли” не славянофилы, а декаденты, то есть символисты и их наследники*)»²¹.

Таким образом, получается, что символизм в своих поисках, ухивший от проблемы времени, открыл дорогу к пониманию прошлого.

Акмеизм, с его стремлением к индивидуальности, эстетизацией земного, погружением в стихию естества, острым ощущением требований времени, хотя и просуществовал недолго, но успел проделать ту работу, без которой развитие экзистенциалистских идей в России, могло бы и не произойти.

Именно, стремление к индивидуальности сместило акцент философии экзистенциалистов с мировоззрения на личность, с мышления на существование человека, выявило направленность духа на самого себя, выдвинуло на первый план истинное «Я» человека как неповторимой личности, сделало главной темой творчества индивидуальную свободу и личную ответственность.

Седьмого августа 1921 г. умер Александр Блок. Двадцать пятого августа того же года Николай Гумилев был расстрелян.

Почти одновременно ушли от нас два таланта, два мира, два ярких представителя символизма и акмеизма, которые отдельно друг от друга не могли бы быть поняты во всей их полноте, глубине, устремленности, взаимосвязанности и разъединенности.

Осталось с нами их поэтическое и культурное наследие, которое как две сущностные половины амбивалентного мира дополняют друг друга, тянутся друг к другу и как «противоположности», по словам А. Ф. Лосева, «полезны» друг другу.

Примечания

- ¹ Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961.
- ² Лосев А. Ф. История античной эстетики. М., 1994. С. 470.
- ³ Мандельштам О. Э. Слово и культура. М., 1987. С. 76.
- ⁴ Вольпе Ц. Русские символисты // Валерий Брюсов. Избранные стихи. М., 1935. С. 4.
- ⁵ Лосев А. Ф. История античной эстетики. М., 1994. С. 492.
- ⁶ Козловский А. Путь поэта // В. Я. Брюсов. Избранные сочинения. М., 1980. С. 7.
- ⁷ Вольпе Ц. Русские символисты. С. 14.
- ⁸ Иванов Вяч. По звездам. Опыты философские, эстетические и критические. СПб., 1909. С. 305.
- ⁹ Там же. С. 45.
- ¹⁰ Вольпе Ц. Русские символисты. С. 36.
- ¹¹ Готье Теофиль. Искусство. Перевод Н. Гумилева // Аполлон. 1911. № 9.
- ¹² Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 172.
- ¹³ Страховский Л. Николай Гумилев. Биография и воспоминания // «Современник» (Торонто), 1961. № 4. С. 59–61.
- ¹⁴ Мандельштам О. Слово и культура. С. 9.
- ¹⁵ Страховский Л. Фет и Ахматова. Литературная заметка // Анна Ахматова: Pro et contra. СПб., 2001. С. 131–134.
- ¹⁶ Аверинцев С. С. «Скворешниц вольных граждан...» // Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб., 2001. С. 10.
- ¹⁷ Мандельштам О. Слово и культура. С. 262.
- ¹⁸ Там же. С. 206.
- ¹⁹ Там же. С. 68, 69.
- ²⁰ Аверинцев С. С. «Скворешниц вольных граждан...» С. 67.
- ²¹ Мандельштам О. Слово и культура. С. 68.

К вопросу о возрождении хозяйства православных монастырей России

О современном возрождении монашества и монастырей можно говорить лишь в контексте осмысления российской истории, ее религиозной жизни¹. Важнейшим понятием в православии является понятие икономии (от греч. «устройство дома, дел») – Божественного домостроительства. В узком понимании икономия – решение церковных вопросов с позиции снисхождения, практической пользы и удобства². Согласно этому, в основе монастырского хозяйствования с точки зрения его мотивации лежат смирение и послушание.

Характерны слова одного из современных монахов: «Господи помилуй! Какая экономика?! Это все сказка! Господь подает – вот и вся экономика. Мы живем на золотой жиле – в курортной зоне. Могли вообще никакого хозяйства не вести. Коровы, огород – один убыток. Мы занимаемся этим только для смирения». Это – распространенная в монастырской трудовой этике аргументация³.

Возрождение, становление жизни в православных монастырях можно рассматривать в двух основных аспектах⁴. Первый – это внешняя деятельность, связанная с восстановлением монастырских храмов и строений, налаживанием быта, развитием хозяйства, возрождением монастырских ремесел и традиционного социального служения. Этот аспект весьма важен – невозможно пренебречь реставрационно-восстановительными и строительными работами, игнорировать элементарные бытовые потребности насельников.

Второй аспект – духовный, гораздо более важный. Подвижник XX в. старец Паисий Афонский неоднократно подчеркивал, что сегодня самая большая проблема для Церкви и для монашества особенно – вхождение в нашу жизнь мирского духа⁵. Незаметно, под благовидными предложениями, из-за незначительных, казалось бы, уступок он наполняет человека, овладевает его умом, изменяет сознание. Очень важно сознавать, что в монашеской жизни главное и требует сохранения во что бы то ни стало, а что может быть изменено, но не в ущерб традиции и не в угоду духу времени, а только лишь исходя из принципа икономии.

Официальная передача Церкви территорий и помещений православных монастырей началась в 1990-х годах, но до сих пор многие мо-

настыри владеют не всей территорией, на которую претендуют. При этом имеет место как сотрудничество с музеями, находящимися на территории монастырей, так и вражда с ними.

Впечатляет история возрождения Николо-Угрешского монастыря близ Москвы, где возрождение обители началось в 1990 г. Тогда в г. Дзержинском была создана инициативная группа по возобновлению богослужения в Николо-Угрешском монастыре. Были собраны несколько сот подписей под обращением к властям с просьбой об открытии прихода на территории разрушенной обители. Это обращение было поддержано городской властью, и в конце 1990 г. Дзержинский городской Совет народных депутатов принял решение передать Церкви помещение Успенского храма Николо-Угрешского монастыря. В скором времени документы были переданы в Московский Патриархат. Даже по тем временам, это было дело еще небывалое – городские власти по требованию горожан сами возвращали храм в лоно Церкви!

Помощь в деле возрождения Угрешской обители на протяжении 1990-х гг. оказывали акционерная агрофирма «Белая Дача», компания «Спецстрой» и другие организации. В разное время усилиями благодотворителей монастыря были восстановлены многие здания, храмы, монастырские стены, отлиты монастырские колокола, благоустроена территория монастыря. На восстановительных объектах трудились рядовые и офицеры воинских частей МЧС, дивизии МВД им. Дзержинского. Но самыми главными благодотворителями Николо-Угрешского монастыря стали жители г. Дзержинского. Люди помогали не только деньгами, но и своим трудом, очищая территорию обители от мусора, работая на строительстве. Народ выходил на добровольные субботники, все силы отдавая богоугодному делу и ощущая неизмеримую благодать от трудов своих. Решением городских властей с территории монастыря вывели все городские службы. Вскоре здесь открылась монастырская пекарня, а через некоторое время и цех по производству полуфабрикатов. Монастырь стал снабжать горожан продуктами собственного производства.

Конец 1980-х гг. стал первым этапом в восстановлении обители на Валааме, бывшей когда-то столпом православной веры на севере России. По инициативе митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия (будущего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II) 18 сентября 1989 г. Совет министров Карелии решил «передать в пользование» Ленинградской епархии Спасо-Преображенский собор с внутренним каре и расположенные рядом скиты, кроме Воскресенского и Гефсиманского. С приездом монахов постепенно затеплилась духовная жизнь на острове. Возобновились службы в нижнем храме во имя преподобных Сергия и Германа. Одновременно начались мона-

стырские реставрационные работы. С 1990 г. Валаамский монастырь получил статус ставропигиального. Возрождаются традиции Валаамского трудового монашества: строительство и реставрация, развитие собственного флота, сельского хозяйства и автохозяйства, камнерезное, кузнечное и свечное производства, издание духовной и церковно-исторической литературы.

В силу сложившихся исторических обстоятельств, почти все сохранившиеся после неоднократных разорений Валаамской обители святыни и реликвии оказались вне Валаама или были безвозвратно утрачены в послевоенное время. Поэтому огромное значение для возрождающейся обители имело обретение древней святыни – креста-мощевика с частицей мощей великомученика и целителя Пантелеимона, который был выкуплен из частной коллекции и передан в дар Валаамскому монастырю благотворителем.

В 2002 г. Святейшим Патриархом была освящена первая в России церковь, посвященная в честь Валаамской иконы Божией Матери, устроенная после усердных молитв всего братства в помещении некогда упраздненного Никольского храма во внутреннем каре монастыря, где в 1897 г. и была обретена чудотворная икона.

В начале XX в. при Валаамском монастыре существовало 13 скитов. В настоящее время восстановлены 11 скитов. Вековые монашеские традиции Валаама, как и других российских обителей были прерваны в годы богоборческих гонений. Сейчас вся братия, включая и трудников, живет в капитально отремонтированном Братском корпусе внешнего каре (на отгороженной территории монастыря) и занимает помещения внутреннего каре. Братия призывается не только к внешнему деланию, т. е. присутствию на богослужении, трудам послушания, келейному правилу, но и к внутреннему, духовному, составляющему сущность монашеского подвига, постоянному упражнению в Иисусовой молитве, борьбе со страстями, откровению помыслов, частой исповеди и причащению Святых Христовых Таин.

Как пророчески сказал о Валааме в 1936 г. русский писатель И. С. Шмелев, «придет время, и расцветут подростшие цветы духовные: “Господний посев не истребится”». Святитель Игнатий (Брянчанинов) писал: «Валаам, на котором вы видите гранитные уступы и высокие горы, делается для вас той духовной высотой, с которой удобен переход в обитель рая».

Ныне на Валаам ежегодно прибывают тысячи людей, в последние годы – всё больше богомольцев, стремящихся прикоснуться к живому источнику православной веры.

Примечания

¹ *Алексий, архиепископ Орехово-Зуевский*. Некоторые вопросы возрождения монашества в России. Доклад на конференции «Возрождение православных монастырей и будущее России». Сайт Московского Новоспасского монастыря. 2009.

² *Святая Русь*. Энциклопедический словарь русской цивилизации. М., 2000.

³ *Бес тебя ленью, а ты его кистью* // Нескучный сад. 2006. № 5.

⁴ *Алексий, архиепископ Орехово-Зуевский*. Некоторые вопросы...

⁵ *Паисий Святогорец, схимонах*. Слова. Т. 1. С болью и любовью о современном человеке. М., 2004.

Современные «гуманитарные технологии» в контексте российской действительности

Начнем с грубоватого, но – увы – достоверного утверждения: понятие «гуманитарные технологии» режет слух всякому, кто говорит по-русски без англосаксонского акцента. Однако, быть может, это всего лишь проявление очередных «фобий», играющих в культуре роль «охранительного пояса» по отношению к необдуманым заимствованиям чужих (и чуждых) понятий и соответствующих им реалий, благодаря чему своеобразный «национально-культурный иммунитет» удерживается от риска дестабилизации и распада?

Попытаемся максимально беспристрастно разобраться в смысле и значении термина «гуманитарные технологии», не забывая при этом старательно «разводить» те идеологические значения, которые ему приписываются, и те действительные значения, которые за ним стоят. Думается, подобный анализ может послужить не только уяснению бытующих и выявлению скрытых смыслов заметного явления современной российской жизни, но также может способствовать дальнейшему уточнению и детализации существующей сегодня общетеоретической модели идентификационных программ современной культуры.

Прежде чем перейти к изложению идей, раскрывающих суть предложенного исследовательского ракурса, стоит сделать ряд предварительных замечаний. Как и всякая социокультурная диагностика, данный подход не предполагает поиск панацеи, хотя и призван способствовать разработке оптимальной рецептуры по преодолению болезненных явлений современности путем выяснения их причин. Кроме того, сущностное описание духовной среды, созданной силовыми линиями коммуникативных технологий (в числе которых числятся и «гуманитарные») в современной российской культуре сопряжено с исследованием медиа-пространства. А оно своей «политикой промывания мозгов» – совершенно в духе постмодернизма – завоевало дурную славу «превращения журналистики в пиар»; собственно PR-технологий – в рекламу, а образовательной политики (ведущейся под знаком построения «систем качества» в духе «менеджмента качества») – в процесс, получивший в преподавательской среде устойчивое название «развал образования». Все эти прискорбные явления нашей жизни, однако, – именно ее «среда», не считается с которой невозможно. Как невозможно списать ее возникновение исключительно на злой умысел неких злонамеренных сил.

Попытаемся разобраться в духовных основаниях перечисленных социокультурных явлений и процессов, имея в виду также активно осваиваемую сегодня культурологией нишу, ориентированную на создание более «экологически сбалансированных» социокультурных программ, позволяющих корректировать сами «гуманитарные технологии» с учетом особенностей России и русской культуры. И – направленных на последовательное «гуманитарное» поддержание в ней тех образов и идей, которые связаны с ее удивительной, – несмотря ни на что, – жизнеспособностью и духовной устойчивостью¹.

Итак, что же такое «гуманитарные технологии»? Наиболее типичные рассуждения, предлагаемые в работах современных российских авторов таковы (приведем фрагменты полностью, поскольку они очень показательны): «Если исходить из названия, то гуманитарные технологии – это технологии, ориентированные на развитие человеческой личности и на создание соответствующих условий для этого. Другими словами – это способы совершенствования моральных и этических норм, способы развития интеллектуального потенциала и физического состояния», – полагает Н. А. Кузнецова, автор статьи в журнале «Эйдос»². При этом подчеркивается инновационный характер гуманитарных технологий: «Гуманитарные технологии – это технологии инноваций, производство новых способов деятельности. Инновация – это новый способ думать и делать. Причем в этом определении важны оба слова – и «думать», и «делать». Появление нового способа деятельности предполагает новый взгляд, новое представление о реальности. Новый взгляд рождается тогда, когда человек имеет возможность получать новую информацию и знания, которые и формируют его действия, его представления – когда человек знает, где и какая информация и знания ему нужны для принятия решения»³.

Некоторые исследователи прямо говорят об особой «философии», которая стоит за понятием «гуманитарные технологии». Так, О. С. Мартынова описывает их как «способы влияния на определенные сообщества: в случае PR это – влияние на целевые группы; в случае педтехнологий – влияние на группы студентов». В любом случае, по ее мнению, «объединяющий смысл» данного понятия раскрывает его как «новый тип управления процессами через влияние, мягкое взаимное воздействие сторон, групп и отдельных лиц друг на друга, при котором средства прямого авторитарного давления не рассматриваются в качестве инструмента управления». Соответственно, столь усиленно прививаемый вузам сегодня «менеджмент качества» – это, по мысли цитируемого автора, ни что иное, как «философия организации», прямо обозначенная как «работа с нормами и ценностями», «мировоззрением»⁴.

Важный аспект, помогающий точнее понять сущность процессов, с которыми сопрягаются «гуманитарные технологии», – аспект профессиональ-

ной адаптации. Здесь становится заметным тот факт, что современная культура настойчиво предлагает социальному субъекту опираться не на бесконечно расширяющуюся сферу эрудиции, а, скорее, грамотно управляться с уже имеющимся объемом знаний, продуктивно определяя те направления, в которых необходимо увеличение (или, наоборот, сужение) информационного потока (преимущественно инновационного, т. е. постоянно *качественно* обновляющегося). Важнейшей стороной «технологичности» подобного рода является умение распределять и перераспределять информацию с целью достижения конкретных практических результатов («умения», прочно связанные в сознании специалистов в сфере «гуманитарных технологий» с «компетенциями»).

Другой немаловажный аспект – повышение психологической устойчивости личности, подвергаемой сегодня разрушительному прессингу со стороны «информационного общества». Именно «управление знанием», с точки зрения специалистов (психологов, социологов, культурологов) дает ей, личности, «дополнительную плавучесть» в бурном потоке информации, помогает приспособиться к стремительно изменяющейся среде и «принимать решения в условиях неопределенности». Правда, следует обратить внимание на присутствующий здесь скрытый парадокс: технологии (т. е., по сути, алгоритмы) предполагается применять в ситуации, изначально неалгоритмизированной и даже принципиально неалгоритмизируемой.

Итак, «гуманитарные технологии» рассматриваются как максимально возможные «гарантии», динамически «оберегающие» сознание современного индивидуума и вместе с тем помогающие ему «устроиться», закрепиться во все более агрессивной информационно-насыщенной среде. К слову, данная проблематика затрагивает не только достаточно подробно разработанную на сегодня тему «бесчеловечности индустриальной эпохи». Скорее речь идет о «постиндустриальном» состоянии, которое в России оказалось связано с собственно техническими и технологическими успехами в минимальной степени, вместе с тем заполучив «в актив» все их «негативные» последствия. В последнее время теоретики «информационного общества» склонны особенно подчеркивать ту роль, которую играет в этом процессе качественное перерождение современного знания, ставшего «капиталом» и, одновременно, – инструментом откровенно манипулятивного управления. Субъект-субъектное взаимодействие «мягкого» типа в этой среде, конечно, много шире сферы «пиара» и педагогики. По сути, оно может быть применено (и применяется!) в любой коммуникативной ситуации, где может присутствовать деятельностный аспект. В том числе – в деловых отношениях, госуправлении и т. д.

Подводя итог «поиску общего понятия» о «гуманитарных технологиях», стоит, видимо, остановиться на утверждении, что их следует рассматривать

как приемы, методы и средства трансляции и реализации управленческих решений, опирающиеся на ценностный пласт сознания индивидов и групп. При этом следует особенно подчеркнуть тот факт, что «ценностный пласт сознания» представляет собой сложную систему, где в равной мере представлены рациональный и эмоциональный элементы; а также сознательный и бессознательный уровни психики.

Сознательное и бессознательное, в свою очередь, транслируют определенные шаблоны оценки индивидуального и коллективного типов, что позволяет выделять «срез» личных ценностей как, с одной стороны, представленных в общественном сознании и интериоризированных индивидуумом; а с другой стороны, как имеющих распространение в коллективном бессознательном («национально-культурный менталитет») и также присвоенным индивидуальным сознанием в качестве собственного имманентного содержания.

Более того, на определенном этапе «зрелости» личности можно говорить о формировании у нее особого уровня присутствия в сознании «моральных абсолютов» – «сверхценностей». Уровень этот нельзя рассматривать как «продукт» антропологического развития; он в значительной мере трансцендентен такому развитию (вспомним парадоксы, связанные с идеей существовании «морального абсолюта» как «малого я»; а также рассуждение Канта об автономии практического разума, описывающее философским языком учение о «дарах», – в частности, даре свободы). Заметим, кстати, что принципиальный отказ считать допустимым существование подобных трансценденций равносителен ошибке солипсизма. Как минимум, помимо самого вопрошающего о своей структуре сознания логично допустить существование чего-то иного, – например, другого сознания, или же отличной от сознания вещного инобытия. По сути, речь идет о «точке самосознания» личности, о «внутреннем я» человека.

В рамках определенной традиции, особенно важной для русского национального самосознания, можно именовать этот уровень сверхценностей «духовным ядром личности». Раскрываясь через ценностный пласт сознания, духовное ядро, тем не менее, никоим образом не сводится к самим ценностям, через которые реализуется, но с которыми не совпадает. Проще говоря, вне специализированной «оптики» (например, философской или соборно-церковной) различие между ценностями и «сверхценностями» неуловимо. Не способствует различению этих двух уровней ни экзальтированное неофитство, ни примитивный «кустарный атеизм», свойственный массовому сознанию представителей «общества потребления». Оба эти подхода абсолютизируют чувственную составляющую «притяжения» к «сверхценностям» (которые потому и «сверх-», что, существуя не только в сознании, не могут быть «приватизированы» им). Интересно, что для более «продвинутых» версий секулярной культуры характерно стремление научно обосновать

вать (средствами психологии, культурологии и т.п.) описанную выше разницу между «объективным духом» и субъектными его «раскрытиями» на индивидуальном и групповом уровнях.

По сути, современные психотехники, часть из которых востребована и «гуманитарными технологиями», вторгается именно в это сложное переплетение сознания и самосознания, ценностей и духовных координат.

Наиболее заметным образом данное «вторжение» проявлялось и проявляется в настойчивых попытках государственной власти политизировать религиозные институты⁵ – с целью создания адаптированной к нуждам социума, управляемой идеолого-психологической системы «коррекции» поведения индивидов (вспомним Вольтера с его утверждением о моральной и социальной востребованности религиозного сознания).

При этом следует подчеркнуть, что «парадокс власти»⁶, требующей от вовлеченных в нее субъектов принимать ее как жертву и ответственность, а не как субъективную самореализацию, заставляет и сегодня многих достойных людей в России отступить от ее бремени. Здесь, однако, скрывается ловушка: отказ от труда, в том числе, труда социальной организации, сопоставим с отказом от спасения⁷. На современном уровне социокультурной диагностики и проектирования российская управленческая элита отчетливо понимает, что отсутствие явно артикулированного «упора» на «сверхценности» плохо влияет на социальную адаптивность личности. Именно сюда и пытаются внедрить практику использования «гуманитарных технологий», – например, активируя идею официальной религиозности. Пиар-проекты СМИ с некоторой периодичностью демонстрируют участие государственных чиновников в богослужениях, тем самым, приближая их имидж к народному сознанию (поскольку православие остается на сегодняшний день доминирующей ценностью русской культуры). Показательно: при заполнении заявления на получение российского гражданства респондент по желанию может заполнить графу «вероисповедание».

Правда, при использовании подобных «пиар-ходов» часто осуществляется осознанное «уплощение» духовной парадоксалистики до однозначно понимаемых «метафор», «установок» и «посылов», а также методов оценки поведения и оснований служебного продвижения. Таким образом, на «субстрате» духовности искусственно формируется пространство идеологии⁸.

Речь может идти даже об определенных психотехниках, позволяющих направить энергию сублимации в русло политического или социального действия⁹, что, как правило, приводит к временному «скачку» производственной активности в массовом масштабе. Однако ценой такого «энергетического всплеска» становится расшатывание «устоев» психосоциальной адаптивности. Проще говоря, «внедрение» (неизбежно в данном случае манипулятивное) на уровень базовых ценностей («сверхценностей») лич-

ности оказывает пролонгированное разрушительное действие, прежде всего, на ее психосоматику. При этом сферы «ценностей» и «сверхценностей» часто не только не разводятся, но и не различаются, что влечет дополнительные трудности по экспертной «квалификации» допустимости тех или иных ценностных «техник».

Напомним: манипуляция – это скрытое психологическое воздействие с использованием эмоций (чувств) партнера, с целью получения выгоды источником манипуляции. Психологи отмечают, что выгода от манипулятивного воздействия не всегда носит односторонний характер, она может оказаться обоюдной. Поэтому в психологии подобная практика не всегда рассматривается как этически некорректная. К тому же, как уже отмечалось выше, манипулятивный «оттенок» носит, по мнению специалистов, почти любая коммуникация, – постольку, поскольку она имеет эмоциональный подтекст (за исключением, разве что, сугубо делового письма).

С другой стороны, в случае «выведения на свет Божий» тех импульсов, которые скрыты в сознательно манипулятивном воздействии, оно зачастую перестает быть манипуляцией в строгом смысле этого слова. Безусловно, негативный оттенок в русской лексике данное понятие носит, видимо, именно из-за своей сопряженности с запрещенным приемом – внедрением в область духовного самоопределения, посягающее на дар свободы. Стоит отметить, что «социальное измерение» внутри церковного тела не исключает случаев подобного воздействия, – но всегда предполагает его осмысление, дезавуирующее разрушительное действие духовной манипуляции.

Нельзя согласиться с теми авторами, которые категорически настаивают на «принципиально неманипулятивном» (в отличие от психотехник) характере «гуманитарных технологий»¹⁰. Даже диалогизм, заявленный в качестве основополагающего принципа функционирования последних, не может отменить очевидного: как технологии воздействия (даже взаимного) и как технологии управления (пусть даже мягкого) эти «пути влияния» обречены «способствовать достижению поставленных целей» за счет внедрения в ценностный пласт сознания, где присутствуют не поддающиеся тотальной рефлексии чувства. А это – всегда манипуляция, – связано ли такое внедрение с корыстным (например, политическим) или бескорыстным (например, педагогическим) расчетом.

Итак, непосредственно на уровне «сверхценностей» духовного порядка манипулирование (даже в скрытом виде, по принципу «от противного») недопустимо. Логическое основание этой заповеди подробно изучено в античной философии, обосновавшей моральный и сакральный запрет на то, чтобы «делать ложь похожей на истину».

В Новейшее время данная проблематика была весьма подробно изучена той ветвью русской религиозной философии, которая опиралась на свято-

отеческое наследие, раскрывая новые смыслы свободы, обозначившие себя в XIX – первой половине XX вв. («Братья Карамазовы» и «Бесы» Ф. М. Достоевского, «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого» Н. А. Бердяева и т. д.). В свою очередь, психологическое основание запрета вторгаться в личностно значимый пласт «ценностных оснований» ее духовного бытия в полной мере стало предметом *научного* внимания только в наши дни. Напомним: оно, по сути, носит характер медицинской рекомендации – манипуляции самосознанием наносят ущерб (иногда непоправимый) целостности сознания, всей душевной организации человека. Причем не только того, кем манипулируют, – но и того, кто манипулирует. В то же время общение неманипулятивного духовного характера, описанное авторами XIX–XX вв. (включая Н. Бердяева, К. Ясперса, Х. Яннараса, С. А. Чурсанова¹¹ как «экзистенциальная коммуникация», общение по принципу когерентности) – предмет заботы культуры и Церкви в равной мере. Но это – тема совсем другого исследования

Итак, запрет манипулятивно вторгаться в «точку кристаллизации» души, ее духовно-свободное ядро – абсолютный запрет, имеющий для русского самосознания решающее значение. Знаменитое: «Ты меня уважаешь?..» – на самом деле «про это». Без понимания данной черты русской культуры здесь бессмысленно уповать на успех любых социально значимых технологий, – даже давая сиюминутный эффект, они «рубят сук», системно разрушая сознание тех, на кого направлены. Эти выводы должны быть усвоены разработчиками очередных гуманитарных инноваций на отечественной почве в том случае, если они хотят действительно выполнять задачи «повышения качества», а не его окончательного разрушения.

Приведем несколько примеров разного типа коммуникативных актов, где, по мнению исследователей, так или иначе присутствует элемент манипуляции, лишенной напрямую «негативных» ассоциаций, о которых шла речь выше. Так, обращаясь к анализу педагогического воздействия на ту или иную аудиторию, следует иметь в виду, что изначально «коммуникативная диспозиция» предполагает более высокий статус рефлексии и владения ситуацией у того, кто подобное воздействие осуществляет, – в сравнении с тем, на кого оно направлено. В противном случае не может быть достигнута поставленная цель: студент, который берет на себя психологическую и организационную роль педагога – нонсенс не потому, что кто-то против инновационных методов обучения, но потому, что человек, оказавшийся в позиции студента, «по определению» не соответствует подобной заявке.

Любой оратор – лектор, политик, продавец (независимо от того, «дилер» он, «брокер» или пока еще экзотически звучащий «девелопер»), телеведущий и т.п., – всегда, вольно или невольно, осуществляет программу целенаправленного воздействия на аудиторию, включающую наличие «неявного

эмоционального пласта» скрытых от ее понимания и осознания процессов. Это может быть симпатия или антипатия по отношению к оратору, эмоциональная оценка его интеллектуальной, психологической, гендерной и т. п. привлекательности; весомости излагаемых идей, приемлемости методов подачи материала и т. д. Провоцирует активизацию бессознательных эмоциональных реакций (в том числе, реакций на информацию) также свойственная людям как социальным существам эмпатия (чувство сопереживания и эмоционально-психологической солидарности, связанное с умением проникаться состоянием другого человека). Таким образом, можно согласиться с тем, что манипуляция – элемент практически любого направленного воздействия. Но чем же отличается «сегодняшний» ее вариант от тех, которые имели место прежде?

Не вызывает сомнения, что иное – в сравнении с нынешним, – состояние знания в «классической» культуре Просвещения и основанных на ее интенциях «традиционных» педагогических и социальных стратегиях (пока еще не технологиях, т.е. пока еще не имеющих жесткой взаимозависимости целей, предпосылок и средств) предполагало и качественно иные методы трансляции такого знания.

Так, в «классической» схеме российского образования¹² отношения «педагог – учащийся» достаточно четко иерархизированы. Педагог – тот, «у кого есть», учащийся – тот, «у кого нет». Разумеется, это не исключает (и даже предполагает) обратное влияние учащегося на педагога. Как выражался кто-то из классиков, «не страшно незнание, страшно нежелание узнать». Интерес, замечания и внимание учащегося побуждают преподавателя не только «совершенствовать свои знания» (как это не раз отмечалось в соответствующих документах руководящего характера), но также искать «новые формы и методы» общения с аудиторией.

Понятно, что подобное общение принципиально диалогично – в противном случае перед нами профнепригодный субъект, а не преподаватель. Однако существенной особенностью и «новых», и «старых» «классических» методик остается при этом их *содержательный характер*, полностью формализовать который (читать: предложить технологически выверенный алгоритм) невозможно.

Вторжение в ценностный пласт личных переживаний также имеет место в момент проведения в социальной среде любого управленческого решения. Однако оно опосредовано здесь совершенно определенной, веками отработанной формой трансляции коллективного бессознательного, управляемого государственной идеологией, более тысячи лет поддерживаемой в русской культуре социальной и духовно-просветительской работой Церкви. Существенным ориентиром церковной практики, на мой взгляд, можно считать строгое, философски достоверное и психологически

корректное различие «абсолютного» пласта сверхценностей – и собственно ценностных ориентаций, о котором шла речь выше. В определенном смысле именно Церковь оказалась сегодня чуть ли не единственной хранительницей памяти о необходимости такого различения. С этой точки зрения, ее историческая миссия в рамках секулярной культуры еще далека от своего завершения. Интересно, что приемы проведения управленческих решений внутри церковного организма отличаются почти военной четкостью, их формулировка – императивностью; неисполнение влечет наказание. Все это мало похоже на «гуманитарные технологии», – и слава Богу! При этом «внешняя» социальная политика Церкви изначально не направлена на то, чтобы заместить собой соответствующие функции государства, хотя социальная поддержка незащищенных групп населения – именно духовная, а не только сугубо социальная, задача Церкви.

Обратим также внимание на непростое сочленение того, что мы условно обозначили как «духовно-просветительскую работу» Церкви – и того, что является в полном смысле государственной идеологией. Первое представляет собой по виду мягкую, а на деле очень жесткую систему «правил» жизни в свободе, имеющую некий внешний «рисунок», следуя которому ее не всегда можно распознать в среде социальных коммуникаций. Второе есть ни что иное, как официально исповедуемая система ценностей, декларируемых в качестве таковых. В идеале первый и второй «ряд» могут быть изоморфны друг другу, но никогда не могут ни совпадать, ни «вытекать» один из другого: «Богу – Богово, а кесарю – кесарево». Как отмечают специалисты, именно в этой позиции – суть принципа «симфонии властей»: власть «мирская» и власть духовная не могут совпадать, потому что каждая из них решает свою задачу. При этом наличие воли к их «согласию», как в свое время подчеркивал Вл. Соловьев, – это усилие предотвращения «ада на земле». Именно такое усилие (а вовсе не построение земного рая), по мнению русского философа, и является задачей государства¹³.

Наш век принес в социальные и педагогические методы невиданные прежде скорости в распространении информации. Это потребовало возрастания скорости ответных реакций. Что, в свою очередь, вызвало к жизни простейший «инстинктивный» ответ: ведь инстинкт, в каком то смысле, и есть «технология», алгоритмизированный ответ на любой идущий извне стимул.

Одновременно с этим «размывание» информационной среды, делающее ее «рыхлой» и мало достоверной (при почти катастрофическом увеличении объема информации) вызвало потребность в создании мощной институции профессиональных экспертов, взявших, подобно гадалкам в архаических культурах, на себя груз почти беспредельного доверия аудитории. В плане изменения источников, агентов и субъектов информационного воздействия

можно констатировать, что с институализацией СМК данная среда получила манипулятивный доступ не только к официальному и деловому общению, но также к интимной сфере бытовой жизни граждан, создавая эффект присутствия, например, телевизионного или компьютерного «глаза» в любой момент «свободного» (прежде) времени.

При этом можно согласиться с известным публицистом С. Королевым, автором книги «Донос в России», высказавшим мысль о принципиальном изменении представлений о пространстве и времени у человека современной культуры (в России – в частности). Однако предложенная им интерпретация этих характеристик сознания нуждается сегодня, на мой взгляд, в уточнении. Прежде всего, для среднего представителя современной массовой российской культуры *время* фрагментировано, а не квантовано. Его смысл выражается в предельно материализованном, ценностно «заниженном» эквиваленте («сосиска», а не «колбаса», как было прежде). Ругать или хвалить за это «наше время» бессмысленно – в обесмысленном и обесцененном секулярном мире другого времени быть не может. Однако решить проблему, перенося «бремя ожиданий» в потусторонний мир (как это пытаются делать представители некоторых политизированных деноминаций), или – переключая на обворованных (прежде всего, за счет экологии) детей, не представляется возможным. В таком состоянии «отсроченного ожидания» Россия жила достаточно долго, особенно в XX в. В то же время «гнилой» Запад продолжает показывать ей пример не только «сосисочного», но и действительного социального благополучия – этот факт не могут полностью девальвировать никакие идеологические мифы.

Россия сегодня оказалась не только под властью «пиара», «впаривающего» ей нравственное разложение в упаковке «свободы» и идеал «продвинутой» праздности под видом «трудовой этики». Упорное, системное размытие бессознательной компоненты национальной психологии, происходящее через разрушение традиционной информационной среды путем внедрения в нее видео- и аудио- рядов современной рекламы, вписанной в городскую среду, а также в теле- и Интернет- пространство, поражают своим бесстыдством даже видавших виды завсегдатаев европейских кварталов «красных фонарей». Иррационализм бюрократической машины порой доходит до предела, за которым бессмысленно искать даже «неклассическую» логику: привитые сознанию индивидуума «гуманитарные технологии» сдвигают принятие решения из поля личной компетенции (и ответственности) конкретного чиновника – во «фреймы» чиновничьих структур.

Педагогическое поле деятельности, в свою очередь, также подвергается атакам «технологизации с человеческим лицом». В качестве примера можно привести вполне серьезное обсуждение вопроса о том, нужна ли математика

в школе – или же достаточно факультативного (платного) ее изучения для тех, «кто хочет». Правда, старушка-Европа здесь почти догоняет постмодернистскую Россию. Так, во Флорентийском университете, как говорят его студенты, иностранный язык (например, такой, как русский) изучается два раза в неделю группой от 70 человек. Как говорится, без комментариев... В российских вузах, как известно, пошли еще дальше – например, предложением уравнивать при приеме в бакалавриат ПТУ (ныне «колледжи»), где к сроку обучения добавляется один год; – и вузы, не подсуетившиеся в добывании лицензии на «открытие» магистратуры (убираем один год). При этом столбальная рейтинговая система оценки знаний предполагает выделять на «незнание» («2» и «1») 60 баллов, а собственно на знание («3», «4», «5») – оставшиеся 40...

Таких «огрех» – не перечить. И все же – нужны или нет сегодня гуманитарные технологии?

Позволим себе развернуть вопрос в несколько иную плоскость: возможно ли избежать их присутствия и воздействия? Ответ очевиден. Таким образом, остается констатировать неизбежность процесса технологизации социального управления и педагогики, помноженные в России на такие особенности ее национально-культурного менталитета, как глубоко развитое самосознание, приоритет эмоций, декларация особого статуса духовности в культуре, стремление некоторых политизированных слоев общества к мессианизму имперского типа в сочетании с хронической деструкцией собственного социального пространства.

Нельзя забывать также о вынужденной для подавляющего большинства нашего народа позиции «социальной жертвы» с подорванной верой в свои силы – что выражается, в том числе, в отсутствии реальной востребованности профессиональных знаний и умений, особенно производственного типа (исключение составляют пока что сферы политики и представительских функций управления, а также ряда профессий, связанных с государственной и частной безопасностью).

Вместе с тем, хотя массовое позитивное отношение к «гуманитарным технологиям» в российском обществе сегодня не могут «сформировать» даже самые мощные из них, россиянам придется и впредь иметь дело с подобными социальными алгоритмами, применяемыми в самых разнообразных контекстах. А это значит, что придется учиться ориентироваться в условиях изменившейся до неузнаваемости «социальной местности» не только «по старинке», «на глазок» (пусть даже очень точный и меткий), но также – работая с теми ее «картами», более или менее достоверными, которые предлагаются в качестве основы социального поведения сегодняшними социальными менеджерами.

Примечания

¹ См., например: *Фалин В. В.* Социокультурный аспект изучения коммуникационных процессов в современном российском обществе. Автореферат на соискание степени кандидата культурологии. М., 2009.

² *Кузнецова Н. А.* Расширение гуманитарных технологий на основе компетентностного подхода // Интернет-журнал «Эйдос». 1 сентября 2006. <http://www.eidos.ru/journal/2006/0901-3.htm>

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ *Филатов С. А.* Традиционные религии, «русская цивилизация» и суверенная демократия. Религия и конфликт. М., 2007. С. 17, 41 и др.

⁶ *Доброхотов А. Л.* Белый царь, или метафизика власти в русской мысли. Избранное. М., 2008. С. 114–117, 158–160, 165.

⁷ Там же. С. 163.

⁸ Там же. С. 136–143.

⁹ *Королев С. А.* Московские письма // *Королев С. А.* Донос в России. М., 1996. С. 109–159.

¹⁰ Например, *Кузнецова Н. А.* Расширение гуманитарных технологий...: «Гуманитарной технологии свойственна открытость целей работы с человеком, отсутствие манипулятивности в деятельности педагога. Открытость возможно обеспечить через прояснение целей, возможность их коррекции, изначально заложенную в алгоритм технологии. Постоянная диагностика выполнения замысла позволяет выявлять и устранять ошибки, корректировать процесс обучения и получать желаемый результат».

¹¹ См.: *Чурсанов С. А.* Лицом к лицу. М., 2008. С. 17–52, 114.

¹² См.: *Кучмаева И. К., Расторгуев В. Н.* Природа самоидентификации: русская культура, славянский мир и стратегии непрерывного образования. М., 2004. С. 51–120.

¹³ Ср.: *Доброхотов А. Л.* Белый царь... С. 156.

Духовная культура России перед «вызовами» глобализации

Духовная культура страны – сложное и многомерное явление. В нее входят, прежде всего, пережитый исторический опыт поколений, та незримая, но живая пульсирующая связь, которая тянется из глубины веков и согревает душу, окрыляет мысль и укрепляет волю нынешнего поколения. Богатейшее духовное наследие России дает множество импульсов этой связи, обеспечивает богатство и широту понимания исторического прошлого своего народа, ответственность нынешнего поколения за полученное им наследство не только перед прошедшими, но и перед будущими поколениями.

«Не стоит село без праведников», – говорит русская пословица. Так и русская духовная культура держится на подвижнических усилиях праведников прошлого, настоящего и будущего.

Философские искания, эстетические воплощения, религиозные прозрения, нравственные требования и усилия воли и разума в соединении этих аспектов напряженнейшего творчества в целостные системы понимания бытия и ощущения Бога, – все это было, есть и будет в той богатейшей сокровищнице духовного опыта, который реализовал себя в русской культуре. В ней – сама ответственность и честность личности, ощущающей и воспринимающей себя выразителем того неизмеримо большего, что зовется Божиим промыслом, призванием и смыслом жизни. В ней – трепет сердец, откликающихся в унисон на горе и беды человеческие и мучительно жаждущих достижения гармонии, пусть даже ценой собственной жизни и покаянной судьбы. В ней – неустанная жажда знания, обретения света истины, которым необходимо поделиться с единоверцами и жителями Земли. В ней, наконец, мудрость понимания неизбежного, готовность принять его и смириться с ним. И одновременно – неистовая воля сопротивления всему пошлому, мелкому, суетному, подлому, что опутывает человека как тина застойных вод, сковывает его мысль, разум, лишает сил, разменивая незаурядные душевные возможности на пустоту, призраки и бессмысленную погоню за земным богатством и успехом как мерилем высшего счастья.

Духовная культура в наши дни жива для большого числа наших современников лишь тогда, когда сохраняется ее устойчивое восприятие нынешними поколениями. Когда в ее освоении и воспроизводстве участвуют библиотеки, школы, музеи, университеты, филармонии, художественные

галереи. Когда она является ценностью семьи и в основах своих передает-ся детям от родителей. Именно так сохраняется духовная культура на «растленном Западе», ставшем расхожей темой разнообразных обличений, функция которых нередко сводится к тому, чтобы увести внимание от происходящего дома, в России.

Условия XXI в. властно диктуют одно непреложное требование: устойчивость сохранения и воспроизводства духовной культуры страны можно обеспечить лишь на основе продуманной и планомерной политики развития социальной культуры.

Нет сомнения, что когда вместо современного здания социальной культуры предстает ностальгия по потемкинским деревням советской эпохи, говорить о социальной культуре, по крайней мере, преждевременно. Но можно ли ожидать завершения иной модели социальной культуры, альтернативной советской, в ходе новаций и трансформаций последних 15 лет? Иными словами, удастся ли наличными силами сегодняшнего дня выстроить российское здание социальной культуры здание целостное, имеющее свои сообщающиеся уровни, сегментированные специализированные участки, налаженную прямую и обратную связь между ними? Здание, ориентированное на то, чтобы обеспечить освоение богатств прежней духовной культуры и непрерывное пополнение их ценностями, насущно необходимыми стране, чтобы вписаться в условия глобализации?

Нельзя отрицать роль советского образования и науки в определенной степени приобщения к современной культуре почти трехсот миллионов людей на территориях бывшего Советского Союза: начиная с ликвидации неграмотности и бесплатного среднего и высшего образования до минимальных (особенно по сегодняшним меркам), но твердых социальных гарантий ряду социальных слоев советского общества. Да и за последние 15 лет кое-что, конечно, сделано для налаживания коммуникаций с глобализирующимся миром. Например, массовое изучение английского языка средним классом общества, освоение Интернета, отказ от глушения западных радио- и телепередач, обретение спутниковых «тарелок» теми семьями и учреждениями, которым по карману доступ к интернациональным СМИ, относительная упрощенность туристических выездов за границу на сезонную работу и т. д. Ушел в прошлое (надеемся, навсегда) суеверный страх перед машинописными копиями и ксерксом как подрывными инструментами основ государства, столь живой среды советского чиновничества еще совсем недавно.

Но является ли все это шагами, направленными на строительство собственного, российского, здания социальной культуры? Или же перечисленные факторы, вместе с американизированным «новоязом» и подражанием, как правило, третьесортным порождениям западной моды, размывают собственно отечественные духовные ценности и открывают тем самым дорогу

ценностям иным, вненациональным для России? Ответ однозначен. И, соответственно, возникает вопрос о путях и средствах возведения такого здания. Без него не обошлись ни Франция, ни Великобритания, ни США, ни Италия, ни Япония, раньше нас приобщившиеся к процессам глобализации и дальше пошедшие в направлении реализации ее объективных требований.

Между тем социальная культура не складывается на пустом месте. Она – порождение и целенаправленно выращиваемый продукт культуры вообще. Однако, бюджетные ассигнования на культуру в 2006 г. составили, по утверждению председателя Комитета Государственной Думы Российской Федерации по культуре И. Кобзона, менее 1,5% от общей суммы расходов. Хотя в абсолютном отношении предусмотрен определенный рост (+ 9,3%), он в 3 раза ниже роста общегосударственных расходов, более чем в 2 раза ниже роста расходов на национальную безопасность и правоохранительную деятельность, на оборону. Таким образом, «фактически сохраняется остаточный принцип финансирования культуры как неосновного, второстепенного направления развития»¹⁾.

Там, где нет культуры, может быть лишь бескультурье. Волна его заметна во всех сферах жизни общества – от коридоров власти до стиля вождения автомобилей, от манеры общения подростков до ничтожного общественного значения цены человеческой жизни, от состояния домов для престарелых до равнодушного отношения общественности к наличию в России, по данным из неофициальных источников, более 3 миллионов беспризорных детей.

Как следствие торжествующего бескультурья идет волна преступности, алкоголизма, наркомании, проституции, социальных болезней. Растет число бомжей и профессиональных попрошайек, не говоря уже о тех, кто протягивает руку, чтобы не умереть с голоду в условиях разворачивающегося кризиса.

В результате, вместо того, чтобы строить целостное здание социальной культуры, государство создает систему оперативных средств противодействия вопиющим проявлениям и последствиям бескультурья – исправительные учреждения, лечебницы для наркоманов, бесчисленные посты охраны, антитеррористические и другие силовые формирования. Считается, что на эти цели уходят средства, сопоставимые с одной третью государственного бюджета. При этом большую часть их выплачивает государство. Но отличие этих средств от культуры состоит, прежде всего, в том, что эти средства требуют ежегодных и, как показывает практика, регулярно возрастающих денежных вливаний. Культура же на определенной (правда, достаточно высокой) стадии развития начинает работать на самоорганизацию и самовоспроизводство, при наличии достаточно больших отрядов энтузиастов (добровольцев – на Западе), способных поддерживать ее личным вкладом.

Можно ли возрождать и расширенно воспроизводить духовную культуру Отечества при сохранении отмеченной диспропорции финансовой поли-

тики? И дело не только в финансах. «Утечка мозгов» происходит не из США или Японии (по крайней мере, в размерах, сопоставимых с российскими). И масштабы подобной утечки из стран ЕС в США также не идут ни в какое сравнение с масштабами утечки из России.

Перед Россией стоит задача достаточно дорогостоящей профессиональной организации системы и деятельности культуры как неперемного условия ее устойчивого воспроизводства на фоне конкурентных процессов, вызванных и поощряемых глобализацией. Устоять в этой конкуренции Россия может, лишь высокопрофессионально отстаивая как свои исторические ценности, так и несомненные достижения творческих людей страны в наши дни.

Отсюда – ряд вопросов к коммерциализации образования. Обеспечит ли установка «Всё на продажу!» устойчивые позиции страны в отстаивании национальных приоритетов, самобытность и самоидентификацию на базе действительных достижений собственной культуры? Иначе коммерциализация образования будет способствовать размыванию собственного «золотого запаса» ценностей, их деформированию под чужие для России стандарты, требования и установки. Только развитие более эффективной (чем в других странах) системы образования может дать стране какие-то устойчивые шансы на духовную конкурентоспособность.

Сказанное относится и к науке: вместе с образованием она является для страны одним из немногих возобновляемых ресурсов. Продавать научные проекты и законченные разработки, может быть, и труднее (и в каждом случае дешевле), чем десятилетиями гнать по трубам нефть и газ за рубеж. Но, во-первых, относительная конкурентоспособность российской нефти не включает тяжести национальных расходов, вложенных в разведку и строительство нефте- и газодобывающих сооружений, в газопроводы, нефтепроводы и подъездные пути, сооруженные старшим поколением среди живых и уже ушедшими из жизни их предшественниками. Кроме того, растранивание не возобновляемых ресурсов – преступление, особо циничное в силу своей беспредельной аморальности. Практика безоглядной эксплуатации Трубы – это сокращение возможностей как полноценного, так и просто витального существования у последующих поколений. И этому преступлению перед безответными, еще не родившимися младенцами нет оправдания, как и нет оправдания перед убийствами беззащитных. Отсюда – проблема важнейшего нравственного критерия отечественной духовной культуры. Ведь поколения образованных и душой просвещенных русских людей звали к Свету своих современников и потомков. Но в земной жизни неперемное условие для того, чтобы увидеть Свет, предполагает, во-первых, простое телесное существование на Земле и, во-вторых, соединение его с основами (как минимум) образования и культуры.

Поэтому является столь актуальным лозунг «сбережения народа» в качестве исходного принципа всех последующих нравственных, образовательных, правовых, эстетических и религиозных усилий.

Лозунг этот был выдвинут, как известно, еще екатерининским вельможей А. И. Шуваловым. В 1990-х гг. значение политики «сбережения народа» обозначил в качестве приоритетного для России А. И. Солженицын. В 2006 г. идея «сбережения» стала стартовым компонентом программы преодоления депопуляции России, предложенной тогдашним президентом В.В. Путиным в его послании к Федеральному собранию РФ.

Нельзя не видеть, что с позиций духовной культуры данное направление политики предполагает систему последовательных государственно-общественных усилий: рождение детей и их выхаживание; наличие благоприятных условий в семьях и в детских дошкольных учреждениях для осуществления начальной социализации. Обучение и воспитание в школах по программам, обеспечивающим опережающие возможности российского школьного образования по сравнению с программами российских конкурентов; образование в колледжах и университетах, открывающее свободное владение фундаментальными и прикладными знаниями, и творческое использование последних достижений научно-технического прогресса в интересах благосостояния и процветания российского общества и укрепления авторитета Российского государства на международной арене.

Лишь тогда, когда Россия в торговле с Западом перейдет с доминирования сырья на доминирование продуктов и товаров высоких технологий, можно будет говорить всерьез о полноправном участии страны в глобализационных процессах и в разнообразных формах научной и технической интеграции. Пока это условие не достигнуто, объективные позиции России будут находиться, в основном, в периферийных зонах глобализации.

Духовную культуру России отличало богатство интеллектуальных и эмоциональных проявлений. В ней много чутких предвидений, сбывающихся пророчеств, образно и логически обоснованных доказательств будущих трагедий человечества и трезвая оценка путей, ведущих к ним. Вместе с тем, российская духовная культура породила разнообразные социальные и социально-религиозные фантазии, проявила незаурядное упорство в подменах утопиями реалистического анализа действительности.

Как по своим формам, так и по исторически сложившемуся содержанию духовная культура России содержит множество течений, внутренне связанных между собой и, вместе с тем, отрицающих друг друга по исходным принципам и системам аргументации. В этом – ее богатство. Но лишь для творческого, не догматического ума и воображения. Лишь последние принимают за всю полноту истины отдельные идеи и положения конкретной философской, нравственной или религиозной системы. И в преодолении догматизма, в утверждении

призмы реалистического анализа России прошлого и настоящего – одна из неизменных предпосылок успешного диалога России с современными глобализационными моделями, проектами и идеологиями.

Реализма требует и то печальное обстоятельство, что наследницей русской духовной культуры является страна, население которой составляет лишь половину населения бывшего Советского Союза. Реалистически взвешенно приходится оценивать не просто факт сокращения территории, но и ампутационное разрушение хозяйственных, научных, технических, культурных, семейных и дружеских связей. Поэтому в мире глобализации Россия оказалась серьезно ослабленной.

Магический кристалл духовной культуры, созданный нашими предками и доверенный нам как эстафета, связующая поколения, в состоянии содействовать решению непростых задач российского соучастия в глобализационных процессах. Но лишь в том случае, если общая культура российского населения будет возрождаться, а не продолжать деградировать в ближайшее десятилетие. Если это небольшое время (по-видимому, еще отпущенное историей) не будет использовано для действительного возрождения российского образования и науки, конкуренты оставят нашей стране лишь третьесортное место в той новой системе международных отношений, которая формируется благодаря глобализации и испытывается на прочность глобальным финансово-экономическим кризисом.

Примечания

¹ Литературная газета. 21 марта 2006. № 10 (6061).

Историко-культурная интеграция славянского мира: формы и процессы прошлого и настоящего

Славянский мир, выступающий как культурно-историческая реальность в политических, экономических и культурных связях современного мира, в геополитических процессах международной интеграции последних десятилетий вновь оказался в средоточии проблем и противоречий международной политики как поле преломления дипломатических, политических и экономических интересов. Собственно, каждый из глобальных процессов, характеризующих современную мировую цивилизацию, преломляется в призме славянской тематики: распределение сырьевых ресурсов, природопользование с его экологической проблематикой сохранения природного наследия, существование и судьбы культуры в аспектах сбережения культурного наследия и состояния этических (гуманистических) ценностей.

Представления и понимание славянской тематики оказываются онтологически расщепленными на три основных типа, взаимодействия которых и определяет ее контекстуальный комплекс, выступая источником разногласий и своеобразным двигателем приращения и развития славянского знания:

- славянская тематика в культуре повседневности;
- славянская тематика в социальной практике, где ее присутствие наиболее очевидно проявляется в международной политике, а менее различимо, но иногда и более актуально – в сфере экономических отношений;
- славянство в познавательной, рефлексивной практике, выступающее в качестве предмета научного познания и, менее очевидно, предмета эстетического отображения в искусстве, и этического – в образовательных программах и социокультурных проектах частного уровня.

Научные исследования славянства уже не могут сохраняться в рамках науки как одной из специализированных форм культуры. Их результаты востребованы не только в сфере политической практики (она была центром движения истории на протяжении XX в. и со времени дисциплинарного становления истории выступала предметным основанием для характеристики общественной жизни на протяжении всей культурной истории человечества), но и в сфере «направленного культурогенеза». «Направленный культурогенез» объединяет работы по созданию институциональных форм регуляции в государственных и частных организациях и любые формы активности в практике установления и утверждения новых культурных образцов. Пред-

методом воздействия в этом случае оказываются ценности, смыслы, оценки явлений повседневной жизни, этические и эстетические нормы и стандарты, в общем – значения как составляющие культуру элементы.

Примечательно, что, выступая результатом постмодернистской либерализации и демократизации 60-х – начала 70-х гг. XX в., именно деполитизация оказалась главным лозунгом развития и восстановления культуры при преодолении последствий тоталитарных социальных порядков. Она заявила о себе в социальных и интеллектуальных движениях 60-х гг., а осуществлялась уже в политических преобразованиях децентрализации и денационализации в европейских странах в конце 70-х–80-х гг.

Отмеченный у Хантингтона¹ поворот процесса цивилизации в плоскость культурогенеза и межкультурных взаимодействий с точки зрения логики становления истории был закономерным завершением пронизывающих гуманитарную науку в ее «Нововременной» версии дискуссий по определению качества наступающей эпохи. А дискуссии эти возникали и развивались настолько синхронно кризисным процессам, что дискурс по идентификации текущего исторического периода, его актуализацию и распространение уже можно рассматривать как диагностические признаки наступления и развития переходных (или «кризисных») в определениях теоретиков и методологов социологии² обществ.

Мы полагаем, что главное методологическое содержание исследований современных социальных порядков нового типа заключается в формулировке и определении направлений разработки вопроса о сущности единства людей, который неизменно сопровождает гуманитарное исследование в любой дисциплинарной сфере. Наиболее используемые модели единства представляют три основных типа. Историко-политический тип интеграции выводится из философского наследия Гегеля в его положениях об обществе как становлении и осуществлении Духа. Трансцендентально-априорная модель принадлежит Н. О. Лосскому, который, развивая на интуитивистских положениях теорию «органического конкретного идеал-реализма», объясняет всеединство человеческого и вселенского миров³. Наконец, функционально-практические модели, в которых либо отдельный процесс взаимодействия и форма взаимоотношений между людьми, либо система таких процессов (как это было заявлено у Парсонса, Лумана, Лукача), полагается как основа единства.

Славянство как социокультурный феномен в отмеченных моделях единства выступает как особый тип культурно-исторической интеграции, который может служить и основой для поисков направлений международной интеграции и перспективных линий установления и совершенствования мирового порядка. Именно славистика, в отличие от иных смежных с нею дисциплин (методологических близнецов, отличающихся лишь предметом – германистики, романистики, «норманистики»), институционально уже не выделенной так четко).

В научном познании славянство выступает столь многоплановым явлением, что его невозможно уложить в предметное поле отдельной научной дисциплины. Строго говоря, позитивистские идеалы четкости предметного подразделения научного знания, активно участвовавшие в формировании карты научного познания в последней трети XIX–начале XX в. оказались очередным воплощением иллюзии возможности установления всестороннего и всеобщего порядка, придававшей трагичной истории XX века замысловатый колорит смешивания и чередования тоталитарных моделей с огульной устремленностью к свободе в анархических политических программах и моделях философии постмодерна.

Особенности и сущностные признаки славянства, изучаемые во всем корпусе славистических исследований, представлены в таких основных категориальных характеристиках как:

- этнические;
- историко-политические;
- культурно-экономические;
- культурно-исторические признаки.

В разные периоды славянской истории, в различных движениях интеграции славян и социокультурных проектах данные типы отдельности, либо в различных сочетаниях (случайно составленных или иерархически-системных) использовались как основания для интеграции славян.

Этническая целостность как основа славянского единства, выводимая из близости корней, общности происхождения и сходства исторических судеб, ни в коей мере не предполагала и не предполагает тождества или унификации представляющих его народов. Более того, в рассмотрении судеб народов и влияния на их исторический путь общности истоков их возникновения, славянство раскрывается как специфическое самовоспроизводящееся начало, преодолевающее деформирующие воздействия разлагающих влияний постмодерна, которое может послужить основой продуктивной интеграции, альтернативой уже дискредитировавшим себя имперским моделям и дискредитирующим себя в текущий период времени глобалистическим транснациональным организационным формам. Последние, превратившись из инструмента социологии организаций в принцип международной интеграции, вырвавшись из колбы достижения частных социально-экономических целей на просторы практики международного синтеза онтологизировались в демоническую силу, породившую переживаемый теперь в планетарных масштабах кризис.

Обращение к этническим особенностям как основе славянской интеграции, проявившееся еще в XVIII–XIX вв., сегодня уже представляется как пережиток исчерпавшей свои возможности расовой теории и изжитой методологией социал-дарвинизма.

Историко-политические особенности славянства в качестве основы интеграции ориентируют исследования и практику на выделение, анализ и фор-

мирование и совершенствование таких форм синтеза, которые основываются на принципах институционального синтеза. В числе таких принципов наиболее подробно рассматривался имперский (в современной социально-политической атмосфере воспринимаемый как изжитое, но необходимое зло, подобно каннибализму в некоторых примитивных племенах), союзный принцип, рассматриваемый в противопоставлении таких его политических разновидностей, как модели федерации и конфедерации. Например, имперский принцип анализировался в работах, посвященных византийской тематике К. Леонтьева⁴, модели федерации и конфедерации выступали предметом исследования в сфере политической истории Польши, России постсоветского периода.

Однако в свете упоминавшегося уже смещения центра социокультурной активности из сферы политической в сферу культуры, судьба славянской интеграции связывается не с политическими институтами (России и так хватает инсинуаций в имперских амбициях и представления советского влияния на славянские культуры как порочного следа), а с институтами культуры. Их представляют международные формы интеграции, которые организуют усилия объединяемых сторон и ориентируют их на выработку ценностно-значимого *совместного культурного* продукта. Имеющийся де-факто культурный диалог и общность интересов славянских народов в отношении к своим культурам, к культурному наследию, к будущему своих народов и человечества является примером начала такой интеграции.

Культурно-экономические характеристики славян рассматривались преимущественно в этнографических исследованиях и, отчасти, как дополнительный ряд аргументации – в геополитических теориях. Конечно, у славянских народов нет единой экономики, как и не существует единой политической системы. Последняя была недостижимой целью, ее возможности и перспективы рассматривались еще К. Леонтьевым в пределах византизма⁵, но это воспринимается скорее как политическая утопия, нежели как геополитическая перспектива. Эта категория характеристик славян остается белым пятном; лишь отчасти заполняемым результатами маркетинговых исследований поведения потребителей в различных славянских странах. Но это содержание имеет лишь два существенных недостатка: оно учитывает особенности славян лишь как субъектов виртуального, в основном вымышленного мира всеобщего потребления (этот мир существует как реальность лишь в прогнозах распределения продукта и оценках уровня локального спроса), и оно представляет абстрактного *homo economicus* в обществе потребления, а не человека-носителя славянской культуры в полномерном, живом обществе.

Историко-культурная интеграция славянского мира выражается в усилении связи между различными типами и уровнями проявления славянской культуры. Причем, *национальные формы* существования славянской культуры, которые чаще всего рассматриваются как коренные основания выде-

ления славянства как предмета научного исследования в истории, политологии, социологии, далеко не полностью исчерпывают все многообразие проявления славянской культуры.

Большое значение в утверждении и развитии представлений о единой славянской культуре также имели выявление и анализ славянского своеобразия и по типам культуры, представляющих ее структурные уровни. Их представляют *культура повседневности*, определявшая межкультурную коммуникацию в той сфере жизни славянских культур, *институциональная культура*, в которой особенно важны для достоверных научных классификаций типология социальных институтов и их морфология, и *специальная культура*.

В современный, постмодернистский, период развития культуры, именно культура повседневности стала предметом влияния в народной дипломатии и ареной социокультурной активности, на которой происходило ее возникновение и развитие. Воистину, народная дипломатия стала своеобразной спецификацией межкультурного диалога, которая осуществилась лишь благодаря утверждению выведенных еще Карлом Поппером принципов открытого общества. Сами эти принципы свидетельствовали о формировании нового типа интеграции, новой модели социального порядка.

Славянство, с самого начала его объективного изучения, уже с упражнений в систематической организации исследуемого предмета в период становления и упрочения основ науки Нового времени, составляло не столько предмет дисциплинарного анализа, сколько содержание разнообразных программ социокультурного содержания⁶. Данные программы иерархически выстраиваются следующим образом:

- Разработка геополитической базы в политике государств;
- Определение магистральных направлений и принципиальных ориентаций национальных политик и национальных экономик стран славянского мира, как на уровне государства, так и на уровне частных практик межкультурного взаимодействия. Подобные практики формировались и закреплялись в культуре за счет таких процессов, как стратегические приоритеты и ценностное ядро политической и социально-экономической деятельности в определенной культуре:
 - Строительство национальной культуры; определение стратегических и практических форм межкультурного взаимодействия (от принципиальных установок культуры до социокультурных взаимодействий в культуре повседневности).
 - Устроение систем национального образования и формулирование принципов (равно как и конкретных способов повседневного обихода) межкультурной коммуникации.

Таким образом, пресловутый междисциплинарный синтез конца XX – начала XXI вв. (рассматриваемый как значимая тенденция развития гуманитарно-

го и социального знания) в отношении славянской тематики наметился уже в период становления самой методологии науки Нового времени. Поэтому как общие представления о славянском своеобразии, целостности и многоплановости культуры славян, так и развитие славистики осуществлялось в двух планах. С одной стороны, в рамках исторической логики становления дисциплин, охватывающих различные предметные грани феномена славянства, а с другой – в рамках социокультурной практики осуществления процессов выявления, осознания, научной рефлексии и использования знания и информации по славянским контекстам в политике, дипломатии и в национальном образовании.

Причем, вторая составляющая развития исследований феномена славянства и определения его понимания обозначилась как сфера прикладного гуманитарного знания еще тогда, когда и культурное содержание, и соответствующее ему научное знание пребывали в состоянии становления. Поэтому и на дисциплинарном строении предметов научного знания, и на содержании исследований, и на специфике развития исследований славянства в славянских странах отобразилось практическое, даже прикладное содержание исторических процессов славянского познания и самопознания, которые в современной терминологии уже выступают в статусе социокультурных программ или социокультурных проектов, как национальных, так и международных.

Примечания

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

² Представление современной истории через борьбу кризисного и стабилизационного направлений в социальных теориях дано уже в коллективной монографии «Буржуазная социология на исходе XX века» (М., 1986), вышедшей под ред. В. Н. Иванова, где *кризисное направление* связывалось с такими разработками, как философия практики К. Корша, Д. Лукача, А. Грамши, актуализм Дж. Джентиле, с социальными постмодернистскими проектами М. Фуко и Ж. Дарриды, а также с критической философией франкфуртской школы, а стабилизационное – с исследовательскими программами и проектами, ориентированными на отбор средств преодоления кризиса. К последним относились разработка «веберовского ренессанса» как выбор актуальных для современности форм сочетания этики и экономики (сюда же относится выделявшееся в 60-х–80-х гг. философское направление «неорационализма»), экологическое движение (включая программу «экологического материализма» К. Амери, где постулировалось, что цель изменения природы уже заменяется для человечества целью ее сохранения), неоконсервативные теории, обосновывающие необходимость сдерживания производительности труда, и «неотехнократические» теории, в которых во главу угла ставились цели рационализации и органического использования новых технологий, наполняющие не только индустриальную сферу, но и повседневную жизнь людей (У. Уайнштейн, США, и П. Сталлен, Нидерланды, подынявший тему риска как содержание технологий вообще и особенно новых).

³ Лосский Н. О. Мир как органическое целое // Лосский Н. О. Избранное. М., 1991. С. 338–483.

⁴ Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 129; Он же. Византизм и славянство // Россия глазами русского. СПб., 1991.

⁵ Леонтьев К. Византизм и славянство // Россия глазами русского. СПб., 1991.

⁶ Климов А. Г. Славянский вопрос: цивилизационный ответ XXI века и перспективы культуры славян // Международный симпозиум «Славянский мир в третьем тысячелетии» 31 мая 2007 г.

VI. Славянские языки в прошлом и настоящем

Т. В. Белошапкина

Когнитивная лингвистика в России: итоги и перспективы развития

Когнитивная наука возникла на стыке психологии, лингвистики, философии, логики, вычислительной математики и кибернетики. Это исследование по искусственному интеллекту и теории информации, по организации баз знаний в компьютерах и математическому моделированию¹, которые происходили, начиная с 60-х гг. XX в.

Как точно заметил М. В. Никитин: «В это время было осознано, что те науки (прежде всего логика, психология, философия, теория познания), которые – каждая по-своему и со своей стороны – имели дело с этим предметом, оказались не в состоянии удовлетворительно описать и объяснить процессы категоризации мира, равно как удовлетворительно описать и объяснить мыслительные процессы и способы, результатом которых является определенное видение мира (менталитет), оценка его сущностей и «положений дел» в нем, принятие решений и поведенческие реакции на него»².

Междисциплинарный характер когнитивной науки до сих пор влияет на понимание ее содержания. Так, до сих пор отсутствует ее общепринятое определение, хотя когнитивистика как научное направление существует уже более сорока лет.

К сегодняшнему дню когнитивистика, как отмечает Е. С. Кубрякова, «уже прошла, собственно, несколько разных этапов своего развития»³. Сегодня в этой молодой науке уже сложилось два направления: машинное и лингво-психологическое. Эти названия являются достаточно условными, «но машинной версией когнитивной науки (ее по праву можно было назвать также «компьютерной») мы считаем такое направление, в котором доминирующей является связь основных проблем и основных достижений с электронно-вычислительной техникой.

Другое направление – лингво-психологическое – это направление об-разного экспериенциализма; в нем больше опираются на данные естествен-

ной категоризации мира и изучают особенности наивной картины мира, обыденного сознания. Здесь в центре внимания соотнесение лингвистических данных с психологическими, учет экспериментальных данных и т.п. Принимаются во внимание данные о внимании и памяти, распознавании образов, операциях мыслительной деятельности – прежде всего – сравнении, отождествлении, умозаключениях, формировании концептов»⁴. Когнитивная лингвистика сложилась во многом благодаря этим психолингвистическим исследованиям.

Когнитивная лингвистика является еще более молодой наукой, возраст которой насчитывает менее двадцати лет. Так, КСКТ отмечает, что точкой отсчета для этой науки считается 1989 г., когда в Германии проводилась международная конференция, которая вынесла решение о создании Международной Когнитивной Лингвистической ассоциации. «Ее возникновение было связано с новым пониманием языка и подчеркиванием в нем психического, ментального аспекта»⁵.

В центре внимания когнитивной лингвистики находится решение сложнейшей задачи – «объяснения тех постоянных корреляций и связей, что обнаруживаются между структурами языка и структурами знания»⁶. Однако единой концепции когнитивной лингвистики пока так и выработано, среди наиболее известных исследователей необходимо указать следующие имена: Р. Лангакер, Дж. Лакофф, Р. Джакендофф, Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков.

Когнитивная лингвистика во многом является продолжением ономаσιологического направления в языке. Суть этого подхода заключается в том, что вначале определяется объект (понятие) в качестве исходного элемента, затем выявляются различные средства выражения данного значения, относящиеся к разным уровням языка. Этот подход в 70-80-е гг. XX в. (время наиболее интенсивных ономаσιологических исследований) реализовался в России в двух теориях: теории понятийной категории и теории номинации.

Теория понятийной категория появилась значительно раньше, чем теория номинации, она сформировалась в работах таких ученых, как О. Есперсен, И. И. Мещанинов, С. Д. Кацнельсон, В. Н. Ярцева. Суть понятийной категории заключается в том, что ее центр, или «ядро», занимает грамматическая категория, и вокруг этой категории выстраивается система разноуровневых средств ее передачи. Несмотря на то, что понятие понятийной категории давно вошло в научный терминологический аппарат, оно является недостаточно разработанным. Наиболее интересным исследованием этого плана является работа А. В. Бондарко⁷, где целая глава посвящена исследованию этого объекта.

Отталкиваясь от имеющихся очень общих представлений об устройстве понятийной категории (А. В. Бондарко указывает, что современная наука не располагает ни перечнем понятийных категорий, ни системным описанием их

устройства), автор предлагает собственное представление организации исследуемого объекта. Он выделяет два уровня понятийных категорий и их систем: первый уровень – уровень универсальных фундаментальных понятийных категорий; которые составляют универсальный базис мыслительных категорий; второй уровень – уровень понятийных категорий, реализующихся в семантических функциях данного языка и включающих наряду с реализациями универсальных вариантов и неуниверсальные понятийные варианты, – то есть для А. В. Бондарко понятийная категория – это многоуровневое явление.

Представленная А. В. Бондарко структура понятийной категории легла в основу понятия ФСП, которое им понимается как «двустороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействиями с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне»⁸.

Теория номинации, берущая свое начало, с одной стороны, от работ Е. Куриловича⁹, В. Матезиуса¹⁰, а с другой, – от идей трансформационного синтаксиса¹¹, – сформировалась у нас в стране значительно позже, в 70-е гг., и своей задачей ставило изучение образования языковых единиц, «служащих для называния и вычленения фрагментов внеязыковой действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме значения языковых единиц – слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений»¹². В рамках этой теории различают два типа единиц – событийные и элементарные номинации. Событийные номинации обозначают внеязыковые события (ситуации) и имеют форму предложения, элементарные номинации не обозначают ситуации, а служат для нее «строительным материалом» и имеют форму слов, сочетаний слов и фразеологизмов различных типов.

Мы можем говорить о том, что когнитивная лингвистика является во многом творческим развитием теории номинации, но не только.

Когнитивный подход предполагает исследование языковых явлений в связи с процессами познания мира. В рамках этого подхода считается, что

1) «грамматика (синтаксис) не образуют отдельного и/или автономного уровня репрезентации языковых форм в голове человека; грамматика знакова или символична, по своей природе представляя собой конвенциональное отражение в символической форме определенных символических структур;

2) значимого противопоставления грамматики и лексикона не существует, – лексика, морфология и синтаксис образуют континуум символических (знаковых) структур, дифференцируемых по разным параметрам и включаемых в разные компоненты языка лишь условно»¹³.

В когнитивной лингвистике отсутствует единое научное направление. В ней, с точки зрения Е.С. Кубряковой, объединяются три достаточных различных течения¹⁴.

Первое течение, как указывает КСКТ, представленное в когнитивной лингвистике, – это некое единство, где объединяются «многочисленные течения, характеризующиеся своей общей когнитивной организацией и демонстрирующие проекты разных типов когнитивных грамматик, когнитивных исследований дискурса, когнитивных лексикологий и т. п.»¹⁵. Это течение достаточно разнородное. С одной стороны, оно связано с именами таких исследователей, как А. А. Кибрик¹⁶, В. А. Плунгян¹⁷, Е. В. Рахилина¹⁸, В. И. Карасик¹⁹.

С другой стороны, это течение представлено в таком известном исследовании Ю. С. Степанова, как «Константы: словарь русской культуры»²⁰. Кроме того, очень интересным является проспект «Русский идеографический словарь (Мир человека и человек в окружающем его мире)», где указано большое количество работ, выполненное в русле этого направления²¹.

Второе течение, представленное в когнитивной лингвистике, как указывает КСКТ, связано с разработкой вариантов когнитивных версий, иначе говоря, с когнитивной семантикой, которая объединяет в себе прототипическую семантику, концептуальную семантику, фреймовую семантику.

Говоря об этом течении, следует указать, что в когнитивной семантике основополагающим считается положение о том, что «семантическая структура – это форма концептуальной структуры; интерпретация высказывания, т. е. его значение, находится в уме. Такая точка зрения противостоит взглядам традиционной объективистской семантики, исходящей из тезиса, что значение существует вне нас в мире»²².

М. В. Никитин указывает, что «в задачу когнитивной семантики как части когнитологии входит исследование концептов и концептуальных структур по показаниям средств их объективизации и репрезентации в языке и других семиотических системах»²³. Хочется обратить внимание, что данное направление у нас в стране привлекает особое внимание ученых²⁴. Так, в 2000 г. в Тамбове состоялась конференция по вопросам когнитивной семантики, в 2003 г. в Волгограде состоялся международный симпозиум по проблемам вербализации концептов в семантике языка и текста, и в этом же году появилась книга М. В. Никитина «Основания для когнитивной семантики». В 2006 и 2008 гг. проходили международные симпозиумы по когнитивной лингвистике в Тамбове²⁵.

Третье течение, представленное в когнитивной лингвистике, как указывает КСКТ, связано с проблемами категоризации и концептуализации. В рамках этого течения хочется указать следующие работы: «Концептуализация и смысл», «Категориальное значение глагола», «Когнитивные аспекты языковой категоризации», «Язык и знание: На пути получения знаний о языке»²⁶. Эти идеи получили развитие в Тамбовской школе, или научной школе когнитивной лингвистики Тамбовского государственного университета.

Становление и развитие когнитивной лингвистики в России связано с именами таких ученых, как Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Н.Н. Болдырев, Ю.Г. Панкрац, В.В. Петров, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Р.М. Фрумкина, В.И. Карасик²⁷. В научном сообществе стало даже выделяться несколько школ когнитивной лингвистики. Так, В. А. Виноградов выделяет **Волгоградскую школу**²⁸, воронежские исследователи говорят о **Воронежской** теоретико-лингвистической школе, в 2008 г. на международном конгрессе по когнитивной лингвистике в Тамбове прозвучало заявление о наличии **Тамбовской** школы, или научной школы когнитивной лингвистики Тамбовского государственного университета.

Волгоградская школа, как указывает В.А. Виноградов, связана со сравнительной концептологией. В частности он указывает, что «сравнение в разных языках и разных культурах показывает, что одни и те же близкие и даже идентичные концепты, как правило, реализуются в разных несовпадающих концептуальных полях»²⁹. Ведущим представителем этой школы является В. И. Карасик.

Воронежская теоретико-лингвистическая школа связана, в первую очередь, с выделением типа концепта. Так, ею выделяется три типа концептов: лексические, фразеологические и синтаксические. Руководителями этой школы являются З. Д. Попова и И. А. Стернин, среди ведущих авторов выделяются имена А. П. Бабушкина, Л. В. Ковалевой³⁰.

Тамбовская школа, или научная школа когнитивной лингвистики Тамбовского государственного университета, очень тесно сотрудничает с Институтом языкознания РАН. Исследования Е. С. Кубряковой являются основополагающими для этой школы. Руководителем этой школы является Н. Н. Болдырев. Она объединяет в своих рядах, в первую очередь, преподавателей иностранных языков. Среди наиболее ярких представителей этой школы выделяются следующие имена: Н. Г. Беляевская, В. Б. Гольберг, А. Л. Шарандин, Л. И. Гришаева, А. В. Кравченко, В. Ф. Новодранова³¹.

Кроме того, в последние годы очень плодотворно работают белгородские исследователи под руководством Н. Ф. Алефиренко.

Пристального внимания и вдумчивого анализа требует имя Е. С. Кубряковой. Ее заслуга состоит в том, что она сумела соединить с русской лингвистической традицией три разнородных направления, представленных в современной когнитивистике, и, тем самым, сформулировать методологическую основу новой научной парадигмы — **когнитивно-дискурсивной**.

Начиная с 90-х годов, ею последовательно строилась эта парадигма, хотя делать это было достаточно сложно, так как в современной лингвистике наблюдалась определенная тенденция обвинять когнитивную лингвистику в «приклеивании новых ярлыков на уже давно известное». Не

включаясь в эту полемику, считаю нужным привести мысль Е. С. Кубряковой о том, что в русле когнитивных исследований «язык стал изучаться не только как уникальный объект, рассматриваемый в изоляции, но в значительной мере и как средство доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в голове человека и определяющим его собственное бытие и функционирование в обществе»³².

Таким образом, когнитивная лингвистика развивалась в очень непростых условиях, поэтому считаю необходимым опереться на мысль другого, не менее значимого для когнитивной лингвистики ученого – В. З. Демьянкова, который определяет когнитивную лингвистику как «направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм»³³.

Взгляд Е. С. Кубряковой на когнитивную лингвистику нашел отражение в ее блестящей монографии «Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира». В этой многогранной работе автором поднимается вопрос о когнитивной парадигме научного знания и особенностях когнитивного подхода к явлениям языка, описывается система частей речи в когнитивном плане, исследуются процессы категоризации и концептуализации мира. В этой работе получили развитие многие идеи Е. С. Кубряковой, одна из них – это идея об отличительной особенности концептуальных систем, заключающаяся в том, что «одно и то же содержание может быть передано в языке альтернативными средствами»³⁴, она получила в когнитивной лингвистике достаточно большое развитие. Эта идея позволила объединить в один ряд разнородные средства передачи концепта – от слова до текста. Так, в исследовании автора настоящей статьи эта идея является одной из ключевых³⁵.

Однако сам термин «когнитивно-дискурсивная парадигма» появляется в другой работе Е. С. Кубряковой, в статье «Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики», вышедшей в том же году, что и книга.

Е. С. Кубрякова обращает внимание, что «согласно теоретическим представлениям в этой новой парадигме, по сути своей парадигме функциональной, при описании каждого языкового явления равно учитываются те две функции, которые они неизбежно выполняют: когнитивная (по их участию в процессах познания) и коммуникативная (по их участию в актах речевого общения). Соответственно, каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации»³⁶.

Е. С. Кубрякова подчеркивает, что «научное исследование любого языкового явления может, естественно, принимать либо форму анализа прагматически или же коммуникативно (дискурсивно) ориентированного, но требование такого раздельного описания может быть понято только как услов-

ность описания. Теоретически же, конечно, явно предпочтительно такое описание языковой формы, которое учитывает и ее содержание, и ее конкретную “упаковку”»³⁷.

В этой программной статье Е. С. Кубрякова приходит к выводу, что создание новой когнитивно-дискурсивной парадигмы подводит итог большому этапу развития современной российской когнитивистики – этапу решения общих теоретических вопросов, и позволяет «перейти от общих установок когнитивно-дискурсивной парадигмы к более конкретной и более, на наш взгляд, реалистичной программе когнитивных исследований в теоретической лингвистике»³⁸.

Проведенное автором исследование как раз и решает эту конкретную задачу – создает когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности³⁹.

Когнитивные исследования показывают, что перед когнитивной лингвистикой стоит достаточно большое количество нерешенных проблем. Одной из таких проблем, думается, является проблема, связанная с развитием когнитивной терминологической системы, а именно с проблемой обозначения того или иного выделяемого и исследуемого объекта. Эту ситуацию хочется пояснить следующим примером. Так, рассмотрим понятия стереотипность и творчество, довольно широко используемые в традиционной лингвистике.

Эти понятия образуют антонимическую пару. В традиционной лингвистике эти понятия не имеют терминологической закрепленности.

Понятие **стереотипность** вслед за толковыми словарями (С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой и С. А. Кузнецова) понимается как ‘обычное, общепринятое употребление’, как следствие, понятие **творчество** понимается как ‘необычное и необщепринятое употребление’.

Что же наблюдается в когнитивной лингвистике? Приступая к анализу, важно указать, что и в психологии⁴⁰ эти понятия не имеют терминологической закрепленности. Анализируемые понятия используются в когнитивной лингвистике, но они либо растворяются в нескольких терминах (**стереотипность – функциональность**⁴¹, **вербальная память**), либо часть понятия отражается в определенном термине, (**творчество – ментальный лексикон**), либо они являются частью ключевого понятия когнитивной лингвистики понятия **знания**⁴², в том направлении исследований, которое изучает, как происходит рост знаний и его прогресс⁴³. Возникает вопрос: нужно ли вводить для обозначения этих понятий особые термины, или рассматривать их как независимые друг от друга составляющие?⁴⁴

Думается, что перед когнитивными лингвистами встает вопрос о создании Большого словаря когнитивных терминов, в котором будет представлена терминологическая система когнитивной лингвистики. Это, с одной стороны, облегчит разрешение такой важной задачи, как «разъяснение и уточнение принципиальных установок самой когнитивно-

дискурсивной парадигмы как предполагающей особый вариант КЛ»⁴⁵. С другой же стороны, превратит имеющуюся на сегодня совокупность когнитивных терминов в терминосистему.

Подводя итоги всему вышесказанному, можно говорить о том, что когнитивная лингвистика у нас в стране развивается очень динамично. Но для ее дальнейшего плодотворного развития требуется проведение масштабных когнитивных исследований, что, как кажется, сейчас и начинает происходить.

Примечания

¹ Иден когнитивной лингвистики представлены в работах Дж. Брунера (*Брунер Дж. Психология познания: За пределами непосредственной информации. М., 1977; Bruner J. Founding the Center for cognitive studies // The making of cognitive science: Essays in honor of George Miller / Ed. by W. Hirst. Cambridge, 1988*), У. Найсера (*Найсер У. Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии. М., 1981*), Ж. Пиаже (*Piaget J. Psychologie et épistémologie: Pour une théorie de la connaissance. P., 1970; Яковлев В. А. Теория познания Жана Пиаже и эволюционная эпистемология (научно-аналитический обзор) // Современные теории познания. Сборник обзоров и рефератов. М., 1992*), А. Ньюэлл (*Newell A. Artificial intelligence and the concept of mind // Computer models of thought and language. 1973*), Г. Саймона (*Simon H. A. Models of thought. Vol. 2. New Haven-London, 1989*), Ф. Либермана (*Lieberman Ph. The biology and evolution of language. Cambridge-London, 1984*), Р. Шепарда (*Shepard R. N. George Mieller's data and the development of methods for representing cognitive structures // The making of cognitive science...*), Г. Хармана (*Harman G. Cognitive science? // The making of cognitive science...*), А. Гарднера (*Gardner A. The mind's new science: the history of cognitive revolution. N. Y., 1985*), Дж. Миллера (*Miller G. A. Language and communication. N. Y., 1951; Миллер Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры. М., 1990*), А. Андерсона (*Anderson N. H. A Functional Theory of Cognition. Mahwah (New Jersey), 1996*), Н. Хомского (*Chomsky N. Language and mind. N. Y., 1972; Он же. Knowledge of language. N. Y., 1986; Он же. Linguistics and Cognitive Science // The Chomskyan turn. Cambridge, 1991*), У. Чейфа (*Чейф У. Л. Значение и структура языка. М., 1975; Он же. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М., 1983*), Дж. Катца (*Katz J. J. An outline of Platonist Grammar // Talking minds: the study of language in cognitive science. Cambridge, 1984*), Ч. Филмора (*Fillmore Ch. J. Some thoughts on the boundaries and components of linguistics // Talking minds...*), Р. Джекиндорфа (*Jackendoff R. S. Semantics and cognition. Cambridge, 1983; Он же. Sense and reference in a psychologically based semantics // Talking minds...*; *Он же. Semantics structures. Cambridge, 1990; Он же. What is concept? // Frames, fields and contrasts. New essays in semantics and lexical organisation. Hillsdale, 1992; Он же. Semantics and cognition. Cambridge, 1993*), Дж. Фодора (*Fodor J. A. The modularity of mind. Cambridge, 1983*), Р. Лангакера (*Langacker R. W. Concept, image and symbol: The cognitive basis of grammar. Berlin, 1991; Лангакер Р. Когнитивная грамматика. М., 1992; Он же. Модель, основанная на языковом употреблении // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1997., № 4, 6*), Дж. Лакоффа и М. Джонсона (*Лакофф Дж. Лингвистические гельштаты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981; Он же. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М., 1988; Он же. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004; Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004*), Э. Маккормака (*Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры*).

² Никитин М. В. Основания когнитивной семантики. СПб., 2003. С. 4.

- ³ *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. С. 461.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 54.
- ⁶ Там же. С. 9.
- ⁷ *Бондарко А. В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М., 2001. – Следует указать, что впервые в русистике реализация идеи понятийной категории, хотя и в иной терминологии, была воплощена В. В. Виноградовым в книге «Русский язык (грамматическое учение о слове)» (М., 1972) в разделе «Модальные слова и частицы. Их разряды», где модальные слова есть выразители категории модальности.
- ⁸ *Бондарко А. В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. С. 40.
- ⁹ *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962.
- ¹⁰ *Матезиус В.* Попытка создания теории структурной грамматики // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- ¹¹ Подробнее см.: *Арутюнова Н. Д.* Синтаксис // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
- ¹² *Телия В. Н.* Номинация // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997. С. 269. – Кажется интересным обратить внимание на тот факт, что выделение В. В. Виноградовым такой единицы синтаксиса, как словосочетание, строится, по сути, на основе принципов теории номинации, а расширение объема понятия словосочетания в концепции В. А. Белошапковой – это, можно сказать, развитие принципов теории номинации.
- ¹³ Краткий словарь когнитивных терминов. С. 50.
- ¹⁴ См.: Краткий словарь когнитивных терминов; *Кубрякова Е. С.* Язык и знание...; *Она же.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН. Серия литературы и языка. Т. 63. 2004. № 3.
- ¹⁵ Краткий словарь когнитивных терминов. С. 54.
- ¹⁶ *Кибрик А. А.* Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5; *Она же.* Анализ дискурса в когнитивной перспективе: Дис. в виде науч. докл. на соискание ученой степени докт. филол. наук. М., 2003.
- ¹⁷ *Кибрик А. А., Плунжян В. А.* Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М., 1997; *Она же.* Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. М., 2002.
- ¹⁸ *Рахилина Е. В.* Основные идеи когнитивной семантики // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / Под ред. А. А. Кибрика. М., 2002.
- ¹⁹ *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
- ²⁰ *Степанов Ю. С.* Константы: словарь русской культуры. М., 2001.
- ²¹ *Шведова Н. Ю.* Проспект. Русский идеографический словарь (Мир человека и человек в окружающем его мире). М., 2004.
- ²² *Ченки А.* Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 68.
- ²³ *Никитин М. В.* Основания когнитивной семантики. С. 6.
- ²⁴ Подробнее см.: *Кубрякова Е. С.* Об установках когнитивной науки...
- ²⁵ Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов 26–28 сентября 2006 г. Тамбов, 2006; Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов. Тамбов, 2008.
- ²⁶ Концептуализация и смысл. Новосибирск, 1990; *Болдырев Н. Н.* Категориальное значение глагола. Спб., 1994; Когнитивные аспекты языковой категоризации. Рязань, 2000; *Кубрякова Е. С.* Язык и знание...
- ²⁷ *Кубрякова Е. С.* Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. М., 1992; *Она же.* Возвращаясь к определению знака // Вопросы языкознания. 1993. № 4; *Она же.* Начальные этапы

становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4; *Она же*. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. М., 1995; *Она же*. В начале XXI века (Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков) // Когнитивная семантика. Ч. 1. Тамбов, 2000; *Она же*. Язык и знание...; *Она же*. Об установках когнитивной науки...; *Демьянков В. З.* Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний; *Он же*. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4; *Он же*. Теория прототипов в семантике и прагматике языка // Структуры представления знаний в языке. М., 1994; *Он же*. Функционализм в зарубежной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров. М., 2000; *Болдырев Н. Н.* Категориальное значение глагола; *Он же*. Прототипы языковой репрезентации знаний // Проблемы представления (репрезентации знаний в языке). Типы и формы знаний: Сб. науч. трудов. М., 2007; *Панкрац Ю. Г.* Пропозициональная форма представления знаний // Язык и структуры представления знаний; *Петров В. В.* От философии языка к философии сознания // Философия. Логика, Язык. М., 1987; *Он же*. Язык и логическая теория: В поисках новой парадигмы // Вопросы языкознания. М., 1988. № 2; *Он же*. Идеи современной феноменологии и герменевтики в лингвистическом представлении знаний // Вопросы языкознания. М., 1990. № 6; *Петров В. В.; Герасимов В. И.* На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII; *Волохина Г. А., Попова З. Д.* Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, 1999; *Попова З. Д., Стернин И. А.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999; *Они же*. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001; *Фрумкина Р. М.* «Теория среднего уровня» в современной лингвистике // Вопросы языкознания. 1996. № 2; *Карасик В. И.* Языковой круг...

²⁸ *Виноградов В. А.* Вступительное слово при открытии круглого стола: когнитивная лингвистика сегодня // Проблемы представления (репрезентации знаний в языке).

²⁹ Там же. С. 10.

³⁰ *Бабушкин А. П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996; *Ковалева Л. В.* Фразеологизация как когнитивный процесс. Воронеж, 2004.

³¹ Подробнее см.: Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов 26–28 сентября 2006 г.; Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов. Тамбов, 2008.

³² *Кубрякова Е. С.* Об установках когнитивной науки... С. 9.

³³ *Демьянков В. З.* Когнитивная лингвистика... С. 21.

³⁴ *Кубрякова Е. С.* Язык и знание... С. 313.

³⁵ *Белошапкина Т. В.* Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке. М., 2007; *Она же*. Когнитивная лингвистика сегодня: на пути от совокупности терминов к терминосистеме // Проблемы представления (репрезентации) знаний в языке. Типы и формы знаний: Сб. науч. трудов. М., 2007.

³⁶ *Кубрякова Е. С.* Об установках когнитивной науки... С. 11.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 12.

³⁹ *Белошапкина Т. В.* Когнитивно-дискурсивное описание...; *Она же*. Когнитивная лингвистика сегодня...

⁴⁰ Большой толковый психологический (БТПС) словарь выделяет термин *стереотип*, обладающий двумя значениями. Стереотип1 используется «в социальных науках для обозначения довольно устойчивого, упрощенного обобщения относительно групп или класса людей». Стереотип2 – «набор широко распространенных обобщений относительно психологических характеристик групп или класса людей». Термин *творчество* в словаре отсутствует, но в словаре есть отсылка к *креативности*, которая определяется как «термин, используемый в специальной

литературе практически в том же значении, как и в популярной, а именно для обозначения умственных процессов, которые ведут к решениям, идеям, осмысленно, созданию художественных форм, теорий или любых продуктов, которые являются уникальными и новыми». – Большой толковый психологический словарь. Т. 2. М., 2001. С. 313, 314, 338.

⁴¹ Как указывает В. З. Демьянков «в англоязычной литературе различаются *use* (далее переводим как “использование”) и *usage* (“употребление”)». «Использование связано не со словом языка как таковым, а с носителем понятия - “концепта”»: *Употребление* – это «обычай, принятая практика, мода или манера. Употребление может быть местным или всеобщим, устаревшим или современным, деревенским или городским, вульгарным или академичным». – Демьянков В. З. Функционализм в зарубежной лингвистике. С. 54, 58. – Таким образом, термин *употребление* достаточно тесно связан с интересующими нас понятиями *стереотипность* и *творчество*.

⁴² Это понятие подробно описано в Кратком словаре когнитивных терминов.

⁴³ Подробнее см.: Белошапкова Т. В. Когнитивно-дискурсивное описание...

⁴⁴ Подробнее см.: Белошапкова Т. В. Когнитивная лингвистика сегодня...

⁴⁵ Кубрякова Е. С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов 26–28 сентября 2006 года. С. 27.

К вопросу о происхождении усеченных прилагательных в соотношении с историей имени прилагательного

Усеченные прилагательные представляют собой яркий пример грамматического явления, изучению которого препятствует наличие сложившейся традиционной точки зрения на его происхождение и функционирование.

Отметим, что анализ значительного материала позволяет определять усеченные прилагательные как черту русской поэзии, проявляющуюся на всем протяжении ее существования вплоть до нашего времени (на 25 тысяч разножанровых поэтических произведений 400 авторов XVII – начала XXI вв. приходится почти 15 тысяч примеров употребления усеченных форм). Усеченные прилагательные можно определить следующим образом: это особого рода краткие прилагательные (не только качественные, но и относительные), а также примыкающие к ним формы причастий, местоимений, порядковых числительных, особые формы субстантивов, которые используются в языке поэзии в атрибутивной функции как в И.-В., так и в некоторых косвенных падежах. Проведенное исследование дает основания предположить, что изучение происхождения усеченных прилагательных и их функционирования в языке поэзии плодотворно не только в синхроническом, но и в диахроническом аспекте, а также в соотношении с другими фактами истории русского литературного языка.

По словам Г. О. Винокура, «изучение языка отдаленной эпохи ... удобнее всего вести исходя из сравнения с языком современности. Но при этом необходимо соблюдать два условия: 1) наблюдаемые несовпадения с теперешним языком нельзя без достаточных оснований объяснить капризом, прихотью или неосведомленностью изучаемого писателя, сразу же называть их ошибками против языка или «поэтической вольностью»; 2) нельзя отрывать язык изучаемого писателя от его исторической обстановки, смотреть на него, как на изолированное единичное явление»¹. Тем не менее, в отношении усеченных прилагательных в существующей научной литературе нередко нарушались оба условия.

Наиболее распространенное представление об усеченных прилагательных может быть сведено к следующим утверждениям: 1) это искусственные формы, которые образовывались механическим отсечением («усечением») окончания (или последнего слога, или последней гласной окончания) полных форм; 2) данные формы играли роль технического версификационного

элемента, одной из поэтических вольностей, потребность в которых определялась несовершенством поэзии XVIII в.; 3) с развитием русской поэзии усеченные прилагательные исчезли.

Обычно усеченные прилагательные рассматриваются как искусственные книжные формы, по структуре близкие именным прилагательным, но по своему грамматическому значению и синтаксической функции относящиеся к парадигме полных прилагательных.

Происхождение и соотношение именных и местоименных форм изучаются давно и разносторонне. В литературе прошедших десятилетий было широко отражено представление, согласно которому именные прилагательные возникли в праиндоевропейском языке в процессе расщепления нерасчлененного имени на существительное и прилагательное, а местоименные формы возникли в праславянском языке посредством слияния падежных форм именного прилагательного с соответствующими падежными формами указательного местоимения, которое, как принято было считать, привносило элемент значения определенности подобно определенному артиклю в артиклевых языках. Затем краткие прилагательные потеряли функцию определения, которая стала закрепляться за полными формами, что и обусловило перестройку системы имени прилагательного². Согласно современной точке зрения, гипотеза о существовании в прошлом общей категории имени не представляется убедительной, под сомнение ставится и противопоставление именных и местоименных прилагательных по признаку определенности – неопределенности³. Отсутствует единая точка зрения и на проблему функциональной обусловленности выбора именных и местоименных форм.

Несмотря на то, что взгляды на историю имени прилагательного существенно менялись и многие вопросы, по-видимому, не имеют окончательного решения, несомненно одно: к XVIII в. в русском языке сложилась существующая и сейчас система имени прилагательного, в центре которой находятся местоименные (полные) прилагательные, выполняющие в предложении функции определения и именной части сказуемого, а древние именные прилагательные сохраняются в качестве специфических форм качественных прилагательных, которые не склоняются и выступают только в роли предиката. Также и краткие причастия сохранились только в качестве особой формы страдательных причастий преимущественно прошедшего времени. Краткие формы относительных прилагательных и действительных причастий были утрачены, а краткие притяжательные прилагательные имеют свою историю.

Можно отметить, что для традиционного взгляда на усеченные прилагательные наиболее принципиально представление об их искусственном происхождении, доказательством чего обычно называют использование усеченных относительных прилагательных, действительных причастий и других форм, не предусмотренных грамматикой современного русского языка.

Как представляется, рассматривать усечения только как искусственные формы вряд ли справедливо. Так, Г. О. Винокур называл их «архаизмами, заимствуемыми из церковнославянской традиции», которые представляли собой «старые именные формы, а в некоторых случаях были вновь созданы по подобию старых именных форм, путем отсечения местоименного окончания у так называемых полных форм»⁴.

Церковнославянское происхождение усеченных прилагательных подтверждается теорией и практикой реформаторов русского стиха. Так, Антиох Кантемир утверждал, что «все сокращения речей, которые словенский язык узаконяет, можно по нужде смело принять в стихах русских; так, например, изрядно употребляется *век, человек, чист, сладк* вместо *веков, человеков, чистый, сладкий*»⁵. Церковнославянское происхождение имели многие «поэтические вольности», канонизированные Кантемиром, Тредиаковским, Ломоносовым, например, неполногласные формы, форма Р. ж. ед. на *-ия, -ья* (*жало мудрыя змеи*), инфинитив на *-ти*, формы 2-го лица на *-ши*, местоимения *мя, ты* и др.

Существенно, что сам термин «усеченные прилагательные» широко употреблялся в грамматиках церковнославянского языка (у Лаврентия Зизания, Мелетия Смотрицкого), где применялся по отношению к старым именным формам, противопоставляемым «целым», то есть полным прилагательным. Предполагалось, что в центре системы прилагательного стоит полная форма, от которой (в случае необходимости) может быть образована «усеченная» или «сокращенная», то есть краткая форма⁶. Можно предположить, что исторически неверная точка зрения на происхождение полных и кратких прилагательных и соответствующая терминология были заимствованы именно из славянских грамматик. Это очень важно, поскольку в церковнославянском языке вплоть до нашего времени именные прилагательные склоняются и употребляются в функции как предиката, так и определения. Отметим, что в пособиях по старославянскому (церковнославянскому) языку, отражающих более поздние представления о языке, используется иная терминология: «Имена прилагательные представляют две формы: краткую с неопределенным значением: *новъ, ж. р. нова*, и долгую с определенным значением: *новьи, новая*»⁷; «В старославянском языке прилагательные имели краткую и полную формы (в другой терминологии: именную, нечленную, неопределенную и местоименную, членную, определенную)»⁸.

Можно предположить, что при развитии грамматических взглядов и изменении терминологии понятие «усеченные прилагательные» сохранилось только применительно к языку поэзии, и усеченные прилагательные стали осознаваться как искусственная черта поэтического языка, потеряв в языковом сознании связь с краткими формами. Термин стал восприниматься как указание на способ образования таких искусственных форм.

Именно это представление об усеченных прилагательных широко отражено в существующей литературе. Например: «Согласованные определения в такой форме нередки в поэтической речи XVIII – начала XIX вв. (например, у М. В. Ломоносова: *Героев слышу весел крик*); но здесь они являются элементами «высокого» стиля, т. е. традиционными книжно-литературными (церковнославянскими) по происхождению, не отражающими особенностей языка повседневного общения периода создания соответствующих произведений. Впрочем, в поэтическом языке чаще встречаются не именные, а так называемые усеченные формы – искусственные книжные образования, стилизованные под именные формы как приметы «высокого» (поэтического) стиля речи. См. у того же Ломоносова: *Так си́льну он взносил десницу*; у А. С. Пушкина: *Он пел... и нечто, и туману даль; Пред ними мрачна степь лежит* и т. п. (но ср. у М. Ю. Лермонтова именную форму в предикате: *Душа моя мрачна*)⁹. Д. Н. Шмелев, приводя исчерпывающе полную классификацию грамматических архаизмов, встречающихся в современном русском языке, предупреждал: «От архаических форм кратких прилагательных нужно отличать так называемые “усеченные прилагательные”, широко распространенные в поэзии, особенно XVIII и первой половины XIX века. “Усеченные” формы представляют собой формы полных прилагательных без конечного гласного. ... “Усеченные” прилагательные являются искусственными образованиями, но возникшими под влиянием древнего употребления кратких форм в роли определения, сохранявшегося книжной церковнославянской традицией. Однако стилистически они не противостоят употреблению архаических кратких форм, а с середины XIX века, когда их употребление в поэзии становится редким, выступают также главным образом как средство стилизации народно-поэтической речи. Ср.: «Добра ты, *царска* грамота, Да не про нас ты писана...» (Некрасов. *Кому на Руси...*); «Не звала б да не манила *Дальня* сторона!» (Блок. *Как прощались, страстно клялись...*) и т. п.»¹⁰.

Казалось бы, едва ли представляется возможным говорить о связи языка фольклора и поэзии XVIII в. Тредиаковский, например, допускал употребление фольклорных выражений, «в особой поэзии ... у нашего простого народа употребляемых» (например: *бел шатер*), только при условии, что «материя будет не важная и шутошная»¹¹. Тем не менее, уже Ломоносов сближал усеченные прилагательные с народно-поэтическими постоянными эпитетами (например: *калена стрела*)¹². Фольклорными исканиями отмечены песни Сумарокова. Собираением и изданием русских народных песен, а также публикацией исследовательских работ в этой области занимались Новиков, Чулков, М. Попов, Н. Львов, И. Дмитриев. Многие поэты (например, Попов, Львов, Нелединский-Мелецкий) стилизовали свои произведения под народную поэзию.

В связи с этим следует отметить как новый образец для усеченных прилагательных так называемые постоянные эпитеты, характерные для народно-поэтического творчества, в составе которых сохранялись древние именные формы. Интересно, что краткие атрибутивные формы очень быстро перестали различаться по источнику заимствования. Например, в творчестве Н. Львова встречаются и традиционные фольклорные эпитеты *тих светел месяц, красно солнышко, по синю морю*, и литературные усечения *хладны узы, нежны птички, цветочки ароматны*.

Искусственность усеченных прилагательных было принято доказывать также и тем, что «усечения не имеют своего особого полного склонения и употребляются лишь в тех падежах, где они слогом короче членных форм, например, невозможен поэтому усеченный предложный падеж ед. ч. м. р.»¹³. Однако собранный материал показывает, что в языке поэзии разных периодов изредка могли использоваться и другие падежные формы, в том числе и равносложные: Р. ж. ед. *в конец вселенны*, (Богданович), Т. мн. *дарованьями различны* (Радищев) и даже П. м.-ср. ед. *на сем – месте пусте* (Цветаева). Особо надо отметить, что использование равносложных форм ставит под сомнение утверждение об их исключительно версификационной роли.

В поэтическом языке используются такие формы усеченных прилагательных:

1–4. Наиболее употребительны в поэзии разных эпох формы И.-В. всех родов и чисел: *шумны волны, всяк день, нежна тень, военно ремесло* (а также равносложные формы м. ед.: *зорок глаз, прозрачен сон*, ср.: *зоркий, прозрачный*); их высокую частотность возможно, объясняется тем, что они совпадают с краткими предикативными формами;

5. В. ж. ед.: *кроваву брань*;

6. Р.-(В.) м.-ср. ед.: *прекрасна Купидона*;

7. Д. м.-ср. ед.: *взору изумленну*;

8. Редкая равносложная форма Р. ж. ед.: *вселенны* (ср.: *вселенной*);

9–10. Единичные случаи употребления ряда форм: Т. мн. (*дарованьями различны*), П. м.-ср. ед. (*о Боге живе*).

Следует учитывать, что склонение именных форм существовало в отдельных проявлениях вплоть до XVII в.¹⁴, причем полная парадигма была утрачена очень рано, и дольше всего просуществовали именно те формы, которые характерны для усеченных прилагательных. Напрашивается вывод, что усеченные прилагательные не имели «своего особого полного склонения» не в силу своего искусственного происхождения, а потому что образца полного склонения именных прилагательных уже давно не существовало.

Можно предположить, что первоначально усеченные формы в языке русской поэзии представляли собой краткие (именные) прилагательные (как качественные, так и относительные) в естественных для них некогда формах и синтаксической роли, сохранявшихся в церковнославянском языке и срав-

нительно недавно утраченных в русском: *блага деяния, добра плода, светел облак*. В том случае, когда необходимых форм не было, они легко образовывались путем создания для местоименной формы соответствующей именной: путем отсечения «местоименного» окончания (компонента) в И.-В. падежах (*бумажны горы, парнасски девушки*) и замены местоименных окончаний именными в косвенных падежах (*полезна владычества, собственну сердцу*), либо же прибавлением соответствующих флексий к основе.

Особый интерес для изучения истории усеченных прилагательных представляет малоизвестная широкому читателю поэзия XVII в. (распространено мнение, что русская поэзия появилась только в результате культурных преобразований петровской эпохи)¹⁵. Кажется, что в стихе силлабических вирш, практически не упорядоченном ритмически, потребность в версификационных элементах не должна была возникнуть. Однако краткие атрибутивные прилагательные в виршах встречаются достаточно часто, например: *юноши светлы предстоят; целомудр нрав стяжеши; от нарочита дидоскала; из мутны тины чиста вода не истекает*. Показательно, что язык силлабической поэзии в целом близок церковнославянскому, что может объясняться кругом ее авторов.

Неравносложные вирши с парной рифмовкой, восходящие к говорному стиху, писали в 1630–1650-х гг. приказные чиновники, справщики Печатного двора (например, дьяк Посольского приказа Алексей Саввич Романчуков, справщик Савватий) – интеллектуальная элита белого и черного духовенства. Эти авторы опирались на русскую филологическую традицию XVI в., в частности, на творчество Максима Грека, развивали книжную традицию, восходящую к Византии (в частности, разрабатывали жанры стихотворного послания, акростиха). С приходом патриарха Никона «приказная школа» распалась, потому что ее главные деятели пострадали за противодействие церковной реформе. Отголоски их творчества обнаруживаются в некоторых произведениях идеологов старообрядчества.

На смену относительно силлабизму пришел равносложный стих «новоиерусалимских поэтов» (среди которых архимандриты Герман и Никанор), названных так по построенному при патриархе Никоне Вознесенскому на Истре монастырю (более известному как Новый Иерусалим), во второй половине XVII в. игравшему роль литературного центра. Более известны авторы второй половины XVII в. – Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, Карион Истомин, Дмитрий Ростовский, Стефан Яворский, в творчестве которых традиции русской книжной поэзии обогатились сильнейшим влиянием украинско-белорусско-польской силлабики, что не могло не найти отражения в области языка. Наиболее типичным стихом стали 11 и 13-сложники с женской рифмовкой, порожденной постоянным ударением на предпоследнем слоге в польском языке¹⁶. Здесь можно отметить, что изучение происхождения усеченных прилагательных выходит за рамки истории русского литературного языка.

Хотя славянские языки имели различную историю, для лучшего понимания процессов, происходивших в каждом из них, полезно привлекать для сопоставления материал других языков. Например, в украинском языке употребительны стяженные формы полных прилагательных, напоминающие древние именные формы: И. ед. ж. *гарна*, В. ж. ед. *гарну*, И.-В. ед. ср. *гарне*, И.мн. *гарні*, хотя И., Р., Д. м. ед. *гарний, гарного, гарному*¹⁷. Похожая картина наблюдается и в ряде русских говоров, где существуют стяженные формы прилагательных (*больша изба, большо село, большы сапоги*). Формы, полученные в результате стяжения, совпадают со старыми краткими (именными) формами, но «входят не в именную, а в местоименную парадигму склонения соответствующих прилагательных: И. *нова изба, ново село*; Р. (*из*) *новой избы, (из) новово села*; Д. (*к*) *новой избе, (к) новому селу* и т. д.»¹⁸.

Можно предположить, что для языкового сознания XVII–XIX вв. не было принципиального различия между именными формами, известными как по церковнославянскому языку, так и по фольклору, и стяженными, употреблявшимися в крестьянской (диалектной) речи и в языке ближайших соседей-славян. Возможность употребления стяженных прилагательных в разговорной речи могла способствовать восприятию кратких атрибутивных прилагательных как привычных, живых, а не искусственных форм.

Традиционность усеченных прилагательных проявляется в том, что на протяжении четырех веков они используются в языке русской поэзии, характеризуясь богатой и многообразной стилистической окраской¹⁹. Среди многочисленных примеров в поэзии XX в. можно упомянуть поэму Ильи Сельвинского «Улялаевщина», где усеченные прилагательные выступают как средство создания различных стилистических слоев:

Ехали казаки та ехали бузуки, / Дзэ своротыли - зосталося на льду / Копытска печатня, зелена грязюка, / Навозна юшка та самогонный дух; / Вождь анархыстив Серга Улялаев / Идэ на войну за народни права (имитация украинского языка);

У Четыхи шапка - соболя душа, / На плечах кафтан - ала бархата; / ...Спросю я от вас об милости, / Об милости, о последней, / О последней что водицы испить, / Водицы испить ледяна ключа» (фольклорная стилизация).

Сравним с употреблением в творчестве других авторов:

«Не прети же Ты, Мати, мне младу / Алые цветики собирать, / ... / Древо кипарисно украшати!» (Вяч. Иванов; стилизация русского духовного стиха).

Ломает чернь неблагодарна / Поэта славное перо... (М. Кузмин; высокий стиль).

На пограничны города орда задумала напасть, / Нас взять под басурманску власть! (Л. Мартынов; историческая стилизация).

Таким образом, представляется, что определяющим признаком усеченных форм следует называть не искусственность их образования и техниче-

скую роль в языке поэзии, а укорененность в истории русского языка и русской (шире – славянской) культуры. Являясь по происхождению древними именными прилагательными, усеченные прилагательные могли быть восприняты языком русской поэзии из различных источников (из церковнославянского языка, из языка фольклора), но могли и создаваться по известным морфологическим моделям в зависимости от версификационных или стилистических задач, которые решались авторами.

Примечания

- ¹ *Винокур Г. О.* О языке художественной литературы. М., 2006. С. 159.
- ² Напр.: *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1959. С. 420; *Иванов В. В.* Историческая грамматика русского языка. М., 1990; *Камчатнов А. М.* Старославянский язык: Курс лекций. М., 1998. С. 74.
- ³ Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В. Б. Крысько. Т. III: Прилагательные / А. М. Кузнецов, С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько. М., 2006. С. 30.
- ⁴ *Винокур О. Г.* О языке художественной литературы. С. 252.
- ⁵ *Кантемир А. Д.* Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 425.
- ⁶ *Прозоровский А. А.* Сильвестр Медведев. М., 1896. С. 84; ср.: *Востоков А. Х.* Русская грамматика. СПб., 1831. С. 24.
- ⁷ *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952. С. 144.
- ⁸ *Камчатнов А. М.* Старославянский язык... С. 74; ср.: *Плетнева А. А., Кравецкий А. Г.* Церковно-славянский язык. М., 1996. С. 88.
- ⁹ *Хабургаев Г. А.* Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990. С. 189.
- ¹⁰ *Шмелев Д. Н.* Избранные труды по русскому языку. М., 2002. С. 591–593.
- ¹¹ *Тредиаковский В. К.* Избранные произведения. М.–Л., 1963. С. 379; ср.: *Винокур Г. О.* О языке... С. 248.
- ¹² *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 234.
- ¹³ *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 129.
- ¹⁴ *Винокур Т. Г.* Древнерусский язык. М., 2004. С. 83.
- ¹⁵ *Квятковский А. П.* Поэтический словарь. М., 1966. С. 4; *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. Метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 2002. С. 28, 32.
- ¹⁶ *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 80–82.
- ¹⁷ *Терлак З., Сербенська О.* Украинский язык для начинающих. Львов, 1999. С. 93–95.
- ¹⁸ *Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 2005. С. 156–157; см. также: *Шмелев Д. Н.* Избранные труды по русскому языку... С. 592–593; *Хабургаев Г. А.* Очерки исторической морфологии... С. 198.
- ¹⁹ *Кулева А. С.* Усеченные прилагательные в поэзии Леонида Мартынова // Русская речь. 2007, № 2. С. 31–35; *Кулева А. С.* Стилистическая роль усеченных прилагательных в русской поэзии // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия: Материалы международной научной конференции (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Москва, 24–28 мая 2007 г.). М., 2007. С. 304–308.

Окказиональные использования предикативов с семантикой состояния в поэзии Серебряного века

Использование предикативов на –о с семантикой состояния свойственно прежде всего поэтической и разговорной речи. И в том, и в другом случае предикативы востребованы как способ передачи наиболее ярких и личностных переживаний субъекта, его непосредственного восприятия внешней среды.

Предикативы состояния позволяют выразить эмоциональную вовлеченность, «погруженность в чувство»¹, наиболее точно охарактеризовать испытываемые субъектом состояния. К тому же, как средство языка, предикативы на –о крайне экономны и позволяют передать в краткой форме эмоциональный смысл индивидуальных для каждого говорящего переживаний. Именно краткость и емкость делают предикативы на –о привлекательными для поэзии.

В поэзии Серебряного века, в период многочисленных экспериментов над языком, состав предикативов на –о с семантикой состояния заметно расширяется, появляются необычные употребления, новые значения. Это происходит, в частности, из-за стремления поэтов к индивидуализации состояний, передаваемых с помощью предикативов. Необходимо также отметить субъективный характер окказиональных предикативов, как и окказионализмов в целом, которые «более насыщенные по смыслу и эмоциональной нагрузке, чем обычные, общеупотребительные слова»².

Под окказиональным использованием предикативов состояния мы понимаем образование потенциальных и индивидуально-авторских слов этой категории, а также необычные переносные значения предикативов в поэтических контекстах (переход в другие семантические группы, необычное сочетание с субъектом или объектом состояния). К потенциальным словам мы относим те предикативы состояния, которые легко образуются от прилагательных, имеющих краткую форму среднего рода (омонимичную форме предикатива) или ее не имеющих. Образование таких предикативов ничем не ограничено³. Это могут быть простые формы типа *бледно, сизо, красочно, безответно, угрюмо* и т.п. или сложные: *жутко-хорошо, трагично-больно* и т. п. К индивидуально-авторским мы относим более изысканные по способу образования предикативы, многие из которых имеют синонимичный общеупотребительный вариант. Так, у Сергея Есенина мы встречаем в функции предикатива сравнительную степень *безбольней*, образованную из сочетания

без боли (ср. *не больно*). К собственно окказионализмам также относятся предикативы, образованные от прилагательных, означающих постоянный признак (*немой, северный* и т. п.), в то время как предикативы обозначают непостоянный признак. Таким образом фиксируется семантическое нарушение при словообразовании. Еще одним источником для образования окказиональных предикативов является устаревшая и народно-разговорная лексика (*бездольно, гривуазно, росно* и т. п.).

Предикативы состояния можно разделить на две основные группы: отражающие состояние субъекта (внутреннего мира) и состояние внешнего мира. Границы этого деления достаточно условны, так как восприятие внешнего мира часто напрямую зависит от субъекта и отображает его внутренний мир. Было бы точнее сказать, что эти два состояния взаимодополняют друг друга, что не позволяет четко отнести каждый конкретный пример к той или иной группе.

Новообразования, безусловно, больше свойственны предикативам с семантикой состояния субъекта, поскольку именно личные переживания сложнее всего передать языковыми средствами. Различается и характер новообразований. Для предикативов с семантикой состояния внешнего мира практически нехарактерно образование сложных форм, необычное употребление субъекта или объекта состояния. Для предикативов с семантикой состояния субъекта характерны не только сложные формы, а также создание новых слов, но и использование в качестве предикативов, отражающих состояния субъекта, предикативов, передающих состояния внешнего мира, с расширением их значений.

Предикативы, воссоздающие состояние внешнего мира, можно разделить на несколько групп: во-первых, естественные состояния, в меньшей степени или совсем не зависящие от человека, и отражающие природные явления (*тихо, морозно, сыро, темно, светло, сухо, туманно, солнечно* и др.), во-вторых, артефактные, т.е. зависящие от человека (*уютно, безлюдно* и др.). Слова обеих групп могут отражать как объективную картину мира, создаваемую поэтом, так и субъективное восприятие ее в соответствии с авторским состоянием или вкусом. Новообразования затрагивают обе группы, но, по сравнению с общепотребительными предикативами, более субъективны.

Активно пополняется новообразованиями группа предикативов с семантикой визуального восприятия внешнего мира; его цветоцветовой характеристики. Традиционно к этой группе относятся такие предикативы, как *светло, темно, бело, черно*. Поэтический язык значительно расширяет эту группу. Появляются предикативы типа *сизо, бледно, красочно, сине* и др. Таким образом, если традиционно визуальная картина мира представлялась четко контрастной, что было связано в большей степени со сменой дня и ночи (*светло / темно, бело / черно*), то постепенно она наполняется краск

ми, акцент делается на цветах и оттенках. В этом контексте интересно появление сложных форм, как, например, у З. Гиппиус.

В нашем прежде – *зыбко-дымчато*,
А в Теперь – и мглы, и тьмы.
(«Неразнимчато», 1915)

Здесь создается импрессионистский образ, содержащий одновременно цветовую характеристику (дымчатый – ‘серый’) и динамическую (зыбкий – ‘находящийся в состоянии легкого колебания, неустойчивый’) и отражающий восприятие говорящего, с помощью которого визуализируется его внутренний мир.

Предикативы могут образовываться и по аналогии. Так, например, у И. Северянина *лунно* – ‘наполнено лунным светом’ образуется по модели – *солнечно*. Ср.:

Было душно, холодно и *лунно*.
(«На голос весенней новеллы», 1911)

Часто предикативы образуются вместо целых словосочетаний со значением множества, преобладания чего-либо. Например: *сорно* (от прилагательного *сорный* – ‘обильный сором’, *огнисто* (от прилагательного *огнистый* – ‘полный огня’), *звездно* (от прилагательного *звездный* – ‘полный звезд’) и др. Таким образом, в целях экономии средств поэтический язык стремится к созданию новых форм у тех лексем, у которых они ранее отсутствовали. Так заполняются смысловые лакуны языка.

Другая группа предикативов с семантикой состояния внешнего мира, активно пополняющаяся группу новообразований, – предикативы, отражающие восприятие субъектом внешнего мира. Эта группа находится на границе между предикативами состояния субъекта и предикативами состояния внешнего мира, чем собственно и обусловлено появление новообразований, поскольку она отражает особое восприятие субъектом окружающего его мира. Предикативы этой группы образованы от прилагательных, имеющих краткую форму среднего рода, однако не функционирующих в качестве предикативов состояния. Например: там *мертво* (в значении ‘пусто, одиноко’), *дика* кругом (в значении ‘непонятно, странно’), *угрюмо* здесь (в значении ‘мрачно, безотрадно’) и др.

Для предикативов с семантикой состояния субъекта появление новообразований более характерно, чем для предикативов состояния внешнего мира, и реализуется оно преимущественно за счет, во-первых, образования сложных слов, во-вторых, новых слов от прилагательных, не образующих пр.

краткие формы, и, в-третьих, за счет необычного употребления субъекта или объекта состояния. Рассмотрим все эти случаи более подробно.

Сложные по составу предикативы включают в себя две предикативные части, вторая из которых является основной и представлена общеупотребительным предикативом (типа *грустно, душно, больно* и др.), а первая – оттенком этого состояния. Например: *нестерпимо-грустно, трагично-больно, внешне-радостно, томительно-душно, жутко-хорошо, больно-сладостно, нежно-сонно* и др. Подобные сочетания, зачастую парадоксальные, позволяют передать эмоциональное состояние более точно, тонко создать необходимый образ.

Другой способ образования предикативов состояния – создание кратких форм от прилагательных, которые не имеют краткой формы среднего рода или краткая форма которых малоупотребительна, например, *усыпительно, бессонно, бездельно* и др. Любопытны случаи, когда предикативы не только образованы от прилагательных, не имеющих кратких форм в среднем роде, но используется переносное значение этих слов, которое обычно имеет ограниченное употребление. Ср., к примеру, у З. Гиппиус:

Как *немо*, *вольно* и *крылато*
В высоком царствии луны!
(«Стена», 1911–1912)

Слово *немо* в данном контексте означает ‘тихо, безмолвно’ (ср. *немая тишина*), а *крылато* – ‘вольно, свободно’ (ср. *крылатые мысли*).

В творчестве Северянина встречаем предикативы, образованные по аналогии с уже существующими наречиями. Наиболее показательна у него пара *безответно* и *безвопросно*, созданная на основе существующего наречия *безответно* (любить безответно).

Состав предикативов состояния расширяется и за счет необычных употреблений, когда предикативы состояния внешнего мира переходят в группу предикативов состояния субъекта. Такой переход, как в примерах – *всем солнечно, мне знойно, всем бело* – основан на образовании переносных значений. Так, у С. Есенина встречаем пропозицию «сердцу *не жестко*», в которой не только создается переносное значение, но и возникает параллель с устойчивым выражением *мягкое сердце*, позволяющая более полно раскрыть смысл этого предикатива состояния. Ср.:

Потому так и *сердцу не жестко* –
Мне за песнею и за вином
Показалась ты той березкой,
Что стоит под родимым окном.

(«Ты запой мне ту песню, что прежде...», 1925)

Признак, присущий субъекту, также может переходить в его состояние, например: воде *сине, черно*; мосту *высоко* (см. развернутые примеры ниже).

При изучении окказиональных форм предикативов состояния можно выделить некоторые особенности, присущие конкретным авторам. В этом отношении большую роль играет то литературное течение, к которому они относились. Показательным является не только характер новообразований, но и их присутствие или отсутствие в поэтическом языке автора.

В большей степени словотворчество в области предикативов состояния свойственно Зинаиде Гиппиус и Игорю Северянину. Зинаида Гиппиус принадлежала к литературному течению символистов, для которых был характерен интерес к слову. Значение слова становится для символистов слишком «общим», они стремятся к образности, расширению значения, выделению оттенков. Поэзия Гиппиус эмоциональна и практически всегда написана от первого лица, поэтому предикативы состояния как формы непосредственного выражения чувств лирического героя, а через него и «Я» автора, не могли не остаться без преобразований. Именно для Гиппиус, как мы уже показали выше, характерно образование сложных предикативов, отражающих глубину и оттенки состояний. Ср.:

*Безжалостно-благополучно,
И нежно-сонно, и темно...*
(«Дьяволенок», 1906)

Созданные Гиппиус сложные слова категории состояния и использование переносного значения слов, с одной стороны, наиболее точно передают авторский замысел, отходят от шаблонности, а с другой – создают образы-символы, что отвечает принципам символизма.

Для Игоря Северянина, принадлежащего к течению эгофутуризма, в основе творчества прежде всего лежала индивидуализация. Отличительными чертами его поэзии являются: повышенная эстетизация, интерес к словотворчеству, использование изысканной лексики. Состав предикативов состояния расширяется у него в основном также за счет сложных форм с дефисным написанием.

*Как сердцу нестерпимо-грустно,
Сознаться в еловой тени*
(«В хвойной обители», 1923)

*Тоскую я душой смертельно,
И так трагично-больно мне.*
(«Что шепчет парк», 1923)

И больно-сладостно, и вешне-радостно!
(«К черте черта», 1914)

Для Северянина свойственно использование парных предикативов (*безответно и безвопросно, бездумно и бесцельно*), иногда при необходимости он создает новые слова, используя малоупотребительные или устаревшие прилагательные: *сорно и росно* и т.п. Причем выбор предикативов обусловлен не только семантикой, но и звуковым подобием, в каждой паре мы наблюдаем созвучие, внутреннюю рифмовку. Это придает утонченность и музыкальность авторскому языку.

У младосимволиста Александра Блока собственно новообразования практически отсутствуют, поскольку поэт почти не тяготел к словотворчеству, но при этом многие устойчивые предикативы состояния в его текстах наполняются глубоким философским, ассоциативным смыслом. Ср.:

Ташитесь, траурные клячи!
Актеры, правьте ремесло!
Чтобы от истины ходячей
Всем стало больно и светло!
(«Балаган», 1906)

Тихо, как будет. Светло, как было.
И счет годин старуха забыла.
Как мир, стара, как лунь, седа,
Никогда не умрет, никогда, никогда...
(«Она веселой невестой была...», 1903)

Приведенные примеры наглядно демонстрируют глубокий подтекст, вложенный в предикатив *светло*. В первом случае это тема просветления, изменения сознания, радости, а во втором – тема смерти, вечности. Обе темы проходят лейтмотивом сквозь творчество Блока.

В поэзии Анны Ахматовой, несмотря на достаточно частое употребление слов категории состояния, новообразования встречаются редко. И это вполне объяснимо даже с точки зрения эстетических принципов того литературного направления, к которому она принадлежала. Акмеизм противопоставил размытости и абстрактности символизма предметность и конкретность образов. Поэтому лирику Ахматовой отличает близость к реальности, простота в выражении чувств, эмоций, поэтому она использовала по преимуществу общеупотребительные предикативы состояния. Ср.:

Протертый коврик под иконой.
В прохладной комнате темно,

И густо плющ темно-зеленый
Завил широкое окно.
(«Протертый коврик под иконой...», 1912)

Я не прошу ни мудрости, ни силы.
О, только дайте греться у огня!
Мне *холодно*... Крылатый иль бескрылый,
Веселый бог не посетит меня.
(«И мальчик, что играет на волынке...», 1911)

Страшно мне от звонких воплей
Голоса беды,
Все сильнее запах теплый
Мертвой лебеды.
(«Песенка», 1911)

Но зато в позднем творчестве Ахматовой возникает интересный образ состояния *северно*.

Пусть кто-то еще отдыхает на юге
И нежится в райском саду.
Здесь *северно* очень – и осень в подруги
Я выбрала в этом году.
(«Пусть кто-то еще отдыхает на юге...», 1956)

Северно в данном контексте, видимо, выступает в значении 'находящийся на севере' и является характеристикой окружающей среды. Но выбор именно этого слова не случаен. В самом четверостишии заложено противопоставление юга, где «кто-то отдыхает», и севера, где находится автор. Но поскольку в данном контексте само это слово неоднозначно, создается необычный образ состояния героини. А именно, все ассоциации, которые возникают в связи с понятиями *север*, *северный*, такие как холодный, одинокий, суровый и др., в совокупности и составляют лексическую наполненность предикатива *северно*.

Как мы видим, образы, созданные Анной Ахматовой в ее стихотворениях, многоплановы и глубоки, что во многом достигается с помощью слов категории состояния.

Несмотря на тяготение Маяковского к словотворчеству и достаточно широкое употребление предикативов состояния, новых форм мы практически не обнаружим. Однако Маяковский активно использует предикативы в смежных художественных приемах – меняет ударение, использует разговорные формы.

– Красным не нравится?!
 Им
голодно?!
 Рыбкой
 наедитесь,
 пойдя
 на дно.
 («Хорошо», 1927)

Чудно человеку в Чикаго!
Чудно человеку!
 И *чудно*!
 («150 000 000», 1919–1920)

Но именно в творчестве Маяковского признак предмета переходит в его состояние и, таким образом, из постоянного становится непостоянным, приобретенным (не вода синяя или черная, а она стала такой).

От медуз
 воде *сине*.
 («Испания», 1925)

Там,
 где *черно*
 воде
 у моста в оскале,
 плескался
 недавно
 юркий челнок
 деда,
 искателя скальпов.
 («Свидетельствую», 1926)

При этом Маяковский не только расширяет состав предикативов состояния за счет новых слов, необычных употреблений, расширения семантики, но и использует их как средство переноса человеческих ощущений на природу.

Итак, как мы видим, в проанализированных нами окказиональных образованиях изменения происходят одновременно и на словообразовательном, и на грамматическом уровне, что является отличительной особенностью художественной речи. Однако иногда новообразования на базе предикативов состояния можно встретить и в разговорной речи, и в переписке. К примеру, Михаил Эпштейн в своей статье «Грамматическое творчество в речи и языке: От аномалии к норме» отмечает возможность появления таких фор-

мообразований, как мне *ласково, медленно, торопливо* и т.п., иллюстрируя их примерами: «Фотографии детей пересматривала много раз. Мне снова *ласково!*», «Мне слишком *медленно* в этой деревне, мне привычнее там, где *торопливо*, в большом городе»⁴. Возможность появления данных окказиональных образований в разговорной речи как раз свидетельствует о том, что категория предикативов состояния является для языка живой и подвижной. Получается, что художественная словесность совсем не замкнутый в себе язык, не имеющий связей с языком общенародным, повседневным. Интуиция говорит нам о том, что искусство слова выявляет потенциальные возможности всей системы языка, тем самым определяя перспективы его ближайшего и отдаленного развития.

Примечания

¹ Трунов Д. Эмоциональная лексика в профессиональной коммуникации психотерапевта // Вестник Российской коммуникативной ассоциации. Теория и практика коммуникации: Сборник научных трудов. Вып. 3. Ростов-на-Дону, 2005.

² Лопатин В. В. Рождение слова. М., 1973. С. 65.

³ Винокур Г. О. Маяковский – новатор языка. М., 2006; Лопатин В. В. Рождение слова.

⁴ Эпштейн М. Н. Грамматическое творчество в речи и языке: От аномалии к норме // Язык как медиатор между знанием и искусством. (В печати).

Болгарский язык во времени и пространстве (взаимоотношения литературного языка и диалектов)*

Поставленная в заглавии проблема имеет несколько аспектов рассмотрения: 1) роль и функции диалектной лексики в процессе формирования болгарского литературного языка в эпоху болгарского Возрождения; 2) роль диалектизмов в современном болгарском языке (литературном и разговорном), что в свою очередь соприкасается не только с лексикологической, но и с литературоведческой проблематикой, и стилистикой (например, исследованием языка отдельных авторов, активно использующих диалектизмы для придания особого колорита художественным произведениям и их персонажам).

Лексическую основу современного болгарского литературного языка составляет народная лексика, почерпнутая из территориальных говоров и речи местного населения. Большое место в ней занимает также лексика книжного происхождения, и прежде всего заимствования из церковнославянского и русского языков. Однако, в истории современного литературного языка стоит сложная проблема разграничения слов диалектного и книжного происхождения, с одной стороны, и церковнославянских и русских заимствований, с другой. Нередко лексемы заимствуются из русского языка через посредство диалектов¹.

В начале XIX в. встал вопрос о формировании литературного болгарского языка и о выборе его диалектной основы: восточной, западной, монодиалектной или определенной локальной. На утверждение восточно-болгарского наречия (центрально-балканского говора, в частности) в качестве базы литературного языка повлияло несколько факторов: расширение влияния данной народно-разговорной основы в сравнение с западной в связи с резким увеличением числа книжников из Восточной Болгарии в 40-е гг. XIX в., а также ряд причин экстралингвистического характера. Окончательное закрепление восточного наречия в данной функции произошло после Освобождения и было связано с кодификацией норм литературного языка.

Отношение современного болгарина к его национальному языку и, в частности, к литературному, сложным образом связано с типом формиро-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 08-06-00107а «Время и пространство: семантика и символика».

вания болгарской нации в эпоху Возрождения и с ролью литературного языка в этом процессе. Болгарские общественные лидеры и деятели литературы того времени ясно осознавали символические функции литературного языка и активно их использовали: и способность кодифицированного языка консолидировать нацию, и его способность разграничивать (нацию от нации), восстановить болгарское государство, и его престижность². Болгарская элита периода Возрождения видела необходимость создания единого литературного языка следующим образом: «Ни один болгарин (со своим родным диалектом) не должен остаться пренебрегнутым и отчужденным от этого будущего языка (и не должен чувствовать себя вне болгарской нации), поэтому в основу литературного языка должна быть положена не просто диалектная основа, а основа, в которой участвуют все современные им болгарские диалекты»³.

Однако, анализируя значение оппозиции «свое / чужое» в процессе формирования болгарского литературного языка, Т. Александрова выделила следующую категоризацию элементов будущего национального языка: свое позитивное (диалектное, сохранившее богатство старославянского языка), свое негативное (диалект как средство культурной коммуникации), свое разделяемое с другими (церковнославянский язык), усвоенное чужое (турецкие, греческие, русские и др. элементы), престижное чужое (европеизмы) и непрестижное чужое (османотурецкое)⁴.

В 1936 г. Ст. Младенов опубликовал свою статью «Нужно ли сохранить диалекты в болгарском языке?», в которой утверждал, что диалекты являются своеобразным проявлением болгарского языкового духа, что они всегда существовали и будут существовать, поскольку всегда существуют условия, которые их создают. Спустя полвека после возникновения этого вопроса, можно утвердительно на него ответить. Несмотря на социальные и политические процессы, происходящие в болгарском обществе в последнее время, несмотря на существенные изменения диалектного пространства и уменьшение носителей диалектных идиом, территориальные диалекты сохраняются и демонстрируют стабильность своей структуры.

Современная языковая ситуация в отношении диалектов существенно отличается от состояния болгарского языка до Второй мировой войны, когда большая часть населения (70%) жила в деревнях и говорила на диалекте. В Болгарии после Освобождения не сформировались предпосылки для установления известного другим языкам массового диалектно-литературного двуязычия, при котором образованные носители языка переключались в зависимости от ситуации с диалектного кода на литературный или употребляли бы параллельно литературные и диалектные формы. Причиной тому были уже установившиеся достаточно строгие социальные барьеры, которые не допускали осознания литературного языка и диалектов как совместимых

в одном контексте, поэтому и сферы их употребления были различными. Кроме того и языковая практика опережала теоретическую мысль. Ярким показателем этой ситуации был тот факт, что писатели того времени даже при бытовых сельских зарисовках избегали использования большого числа диалектных форм. Процесс приобщения к нормам литературного языка и отказ от особенностей родных диалектов начинается в творчестве Хр. Ботева и Ив. Вазова, которые, переиздавая свои произведения, подвергали их редакции, отказываясь от особенностей родного диалекта, до того там присутствовавшие (срв. Вазов: *Бедният народ тръпни, и ния без срам, без укор броими време // А бедният роб тръпни, и ние без срам, без укор броиме време*). Таким образом, деятели Болгарского Возрождения, участвовавшие в создании литературного языка, старались писать не на диалекте, а на литературном языке, они соотносились с нормами национального языка, который для них был «недостижимым идеалом».

В творчестве более поздних болгарских писателей (таких как Й. Йовков, Елин Пелин) диалектные элементы, как правило, используются умело и дозированно в речи персонажей, которые говорят, все же, на литературном языке. Завышенное употребление диалектизмов в литературном произведении приводит к утрате им коммуникативной функции, что делает его непонятным для читателей. Подобные примеры мы находим и в современной периодической печати.

Особенно многочисленны диалектизмы в творчестве Т. Г. Влайкова и Михалаки Георгиева, которые пишут прямо на диалекте (пирдопском и видинском соответственно) и создают, в каком-то смысле, региональную литературу. Если у Влайкова употребление диалектных особенностей связано с его желанием правдиво и точно изобразить действительность и народный быт, то у М. Георгиева в некоторых случаях диалектизмы выполняют иную функцию: усиливают комический эффект в его юмористических рассказах. Но в данном случае речь идет уже о функциях диалектных форм и их художественной обработке, о художественно-изобразительной и эстетической функции текста.

После Второй мировой войны в Болгарии диалекты были вовлечены в новую языковую политику, в основе которой в 50-х гг. был положен тезис о скором отмирании диалектов как отжившей свое время реликтовой категории, свойственной отсталому слою сельского населения. Идеологические рамки болгарского государства в период с 1944 г. превращают оппозицию «свое / не-свое» в оппозицию «народное, свое / не-свое». Официальная идеология социалистической державы была направлена на воспитание и утверждение коллективистского духа, но неизбежно возникали социальные процессы, которые способствовали повышению ценности личности. Так и в современной ситуации коммуникативная функция языка получает такую же

степень значимости, как и его символическая функция. Именно эти процессы, связанные с различными ценностными системами аккумулировали напряжение между тоталитарным (официозным) и разговорным языком (не подлежащим цензуре языком общества). По мнению П. Костадиновой, основной «языковой» конфликт в современном обществе порождается тем обстоятельством, что существовавшее в прошлом строгое разграничение литературного и разговорного языка просто отсутствует, что обуславливает периодическое появление законопроектов, направленных на защиту и обогащение болгарского языка⁵.

В последние десятилетия диалекты различным образом реагируют на социальные изменения в обществе. Т. Бояджиев объясняет их развитие конструктивными и деструктивными факторами: конструктивные проявляются в изменении внутренних импульсов диалектных систем и в их сближении с литературным языком; деструктивные факторы способствуют смешению и отмиранию диалектов в отдельных районах под влиянием социально-демографических условий⁶.

В процессе становления болгарского литературного языка, равно как и в первые десятилетия его существования (конец XIX в.), в него легко проникали отдельные элементы диалектной системы (фонетические, морфологические, словообразовательные, синтаксические и лексические диалектизмы). Позднее, с завершением формирования и утверждением национального языка, влияние диалектов постепенно уменьшалось и слабело, превратившись в едва заметное в наши дни. Будучи оформленным на основе известных диалектов, литературный язык продолжает развиваться по своим внутренним законам, которые в общих чертах присущи и отдельным диалектам. Однако национальный литературный язык и диалекты отличаются, в первую очередь, благодаря своим фонетическим особенностям, и лишь затем лексическим составом. Болгарский литературный язык фонетически близок центральному балканскому говору, но не идентичен ему во всех своих характеристиках.

Когда заходит речь об обогащении литературного языка диалектизмами в настоящее время, имеется ввиду, прежде всего, лексическое богатство говоров. Однако при наличии кодифицированного языка сравнительно малая часть особых диалектных слов может быть воспринята им: это названия предметов и понятий, для которых не существует названий в литературном языке, а также наименования, которые способствуют формированию некоторых специальных научных терминов в области ботаники, зоологии, геологии, медицины и т. д. Относительно большее число диалектизмов может употребляться в художественной литературе, где они шире представлены: с одной стороны, это лексические диалектизмы, обозначающие особые бытовые предметы, не имеющие соответствий в литературном языке и по функции близкие историзмам и профессионализмам. С другой стороны, это диа-

лектизмы, имеющие равнозначные соответствия в литературном языке и выполняющие преимущественно стилистическую функцию.

Особое положение диалектов на нынешнем этапе развития общенародного болгарского языка, когда они уже являются умирающей категорией и осознаются больше как «испорченный литературный язык», дает возможность использовать их элементы для «юмористических» целей, что с успехом реализует Елин Пелин, например в рассказе «Пижо и Пендо». Итак, диалектизмы, вводимые в литературное произведение, необходимы и оправданы лишь тогда, когда они способствуют полному и адекватному осуществлению идейно-художественного замысла автора, придают особый местный или социальный колорит тексту, когда они не только не ослабляют, но усиливают коммуникативную функцию речи.

Роль диалектной лексики в современном разговорном болгарском языке менее значительна, чем в эпоху его становления, причем она связана преимущественно с одной из сфер функционирования современного языка – социальными говорами и, в частности, с современным молодежным жаргоном, который, будучи наиболее динамичной, открытой и изменяющейся терминологической системой и одним из источников обогащения литературного языка, представляет интерес для исследователя с точки зрения наиболее быстрого и адекватного отражения в нем процессов изменения картины мира в сознании носителей языка. Несмотря на своеобразную интеллектуализацию жаргона в нем весьма значительное место принадлежит лексемам, заимствованным из территориальных диалектов, которые с течением времени не теряют образности и оригинальности, продолжают активно употребляться и очень редко вытесняются заимствованиями из других языков, а скорее становятся частью литературного языка (напр. разг. *мацка* ‘девушка, подруга, любовница’).

Отдельные диалектные лексемы функционируют в жаргоне без каких-либо семантических изменений (напр., зап.-болг. *копеле* ‘парень или незаконнорожденный ребенок’, *кютек* ‘драка’, южно-болг. *тайфа* ‘компания’, вост.-болг. *хахо* ‘странный человек’). Одни диалектные слова своим значением придают особый колорит, образность, свежесть жаргонной фразе, другие лексемы меняют свое значение путем метафорического или метонимического переноса: *чукундур* > диал. ‘свекла’ > жарг. ‘глупый человек’. С другой стороны, зап.-болг. лексические единицы оказывают влияние и меняют по своему образу и подобию лексемы, приходящие из других территориальных или тайных говоров, равно как и заимствования из других языков, напр. *дринкам* ‘пить’, *гърла* ‘девушка легкого поведения’.

Стилистическая сниженность и пейоративная нюансировка некоторых диалектизмов делает их необычайно подходящими для молодежного социолекта, в котором экспрессивность слова является предварительно заданной.

Кроме того, диалектные слова контрастируют с теми лексическими элементами, которые создают внешнюю интеллектуальную приподнятость жаргона (архаизмы, книжная лексика, заимствования из западно-европейских языков, невоспринятые литературным языком). Стилистическая неоднородность сленгового высказывания вносит свой вклад в достижение комического эффекта речи. Используют диалектные лексемы чаще молодые люди, чем взрослые, но вместе с тем, они не употребляют диалектизмы в непринужденной беседе со старшими или ровесниками, с которыми мало знакомы.

Наряду с лексическими диалектизмами присутствуют и фонетические, когда заимствуются готовые слова, чей фонетический облик – это результат действия различных огласовок (*гявол* вм. *дявол*, *дзвер* вм. *звяр*). Склонность имитировать диалектные черты, по мнению информантов, проявляет почти исключительно молодежь из западно-болгарских областей, которые иронизируют над сильной мягкостью и редукцией *e>i* восточно-болгарских говоров, с целью усиления экспрессивности сленгового высказывания, например: *Ще кажем нашето твърдо н'е на империализма* 'Скажем наше твердое нет'; *Минети вляво, вм. минете*. Употребление находят и готовые императивные формы с западно-болгарским ударением на основе: *мани, ходи* 'исчезни, вали'.

Все же в сравнение в довоенным состоянием (до 1945 г.) диалектная лексика в современном молодежном жаргоне занимает более ограниченное место, хотя отмечается ряд устойчивых лексических диалектизмов. Тогда как ранее влияние территориальных диалектов на лексический и грамматический облик молодежного (ученического) жаргона было более сильным, чем влияние литературного языка. В настоящее время все больше грамматических черт жаргона, заимствованных из диалектов, замещается книжными образцами, диалектные слова сменяются литературными или неологизмами, или вообще перестают осознаваться как диалектизмы. Подобное явление вполне закономерно и наблюдается и в других социолектах⁷.

В современном обществе литературный язык в качестве культурного символа нации имеет высокий статус. Его функции более сложны в сравнении с функциями диалектов, которые хотя и выявляют тенденцию в исчезновению, все же продолжают развиваться. Благодаря активному влиянию и распространению литературного языка и перемен в сельском быту, диалекты постепенно утрачивают свои структурные особенности, сближаются с литературным языком или существуют в форме идиолектов.

Современную языковую ситуацию в Болгарии отличает актуализация диалектного в речи, т. е. употребление диалектных слов и форм в разговорном литературном языке. Данное явление, согласно наблюдениям Т. Бояджиева, проявляется в трех основных случаях: 1) художественное творчество ряда писателей, 2) смешение литературных и диалектных форм

при различной языковой компетенции/корректности конкретных носителей языка, 3) выражение особого языкового эстетизма отдельных представителей интеллигенции⁸.

Примеры использования особенностей родного диалекта, имеющие стилистическую мотивацию, встречаются в прозаических, юмористических, как правило, произведениях Т. Влайкова, Й. Радичкова, Н. Хайтова, Й. Вълчева и др. Допустимость диалектных форм связана с сознательными поисками аутентичности и стилизацией речи героев. Второй тип употребления диалектизмов связан, главным образом, с публичными выступлениями, что обусловлено незнанием кодифицированных форм языка и неразличением литературного/нелитературного. Данный вид употребления диалектизмов можно наблюдать не только в повседневной разговорной речи, в транспорте, на рынках и ежегодных общесельских праздниках (*събор*), где диалект используется при обсуждении узко-локальных тем, но и на дебатах в парламенте, на радио и телевидении, когда говорящий не может интерпретировать нюансировку диалектных вариантов.

В оценке использования диалектизмов в речи носителей литературной нормы отмечается следующая закономерность: проявление социальной нетерпимости к нестандартным языковым проявлениям, которые оцениваются как недопустимые в публичных высказываниях и, конечно же, в научном стиле. В более редких случаях употребление диалектизмов является проявлением языкового эстетизма и стремления говорящего к неподражаемости и оригинальности (ср. интервью с писателями и журналистами), для чего в речь вставляются «звучные и образные» народные слова и формы. В особый «жанр» выделяется употребление диалектных слов, реже грамматических форм и синтаксических конструкций и порядка слов в публицистических текстах, причем влияние диалекта особенно явно в отношении лексики и фонетики: *Людето днеска не се лъжат лесно; Тва не става ката ден; Ока, та гърлото дере; Осуква го така и вака; Свето се дзвери; Сака да се плаца токо*⁹.

В социолингвистических исследованиях при описании языковой ситуации, взаимодействия в ней различных языковых моделей, употребления диалектизмов используются такие характеристики, как образовательный ценз, вид профессии и возраст говорящего. Стилистика же указывает на то, что чрезмерное употребление диалектизмов может быть признаком кича и фальши, популизма, желанием продемонстрировать превосходство, популярность, проявлением дурного вкуса и стремления понравиться.

Причины употребления диалектизмов в указанных случаях очевидны, но возможность их описания и определения одновременно с точки зрения исследователя и говорящего весьма сложна, поскольку использование диалектных форм обусловлено различными факторами и бывает мотивировано скорее индивидуальным стилем автора и жанровой спецификой

произведения¹⁰. Й. Радичков, например, так обосновывал свое желание внедрять в текст диалектизмы: «Я из маленького села. В нашем говоре существует мало диалектных слов, но наш способ мышления – диалектный. Он как оркестр, в котором звучит множество инструментов – таков и народный говор. Это как идет человек на двух ногах и вдруг появляется третья... Так я понимаю диалект в спектакле»¹¹.

В публицистических текстах диалектизмы употребляются сознательно и преднамеренно, не имея при этом стилеобразующих функций: они призваны создавать пародийный эффект, что является ответной реакцией на лжеинтеллектуализацию газетной речи и чрезмерное употребление неологизмов и заимствований. Однако, с другой стороны, магия родного диалектного слова, вынутого из локального дискурса и структурированного в книжный контекст, способствует повышению самооценки адресата и адресанта и формирует сознание слияния с народной традицией и культурой, связывает прошлое с настоящим и таким образом помогает повышать языковую культуру общества.

Таким образом, на сегодняшнем этапе развития болгарского литературного языка число диалектных слов и форм, которые могли бы войти в язык и обогатить его лексическую и грамматическую систему, достаточно мало. Сравнительно больше диалектизмов, которые могут употребляться в художественной литературе для достижения определенных авторских задач: создании ярких образов персонажей, при изображении прошлого и настоящего сельского быта, причем количество и вид диалектизмов не зависит от тематики литературного произведения, а обуславливается художественно-эстетическими взглядами автора. Наибольшее число диалектизмов присутствует в разговорном болгарском языке и, особенно, в его социолектах, в том числе в молодежном жаргоне, где диалектные лексемы и формы выполняют стилистические функции, придавая ироническую или пейоративную окраску речи, создавая особый колорит языка молодежи.

Примечания

¹ Венедиктов Г. К. Из наблюдений над соотношением диалектного и книжного в истории современного болгарского литературного языка // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 6. Славянская диалектология и история языка. М., 2005, 295–304.

² Костадинова П. За обществените нагласи в полза на закон за българския език // Закони на / за езика. София, 2004. С. 19 и цитируемая там литература.

³ Там же. С. 27.

⁴ Александрова Т. Проблемът свое – чуждо и дебатът за българския книжовен език през Възраждането // Националният език в условията на чужди влияния и глобализацията. Сборник с доклади от научна конференция с международно участие, посветена на 125-годишнината от рождението на академик Стефан Младенов. София, 2006. С. 3.

⁵ Костадинова П. За обществените нагласи... С. 29.

⁶ Бояджиев Т. Българските диалекти в съвременната езикова ситуация // Български език през ХХ век. София, 2001. С. 21.

⁷ Армянов Г. Жаргонът, без който (не) можем. София, 1989. С. 31.

⁸ Бояджиев Т. Актуализация на диалектното в книжовната реч // Езикознание и методика на езиковото обучение. Шумен, 1998. С. 5–7.

⁹ Там же. С. 7.

¹⁰ Китанова М. Диалектната лексика в сборника «Диви разкази» на Николай Хайтов // Българска реч. Кн. 1. София, 1995. С. 15.

¹¹ См.: газета «Култура», № 27, 1994.

¹² См. также: Бояджиев Т., Радева В., Младенов М. Между диалектното и книжовното. София, 1987; Виденов М. Съвременната българска градска езикова ситуация. София, 1990; Он же. Софийският език. София, 1993; Младенов М., Холиолчев Хр. Етнолингвистична ситуация в България през епохата на социализма // Първи международен конгрес по българистика. Доклади. Т. 2. Етнография и фолклор. София, 1981; Стойков Ст. Българска диалектология / Ред. М. Младенов. София, 1993.

Сведения об авторах

- Аксенова
Елена
Петровна* Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, автор монографий и статей по истории славяноведения XIX–XX вв., исследует также проблемы русского зарубежья.
- Банович-Марковская
Ангелина* Доцент Филологического факультета им. Блаже Конеского Университета им. Свв. Кирилла и Мефодия (Македония, г. Скопье). Сфера научных интересов: современная македонская литература в европейском контексте.
- Белошанкова
Татьяна
Владимировна* Доктор филологических наук, доцент ГАСК, автор более 50 работ (в том числе монографии) по аспектологии и когнитивной лингвистике.
- Будагова
Людмила
Норайровна* Доктор филологических наук, руководитель Центра по изучению истории славянских литератур до 1945 г. Лауреат Премии Чешского литературного фонда, награждена Медалью Философского факультета Карлова университета. Автор более 200 работ по проблематике истории литератур южных и западных славян, литературных связей, поэтики художественных направлений, проблемам модернистских и авангардных течений.
- Глаголев
Владимир
Сергеевич* Доктор философских наук, профессор кафедры философии МГИМО – Университета МИД РФ; член Российского философского общества (РФО) и Российского социологического общества; заместитель председателя Московской организации РФО; в настоящее время преподает общую философию, логику, психологию, этику делового общения, этнопсихологию и психологию управленческих решений; научные интересы связаны с религиоведением, социальной психологией и культурологией.
- Гусева
Анна
Борисовна* Аспирантка Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, занимается вопросами поэтики лирических циклов, на примере русской поэзии и, в первую очередь, творчества А. А. Ахматовой.

- Даскалова
Бонка* Главный ассистент кафедры болгарского языка Департамента языкового обучения Софийского университета. Сфера научных интересов: история и история культуры, лингвистика, методика преподавания иностранного языка.
- Досталь
Марина
Юрьевна* Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, автор двух монографий и двух публикаций документов; исследователь истории славяноведения XIX–XX вв., русско-чешских и русско-словацких связей, истории эмиграции, проблем русистики.
- Дронов
Михаил
Юрьевич* Сотрудник Центра украинистики и белорусистики МГУ, соискатель ИСл РАН, исследователь истории и культуры карпатских русинов. Глава Клуба друзей Карпатской Руси при Русинском землячестве «Карпатская Русь» (Москва), член Всемирной академии русинской культуры.
- Евдокимов
Александр
Юрьевич* Доктор технических наук, кандидат культурологии, академик РАЕН (секция нефти и газа), профессор кафедры естественнонаучных дисциплин ГАСК, автор более 100 трудов по теории и истории культуры, философии.
- Иванова
Неля
Стефанова* Доктор, доцент кафедры славянских языков университета им. Асена Златарова (Болгария, г. Бургас). Сфера научных интересов: литература и методика преподавания славянских языков.
- Искендеров
Петр
Ахметович* Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, исследователь истории Сербии, Албании и международных отношений на Балканах в конце XIX–XX вв.
- Калиганов
Игорь
Иванович* Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, профессор Государственной Академии славянской культуры, декан филологического факультета ГАСК, занимается проблемами болгарской литературы, истории и культуры, русско-болгарских и славянских литературных связей в средние века, а также вопросами болгарского возрождения, современной истории Болгарии. Автор ряда

монографий. Награжден орденом имени Марина Дринова – высшей наградой Болгарской Академии наук, лауреат международной премии Свв. равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия Славянского фонда России и Московской Патриархии.

Карасев

*Александр
Викторович*

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник института Славяноведения РАН, зав. отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время, исследователь истории Сербии и Черногории, международных отношений на Балканах в XIX в.

Климов

*Алексей
Григорьевич*

Кандидат социологических наук, профессор ГАСК, зав. кафедрой социологии и прикладной культурологии ГАСК.

Козак

Криштоф Яцек

Доктор филологии, доцент, зам. декана по международным связям гуманитарного факультета Приморского университета (Словения, г. Копер); литературовед, театральный критик, переводчик. Автор работ, в том числе двух монографий, посвященных современной драме. В центре внимания проблематика традиции трагедии и трагического в современном театре, культуре и обществе, а также словенская драма межвоенного периода и философия драмы.

Косик

*Виктор
Иванович*

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН; занимается балканской проблематикой. Автор работ, в том числе монографий, посвященных истории русской политики в Болгарии, а также истории русской эмиграции на Балканах.

Кулева

*Анна
Сергеевна*

Кандидат наук, научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, член группы Слова-рия языка русской поэзии XX в.

Лабынцев

*Юрий
Андреевич*

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, профессор, академик Государственной академии славянской культуры. Направление исследований: история славянских литератур и культуры, гуманитарная информатика.

- Лаптева
Людмила
Павлона*
- Доктор исторических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, автор около 20 монографий, исследователь истории славяноведения XIX–XX вв., гуситского движения в Чехии, русско-чешских и русско-словацких связей, истории эмиграции и сорабистики.
- Лециловская
Инна
Ивановна*
- Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, исследователь истории и культуры Сербии и Хорватии, русско-балканских связей в конце XVIII–XIX вв. Автор ряда монографий, лауреат Макарьевской премии.
- Макарова
Ирина
Феликсовна*
- Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, исследователь этнокультурной истории болгарского народа, русско-болгарских связей в XVIII–XIX вв.
- Медведева
Ольга
Владимировна*
- Научный сотрудник Института славяноведения РАН, исследователь истории Болгарии и русско-болгарских связей в конце XVIII – XIX вв.
- Мойсова-Чепишевская
Весна*
- Доктор, профессор Филологического факультета им. Блаже Конески Университета им. Свв. Кирилла и Методия (Македония, г. Скопье).
- Свистунова
Мария
Сергеевна*
- Аспирантка Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, работает над темой «Слова категории состояния в поэзии Серебряного века».
- Силантьева
Маргарита
Вениаминовна*
- Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии ГАСК.
- Созина
Юлия
Анатольевна*
- Кандидат филологических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН. В 2000 г. защитила диссертацию на тему: «Словенский роман 1970–1980-х годов (типы героев, автор и герой)». Более 80 публикаций.
- Страховская
Ирина
Глебовна*
- Проректор по научной работе ГАСК, зав. кафедрой естественнонаучных дисциплин, кандидат химических наук, профессор ГАСК, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

- Туфанова
Ольга
Александровна* Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, доцент кафедры литературоведения ГАСК. Автор 20 работ по поэтике и герменевтике памятников XVII в., в том числе монографии.
- Узенева
Елена
Семеновна* Кандидат филологических наук, ученый секретарь Института славяноведения РАН, профессор ГАСК, автор более 100 работ по этнолингвистике, болгаристике, лингвистической гендерологии и карпато-балканской проблематике.
- Фалькович
Светлана
Михайловна* Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, автор свыше 180 научных работ, в том числе трех монографий. Специализируется в области истории, истории культуры и общественной мысли Польши, а также истории российско-польских связей.
- Фатеева
Наталья
Александровна* Доктор филологических наук, руководитель Научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; профессор, зав. кафедрой русского и общего языкознания факультета филологии ГАСК. Автор работ, в том числе трех монографий, по лингвистической поэтике, теории и истории поэтического языка.
- Фролова
Марина
Михайловна* Кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН, исследователь истории Болгарии и русско-болгарских связей в XIX в.
- Цыбенко
Ольга
Васильевна* Кандидат филологических наук, научный сотрудник Центра по изучению современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН; специалист по польской литературе XX–XXI вв.
- Чуркина
Искра
Васильевна* Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, автор ряда монографий, исследует проблемы истории словенского народа и Словении периода Средневековья и Нового времени, много внимания уделяет изучению русско-

словенских связей, также занимается историей сербов, хорватов в Новое время.

*Шестакова
Лариса
Леонидовна*

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, доцент Государственной академии славянской культуры; автор более 150 научных трудов по языку художественной литературы, поэтике, стилистике, общей и писательской лексикографии, культуре речи; является одним из авторов-составителей и ответственным редактором многолетнего труда «Словарь языка русской поэзии XX века».

*Широкова
Людмила
Федоровна*

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра по изучению современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН; специалист по словацкой литературе XX–XXI вв.

Содержание

Приветствие Президента Славянского фонда России Г. В. Боголюбовой	3
I. Болгария и Россия: взаимоотношения в истории и культуре	
<i>Макарова И. Ф.</i> Структура самоидентификации православных болгар в XV – середине XVIII вв.	5
<i>Медведева О. В.</i> Болгарские переселения в Россию в политике российского государства в XVIII – первой трети XIX вв.	20
<i>Калиганов И. И.</i> Болгария и болгары глазами русских в XIX столетии (в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и до нее)	41
<i>Фролова М. М.</i> Болгарская составляющая в деятельности российского консульства в Адрианополе (1856–1866)	63
<i>Карасев А. В.</i> Болгария и Сербия в XIX веке: становление новой государственности и аграрные отношения	77
<i>Косик В. И.</i> О феноменах русофильства и русофобства в Болгарии	83
<i>Искендеров П. А.</i> Россия и сербо-болгарские коллизии	98
<i>Иванова Н. С.</i> Словесное наследие болгарских последователей Льва Толстого	115
II. Из истории славистики	
<i>Аксенова Е. П.</i> К научной биографии А. В. Флоровского	121
<i>Досталь М. Ю.</i> О. М. Бодянский и Украина	135
<i>Липтева Л. П.</i> Русский славист А. Ф. Гильфердинг как исследователь лужицких сербов	151
III. Актуальные проблемы славянского мира	
<i>Чуркина И. В.</i> Влияние религии на формирование южнославянских наций	161
<i>Фалькович С. М.</i> Сущность и формы национального движения (анализ истории Польши и ряда других славянских стран)	198
<i>Дронов М. Ю.</i> Национально-языковая ориентация ордена Святого Василия Великого в Подкарпатской Руси и Восточной Словакии в 1920–1930-х гг.	203
<i>Козак К. Я.</i> Словенская драматургия и процессы глобализации	218
<i>Будагова Л. Н.</i> «Величественное собрание славистов всего мира»	229
IV. Литературоведческие исследования. Язык и текст	
<i>Туфанова О. А.</i> Традиции воинской повести в «Ином сказании» (на примере анализа эпизода осады Новгорода Северского)	237
<i>Банович-Марковская А.</i> Бегство и пограничные субъекты в «Романе о Лондоне» Милоша Црнянского	251
<i>Цыбенко О. В.</i> Гротескно-ироническое изображение комплексов и стереотипов общественного сознания поляков в творчестве Эдварда Редлинского	257

<i>Широкова Л. Ф.</i> Литературные реминисценции в словацкой прозе 1980–1990-х годов (произведения Винцента Шикuly)	266
<i>Созина Ю. А.</i> Автор как психологическое, интеллектуальное и нравственное целое в словенском романе последней трети XX века	286
<i>Мойсова-Четишевская В.</i> Номадизм диаспоры в лучах аквамарина	295
<i>Шестакова Л. Л.</i> Словарь и структурно-семантические особенности стихотворений Н. Языкова о водной стихии	301
<i>Фатеева Н. А.</i> Растворенный прием: между обнажением и маскировкой (О творческой установке Владимира Набокова)	309
<i>Гусева А. Б.</i> Из наблюдений над поэтикой цикла А. Ахматовой «Шиповник цветет»	326
V. Культура славян: векторы взаимодействия	
<i>Даскалова Б.</i> Восточно-православное политическое сотрудничество в XIV веке	333
<i>Лециловская И. И.</i> Хорватская культура в историческом процессе XVII века	349
<i>Лабынцев Ю. А.</i> Возрожденное виленское Свято-Духовское братство (конец XIX – начало XX вв.) и издание народной литературы	386
<i>Страховская И. Г.</i> Две концепции в русской культуре начала XX века	395
<i>Евдокимов А. Ю., Кудрина О. И.</i> К вопросу о возрождении хозяйства православных монастырей	403
<i>Силантьева М. В.</i> Современные «гуманитарные технологии» в контексте российской действительности	407
<i>Глаголев В. С.</i> Духовная культура России перед «вызовами» глобализации	419
<i>Климов А. Г.</i> Историко-культурная интеграция славянского мира: формы и процессы прошлого и настоящего	425
VI. Славянские языки в прошлом и настоящем	
<i>Белошапкова Т. В.</i> Когнитивная лингвистика в России: итоги и перспективы развития	431
<i>Кулева А. С.</i> К вопросу о происхождении усеченных прилагательных в соотношении с историей имени прилагательного	442
<i>Свистунова М. С.</i> Окаzionaliальные использования предикативов с семантикой состояния в поэзии Серебряного века	450
<i>Узенева Е. С.</i> Болгарский язык во времени и пространстве (взаимоотношения литературного языка и диалектов)	459
Сведения об авторах	468

Научное издание

СЛАВЯНСКИЙ МИР В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ
Россия и славянские народы во времени и пространстве

Сборник статей

Москва 2009

Оригинал-макет – *Ю. А. Созина*

Подписано в печать 07.05.2009. Усл. печ. л. 29,75.
Зак. 32. Тираж 500 экз. Формат 60 x 90/16. Печать офсетная.
Отпечатано в ООО «Демидур-Арт» г. Москва.

